

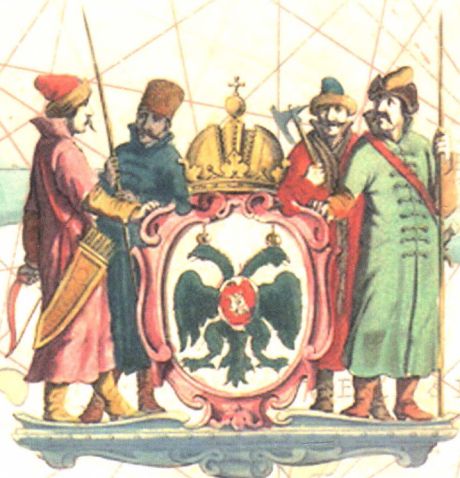
МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЗАПАД

С. М. Каштанов

С. М. Каштанов

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЗАПАД

Историографические очерки

Университет Дмитрия Пожарского

Университет Дмитрия Пожарского
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории

С. М. Каштанов

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЗАПАД

Историографические очерки

МОСКВА
Университет Дмитрия Пожарского
2015

Работа выполнена в рамках проекта Программы
фундаментальных исследований РАН
«Традиции и инновации в истории и культуре»

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук Н. А. Горская
доктор исторических наук, академик РАО С. О. Шмидт

Рецензенты:

доктор исторических наук Л. В. Столярова
доктор исторических наук Т. В. Гимон

Каштанов С. М.

К 31 Московское царство и Запад: Историографические очерки / Ин-т всеобщей истории РАН; отв. ред. д-р ист. наук Н. А. Горская, д-р ист. наук, акад. РАО С. О. Шмидт. — М., Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 472 с., в пер.

ISBN 978-5-91244-138-7

В книге рассматривается развитие историографии феодального иммунитета в России XVIII–XX вв., излагается авторская теория иммунитета как общеевропейского института, характерного для периода Средних веков. Монография дополняется приложениями, где анализируются представления западной историографии XIX–XX вв. о феодализме в России и дается обзор современных концепций эволюции форм труда в Европе XIII–XVIII вв. Отдельные очерки посвящены историографии крестьянства Среднего Поволжья в эпоху феодализма и вопросу о роли крестьянской реформы 1861 г. в развитии тематики и методологии российского источниковедения. В двух очерках содержится разбор русской и французской литературы 60-х годов XX в., касающейся истории феодальной России.

© Каштанов С. М., текст, 2015

© Григоренко М. В., дизайн макета и верстка, 2015

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015

ISBN 978-5-91244-138-7

Содержание

От автора	5
-----------------	---

Часть I

Историография феодального иммунитета в России

<i>Глава 1. Зарождение и развитие представлений о феодальном иммунитете в России (XVIII в. — 80-е годы XIX в.).....</i>	<i>9</i>
<i>Глава 2. Проблема иммунитета в связи с вопросом о феодализме в России (конец XIX — начало XX в.).....</i>	<i>53</i>
<i>Глава 3. Советская историография феодального иммунитета в России (до середины 60-х годов XX в.).....</i>	<i>71</i>

Часть II

Вопросы теории феодального иммунитета

<i>Глава 1. Иммунитет и собственность</i>	<i>141</i>
<i>Глава 2. Иммунитет и так называемое «внеэкономическое принуждение»</i>	<i>169</i>

Приложения

<i>Приложение 1. Влияние крестьянской реформы на развитие источниковедческой мысли в России.....</i>	<i>197</i>
<i>Приложение 2. Крестьянство Среднего Поволжья XVI — середины XIX в. в освещении русской и советской литературы (до 1967 г.)</i>	<i>211</i>
<i>Приложение 3. Историография допетровской Руси Опыт хронологического среза: советская литература 1965–1966 гг.</i>	<i>233</i>

<i>Приложение 4. Эволюция зарубежных представлений о путях исторического развития феодальной России.....</i>	266
<i>Приложение 5. История России IX — начала XX в. в освещении французской историографии 1960–1964 гг.</i>	276
<i>Общий обзор</i>	276
<i>Вопросы социальной истории. Синтез</i>	313
§1. Периодизация истории дореволюционной России ..	313
§2. Вопрос о феодализме в России	315
§3. Вопросы экономического развития России XVII — первой половины XIX в. Проблема генезиса капитализма	320
§4. Вопросы истории государственной власти.....	329
§5. Освещение истории классовой борьбы и национальных движений.....	331
<i>Приложение 6. Формы и эволюция труда в Европе XIII–XVIII вв.: Аналитический обзор докладов и дискуссий на XIII Международной конференции по экономической истории в Прато (2–7 мая 1981 г.)</i>	333
<i>Первый день. Старые и новые формы подневольного труда ...</i>	335
<i>Второй день. Крестьянский и домашний труд</i>	348
<i>Третий день. Цехи и социальная борьба</i>	365
<i>Четвертый день. Наемный труд</i>	401
<i>Пятый день. Автономный труд и свободные профессии ...</i>	427
<i>Шестой день. Круглый стол</i>	431
 <i>Вместо Заключения. О типе Русского государства в XIV–XVI вв.</i>	439
 <i>Принятые сокращения</i>	446
<i>Указатель личных имен (сост. М. М. Леренман)</i>	449

От автора

Основу настоящей работы составляет монографическое исследование историографии и теории феодального иммунитета (части I–II). Наряду с ним в книгу включены в качестве приложения (часть III) ряд историографических очерков, характеризующих развитие источниковедческой и историко-социологической мысли по вопросам, тесно связанным с трактовкой сущности иммунитета, крепостного права и феодализма вообще. В первом из этих очерков делается попытка выяснить влияние крестьянской реформы на тематику и направление источниковедческих исследований в России. Во втором очерке рассматривается дореволюционная и советская историография крестьянства Среднего Поволжья эпохи господства феодальных отношений и крепостного права. В третьем очерке автор анализирует советскую литературу 1965–1966 гг., касающуюся кардинальных проблем социально-экономического развития России в Средние века и раннее Новое время. В четвертом очерке прослеживается эволюция представлений зарубежной историографии о феодализме в России. В пятом очерке содержится систематический разбор французской литературы 1960–1964 гг. по истории дореволюционной России. Наконец, шестой очерк дает представление о современной проблематике исследований по широкому кругу вопросов социально-экономической истории стран Европы XIII–XVIII вв. Заключают работу наши размышления о типе Русского государства XIV–XVI вв. и его соотношении с западными моделями.

Автор выражает сердечную признательность О. Б. Бокаревой, Н. А. Комочеву и П. С. Каштанову за участие в компьютерном наборе текста книги.

Часть I

**ИСТОРИОГРАФИЯ
ФЕОДАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА
В РОССИИ**

Глава 1

Зарождение и развитие представлений о феодальном иммунитете в России

(XVIII в. — 80-е годы XIX в.)

Изучение феодального иммунитета и жалованных грамот как источника по этой теме всегда прямо или косвенно сталкивалось в русской исторической науке с проблемой крепостного права. Данный аспект развития историографии крепостного права до сих пор не был предметом специального исследования, хотя в монографии Л. В. Черепнина имеется параграф, содержащий весьма ценный разбор основных работ, посвященных жалованным грамотам¹. Л. В. Черепнин вскрыл гносеологические основы главнейших концепций феодального иммунитета, дал глубокую критику ряда схем классификации жалованных грамот. Вместе с тем в его задачу не входило последовательное изучение историографии иммунитета в связи с изменениями в общественной жизни России XIX–XX вв.

С большой статьей, посвященной иммунитету на Руси XIV–XV вв., выступил в 1962 г. западногерманский историк Вильгельм Шульц². В историографическом разделе автор анализирует труды дореволюционных и советских исследователей иммунитета³. Отвергая марксистскую трактовку иммунитета, Шульц весьма критически оценивает и русскую историографию XIX — начала XX в., причем всю борьбу мнений он сводит к спору о публичном или частном характере вотчинного и княжеского права.

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 97–111.

² Schulz W. Die Immunität im Nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin (West), 1962. Bd. 8. S. 26–281. (Далее — FOG).

³ Ibid. S. 57–86.

Шульц абстрагируется от истории социально-экономических отношений и политической борьбы XIX–XX вв., вне связи с которой нельзя понять развития историографии. Это и неудивительно: ведь Шульц по существу отрицает поступательное движение русской исторической мысли в области теории иммунитета. Историки группируются им не по хронологии прежде всего, а по принадлежности к числу сторонников концепции публичного или частного права (отсюда такие внеисторические группы, как Градовский — Милюков, Неволин — Павлов-Сильванский). Создается впечатление, что русская историография иммунитета все время топталась на месте, не двигаясь вперед с двух раз навсегда занятых взаимопротивоположных позиций.

Задачей настоящей работы является изучение развития исторических взглядов на иммунитет в России. В данной главе рассмотрение историографии доводится до середины 80-х годов XIX в.

В русской исторической литературе тема жалованных грамот с давних пор занимает видное место. Интерес к ней обусловлен богатейшим историко-юридическим содержанием жалованных грамот. Они предоставляют исследователю широкую возможность заняться рассмотрением таких ведущих исторических проблем, как феодальная собственность на землю, взаимоотношения между феодалами и крестьянами, роль государства в этих взаимоотношениях и т. д. Самое превращение в начале XIX в. жалованных грамот в предмет научных изысканий и публикаций определялось вызреванием и оформлением буржуазной историографии, которая довольно быстро приобрела ярко выраженный юридический характер. Без изучения актовых источников и прежде всего жалованных грамот как документов с наиболее разветвленной системой правовых норм представители этой историографии уже не видели достаточно свободного пути для движения вперед. Вместе с тем, подобно всякой общей тенденции, введение в научный оборот актовых материалов находило подчас проявление в деятельности лиц, не имевших сознательной цели дать дорогу новой тенденции и ставивших перед собой более частные, иногда узкокорпоративные цели. Так, на протяжении XIX — начала XX в. жалованные грамоты неоднократно издавались церковно-монастырскими иерархами, стремившимися показать особо милостивое отношение к их корпорациям древних князей и царей.

Проекты и отдельные реформы М. М. Сперанского, вызвавшие против себя реакцию части дворянства, способствовали оживлению юридической мысли. Созданная в мае 1811 г. Комиссия печатания государственных грамот и договоров приступила к публикации духовных и договорных грамот великих и удельных князей, а также других документов общегосударственного значения. С 1811 г. в издании «История Российской иерархии»

Амвросия Орнатского начали печататься княжеские и царские жалованные грамоты (из архивов северных монастырей)⁴.

Источники, изданные Амвросием, а также отдельные неопубликованные грамоты из монастырских архивов позволили С. Г. Салареву дать самые общие, очень краткие, неточные и сбивчивые сведения о жалованных грамотах. Его обзор русских грамот, вышедший в начале 1819 г.⁵, носил еще примитивный, главным образом информационный характер. Но автор энергично подчеркивал актуальность изучения грамот: «Для объяснения некоторых мест истории нашей знание грамот необходимо»⁶. Определения разновидностей жалованных грамот («тарханные», «несудимые», «льготные»), взятые автором из законодательных источников (Судебника 1550 г., Стоглава), толковались в его обзоре весьма произвольно⁷. Однако попытка Саларева причислить «тарханные» грамоты к категории «несудимых» основана, как думается, не только на недоразумении. «Тарханные» грамоты, фиксировавшие бессрочные податные привилегии в большинстве случаев одновременно с судебным иммунитетом, в обстановке господства крепостного права вполне могли приниматься за «несудимые». Экономическая действительность России первой половины XIX в. давала наглядные доказательства того, что «привилегии», которые землевладельцы получали по жалованным грамотам, на практике представляют собой обычное право помещиков. Поэтому более существенной частью жалованных грамот казался их несудимый раздел, где строго определялся объем сеньориальной юрисдикции. Саларев указал мимоходом, что несудимые грамоты выдавались и в странах Западной Европы, хотя сколько-нибудь подробного сравнения русских иммунитетных актов с западными он не производил⁸.

Запрещение публично обсуждать крестьянский вопрос (1818–1858 гг.) затормозило изучение феодального иммунитета, однако уже с 40-х годов

⁴ *Амвросий*. История российской иерархии. М., 1811. Ч. III; 1812, Ч. IV; 1815. Ч. VI. (Далее – *Амвросий*). Некоторые грамоты, опубликованные Амвросием, сохранились в копиях XIX в. в архиве А. Ф. Малиновского: РГАДА. Ф. 197 (А. Ф. Малиновский). Портфель II. № 58 (ср.: *Амвросий*. Ч. III. С. 136–144. № I), № 59 (ср.: *Амвросий*. Ч. IV. С. 704–706. № I); Портфель III. № 5. (ср.: *Амвросий*. Ч. IV. С. 706–711. № II), № 6 (ср.: *Амвросий*. Ч. III. С. 283–286. Б/н). Текстуальное сличение показывает, что грамоты печатались с копий, хранящихся в портфелях Малиновского. Возможно, публикаторская работа Амвросия находилась в какой-то связи с деятельностью А. Ф. Малиновского, игравшего руководящую роль в Комиссии печатания государственных грамот и договоров.

⁵ Саларев [С. Г.] Описание разного рода российских грамот // Вестник Европы. 1819. Февр., № 4; Март, № 5.

⁶ Там же. Март, № 5. С. 44.

⁷ Вестник Европы. 1819. Февр., № 4. С. 285–287.

⁸ Там же. С. 288, примеч. 43.

под сенью этого запрета разгорелась борьба между дворянским и буржуазным пониманием природы привилегий, закрепленных в жалованных грамотах. В 30–40-х годах XIX в. тезис о неизбежности помещичьего землевладения и крепостного права вошел в официальную правительственную доктрину А. С. Уварова (1832 г.). Вместе с тем тогда же правительство настойчиво стремилось использовать достигнутый уровень развития юридической мысли для укрепления пошатнувшегося положения класса феодалов и феодального государства. Кодификационные работы, публикация законов и других правовых материалов служили этой цели. Намечившаяся тенденция дала возможность некоторым прогрессивным историкам и археографам (в том числе П. М. Строеву) поставить работу по изданию исторических источников (главным образом летописных и актовых) на более широкую ногу, введя ее в рамки деятельности официального учреждения — вновь созданной императорской Археографической комиссии⁹. Акты Археографической экспедиции, напечатанные на весьма высоком для того времени археографическом уровне¹⁰, давали исследователям богатейший материал по истории политики и права, но материал, конечно, иллюстративный, случайный, что, с одной стороны, соответствовало самому принципу иллюстративности в юридическом методе буржуазной историографии, а с другой стороны, отражало трудности сбора источников при слабой централизации архивного дела и сосредоточении многих документов в руках монастырей и частных лиц. Такой же характер носило издание «Актов исторических» (1841 г.). В 1836 г. Досифей опубликовал целый ряд жалованных грамот XVI–XVII вв. Соловецкому монастырю¹¹. Сразу по основании Губернских ведомостей в 1837 г. в их «неофициальной части» (или «добавлениях») стали издаваться отдельные жалованные грамоты. Регесты значительного числа иммунитетных грамот составил А. Х. Востоков в своем знаменитом описании рукописей Румянцевского музея (1842 г.).

Несмотря на то, что публикации 30-х — начала 40-х годов создали благоприятные условия для изучения феодального иммунитета, специального исследования проблемы иммунитета в это время не велось, поднимались лишь отдельные связанные с ней вопросы, причем оставались в тени самые существенные стороны сеньориальной власти феодалов — получение податей и вотчинная юстиция. К проблеме иммунитета подходили окольным путем, начиная с обсуждения сравнительно

⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. I–IV.

¹⁰ Критический разбор ААЭ дал впоследствии Н. П. Павлов-Сильванский (см.: Павлов-Сильванский Н. П. Погрешности актов Археографической экспедиции // ЛЗАК. 1904. СПб., 1907. Вып. XVI).

¹¹ Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. III.

второстепенного вопроса — о происхождении права феодала взимать таможенные пошлины в пределах своего владения. Ю. А. Гагемейстер верно подметил, что материальной базой этого права служила земельная собственность¹². У него нет типичных для позднейшей историографии попыток рассматривать феодальное право сбора таможенных пошлин в качестве результата княжеского пожалования. Вывод Гагемейстера довольно точно согласовался с правительственной концепцией, трактовавшей крупное феодальное землевладение и вытекавшие из него права как институты, не допускавшие посягательства на них со стороны центральной власти, а, следовательно, издревле независимые от нее. В. В. Григорьев, выступивший с доказательством подлинности ханских ярлыков русским митрополитам, указывал, что привилегии, зафиксированные в ярлыках, не могли быть вымышленными, ибо духовные корпорации «действительно пользовались ими издревле, так и долгое время после свержения монгольского ига»¹³. При этом он допускал возможность отмены или ограничения привилегий ханами, а впоследствии князьями¹⁴. Автор неправомерно отрицал политические мотивы выдачи ярлыков и объяснял их происхождение веротерпимостью монгольских ханов¹⁵. Таким образом, в его концепции иммунитет выступает как обычное право церкви, лишь подтвержденное в ярлыках. Взгляды Ю. А. Гагемейстера и В. В. Григорьева фактически нашли поддержку в работе К. А. Неволлина, который писал: «Господин для своих слуг, владелец земель для людей, на них поселенных, были по древним нашим законам природными судьями...»¹⁶. Право сеньориального суда церкви было, согласно Неволлину, только «подтверждаемо (курсив мой. — С. К.) ханскими ярлыками»¹⁷. Тезис о том, что иммунитетные привилегии возникли независимо от публичной власти, имел в условиях разложения феодально-крепостнической системы определенный классовый смысл. По существу он вполне отвечал интересам широких кругов дворянства, давая историческое обоснование их стремлению сохранить в неприкосновенности свои земельные богатства и связанные с ними вотчинные права. Появление этой концепции стало объективно возможным

¹² Гагемейстер Ю. А. Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С. 44–45, 77.

¹³ Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 77–78, 109.

¹⁵ Там же. С. 32–53.

¹⁶ Неволлин К. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб., 1847. С. 202.

¹⁷ Там же. С. 204.

благодаря определенной эволюции дворянской земельной собственности в XVIII — начале XIX в. Еще в первой половине XVIII в. сохранялись живые воспоминания об условном характере дворянской собственности, о связи ее с государевым пожалованием. Посошков призывал к активному вмешательству государства в отношения между помещиком и крепостным. И позднее идеологи абсолютизма пытались представить помещиков не столько собственниками, сколько уполномоченными правительства — чиновниками, полицейскими, попечителями крестьян (Павел I, В. Н. Каразин и др.)¹⁸. Однако манифест о вольности дворянства 1762 г., жалованная грамота дворянству 1785 г. юридически оформили фактическое превращение дворянского землевладения в чистую частную собственность, не обусловленную службой государству. Эта буржуизация земельной собственности, сопровождавшаяся ростом частной (рабовладельческой) собственности на работника производства, позволила взглянуть и на иммунитетные права дворянства как на продукт частного права, расценить их в качестве частной собственности, а не политического института, созданного царским пожалованием.

В самом конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. открыто заявила о себе и другая концепция. В исследовании, посвященном истории внутренних таможенных пошлин в России (1850 г.), Е. Осокин, полемизируя с Ю. А. Гагемейстером, полностью отрывал право феодалов на сбор таможенных пошлин от земельной собственности¹⁹. Мнение Осокина подверглось критике со стороны И. Д. Беляева, который поддержал концепцию Гагемейстера и убедительно использовал одну грамоту 1596 г. для доказательства того, что право сбора таможенных пошлин (мыта, мостовщины, перевозов) обуславливалось земельной собственностью²⁰. Несмотря на всю заурядность монографии Осокина, спор между ним и Беляевым был не частным случаем, а началом борьбы двух направлений в легальной русской историографии. По методу изучения истории оба эти течения представляются формами буржуазной историографии, однако, если точка зрения Гагемейстера — Неволлина — Беляева давала оружие в руки феодалов-землевладельцев, то концепция Осокина, наоборот, вырывала его у них и целиком подчинялась классовым устремлениям буржуазии.

Выступление идеологов буржуазии против выразителей концепций, выгодных земельному дворянству, имело под собой широкую социальную основу. К 50-м годам XIX в. классовая борьба крестьянства за ликвидацию

¹⁸ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. I. С. 7, 74–75, 371–372.

¹⁹ *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 25–29.

²⁰ *Москвитянин.* 1850. Ноябрь, кн. 2, отд. IV. С. 59–61.

феодального строя приобрела огромный размах. Она оказала чрезвычайно сильное влияние на буржуазную историографию, способствовала ее активизации. Учитывая расстановку классовых сил в стране, представители буржуазной общественной мысли стали пытаться всячески ослабить идеологические основы крепостного права. Иммунитетные права и привилегии дворянства, действительно базировавшиеся на земельной собственности, начали изображаться независимыми от этой основы, не связанными с ней. Многие источники, и прежде всего жалованные грамоты, как будто вполне позволяли сказать, что феодалы обязаны своими иммунитетными правами центральной власти, правительству, которое делегировало им часть своих государственных полномочий. Буржуазная историография выступила, таким образом, с культом центрального правительства. Дело тут объясняется, конечно, не только буквальным трактовкой жалованных грамот буржуазными историками. Это было, скорее, следствием, а не причиной абсолютизации государства.

Сущность вопроса состояла в том, что буржуазная историография накануне реформы не могла обойтись без культа правительства. С одной стороны, правительство рассматривалось ею как единственный возможный реформатор общественного строя, способный решить крестьянский вопрос путем лишения дворян их земель и иммунитета. Поэтому-то буржуазная историография стремилась доказать полную зависимость феодалов от правительства и отсутствие прочных корней феодального иммунитета в объективных факторах (феодальной собственности на землю). С другой стороны, в обстановке развернувшейся классовой борьбы народных масс идеологи русской буржуазии не видели другой представительницы «порядка» в стране, кроме самодержавно-полицейской власти царского правительства. Это также послужило важной социальной причиной абсолютизации государства в буржуазной историографии предреформенного периода.

В 50-х годах появилась уже целая плеяда историков, чьи труды проникнуты отмеченной тенденцией. Прежде всего, внутренние противоречия, из которых фактически родилась уступка вновь возникавшей концепции, обнаружились в очередной книге самого К. А. Неволлина, вышедшей в 1851 г. и посвященной истории русского гражданского права. Здесь Неволлин впервые в русской историографии широко поставил вопрос о роли жалованных грамот и характере зафиксированных в них юридических норм. Он высказал верное предположение, что жалованными грамотами «был только подтверждаем, как исключение, тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам собою по общему правилу», «... В древнейшие времена права вотчинника были не теснее, а напротив

еще обширнее, чем были во времена позднейшие»²¹. Неволин совершенно правильно рассматривал выдачу вотчинникам несудимых грамот в качестве средства ограничения их феодальной автономии²². Но его уступка новой концепции наиболее явно выразилась в том, что он находил возможным говорить об «уничтожении» судебной власти феодалов по мере окончательного укрепления государственной власти, т.е. при создании централизованного государства²³. Это допущение, проскользнувшее уже у В.В. Григорьева, имело свои политические и гносеологические корни. С политической точки зрения такая трактовка вопроса служила делу примирения старой и новой концепций на основе признания определяющей роли государственной власти для развития иммунитета.

Гносеологической базой схемы Неволлина было идеалистическое понимание исторического процесса, умение анализировать явления только в политической плоскости, без учета экономических факторов как ведущих двигателей истории. Неволин изучал эволюцию «вотчинного права» в отрыве от социально-экономических отношений феодального строя. Он не показал источника власти феодала, которым являлась феодальная форма земельной собственности. Неволин совершенно игнорировал вопрос об экономическом господстве феодалов — получении податей, вытекавшем непосредственно из отношений собственности, и сосредоточил свое внимание лишь на политических правах феодалов, которые исследовались им вне связи с основой феодализма и экономической властью феодалов.

Историю судебного иммунитета Неволин рассматривал с точки зрения развития феодального государства. Отмеченные выше правильные суждения Неволлина строились не на научном понимании структуры феодального общества, а на представлении о слабости публичной власти в раннефеодальную эпоху. Он так и объяснял свою мысль: «При слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином»²⁴. Сделав вывод, что централизованное государство уничтожило судебный иммунитет, Неволин впал в видимое противоречие не только с историческими фактами, но и с фактами окружавшей его действительности. Судебные права помещиков в отношении крестьян были хорошо известны самому автору. Чтобы ликвидировать это противоречие, он приводил следующее рассуждение: «Хотя владельцы населенных имений были естественными судьями своих крепостных в их делах между собою, но право суда в этом случае было совершенно отлично

²¹ Неволин К. История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 2. С. 149.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 149.

от принадлежавшего прежде вотчинникам права судить людей свободных, живших в вотчинных землях»²⁵.

На самом деле коренного различия между судом феодала в раннефеодальную эпоху и вотчинным судом периода позднего феодализма нет. И в том, и в другом случае крестьянин выступает как лично несвободный в силу феодальной формы земельной собственности. Говоря о судебных полномочиях феодалов во времена позднего феодализма, Неволину пришлось назвать землевладельцев «естественными судьями» и на этом закончить объяснения. Характерные для схемы Неволлина тенденции — показ иммунитетных привилегий феодалов в отрыве от феодальной собственности на землю и попытка обусловить их степень полноты государственной власти — по существу ослабляли позиции сторонников дворянской теории иммунитета. Во всяком случае, Неволлин не выдвинул на передний план их важнейший аргумент (земельную собственность), ограничившись ссылками на «естественные», обычные права вотчинников.

Буржуазно-дворянская теория обычного права вотчинников, несомненно, перекликалась со взглядами представителей естественноисторической школы в области изучения литературных памятников, особенно летописных и переводных (И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, А. Н. Пыпин). Середина 40-х — середина 50-х годов XIX в. — кульминационный момент развития естественноисторической школы. К началу крестьянской реформы ее идеи были почти совершенно вытеснены из русской историографии. Для естественноисторической школы типично стремление отыскивать корни того или иного явления не во внешних факторах, а в естественных потребностях людей и самостийно возникших порядках. Историкам этого направления было несвойственно усматривать первоисточники древних обычаев в иностранных влияниях и в правотворчестве государства. Такая позиция позволила естественноисторической школе внести большой вклад в отечественную науку.

Однако главная слабость естественноисторической школы, определившая крах последней накануне реформы, заключалась в ее попытке совершенно абстрагироваться от рассмотрения человеческого общества как социально неоднородного, разделенного на классы²⁶. Желание обойти проблему классовых и даже политических противоречий феодального строя, объяснение всех явлений человеческими потребностями вообще — все это показывает крайне незрелый характер буржуазного гуманизма данного течения, которое своим полным затушевыванием социальных конфликтов в древнерусском обществе в значительной мере служило интересам

²⁵ Там же. С. 150–151.

²⁶ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 576, 585.

земельного дворянства. Определение вотчинных порядков в качестве обычного или «естественного» права феодалов отражало в условиях господства крепостнической системы классовую ограниченность и политическую тенденциозность авторов. Маркс указывал, что «обычные права благородных по своему содержанию восстают против формы всеобщего закона... они являются *обычным бесправием*»²⁷.

Если у Неволина уступка новой теории делалась в скрытой форме, а в основном он защищал старую точку зрения, то уже в трудах двух крупнейших буржуазных историков середины XIX в. — С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина — была дана совсем иная постановка вопроса о жалованных грамотах. В четвертом томе своей «Истории России», изданном в 1854 г., Соловьев исследовал главным образом льготные грамоты. Он первый более или менее широко обоснован взгляд на жалованные грамоты как на документы, содержащие реальные льготы. В оценке льготных грамот Соловьев исходил из предположения, что колонизационный процесс являлся важнейшим фактором исторического развития русского народа в Средние века. Историю Руси XIV–XV вв. С.М. Соловьев считал историей «страны, которая колонизируется». «Населить как можно скорее, перезвать отовсюду людей на пустые места, приманить всякого рода льготами... — вот важные вопросы колонизирующейся страны». Отсюда, по его мнению, «легко понять происхождение... льготных грамот, жалуемых землевладельцам, населителям земель»²⁸.

Соловьев дал чисто юридический разбор вотчинных прав, зафиксированных в грамотах, без выяснения первоисточников этих прав²⁹. Строго говоря, концепция Соловьева не была до конца четкой, так как оставалось гадать, считает ли автор государственную власть, носители которой выдавали льготные грамоты, творцом иммунитета, или он видит в ней просто силу, расширявшую иммунитет. В последнем предположении сомневаться не приходится: в отличие от Неволина, рассматривавшего иммунитетные акты как средство ограничения вотчинных прав, Соловьев представлял их в виде документов, увеличивающих объем иммунитета. Крайне важно признание автором выдающейся роли государства в создании зависимых отношений между вотчинниками и крестьянами: согласно схеме Соловьева, без помощи государства, без льгот с его стороны земельные собственники не смогли бы населить свои вотчины. В середине 50-х годов XIX в. этот вывод отвечал политическим интересам буржуазии, а не дворянства. Таким

²⁷ Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья третья) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 126.

²⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II. С. 648.

²⁹ Там же. С. 493, 535–539, 601–602 и др.

образом, своей трактовкой льготных грамот Соловьев расчистил дорогу для представителей государственной школы. Он еще не сформулировал вполне определенно, что именно льготные грамоты создавали весь комплекс иммунитетных привилегий, однако самим ходом рассуждений автора читатель подводился к этому выводу.

В обстановке борьбы за ликвидацию крепостного права проблема жалованных грамот нашла отклик у идеологов русской революционной демократии. Н. Г. Чернышевский, опубликовавший в том же 1854 г. рецензию на четвертый том «Истории» Соловьева, уделил этой проблеме особое внимание. Он резко выступил против идеализации феодального государства, содержащейся в книге Соловьева. Поставив под сомнение тезис Соловьева насчет исключительной заботы государства о заселении территории, Чернышевский дал замечательное по своей глубине объяснение политических мотивов выдачи льготных грамот: «Скорее давались они для того, чтобы привязать к себе, удержать волость от принятия в князя соперника, нежели с тем, чтобы привлечь новое население. Об этом думали гораздо меньше»³⁰.

Таким образом, хотя Н. Г. Чернышевский и не остановился в своей статье на экономической обусловленности содержания жалованных грамот, он сумел глубже современных ему и последующих буржуазных историков понять политический смысл предоставления льготных грамот в период феодальной раздробленности: они являлись важным средством борьбы князей за расширение территории княжеств. Только в советской исторической науке эта мысль Н. Г. Чернышевского нашла развитие и подтверждение (Л. В. Черепнин ярко показал роль жалованных грамот в деле централизации России). Трактовка Чернышевского была глубоко научной и потому, что ею фактически отрицалась возможность создания иммунитета при посредстве льготных грамот — князьями, государством. В русской дореволюционной историографии точка зрения Чернышевского осталась одинокой, хотя она открывала чрезвычайно широкие перспективы для исследования политической истории России. Буржуазная историография не могла и не хотела принять ее, так как подобный взгляд на жалованные грамоты, во-первых, не соответствовал классовым и политическим задачам идеологов русской буржуазии, а во-вторых, он находился в противоречии с абстрактно-юридическим методом буржуазной историографии, предполагая необходимость конкретно-исторического подхода к выяснению причин выдачи каждой исследуемой грамоты.

Книга Соловьева дала толчок для дальнейшей абсолютизации роли государства в деле создания иммунитета. В 1855 г. Е. Осокин напечатал

³⁰ Чернышевский Н. Г. ПСС. М., 1949. Т. II. С. 401.

свой полемический ответ на рецензию И. Д. Беляева, где отрицал всякую связь между земельной собственностью, с одной стороны, административным и на этот раз даже податным иммунитетом — с другой. «Было бы произвольно и неосновательно предполагать, — писал он, — что право взимания торговых пошлин, даже прямых податей, соединялось с правом на поземельную собственность»³¹.

По пути, проложенному Соловьевым, пошел Б. Н. Чичерин, который, критикуя родовую теорию Соловьева, углубил абсолютизацию государства, имевшуюся в трудах Соловьева. Чичерин не понял специфики общественных отношений феодального строя. Рисуя отношения между феодалом и крестьянами по образцу отношений буржуазной аренды³² и считая крестьян (до XVI в.) свободными³³, Чичерин вместе с тем представлял отношения между феодалом и холопами как отношения рабовладельческого строя³⁴.

Таким образом, средневековый экономический уклад Руси в его изображении выступал в виде некоторой комбинации рабовладельческой и буржуазной общественных структур.

Чичерин противопоставлял порядки эпохи феодальной раздробленности как проявление господства частного права крепостничеству XVIII–XIX вв. как форме служения государству³⁵. Все развитие производственных отношений в феодальной деревне с удельных времен до середины XIX в. трактовалось им с точки зрения взаимной смены частных и государственных отношений: частное право до XVI в., система повинностей до Екатерины II (всеобщее закрепощение сословий), раскрепощение дворянства при Екатерине («награда за долговременное служение отечеству») и предстоявшая отмена крепостного права («вековые повинности должны заместиться свободными обязательствами») ³⁶. Таким образом, в схеме Чичерина был заложен известный элемент «отрицания отрицания»: от частных отношений средневековой Руси (без государства) через закрепощение сословий государством к частным отношениям нового времени (в рамках государства). Но Чичерин не видел *качественного* отличия «частных»

³¹ Осокин Е. Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник Дм. Мейера. Казань, 1855. С. 555.

³² «Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владение землею (курсив мой. — С. К.), а в этом состояла его сила. Но при бродячем духе народонаселения удержать их было невозможно» (Чичерин Б. Н. Холопы и крестьяне в России до XVI века // Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 176).

³³ Чичерин Б. Н. Опыты... С. 158, 175 и др.

³⁴ Там же. С. 164–165, 176 и др.

³⁵ Там же. С. 164, примеч.; 229–230.

³⁶ Там же. С. 231.

отношений удельной Руси от «частных» отношений буржуазного типа³⁷. Единственным критерием оценки их особенностей служил для него факт наличия или отсутствия централизованной государственной власти.

Отрицая наличие «государства» до XVI в., Чичерин вместе с тем сумел уловить элемент общности между князем и вотчинником как представителями власти по отношению к крестьянам, хотя самую власть он считал частным правом: «... Каждая вотчина представляла собою маленькое княжество, точно так же, как княжество было не что иное, как большая вотчина. В обоих господствовали одни и те же начала — начала частного владения. Все, что составляет насущную потребность общества, с этой точки зрения превращалось в частную собственность, рассматривалось как доходная статья»³⁸. Чичерин прямо признавал княжескую власть источником вотчинной юстиции. Суд, по его мнению, «отчуждался в частные руки жалованными грамотами частным лицам и монастырям». Право вотчинного суда, утверждал Чичерин, — «особенная милость князя»³⁹.

Выдачу грамот духовным учреждениям Чичерин объяснял также и благочестивыми мотивами⁴⁰. При этом роль феодальной собственности на землю как источника иммунитета сводилась им к нулю при помощи тезиса о кочевом духе народонаселения в удельное время⁴¹. Правильно считая, что вотчинная власть не являлась формой выполнения общественной службы, Чичерин вообще отрицал наличие элементов публичного права в сеньориальной юрисдикции: «... В удельный период в вотчинной Руси суд имел характер не общественной должности, а частной собственности», его отчуждение князьями было «не государственною мерою», «а подарком князя вследствие расположения его к известному лицу»⁴². Грамотчиков,

³⁷ Правда, он указывал, что «землевладелец был не столько хозяин, сколько князь своей вотчины; цель его состояла не в экономическом устройстве имения, а в сохранении вотчинных прав, которые вовсе не имели хозяйственного характера...» (Чичерин Б. Н. Опыты... С. 219).

³⁸ Чичерин Б. Н. Опыты... С. 217.

³⁹ Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России. М., 1856. С. 19, 31.

⁴⁰ Чичерин Б. Н. Опыты... С. 179–180, 210.

⁴¹ Анализируя грамоту 1450 г. митрополита Ионы Андрею Афанасьеву, автор замечает: «Здесь видно стремление к образованию такого же иерархического порядка землевладельцев, как в феодальном мире на Западе. Духовное лицо, монастырь получают от князя земли, а вместе с тем и соединенные с ними права и льготы (курсив здесь и далее в этой цитате мой. — С. К.), сами же они в свою очередь передают эти права и льготы людям, которые поселяются на их земле и через это делаются от них зависимыми. Но у нас вследствие всеобщего разъединения и кочевания этот порядок никогда не мог получить такой определенности, как на Западе...» (Чичерин Б. Н. Опыты... С. 182).

⁴² Чичерин Б. Н. Областные учреждения... С. 19–20; ср.: С. 23; Он же. Опыты... С. 179–180.

по мнению автора, интересовало не само право суда, а доходы от судопроизводства⁴³. Эта модернизация Чичериным общественных отношений феодального строя отражает не только ограниченность его представления об иммунитетных правах в средневековой Руси, но и определенную политическую тенденциозность в их интерпретации. Русская действительность 50-х годов XIX в. была одной из причин, позволявших настаивать на частном характере сеньориальной власти феодалов.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что именно те отношения, которые сам Чичерин считал «не частным укреплением лица за лицом, а властью, врученной правительством одному сословию, и обязанностями, наложенными на другие»⁴⁴, обусловили его концепцию «частного» характера средневековых порядков.

Крепостничество конца XVIII — середины XIX в. приобрело, как известно, много черт рабовладения, что способствовало резкому увеличению элементов частного права во всех вотчинных институтах и потере ими в значительной степени облика учреждений, как-то сочетающих в себе частноправовые и публично-правовые функции. С усилением частного элемента в юрисдикции и других политических правах феодалов феодализм становился несколько более понятным представителям буржуазной общественной мысли, которые начали рассматривать его в свете категорий буржуазной политэкономии и юриспруденции, неслучайно пользуясь при этом формулами рабовладельческого римского права, оперировавшего нормами «чистой» частной собственности. Параллельное развитие буржуазных отношений было основой этого процесса. Но если сначала буржуазные юристы только удовлетворяли запросы крепостников⁴⁵, то по мере роста классовой борьбы народных масс за ликвидацию феодализма модернизация сущности феодальных отношений превратилась в способ критики их. В самом деле, утверждая, что феодальная юстиция и прочие политические права феодалов не есть общественная функция, буржуазная историография подводила читателя к выводу о ненужности феодалов как организаторов народной жизни в раскрепощенном обществе.

⁴³ Чичерин Б. Н. Областные учреждения... С. 17; Он же. Опыты... С. 211, 216.

⁴⁴ Чичерин Б. Н. Опыты... С. 164, примеч.

⁴⁵ Отмечая характерное для позднего феодализма стремление феодалов превратить крестьян в крепостных, а общинную землю — в господскую, Энгельс писал: «В этом князьям и дворянам помогали юристы, изучившие римское право, которые своим применением норм римского права к германским отношениям, большей частью не понятным ими, сумели создать безграничную путаницу, и притом такую, что благодаря ей господин всегда был в выигрыше, а крестьянин постоянно в проигрыше» (Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 340).

Итак, новые буржуазные теории начали трактовать жалованные грамоты, а через них — государственную власть, в качестве источника иммунитетных привилегий. Они отрывали иммунитет от феодальной собственности на землю. Эти взгляды искажали подлинное положение вещей, к пониманию которого ближе были историки, проводившие точку зрения, выгодную земельному дворянству. Однако появление указанных буржуазных концепций имело и определенное положительное значение. Во-первых, они наносили удар по теории неизбежности и законности крепостного права. Во-вторых, признание жалованных грамот основой вотчинных привилегий дало мощный толчок для их исследования в юридическом плане. Выразители старой концепции, считая, что жалованные грамоты только подтверждали или ограничивали реальные права, по существу не интересовались ими как историческими памятниками. Новые теоретики, резко преувеличив и исказив действительную роль жалованных грамот, не могли не поставить на очередь дня задачу их подробнейшего изучения, ибо жалованные грамоты были теперь объявлены единственным источником всех сеньориальных прав.

Конец 50-х — 60-е годы XIX в. явились самым насыщенным этапом изучения жалованных грамот в русской историографии, причем, в рамках данного периода активнее всего жалованные грамоты исследовались в 1858–1863 гг. Это объясняется тем, что ни до, ни после рассматриваемого отрезка времени проблема сеньориальной власти вообще и крепостного права в частности не была предметом столь острых политических споров, никогда в другие периоды русской истории столкновение классовых интересов на почве борьбы за отмену феодальных податных и судебных привилегий не носило столь широкого, всеобщего характера. В годы революционной ситуации (1859–1861) в центре внимания буржуазной историографии находилась не публикация, а источниковедческий анализ жалованных грамот. В первой половине XIX в. не существовало гармонического единства между печатанием иммунитетных грамот и их исследованием. В условиях, когда социально-экономическое развитие России и рост внутренних потребностей исторической науки выдвинули изучение жалованных грамот на передний план, исследовательская работа по этой теме не могла быть сколько-нибудь широко развернута в силу официального запрещения обсуждать крестьянский вопрос.

Буржуазная историография прибегла тогда к языку самих источников (написанных от лица носителей верховной власти — князей и царей), т. е. начала в довольно крупных масштабах издавать жалованные и указные иммунитетные грамоты (30–40-е годы XIX в.). В конце 40-х — 50-х годах XIX в., несмотря на сохранение старого запрета, в обстановке назревания революционной ситуации источниковедческая мысль работала гораздо

интенсивнее, чем раньше, а темпы накопления сырого материала (публикация иммунитетных грамот), несколько снизились в центре⁴⁶, хотя издательская деятельность на местах продолжала развиваться. В годы революционной ситуации эта тенденция раскрылась до конца.

Более того, в 60-х годах была теоретически обоснована необязательность дальнейшей публикации жалованных грамот. По мнению писавшего в это время А. Н. Горбунова, новые материалы не смогли бы ничего прибавить к тому, что стало известно из напечатанных образцов. Грамотами, напечатанными в провинциальных изданиях, ведущие историки почти не пользовались как вследствие недостаточной осведомленности об этих изданиях, так и в силу специфической особенности буржуазной историографии, которая главным в исследовании жалованных грамот считала юридический анализ, а потому часто обходилась «известными образцами», не стремясь привлечь к изучению жалованные грамоты во всей их совокупности.

Охарактеризованное положение вещей объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, публикации первой половины XIX в. создали достаточно солидную базу для исследования жалованных грамот. Документы, таким образом, имелись, а специальных источниковедческих работ на данную тему не существовало. Само развитие исторической науки требовало отвлечься от накопления сырого материала и заняться его осмыслением. Во-вторых, политическое положение в годы революционной ситуации было таково, что язык источников казался уже слишком невнятным ответом на вставшие вопросы современности. Чувствовалась нужда в остром слове исследователя. В-третьих, буржуазная историография не выдвигала проблему изучения политических причин возникновения каждой конкретной группы жалованных грамот.

Буржуазные исследователи ограничивали свою задачу выяснением юридической основы феодальных привилегий, т. е. вопроса, наиболее актуального (из всей проблематики жалованных грамот) в период революционной ситуации. Как в силу этого момента, так и вследствие юридического характера буржуазной историографии вообще, буржуазное источниковедение конца 50-х — начала 60-х годов интересовалось лишь описанием правовых норм, зарегистрированных в жалованных грамотах. Кроме того, развитие самих правовых норм жалованных грамот также мало занимало буржуазную историографию середины XIX в., метафизическую в основе своей и сконцентрировавшую свое внимание на решении общего вопроса об источниках сеньориальной власти.

⁴⁶ Из крупных изданий можно назвать только: ДАИ. СПб., 1846. Т. I; АЮБ. СПб., 1857. Т. I.

Подобный подход к жалованным грамотам действительно позволял удовлетвориться «известными образцами» и не предполагал введения в научный оборот всего комплекса исследуемых актов. Некоторое ослабление источниковедческого исследования жалованных грамот после 1861 г., обусловленное уменьшением актуальности этой темы в связи с законодательным оформлением отмены сеньориальной власти феодалов, сопровождалось известным оживлением публикаторской деятельности⁴⁷.

В годы революционной ситуации выделилось три направления в области исследования жалованных грамот. Первое представлено трудами, в которых делались попытки соединить или примирить старую теорию обычного права землевладельцев с новой буржуазной концепцией в разных ее вариантах. В 1859 г. вышла в свет книга Ф. М. Дмитриева о судебных инстанциях 1497–1775 гг. Одной из тем, затронутых автором, являлись судебные привилегии феодалов-землевладельцев. Ф. М. Дмитриев глухо заметил, что «вотчинниковы и помещичьи крестьяне судились своим вотчинником или помещиком на основании землевладельческого права»⁴⁸. Этим он в какой-то степени солидаризировался с теоретиками обычного права. Однако дальше Дмитриев целиком вставал на точку зрения Чичерина. Говоря о судебных привилегиях вообще, он утверждал: «... Все дело основывалось на одной милости»⁴⁹. «Драгоценное право не подлежать местной расправе» давалось, по словам автора, жалованными грамотами⁵⁰.

Характеризуя вотчинный суд монастырей и церкви, Дмитриев вслед за Чичериным рассматривал его только как источник дохода (судебных пошлин), «как облегчение в повинностях»⁵¹. В другом месте автор мотивировал выдачу несудимых грамот злоупотреблениями наместников и их агентов. «Недостатки древней администрации, которая была иногда чрезвычайно обременительна для лиц подвластных, — писал он, — повели к многочисленным исключениям из области подсудности»⁵².

Если в книге Дмитриева старая и новая концепции соединялись чисто механически, а в основном автор поддерживал новую теорию (Б. Н. Чичерина), то в монографии В. А. Милютина компромиссная тенденция

⁴⁷ Наиболее значительные публикации: АЮБ. СПб., 1864. Т. II; Сборник П. Муханова. М., 1866. Вып. II; Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871. Прил.

⁴⁸ Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 101.

⁴⁹ Там же. С. 103.

⁵⁰ Там же. С. 91.

⁵¹ Там же. С. 101. Ср. с. 73, 92, 100.

⁵² Там же. С. 91.

получила логическое обоснование. Исследование Милютина «О недвижимых имуществах духовенства в России» начало печататься в 1859 г.⁵³ Жалованным грамотам автор посвятил специальную главу⁵⁴. Милютин впервые дал систематическое и подробное изложение основных юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, отметил составные части жалованных грамот XIV–XVII вв., рассмотрел разные формы подтверждения грамот. В этой же работе Милютин поместил главу, где описывалась внутренняя жизнь монастырских вотчин, — сбор податей с крестьян, организация суда над ними⁵⁵.

Автор, разумеется, не ставил перед собой цели путем такого двустороннего показа реально существовавших вотчинных порядков и их юридического оформления в жалованных грамотах прийти к каким-либо выводам относительно природы монастырского иммунитета. Двусторонняя характеристика получилась у Милютина стихийно — в силу его стремления описать наиболее полно землевладение и права духовных корпораций. Хотя автор и говорит о тесной взаимосвязи «явлений юридических» с явлениями «хозяйственными»⁵⁶, органического единства между отмеченными двумя главами нет. Основой финансовых и судебных привилегий церковно-монастырских корпораций Милютин считал жалованные грамоты. Не случайно разбор жалованных грамот предшествует у него анализу внутренних порядков, царивших в монастырских вотчинах.

Пытаясь выяснить «общие» причины выдачи жалованных грамот, Милютин апеллировал к теории обычного права⁵⁷. Однако, отмечая

⁵³ См.: Чтения ОИДР. 1859. Кн. IV; 1860. Кн. III; 1861. Кн. I–II. Далее даются ссылки на издание 1862 г. Работа эта была написана до 1855 г. (в 1855 г. В. А. Милютин погиб), но для нас важна ее роль в качестве печатного произведения.

⁵⁴ Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. Гл. V. С. 165–272.

⁵⁵ Там же. Гл. VI.

⁵⁶ Там же. С. 273.

⁵⁷ Выдача грамот обуславливалась, по мнению Милютина, двумя главными факторами: во-первых, тенденцией «всех элементов тогдашнего общества» к корпоративности, во-вторых, «страдательным положением тогдашней законодательной власти, которая, при господстве обычая, служившего первоначально важнейшим источником права, не иначе могла обнаруживать свою деятельность, как только признанием юридических начал, образовавшихся независимо от нее, или же установлением в пользу известных, определенных лиц частных, специальных изъятий из общего, имевшего силу закона, обычая». Установление привилегий, продолжал далее Милютин, составляло «естественный и необходимый переход от господства обычного права к самостоятельности законодательной власти» (Милютин В. Указ. соч. С. 195). В. Шульц несправедливо относит Милютина к числу тех, кто понимал привилегии исключительно как княжеские пожалования (Schulz W. Op. cit. S. 72 u. Anm. 71–72).

в декларативной форме всеобщий характер привилегий, утвердившихся в силу «обычного права», Милютин не распространял это положение на иммунитет духовных корпораций. Вотчинную власть монастырей и церкви Милютин рассматривал как результат пожалований со стороны княжеских и царских правительств, отрывая ее от феодальной собственности па землю. В предоставлении духовным учреждениям иммунитетных прав Милютин видел «обычай», который «получил начало свое в Греции». Основными причинами, побуждавшими носителей верховной власти к выдаче грамот монастырям, Милютин считал «любовь к вере» и «желание окончательно обеспечить содержание и благосостояние духовного сословия»⁵⁸. Конкретный разбор жалованных грамот дан Милютиным в метафизическом духе. Выводя средние нормы иммунитета XIV–XVII вв., автор совершенно не показал развития экономической и политической власти феодалов.

Рост компромиссных настроений в буржуазной историографии периода революционной ситуации объясняется ее страхом перед развернувшимся в стране народным движением. Попытка совместить признание исконности землевладельческих и иммунитетных прав светских феодалов с показом решающей роли государства в деле создания феодальных привилегий имела определенный классовый смысл. Она должна была привести к выводу о том, что помещичьи права — это древняя «частная собственность», которая требует уважения к себе и не может попираться всеми и каждым: только государство располагает правом ее ликвидировать. Чисто буржуазная модернизация феодального строя в чичеринском духе в сочетании с подчеркиванием обычных прав землевладельцев оказалась удобным средством оправдания намеченной правительством реформы, причем именно в том виде, в каком она была задумана и впоследствии осуществлена на практике — буржуазной по содержанию, крепостнической по форме.

Логический прием, допускавший это, строго говоря, эклектическое смешение теорий, состоял в довольно искусственном противопоставлении землевладения светских лиц землевладению духовных учреждений. Наиболее ясно указанные формы землевладения противопоставлялись в монографии Милютина. Гносеологически такое противопоставление было возможно вследствие крайне ограниченного понимания буржуазной историографией природы обычного права «благородных». Обычное право связывалось только с отсутствием или слабостью государственной власти в древности. Вместе с тем, определенная экономическая структура, порождавшая «обычные права» феодалов, игнорировалась.

⁵⁸ Милютин В. Указ. соч. С. 165, 193–194, 220.

Конечно, при такой методологии не представляло особенного труда отыскать принципиальную разницу между светским и духовным землевладением и объявить одно основанным на обычном праве, другое — на княжеской милости. Впрочем, историки, писавшие в 40-х годах, отличились здесь большей наблюдательностью. У Неволлина, например, нет указанного противопоставления (он отмечал, что судебные права духовенства «подтверждались» ханскими ярлыками). Значит, безусловно, на углубление идеалистической концепции иммунитета в конце 50-х — начале 60-х годов повлияла политическая обстановка в стране. Правоведы типа Милютина и Дмитриева заняли двойственную позицию. Признавая обычные права вотчинников и помещиков, они в центре исследования поставили все же государственную власть в роли создательницы иммунитетных привилегий, но сместили плоскость, в которой изучалась эта проблема, так, чтобы речь шла о политически менее острых вопросах, а к ним в середине XIX в. и принадлежала тема церковно-монастырского феодального землевладения, ликвидированного еще в XVIII в.

Исследование монастырских жалованных грамот стимулировалось, кроме того, их численным преобладанием над грамотами светским лицам и бóльшим проникновением в печать. Однако само по себе это обстоятельство мало что объясняет. Для середины XIX в. как раз показательно отсутствие ясно выраженного стремления отыскивать и широко публиковать жалованные грамоты светским феодалам. Не случайно издания 60-х — начала 70-х годов вводили в научный оборот почти исключительно церковно-монастырские грамоты, чего нельзя сказать про «Акты Археографической экспедиции» и «Акты исторические», напечатанные в 30-х — начале 40-х годов.

Второе течение в историографии жалованных грамот, наметившееся в годы революционной ситуации, выросло из тех же тенденций, которые были источником уже рассмотренного первого направления. Только здесь все носило более последовательный характер. Исследователи второго направления совершенно не затрагивали проблему светского иммунитета, поэтому обходились как без концепции обычного права, так и без схемы Чичерина. Вообще второе течение отмечено упадком теоретической мысли. В центре его внимания находилась государственная власть, милостиво наделявшая привилегиями духовных феодалов. Во втором течении еще яснее, чем в книге Милютина, проявилось стремление буржуазной историографии показать церковь и государство в ореоле тесного единения и бескорыстной взаимной любви. Эта дополнительная черта историографии конца 50-х — 60-х годов понятна в свете острой классовой борьбы периода подготовки и проведения реформы.

Буржуазная историография проповедовала союз церкви и государства, так как видела, что без достаточного идеологического нажима со

стороны церкви государству трудно будет справиться с народным движением и осуществить реформу в том урезанном виде, какой ей придавали на практике помещики. Таким образом, в трудах историков второго направления для утверждения культа государства избиралась наиболее идеалистическая и вместе с тем претенциозная основа. Во время подготовки реформы начал печатать свою монографию самый видный представитель этого течения А. Н. Горбунов. Издание его исследования растянулось на 10 лет (с 1860 до 1869 г.)⁵⁹. Работа Горбунова явилась первым специальным научным трудом, целиком и полностью посвященным изучению жалованных грамот. Автор проанализировал свыше 200 опубликованных жалованных грамот XIII–XV вв. монастырям и церквям. По теме, трактовке церковно-монастырского иммунитета и методу исследования источников работа Горбунова близка к сочинению Милютина.

В представлении Горбунова иммунитет не был институтом определенной исторической эпохи. Приобретение привилегий духовными корпорациями Горбунов, подобно Милютину, считал византийским «обычаем», занесенным на Русь. До монгольского нашествия, — рассуждал автор, — единственным «основанием» предоставления церкви материальных преимуществ было благочестие князей. Со «времен монголов» появились и другие «основания»: во-первых, пример самих монголов, во-вторых, «желание заселить порожние земли... и получить с них скорее незначительный доход, чем не получить никакого» (модификация посылки С. М. Соловьева), в-третьих, стремление князей «к обузданию... варварских понятий», по которым князья были «вольны» по отношению к монастырям: хотели жаловали их, хотели — грабили⁶⁰.

Горбунов в наиболее откровенной форме развил идеалистический взгляд на феодальный иммунитет. Он усматривал источник феодального иммунитета в княжеском «благочестии», в княжеской «милости». Анализ содержания жалованных грамот носит у Горбунова такой же метафизический характер, как и в сочинении Милютина: автор дает свод юридических норм, зафиксированных в жалованных грамотах, и представляет его в виде чего-то застывшего, неизменного. Устанавливая «средние» нормы иммунитета XIII–XV вв., Горбунов не мог показать развития правового содержания жалованных грамот⁶¹. Печатью излишнего схематизма отмечена и предложенная Горбуновым первая в русской историографии

⁵⁹ Горбунов А. Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII–XIV и XV веках // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I; СПб., 1863. Кн. V; СПб., 1869. Кн. VI.

⁶⁰ Горбунов А. Н. Указ. соч. // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I. С. 6–9.

⁶¹ Подробную и обоснованную критику классификационной схемы Горбунова дал Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 98–99).

развернутая классификация жалованных грамот. Достоинство ее состоит в том, что она в известной мере принимала во внимание деление жалованных грамот на акты, предоставляющие земельные пожалования, и акты, закрепляющие разного рода финансовые и судебные привилегии⁶².

Тематически и методологически к исследованию Горбунова примыкает вышедшая в конце изучаемого периода работа М. И. Горчакова, целью которой было доказать существование в древней Руси обоюдного уважения и согласия между представителями духовной и светской власти при верховенстве последней⁶³. Не случайно автор занялся изучением именно митрополичьего (а также патриаршего и синодального) землевладения. Его интересовал союз государства с главой церковной организации в России, т. е. тема, актуальная политически в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. Феодальные привилегии духовных корпораций автор считал милостью князей, обусловленной необходимостью оградить церковно-монастырские вотчины от корыстолюбия и незаконных действий местных властей.

Льготы, по мнению Горчакова, распространялись не на все земли митрополии, а лишь на «отдельные участки». Прекращение действия грамоты приводило к тому, что прежде льготные земли «входили снова в те общие отношения к государству, из которых они были изъяты грамотою». Таким образом, жалованная грамота фигурировала в схеме Горчакова в роли создательницы иммунитета⁶⁴.

Большой интерес представляет третье течение в историографии жалованных грамот периода революционной ситуации 1859–1861 гг. Накануне отмены крепостного права проблема вотчинной власти феодалов была животрепещущим вопросом, к решению которого весьма своеобразно подошел один из видных теоретиков славянофильства К. С. Аксаков. В основе его концепции лежала мысль о господстве общинного начала в средневековой Руси. Аксаков отрицал факт существования феодальной собственности на землю: «Значение вотчинников не было значение собственников»⁶⁵. Вотчинник, по мнению Аксакова, являлся не господином, а должностным лицом, чем-то вроде наместника: «Вотчинник имел государственное значение и потому не был господином, барином. Он был похож на тех мужей, которым в первой древности раздавали города в управление, даже на князей удельных»⁶⁶. В соответствии с этим взглядом К. С. Аксаков рассматривал все податные и судебные привилегии вотчинников как кормления, полученные ими от князей.

⁶² Горбунов А. Н. Указ. соч. // АИПС-2. СПб., 1860. Кн. I. С. 6–7.

⁶³ Горчаков М. Указ. соч. С. 250, 253, 258; ср. выше, примеч. 47.

⁶⁴ Там же. С. 251–254.

⁶⁵ Аксаков К. О состоянии крестьян в древней России // Соч. М., 1861. Т. I. С. 415.

⁶⁶ Там же. С. 416; ср. с. 417, 421.

Свою точку зрения Аксаков изложил совершенно конкретно: «Есть выражение: *с судом и с данью*. Очевидно, что вотчинник судил крестьян и людей своих не своим произвольным, но установленным государственным судом и брал за суд определенные пошлыны, в чем состояла выгода вотчинника»⁶⁷. Но раз вотчинник не был барином, собственником, значит, крестьяне являлись свободными людьми. Разобрав многие жалованные грамоты, изданные в «Актах Археографической экспедиции» и в «Актах исторических», Аксаков кратко резюмировал: «Видно из актов, что крепостные деревни имели все права свободных»⁶⁸. Государство же в схеме Аксакова выступало в роли надклассовой силы. В итоге получалась, таким образом, иллюзия полной гармонии интересов государства и народа. Концепция Аксакова содержала в себе самое последовательное и прямолинейное отрицание факта наличия феодализма в древней Руси: отрицалась, во-первых, феодальная собственность на землю, во-вторых, экономическая и политическая власть феодалов в качестве атрибута феодальной формы земельной собственности. Использование жалованных грамот славянофилом Аксаковым имело ярко выраженную политическую заостренность⁶⁹.

Внешне концепции Чичерина и Аксакова представляли собой две взаимоисключающие крайности⁷⁰. Если Чичерин сводил феодальный иммунитет к частному праву, то Аксаков рассматривал иммунитетные привилегии лишь как проявление публичного права. Феодальные порядки модернизировались Чичериным по образцу чисто буржуазных отношений, теория же Аксакова идеализировала феодальный строй, изображая его свободным от частной собственности. Схема Аксакова возникла в качестве реакции на классовую борьбу крестьянства в условиях, когда отмена крепостного права стала исторически неизбежной. Между взглядами Аксакова и буржуазной теорией Чичерина было значительное внутреннее единство: культ государства, признание лишь его правомочным органом для осуществления реформы, точка зрения относительно важности для феодалов сеньориального суда только как доходной статьи, кормления. Вместе с тем, если Чичерин, отвергая тезис о публичном характере власти феодала в период «свободы» крестьян, подводил читателя к выводу, что в условиях «свободы» помещики не нужны в качестве организаторов

⁶⁷ Там же. С. 416.

⁶⁸ Там же. С. 418; ср. с. 419–494.

⁶⁹ Об этом см.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 661; ср. с. 583.

⁷⁰ О споре Чичерина со славянофилами по крестьянскому вопросу см.: Морозов И. Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии (спор 1856 г. о сельской общине в России) // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. I. С. 130–162.

народной жизни, то Аксаков своей теорией публичных функций помещика поднимал авторитет феодального сеньора, изображал его необходимым должностным лицом, а ренту и судебные пошлины — вознаграждением за исполнение общественной службы. Таким образом, по Аксакову, помещик должен был стать центральной фигурой в политической жизни пореформенного периода, руководителем и попечителем освобожденных крестьян. Создание дворянского института мировых посредников Аксаков поэтому вполне мог бы рассматривать как непосредственный вывод из его теории.

С теорией Аксакова совпадает в главных чертах концепция другого славянофила — И. Д. Беляева, выступившего в 1859 г. с известной монографией о крестьянах. Беляев считал русских крестьян равноправным классом общества вплоть до I ревизии и последующих законов Петра III и Екатерины II⁷¹. Признавая их гражданскую свободу, «полную собственность на землю»⁷², Беляев по существу отрицал наличие феодальной собственности на землю. В отличие от статьи 1850 г., где автор связывал вотчинные права на сбор пошлин с землевладением, в монографии 1859 г. привилегии, даваемые по жалованным грамотам, рассматривались как «исключение», не составлявшее общего правила⁷³. Источник свободы крестьян Беляев, в противоположность Чичерину, видел в их прямой связи с государством. Когда же в XVIII в. помещик стал ответственен за крестьян в податном отношении, с крестьянина «спали государственные непосредственные обязанности, а с тем вместе он утратил и все права как член государства», возникло «страшное разобщение крестьянина с государством, между им и государством стал господин»⁷⁴, манифест о вольности дворянства, порвав последнюю связь крестьян с государством, превратил их в полную частную собственность⁷⁵.

Считая определяющим в положении крестьян отношение их к государству, Беляев, естественно, не мог оценить иммунитет как форму феодального господства. По его мнению, право вотчинного суда и расправы второй половины XVII — начала XVIII в. «нисколько не уничтожало гражданской личности крестьян»⁷⁶, «самим крестьянам суд владельца был не противен»⁷⁷. В основе этой концепции лежало представление о феодале как наместнике, агенте княжеской власти, опекуне — представление, наиболее четко сформулированное Аксаковым.

⁷¹ Беляев И. Крестьяне на Руси. 2-е изд. М., 1879. С. 71 и др.

⁷² Там же. С. 79.

⁷³ Там же. С. 43.

⁷⁴ Там же. С. 239.

⁷⁵ Там же. С. 283.

⁷⁶ Там же. С. 228.

⁷⁷ Там же. С. 225.

После реформы 1861 г. в рамках той общей схемы, которую выработала буржуазная историография во второй половине 50-х годов, мы не наблюдаем обилия новых вариантов теории иммунитета. Принципиально новой и плодотворной была лишь вскользь брошенная И. Е. Андреевским мысль о влиянии возникавшей крестьянской крепости на выдачу несудимых грамот. Андреевский не являлся сторонником старой теории автогенного происхождения иммунитета, он рассматривал наместничье управление как первичное по сравнению с привилегиями, как «общий закон и правило», которые постепенно (уже с XIV–XV вв.) подкапывались «частным законом, привилегией». В этом проявилась его принадлежность к государственной школе. Но причины предоставления жалованных грамот Андреевский освещал иначе, чем историки конца 50-х годов. Указывая главные «основания», вызвавшие появление жалованных грамот, он писал: «Начавшие уже поселяться элементы крепости, начала фактической зависимости земледельцев от владельца земли, на которой они сидели, давали повод такому владельцу, вначале только приближенному к князю, а потом и каждому, который мог дойти до князя, просить об освобождении его земли и всех людей, ее населявших, от наместника... На этом же основании родился обычай, при пожаловании кого-нибудь землею, давать ему вместе с тем и освобождение от наместника»⁷⁸. «Общее правило наместничьего управления делается мало-помалу исключением и приводит к необходимости заменить его началом новым, которое бы более соответствовало новому порядку вещей», — говорит несколько выше автор⁷⁹. Значит, «частные законы», привилегии, создали «новый порядок вещей».

Подобные взгляды получают развитие только в 80-х годах, особенно в работах Сергеевича, впоследствии у Дьяконова. В 60-х же годах точку зрения Андреевского критиковал А. Д. Градовский с позиций славянофильской концепции. В 60-х годах под влиянием той крепостнической формы, в которую вылилось освобождение крестьян, в буржуазной историографии возобладала схема Аксакова. Наоборот, концепция Чичерина начала подвергаться критике. У Градовского наблюдается попытка примирить крайности мировоззрений Аксакова и Чичерина. Градовский не отрицал существования собственности землевладельцев на землю, но он отрывал от нее вытекавшие из феодальной структуры землевладения права.

Главная задача Градовского заключалась в попытке доказать ненужность революций в России в силу коренного отличия ее истории от истории стран Западной Европы. Идеалом государственной жизни Градовский считал непосредственные отношения между государством и народом.

⁷⁸ Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 32.

⁷⁹ Там же.

В феодальной Европе таких отношений не было, так как между королем и народом стояло феодальное баронство, обладавшее реальной властью в провинции. Поэтому идея государственного единения была на Западе революционной идеей — без революции, т.е. без ликвидации власти местных феодалов, там нельзя было добиться приближения народа к центральной власти. В Московской же Руси земельные собственники не приобрели значения местной власти, здесь господствовало земское начало и самоуправление, существовала близость народа к правительству. Революция, значит, России не нужна: достаточно вернуться к прежнему земскому духу, а после раскрепощения сословий это получается само собой; сословное деление, бывшее результатом временного закрепощения сословий, теперь теряет свой смысл, открывается дорога к бессословному обществу⁸⁰. Таким образом, Градовский шел в русле идей буржуазно-помещичьего либерального земского реформаторства 60-х годов. Какими же аргументами доказывал он отсутствие политической власти у русских средневековых землевладельцев?

Градовский механически разделял права феодала по отношению к крестьянам на две группы: 1) экономические права, вытекавшие из земельных отношений (оброк и т.п.), которые не давали владельцу никакой политической власти⁸¹; 2) привилегии, жаловавшиеся грамотами в порядке исключения, которые носили характер кормления, не связанного с самим правом земельной собственности⁸². Таким образом, отношения буржуазной аренды, с одной стороны, система государственного кормления — с другой, — вот картина социально-политических отношений в русской деревне удельного времени по Градовскому. Появление жалованных грамот Градовский объяснял, во-первых, кормовым значением привилегий, во-вторых, желанием ограничить власть наместников⁸³. С созданием централизованного государства, по мнению Градовского, роль феодалов как органов местной власти совершенно упала⁸⁴. Концепция иммунитета, развитая Градовским, была направлена против теории автогенного иммунитета Неволлина, отчасти против взглядов Чичерина и Андреевского. В основе его теории иммунитета лежала схема Аксакова.

Русские сознательные и стихийные последователи Аксакова не случайно увлеклись именно в 60-х годах теориями немецких буржуазных правоведов — Г.-Ф. Пухты, Р. Иеринга, К. Ф. Эйхгорна и др. Крепостнические

⁸⁰ Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. С. 23, 29, 131, 381–384 и др.

⁸¹ Там же. С. 12, 23, 131.

⁸² Там же. С. 21, 25, 26, 122.

⁸³ Там же. С. 26–27.

⁸⁴ Там же. С. 28.

пережитки в России и Германии в обстановке довольно активной политической борьбы за буржуазные реформы порождала там и здесь весьма близкие по своей природе попытки противопоставить политической борьбе различные формы идеологии, якобы отстаивавшей «...интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии»⁸⁵. Схемы перечисленных немецких историков-правоведов как раз и строились на философской абстракции, ведшей исследователей к полному самоустранению от анализа социальной сущности юридических порядков прошлого.

Концепции Пухты, Иеринга и Эйхгорна послужили теоретической базой для вышедшей в 1869 г. работы Н. Л. Дювернуа об источниках права и суде в древней Руси. Дювернуа примирял теорию обычного права, толкуемого в духе немецкого идеализма, с культом государственной власти. Он утверждал, что сущность обычного права объясняется выдвинутым Пухтой тезисом — «не из действий рождаются убеждения, а из убеждений действия»⁸⁶. Такая трактовка требовала считать само обычное право продуктом абстрактно взятого человеческого разума, т. е. в конечном счете результатом государственного правотворчества⁸⁷. Работа Дювернуа показала возможность органического сосуществования концепций Аксакова и клерикалов типа Горбунова и др. Дювернуа возражал против выдвинутого Чичериным отождествления политических прав феодалов с частной собственностью и вслед за Аксаковым рассматривал землевладельца как княжеского наместника. Вместе с тем Дювернуа целиком поддерживал развитое Чичериным положение о том, что иммунитет — личная милость князя: «Жалованные грамоты имеют характер в высшей степени случайный и обуславливаются чаще всего личной милостью»⁸⁸. В качестве мотивов

⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 452.

⁸⁶ Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 5.

⁸⁷ У Пухты это правотворчество представлено в виде отражения народного мнения. Говоря, что обычное право есть убеждение всего народа, Пухта рассматривал законодателя как выразителя правового сознания народа в целом (*Puchta G. F. Das Gewohnheitsrecht. Erlangen, 1828. Th. 1. S. 145*). Таким образом, в государственном законодательстве Пухта видел осуществление воли не господствующих классов, а всего народа, он отождествлял законодательство с народным правосознанием. В. И. Сергеевич справедливо писал, что теория Пухты «не может быть... названа действительно исторической» (*Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 79*). Сергеевич тонко подметил сходство концепции славянофилов с теорией Пухты: «Славянофильское воззрение на народ как на хранилище народной правды стоит в самой тесной связи с этой немецкой теорией» (Там же).

⁸⁸ Дювернуа Н. Указ соч. С. 262; ср. С. 263, 350.

выдачи жалованных грамот Дювернуа называл уже отмечавшиеся Милютиным и Горбуновым основания: во-первых, благочестивые цели, во-вторых, стремление «увеличить количество податных сил».

Итак, изучение жалованных грамот в период революционной ситуации имело актуальное политическое значение. Именно тогда появились первые специальные труды (Горбунова, Милютина, Аксакова), целиком или в значительной своей части посвященные жалованным грамотам. Работы, вышедшие на рубеже 60-х и 70-х годов (Дювернуа, Горчакова), уже не представляли собой систематических обзоров правового содержания жалованных грамот⁸⁹.

Рост интереса к жалованным грамотам в годы революционной ситуации и спад его с 1862–1863 гг. находятся в связи с аналогичными явлениями в других отделах русской дипломатики. Так, 1861 г. оказался кульминационным моментом увлечения ханскими ярлыками, после которого они специально не изучались вплоть до XX в. Ханские ярлыки ярко отражали систему феодальных прав и привилегий. Но не только этим привлекали они внимание буржуазных источниковедов. Крепостное право XIX в. в какой-то мере ассоциировалось с порабощением народа иностранцами⁹⁰, поэтому исследование ханских ярлыков накануне отмены крепостного права было не менее актуальным, чем изучение жалованных или губных грамот⁹¹. А. А. Бобровников, издавший свою работу в 1861 г., связал вопрос о ярлыках с вопросом о так называемых монгольских подписях на русских актах. Он пришел к выводу, что эти подписи были сделаны не монгольскими чиновниками, а митрополичьими дьяками. С установлением этого факта, заключал Бобровников, «падает и вся теория о контроле ханских чиновников над нашими внутренними и частными делами»⁹².

⁸⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 662.

⁹⁰ Русские крепостники особенно напоминали иностранных господ своим противопоставлением себя народу — одеждой, широким употреблением французского языка и др. — противопоставлением, которое усиливалось по мере того, как крепостничество приобретало (с XVIII в.) отдельные черты рабовладения. Имитация характерной особенности рабства (национального различия рабовладельца и раба, не дававшего «равенства» их даже «перед Богом») было возможно только в условиях загнивания феодального строя.

⁹¹ Губные грамоты, как и судебные акты, впервые обратили на себя серьезное внимание в период расцвета классовой борьбы крестьянства в 40-х годах XIX в. В годы революционной ситуации изучались не только грамоты, дававшие пример организации борьбы с «разбойниками» (губные), но и устанавливавшие обычные отношения власти и населения (уставные наместничьи), что крайне интересовало буржуазных правоведов в связи с намечавшимися в результате отмены крепостного права переменах в сторону усиления функций государственной власти на местах (см. Очерки истории исторической науки. Т. II. С. 664).

⁹² Бобровников А. А. О монгольских подписях на русских актах (письмо к В. В. Вельяминову-Зернову) // Изв. имп. Археологического общества. СПб., 1861. Т. III. С. 24.

Категорический вывод Бобровникова относительно свободы России от татарского ига явно перекликался с заявлениями Аксакова о свободе крестьян от крепостного права в древней Руси. Буржуазная историография периода революционной ситуации упорно искала свободу в прошлом, чтобы обосновать необходимость освобождения в настоящем. Сходные тенденции проявились и в дипломатике частных актов⁹³. Н. В. Калачов, публикуя и анализируя четыре порядных грамоты конца XVII в., стремился, подобно Аксакову, обосновать мысль о существовании известной свободы крестьян⁹⁴. После реформы изучение частных актов надолго заглохло (до 90-х годов XIX в.).

Подготовка реформы повлияла и на понимание национального аспекта проблемы происхождения иммунитета. Возникла трактовка иммунитета как обычая, привнесенного из-за границы (Милютин, Горбунов). Годы революционной ситуации характеризуются расширением кругозора русской историографии. Поиски новых путей развития страны заставляли серьезно оглянуться на историю и пример других государств. С правдоподобными теориями естественноисторической школы, доказывавшей самобытное происхождение русских институтов, было в основном покончено. Реформа развеяла в какой-то мере представление об исключительно самобытном пути развития России. Стали отыскивать все с большей и большей тщательностью общие моменты истории западных стран и Руси. В связи с увлечением иностранной историей, иностранными источниками и попытками рассмотреть судьбу России в свете мировой истории появилось новое преувеличение роли переводных византийских и западных сочинений, а также иностранных обычаев на Руси⁹⁵. Это отрицательно сказалось на трактовке происхождения иммунитета, однако имело и некоторое положительное значение: русский иммунитет был, наконец, назван словом «иммунитет» (в работах 1869–1871 гг. — Н. Дювернуа⁹⁶ и М. Горчакова⁹⁷) и данным определением ставился в ряд аналогичных явлений, известных истории других стран.

Интересен развивавшийся в конце 50–60-х годов тезис об исключительном, случайном характере выдачи жалованных грамот и обусловленности ее лишь милостью князей. Здесь был совершенно искажен подлинный смысл выдачи жалованных грамот. Вместе с тем из рассматриваемого

⁹³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 665–667.

⁹⁴ Там же. С. 666.

⁹⁵ Там же. С. 585–586.

⁹⁶ Дювернуа Н. Указ. соч. С. 261.

⁹⁷ М. Горчаков глухо заметил, что по ханским ярлыкам митрополиты приобретали «*jus immunitatis*», т. е. право иммунитета (Горчаков М. Указ. соч. С. 250).

тезиса мог быть сделан один правильный вывод: жалованные грамоты играли политическую роль, устанавливая определенные отношения между правительством и влиятельными феодалами. Конечно, еще Неволин расценивал выдачу жалованных грамот как ограничительную *политику* княжеских правительств. Однако у него была намечена лишь самая общая причина предоставления иммунитетных актов. В историографии же изучаемого периода предполагались априори каждый раз особые причины выдачи жалованных грамот, хотя понимались они крайне идеалистически и на деле совершенно не исследовались, оставаясь тоже общей фразой.

Подспудное угадывание более конкретного политического значения жалованных грамот связано с общей перестройкой русского источниковедения в годы революционной ситуации. Преувеличение роли государственной власти породило большее внимание к ее политике, чаще стали говорить о политических причинах возникновения отдельных памятников. Это особенно заметно обнаружилось в историографии летописей. Если в 50-х годах И. И. Срезневский и М. И. Сухомлинов считали, что летописи создавались просто из потребности помнить, ради чистой истины, то уже Н. И. Костомаров в 1862 г. подчеркивал политические мотивы составления летописей⁹⁸.

Коснемся, наконец, методики изучения жалованных грамот в конце 50-х — начале 70-х годов. Наряду с обычным иллюстративным методом, проявившимся в трудах Аксакова, Дювернуа, Горчакова, в источниковедение жалованных грамот проник метод «сводных текстов», который был основан в 40-х годах XIX в.⁹⁹, а затем получил широкое распространение, повлияв на источниковедение не только юридических¹⁰⁰, но и литературных¹⁰¹ памятников. Сводные нормы иммунитета выводились в специальных трудах, посвященных жалованным грамотам (Милютин, Горбунов).

⁹⁸ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. С. 576–577.

⁹⁹ Калачов Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846; Ерлыков В. Сличенный текст всех доселе напечатанных губных грамот XVI и XVII века. М., 1846.

¹⁰⁰ Высоцкий Ф. Уставные, судные и губные грамоты. СПб., 1860; Загоскин Н. Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Казань, 1875. Вып. I; Казань, 1876. Вып. II; Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства, М., 1895; Сомов Л. Опыт систематического изложения материала уставных грамот, определяющих порядок местного правительственного управления в Московском государстве: Работа из семинария проф. М. В. Довнар-Запольского. Киев; Пг., 1914; Сводный текст крестьянских порядных XVI века / сост. слушательницами С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1910.

¹⁰¹ Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи Л. И. Лейбовичем. СПб., 1876. Вып. I: Повесть временных лет; ср. также условное разделение сочинений митрополита Даниила на искусственные группы в книге В. Жмакина (Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881).

Сводные тексты представляли собой определенный, усовершенствованный тип иллюстративности в источниковедении. Они давали обобщение юридических норм, но обобщали статьи разновременных памятников, не показывая их развития. Подобные приемы анализа источников — типичная черта буржуазной историографии.

Критикуя одного из наиболее видных представителей немецкой исторической школы — Г. Маурера, Энгельс указывал на «остатки» у него «юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании *развития*»¹⁰². Отмеченная Энгельсом «привычка» Маурера «приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и вперемежку»¹⁰³ характеризует подавляющую массу буржуазных историков XIX в. Юридическая школа, развивавшаяся очень интенсивно в середине XIX в., была большим шагом вперед по сравнению с чисто описательными направлениями и их внешней противоположностью — «скептической» школой. Юридическая школа занималась по мере своих сил и возможностей установлением основной сути источников, отделением главного от неглавного, стремилась выяснить типичное. В то же время она не могла действительно научно раскрыть проблему типичного в источнике, так как не учитывала необходимости конкретно-исторического исследования исторических памятников и подчас обобщала явления, характерные для нескольких веков, выводила тем самым не существовавшие в действительности средние нормы.

Сводные тексты были схемой, которая помогала четче представить себе характер юридических норм, заключенных в грамотах, однако в ней вполне конкретные и разновременные акты заменялись голой абстракцией, фикцией никогда не существовавшего документа. Сводные тексты имели свое оправдание и некоторое положительное значение в моменты их возникновения, но вместе с тем, возведенные юридической школой в догму, они тормозили дальнейшее исследование актов с конкретно-исторических позиций.

70-е годы XIX в. отмечены спадом интереса к актовому источниковедению вообще и к жалованным грамотам в частности. После крестьянской реформы во всех отделах актовом источниковедения, за исключением дипломатики уставных грамот, наблюдалось затишье. Издание жалованных грамот также почти заглохло¹⁰⁴. Слабое внимание к жалованным грамотам в 70-х годах объясняется тем, что исследования конца 50-х — 60-х годов в основном выполнили те актуальные научные и политические задачи,

¹⁰² Энгельс Ф. Письмо к К. Марксу от 15 декабря 1882 г. // Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1952. С. 147.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Они печатались лишь в некоторых описаниях монастырей. Более заметные публикации: РИБ. СПб., 1875. Т. II; Сборник Хилкова. СПб., 1879.

которые стояли перед буржуазной историографией жалованных грамот в связи с отменой крепостного права и другими буржуазными реформами. Еще в начале 80-х годов Д. М. Мейчик писал: «Содержание жалованных грамот и общее значение их в хозяйственно-правовом быту древней Руси выяснены так полно, что в этом отношении едва ли остается чего-нибудь желать...»¹⁰⁵. Он же выражал господствующую точку зрения, разделяя нигилистическое мнение Горбунова о бесполезности дальнейшей публикации жалованных грамот¹⁰⁶.

Тем не менее, новые проблемы, назревшие в ходе развития русской исторической мысли к 80-м годам, потребовали продолжить исследование жалованных грамот. В первой половине 80-х годов участилась их публикация¹⁰⁷. Вторая половина 80-х годов прошла под знаком почти полного отсутствия новых публикаций жалованных грамот. Возможно, это стоит в связи с крайней правительственной реакцией, открыто проявившейся в середине 80-х годов XIX в. В 1885 г. власти отпраздновали столетний юбилей екатерининской жалованной грамоты дворянству, после чего для правительства стало нежелательным появление в печати старинных жалованных грамот, которые в свете историографии середины XIX в. (особенно славянофильской) легко можно было истолковать как документы, дающие всякие льготы и свободы представителям разных сословий, в том числе крестьянам¹⁰⁸. В условиях нового усиления внеэкономического принужде-

¹⁰⁵ Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883. С. 5.

¹⁰⁶ Там же. С. 4: «Горбунов имел полное право сказать, что от дальнейшего печатания жалованных грамот нельзя ожидать каких-либо существенных дополнений к тому, что известно было из напечатанных до того образцов».

¹⁰⁷ Княжеские и царские грамоты Ярославской губернии. М., 1881; АЮБ. СПб., 1884. Т. III; Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание города Киржача. М., 1884, и др.

¹⁰⁸ И. И. Дитятин, посвятивший в 1885 г. специальную статью «жалованным грамотам» 1785 г., поставил вопрос о причинах празднования их столетнего юбилея (Дитятин И. И. К истории «жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 49–53). Он подчеркнул, что в дворянской среде получила широкое распространение новая тяга к сословности. «И. С. Аксаков... — писал Дитятин, — проектирует теперь выделение дворянства в особое сословие, опираясь на „идеалы чести“, свойственные дворянству...». «Какой „идеал чести“, — восклицает далее автор, — может быть выше идеала общего блага? Неужели у дворян нет ничего общего с остальными классами населения? Неужели их идеал ничего общего не имеет с идеалами всех?» Весьма показательна мысль Дитятина о том, что «если, наконец, этот особый идеал есть, то не следует его так ревниво монополизировать, нужно делать его, по возможности, общим идеалом, внести его туда, откуда, века назад, дворянство было выделено...» (Там же. С. 104). Полемика И. И. Дитятина с И. С. Аксаковым отражает борьбу буржуазной идеологии с дворянской. Как видим, логика именно буржуазного социолога

ния и возврата к пережиткам барщины такая трактовка противоречила бы интересам реакционных помещиков. Не случайно в провинциальной прессе (губернских и епархиальных ведомостях), где задавали тон местные землевладельцы и зависевшие от них церковники, жалованные грамоты почти совсем не печатались не только в 80-х, но уже и в 70-х годах XIX в.

На источниковедение жалованных грамот в 80-х годах решающее влияние оказали два обстоятельства: во-первых, возникновение экономического направления в русской буржуазной историографии, во-вторых, новое усиление крепостничества в деревне. Экономическое направление, обусловленное дальнейшим ростом капиталистических отношений в стране, было шагом вперед в развитии буржуазной науки, хотя и это течение не давало материалистического объяснения истории. Новым в подходе представителей экономического направления к историческому процессу являлось стремление выяснить объективные закономерности, отличные от таких общих и в значительной мере внешних факторов, как географическая среда и правотворчество государства. Экономическое направление было далеко от рассмотрения производственных отношений в качестве основы экономической жизни общества. «Экономизм» этого течения заключался лишь в интересе к проблемам товарного обращения¹⁰⁹ и к юридическому статусу различных форм частной собственности в средневековой Руси¹¹⁰.

Усиление крепостнических пережитков в сельском хозяйстве определило новую постановку вопроса о том, может ли государство просто уничтожить феодальные права, а, следовательно, оно ли было источником этих прав, не кроются ли они в более объективных факторах. Таким образом, оба отмеченных момента подготовили почву для пересмотра проблемы жалованных грамот в плане поисков объективных причин их выдачи. Уже В. О. Ключевский, рассматривая феодальные привилегии как результат передачи вотчиннику князем части правительственных функций, особо отмечал при этом роль земельной собственности: «...землевладение все более становилось главным экономическим средством обеспечения их (духовенства и военно-служилого класса — С. К.) общественного положения. Привилегии, бывшие последствием их господствующего положения

вела к противопоставлению жалованной грамоте 1785 г. более древних жалованных грамот разным сословиям.

¹⁰⁹ См. например: Ключевский В. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. М., 1884.

¹¹⁰ См. Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; Никитский А. И. Заметки об издании новгородских писцовых книг // ЖМНП. 1880. Ч. 212, декабрь. В 80-х годах Никитский изучал хозяйственную жизнь Великого Новгорода (Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода // Чтения ОИДР. 1898. Кн. I, раздел IV. С. 1–228 (посмертное издание)).

в обществе, теперь также переносились на эту экономическую основу»¹¹¹. Ключевский, однако, не понимал, что именно феодальная земельная собственность порождает те порядки, которые выступают потом в виде привилегий.

Для Ключевского характерна модернизация феодальных отношений удельного времени. Он мыслил их по существу как разновидность отношений буржуазного общества. Так, Ключевский считал, что удельный князь — это не политический правитель, а хозяин: отношения между ним, с одной стороны, черными крестьянами, вольными слугами и боярами — с другой, строятся на основе частного договора¹¹². Качественного различия в положении крестьян как эксплуатируемого класса, бояр и вольных слуг как класса эксплуататорского для Ключевского не существовало. Бояре и вольные слуги в его концепции — арендаторы земли у князя, отсюда и иммунитет — результат аренды: «...преимущества, которыми они пользовались, были не столько политическими или гражданскими правами, сколько хозяйственными выгодами, которыми князь вознаграждал их за оказываемые ему услуги»¹¹³.

Таким образом, близость Ключевского к Чичерину состоит в признании иммунитета частным правом. Но, если у Чичерина иммунитет — лишь милость князя, имеющая, к тому же, не «хозяйственное», а чисто фискальное значение, то у Ключевского он — следствие определенного хозяйственного договора между князем и частным собственником. Модернизация феодального строя пошла здесь гораздо дальше. Ключевский правильно уловил элемент договорных отношений в практике выдачи иммунитетных грамот, но этот элемент он трактовал в свете представлений о буржуазном хозяйственном укладе, искажая тем самым сущность взаимоотношений между феодалом и феодальным государством.

Поиски объективных причин выдачи жалованных грамот наблюдаются и в монографии Н. Ланге, изданной в 1882 г., когда под воздействием роста крестьянского движения правительство делало видимость попыток облегчить положение крестьян (подготовка отмены выкупных платежей и подушной подати), но в то же время исподволь начинало поход против реформ 60-х — 70-х годов. Н. Ланге как представитель того либерального общества, которое, выражаясь словами В. И. Ленина, легко давало себя «дурачить» кабинету графа Игнатьева, отразил в своей книге обе господствующие тенденции. С одной стороны, он сочувственно говорил о тяжелом положении крестьян в XIV–XVI вв. и «ярме» лежавших на них

¹¹¹ Ключевский В. Боярская дума древней Руси. М., 1882. С. 121–122.

¹¹² Ключевский В. О. История сословий в России. М. 1886. С. 71–75.

¹¹³ Там же. С. 82–83.

податей и повинностей¹¹⁴. С другой – Ланге явно идеализировал смесные суды в качестве формы суда «скорого и правого»¹¹⁵.

Ланге не являлся поклонником вотчинного суда. Он утверждал, что вотчинное тягло и вотчинный суд были не лучше, «если не хуже», государственных¹¹⁶. В то же время, в отличие от либералов 60-х — 70-х годов, идеализировавших земские и губные органы, считая их известным образцом выборных учреждений, Ланге весьма скептически расценивал результаты губной реформы, отрицал ее эффективность¹¹⁷. Вообще своим противопоставлением древних смесных судов современным ему порядкам¹¹⁸ автор ратовал за компромисс вотчинной власти с государственной, а *выборные* учреждения уже не признавал действенным средством борьбы с «разбоями». Буржуазные либералы 80-х годов, напуганные размахом народного движения, фактически сами намекали на необходимость контрреформ. Установление института смесного суда Ланге считал выходом из тяжелого юридического положения, существовавшего в древней Руси XIV–XVI вв. Самую выдачу жалованных грамот Ланге рассматривал с тех же позиций, объясняя ее общим тяжелым финансовым и судебным положением крестьян: «С одной стороны, обременение народа пошлинами и повинностями... с другой — недовольство судом наместников, волостелей и их тиунов, постоянно давали владельцам населенных имений благовидный повод просить князей об освобождении их крестьян от тягостных поборов, о даровании им, владельцам, права самостоятельного суда в своих вотчинах. Такие просьбы не только уважались, но нередко владельческие крестьяне освобождались даже от платежа княжеской дани на урочное число лет. Вообще стремление обособиться, получить льготу от общего суда, было повсеместным в рассматриваемое нами время и составляло естественное следствие господствовавших тогда неурядиц и бесправия»¹¹⁹.

¹¹⁴ Ланге Н. Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882. С. 11–16.

¹¹⁵ «Самое судоговорение было необыкновенно логично и просто, без всякого излишнего многословия и многописания» (Ланге Н. Указ. соч. С. 228).

¹¹⁶ Ланге Н. Указ. соч. С. 21, 23.

¹¹⁷ Там же. С. 18.

¹¹⁸ «...Наша старина не знала нескольких решений и приговоров по одному и тому же делу, так называемых неокончательных, которые бы отменялись или изменялись высшими судебными инстанциями... Решение и приговоры произносились по каждому делу только один раз и действительно имели непоколебимую силу закона... при смесных судах требовалось, чтобы решение постановлялось единогласно, а не по большинству голосов, хотя бы смесных судей и было более двух» (Ланге Н. Указ. соч. С. 229). Ланге ошибается, считая, что на Руси не было «пересуда».

¹¹⁹ Ланге Н. Указ. соч. С. 21

Ланге явился, таким образом, одним из основателей «челобитной» теории происхождения жалованных грамот¹²⁰. Новизна и преимущества концепции Ланге заключались в следующем: во-первых, автор искал общие экономические предпосылки выдачи жалованных грамот; во-вторых, он учитывал тяжелое положение крестьян и заинтересованность феодалов в более широких формах их эксплуатации; в-третьих, он не считал жалованные грамоты в целом действенным средством улучшения жизни самих крестьян, так как отмечал обременительность внутривотчинного суда и тягла (идеализация смесных судов строилась на том, что они не были исключительно вотчинными). Вместе тем, идеалистические концепции и метафизический метод исследований конца 50-х — 60-х годов получили в схеме Ланге новые теоретические подкрепления. За «общей» картиной юридического быта автор не видел неравномерностей экономического развития разных частей России, поэтому существование уделов казалось ему поверхностным явлением, а все различия в жалованных грамотах разных мест и разного времени характеризовались им как несущественные¹²¹. Отсюда у него тенденция рассматривать жалованные грамоты метафизически, не исследуя диалектику их содержания.

Внешним показателем метафизического подхода Ланге к жалованным грамотам было широкое использование в его книге метода сводных текстов¹²². Идеалистически изображалась в этой схеме и роль государства, которое якобы пассивно, совершенно автоматически выдавало жалованные грамоты в ответ на просьбы челобитчиков. Государство теряло в такой интерпретации характер надстройки, активно относящейся к своему базису, представлялось не политической организацией, а беспристрастным распределителем льгот, вполне равнодушным к вопросу о том, кому оно их дает. Политическое значение жалованных грамот как документов, исходивших от лица государства, сводилось к нулю¹²³. Считая государство пассивным распределителем льгот, Ланге хотел показать, что жалованные грамоты создавали привилегии вотчинников в какой-то степени независимо от воли самого государства, в силу общей необходимости. Однако при этом основной тезис буржуазной историографии середины XIX в.,

¹²⁰ Сходные взгляды развивал и писавший в это же время И. И. Дитятин, который рассматривал жалованные грамоты только как ответ царя на просьбу, «челобитье» (Дитятин И. И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. С. 277).

¹²¹ Ланге Н. Указ. соч. С. 4, 8.

¹²² Там же. С. 181–195 и др.

¹²³ Этому противоречил уже конкретный разбор автором нескольких жалованных грамот на одни и те же владения, из которого становилась ясной ограничительная (т. е. активная) роль новых жалованных грамот (Ланге Н. Указ. соч. С. 66–68, 92 и др.).

провозглашавший жалованные грамоты и их составителя — государство — творцами феодальных привилегий, оставался в неприкосновенности.

Отрицание политического значения жалованных грамот связано с чисто буржуазным пониманием роли государства, которое в представлении буржуазных идеологов должно было только защищать интересы частных «организаторов хозяйства» и держаться принципа невмешательства в хозяйственные дела, пока речь не заходила о подавлении классовой борьбы трудящихся.

В трактовке жалованных грамот к Ланге был близок историк-правовед В. И. Сергеевич. Подобно Ланге и Дитятину, он преувеличивал значение челобитий как двигателей законодательной мысли¹²⁴ и в то же время гиперболизировал диктаторские возможности централизованного государства XV–XVII вв.¹²⁵ Жалованные грамоты Сергеевич считал источником льгот и привилегий¹²⁶. Вслед за Ланге Сергеевич говорил о всеобщем порядке предоставления судебных привилегий разным лицам. «Думаем так потому, — писал он, — что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с «вичем», имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней»¹²⁷.

Сергеевич впервые в русской историографии выдвинул предположение, что право вотчинного суда не было уничтожено (до отмены крепостного права): «... С прикреплением крестьян оно вошло в состав крепостного права»¹²⁸. Таким образом, Сергеевич верно угадал присущность иммунитета феодальному землевладению в общем порядке, однако он отводил жалованным грамотам и государственной власти роль создателей этого порядка. Как и в схеме Ланге, у Сергеевича жалованные грамоты приобретали значение механических фиксаторов вновь возникавших привилегий и служили только этой цели, ибо без грамоты, по Сергеевичу, нет и привилегий¹²⁹. Преувеличивая «экономическую» роль жалованной грамоты,

¹²⁴ Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 597–598.

¹²⁵ Там же. С. 57–58.

¹²⁶ Там же. С. 169, 484, 601. В одном месте Сергеевич, правда, отметил: «Вотчинникам принадлежало право сбора мостовых пошлин в пределах их владений. Это право возникало иногда на основании жалованных грамот, а иногда в силу обычая, без всяких грамот» (Там же. С. 948). Однако приведенное замечание Сергеевича о мостовых пошлинах несколько не меняло его общей концепции.

¹²⁷ Сергеевич В. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. С. 30.

¹²⁸ Там же. С. 331.

¹²⁹ «...привилегии вольных слуг возникают каждый раз в силу особой жалованной грамоты...» (Там же).

наделяя ее законодательной функцией творца иммунитета, автор крайне снижал значение действительных экономических закономерностей развития феодального общества, ибо иммунитет существовал и независимо от грамот, в силу самой структуры феодальной формы собственности на землю. Гиперболизация «экономической» роли жалованных грамот сочелась у Сергеевича с полным игнорированием их политической роли. Однако при отрицании политического значения жалованных грамот становилось теоретически необъяснимым то обстоятельство, что сохранились жалованные грамоты отнюдь не всем землевладельцам и отнюдь не на все земельные участки. Выход из этого положения оказался очень простым и внешне бесспорным: сохранившиеся жалованные грамоты были объявлены лишь случайным остатком того огромного их общего количества, которое до нас не дошло. Такая постановка вопроса заранее дискредитировала всякие попытки и самую идею конкретно-исторического исследования жалованных грамот.

Помимо концепций Ланге и Сергеевича, в 80-х годах XIX в., особенно во второй половине десятилетия, не без влияния усилившейся реакции, возникли теории, объяснявшие появление иммунитетных грамот только интересами и волей государства. Подробное освещение проблема жалованных грамот получила в работе Д. М. Мейчика. Автор изучил многие разновидности актовых источников XIV–XV вв. и представил известный итог развития метафизической буржуазной дипломатики 40-х — начала 80-х годов XIX в. Мейчик считал свою работу политически актуальной. Например, при постановке вопроса о родовом выкупе, он, намекая на отмену выкупных платежей и другие мероприятия, указывал: «В наше время, когда предстоит преобразование всего гражданского кодекса, подобные изыскания особенно полезны»¹³⁰. Вместе с тем, в обстановке реакции автор боялся быть обвиненным в увлечении экономическими теориями. После замечания насчет причин предоставления жалованных грамот Мейчик писал: «...Жестоко ошибется тот, кто подумает, что они (предположения Мейчика. — С. К.) были результатом каких-нибудь предвзятых экономических теорий»¹³¹. С Ланге и Сергеевичем Мейчика роднило признание государства источником льгот и привилегий, поиски «объективных» мотивов выдачи жалованных грамот, игнорирование их политической роли. Но в отличие от Ланге, который усматривал общую первопричину появления жалованных грамот в хозяйственных и юридических неурядицах, Мейчик под впечатлением финансовых трудностей в стране и новой финансовой политики 80-х годов, объявившей сбор налогов и пошлин превыше всего,

¹³⁰ Мейчик Д. М. Указ. соч. С. V.

¹³¹ Там же. С. VIII.

свел проблему происхождения жалованных грамот к вопросу о фискальных интересах княжеских правительств.

Усиливая один из тезисов Горбунова и Дювернуа, взятый ими в модифицированной форме у Соловьева, Мейчик объяснял происхождение жалованных грамот желанием правительства заселить пустующие земли и превратить их в «цветущие луга и поля», с тем, чтобы с них можно было собирать казенные доходы¹³². Автор крайне гиперболизировал возможности правительства. В его толковании жалованные грамоты — не документы, фиксирующие какие-то реальные или в силу определенных условий неизбежные отношения господства и подчинения, а документы, создающие известный юридический статус, который прекращается сразу после потери жалованной грамотой значения действующего юридического акта¹³³.

Отличие концепции Мейчика от предшествующих заключалось лишь в том, что этот юридический статус он считал выгодным не грамотчику, а княжеской казне, и видел «мало льготного в так называемых освободительных грамотах»¹³⁴. Будучи не в состоянии понять экономические основания юридической силы жалованных грамот, Мейчик преувеличивал масштабы нарушения и прекращения их действия меняющимися княжескими правительствами. В своих попытках вскрыть корень «слабой исполнительной силы» жалованных грамот Мейчик встал на позиции отрицания их политической роли. Он не называл персонально представителей противоположной точки зрения, но вероятно, имел в виду главным образом Неволлина. Автор считал несостоятельным стремление связать выдачу жалованных грамот с «дальновидными политическими расчетами московских князей», с «желанием их поставить поземельную собственность в более тесную зависимость от верховной власти, подчинившей вотчинников своему непосредственному суду»¹³⁵.

По поводу подобной трактовки Мейчик высказал три критических замечания. Первое: «...На место *объективных причин*» ставятся «*сознательные субъективные цели*»¹³⁶. Это типичное проявление вульгарного экономизма, который громкими фразами относительно объективных причин пытался опровергнуть невыгодный для буржуазии вывод о том, что политика есть в конечном счете отражение объективных экономических закономерностей развития общества. Второе: «...Непосредственное участие

¹³² Там же. С. VII, VIII.

¹³³ Там же. С. 9, 18. Ср. сходную точку зрения М. И. Горчакова (Горчаков М. Указ. соч. С. 252).

¹³⁴ Там же. С. 6.

¹³⁵ Там же. С. 18.

¹³⁶ Там же.

князей в суде, особенно по делам поземельным, составляло общее правило в XIV и XV вв., и с этой стороны освобождение вотчинников от местной подсудности не могло быть, с одной стороны, льготой, а с другой — *средством централизации...*»¹³⁷. Мейчик здесь сконцентрировал внимание на личном иммунитете вотчинников, т. е. вопросе второстепенном по сравнению с главным содержанием иммунитета — взаимоотношениями между феодалом и эксплуатируемым населением сеньории. О них у Мейчика ничего не сказано, хотя именно в этой сфере яснее всего обнаруживала себя централизаторская политика князей, ограничивавших объем сеньориальной юстиции и др. Третье: «...Если бы князья предоставлением временных или бессрочных льгот вотчинникам преследовали какие-либо политические цели, то это не могло бы долго укрыться от внимания современного общества, которое и перестало бы домогаться их. В действительности же видим противное»¹³⁸. Приведенное соображение Мейчика основано на его преувеличении указного, директивного характера жалованных грамот. Автор не сумел разглядеть элемент договора между жалователем и грамотчиком, форму политического союза.

Считая, что в жалованных грамотах государство добивалось только своих казенных целей, Мейчик по-существу отрицал классовый характер жалованных грамот, заинтересованность феодала в получении грамоты, которая, во-первых, укрепляла его земельно-собственнические права, во-вторых, санкционировала систему феодальной эксплуатации, в-третьих, определенной комбинацией вотчинных и государственных судебно-административных прав давала каждый раз наиболее подходящую для конкретного места и времени гарантию удержания эксплуатируемого большинства в узде. С точки зрения чистой логики как раз концепция Мейчика могла навести на размышления о том, что вотчинникам не имело смысла «домогаться» выдачи грамот, ибо последние, по теории Мейчика, «обогащали» княжескую казну, грамотчики же никаких особых выгод не получали.

После своих критических замечаний Мейчик сделал следующий вывод: «Все это заставляет нас искать ответа на поставленный вопрос (о «слабой исполнительной силе» жалованных грамот. — С. К.) не в *политических*, а в *юридических* воззрениях древнерусского общества»¹³⁹. Автор указывал на отчуждаемость земельной собственности в древней Руси и в этом усматривал источник слабости «исполнительной силы» жалованных грамот. Он рассуждал так: правительство не хотело, чтобы вместе

¹³⁷ Там же. С. 19.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

с отчуждением земли отчуждались и казенные доходы, которые не брались с нее по жалованной грамоте; поэтому оно было заинтересовано в непрочности юридической силы жалованной грамоты и завело такие порядки, при которых грамота быстро теряла свое значение (неподтверждение новым князем, пересмотр и ограничение и т.д.)¹⁴⁰. Мейчик искусственно противопоставлял феодальную земельную собственность, как отчуждаемое имущество, феодальному иммунитету, как комплексу прав, отделяемых от этой собственности и могущих по воле князей исчезнуть при передаче земли из одних рук в другие или при неподтверждении жалованной грамоты. Трактовка Мейчика являлась естественным следствием отрыва иммунитета от землевладения. Она отражала непонимание автором того факта, что иммунитет есть атрибут феодальной собственности на землю.

Ценной особенностью работы Мейчика была попытка углубить приемы источниковедческого анализа формы жалованных грамот. Разбор формуляра в его сочинении тесно связан с классификацией жалованных грамот. Классификационная схема Мейчика уже подверглась обстоятельной критике в монографии Л. В. Черепнина, который подчеркнул ее большее удобство и простоту по сравнению со схемой Горбунова, но вместе с тем справедливо отметил, что классификация Мейчика, как и Горбунова, носит формальный характер¹⁴¹ (чистый тип: грамоты на земли, воды и уголья, заповедные, несудимые и обельные; смешанный тип: обельно-несудимые, данные в соединении с какими-либо льготами)¹⁴². Интересен опыт изучения Мейчиком формуляра обельно-несудимых грамот. Автор различал полную и краткую редакции актов этой разновидности, но не объяснял происхождения разницы в редакциях¹⁴³. Новым способом анализа иммунитетных грамот было предложенное в работе Мейчика деление их формуляра на существенные и несущественные части¹⁴⁴, однако это деление не могло не отличаться субъективизмом.

Мейчик правильно отметил, что местные особенности грамот коренятся в специфике внутреннего строя и делопроизводства отдельных княжеств¹⁴⁵. Вместе с тем, приведя образцы рязанских, новгородских и белозерских грамот, он не выяснил существенного различия между ними¹⁴⁶.

¹⁴⁰ Там же. С. 3–9, 19.

¹⁴¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 99–100.

¹⁴² Мейчик Д. М. Указ. соч. С. 12–17.

¹⁴³ Ничего не дает его замечание о том, то «краткость обуславливалась опущением частных» (Там же. С. 16.)

¹⁴⁴ Там же. С. 8–9.

¹⁴⁵ Там же. С. 10.

¹⁴⁶ Там же. С. 10–12.

Мейчик впервые уделил специальное внимание указным грамотам, дал их описание и опыт классификации. Автор не учитывал отличие указных грамот от жалованных как документов делопроизводственных от актов и поэтому довольно искусственно применял к ним методы дробления формуляра по образцу аналогичных приемов, закономерных в актовом источниковедении. Когда дело коснулось указных грамот, яснее всего обнаружилась произвольность деления текста грамоты на существенные и несущественные части. Несущественной частью указных грамот Мейчик считал, например, «повествование или изложение обстоятельств дела, по которому повеление состоялось»¹⁴⁷. Таким образом, согласно методике Мейчика, в основу источниковедческого анализа грамот следовало положить принцип чисто формального деления текста источника.

В 1886 г. вышел курс истории русского права М. Ф. Владимирского-Буданова. Его трактовка жалованных грамот явилась в значительной мере выводом из концепции Мейчика. Однако вся теория Владимирского-Буданова окрашена резко выраженными монархически-националистическими чертами славянофильского толка. По мнению автора, для развития жалованных грамот как формы закона условия создались лишь в «Московском государстве», «когда власть сосредоточена была в лице великого князя, который стал единственным источником правовых норм»¹⁴⁸. Отмечая «равновесие закона и обычая» в XIV–XV вв., Владимирский-Буданов писал: «...почти вся юридическая жизнь народа предоставлялась в продолжении двух столетий действию обычного права и частной воли князей...»¹⁴⁹. Отсюда деление автором иммунитетных грамот на грамоты, фиксирующие исключительно законодательную волю князей («льготные» или «иммунитеты»), и грамоты, не создающие нового права, но подтверждающие общие нормы «в применении к частному случаю и лицу» (охранные и указные)¹⁵⁰. Впрочем, и за последними в силу недостаточной четкости общих норм права Владимирский-Буданов признавал значение частных законов (*privae leges*)¹⁵¹. Учет автором обычного права вовсе не означал его приближения к материалистическому пониманию природы некоторых иммунитетных прав (заклученных в охранных или бережельных грамотах). Владимирский-Буданов, подобно более ранним последователям славянофильства, толковал обычное право

¹⁴⁷ Там же. С. 20.

¹⁴⁸ Обзор истории русского права по лекциям проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. Киев, 1886. С. 178.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С. 175.

¹⁵¹ Там же. С. 178.

по существу целиком в духе Пухты¹⁵² (как национальное убеждение, чьим выразителем оказывался потом законодатель).

Консервативность схемы Владимирского-Буданова отчетливее всего проявилась в трактовке автором позднейшей судьбы иммунитета. Как и многие его предшественники, начиная с Неволлина, Владимирский-Буданов утверждал, что иммунитет был уничтожен. Однако Владимирский-Буданов не просто присоединился к этому выводу. Он поставил его на фундамент лозунга православия, самодержавия и народности. В целях доказать преимущества самодержавной России перед «разлагающимся» Западом со всеми свойственными ему «язвами» (классовой борьбой прежде всего) автор утверждал, что в «Московском государстве» не могло быть и не было классовых противоречий. В «Московской» Руси классовые противоположности, согласно схеме автора, стирались на почве национального единства и службы государству, а власть великого князя или царя по отношению к подданным имела «патриархальный характер», проистекая «из древних оснований власти домовладыки и отца». Самодержавное государство «не допускало развития сословных прав в ущерб общегосударственным»¹⁵³: поэтому, если на Западе иммунитеты из частных исключений превратились в общие права господствующего сословия, то в России этого не произошло: «из грамотчиков не успело выработаться привилегированное сословие»¹⁵⁴.

Работы 80-х годов занимают определенное место в источниковедении жалованных грамот. Здесь нужно различать два направления: первое — чисто буржуазное с экономическим уклоном (Ланге, Сергеевич), второе — буржуазно-националистическое, с уклоном в сторону культа монархической власти (Владимирский-Буданов). Промежуточное течение, представленное Мейчиком, в некоторых своих существенных положениях было ближе ко второму направлению. Обе концепции сходились на почве признания государства источником иммунитетных привилегий.

Положительное значение исследований Ланге и Сергеевича состояло, во-первых, в том, что в противовес историографии середины 50-х — начала 70-х годов, они попытались выяснить объективные причины выдачи грамот, не сводя все дело к воле и милости князей, к правотворчеству государства. Во-вторых, вместо идеи случайного характера жалованных грамот они выдвинули идею их всеобщего характера, основанного на известных закономерностях. В-третьих, была впервые высказана правильная мысль,

¹⁵² Там же. С. 62–64. Уже М. А. Дьяконов заметил, что облеченная в новую фразеологию концепция обычного права, предложенная Владимирским-Будановым, «является... воспроизведением целиком теории Пухты» (Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Юрьев, 1907. Т. I. С. 13).

¹⁵³ Владимирский-Буданов М. В. Указ. соч. С. 93, 132.

¹⁵⁴ Там же. С. 175.

что право вотчинного иммунитетного суда вошло в состав крепостного права. В-четвертых, отказ от идеи благочестия князей как стимула выдачи грамот сочетался с ростом интереса к жалованным грамотам светским лицам. В-пятых, в рассматриваемое время уже не наблюдалось двух крайностей историографии периода подготовки и проведения реформы: стремления видеть в феодальных привилегиях только частную собственность и попытки считать феодала не собственником, а наместником.

Вместе с тем историография 80-х годов больше тяготела к чичеринскому взгляду на иммунитет как частную собственность. Для буржуазной историографии периода господства капиталистических отношений характерен интерес к явлениям, имевшим значение институтов «закономерных» и «всеобщих». Это связано с экономическими теориями эпохи зрелого капитализма, когда буржуазная нация начинает осмысливаться как известное экономическое целое, и буржуазные идеологи пытаются усмотреть подобную же экономическую общность в феодальном обществе, которое в действительности было еще экономически раздробленным. Под влиянием дальнейшего развития капитализма в России буржуазная историография 80-х годов трактовала феодальную собственность на землю модернизаторски, не могла понять ее коренного отличия от буржуазной частной собственности и поэтому оказалась не в состоянии оценить иммунитет как неизбежное следствие и атрибут феодальной формы земельной собственности. Историография 80-х годов считала иммунитет по существу лишь довеском, прибавкой к землевладельческим правам, а всеобщий характер его объясняла либо финансовыми интересами правительства, либо «челобитной» теорией.

Таким образом, подобно историографии времени реформы, она усматривала источник феодальных привилегий в государственном законодательстве, осуществлявшемся в форме жалованных грамот.

Если первое направление обогатило науку новым тезисом о включении вотчинного суда в состав крепостного права, то второе течение в историографии жалованных грамот 80-х годов повторило в концентрированном виде как неправильный взгляд на происхождение иммунитета, так и неверное представление об его уничтожении. В схеме Мейчика и Владимирского-Буданова положительным моментом была мысль, что жалованные грамоты совсем не обязательно выдавались всем и каждому, однако из нее делались ошибочные выводы («не успело выработаться привилегированное сословие» и т.п.). Оба рассмотренных направления в историографии 80-х годов в значительной степени объединялись теорией надклассового характера русского самодержавного государства.

Глава 2

Проблема иммунитета в связи с вопросом о феодализме в России

(конец XIX — начало XX в.)

Развитие российской историографии в 80-х годах XIX в. привело к новой постановке вопроса об издании жалованных грамот. Получив признание актов, устанавливающих не случайные изъятия, как это полагали исследователи периода реформы, а общие порядки (концепции Н. Ланге, В.И. Сергеевича), жалованные грамоты снова оказались в центре внимания археографов. Издания второй половины 90-х годов поражают своей многочисленностью¹. Особенный интерес представляет сборник А. Юшкова, в котором помещалась основная масса ранее неизвестных жалованных грамот светским лицам². В сборнике М.А. Дьяконова было напечатано значительное число указных грамот, касающихся иммунитета светских лиц³. Это вполне согласовалось с тематикой исследовательских работ рубежа XIX–XX вв., занимавшихся главным образом обсуждением проблемы светского иммунитета, внимание в котором стало усиливаться уже в 80-х годах. В годы, предшествовавшие революции 1905–1907 гг., и во время революции печатались жалованные грамоты как духовным феодам, так и светским лицам⁴. После поражения революции, воцарения

¹ См., например: *Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря* / изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. I; *Шумаков С. Тверские акты. Тверь, 1896; Он же. Угличские акты. М., 1899; Он же. Обзор «грамот коллегии экономии».* М., 1899. Вып. I; М., 1900. Вып. II, и др.

² *Акты XIII–XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества* / изд. Александром Юшковым. М., 1898.

³ *Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве* / изд. М. Дьяконовым. Юрьев, 1897. Вып. II.

⁴ *Материалы для истории Владимирской губернии* / собрал А. В. Смирнов. Владимир, 1901–1907. Вып. I–V; *Акты исторические* / описан. И. М. Катаевым и А. К. Кабановым; под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905, и др.

реакции, в обстановке массового увлечения буржуазной интеллигенции богоискательством наблюдается большой уклон в сторону издания жалованных грамот духовным учреждениям⁵.

В конце XIX — начале XX в., в связи с переходом от капитализма к империализму, в русской буржуазной историографии возникло течение, пытавшееся выяснить специфику феодального строя, чтобы не смешивать его с буржуазным, как это делалось в работах предшествующего периода. Однако представители нового течения (П. И. Беляев, Н. П. Павлов-Сильванский) увидели специфику феодализма только в его политическом характере и по существу отбросили вопрос о роли экономической основы феодализма — феодальной собственности на землю.

П. И. Беляев, оставаясь на почве концепции, считавшей иммунитетные грамоты формой «изъятия, *lex gr̃iva*», начал рассматривать их как документы, преследовавшие чисто управленческие цели («регулирование финансовых отношений населения» и «упорядочение судопроизводства»). Подобно Сергеевичу и Ланге, он писал, что жалованные грамоты «отменяли государственное нестроение, усовершенствовали правовой порядок», но аспект у него получался иной. Если Сергеевич и Ланге делали акцент на выполнении правительством экономических требований грамотчиков, то Беляев отмечал здесь лишь форму политического управления с оттенком льготности. Поэтому Беляев зачислял жалованные иммунитетные грамоты в одну группу с уставными, земскими и губными⁶.

Шире подошел к этому вопросу Павлов-Сильванский⁷. Будучи одним из немногих историков, отстаивавших мысль о существовании феодализма в «древней» и «удельной» Руси, Павлов-Сильванский обратил особое внимание на однородность содержания русского и западноевропейского иммунитетов⁸. Этот правильный тезис он сочетал с выводом «о самобытном происхождении иммунитета» светских землевладельцев. Автор неоднократно подчеркивал «принадлежность светским вотчинникам иммунитетных привилегий по обычному праву, независимо от пожалований»⁹.

⁵ Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот // Чтения ОИДР. 1907. Кн. 3. Смесь; Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Прил.; Попов Н. П. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря. М., 1910 (То же // Чтения ОИДР. 1910. Кн. 2) и др.

⁶ Беляев П. И. Источники древнерусских законодательных памятников // ЖМЮ. 1899. Ноябрь. С. 136, 139.

⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Иммунитеты в удельной Руси // ЖМНП. 1900. Декабрь. С. 318–365. Эта работа вошла в его книгу «Феодализм в удельной Руси».

⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 281–282.

⁹ Там же. С. 298; см. также с. 291–298.

Комментируя одну из грамот, Павлов-Сильванский вынужден был провести ее взгляд на иммунитет как на «естественный придаток к праву собственности на село»¹⁰. Однако мысль о том, что иммунитет — атрибут феодальной формы земельной собственности, не нашла в его труде никакого развития. Павлов-Сильванский считал феодализм определенной совокупностью политических феодальных учреждений. Одним из таких учреждений был, по его мнению, иммунитет. Павлов-Сильванский не искал корней иммунитета в производственных отношениях, он присоединялся к точке зрения К. А. Неволлина, объяснявшего «самобытное» происхождение вотчинной юстиции светских землевладельцев слабостью великокняжеской или королевской власти в раннефеодальную эпоху¹¹.

Автор целиком соглашался с Фюстель-де-Куланжем, считавшим иммунитет монастырей и церкви результатом королевской милости, обусловленной любовью к вере¹². Неволлин был в этом отношении более последователен, чем Павлов-Сильванский, концепцию которого правильнее возводить к взглядам В. А. Милютина¹³. Ставя иммунитетные привилегии в зависимость от размеров землевладения, Павлов-Сильванский подчеркивал только политическое значение иммунитета, но, по словам автора, для мелкого вотчинника это политическое значение «могло сводиться к нулю»¹⁴.

Мелкий феодал, согласно концепции Павлова-Сильванского, интересовался иммунитетным судом лишь как доходной статьей. Автор, таким образом, игнорировал основное содержание иммунитета — отношения между феодалом и феодально-зависимым населением сеньории. Он рассматривал две производные стороны иммунитета: отношения между феодалом и феодальным государством, отношения между населением феодальной вотчины и государством¹⁵, т. е. вся постановка вопроса была перенесена им в чисто политическую, юридическую плоскость. Отсюда у Павлова-Сильванского сближение с историографией середины XIX в.: объяснение княжеским благочестием выдачи грамот монастырям, толкование иммунитета как доходной статьи (для части феодалов). Наоборот, игнорирование так называемых «экономических причин» выдачи жалованных

¹⁰ Там же. С. 296.

¹¹ Там же. С. 298.

¹² Там же. С. 282.

¹³ Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. С. 193–195.

¹⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 305.

¹⁵ Значение иммунитета, поясняет Павлов-Сильванский, «зиждется на том, что он разрывает связь подданства между государем и населением» (Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 304).

грамот усиливало разрыв концепции Павлова-Сильванского с теориями 80-х годов (вместо челобитной теории он возрождал теорию обычного права и княжеского благочестия).

Мы видим здесь ярко выраженное проявление «отрицания отрицания» в развитии взглядов на иммунитет — челобитная теория, зачеркнувшая компромиссную теорию обычного права и княжеской воли, в свою очередь зачеркивается на новой основе старой компромиссной теорией. Челобитная теория, модернизовавшая феодальный строй по буржуазному образцу, отражала мировоззрение сторонников чисто буржуазного развития России. Отчетливо проявившийся на рубеже XIX–XX вв. военно-феодальный характер русского империализма обусловил реакцию на эти иллюзии, показав их беспочвенность.

Мнение Павлова-Сильванского об иммунитете как атрибуте землевладения (а не результате пожалования) поддержал Н. А. Рожков, хотя и с оговорками, связанными с влиянием идей Сергеевича (отрицание феодализма «в удельной Руси»; следование челобитной теории: выдача грамоты — нотариальный акт, князь — «простой нотариус»)¹⁶.

Сторонники экономической теории 80-х годов не сложили оружия. Сергеевич выступил с критикой взглядов Павлова-Сильванского. Льготы в отношении уплаты налогов он считал возникшими исключительно в силу пожалований со стороны носителей верховной власти¹⁷. Иммунитетные привилегии автор отрывал от частнофеодальной собственности на землю. Апеллируя к тому факту, что жалованные грамоты выдавались не только феодалам, но и слободчикам, отдельным группам торгово-ремесленного населения и др., Сергеевич утверждал: «Различие черных и белых сох не стоит ни в какой связи с сословным различием лиц»¹⁸, «тягло могли тянуть всякие люди, начиная с владык и бояр и кончая крестьянами. Льготами могли пользоваться также всякие люди». «Наше льготное владение далеко не укладывается в рамки западных иммунитетов»¹⁹.

Эта путаница произошла у Сергеевича от формального подхода к так называемому «льготному владению». Сергеевич смешивал всех лиц, получавших жалованные грамоты, не вникая в содержание последних. Вместо изучения вопроса об иммунитете феодалов, он делал упор на пожаловании льгот лицам, не имевшим права феодальной собственности на землю, т. е. не являвшимся феодалами. Жалованные грамоты льготчикам подобного рода нужно рассматривать как акты государственного или

¹⁶ Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 20, 21, 24, 27.

¹⁷ Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 291, 292, 297.

¹⁸ Там же. Т. III. С. 313.

¹⁹ Там же. С. 308 и примеч. 2.

дворцово-вотчинного управления²⁰. Некоторые из них (относящиеся главным образом к дворцовым селам) аналогичны тем льготным и уставным грамотам, которые выдавали монастыри своим крестьянам.

Считая иммунитет королевским пожалованием, исключением из правила, Сергеевич приходил к выводу, что общее правило предполагает «действие королевской власти на всех подданных, которые платят ей повинности и состоят под судом ее чиновников»²¹. Однако при феодализме, указывал далее Сергеевич, «государственный суверенитет был поделен между королем и его вассалами», узурпировавшими дарованные им королем привилегии²². Потеряв, таким образом, право сбора дани и суда в отношении населения феодальных сеньорий, король потерял и право иммунитета, т.е. освобождения от налогов и юрисдикции королевских чиновников.

Отсюда Сергеевич делал вывод, что иммунитет предшествовал феодализму, а с установлением последнего исчез²³. Но так как на Руси иммунитетные льготы продолжали предоставляться вплоть до XVIII в., ни о каком феодализме в древнерусском государстве и речи быть не может: «У нас были некоторые предвестники феодализма, но очень слабые: феодализма же не развилось»²⁴. Следовательно, трактовка иммунитета послужила для Сергеевича одним из способов отрицания феодализма на Руси, что, в свою очередь, давало возможность обосновать теорию бесконфликтного течения русского исторического процесса. Рассуждения об одинаковом предоставлении льгот всем сословиям подкрепляли теорию надклассовости феодального государства, сеяли буржуазные иллюзии относительно сущности русского самодержавия.

Не остался в стороне от обсуждения природы иммунитета и П. Н. Милюков. В первых четырех изданиях его «Очерков по истории русской культуры» (1896–1900 гг.) термин «иммунитет» как будто еще не фигурирует. Появляется он в пятом (1904 г.) и повторяется в шестом (1909 г.) издании. Но уже в первых изданиях Милюков ясно сформулировал свою мысль о принципиальном отличии социально-политического положения русского землевладельца от статуса его западного собрата: «русский землевладелец» в противоположность западному «феодалу» не превратился в промежуточную власть между государем и подданными. «В своей вотчине он никогда не был тем полным государем, судьей и правителем, каким был западный

²⁰ Подробнее см.: Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 101–102 (далее — ПРП).

²¹ Сергеевич В. Указ. соч. Т. III. С. 471.

²² Там же. С. 471–472.

²³ Там же. С. 472.

²⁴ Там же. С. 474–475.

барон в своей баронии. Чиновники местного князя, его судьи, сборщики податей всегда беспрепятственно проникали в пределы владений русского вотчинника»; только поступив на службу к князю, вотчинник «мог рассчитывать получить в свое пользование хотя бы часть тех государственных прав, которых он был лишен как простой хозяин вотчины»²⁵.

В первых четырех изданиях Милюков по существу сводил возможные политические права землевладельца к правам кормленщика. В пятом и шестом изданиях он различает «иммунитет» и «кормление», но оба комплекса прав считает результатом пожалования: «Свой князь мог передать ему часть своих верховных прав в его собственной „боярщине“, т. е. установить для него более или менее широкий „иммунитет“. Чужой князь... давал особенно важным и сильным „слугам“ часть своих доходов, связанных с управлением и судом в каком-нибудь городке или волости, во временное „кормление“. Итак, те права, которыми западный землевладелец пользовался как самостоятельный хозяин и как обязательный вассал своего обязательного сюзерена, наш землевладелец мог получить только как чиновник на службе избранного им князя»²⁶.

Особый путь России Милюков объясняет тем, что государственность сложилась здесь раньше, чем к этому привел процесс внутреннего экономического развития (в этом он видит коренное отличие России от Запада и сходство с Турцией): на Руси «присвоение государственных земель частными владельцами не привело к феодализму, потому что государственная власть была уже настолько сильна, что заставить ее поделиться верховными правами с крупными землевладельцами было невозможно. Самое большое, чего они кое-как добились, — это введение феодального элемента в свои отношения к низшим слоям населения, т. е. закрепощение крестьян и дворовых слуг»²⁷. Затем, согласно Милюкову, был закрепощен государством и класс служилых землевладельцев²⁸.

В построениях Милюкова повторилась на новой стадии развития общественной мысли концепция закрепощения сословий, отрицание (хотя и безоговорочное) феодализма в России, отождествление иммунитета с кормлением, рассмотрение иммунитета в качестве простого пожалования государственных прав частному лицу. Милюков возродил в основных чертах схему Градовского, придав ей новую политическую направленность.

²⁵ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. [1–2-е изд.]. СПб., 1896. С. 164–165; 3-е изд. СПб., 1898. С. 168–169; 4-е изд. СПб., 1900. С. 177–179; 5-е изд. СПб., 1904. С. 206–208; 6-е изд. СПб., 1909. С. 220–222.

²⁶ Милюков П. Указ. соч. 5-е изд. С. 208–209; 6-е изд. С. 222–223.

²⁷ Там же. 5-е изд. С. 142–143; 6-е изд. С. 147–148.

²⁸ Там же. 5-е изд. С. 209; 6-е изд. С. 223.

Схема Милюкова не рождалась как антитеза концепции Павлова-Сильванского (первое издание «Очерков» появилось до выхода статьи Павлова-Сильванского об иммунитетах), но фактически оказалась таковой, что особенно заметно в изданиях 1904 и 1909 гг., в которых автор, видимо, учел новую литературу.

В 1907 г. вышла в свет книга М. А. Дьяконова. В своей классификации жалованных грамот (дарственные, льготные или иммунитетные, заповедные) Дьяконов целиком повторил схему М. Ф. Владимирского-Буданова²⁹, однако его толкование иммунитетных грамот разошлось с концепцией Владимирского-Буданова. В этом вопросе Дьяконов исходил в основном из теории Сергеевича рубежа 80–90-х годов. Рассматривая иммунитетные грамоты как документы, содержащие «какие-либо изъятия... от общих порядков суда и податных обязанностей»³⁰, автор считал, что этими пожалованиями московские великие князья и цари «создают указную практику, на почве которой могут выработаться мало-помалу общие нормы»³¹. Дьяконов писал: «Хотя у нас почва для возникновения сословных привилегий оказалась менее благоприятной (чем на Западе. — С. К.), но все же некоторые из пожалований получили характер общих норм. Например, предоставляемое по жалованным грамотам землевладельцам право судить население своих имений и взимать с них подати вошло готовым элементом в состав крепостного права на крестьян вотчин и поместий»³². Таким образом, Дьяконов развил здесь мысль Сергеевича. Он изложил ее в такой форме, которую было довольно нетрудно примирить с положением об иммунитете как праве определенного сословия.

Попытка соединить концепции Владимирского-Буданова и Сергеевича в рамках классификационной схемы Владимирского-Буданова делалась также в курсе А. Н. Филиппова, однако автор гораздо больше, чем Дьяконов, находился под влиянием Владимирского-Буданова. Во всяком случае вывода о вхождении вотчинного суда в состав крепостного права у него нет³³.

Зато сословное право видел в иммунитете А. Е. Пресняков. Посмертная (1938 г.) публикация его лекций дает представление о концепции иммунитета, выдвинутой им в 1907/08–1915/16 гг.

Пресняков подчеркивал древность «иммунитетной автономии церкви», ограничивавшейся лишь по мере усиления княжеской власти.

²⁹ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Юрьев, 1907. Т. I. С. 210–213.

³⁰ Там же. С. 211.

³¹ Там же. С. 209.

³² Там же. С. 212.

³³ Филиппов А. Н. История русского права: Конспект лекций. Юрьев, 1906. Ч. I, вып. II. С. 8–12.

Из лекций не вполне ясно, считал ли в это время Пресняков иммунитет атрибутом землевладения или результатом пожалования. Во всяком случае, он говорил, что в XII в. «предметом *пожалования* (курсив мой. — С. К.) были земли с населением их и с административно-судейскими правами и доходами над этим населением зависимых людей»³⁴.

Наличие боярского иммунитета в XI–XII вв. Пресняков отрицал: «В XI–XII вв. в Киевской Руси не видим еще признаков существования в боярских вотчинах вотчинного суда, вотчинной власти. Время иммунитета, уже народившегося для церкви, для боярства впереди, в удельной эпохе»³⁵.

Б. И. Сыромятников, лекции которого, читанные в 1908/09 г., были опубликованы в 1909 г., рассматривал иммунитет как «политическую привилегию крупного землевладения». Вместе с тем он выводил его из власти над несвободными, т. е. из рабовладения: «Благодаря приложению не-свободной рабской силы к земле, в эту эпоху у нас начинает развиваться крупное правительственное и частное землевладение на рабовладельческой основе»³⁶. Сыромятников говорил о всеобщей зависимости в эпоху феодализма: «Свободный, вольный человек уже исчез»³⁷. Однако эту не-свободу он больше относил не к периоду «политического» («удельных» времен) феодализма, когда иммунитет зародился, а к периоду «социального» феодализма (с XVI в.)³⁸. Источник несвободы крестьян Сыромятников усматривал не в специфике производственных отношений, а в иерархической структуре общества. Автор отрицал существование «личной» несвободы крестьян в «удельный» период, сводя дело к «земельной» или территориальной, т. е. политической зависимости: «Холопство — личная зависимость, крестьянство — земельная»; «крестьяне — вольные арендаторы (цензива) княжеских или частновладельческих земель»³⁹. Выводя иммунитет из власти над холопами, трудно было объяснить его распространение в первую очередь на «свободных» крестьян. В этом состояла внутренняя противоречивость концепции Сыромятникова.

³⁴ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. I: Киевская Русь. С. 194–195.

³⁵ Там же. С. 195.

³⁶ Сыромятников Б. И. История русского государственного права: Лекции, читанные в Московском Коммерческом институте в 1908/09 академическом году. М., [1909]. С. 72.

³⁷ Там же. С. 74–75.

³⁸ Там же. С. 74.

³⁹ Сыромятников Б. И. История русского права: Удельный период (с конца XII до начала XVI ст.) // Вестн. Высших женских юридических курсов в Москве, 1907/08 акад. год. М., 1908. № 5/6. С. 13–14.

Писавший в те же годы М. С. Ольминский признавал независимое от жалованных грамот происхождение иммунитета⁴⁰. Он отмечал, что крестьяне были «подчинены» иммунистам «в отношении суда и управления», но при этом, по его мнению, крестьянин «удельного» времени «сравнительно легко мог избегнуть власти своего помещика». Речь у него идет о «державных правах» бояр-землевладельцев, но не о личной зависимости и внеэкономическом принуждении крестьян⁴¹. В этом отношении взгляды М. С. Ольминского были близки к концепции Б. И. Сыромятникова⁴².

В 1910 г. начала выходить «Русская история» М. Н. Покровского, который подверг решительной критике мнение «националистической историографии» об отсутствии феодализма в России⁴³. Согласно Покровскому, на Руси, как и в Западной Европе, «всякий самостоятельный землевладелец был „государем в своем имении“»⁴⁴. Попытку вывести права землевладельца из пожалований Покровский высмеивает: «...С обычной в нашей историко-юридической литературе „государственной“ точки зрения эти права всегда представлялись как особого рода исключительные привилегии, пожалование которых было экстраординарным актом государственной власти»⁴⁵.

Покровский соглашается с той частью концепции Сергеевича, которая провозглашала привилегию не исключением, а общим правилом, и считает привилегию правом целого сословия⁴⁶. В жалованной грамоте он видит только юридическую формальность, способ размежевания прав

⁴⁰ Александров [Ольминский] М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910. С. 9–10, 13–17.

⁴¹ Там же. С. 10–13.

⁴² О концепциях Н. П. Павлова-Сильванского, Б. И. Сыромятникова, М. Н. Покровского и М. С. Ольминского см. также: Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 16–33. Ср.: Тихонов В. В. А. Муравьев как исследователь теории русского феодализма в отечественной историографии // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. ст. В двух томах. М., 2013. Т. I. С. 61–69; Дурновцев В. И., Тихонов В. В. Жизнь и труды историка Б. И. Сыромятникова. М., 2012.

⁴³ Покровский М. Н. [с участием Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева]. Русская история с древнейших времен. М., [1910]. Т. I. С. 64–65 (Покровский М. Н. Избранные произведения в четырех книгах. М., 1966. Кн. I. С. 103).

⁴⁴ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 86; ср. с. 94 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 123; ср. с. 131).

⁴⁵ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 84 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 121–122).

⁴⁶ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 85 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 122).

князя и частного землевладельца⁴⁷. Политическое значение Покровский придает лишь ханским ярлыкам и говорит, что они устанавливали «самый полный иммунитет церкви, каким только она пользовалась в средние века где бы то ни было в Европе»⁴⁸.

Иммунитеты определяются автором как «особая подсудность для особых разрядов лиц и учреждений»⁴⁹. Одновременно признается и существование «финансового иммунитета»⁵⁰. «Иммунитеты» в понимании Покровского оказываются принадлежностью и церкви, и светских землевладельцев, и «капиталистов», правивших «земством», и др. Автор, вероятно, в значительной мере разделял представление Сергеевича о всеословности иммунитетов.

Что касается источников иммунитета, лежавших глубже юридической формальности, то этого вопроса Покровский касался лишь применительно к светским вотчинникам. Природу их власти он усматривал не в структуре землевладения, а в пережитках патриархального права: вотчинное право «было пережитком патриархального права, не умевшего отличать политической власти от права собственности»⁵¹.

Следовательно, для Покровского иммунитет — чисто юридический институт, в области светского землевладения закрепляющий независимо от него существовавшую власть вотчинника. Как и почему возник иммунитет церкви и других сословий, автор в 1910 г. не объяснял, оставляя тем самым место для теории пожалований. В концепции Покровского нашло выражение своеобразное сочетание идей Павлова-Сильванского (наличие феодализма в России, независимость вотчинного иммунитета от пожалования) и Сергеевича (иммунитет — право различных сословий и разрядов населения). Особенность его схемы заключалась в признании источником вотчинной власти «патриархального права». Этот специфический момент можно расценить как попытку приложить к частному землевладению представление о патерналистском характере княжеской власти, проистекавшей, по мнению Владимирского-Буданова, «из древних оснований власти домовладыки и отца»⁵².

⁴⁷ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 86–87 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 124).

⁴⁸ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 220 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 218).

⁴⁹ Покровский М. Н. Русская история... М., [1910]. Т. II. С. 253 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 438–439).

⁵⁰ Покровский М. Н. Русская история... Т. II. С. 241 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 427).

⁵¹ Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 86 (Он же. Избранные произведения... Кн. I. С. 123).

⁵² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886. С. 93.

Покровский проводил прямую линию от вотчинной власти раннего периода до «уголовной юрисдикции помещика» и «подданства» ему крестьян в условиях «нового феодализма» XVIII — первой половины XIX в.⁵³ Здесь проявилось следование автора плодотворной идее Сергеевича — Дьяконова о вхождении иммунитета в состав позднейшего крепостного права.

В книге В. А. Панкова, вышедшей в 1911 г., проблема иммунитета также рассматривалась в довольно тесной связи с проблемой крестьянской крепости. Эта взаимосвязь, конечно, не была случайной в условиях столыпинской реформы, когда в буржуазной историографии резко возрос интерес к крестьянскому вопросу (в изучаемое время началась, в частности, энергичная разработка дипломатики актов крестьянской и холопской зависимости)⁵⁴. Остановливаясь на проблеме происхождения иммунитетных грамот, Панков указывал в качестве мотивов их выдачи благочестивые побуждения, желание устроить духовенство, помогавшее великим князьям в борьбе с удельными, а также стремление заселить пустующие земли для получения казенных доходов, переманить людей из других княжеств⁵⁵.

Повторение тезиса о благочестивых целях выдачи жалованных грамот предопределялось общим возрождением схемы Милютина — Горбунова в концепции Павлова-Сильванского. Дополнительным объяснением роста внимания к этому тезису в годы реакции может служить факт распространения богоискательских настроений в среде буржуазной интеллигенции в изучаемый период. Тогда же в русской историографии возродился специальный интерес к ханским ярлыкам русским митрополитам⁵⁶.

Схема Панкова важна новым раскрытием старого тезиса о благочестивых мотивах. Автор рассматривал грамоты как награду духовенству за помощь в борьбе с удельными князьями. Отсюда уже был один шаг до признания самих грамот орудиями междукняжеской политической борьбы. Однако этот шаг означал бы огромный качественный скачок,

⁵³ Покровский М. Н. Русская история... М., 1912. Т. IV. С. 55, 57, 61 и др. (Он же. Избранные произведения... М., 1965. Кн. II. С. 57, 59, 62 и др.).

⁵⁴ Удинцев Вс. История займа. Киев, 1908; Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. II. С. 79; Дьяконов М. К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. Ч. I. С. 321–326 и др.; Лаппо-Данилевский А. С. Служилые кабалы позднейшего типа // Там же. Ч. II. С. 719–764; Сводный текст крестьянских порядных XVI века / сост. слушательницами С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1910; Греков Б. Новгородские бобыльские порядные // Чтения ОИДР. 1912. Кн. 2, отд. 2. С. 1–6.

⁵⁵ Панков В. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. СПб., 1911. С. 1–29 (гл. I).

⁵⁶ Веселовский Н. И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909. С. 525–536.

переход на позиции Н. Г. Чернышевского. Панков лишь показал тот поворот, который следовало придать тезису о благочестии, чтобы поставить его с головы на ноги, но сам остался на идеалистических позициях, считая жалованные грамоты актами благодарности, т. е. пассивными свидетелями, а не активными орудиями политической борьбы. Более того, он буквально переписал аргументацию Мейчика, доказывая не политические, а юридические причины «слабой исполнительной силы» жалованных грамот⁵⁷.

Дальнейшую судьбу иммунитета Панков трактовал в духе К. А. Неволлина, Д. М. Мейчика, М. Ф. Владимирского-Буданова. Вслед за Неволлиным он считал, что централизованное государство в ходе постепенного ограничения иммунитета ликвидировало его совсем (иммунитет светских землевладельцев — в XVI в., духовных — в XVIII в.)⁵⁸. Все основные предпосылки для ликвидации церковно-монастырских иммунитетов, по мнению Панкова, были уже в XVI в. (сокращение казенных платежей с земель духовных корпораций, уменьшение заинтересованности правительства в монастырях в связи с уничтожением уделов и др.). Однако задержка секуляризации произошла, согласно Панкову, в силу мировоззрения тогдашнего общества, которое считало необходимым материально обеспечивать «устройство душ» и вообще испытывало благоговение перед духовенством⁵⁹. Не совсем четко объяснял Панков фактическую разницу между владениями, имевшими жалованную грамоту, и владениями, не имевшими таковой. В XVI в., полагал он, положение крестьян в пожалованных вотчинах было не легче, чем в других землях, но крестьяне туда стремились лишь в надежде получить кратковременную льготу: монастыри давали ее вследствие большей своей материальной обеспеченности по сравнению с бестарханными светскими феодалами.

Панков считал, что в ранний период (до XVI в.) крестьянство являлось свободным населением иммунитетных вотчин и лишь затем стало попадать в личную зависимость от землевладельцев⁶⁰. Однако рост этой зависимости автор связывал не с экономической структурой феодальной собственности на землю, а с закрепостительной политикой правительства. Из своего обзора Панков сделал следующий вывод: отмена иммунитета привела к закрепощению высшего сословия, в конце XVI в. правительство закрепостило и крестьян. Таким образом, Панков вполне солидаризировался с представителями теории надклассового характера государства и всеобщего закрепощения сословий⁶¹.

⁵⁷ Панков В. Указ. Соч. С. 27–28.

⁵⁸ Там же. С. 112–113, 134 и др.

⁵⁹ Там же. С. 128–129 и др.

⁶⁰ Там же. С. 123, 144–145, 183–184.

⁶¹ Там же. С. 186.

Эклектизм концепции Панкова основывался на полном игнорировании феодальной формы земельной собственности. Недаром земельных собственников автор иногда называл «капиталистами». Иммунитет рассматривался Панковым как простое дополнение к землевладению, часто как доходная статья.

В работе Панкова большой документальный материал (опубликованный и частично архивный) был систематизирован по княжествам, и при этом прослеживалось постепенное ограничение иммунитета. Автор справедливо отметил более ограничительный характер политики Москвы по сравнению с удельнокняжеской и стремление московского правительства XVI в. ликвидировать освобождение от важнейших налогов и не давать права суда по самым тяжконаказуемым видам преступлений. Как и Покровский, Панков усматривал в этом прежде всего попытку отобрать наиболее доходные статьи. Вместе с тем он правильно угадывал в ограничениях стремление к стеснению «иммунитетной независимости»⁶² (т. е. задачу политическую). Однако, подобно своим предшественникам (Неволин, Мейчик, Владимирский-Буданов), Панков не выдвигал мысль, что правительство было не в состоянии, сохраняя феодальное землевладение, уничтожить «последние остатки иммунитетной независимости».

Таким образом, в книге Панкова делалась попытка объединить близкие между собой составные части схем Неволина — Милютина — Павлова-Сильванского, с одной стороны, Горбунова — Мейчика — Владимирского-Буданова — с другой. Основное противоречие этих двух больших направлений в историографии иммунитета состояло в полярном решении вопроса о происхождении и природе иммунитета. Однако, рассматривая происхождение грамот, Неволин, Горбунов и др. при всех отличиях их концепций друг от друга считали активным началом государство. Именно оно было заинтересовано в выдаче грамот (либо ради ограничения иммунитета, либо в силу благочестия и т. п.). В этом же духе решал вопрос о выдаче жалованных грамот и Панков.

Завершающему этапу развития историографии феодального иммунитета в дореволюционной России предшествовал ряд новых крупных и мелких публикаций жалованных грамот церковно-монастырским учреждениям и светским лицам⁶³. Оживленное обсуждение природы феодального иммунитета в 1915–1917 гг. сопровождалось интенсивным исследованием ханских

⁶² Там же. С. 111–113.

⁶³ Наиболее важны: Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов / под ред. А. К. Кабанова // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913. Вып. 3, ч. 1: Сборник. Т. XIV; Архив П. М. Строева. Пг., 1915–1916. Т. 1–2; Шумаков С. А. Обзор «грамот коллегии экономии». М., 1912. Вып. III; М., 1917. Вып. IV, и др.

ярлыков⁶⁴. Между развитием дипломатики жалованных грамот и дипломатики ханских ярлыков существовала довольно устойчивая связь, проявившаяся в годы первой революционной ситуации (1859–1861) и в 1915–1917 гг.

В 1915 г. был издан курс лекций по русской истории М. К. Любавского⁶⁵. Иммуниет Любавский рассматривал как «льготы» и «изъятия»⁶⁶, т. е. считал его чисто юридической категорией. Автор не сомневался в том, что источник иммунитета — княжеское пожалование. В этом смысле он вполне следовал за Милюковым: «Князья сделались у нас на Руси территориальными государами прежде, чем создалось боярское землевладение, которое развивалось уже под покровом и в зависимости от княжеской власти»⁶⁷. Автор прямо отвергал мнение Павлова-Сильванского о независимом происхождении боярского землевладения⁶⁸.

Для Любавского вопрос заключался лишь в том, почему князья жаловали иммунитеты и к каким последствиям это приводило. Названные им причины пожалования сводятся к четырем моментам: 1) князья не имели денег для раздачи жалования своим слугам и церковным учреждениям⁶⁹; 2) князья смотрели на государственную власть как на предмет частного владения, доходную статью и средство оплаты услуг⁷⁰; 3) религиозные мотивы князей⁷¹; 4) предвидение князьями экономических выгод от заселения страны⁷².

Здесь повторены очень старые доводы, встречающиеся в разных вариациях в историографии XIX — начала XX в. (Чичерин, Соловьев, Горбунов, Мейчик, Панков и др.). Однако автор выдвинул еще мысль об отсутствии исторической необходимости в пожаловании иммунитетов. Он считал, что за услуги князья могли расплачиваться кормлениями, а не отказываться «навсегда» от своих прав по отношению к населению жалующих имений: только «политическая неразвитость» князей толкнула их на путь предоставления иммунитетов⁷³.

⁶⁴ Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916; Веселовский Н. Рецензия на книгу М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам» // ЖМНП. 1917. Март; Апрель. С. 119–124.

⁶⁵ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915; 2-е изд. М., 1916; 3-е изд. М., 1918.

⁶⁶ Там же. [1-е] — 3-е изд. С. 175.

⁶⁷ Там же. [1-е изд.]. С. 174; 2–3-е изд. С. 175.

⁶⁸ Там же (в дальнейшем ссылки даются только на 1-е изд.).

⁶⁹ Там же. С. 175.

⁷⁰ Там же. С. 162.

⁷¹ Там же. С. 160.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 176.

Более интересны выводы Любавского о последствиях пожалования. Автор признавал, что результатом иммунитетных пожалований было, во-первых, приближение статуса вотчины к статусу княжества и некоторое сходство русского иммунитетного владения с западным⁷⁴ (в этом известное отличие от концепции Милюкова⁷⁵); во-вторых, появление наряду с экономической зависимостью крестьян-арендаторов (концепция Ключевского) юридической зависимости этих крестьян от своих владельцев⁷⁶ (близость к концепции Сергеевича — Дьяконова).

Схема Любавского весьма эклектична и в главных чертах представляет собой симбиоз построений Милюкова и Сергеевича.

Революционная обстановка 1916–1917 гг. заметно активизировала общественно-политическую и историко-юридическую мысль. П. И. Беляев, писавший в 1916 г.⁷⁷, считал (вслед за Н. П. Павловым-Сильванским) иммунитет «конструкцией публичных прав как принадлежности недвижимых имений», возникшей независимо от государства («... В подчинении жителей привилегированной вотчины суду и дани господина иммунитетные грамоты только развивают исконные начала»)⁷⁸. Автор утверждал, что феодальное правительство «было не в силах» «уничтожить существование сенъорий, ячеек крепостного нрава»⁷⁹. Беляев по существу присоединился к точке зрения Сергеевича — Дьяконова о неразрывности иммунитета и крепостного права. В термин «недвижимые имущества» автор не вкладывал понятия феодальной собственности на землю. Феодал, по его мнению, был не собственником своей земли, а опекуном «в примитивном смысле», имеющим «власть над подопечным имуществом» и действующим «в своих интересах»⁸⁰ (ср. идею «патриархального права» Покровского). Беляев фактически попытался примирить сильные стороны теорий Павлова-Сильванского и Сергеевича со славянофильской концепцией внесобственнического, сугубо политического характера власти феодалов. Отсюда его понимание жалованных грамот как чисто управленческих актов, не затрагивавших социальной структуры феодального строя.

⁷⁴ Там же. С. 161, 162, 175, 179.

⁷⁵ Автор, впрочем, указывал, что «русский феодализм в своем развитии не пошел дальше первичных, зачаточных форм» (Там же. С. 180).

⁷⁶ Там же. С. 162.

⁷⁷ Беляев П. И. Древнерусская сенъория и крестьянское закрепощение // ЖМЮ. 1916. Октябрь; Ноябрь.

⁷⁸ Там же. Октябрь. С. 150.

⁷⁹ Там же. С. 152; ср.: Там же. Ноябрь. С. 165.

⁸⁰ Там же. Октябрь. С. 161. П. И. Беляев указывал, что феодал «есть не собственник, а властитель» (Там же; ср. с. 178).

Большой историографический интерес представляет раздел, посвященный жалованным грамотам в сводной статье С. А. Шумакова о русских грамотах. Как и Дьяконов, Шумаков, используя классификационную схему Владимирского-Буданова, вложил в нее новое содержание. Вслед за Беляевым Шумаков сближал жалованные грамоты с грамотами правительственного управления — уставными, губными и земскими, но в отличие от Беляева он не искал общего источника всех этих разновидностей грамот, а выводил уставные, губные и земские грамоты из более древних жалованных⁸¹. Указанные типы грамот Шумаков расценивал как «хартии вольностей отдельных классов (уставные грамоты) и лиц (грамоты жалованные в тесном смысле), вырванных и завоеванных ими в пылу классовой социально-экономической борьбы». И в сноске разъяснял: «Так по существу, если не по форме. Ведь если жалованные грамоты формально и являются октроированными актами, то по существу... решающим моментом в подобных случаях является не юридическая фикция добровольности дачи грамоты, а юридическое закрепление грамотой фактического переворота и сдвига, явившегося результатом классовой борьбы»⁸².

В мысли Шумакова было много верного, однако «классовую борьбу» он усматривал главным образом во внутриклассовой борьбе боярства и дворянства. Так, справедливо отмечая постепенное ограничение судебного иммунитета, Шумаков указывал: «... Причем не осталась тут без влияния и классовая борьба старого боярства с новым дворянством, с участием в ней духовенства и тяглых классов ... Под влиянием той же классовой борьбы ограничиваются и финансовые льготы грамотчиков...»⁸³ Вопрос о дальнейшей судьбе иммунитета Шумаков не ставил специально, но он верно подчеркнул: «Реальное соотношение сил было таково, что льготные грамоты продолжают даваться у нас до XVIII в.»⁸⁴

Таким образом, Шумаков, исходя из выработанного уже в науке представления об иммунитете как сословном праве (Дьяконов, Пресняков, Покровский), впервые в русской историографии связал выдачу жалованных грамот с острой борьбой классовых прослоек и сословий русского общества. В этом его заслуга. Однако Шумаков настолько в общих чертах обуславливал «классовой борьбой» выдачу жалованных грамот «в узком смысле», что тезис его не получил обоснования. Вне поля зрения Шумакова оставалась главная причина ограничения феодального иммунитета — развитие производительных сил и производственных отношений. Роль

⁸¹ Шумаков С. Обзор «грамот коллегии экономии». Вып. IV. С. 5.

⁸² Там же. С. 3, примеч. 1.

⁸³ Там же. С. 8.

⁸⁴ Там же. С. 9.

правительства в выдаче жалованных грамот статьей Шумакова тоже не выяснялась. Создавалось впечатление, что правительство довольно механически выполняло то, перед чем оно было поставлено фактами классовой борьбы. Это сближало Шумакова методологически с позднеюридической школой — Сергеевичем и др. Концепция Шумакова сложилась в значительной мере под влиянием революционной борьбы в России 1916–1917 гг. Характерно, что в период кризиса и падения самодержавия вновь были развиты и усилены те точки зрения, которые сводились к отрицанию активной роли государства в создании и отмене иммунитета. В схеме Шумакова идея челобитья была заменена идеей классовой борьбы за получение привилегий; у Беляева прямо отрицалась возможность отмены иммунитета феодальным государством.

Подводя итоги развития русской дореволюционной историографии иммунитета, отметим постоянную борьбу в ней двух течений: одного — стремившегося доказать независимое от государства возникновение иммунитета, и другого — отстаивавшего мысль о государственном происхождении иммунитета.

При этом сторонники теории автогенного иммунитета (Неволин, Павлов-Сильванский) мало интересовались отношением иммунистов к получению жалованных грамот. В концепциях историков данного направления грамотчики — сторона пассивная, их интересы вне учета, правительство же выдает грамоты по политическим соображениям. У Ланге, И. И. Дитяткина, Сергеевича — наоборот: грамотчики — инициаторы, челобитчики, заинтересованные в выдаче грамот, определяющие ее, а государство — пассивный механизм, выполняющий их волю. Каждое направление абсолютизировало одну сторону проблемы, не видя в акте выдачи грамоты своеобразной сделки, компромисса интересов. И та и другая постановка вопроса имела свои сильные стороны, так как охватывала часть истины.

Считая государство активным борцом за ограничение привилегий, некоторые представители первого направления смогли прийти к выводу, что государство пыталось приобрести то, чем не обладало, т. е. что иммунитетные привилегии возникли независимо от государства. Представители второго течения, предполагая механическое распространение иммунитета в общем порядке, сумели понять неразрывность иммунитетных привилегий с позднейшим крепостным правом. Внутренние слабости каждой концепции породили соответствующие неверные выводы: тезис об уничтожении иммунитета государством (до ликвидации феодального землевладения) — у сторонников первой теории, тезис о создании иммунитета жалованными грамотами, т. е. государством, — у выразителей челобитной теории.

Общее в этих воззрениях заключалось в абсолютизации (в том или ином аспекте) роли государства в истории иммунитета. Теоретики первого

направления абсолютизировали государство в религиозно-феодальном плане, представляя его источником законодательной мысли. Теоретики челобитного направления идеализировали самодержавное государство в чисто буржуазном духе, считая его исполнителем законодательной воли различных сословий. Незаметно для себя Сергеевич и Дьяконов, критиковавшие теорию Георга-Фридриха Пухты, славянофилов и Владимирского-Буданова, сами приближались к этой же позиции, ибо признание государства исполнителем воли различных сословий (от бояр до крестьян — у Сергеевича) означало солидарность с тезисом Пухты о законодателе как выразителе правового сознания народа в целом.

Буржуазный аспект идеализации государства стал возможен только в условиях более или менее зрелого капитализма, в обстановке буржуазных реформ, некоторого либерализма, ослабления открыто диктаторской роли самодержавия. Челобитную концепцию Ланге, Дитятина, Сергеевича подготовила эпоха реформ 60–70-х годов XIX в. Буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. дала новый толчок для развития этой теории (Дьяконов). Челобитная теория, сеявшая буржуазные иллюзии относительно сущности самодержавия, не могла играть заметной прогрессивной общественной роли, за ней крылись надежды на «улучшение» самодержавия, его либерализацию в плане ответа на «челобитья» подданных, в то время как революционная постановка вопроса сводилась к требованию ликвидации самодержавия.

Абсолютизация государства в религиозно-феодальном плане (точнее — абсолютизация его религиозно-самодержавной сущности) либо давала прямую апологию самодержавия⁸⁵, либо подчеркиванием недоговорного характера государства (теория закрепощения сословий) могла играть некоторую прогрессивную общественную роль, косвенно выражая протест против автократии⁸⁶.

Абсолютизация самодержавной стороны государственной власти обычно имела место в условиях реакции, наступавшей после периодов революционного подъема (время Николая I, Александра III, столыпинская реакция). Особое значение она приобрела в годы крестьянской реформы, когда либералы надеялись на силу самодержавия в борьбе с крепостниками.

1

⁸⁵ В случае отождествления воли народа и воли государства.

⁸⁶ Этот скрытый протест звучал еще в ранней, теоретически противоречивой работе В. И. Сергеевича, в которой челобитная теория уживалась с абсолютизацией самодержавной сущности русского государства: «Государственная воля переходит границы возможного и не дает дышать частному человеку» (Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 58).

Советская историография феодального иммунитета в России

(до середины 60-х годов XX в.)

Проблема феодального иммунитета, тесно связанная с проблемой крепостного права, получила весьма основательную разработку в историографии XVIII — начала XX в. В предыдущих главах были показаны главные тенденции развития дворянской, буржуазной и революционно-демократической историографии крепостного права, рассматриваемого в качестве одного из проявлений и следствий иммунитета¹.

Новый этап в изучении иммунитета наступил после победы Октябрьской революции. Не сразу, но с течением времени все большее влияние на развитие исторической мысли в России оказывал ленинизм. Поэтому будет уместно рассмотреть представления В. И. Ленина о феодализме и крепостном праве, с которыми было связано существование иммунитета.

В третьем выпуске своей книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.) В. И. Ленин говорит о переходе России от «крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому»². В своем капитальном труде «Развитие капитализма

¹ *Кашистанов С. М.* К историографии крепостного права в России. [I] // История и историки: Историография истории СССР: Сб. ст. М., 1965. С. 270–312; *Он же.* К историографии крепостного права в России. [II] // История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 126–141.

² *Ленин В. И.* ПСС. Т. I. С. 247. Об употреблении В. И. Лениным терминов «феодализм», «крепостничество», «крепостное право» см. также: *Сахаров А. М.* В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России // В. И. 1960. № 4. С. 78–79 и др.; *Он же.* Ленин об основных этапах развития русского государства // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 303–304 и др.; *Зимин А. А.* Проблемы истории России XVI в. в свете ленинской концепции истории русского феодализма // Там же. С. 328; *Шмидт С. О.* В. И. Ленин о государственном строе России XVI–XVIII вв.:

в России» (написан в 1896–1899 гг., впервые напечатан в 1899 г.) В. И. Ленин, анализируя вторую, по его определению, черту «барщинного хозяйства» — наделение непосредственного производителя земель и прикрепление его к земле, — подчеркивает универсальный характер этого признака ссылкой на Энгельса, которого он цитирует: «В средние века не освобождение (expropriation) народа от земли, а, напротив, прикрепление (appropriation) его к земле было источником феодальной эксплуатации»³. Такое же универсальное значение придает В. И. Ленин третьей, по его определению, черте «барщинной системы» — личной зависимости крестьянина от помещика: «Необходимо... „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим («Das Kapital», III, 2, 324)»⁴. Нет сомнений в том, что «барщинное хозяйство» рассматривается В. И. Лениным как тип феодального хозяйства, механизм которого исследован Марксом в III томе «Капитала»⁵.

Признав «внеэкономическое принуждение» типичной, необходимой чертой «барщинного хозяйства» вообще (как в России, так и в любой другой стране), В. И. Ленин пишет: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»⁶. Отсюда ясно, что крепостничество — лишь разновидность той хозяйственной системы, для которой характерно «внеэкономическое принуждение»⁷ (помимо наделения непосредственного производителя земель и прикрепления его к земле), т. е. крепостничество — определенная форма феодализма.

В ряде случаев В. И. Ленин употреблял термины «феодализм» и «крепостничество» как равнозначные, никогда не отождествляя «крепостничество» с рабством и не выделяя его в отличную от феодализма формацию.

(О методике изучения материалов по теме) // Там же. С. 332, 339–340; Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 15; Маньков А. Г. Вопросы крепостного права и крепостничества в России в трудах В. И. Ленина // В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. С. 313, 331; Мавродин В. В. В. И. Ленин и классовая борьба крестьян в феодальной России // В. И. Ленин и историческая наука. Л., 1970. С. 7.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 184–185. Цитата из Предисловия Ф. Энгельса к американскому изданию (1887 г.) книги «Положение рабочего класса в Англии» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 349).

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 185.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 353–354, 357–358.

⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 185.

⁷ О неприменимости термина «внеэкономическое принуждение» к рабству см.: Каиштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М., 1970. С. 194–195.

Так, в книге В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (написана в 1915 г., впервые напечатана в 1917 г.) находим следующие высказывания: «...при всех и всяких общественных укладах хозяйства мелкий земледелец „трудится“: и при рабстве, и при крепостничестве, и при капитализме»⁸; «...часто латифундии являются пережитком докапиталистических отношений — рабских, феодальных или патриархальных»⁹. Можно видеть, что здесь крепостничество и феодализм предстают как вполне однородные понятия. В лекции «О государстве» (произнесена в 1919 г., впервые напечатана в 1929 г.) В. И. Ленин пользуется термином «крепостничество» в значении «феодализм» применительно не только к России, но и к другим странам: «...переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму»; «...Крепостничество было вытеснено из всех стран Западной Европы. Позднее всех произошло это в России»¹⁰.

Под «крепостничеством» В. И. Ленин понимал как власть крепостников, так и всю систему землевладения, в том числе и землевладение крестьянское. В статье «Сущность „Аграрного вопроса в России“» (1912 г.) он писал: «Крепостническим является не только помещичье, но и крестьянское землевладение»; «...надельное крестьянское землевладение в России остается средневековым, крепостническим»¹¹. Эту мысль следует сопоставить с высказыванием К. Маркса в I томе «Капитала» (1867 г.) о том, что крестьяне «имели такое же феодальное право собственности» на занимаемые ими участки, «как и сами феодалы»¹². У. Ф. Энгельса в его работе «К истории прусского крестьянства» (1886 г.) мы находим разъяснение этого положения: крестьяне «до тех пор, пока они выполняли обусловленные повинности, имели такое же право на свои усадьбы и гуфы, а также и на общинные угодья, как и сам господин-помещик»¹³.

Определяющее значение для марксистской постановки проблемы феодального иммунитета в России имела дальнейшая разработка В. И. Лениным марксовой теории земельной ренты. Уже в книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал главные черты «барщинного хозяйства» как основанного на предоставлении непосредственному производителю земли во владение, на прикреплении его к земле и вытекающем отсюда «внеэкономическом принуждении», с помощью которого

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 148.

⁹ Там же. С. 170.

¹⁰ Там же. Т. 39. С. 71.

¹¹ Там же. Т. 21. С. 309.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 730.

¹³ Там же. Т. 21. С. 249.

земельный собственник получал прибавочный продукт. Проблему «внеэкономического принуждения» и добываемой при его посредстве феодальной земельной ренты В. И. Ленин затронул позднее в брошюре «Карл Маркс» (1918 г.). Касаясь здесь докапиталистической денежной ренты, В. И. Ленин снова включил Россию в контекст всеобщей истории: «...Важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты от работочной... в ренту продуктами или натурой... затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, „оброк“ старой Руси, в силу развития товарного производства)...»¹⁴.

Ленинское понимание русского Средневековья как периода развития феодальных отношений принципиально отличалось от буржуазных концепций феодализма в России, согласно которым феодализм — это система политических институтов. Политическая концепция русского феодализма не противоречила традиционному представлению о «личной свободе» крестьян до закрепостительного законодательства XVI в. и как бы взаимообуславливала иммунитет и «свободу» крестьян¹⁵. Напротив, ленинская схема «барщинного хозяйства», основанная на марксовом анализе феодальной ренты, показывала невозможность крестьянской «свободы» в условиях «внеэкономического принуждения», какие бы формы ни принимало последнее.

В статье «Эсеровские меньшевики» (1906 г.) В. И. Ленин говорил о «тысячелетней истории» «кнута» в России¹⁶, а в статье «Левонародничество и марксизм» (1914 г.) он указал точные хронологические рамки господства «крепостничества» в России — «с IX по XIX век»¹⁷.

В. И. Ленин различал два основных пути установления феодальной зависимости: 1) внешне «добровольное», а по существу вынужденное

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 70.

¹⁵ Н. П. Павлов-Сильванский обходит вопрос о «свободе» или «несвободе» подвластного имунисту населения. Однако он утверждает, что боярщина была основана на «территориальной власти» (Павлов-Сильванский Н. П. Соч. СПб., 1910. Т. III: Феодализм в удельной Руси. С. 245). Говоря о «подвластности лица землевладельцу-господину» (Там же. С. 272), о «подданстве частному лицу» (Там же. С. 304), автор имеет в виду политическую, государственную подвластность, а не внеэкономическое принуждение. Павлов-Сильванский цитирует без каких-либо оговорок Фюстель де Куланжа, писавшего: «По отношению к людям, свободным (курсив мой. — С. К.) и рабам, живущим на его земле, он (иммунист. — С. К.) уже не только собственник, он делается тем, чем раньше был граф: в его руках все, что принадлежало государственной власти» (Там же).

¹⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 13. С. 401, 403.

¹⁷ Там же. Т. 25. С. 237; подробнее см.: Сахаров А. М. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии. С. 83; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 7; Маньков А. Г. Указ. соч. С. 320–321.

поступление крестьян в кабалу к земельному собственнику; 2) переход от рабства к крепостничеству.

Первый путь В. И. Ленин упоминал еще в 1894 г. В первом выпуске своей работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» он писал, что в «эпоху московского царства» «помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест»¹⁸. В «Проекте речи по аграрному вопросу во второй государственной думе» (написан в 1907 г., впервые напечатан в 1925 г.) В. И. Ленин отметил сходное явление для XI в.: «...В 11-м веке шли в кабалу „смерды“ (так называет крестьян „Русская Правда“) и „записывались“ за помещиками!»¹⁹ При этом В. И. Ленин проводил единую линию от феодальной кабалы раннего Средневековья до пережитков крепостничества в XX в.²⁰ В его статье «Крепостное хозяйство в деревне» (1914 г.) читаем: «... Когда полунищий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег взаймы или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства»²¹.

Второй путь установления феодализма — переход к нему от рабства — В. И. Ленин рассматривал в лекции «О государстве» как общую закономерность: «Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право»²².

Таким образом, В. И. Ленин обосновал принципиальную принадлежность крепостного хозяйства в средневековой России к типу феодальной общественно-экономической формации. Он предпочитал в ряде случаев называть феодальный строй крепостническим, поскольку, во-первых, это определение было наиболее понятно и бесспорно в России конца XIX — начала XX в.²³; во-вторых, оно лучше отражало специфику позднефеодальной России²⁴; в-третьих, термин «крепостничество» при неизжитости

¹⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 153.

¹⁹ Там же. Т. 15. С. 131.

²⁰ Сахаров А. М. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии. С. 83, 85; Он же. Ленин об основных этапах. С. 303–304; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 7; Маньков А. Г. Указ. соч. С. 320–321, ср. с. 315; ср.: Шмидт С. О. Указ. соч. С. 332, 339.

²¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 90.

²² Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 70.

²³ См.: Маньков А. Г. Указ. соч. С. 318; ср.: Шмидт С. О. Указ. соч. С. 339.

²⁴ Вместе с тем нельзя забывать, что В. И. Ленин очень часто использует понятие «крепостничество» как синоним термина «феодализм». Поэтому едва ли мы можем точно хронологизировать тот отрезок истории феодализма в России, к которому В. И. Ленин применял определение «крепостничество», ограничив его, например, XVII–XIX вв. Речь у него идет о всем периоде — с IX по XIX в. Мало оснований относить ленинскую характеристику «барщинного хозяйства» преимущественно

политических концепций феодализма (Н. П. Павлов-Сильванский и др.) вернее передавал идею присущего этой системе «внеэкономического принуждения», личной несвободы крестьян²⁵. В. И. Ленин обратил серьезное внимание на генетическую связь крепостничества с рабством, подчеркнув при этом коренное различие названных социально-экономических формаций.

Процесс перехода русской историографии на позиции марксизма-ленинизма был сложным и длительным. Проследить его на примере историографии иммунитета является одной из основных задач настоящей главы.

Наиболее характерными чертами буржуазной историографии феодального иммунитета в России были следующие: 1) отсутствие анализа производственных отношений, порождающих иммунитет; 2) абсолютизация в том или ином плане роли государства в истории иммунитета; 3) постоянная борьба двух течений — одного, стремившегося доказать независимое от пожалований возникновение иммунитета, и другого, представители которого отстаивали мысль о появлении иммунитета лишь в результате княжеского пожалования. Из двух указанных течений в начале XX в. восторжествовало первое²⁶. Ведущей фигурой в нем был Н. П. Павлов-Сильванский. Его теория независимого от пожалований происхождения светского иммунитета завоевала себе немало сторонников (Н. А. Рожков, А. Е. Пресняков, М. Н. Покровский, П. И. Беляев и др.). Однако уже тогда наблюдалось отрицание правильности взглядов Н. П. Павлова-Сильванского, волна открытого преодоления его концепции (В. И. Сергеевич, П. Н. Милюков, М. К. Любавский и др.). Кроме того, и в трудах историков, в целом разделявших теорию Павлова-Сильванского, имелись внутренние противоречия, компромиссы с противоположными точками зрения, что тоже вело к определенному пересмотру и модификации всей теории.

к позднему феодализму, ибо В. И. Ленин здесь развивает марксову теорию феодальной земельной ренты, без реализации которой нет и самого феодализма.

²⁵ Всех этих аспектов не учел К. Витфогель, пытающийся доказать, что В. И. Ленин якобы отрицал наличие «феодализма» в России, признавая существование в ней лишь «крепостничества» (*Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957. P. 379–380*). Рассмотрение всех высказываний В. И. Ленина по этому вопросу, как приведенных Витфогелем, так и оставшихся вне поля его зрения, показывает, что В. И. Ленин никогда не считал «крепостничество» какой-то особой хозяйственной системой или формацией, отличной от феодализма, и термин «крепостничество» применял в двух значениях: 1) как синоним «феодализма» вообще; 2) как обозначение русской разновидности феодализма, преимущественно позднего периода.

²⁶ Подробнее об этом этапе развития историографии иммунитета см.: *Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 126–141.*

В 1918 г. вышла в свет вторая часть книги М. Н. Покровского «Очерк истории русской культуры», где автор развил свои взгляды на иммунитет, сформулированные уже в первых четырех томах «Русской истории с древнейших времен» (1910–1912 гг.) и в первой части «Очерка истории русской культуры» (1915 г.). Покровский различал в иммунитете «положительный» признак — «право владельца судить и собирать подати на своих землях», и отрицательный — «ограждение этого права от вмешательства княжеского судьи»²⁷. Такая трактовка была по существу дальнейшей модификацией схемы Павлова-Сильванского, у которого имеются хотя и близкие, но не вполне равнозначные понятия: «сеньориальное право» и «иммунитет». В принципе «положительный» признак иммунитета в концепции Покровского соответствует «сеньориальному праву» в концепции Павлова-Сильванского, а «отрицательный» — собственно «иммунитету». Объединение у Покровского обоих признаков в общее понятие «иммунитет» помогало дальнейшей разработке теории органической связи различных сторон иммунитета как социального явления, способствовало преодолению юридической ограниченности схемы Павлова-Сильванского²⁸.

Признание феодальной власти землевладельца «положительным признаком» иммунитета означало верность Покровского идее Павлова-Сильванского о возникновении иммунитета до пожалования, которую он разделял еще в «Русской истории с древнейших времен»²⁹. Утверждая, что «в иммунитете важен не положительный его признак..., а отрицательный...»³⁰, Покровский в книге 1918 г. уделил основное внимание последнему. Дабы не останавливаться на «реальных корнях» права владельца судить и собирать подати на своих землях, автор сослался на первую часть «Очерка», освещающую этот вопрос. Там он выводил «корни феодальных порядков древней Руси» из «суда старых родителей», из власти «барина над его холопом не только у себя дома, но и перед лицом

²⁷ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1918. Ч. II. С. 124.

²⁸ Еще в своей «Русской истории» Покровский писал, что феодализм — «...гораздо более есть известная система хозяйства, чем система права» (Покровский М. Н. [с участием Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева]. Русская история с древнейших времен. М., [1910]. Т. 1. С. 94; Он же. Избранные произведения в четырех книгах. М., 1966. Кн. I. С. 130); «...сила шла впереди права» (Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 92; Он же. Избранные произведения... Кн. 1. С. 129).

²⁹ Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 84–85; Он же. Избранные произведения... Кн. 1. С. 121–122. В книге М. С. Ольминского, вышедшей в том же 1910 г., что и первый том «Русской истории» Покровского, также подчеркивалось независимое от жалованных грамот происхождение иммунитета (Александров [Ольминский] М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910. С. 9–10, 13–17).

³⁰ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 124.

общественной власти, которая не смела наложить руки на холопа без согласия барина». Покровский называл указанные факторы пережитками «того строя, из которого развился феодализм *семейного* строя»³¹.

Иными словами, историк продолжал придерживаться мысли о том, что вотчинное право «было пережитком патриархального права, не умевшего отличать политической власти от права собственности»³². Данный тезис позволял доказать независимое от государства происхождение только светского, но не церковно-монастырского иммунитета, ибо духовные власти не приравнялись к «старым родителям» и не имели холопов.

Следовательно, Покровский по существу остался на той же суженной почве признания автогенности иммунитета, что и Павлов-Сильванский, который не подводил общей социальной базы под феодальный иммунитет в целом. Павлов-Сильванский, как мы уже подчеркивали, вернулся к концепции не Неволлина, а Милютина, производя светский иммунитет из права землевладельца, а церковно-монастырский — из княжеской милости³³. Покровский в борьбе с «историками-идеалистами» не забывал подчеркнуть надстроечное происхождение жалованных грамот и глубинность иммунитетных корней: «...и церковный иммунитет не создавался, а только признавался княжескими грамотами»³⁴.

Это утверждение Покровского имело очень большое методологическое значение, хотя и не было оригинальным — ту же мысль, но применительно к ханским ярлыкам, высказывал некогда К. А. Неволлин³⁵. Покровский пошел дальше Павлова-Сильванского, и возрожденный им тезис Неволлина получил признание в последующей советской историографии. Тем не менее, в книге 1918 г. данный тезис звучал декларативно, поскольку автор не только не доказывал его, но больше того — он довольно тщательно заслонил его другой концепцией возникновения иммунитета,

³¹ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. I. С. 257; ср. с. 220.

³² Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 86. См. также: Покровский М. Н. Избранные произведения... Кн. 1. С. 123. В дореволюционные годы мысль о решающей роли рабовладения для возникновения вотчинного хозяйства высказал Б. И. Сыромятников — см.: Сыромятников Б. И. История русского государственного права: Лекции, читанные в Московском Коммерческом институте в 1908/09 академическом году. М., [1909]. С. 72. Эта работа появилась на год раньше первого тома «Русской истории» М. Н. Покровского.

³³ Подробнее см.: Кашистанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 128.

³⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 124.

³⁵ Неволлин К. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб., 1847. С. 202; см.: Кашистанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 274.

весьма близкой к концепции княжеской милости, которую он оспаривал, критикуя «историков-идеалистов». Вместо фигурировавшей еще у Павлова-Сильванского идеи милости (по отношению к духовным землевладельцам) Покровский развил идею «табу»: «В основе „феодалных вольностей“ лежит понятие *иммунитета*, а в основе самого этого понятия — идея, нам хорошо знакомая: идея „табу“, только табу это нечто неприкосновенное безусловно, для всех людей, а иммунитет создавал неприкосновенность условную, для некоторых людей при известных обстоятельствах». «Имение, пользующееся иммунитетом, есть *табу* для королевской, царской, великокняжеской — чьей угодно администрации... Есть много оснований думать, что идея условного табу зародилась там же, где идея табу вообще — в области религиозной. Древнейшие, и абсолютно, и относительно, в истории отдельных народов, образчики иммунитета встречаются нам в *церковных* имениях и владениях» (далее приводился пример Нипура в Вавилоне)³⁶.

Покровский указывает, что «в древней Руси церковь отгораживается от княжеского суда всех раньше — и всех основательнее»: в XII в. князья признают право церковного суда над так называемыми «церковными людьми» (сюда автором включались «не только те, кто дал аскетический обет», но и все, «кто... работал» в обширном церковном хозяйстве); затем, в XIII–XIV вв., полный иммунитет предоставили русской церкви татарские ханы в своих ярлыках; «позднейшие грамоты русских удельных князей лишь по частям подтверждали то, что универсально и сразу было даровано татарскими ханами»³⁷.

Идею «табу» Покровский распространил и на светский иммунитет, существенно ослабив тем самым концепцию независимого от государственной власти происхождения иммунитета, которую он тут же декларировал: «Светское табу от княжеского судьи появляется в русской истории позже церковного — и объем его меньше... Светское табу само по себе не может нас удивить: мы знаем, что и на родине табу, в Полинезии, вождь может „табуировать“ любую понравившуюся ему вещь... отчего не произвести ему такой же операции по отношению к понравившемуся ему человеку?»³⁸. Столь широкое и произвольное объяснение пожалования светского иммунитета правом княжеского «табу» Покровский, однако, конкретизировал и поставил на почву реальных фактов: «Иммунитет давался светскому владельцу за службу и, конечно, фактически под условием этой службы. В обмен на эту последнюю князь налагал на себя и своих слуг, так сказать, пост по отношению к данному имению»³⁹. Здесь

³⁶ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 122–123.

³⁷ Там же. С. 123.

³⁸ Там же. С. 124.

³⁹ Там же.

уже иммунитет обусловлен службой, связан с вассалитетом и даже рассматривается как его следствие⁴⁰. Новизну и важность этого положения можно оценить, учитывая, что главный предшественник Покровского — Н. П. Павлов-Сильванский — изучал иммунитет и вассалитет совершенно изолированно один от другого.

Не видя в иммунитете характерного порождения феодальной формы земельной собственности, Покровский допускал возможность его ликвидации в случае отсутствия жалованной грамоты: «...в любой момент мог явиться конкурент и, фактически же, упразднить монополию»⁴¹. Жалованную грамоту автор считал «юридической основой иммунитета»⁴² и приравнивал ее по значению к документам XIX — начала XX в., оформлявшим какую бы то ни было «монополию»: «...жалованная грамота... являлась не материальной, а идеологической необходимостью при создании иммунитета, как в наше время закон, изданный государственной властью, является необходимостью при создании любой монополии», которая может существовать «и раньше закона»⁴³. В основе уподобления жалованных грамот позднейшему законодательству, утверждавшему права «монополии»⁴⁴, лежит челобитная теория Ланге — Сергеевича, модернизированная Н. А. Рожковым (выдача грамоты — нотариальный акт, князь — «простой нотариус»)⁴⁵. Однако Покровский не был безусловным последователем этой теории. В работе 1918 г. он не проводит мысль, что жалованные грамоты давались как бы автоматически, в порядке штамповки привилегий. Его теория «табу» и выдачи грамоты как компенсации за службу по существу ближе к концепции княжеской «милости», т. е. выборочного, а не сплошного пожалования землевладельцев.

Итак, можно построить следующую схему происхождения иммунитета по Покровскому: 1) «положительный» иммунитет проистекает а) светский — из власти «старых родителей» или холоповладельцев, б) церковно-монастырский — ? (остается без объяснений), но оба могут

⁴⁰ Мысль, подобную идее Покровского, высказывал А. Богданов, видимо, опираясь на материал западноевропейской истории: «Во внутренние дела поместья своего данника (вассала) сюзерен, вообще говоря, не вмешивался» (Богданов А. Краткий курс экономической науки. 2-е изд. Пг., 1922. С. 39).

⁴¹ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 125.

⁴² Там же. С. 124.

⁴³ Там же. С. 124–125.

⁴⁴ В XVIII в. под «монополиями» подразумевались чаще всего винные откупа. Покровский же имел в виду, вероятно, различные организационные формы капиталистического предпринимательства.

⁴⁵ Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 21, 27; см.: Кашианов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 129.

существовать до выдачи жалованной грамоты; 2) «отрицательный» иммунитет в целом обусловлен идеей «табу», причем а) светский дается за службу, оказываясь оборотной стороной или следствием вассалитета, б) церковно-монастырский — ? (остается без объяснений); 3) жалованная грамота — «юридический источник» иммунитета, она закрепляет «отрицательный» иммунитет по типу закона, устанавливающего «монополию»; без грамоты иммунитет (опять-таки, видимо, лишь «отрицательный») подвержен угрозе «упразднения».

Сравнительно с первым томом «Русской истории» (1910 г.) здесь введено различие «положительного» и «отрицательного» признаков иммунитета и подчеркнуто, что не только светский, но и церковный «положительный» иммунитет возникает без юридического оформления его грамотой. Углублена трактовка «отрицательного» иммунитета, слабо намеченная в 1910 г.: новым было стремление вывести «отрицательный» иммунитет из идеи «табу». Эта идея придавала всей проблеме несколько внеисторический характер и в то же время ослабляла верность автора концепции Сергеевича, согласно которой пожалования составляли «общее правило». Если в 1910 г. Покровский писал, что привилегия принадлежала целому сословию землевладельцев, а никак не отдельным лицам в виде особой государственной милости⁴⁶, то в 1918 г. он утверждал, что «иммунитет создавал неприкосновенность условную, для некоторых людей при известных обстоятельствах»⁴⁷. Зато объяснение пожалования иммунитета светским землевладельцам их службой князю вполне гармонировало с имеющимся в книге 1910 г. тезисом о политических мотивах выдачи ханских ярлыков⁴⁸.

Модификацию взглядов Покровского на происхождение иммунитета нельзя оценить однозначно. Безусловным шагом вперед было различие «положительного» и «отрицательного» признаков иммунитета, декларирование независимости от пожалований и светского, и церковного «положительного» иммунитета, установление связи между пожалованием «отрицательного» светского иммунитета и службой.

⁴⁶ Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 85. (См. также: Он же. Избранные произведения... Кн. 1. С. 122).

⁴⁷ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 122. В другом месте этой работы автор говорит: «Грамоты носили индивидуальный характер — давали иммунитет определенному лицу или, лучше, определенной семье» (Там же. С. 125).

⁴⁸ Смысл выдачи ярлыков Покровский видел в том, что, с одной стороны, благодаря этому церковь возносила за ханов публичные молитвы, а, с другой стороны, привилегии церкви стесняли власть местных князей, ослабляя их перед лицом ханов (Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 221; Он же. Избранные произведения... Кн. 1. С. 219).

Идея «табу» способствовала изживанию представления об автоматическом пожаловании грамот всем членам определенного сословия, т.е. она заключала в себе фермент преодоления челобитной теории Ланге — Сергеевича. Вместе с тем эта концепция, во-первых, переносила поиски причин возникновения «положительного» и «отрицательного» церковного иммунитета в область чисто идейную и, во-вторых, служила новым основанием для выведения «положительного» иммунитета в целом из характерных особенностей не феодальных, а патриархально-родовых и патриархально-рабовладельческих отношений.

Незыблемым ядром концепции Покровского и оставалось признание этих отношений источником «положительного» светского иммунитета. Взятые изолированно от феодального способа производства, личностные (фактически патриархально-рабовладельческие) связи рассматривались Покровским в качестве первопричины развития иммунитета. В книге 1918 г. замечен более существенный, чем в работе 1910 г., отход автора от теории феодально-землевладельческого происхождения иммунитета, намеченной в трудах Н. П. Павлова-Сильванского.

Ни Павлов-Сильванский, ни Покровский не выводили иммунитет из механики реализации феодальной формы земельной собственности. Оба они говорили о свойственном феодализму «соединении» собственности на землю с властью над людьми⁴⁹, т.е. ставили собственность и иммунитет в ряд явлений одного порядка. Однако Павлов-Сильванский придерживался публично-правовой концепции иммунитета, считая его по содержанию государственным правом, и это право он иногда трактовал не просто как «соединенное» с земельной собственностью, а как органически «приданное» к ней. Характерно в этом плане его замечание, что составитель одной грамоты видит в иммунитете «естественный *придаток*» (курсив мой. — С. К.) к праву собственности на село⁵⁰. Покровский по существу противопоставил публичноправовой концепции иммунитета представление о частноправовой его природе (власть «старых родителей»

⁴⁹ «Основным политическим признаком феодализма является соединение землевладения со властью над людьми, которые живут на земле данного землевладельца» (Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. I. С. 255–256). В 1910 г. Покровский говорил о «неразрывной связи» землевладения с политической властью (Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 84; Он же. Избранные произведения... Кн. 1. С. 121). Тезис автора прямо восходит к идее Павлова-Сильванского, считавшего «главную, первую черту феодализма» «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением» (Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907. С. 69). Павлов-Сильванский имел в виду, в частности, и то, что владлец сеньории «соединяет частные права собственника земли с некоторыми государственными правами на лиц, живущих на его земле» (Там же).

⁵⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Соч. Т. III. С. 296.

и холоповладельцев), и частное право на людей у него гораздо больше оторвано от права собственности на землю, чем у Павлова-Сильванского иммунитет как конструкция публичных прав от землевладения в узком смысле слова. Можно даже сказать больше, в схеме Покровского феодальная собственность на землю ни в малейшей степени не играет роль источника иммунитета.

Именно поэтому, не найдя в патриархальных и рабовладельческих отношениях причин установления власти монастырей и церкви над людьми, Покровский оставил открытым вопрос о происхождении «положительного» иммунитета духовных феодалов и не дал общей концепции возникновения иммунитета, удовлетворительно объясняющей наличие его у представителей различных господствующих сословий феодального общества.

К заслугам Покровского принадлежит попытка проследить развитие иммунитета на всем протяжении существования феодализма в России. Как известно, К. А. Неволин резко противопоставлял юрисдикцию русских землевладельцев раннего периода (в отношении «людей свободных») судебным полномочиям позднейших помещиков (в отношении их крепостных). В. И. Сергеевич и М. А. Дьяконов, напротив, провели единую линию от иммунитета до крепостного права. Эту последнюю тенденцию воспринял Покровский в своей «Русской истории...» (1910–1912 гг.), а вслед за ним – П. И. Беляев (1916 г.)⁵¹.

В «Русской истории» Покровский говорил об иммунитете как сословном праве⁵² без указания того, был ли этот характер сословного права присущ иммунитету с самого начала его существования или он установился позднее. В «Очерке» автор, признавая некоторую выборочность ранних пожалований, прослеживал постепенное превращение иммунитета в сословное право: «... В церковном иммунитете мы видели уже образчик светского табу, распространявшегося на целую категорию лиц. Дальнейшее развитие иммунитета и заключалось в применении его ко все новым и новым случаям, и в распространении его на целые общественные группы»⁵³.

Способом такого «распространения» иммунитета Покровский считал выдачу не только собственно жалованных, но и уставных губных и земских грамот: жалованные грамоты предоставляли иммунитет

⁵¹ Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 277–278, 305; [Ч. II]. С. 132, 134, 138.

⁵² Покровский М. Н. Русская история... Т. 1. С. 34–85. (См также: Он же. Избранные произведения... Кн. 1. С. 121–122).

⁵³ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 125.

«отдельным имениям», а уставные — «коллективным единицам, городам и волостям»⁵⁴. Говоря, что «сущность в обоих случаях была совершенно та же самая»⁵⁵, автор однако отмечал большую близость «волостного» иммунитета «к церковному, чем к частно-помещичьему», и это обстоятельство наводило его на мысль «о возможности *идейного* влияния» церковного иммунитета на «губную и земскую реформу» Ивана Грозного⁵⁶.

Указанная близость «церковного» и «волостного» иммунитетов заключалась в том, что для них не отыскивался источник «положительного признака» иммунитета, который был бы тождествен власти «старых родителей» или холоповладельцев, лежавшей, по мнению Покровского, в основе иммунитета светских феодалов.

Практически у Покровского как «церковный», так и «местный» (губной и земский) «иммунитет» предстал в качестве иммунитета «отрицательного», или, вернее, его «положительный» признак — власть над людьми и т. д. — должен был выводиться не из каких-то глубоких корней, независимых от пожалования, а из самого пожалования, из отрицания верховной властью полномочий местных властей — наместников, волостелей и др. Следовательно, теория «местного иммунитета» означала дальнейший подрыв декларируемой автором общей концепции иммунитета как явления, которое имеет положительный и отрицательный признаки, находящиеся в таком сочетании, когда предполагается существование «положительного» признака до возникновения признака «отрицательного».

Теория «местного иммунитета» восходила к идеям второго тома «Русской истории» (1910 г.), где Покровский говорил, что «правившие земством капиталисты» не только пользовались «финансовым иммунитетом, ... но и судили»⁵⁷. В работе 1918 г. эти идеи были развиты в определенную схему. В литературе конца XIX — начала XX в. попытки сблизить жалованные и уставные (губные и земские) грамоты наблюдаются у П. И. Беляева и С. А. Шумакова, причем если Беляев (1899 г.) искал общую исходную редакцию названных разновидностей грамот, то Шумаков (1917 г.) признавал сами жалованные грамоты источником более поздних губных и земских⁵⁸. Последняя постановка вопроса по существу соответствовала

⁵⁴ Там же. С. 132.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 133.

⁵⁷ Покровский М. Н. Русская история... Т. II. М., [1910]. С. 241 (Он же. Избранные произведения... Кн. 1. С. 427).

⁵⁸ Беляев П. И. Источники древнерусских законодательных памятников // ЖМЮ. 1899. Ноябрь. С. 151; Шумаков С. Обзор «грамот коллегии экономии». М., 1917. Вып. IV. С. 5; ср.: Кашианов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 127, 139.

представлению Покровского о создании «местного» (губного и земского) «иммунитета» под влиянием иммунитета «церковного».

Сходство взглядов Шумакова и Покровского проявилось также в том, что каждый из них рассматривал областные и частновладельческие привилегии как способ ограничения самодержавия, как своего рода конституционные нормы. По формулировке Шумакова, уставные (губные и земские) и жалованные грамоты представляли собой «хартии вольностей отдельных классов (уставные грамоты) и лиц (грамоты жалованные в тесном смысле), вырванных и завоеванных ими в пылу классовой социально-экономической борьбы»⁵⁹. Покровский вместо термина «вольности» пользовался понятием «гарантии», но фактически выражал ту же мысль: «Московское государство знало, таким образом, два рода гарантий — гарантии общественных *групп*, и гарантии *местностей*»⁶⁰.

Эти поиски исторических precedентов конституционного ограничения самодержавия характерны для русской историографии 1916–1917 гг.⁶¹ Рассмотрение иммунитета и самоуправления именно под таким углом зрения привело Покровского к признанию местничества «своеобразной формой иммунитета»⁶². Как указывал автор, «связь эта до сих пор не была подмечена в русской исторической литературе»⁶³. Почему же местничество оказывается формой иммунитета? Да только потому, что оно давало определенные политические гарантии и ограничивало самодержавие⁶⁴, не позволяя ему превратиться в «абсолютную монархию»: «„отечество“ является первой политической гарантией, какую мы встречаем на русской почве, если не считать церковного иммунитета»⁶⁵.

При квалификации местничества в качестве разновидности иммунитета автором допущена логическая ошибка, так как из посылки, что

⁵⁹ Шумаков С. Указ. соч. Вып. IV. С. 3.

⁶⁰ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 133.

⁶¹ Интерес к данной проблеме сохранился у Покровского и позднее. Так, в «Русской истории в самом сжатом очерке» (1920 г.) он обратил особое внимание на договор бояр с Сигизмундом, отцом Владислава, любопытный «в том отношении, что это первая попытка русской конституции, т. е. первая попытка определить права и обязанности государя, закрепить их письменным договором, который был бы для него обязателен» (Покровский М. Н. Избранные произведения... М., 1967. Кн. 3. С. 69).

⁶² Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 125.

⁶³ Там же.

⁶⁴ «...В самой существенной своей прерогативе, назначении министров и генералов, выражаясь по-теперешнему, „земной бог“ далеко не был свободен: на место а он мог посадить только представителя рода А или того, кто был этому последнему „в версту“...» (Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 125).

⁶⁵ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 126.

иммунитет есть форма политической гарантии, сделан вывод, что всякая политическая гарантия — иммунитет. Та же логическая ошибка лежит в основе отождествления губного и земского самоуправления с «иммунитетом». Во всех этих случаях потеряна ориентация на «положительный» признак иммунитета и его источники.

Конечно, увлечение построением схемы «гарантий» от произвола царской власти и приравнивание их к «иммунитету» было обусловлено в большей степени острым интересом автора к судьбам русской государственности накануне и в период краха самодержавия. Несмотря на спорность и уязвимость выдвинутых Покровским положений, они сохраняют научное значение, давая пищу для размышлений о характере реформ местного управления XVI–XVII вв. и эволюции иммунитета в это время.

В книге 1918 г. Покровский сосредоточил основное внимание на той стороне иммунитета, которую составляли взаимоотношения царской власти с представителями господствующего класса. Именно о «гарантиях» для дворян идет у него речь при рассмотрении развития «иммунитета» в XVIII — первой половине XIX в. Говоря, что в этот период «с местным иммунитетом дело обстояло не лучше, чем с сословным», поскольку отсутствовали гарантии гарантий⁶⁶, Покровский под «местным» иммунитетом подразумевает в основном систему местного дворянского самоуправления и называет «веткой иммунитета» право дворян выбирать судей из своей среды, причем он не вполне правомерно отождествляет этот порядок с земским самоуправлением более раннего времени⁶⁷.

«Дворянский иммунитет» Покровский трактует исключительно как право личной неприкосновенности и неподсудности дворянина: «Дворянский „иммунитет“ при Екатерине II совершенно не отвечал окружающей социальной обстановке. Дворянин мог пользоваться им, лишь сидя безвыездно в своем имении: туда действительно суд к нему „не въезжал“, разве в самых исключительных случаях. Но стоило ему приехать в город, он сталкивался с созданною новыми экономическими условиями бюрократической администрацией, весьма мало склонной уважать какие бы то ни было привилегии. Стоило ему поступить на службу, и он сталкивался с дисциплиной, бюрократической, если он был „штатским“, еще более суровой дисциплиной постоянной армии, если он был военным»⁶⁸. В свое время П. И. Беляев подчеркивал, что московские цари были не в силах «уничтожить существование сеньорий, ячеек крепостного права», «сеньории эти „процветали“ до позднейших времен», помещики в своих

⁶⁶ Там же. С. 134–135.

⁶⁷ Там же. С. 130–132.

⁶⁸ Там же. С. 131.

имениях уподоблялись монархам, выполняли судебно-полицейские функции и т.д.⁶⁹. В отличие от Беляева Покровский выпятил другую сторону дела — слабость отдельно взятого дворянина и даже местной дворянской корпорации перед лицом абсолютистской монархии с ее организованным аппаратом насилия.

На примере М. М. Щербатова и декабристов Покровский показывает, что дворянство дорожило своими иммунитетными привилегиями и скорбело об их умалении правительством: «Щербатов имел в виду... охрану не только *сословного*, но и *местного* иммунитета. Его схема охватывала „феодальные вольности“ так широко, как только можно себе представить»⁷⁰, «миросозерцание декабристов в целом было, несомненно, буржуазным... и, тем не менее, сословная дворянская обида, нарушение иммунитета верных вассалов русского царя трогает его (Каховского. — С. К.) сильнее, чем что бы то ни было»⁷¹.

Не вкладывая в понятие «абсолютная монархия» специального конкретно-исторического и социального содержания, подразумевая под ней государство с неограниченной властью монарха, Покровский считал иммунитет, даже в форме унифицированной сословной привилегии, институтом, противоречащим абсолютной монархии, мешающим монархии быть «абсолютной»⁷². По словам автора, французское королевство до 1789 г. «отнюдь не было абсолютной монархией», поскольку там, как и в России, имелось противоречие: «...Король был государем божией милостью, если не прямо земным богом; но в то же время у его вассалов был свой иммунитет, и остатки этого иммунитета, не совсем мирно, но упрямо, продолжали сосуществовать уже с бюрократической монархией»⁷³; во Франции еще при Монтескье «налицо были иммунитеты, сословные и провинциальные, и ограждавший их парламент»⁷⁴.

Покровский проводит прямую аналогию между Францией и Россией XVIII в.: в «Наказе» Екатерины II Сенат признается хранителем гарантий, его роль фактически отождествляется с ролью французского парламента —

⁶⁹ Беляев П. И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение // ЖМЮ. 1916. Октябрь. С. 152; Ноябрь. С. 164–165; ср.: Кашитанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 188.

⁷⁰ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 140.

⁷¹ Там же. С. 132.

⁷² Фактически это означало отрицание тезиса Павлова-Сильванского о возникновении в России XVIII в. «абсолютизма» (Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 124, 144–147).

⁷³ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. II. С. 136.

⁷⁴ Там же. С. 138.

судебной курии⁷⁵. «Теория „монархического“ либерализма... — включает автор, — последнее звено длинного эволюционного ряда, первым звеном которого были столь первобытные учреждения, как „табу“ и иммунитет»⁷⁶.

По широте хронологического охвата проблемы иммунитета в России Покровский может быть поставлен рядом только с П. И. Беляевым. Лишь эти два историка уделили серьезное внимание эволюции иммунитета в XVIII – первой половине XIX в.⁷⁷ Но Покровский, подобно Шумакову, сделал основной акцент на вольностях — «гарантиях» дворянства, считая их в каком-то смысле явлением положительным — ограничивавшим самодержавие. Беляев же (как и Ольминский) выделил прежде всего отрицательную сторону привилегий — самовластие дворян в пределах их имений.

У Покровского и Беляева, при всем различии их концепций, было известное сходство и в трактовке происхождения иммунитета. В схеме Покровского источником иммунитета оказывалась «власть старых родителей» или холоповладельцев; Беляеву иммунист напоминал «опекуна в примитивном смысле, имеющего власть над подопечным имуществом и действующего в своих интересах»⁷⁸. Оба исследователя существенно

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 142.

⁷⁷ Их идейными предшественниками в этом вопросе являлись Сергеевич и Павлов-Сильванский. Первый говорил, что право вотчинного суда «вошло в состав крепостного права» (*Сергеевич В.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. С. 330). Второй утверждал: «Основой социального строя нашей московской и петербургской монархии был тот же сеньориальный режим. Господский, помещичий суд и управление у нас известны достаточно хорошо из очень недавнего прошлого. Источником его было боярское вотчинное право удельной эпохи» (*Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. С. 124–125). Дворянское сословие, по мнению Павлова-Сильванского, унаследовало «от феодальной эпохи сеньориальное право» (Там же. С. 125). Правда, это позднее «сеньориальное право» Павлов-Сильвинский не называет прямо «иммунитетом». Иммунитет он считал институтом «политическим», имевшим «державное» значение (*Павлов-Сильвинский Н. П.* Соч. Т. III. С. 304), а, по его концепции, «политический феодализм окончательно пал у нас... при Иване Грозном» и на его место пришел «так называемый феодализм социальный» (*Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. С. 124). Но этот взгляд историка не противоречит тому, что он рассматривал «сеньориальное право» XVII–XIX вв. по существу как продолжение иммунитета, ибо, во-первых, по признанию автора, само «политическое значение иммунитета» даже в удельное время сильно варьировалось и «могло сводиться к нулю», когда иммунитетом обладал мелкий вотчинник (*Павлов-Сильванский Н. П.* Соч. Т. III. С. 305), во-вторых, в устах Павлова-Сильванского «сеньориальное право» почти тождественно «иммунитету»: «Иммунитет или, точнее, вообще сеньориальное право...» (*Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. С. 81). Единую линию от иммунитета удельной Руси до самовластия «государей»-помещиков XVIII в. проводил также М. С. Ольминский (*Александров [Ольминский] М.* Указ. соч. С. 6, 9, 54–55).

⁷⁸ Беляев П. И. Дворянурская сеньория... // ЖМЮ. 1916. Октябрь. С. 161.

отошли от землевладельческой концепции иммунитета Н.П. Павлова-Сильванского, вероятно, вследствие ее несовершенства, ибо Павлов-Сильванский хотя и признавал иммунитет придатком к земельной собственности, однако не показывал, как именно обуславливался иммунитет собственностью на землю⁷⁹.

Основанное на идеях Павлова-Сильванского мнение Беляева, что иммунитет — это «конструкция публичных прав как принадлежности недвижимых имений»⁸⁰, сочетается в работе того же автора с противоречащим данному положению славянофильским тезисом, согласно которому феодал — не собственник, а лишь властитель, опекун⁸¹. Покровский не отрицал собственность феодала на землю и констатировал соединение с нею власти над людьми, но самое эту власть — источник «иммунитета» — он выводил не из собственности на землю, а из патриархально-рабовладельческих прав.

Может быть, отчасти поэтому распространение иммунитета в XVI – начале XIX в. Покровский связывал не с историей земельной собственности, а только с историей взаимоотношений между господствующим классом и правительством. Классовая направленность иммунитета против крестьянства исчезла из поля зрения Покровского. Автор вслед

⁷⁹ Павлов-Сильванский считал, что решение вопроса о начале иммунитета «надо искать в направлении, указанном Маурером, именно в отношениях вотчин к маркам-волостям» (*Павлов-Сильванский Н. Иммунитеты в удельной Руси // ЖМНП. 1900. Декабрь. С. 353; Он же. Соч. Т. III. С. 295; ср.: Тарновский Ф. В. Феодализм в России: Критический очерк // Варшавские университетские известия. 1902. [Вып.] IV. С. 19*). Маурер усматривал основу иммунитета в свободе барского двора «от полевых общинных уз» вследствие выхода его из общины-марки (*Маурер Г. Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общинной власти. М., 1880. С. 254–259*). Павлов-Сильванский никак не смог применить теорию Маурера на деле, т. е. показать на русском материале высвобождение барского двора от общинных уз и возникновение на этой почве иммунитета (см.: *Павлов-Сильванский Н. Иммунитеты... С. 353–356; Он же. Соч. Т. III. С. 295–298*). Марковая теория Маурера впервые была заявлена в середине 50-х годов XIX в. (*Maurer G. L. von. Einleitung zur Geschichte der Mark. Erlangen, 1854; Idem. Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. Erlangen, 1856*). Она имела большой успех в немецкой, французской и российской историографии. Основные ее положения разделяли К. Маркс и Ф. Энгельс, что впоследствии способствовало укоренению идей Маурера в советской историографии (см.: *Данилов А. И. Маурер (Maurer) Георг Людвиг фон // СИЭ. М., 1966. Т. 9. Стб. 188–189*). Неприменимость теории Маурера и его сторонников к социальным отношениям меровингского периода блестяще показал Фюстель де Куланж, который считал марку более поздним явлением — XIII в. (см.: *Fustel de Coulanges [N. D.] Histoire des institutions politiques de l'ancienne France: L'alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne. Paris, 1889. P. 171–220*).

⁸⁰ Беляев П. И. Древнерусская сеньория... // ЖМЮ. 1916. Октябрь. С. 150.

⁸¹ Там же. С. 161.

за В.И. Лениным применил марксово понятие «внеэкономического принуждения», однако он выделил его в категорию, стоящую как бы вне самой схемы получения феодальной земельной ренты⁸². Так, в 1910 г. Покровский отождествлял с «внеэкономическим принуждением» княжеский разбой, ограбление земель (видимо, сюда включалось и взимание дани)⁸³. В 1915 г. Покровский писал: «Судопроизводство XVIII в. было конкретной формой того внеэкономического принуждения, на котором держалось крепостное хозяйство»⁸⁴. Под «судопроизводством» автор подразумевал тут государственную уголовную юстицию, служившую «торговому капиталу»⁸⁵, хотя он и замечал, что в 9/10 случаев дела решал суд помещичий, а не государственный⁸⁶. О «крепостном хозяйстве» Покровский говорил как о «базисе» феодального «правосудия», не показывая включенность внеэкономического принуждения в систему функционирования «крепостного хозяйства»: «...Базисом утонченно-жестокому „правосудию“ XVIII в. служило именно крепостное хозяйство со сложившимися в нем нравами и обычаями»⁸⁷.

Следовательно, Покровский создал весьма своеобразную концепцию истории феодального иммунитета в России. Он не дал определения иммунитета как внеэкономического принуждения. Возможно, ученый был склонен даже к противопоставлению этих понятий, ибо в иммунитете (во всяком случае «положительном») он усматривал господство «частного права»⁸⁸, власть «старых родителей» и холоповладельцев, а внеэкономическое принуждение относил к функциям публичной власти⁸⁹. Вместе с тем, труды Покровского, как думается, стимулировали работу

⁸² В рамках данной схемы рассматривалось «внеэкономическое принуждение» в книге А. Богданова и И. Степанова. Авторы говорят о «внешнем, внеэкономическом принуждении землевладельцев к труду», хотя под принуждающей силой понимают помещика, а не государство (Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. 2-е изд. [М.], 1918. Т. I. С. 285). Определение внеэкономического принуждения как «внешнего» представляется малоудачным.

⁸³ Покровский М. Н. Русская история... Ч. 1. С. 135 (Он же. Избранные произведения. Кн. 1. С. 169).

⁸⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. I. С. 235.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 236.

⁸⁷ Там же. С. 237.

⁸⁸ Покровский М. Н. Русская история... Т. 2. С. 253 (Он же. Избранные произведения. Кн. 1. С. 438).

⁸⁹ Позднее Покровский писал, что власть московских царей и российских императоров «была политической оболочкой „внеэкономического принуждения“» (Покровский М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Борьба классов. 1931. № 2. С. 85).

мысли советских историков в направлении отождествления иммунитета с внеэкономическим принуждением.

Покровский отошел от схемы как Павлова-Сильванского, так и Сергеевича, взяв у первого идею независимости первооснов иммунитета от пожалования, а у них обоих — представление о превращении иммунитета в сословное право. Покровский пошел дальше Павлова-Сильванского, высказав мнение, что и церковный иммунитет существовал до пожалований. В отличие от Сергеевича, он видел в выдаче грамот не простое выполнение воли челобитчиков, а политическую сделку, хотя и сравнивал выдачу грамот с учреждением «монополий». Поставив иммунитет в связь с вассалитетом, Покровский сделал заметный шаг вперед по сравнению с Павловым-Сильванским и Сергеевичем. Покровский, наряду с Шумаковым, верно уловил конституционное значение иммунитета, ограничивавшего самодержавие в пользу дворянства.

Влияние идей В.И. Ленина на созданную Покровским концепцию иммунитета сказалось в том, что историк рассматривал «положительный иммунитет» прежде всего как хозяйственную, а не чисто юридическую или чисто политическую категорию. Порывая с традициями буржуазной историографии, Покровский не считал иммунитет «удельного периода» условием «свободы» крестьян. Напротив, своим отождествлением первоначального иммунитета с властью холоповладельцев Покровский поставил знак равенства между иммунитетом и личной несвободой непосредственных производителей. Тем самым он приблизился к пониманию иммунитета как способа «внеэкономического принуждения», хотя его толкование последнего отличалось противоречивостью.

Ленинскому подходу к изучению крепостного хозяйства соответствовало и стремление Покровского провести прямую линию между ранним и поздним (XVIII–XIX вв.) иммунитетом, что также нарушало каноны буржуазной историографии. Если В.И. Сергеевич и М.А. Дьяконов говорили лишь о включении норм иммунитета в состав крепостного права, то Покровский считал самую власть крепостников формой иммунитета.

В то же время в концепции Покровского были слабые и спорные места: тенденция отрыва иммунитета от землевладения (при декларировании связи между ними), выведение иммунитета из первобытных и патриархально-рабовладельческих отношений, отождествление с иммунитетом любой формы местного самоуправления и т.п.

К 1918 г. относится выход двух книг еще одного видного историка, занимавшегося проблемой иммунитета, — А.Е. Преснякова. Иммунитет и жалованные грамоты интересовали его на этот раз в связи с вопросом об укреплении власти московских государей. Если в печатном тексте лекций Преснякова 1907/08–1915/16 гг. и в его монографии 1909 г. нет прямых

высказываний о природе иммунитета⁹⁰, то в книге 1918 г. он прямо солидаризируется с мнением К. А. Неволлина, что грамоты «только подтверждали тот порядок, который существовал сам собой и по общему правилу с древнейших времен», а обычай «возобновления» жалованных грамот использовался «для постепенного пересмотра грамот по их содержанию, с общей тенденцией к ограничению предоставленных грамотчикам льгот и привилегий»⁹¹.

Однако, кроме повторения верных идей Неволлина, Пресняков переосмыслил с новых позиций всю проблему выдачи жалованных грамот в целом. Во-первых, он подчеркнул классовую солидарность князей-жалователей с представителями господствующих сословий, получавших жалованные грамоты: эти акты давали «крупным землевладельцам опору по отношению к другим группам населения»⁹². Во-вторых, автор обратил особое внимание на установление с помощью жалованных грамот политической зависимости грамотчиков от князей: акты ставили «вотчинную власть в подчиненную зависимость от власти великого князя, делали ее из самодовлеющей — делегированной путем милостивого пожалования», «пожалование налагало обязанность верности и могло быть обусловлено определенными требованиями». Наконец, в-третьих, Пресняков отметил, что выдача грамот укрепляла княжескую власть как институт, превращая ее в источник «всякого признанного права»⁹³.

Решающее значение Пресняков придавал, видимо, второму моменту, ибо, по его мнению, «вся эта эволюция отношений» (выдача грамот

⁹⁰ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. I: Киевская Русь. С. 194–195; Он же. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909. С. 296. В неопубликованном тексте лекций есть утверждение (со ссылкой на Н. П. Павлова-Сильванского) о независимом от пожалований происхождении иммунитета (Чирков С. В. А. Е. Пресняков как источниковед и археограф: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 121–122).

⁹¹ Пресняков А. Е. Московское царство. Пг., 1918. С. 41; Он же. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 453–457.

⁹² Пресняков А. Е. Московское царство. С. 41. Очень четко по этому вопросу высказался Пресняков и в другой связи, а именно — объясняя, почему в земельных спорах между вотчинниками и волостью князя обычно поддерживали вотчинников: «...Вотчинное землевладение имело слишком большое значение для самой княжеской власти, чтобы она могла стать на сторону волости в этом конфликте. Развитие вотчинного землевладения с присущей ему вотчинной властью стало существенным моментом в организации боевой силы и хозяйственных средств княжества рядом с путным-дворцовым и наместничьим управлением. Боярство и духовенство, две живых и влиятельных опоры великокняжеской власти, могли особенно рассчитывать на ее заботу [о] (в издании «о» отсутствует. — С. К.) своих интересах, об укреплении их социальной силы. А в то же время — дать им опору в своей власти значило для великого князя усилить свои связи с руководящим общественным слоем и свое влияние на него. Обе эти задачи великокняжеской власти определяют существо политики жалованных грамот» (Там же. С. 38–39).

⁹³ Там же. С. 41.

и ограничение привилегий) была «направлена к разрушению коренного противоречия между вотчинной властью князя над всей территорией его княжения и вотчинными же правами крупных землевладельцев. Весь строй этих прав был настолько близок к княжескому властвованию над территорией и населением, что связь боярщины с княжеством, казалось, держится только на личной вольной службе ее владельца князю»⁹⁴.

Следовательно, Пресняков разделял взгляд Павлова-Сильванского на боярщину как тип «государства в государстве»⁹⁵. Мысль Преснякова о создании с помощью жалованных грамот «обязанности верности» или, другими словами, вассальной зависимости совпадает и с воззрениями М.Н. Покровского. Но Пресняков больше, чем Павлов-Сильванский⁹⁶ или Покровский, подчеркнул политическую сущность выдачи жалованных грамот. Характерно введенное им понятие — «политика жалованных грамот»⁹⁷. Намечавшийся еще в работах В.А. Панкова и М.Н. Покровского поворот к новым позициям в оценке мотивов выдачи грамот Пресняков довел до логического конца. Одновременно с Покровским Пресняков ясно показал, что политическая сущность выдачи жалованных грамот заключалась в установлении вассалитета-сюзеренитета, определенной формы союза или договора между жалователем и грамотчиком и формы подчинения вассала сюзерену. Впрочем, о «феодализме» автор предпочитал не говорить и избегал пользоваться западно-феодальной терминологией Павлова-Сильванского.

Приближение Преснякова к марксистской постановке вопроса выразилось прежде всего в его попытке вскрыть классовую сущность «политики жалованных грамот». Пресняков четко показал, что князь-жалователь — представитель интересов господствующего класса и не может не действовать в пользу последнего. Как это далеко от взглядов того же Сергеевича, писавшего в свое время: «Различие черных и белых сох не стоит ни в какой связи с сословным различием лиц»⁹⁸! Однако в трактовке природы иммунитета Пресняков не поднялся до анализа рентных отношений и остался на уровне концепции Неволлина.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Ср.: Там же. С. 39.

⁹⁶ Павлов-Сильванский был настолько увлечен сравнением правовых норм русских и иностранных иммунитетов, что почти не обратил внимания на политический аспект выдачи жалованных грамот. Единственное, о чем он говорит, это об ограничении иммунитета в XV–XVI вв., подчеркивая, хотя опять-таки в чисто юридическом плане, большую ограничительность московских грамот по сравнению с прочими (Павлов-Сильванский Н.П. Соч. Т. III. С. 287–289).

⁹⁷ Пресняков А.Е. Московское царство. С. 39.

⁹⁸ Сергеевич В. Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 31.

В работах и Покровского и Преснякова практически нет анализа конкретного материала жалованных грамот, поэтому их труды имели значение лишь для теоретического углубления проблемы и постановки новых вопросов. Такой же неисточниковедческий характер носила и вышедшая в 1922 г. «Русская история» Н. А. Рожкова.

Взгляды Рожкова на иммунитет не претерпели существенных изменений по сравнению с дореволюционным периодом. Его концепция по-прежнему состояла из очевидного соединения отдельных положений теории Павлова-Сильванского, с одной стороны, и Сергеевича — с другой⁹⁹. У Неволина и Павлова-Сильванского Рожков взял 1) идею обусловленности иммунитета землевладением¹⁰⁰ и независимости его от пожалований¹⁰¹; 2) утверждение, что жалованные грамоты только подтверждали давно сложившиеся права¹⁰². У Сергеевича заимствовано 1) отнесение иммунитета не к числу феодальных институтов, а к числу «зародышей феодализма»¹⁰³ (отсюда

⁹⁹ См.: *Каиштанов С. М.* К историографии крепостного права в России. [Ч. II] С. 129.

¹⁰⁰ «...Обладание земель — все равно на вотчинном или поместном праве — обуславливало собою и принадлежность помещику или вотчиннику прав суда над всеми жителями его имения и сбора податей с них» (*Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Пг.; М., 1922. Т. II. С. 33). Это же определение см. в более ранних работах автора: *Рожков Н.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. СПб., 1905. Ч. II, вып. 1. С. 147; *Он же.* Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 20. Понятие «обладание земель» в книге 1922 г. не расшифровывалось, а в книге 1906 г. читаем: «...Носитель верховной власти был таковым именно по той причине, что он обладал землей, верховные права являлись не (так у Рожкова. — С. К.) чем иным, как одним из хозяйственных атрибутов земельного владения, вроде отдельных земельных угодий» (*Рожков Н.* Происхождение самодержавия в России. С. 29; ср.: Там же. С. 39). Трактовка верховных прав в качестве «хозяйственных» атрибутов была отступлением от публичноправовой концепции Павлова-Сильванского к частноправовой концепции Б. Н. Чичерина (о ней подробнее см.: *Каиштанов С. М.* К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 282; ср.: Там же. [Ч. II]. С. 128).

¹⁰¹ «Не следует думать, что дача жалованных грамот князьями свидетельствует о происхождении всех этих преимуществ из княжеского пожалования» (*Рожков Н.* Русская история... Т. II. С. 34). То же самое в книгах: *Рожков Н.* Обзор русской истории... Ч. II, вып. 1. С. 147; *Он же.* Происхождение самодержавия... С. 20.

¹⁰² «...Жалованные грамоты только формулировали давно сложившийся и господствовавший обычай и подтверждали, укрепляли права...» (*Рожков Н.* Русская история... Т. II. С. 34). То же самое в книгах: *Рожков Н.* Обзор русской истории... Ч. II, вып. 1. С. 147; *Он же.* Происхождение самодержавия... С. 20–21. Неволинская мысль о позднейшем ограничении привилегий четко сформулирована и подтверждена материалом грамот в книге 1905 г. (*Рожков Н.* Обзор русской истории... Ч. II, вып. 1. С. 147).

¹⁰³ «Судебные и податные привилегии можно назвать только иммунитетом, а иммунитет, как и бенефиций, являются лишь одним из зародышей феодализма»

и повторение мысли Сергеевича, что феодализм на Руси не развился)¹⁰⁴; 2) представление о выдаче грамот как более или менее механическом «нотариальном» акте¹⁰⁵.

В третьем томе «Русской истории» Рожков говорил, что в процессе «падения феодализма» всюду сохранялись «устои старого феодального общественного строя — феодальные привилегии и феодальная сословность»¹⁰⁶. Возможно, это положение он распространял и на Россию¹⁰⁷, хотя не признавал наличия в ее истории периода развитого феодализма. Если подобное допущение верно, в утверждении Рожкова можно усматривать признак солидарности с тезисом Покровского о превращении иммунитета в сословную привилегию, что не исключает вероятности непосредственной переработки Рожковым идеи Сергеевича — Дьяконова относительно вхождения иммунитета в состав крепостного права.

Таким образом, в книге 1922 г. наблюдается не ослабление, а скорее некоторое нарастание влияния построений Сергеевича на схему Рожкова. В связи с отрицанием Рожковым феодализма в России его концепция имела точки прямого соприкосновения и с теорией П. Н. Милюкова. Это проявилось, в частности, в трактовке иммунитета в книге 1922 г., где Рожков писал: «...Иммунитеты не превратились в полный суверенитет, за исключением непродолжительного момента в XIII в. для отдельных великих княжеств...»¹⁰⁸.

(Рожков Н. Русская история... Т. II. С. 35). То же самое см. в книге: Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. 1. С. 148.

¹⁰⁴ «Феодальных отношений в удельной Руси и в социальном отношении, как и в экономическом, не было, были налицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития» (Рожков Н. Русская история... Т. II, вып. 1. С. 35). В книгах 1905–1906 гг. дано более короткое резюме: «Феодальных отношений в удельной Руси не было, были налицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития» (Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. 1. С. 148; Он же. Происхождение самодержавия... С. 21).

¹⁰⁵ «...подобно тому, как теперь всякое вещное право нуждается в нотариальном акте укрепления» (Рожков Н. Русская история. Т. II. С. 34). То же самое в книге: Рожков Н. Обзор русской истории... Ч. II, вып. 1. С. 147. Немного иная редакция в книге 1906 г.: «...подобно тому, как теперь имущественные права нуждаются в нотариальном акте укрепления» (Рожков Н. Происхождение самодержавия... С. 21; о князе в роли «простого нотариуса» см.: Там же. С. 27).

¹⁰⁶ Рожков Н. Русская история. М.; Пг., 1922. Т. III. С. 284.

¹⁰⁷ Рожков отрицал наличие развитого сословного строя в удельной Руси: «Сословный строй только слабо намечался» (Рожков Н. Происхождение самодержавия... С. 22), но для второй половины XVI–XVII в. признавал существование таких явлений, как «сословность, резкие юридические различия одних общественных групп от других» (Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории: (Краткий экономический очерк истории России). 2-е изд. М., 1904. С. 53).

¹⁰⁸ Рожков Н. Русская история. Т. II. С. 286; ср. с. 417.

Милюков высказывал в свое время аналогичную мысль: «В своей вотчине он (русский землевладелец. — С. К.) никогда не был тем полным государем, судьей и правителем, каким был западный барон в своей баронии»¹⁰⁹.

Рожков эволюционировал в сторону все большего признания самобытности России. Покровский и Пресняков оставались ближе к Павлову-Сильванскому, но и они несколько отошли от тех прямых отождествлений русских институтов с западными, которые есть у Павлова-Сильванского. Впрочем, всех этих авторов объединял с Павловым-Сильванским, по крайней мере, один основополагающий момент — представление о независимости происхождения иммунитета от пожалований.

Весьма короткое замечание о русском иммунитете принадлежит П. Кушнеру (1924 г.): «Иммунитет на Руси получил также немалое распространение: к XIV веку им обладало большинство крупных земельных собственников»¹¹⁰. Неясно, какой теории происхождения русского иммунитета придерживался автор. Во всяком случае, возникновение иммунитета на Западе он связывал с борьбой между вассалами и королем, говорил, что «иммунитет был получен вассалами не сразу», установление иммунитета происходило путем заключения договоров между королем и вассалами, а сам иммунитет есть «отказ короля от вмешательства в действия вассалов, производимые на их земле или над людьми, находящимися у них в зависимости»¹¹¹. С Рожковым его сближает толкование феодального суда как доходной статьи¹¹². В целом автора трудно считать вполне четким сторонником теории самобытного происхождения иммунитета.

Некоторые противоречия в понимании происхождения русского иммунитета наблюдаются у И. М. Кулишера (1925 г.). К теории автогенности иммунитета он присоединился в следующих словах: «... Нет сомнения в том, что вотчинники сами издавна себе присваивали эти права...»¹¹³; «начало ...иммунитету было положено, по-видимому, уже в древнейшие

¹⁰⁹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. 2-е изд. СПб., 1896. Ч. I. С. 165; 3-е изд. СПб., 1898. С. 168; 4-е изд. СПб., 1900. С. 178–179; 5-е изд. СПб., 1904. С. 207–208; 6-е изд. СПб., 1909. С. 221–222. Павлов-Сильванский тоже признавал, что «„окняжение“ земли у нас, в противоположность Западу, предупредило ее „обоярение“» и поэтому иммунитет в России не перешел в суверенитет, но он объяснял это обстоятельство «чисто случайной причиной» — «быстрым размножением рода владетельных князей Рюриковичей» (Павлов-Сильванский Н. П. Соч. Т. III. С. 308).

¹¹⁰ Кушнер (Кнышев) П. Очерк развития общественных форм. М., 1924. С. 207.

¹¹¹ Там же. С. 206.

¹¹² Там же. С. 231.

¹¹³ Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. М., 1925. Т. I. С. 97.

времена»¹¹⁴. Подобно Преснякову и Покровскому, Кулишер видел начало иммунитета на Руси в праве церковного суда¹¹⁵.

Автор не дает какого-либо своего объяснения исконности иммунитета, ссылаясь на страницы книг Неволлина, Сергеевича, Павлова-Сильванского и Преснякова, хотя взгляды этих историков отнюдь не идентичны. В другом месте того же труда Кулишер как бы забывает тезис о независимости иммунитета от жалованных грамот и говорит, что благодаря содержащемуся в грамотах освобождению крестьян от суда наместников «право суда и расправы *передавалось* (курсив мой. – С. К.) вотчиннику», «от жалованных льготных *грамот* (курсив мой. – С. К.) ведет свое начало и податная ответственность землевладельцев...»¹¹⁶.

Кулишер, вероятно, склонен был считать вотчинников инициаторами выдачи грамот. По его выражению, вотчинники, присвоившее себе иммунитетные права, «заставляли (курсив мой. – С. К.) князей подтверждать их»¹¹⁷. Здесь звучит отголосок челобитной теории, осмысленной в духе Шумакова, рассматривавшего жалованные грамоты в качестве хартий вольностей, «вырванных и завоеванных... в пылу классовой социально-экономической борьбы»¹¹⁸.

В трактовке существа иммунитета Кулишер тоже несколько отошел от Павлова-Сильванского и приблизился к Рожкову. Он оценивал не только податной, но и судебный иммунитет исключительно как доходную статью¹¹⁹. Павлов-Сильванский не отрицал эту роль иммунитета и даже говорил, что для мелкого феодала весь смысл иммунитета мог сводиться к получению дохода¹²⁰, однако в целом он считал иммунитет прежде всего формой политического властвования¹²¹. Такого аспекта ни у Рожкова, ни у Кулисера нет. Их взгляды на сущность иммунитета восходят к концепциям Чичерина и Ключевского¹²².

В соответствии с идеями последнего, Кулишер уделил много внимания хозяйственному, эксплуатационному предназначению иммунитета.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. М., 1925. Т. II. С. 104.

¹¹⁷ Там же. Т. I. С. 97.

¹¹⁸ Шумаков С. Указ. соч. Вып. IV. С. 3.

¹¹⁹ Кулишер И. М. Указ. соч. Т. I. С. 99 («Для игумена или архимандрита вся суть заключалась именно в этом»).

¹²⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Соч. Т. III. С. 305.

¹²¹ Там же. С. 304.

¹²² Ср.: Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 282, 302.

По мнению автора, ограждение крестьян иммунитетных владений от поборов и наездов княжеской администрации способствовало предупреждению разорения крестьянства. Кулишер подчеркивал, что взамен освобождений, даруемых князьями, «вотчинники могли, конечно, требовать усиленных повинностей и платежей в свою пользу — эксплуатация в пользу князя и его людей заменялась эксплуатацией труда в интересах вотчинников духовных и светских. Иммунитет доставлял им реальные выгоды, выражаемые в росте их доходов»¹²³.

Вопрос о значении жалованных грамот для усиления внутривотчинной эксплуатации был поставлен применительно к одному частному случаю еще Н. Никольским¹²⁴, а в общей форме — В. А. Панковым. Панков высказал мысль, что положение крестьян в пожалованных вотчинах в XVI в. было не более легким, чем в других землях (всю разницу он усматривал только в способности богатых тарханщиков давать крестьянам кратковременные льготы)¹²⁵.

Это мнение Панкова соответствовало утверждению Н. И. Ланге о том, что вотчинное тягло и вотчинный суд были не лучше, «если не хуже» государственных¹²⁶. Кулишер, напротив, полагал, что эксплуатация в частновладельческих вотчинах, принадлежавших как светским лицам, так и духовенству, «была все же меньше», чем «эксплуатация в пользу князя», поскольку задача «борьбы за рабочие руки» вынуждала частных землевладельцев к соблюдению «умеренности в эксплуатации крестьянского труда»¹²⁷.

Автор не дал обоснованного решения этого вопроса¹²⁸, но шел в интересном и малоизученном направлении.

Старому тезису буржуазной историографии, считавшей одним из мотивов выдачи жалованных грамот стремление заселить пустующие земли и превратить их «в цветущие луга и поля» (Соловьев, Горбунов, Дювернуа, Мейчик, Панков)¹²⁹ Кулишер придал новый аспект, выделив

¹²³ Кулишер И. М. Указ. соч. Т. I. С. 103.

¹²⁴ Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1910. Т. I, вып. 2. С. 59–60.

¹²⁵ Панков В. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. СПб., 1911. С. 176–186; ср.: Каишанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. II]. С. 135.

¹²⁶ Ланге Н. Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882. С. 21, 23.

¹²⁷ Кулишер И. М. Указ. соч. Т. I. С. 103–104.

¹²⁸ Достаточно спорно его утверждение, что «вотчинники не разоряли своих крестьян в той мере, как это делали за пределами вотчин княжеские наместники, тиуны и волостели» (Там же. С. 104).

¹²⁹ Подробнее см.: Каишанов С. М. К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 279, 290, 296, 307; [Ч. II]. С. 134.

тут проблему «борьбы за рабочие руки»¹³⁰ и связанную с ней проблему ограничения крестьянских переходов и закрепощения крестьян. Одновременно автор конкретизировал идею Сергеевича — Дьяконова о вхождении иммунитета в состав крепостного права. Он попытался вскрыть механику складывания крепостной зависимости на почве иммунитета, выводя из него, а вернее из жалованных грамот, как судебную власть землевладельцев, так и их податную ответственность «за исправное отбывание тягла проживающими за ними крестьянами», и резюмировал: «Следовательно, и в податном отношении создавалась зависимость крестьян от вотчинника, ответственность перед последним, возможность для него воздействовать на крестьян принудительными мерами для побуждении их к уплате податей»¹³¹.

Так преодолевалось давнее представление о том, что иммунисты, в отличие от позднейших крепостников, пользовались властью в отношении людей «свободных». Это представление было сформулировано еще Невוליным и поддерживалось многими исследователями, условно разделяющими историю русского крестьянства на период «свободы» (до конца XVI в.) и период «несвободы» (с конца XVI в.)¹³².

Таким образом, Кулишер сосредоточил основное внимание на социальных, классовых сторонах иммунитета, на его обращенности против эксплуатируемого большинства. И столь выразительно это было сделано в советской историографии впервые.

Автор попытался также в самых общих чертах проследить политику правительства в XVI–XVII вв. в отношении иммунитета духовенства. Он пришел к заключению, что, несмотря на ряд ограничений, иммунитетные привилегии монастырей, особенно судебные, устойчиво сохранялись¹³³.

В работе Кулишера дается не только трактовка проблем, но и содержится прямое обращение к источникам: жалованные грамоты нередко цитируются, хотя использование их носит ярко выраженный

¹³⁰ Надо, впрочем, сказать, что аспект «борьбы за рабочие руки» был уже отчетливо намечен Сыромятниковым (*Сыромятников Б. И.* История русского государственного права: Лекции... М., [1909]. С. 72; ср.: *Муравьев В. А.* Указ. соч. С. 29–30).

¹³¹ *Кулишер П. М.* Указ. соч. Т. II. С. 104.

¹³² Такое противопоставление есть, например, у Милюкова, Панкова и др. (см.: *Каштанов С. М.* К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 277; [Ч. II]. С. 131), хотя еще И. Е. Андреевский само получение грамот обуславливал фактической зависимостью «земледельцев от владельца земли» — возникавшим элементом крепости (*Андреевский И.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 32; ср.: *Каштанов С. М.* К историографии крепостного права в России. [Ч. I]. С. 293–294).

¹³³ *Кулишер П. М.* Указ. соч. Т. II. С. 64–66.

«иллюстративный характер», обычный для юридических исследований XIX — начала XX в.

Итак, новизна концепции Кулишера заключалась главным образом в установлении тесной связи между проблемой иммунитета и проблемой борьбы за «рабочие руки» и за ограничение крестьянских переходов. Основное противоречие его схемы — признание исконности иммунитета и вместе с тем рассмотрение его в качестве источника вотчинной власти — своеобразное сочетание взглядов Павлова-Сильванского и Сергеевича. При всей противоречивости и непоследовательности концепции Кулишера в ней наблюдается несомненное влияние марксизма-ленинизма, которое проявилось в показе классовой сущности иммунитета, несвободы крестьян в рамках иммунитетных отношений.

Если в сочинениях Покровского, Преснякова, Рожкова, Кушнера, Кулишера прослеживается известное «количественное» накопление наблюдений и мыслей, шедших вразрез с представлениями Павлова-Сильванского о происхождении иммунитета, то «качественный» взрыв или разрыв с этой концепцией был произведен в работах С. В. Юшкова и С. Б. Веселовского. Эта вторая волна открытого преодоления взглядов Павлова-Сильванского наступила через 20 с лишним лет после первой, на гребне которой находились В. И. Сергеевич и П. Н. Милюков. Первая волна докатилась до 1918 г. (книга Панкова 1911 г., лекции Любавского 1915–1918 гг.) и замерла под натиском работ Покровского, Преснякова и др.

Следование советских историков концепции Павлова-Сильванского в течение первых семи лет развития нового общественного и государственного строя в России не было безоговорочным, и тем не менее возрожденная Павловым-Сильванским мысль о независимости происхождения феодального иммунитета от княжеских пожалований получила в это время широкую поддержку. Теория Павлова-Сильванского привлекала попыткой найти объективные истоки иммунитета и феодализма в целом, поставить историю России в рамки общеевропейских закономерностей.

Вместе с тем все более выяснялись и слабые стороны этой теории. Важную роль в отказе от концепции Павлова-Сильванского могло сыграть то обстоятельство, что теория политического феодализма рушилась под влиянием идей марксизма-ленинизма, отрицавшего возможность политической «свободы» крестьянства в условиях «внеэкономического принуждения».

В 1925 г. с весьма оригинальной работой выступил С. В. Юшков. В ней коренным образом пересматривалась теория самобытного происхождения иммунитета. Заслуживают внимания источниковедческие предпосылки автора. По его мнению, у нас нет данных ни в пользу того, что иммунитет был созданием государственной власти, ни в пользу того,

что «право на иммунитет является исконным обычным правом крупных землевладельцев и дружинников»¹³⁴. Юшков счел несостоятельной попытку Павлова-Сильванского объяснять вслед за Маурером происхождение иммунитета выходом крупного землевладельца из общины и освобождением от общинных уз: «... В древнейшей Руси не было следов общины и, тем более, общины того типа, который был бы сходен в основных чертах с германской маркой...»¹³⁵. В этом отрицании наличия территориальной (или сельской) общины в древней Руси Юшков не был одинок. Такую же мысль (фактически тоже направленную против теории Павлова-Сильванского) мы находим, например, у М. Н. Покровского¹³⁶. Последний, как известно, усматривал истоки иммунитета не в землевладении, а во «власти старых родителей» и холоповладельцев, что означало неприятие концепции Маурера — Павлова-Сильванского.

Отвергал Юшков и возможность следовать мнению двух других немецких авторитетов, на которых отчасти опирался Павлов-Сильванский — Эйхгорна и Цепфеля, считавших иммунитет исконной принадлежностью всякого крупного землевладения¹³⁷ (хотя и выводивших иммунитетные права из разных источников)¹³⁸.

Юшкову казались бесплодными попытки искать корни иммунитета в эволюции какого-то одного, отдельно взятого института. Он видел в иммунитете «порождение экономического и социально-политического строя эпохи, *предшествующей феодализму*» (курсив мой. — С. К.), но тут же заявлял, что на происхождение и развитие иммунитета влиял «целый ряд *феодальных*» (курсив мой. — С. К.) институтов: и патронат, и вассалитет, и бенефиций, и основные черты хозяйственно-административного строя

¹³⁴ Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1925. Т. III, вып. IV. С. 85.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Согласно Покровскому, до XVI в. на Руси не было главного признака сельской общины — переделов, существовало «печищное» или «дворищное» первобытное землевладение — «отнюдь не ассоциация свободных и равных землевладельцев, какую рисует некоторым исследователям, например, община древних германцев». «Для того чтобы возникла и у нас община с ее переделами, мало было тех финансовых и вообще политических условий, о которых нам еще придется говорить ниже: нужна была еще земельная теснота, а о ней и помину не было в домосковской и даже ранней московской Руси» (Покровский М. Н. Русская история... Т. I. С. 73; Он же. Избранные произведения... Кн. 1. С. 111).

¹³⁷ Юшков С. В. Указ. соч. С. 85.

¹³⁸ Цепфель — из неприкосновенности частного жилища, Эйхгорн — из отношения дружинников к королю (подробнее см.: Павлов-Сильванский Н. П. Соч. Т. III. С. 293–294; Тихомиров Б. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. Кн. 3 (55). С. 5).

боярщины-сеньории и т.д...»¹³⁹ Иммунитет, по определению Юшкова, являлся «одним из основных устоев *феодальной* (курсив мой — С. К.) системы и одним из характернейших и необходимейших ее признаков»¹⁴⁰.

Признавая иммунитет типично феодальным институтом, Юшков не порывал с Павловым-Сильванским в главном. Понимание синкретической природы иммунитета было плодотворным и открывало пути для дальнейшего, более глубокого изучения его происхождения. Вместе с тем, оставалось неясным, что представляла собой механика возникновения иммунитета в дофеодальную эпоху и под влиянием феодальных институтов типа патроната, вассалитета и т.п. Особенно туманен тезис об иммунитете как порождении дофеодальных отношений. Или это пережиток концепции Сергеевича, или тут имеется в виду факт вырастания самого феодализма, а вместе с ним и иммунитета из предшествующих им социальных отношений?

Юшков оказался первым советским автором, давшим развернутую критику теории самобытного, независимого от княжеского пожалования происхождения иммунитета в древней Руси. Согласно Юшкову, здесь «процесс сеньоризации... почти полностью протекал на почве развития княжого землевладения и обуславливался фактом передачи княжеских земель церковным учреждениям и боярству. Почти все сеньориальные права были унаследованы новыми владельцами от князя, одним словом, княжое землевладение было организующим центром феодализации, основным очагом феодальных отношений... Отсюда естественнее всего предполагать, что иммунитет был принадлежностью не всякой вотчины, не всякого крупного владения, а только того, которое было передано князем и на которое уже распространялись и осуществлялись те права, которые обеспечивались иммунитетом»¹⁴¹.

Ранний русский иммунитет Юшков практически сближал с кормлением, осмысливая его в духе Ключевского — как форму удовлетворения экономических потребностей княжеских бояр и слуг: «...Передача этих прав и обеспечение их иммунитетом первоначально обуславливалась¹⁴² не столько административным, сколько экономическими моментами, так как эти права — право на суд и дань — были одним из главных источников доходов с пожалованных земель, а в некоторых случаях и единственным, именно, при пожаловании административных единиц, волостей и городов. Можно, пожалуй, предполагать, что пожалование дани и суда вместе

¹³⁹ Юшков С. В. Указ. соч. С. 86.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 87.

¹⁴² Так в тексте.

с пожалованием земли было более обычным в IX–X вв., нежели в XII–XIII, когда были найдены и усвоены интенсивные способы эксплуатации земли и когда было обращено больше внимания на землевладение, дававшее новые источники дохода для владельца»¹⁴³.

Из такого понимания иммунитета, рассматриваемого в качестве права на суд и дань, не порожденного спецификой земельной собственности, вытекало предположение о весьма раннем возникновении светского иммунитета на Руси. Юшков думал, что, несмотря на отсутствие каких-либо данных относительно существования светского иммунитета в XI–XIII вв., есть основания считать вероятным наличие его в этот период: «... Поскольку процесс феодализации имел свой основной очаг в княжеской дружине, можно предполагать, что светский иммунитет хронологически предшествовал церковному. И только в XIII в. этот институт стал развиваться на почве церковного землевладения... Развитие же боярского землевладения не поспевало за развитием церковного, почему не был отражен светский иммунитет в памятниках того времени»¹⁴⁴.

Ставя светский иммунитет хронологически раньше церковного, Юшков вступал в противоречие с взглядами Покровского, Преснякова и др., но представление о такой последовательности появления иммунитетов в принципе соответствовало теории Павлова-Сильванского.

«Исходными пунктами» развития церковного иммунитета на Руси Юшков считал постановления Устава Владимира, т.е. опять-таки «пожалование»¹⁴⁵. Под церковным иммунитетом автор подразумевал всякие вообще судебно-административные или финансовые права церкви, хотя он понимал, что подобные привилегии вне связи с землевладением еще не создавали полного или полноценного иммунитета. Так, по Уставу Владимира, «иммунитет, предоставленный церкви, является частичным: 1) он касался только судебной области и не говорил об освобождении от финансовой администрации князя, 2) он не носил территориально-поземельного характера»¹⁴⁶.

Тенденцию недифференцированной характеристики полномочий церкви мы наблюдали уже в работах Покровского, Кулишера и др.

Нам кажется, что судебные права церкви в отношении лиц, не связанных с ней узами феодально-поземельной зависимости (например, бояр,

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. С. 88–89.

¹⁴⁵ Там же. С. 89. В дальнейшем «...право на суд осуществлялось церковью без особого пожалования со стороны князя и основывалось на общих постановлениях о церковном суде, выраженных в княжеских уставах» (Там же. С. 91).

¹⁴⁶ Там же. С. 89.

купцов, крестьян, не живущих в пределах церковных вотчин), нельзя определять в качестве иммунитета¹⁴⁷. Юшков признавал условность или спорность подведения этих привилегий под понятие «иммунитет», поэтому он назвал указанные привилегии «частичным» иммунитетом.

При рассмотрении «развития церковного иммунитета» Юшков уделит главное внимание усилению его социальной направленности и возникновению земельной базы: «... Перечень лиц, подлежащих епископскому церковному суду, все более растет, начинает захватывать уже и те элементы, связь которых с церковью основывается на хозяйственно-экономических отношениях»¹⁴⁸; «...первоначальные постановления о церковной юрисдикции стали носить и территориально-поземельный характер»¹⁴⁹; расширение канонических прав церкви «имело целью обобщить иммунитетные формы»¹⁵⁰ для церкви и придать им территориально-поземельный характер»¹⁵¹.

Юшков считал, что «иммунитет уже достаточно развивался (так! — С. К.) в XII в. и был уже обычным институтом на исходе рассматриваемой эпохи»¹⁵².

Общую тенденцию эволюции иммунитета Юшков изображал как путь от полных изъятий к менее полным, но эту меньшую полноту позднейшего иммунитета он объяснял «не столько стремлением князей ограничить иммунитет, сколько расширением»¹⁵³ публичных прав и установлением¹⁵⁴ новых публично-правовых обязанностей, благодаря новым экономическим условиям и социально-политической перестройке»¹⁵⁵ — напротив, «...крайняя несложность, малочисленность прав, которые могли обеспечиваться иммунитетом XI–XII вв., побуждает думать, что они обеспечивались им всецело, без тех ограничений, которые мы наблюдаем обычно в XIV–XVI в.»¹⁵⁶.

¹⁴⁷ Подробнее см.: *Каштанов С. М., Клокман Ю. Р.* Советская литература 1965–1966 гг. по истории России до XIX века // ИСССР. 1967. № 5. С. 167; ср.: *Каштанов С. М.* Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. С. 198.

¹⁴⁸ Юшков С. В. Указ. соч. С. 89.

¹⁴⁹ Там же. С. 90.

¹⁵⁰ Так в тексте; вероятно, надо «нормы».

¹⁵¹ Юшков С. В. Указ. соч. С. 90.

¹⁵² Там же. С. 91.

¹⁵³ В тексте «расширению».

¹⁵⁴ В тексте «установления».

¹⁵⁵ В тексте «перестройки».

¹⁵⁶ Юшков С. В. Указ. соч. С. 91.

Конечно, установление новых налогов и повинностей было само по себе формой ограничения иммунитета, ибо для освобождения от них требовалась жалованная грамота, но в то же время через жалованные грамоты XIV–XV вв. проводилась отмена именно старинных и «простейших» привилегий – свободы от дани¹⁵⁷ и полного судебного иммунитета¹⁵⁸. Поэтому трактовка Юшкова не исчерпала всей глубины вопроса и не перечеркнула тезис об ограничительной политике князей.

Юшков коснулся и проблемы сходства русского иммунитета с западным. Он в целом поддержал мнение Павлова-Сильванского, заявив, что «исходные пункты» русского иммунитета аналогичны с западными, «более или менее и объем прав по иммунитету как у нас, так и [на]¹⁵⁹ Западе, был одинаков»¹⁶⁰.

Главную специфику русского иммунитета Юшков усмотрел в наличии грамот с «положительной» формулировкой иммунитетных норм. Если Покровский подразумевал под «положительным» признаком иммунитета существование вотчинной власти независимо от грамот, то Юшков называл «положительным иммунитетом» или «иммунитетом в широком смысле» такое пожалование, при котором иммунитетные права передавались в форме их утверждения за землевладельцем, а не в форме отрицания прав местных агентов князя. Пожалования последнего типа Юшков определял в качестве «отрицательного иммунитета» или «иммунитета в тесном смысле слова». При этом в обоих случаях имелись в виду словесные формулировки грамот. Поскольку «положительный иммунитет» встречается в древнейших грамотах, Юшков говорит, что «иммунитет положительный как бы предшествовал иммунитету отрицательному», отрицательный иммунитет возник из положительного¹⁶¹. Автор усиленно подчеркивал этот момент, но он ему мало что давал при его концепции государственного происхождения иммунитета в целом.

Сравнение с западными источниками навело Юшкова на мысль об особой архаичности «положительного иммунитета»: «Даже ранние меровингские дипломы всегда формулировались отрицательно... Возникает вопрос, не носит ли эта форма иммунитета (положительная. – С. К.) глубоко архаические черты, уже изжитые в раннем западноевропейском

¹⁵⁷ Kashtanov S. M. The centralised State and feudal Immunities in Russia // The Slavonic and East European Review. 1971. April. Vol. XLIX, № 115. P. 235–254.

¹⁵⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 116–225.

¹⁵⁹ В тексте «на» пропущено.

¹⁶⁰ Юшков С. В. Указ. соч. С. 91.

¹⁶¹ Там же. С. 87–88.

средневековые и сохранившиеся только у нас?»¹⁶². Ответа на этот вопрос наша историография пока не дала, хотя решение его может оказаться совсем не таким, каким оно рисовалось Юшкову.

Юшков игнорировал специфику феодальной собственности на землю и особенности ее функционирования на Руси в разные периоды развития феодализма. Это позволило ему возродить в правах гражданства «жалованную» теорию происхождения иммунитета. Но это возрождение старой теории проходило на иной основе, чем в трудах Сергеевича, Милюкова или Любавского. Автор признавал наличие феодализма на Руси, иммунитет он считал одним из важнейших устоев феодализма и солидаризировался с тезисом об однородности русского и западного иммунитетов. Другими словами, теперь опровержение Павлова-Сильванского сочеталось с глубоким усвоением кардинальных положений его концепции.

Через год после появления работы Юшкова, в 1926 г., вышла книга С. Б. Веселовского, где тоже проводилась мысль, что источник иммунитета – княжеское пожалование. Веселовский изложил здесь свои взгляды на происхождение и развитие иммунитета светских лиц, оставив вне сферы изучения монастырский иммунитет, но коснувшись некоторых вопросов истории иммунитета церковных учреждений. Под иммунитетом Веселовский подразумевал предоставление тому или иному лицу податных и судебных привилегий. Вслед за Сергеевичем он говорил о пожаловании иммунитета тяглым людям — рыболовам, сокольникам, кирпичникам¹⁶³, бортникам¹⁶⁴, ставя знак равенства между иммунитетом феодалов-землевладельцев и корпоративными привилегиями некоторых групп тяглецов¹⁶⁵, не имевших права феодальной собственности на землю и не владевших крестьянами.

Согласно мнению Веселовского, «судебные и другие иммунитетные права землевладельцев в XIV–XVI веках могли ...основываться только на княжеских пожалованиях»¹⁶⁶, поэтому они «имели личный характер и во все не были связаны с землевладением частных лиц по обычному праву»¹⁶⁷. Выясняя происхождение иммунитета светских вотчинников, Веселовский видел корни его в рабстве, когда господин являлся единственным судьей

¹⁶² Там же. С. 91.

¹⁶³ Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 78–83.

¹⁶⁴ Там же. С. 86–87.

¹⁶⁵ Там же. С. 73.

¹⁶⁶ Там же. С. 31.

¹⁶⁷ Там же С. 27; ср. с. 26, 71.

раба: «Самые глубокие корни иммунитета имели не земельный, а личный характер, вытекали из личных отношений сильных к слабым»¹⁶⁸.

По Веселовскому получалось, что в основе иммунитета лежали две линии личных отношений: во-первых, личная зависимость раба или полусвободного человека от своего господина, зависимость должника от кредитора (долговое рабство), во-вторых, личные отношения между вассалом и сюзереном.

По мнению Веселовского, первая линия отношений превращалась в иммунитет путем ограничения полной неподсудности рабов государственным судьям. Происходило это не на базе установления феодальной формы земельной собственности, а в результате якобы «развившегося сознания, что известные преступления являются общественным злом, а не только убытком для потерпевших»¹⁶⁹. Веселовский не отрицал совершенно роли земельной собственности, но в его схеме она играла второстепенную роль в оформлении феодального иммунитета: «Чтобы связать эти предположки (личную зависимость «сильного» от «слабого» — С. К.) с землей, дополнить их другими необходимыми элементами и придать всему определенность института землевладельческого иммунитета, нужно было пожалование князя»¹⁷⁰.

Проследившая дальнейшую судьбу иммунитета, Веселовский указывал, что прекращение выдачи жалованных грамот светским землевладельцам не означало ликвидации их феодального иммунитета. Свой вывод автор обосновывал данными о всеобщем распространении иммунитетных привилегий в среде феодалов в XVI в. и закончившимся, наконец, разграничением финансовых полномочий государства и феодалов в отношении вотчин и поместий¹⁷¹. По мнению Веселовского, установление четкого круга платежей и повинностей, которые должны были нести крестьяне светских землевладельцев в пользу государства, т. е. принуждение крестьян иммунитетных владений к уплате главных поземельных налогов, способствовало ухудшению положения крестьян. Автор объяснял это увеличением ответственности феодалов за уплату крестьянами податей в казну¹⁷², не отмечая, однако, что рост финансового гнета государства, отмена некоторых податных привилегий феодалов вызывали, в свою очередь, усиление эксплуатации непосредственных производителей самими земледельцами с целью получения ренты.

¹⁶⁸ Там же. С. 23; ср. с. 8, 20.

¹⁶⁹ Там же. С. 10.

¹⁷⁰ Там же. С. 23; ср. С. 13, 26.

¹⁷¹ Там же. С. 98–113.

¹⁷² Там же. С. 104–105.

Внутренне противоречивы суждения Веселовского о целях выдачи жалованных грамот. С одной стороны, он предполагал значительную активность государства в этом деле, считая жалованные грамоты универсальным средством государственного управления¹⁷³, экономической политики в первую очередь (задача разграничения «интересов княжеского хозяйства и частных землевладельцев»¹⁷⁴). С другой стороны, эту политику он понимал в значительной мере модернизаторски — как систему хозяйственного регулирования, особенно переоценивал значение традиции и шаблона в выдаче жалованных грамот монастырям, которые приобретали их якобы «автоматически»¹⁷⁵, не учитывал ограничительной роли жалованных грамот, отводя ее только грамотам указным¹⁷⁶.

Веселовский применял старый метод отвлеченно-юридического анализа жалованных грамот. Однако, будучи прекрасным знатоком источников, как изданных, так и неопубликованных, он внес в этот метод довольно значительный элемент историзма. Иллюстрируя ту или иную юридическую норму памятниками XV, XVI, XVII вв., автор стремился показать разное значение ее в разных исторических условиях, отмечал архаизм формуляра жалованных грамот и указывал на необходимость сопоставления их с другими документами, более живо отражающими реальное положение вещей¹⁷⁷.

Сам автор считал свою работу основанной теоретически на концепции Сергеевича, противопоставленной взглядам Неволлина и Павлова-Сильванского. Однако идейные истоки построений Веселовского сложнее.

Веселовский не указал или не заметил, что, пытаясь найти «самые глубокие корни иммунитета» в рабстве и вообще в отношении «сильных к слабым», он прямо повторяет Покровского, а по существу и Сыромятникова. Именно Покровский выводил «положительный» признак иммунитета из власти «старых родителей» и холоповладельцев. Развитие теории Покровского позволяло настаивать на личностном характере иммунитета и отрицать феодальное землевладение в качестве его основы. От Покровского, Преснякова и Сыромятникова шло и понимание вассально-сюзеренных отношений как одного из факторов складывания иммунитета. Не случайно Веселовский, подобно Покровскому, игнорировал проблему

¹⁷³ Там же. С. 82–83; ср. с. 24.

¹⁷⁴ Там же. С. 37; ср. с. 35. С. Б. Веселовский в соответствии со своей концепцией писал о превращении «сборов из княжеских в вотчинные» (С. 42).

¹⁷⁵ Там же. С. 59.

¹⁷⁶ Там же. С. 35.

¹⁷⁷ Там же. С. 104–105. Критический анализ книги С. Б. Веселовского см. также: Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. II. С. 105–106.

монастырского иммунитета, происхождение которого не вязалось с концепцией рабовладельческой природы иммунитета и — при отрицании определяющей роли земельной собственности — могло быть объяснено только пожалованиями.

Промежуточное положение земельной собственности в схеме Веселовского напоминает аналогичный момент в концепции Юшкова. Оба автора не считали земельную собственность источником иммунитета и в то же время сознавали, что без нее иммунитет не приобретает законченного вида. Так, Юшков называл «иммунитет», не построенный на территориальной основе, «частичным», а Веселовский воспринимал выдачу жалованной грамоты как следствие необходимости связать «предпосылки» иммунитета (личностные отношения) с «землей» и дополнить «другими элементами», чтобы «придать всему определенность института *землевладельческого* (курсив мой. — С. К.) иммунитета». Здесь сказалось влияние идущего от Гизо, Фюстель-де-Куланжа, Павлова-Сильванского и Покровского представления о «соединении» власти и земельной собственности при феодализме, но не происхождении власти из особенностей реализации феодальной формы земельной собственности, как это показал Маркс.

Сама идея возникновения иммунитета в результате пожалования не была вызвана только прямым обращением к трудам Сергеевича. Ранняя советская историография достаточно подготовила пересмотр схемы Павлова-Сильванского. Никто из советских авторов, чьи взгляды охарактеризованы выше, не поддержал теорию складывания иммунитета на почве освобождения барского двора от общинных уз. Более того, Юшков прямо ее отверг, а Покровский, формально не отвергая, предложил совсем иную трактовку. Тот же Покровский считал «отрицательный» признак иммунитета, т. е. пожалование, более важным, чем «положительный». Его теория «табу» открывала прямой путь к возрождению идеи пожалований. Кулишер, забыв на время принятую концепцию, писал, что право суда «передавалось» в грамотах вотчиннику из рук наместников и волостелей. Вполне соответствует этому мнению Веселовского о превращении «сборов из княжеских в вотчинные».

Доказательство Веселовским всеобщего распространения иммунитетных норм после прекращения выдачи жалованных грамот светским феодалам в XVI в. было дальнейшей конкретизацией тезиса Сергеевича о вхождении иммунитета в состав крепостного права, который разделяли Дьяконов и Беляев и переосмыслил Покровский.

Как и Кулишер, Веселовский связывал проблему распространения иммунитета с проблемой эксплуатации крестьянства. Отмечая ухудшение положения крестьян в результате отмены важнейших привилегий, Веселовский практически присоединялся к мнению Кулишера, что

в пожалованных вотчинах крестьянам жилось легче, чем в непожалованных (Панков считал эту разницу несущественной, а Ланге вообще отрицал преимущества вотчинного суда и тягла).

Когда Веселовский говорил об «автоматической» выдаче жалованных грамот монастырям, то в этом проявилось его следование идеям Сергеевича, Рожкова (князь — «простой нотариус»), отчасти Покровского (учреждение «монополий»). Когда же автор усматривал в жалованных грамотах светским лицам средство государственного управления, то тут давала себя знать близость концепции Веселовского к взглядам П. И. Беляева («регулирование финансовых отношений населения»). Непризнание Веселовским ограничительной функции жалованных грамот созвучно аналогичному тезису Юшкова, хотя Веселовский в этом вопросе шел на уступку традиционным представлениям, отводя роль ограничителей иммунитета указным грамотам.

А. Е. Пресняков упрекал Веселовского в том, что он не упомянул своего главного и прямого предшественника — П. И. Беляева¹⁷⁸. Действительно, для концепции Беляева характерен не только взгляд на жалованные грамоты как на акты государственного управления, но и тезис о неразрывной связи между средневековым иммунитетом и позднейшим крепостным правом. Пресняков считал обоснование этого тезиса наиболее ценным результатом работы Веселовского¹⁷⁹. Однако, во-первых, рассматриваемый тезис — не исключительное изобретение Беляева. Он был уже у Сергеевича, на которого Веселовский опирался в первую очередь, затем его приняли Дьяконов, Покровский, Ольминский. Да и Павлов-Сильванский говорил о «сеньориальном режиме» XVI–XIX вв. Во-вторых, вполне сблизить концепции Беляева и Веселовского невозможно: они по-разному решали вопрос о происхождении феодального иммунитета. И, наконец, в-третьих, идейные источники концепции Веселовского были гораздо сложнее и гораздо современнее, чем это казалось самому Веселовскому, выступавшему под знаменами Сергеевича — Дьяконова, и его оппоненту Преснякову, ставившему автора в прямую зависимость от Беляева.

Веселовский испытал на себе влияние прежде всего современной ему советской историографии, в которой центральной фигурой был М. Н. Покровский. Разрушая концепцию самобытного происхождения иммунитета, Веселовский, как и Юшков, не выступал против теории существования феодализма в России, хотя, в отличие от Юшкова, не делал акцента на феодальной природе изучаемых явлений. Возрождение взглядов

¹⁷⁸ Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость // ЛЗАК. Л., 1927. Вып. 34. С. 175–176.

¹⁷⁹ Там же. С. 180.

Сергеевича в труде Веселовского имело целый ряд ограничений, и новые веяния сыграли в формировании его концепции весьма важную роль.

Критикуя Веселовского за формально-юридический подход к исследованию «вотчинного режима»¹⁸⁰, Пресняков не внес, однако, ничего методологически нового в постановку этого вопроса. Вслед за Павловым-Сильванским он не видел в «феодализме» общественно-экономической формации. Поэтому он противопоставлял «феодализм» (до XVI в.) «крепостному режиму» (после XVI в.), а боярство — дворянству как различные «классы»¹⁸¹. Подобно Веселовскому, Пресняков абстрагировался от внутренней структуры феодальной собственности на землю, из-за чего он и не смог выяснить подлинную природу иммунитета, идя в своей критике Веселовского на постоянные уступки его концепции.

Эта компромиссность позиции Преснякова видна даже в основном вопросе, разделявшем двух авторов, — в вопросе о происхождении иммунитета. С одной стороны, Пресняков отрицал княжеское пожалование в качестве источника иммунитета, с другой — он весьма непоследовательно связывал иммунитет с землевладением. Для него было «бесспорно» положение Веселовского, что «корни иммунитета имели не земельный, а личный характер»¹⁸². По его мнению, «нельзя выводить из землевладения не только „предпосылок иммунитета“ в отношениях подсудности, но также повинностей хозяйственного характера, а вернее представлять себе дело так, что власть над трудовой силой была предпосылкой для организации как вотчинного, так и дворцового землевладения, с постепенным разграничением их прав и интересов»¹⁸³.

Строго говоря, источник иммунитета Пресняков видел не в землевладении, а в рабовладении, холоповладении, но он правильно считал древнерусских холоповладельцев одновременно землевладельцами — и в этом единственное отличие его концепции происхождения иммунитета от соответствующих взглядов Веселовского. Натуральное, замкнутое рабовладельческо-землевладельческое хозяйство — это именно та структура, которая определяла, согласно Преснякову, возникновение иммунитета. И в этом построении Пресняков вполне следовал за Сыромятниковым и Покровским. Иммунитет на захваченных феодалами новых землях автор связывал с поселением на них опять-таки «несвободной челяди и полусвободных людей: закупов, изгоев, серебрянников, половников и т. п.». «Можно только с полным сочувствием повторить утверждение

¹⁸⁰ Там же. С. 186.

¹⁸¹ Там же. С. 175–176, 188.

¹⁸² Там же. С. 179.

¹⁸³ Там же. С. 185–186.

С. Б. Веселовского, что „выводить право суда над свободными людьми из землевладения, из землевладельческих прав... нет никаких оснований“, — писал Пресняков¹⁸⁴.

Но такая постановка вопроса по существу оставляла место для княжеского пожалования как источника иммунитетных прав землевладельца в отношении «свободных людей», оказавшихся в орбите феодального землевладения: «...Разграничение, путем освобождения населения иммунитетных владений от ряда сборов и повинностей и от вмешательства в административное и хозяйственное властвование над ним, вело к превращению повинностей из княжеских в вотчинные и к закреплению вотчинной юрисдикции за счет княжеской»¹⁸⁵. Вместе с тем сходные рассуждения Веселовского о разграничении тягла Пресняков расценивал как проявление старой теории выделения частных хозяйств из княжеского. У Преснякова, таким образом, акцент сделан на существовании частных хозяйств параллельно с княжеским и зарождении рабовладельческого земельного иммунитета независимо от княжеских пожалований, которые, однако, приобретали решающее значение по мере распространения иммунитета на прежде свободных людей.

Само «властвование» (значит, и публичную княжескую власть) Пресняков считал предпосылкой иммунитета в большей степени, чем землевладение. Это проистекало из невнимания автора к внутренней структуре феодального землевладения, неизбежно порождавшей иммунитет. Пресняков вслед за Павловым-Сильванским и Покровским представлял механизм феодальной экономики в виде простого «соединения крупного землевладения с мелким хозяйством». Это соединение, по словам автора, «вполне соответствовало основам феодального хозяйства, сводившегося, по существу, к сбору доходов с населения, подвластного вотчинной власти»¹⁸⁶.

Игнорируя, как и Веселовский, проблему монастырского иммунитета, Пресняков не дал универсального объяснения независимости иммунитета от пожалований. Практически он хотел лишь показать, что соединение с землей власти светских вотчинников над несвободными людьми существовало до пожалования и не возникало благодаря пожалованию. Пресняков углубил аргументацию Веселовского, доказывавшего наличие корней иммунитета в рабовладельческой власти. Саму организацию феодального землевладения Пресняков выводил из владения несвободными людьми, дополненного пожалованием привилегий в отношении свободных.

¹⁸⁴ Там же. С. 180.

¹⁸⁵ Там же. С. 186.

¹⁸⁶ Там же. С. 187.

Это весьма условное разделение зависимых людей на «несвободных» и «свободных» было пережитком старого юридического мышления и не соответствовало специфике социальных отношений при феодализме¹⁸⁷.

Подводя итоги развития ранней советской историографии иммунитета (1917–1927 гг.), следует подчеркнуть в ней тенденции неуклонного отхода от концепции Павлова-Сильванского, видевшего зарождение иммунитета в освобождении боярской усадьбы от уз сельской общины, и переход на точку зрения Покровского, отождествлявшего корни иммунитета с властью «старых родителей» и холоповладельцев. Эта тенденция достигла апогея в работах Веселовского и Преснякова. Одновременно пересматривалась вся дореволюционная теория иммунитета как власти над свободным крестьянством (до конца XVI в.) и утверждалось представление, что в истоках своих иммунитет есть власть над несвободным населением.

Это был путь к иной концепции феодализма, чем та, которая сложилась в трудах Павлова-Сильванского. Вместо схемы политического феодализма возникали очертания теории, ставящей во главу угла экономические, частнособственнические отношения.

Преодоление взглядов Павлова-Сильванского имело свои издержки: к концу изучаемого периода возродилась концепция пожалованного иммунитета. Это объясняется тем, что рабовладельческая теория происхождения иммунитета не давала вполне удовлетворительного истолкования того разделения публичноправовых функций между государством и частными феодалами, которое засвидетельствовано в источниках.

Но если в отношении проблемы происхождения иммунитета возникали разногласия, то вопрос о дальнейшей его судьбе — конечном переходе в крепостное право — решался довольно единодушно.

Таким образом, советская историография феодального иммунитета в России уже в первом десятилетии своего развития сделала заметные шаги в сторону марксизма, хотя она еще не овладела теорией земельной ренты. Влияние ленинизма нашло свое выражение в постепенном отходе от концепции «политического феодализма», от представления об иммунитете как чисто государственной власти сеньора над лично свободными людьми, в распространении мнения о несвободе подвластных иммунитету людей, в понимании классовой природы иммунитета и классовой сущности иммунитетной политики, в углублении тезиса о переходе иммунитета в крепостное право. Вместе с тем в это время в историографии еще

¹⁸⁷ Характеристику отношения Преснякова к проблеме феодального иммунитета см. также: Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. II. С. 106; Он же. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // ИЗ. М., 1950. Т. 33. С. 228–230.

вполне ощущался груз старых концепций иммунитета. Неумение связать иммунитет с землевладением при помощи теории феодальной земельной ренты определило преувеличение роли рабовладельческих и патриархальных отношений в появлении иммунитета, возрождение отвергнутого было взгляда на пожалование как источник иммунитета.

В 20-х годах XX в. активная разработка концепций иммунитета не сочеталась с достаточно активной публикацией источников по его истории. Главными достижениями актов археографии в это время явились два тома «Сборника грамот коллегии экономии», подготовленного к печати учениками А. С. Лаппо-Данилевского по особым правилам, и «Памятники социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», изданные под редакцией С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. В первом из этих изданий были опубликованы грамоты, в том числе и жалованные, касавшиеся земель Двинского и Важского уездов¹⁸⁸. Во втором издании первую часть, подготовленную С. Б. Веселовским, составили жалованные грамоты XIV–XV вв., выданные Троице-Сергиеву монастырю¹⁸⁹. Это была довольно компактная подборка, включавшая в себя практически все известные в то время жалованные грамоты Троице до начала XVI в.

В 20-х годах XX в. усилилось внимание российской историографии к вопросам истории предпринимательства и торговли, что нашло отражение в актов археографии и источниковедении. В монографии А. А. Введенского о торговом доме Строгановых в XIV–XVII вв. вводились в научный оборот дотоле неизвестные документальные материалы их архива¹⁹⁰. П. П. Смирнов опубликовал жалованную грамоту 1648 г. Кадашевской и Хамовной слободам и показал историю создания ее текста¹⁹¹.

Первая половина 30-х годов XX в. не отмечена какими-либо значительными публикациями источников или исследованиями по истории иммунитета. Появившиеся в 1934 г. «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова на конспект учебника по истории СССР переориентировали советскую историческую науку от социологии к конкретной истории¹⁹². Это стимулировало развитие источниковедения и, в том числе, дальнейшее изучение и публикацию жалованных грамот.

¹⁸⁸ Сборник грамот коллегии экономии. Пг., 1922. Т. I; Л., 1929. Т. II.

¹⁸⁹ Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. / под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М., 1929. Т. I, ч. 1: Жалованные и указные грамоты XIV–XV вв. С. 1–182.

¹⁹⁰ Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII веков. Л., 1924; ср. 2-е изд.: Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.

¹⁹¹ Смирнов П. Московские ткачи XVII в. и их привилегии. Ташкент, 1928.

¹⁹² Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. [М.], 1938.

В 1936 г. вышла в свет большая статья Б. Н. Тихомирова об иммунитете на Руси¹⁹³. Автор привлек к исследованию значительное число опубликованных грамот XII–XVI вв. и даже ввел в научный оборот некоторые неизданные жалованные грамоты XV–XVI вв. из фонда «Грамот коллегии экономии»¹⁹⁴. Вместе с тем метод изучения источников, которым пользовался Б. Н. Тихомиров, носил ярко выраженный иллюстративный характер. Каждое свое положение автор подкреплял тем или иным количеством примеров, не занимаясь при этом вопросом о происхождении цитируемого источника и его текстологии.

Начав статью с поддержки мнения Маурера «о древней свободе барского двора от въезда государственных властей и судов» как следствии «выхода из марки»¹⁹⁵, Б. Н. Тихомиров рассматривает далее иммунитет как «продукт разложения патриархальных домашних общин» (больших семей)¹⁹⁶. Источником иммунитета оказывается у него власть бывшего главы большой семьи: «...Огнищане и бояре, опираясь на свои дружины, сохранили за собой право суда и дани, узурпированное ими у огнищ в процессе формирования феодального землевладения»¹⁹⁷. Но соответствует ли «большая семья» понятию «марка»? Не возвратился ли Б. Н. Тихомиров просто-напросто к идее М. Н. Покровского о том, что вотчинное право «было пережитком патриархального права»¹⁹⁸, которое в трудах Б. И. Сыромятникова, С. Б. Веселовского и А. Е. Преснякова сближалось с правом рабовладельца. В этом плане показательна сочувственная ссылка Б. Н. Тихомирова на Зелигера, усматривавшего «процесс развития иммунитета в расширении юрисдикции господина и в перенесении ее с рабов и несвободных на свободное население вотчины»¹⁹⁹. Автор отмечает наличие аналогичной идеи и у Допша²⁰⁰.

Как и Покровский, Б. Н. Тихомиров употребляет понятие «внеэкономическое принуждение», характеризуя процесс установления власти

¹⁹³ Тихомиров Б. Н. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси. С. 3–25.

¹⁹⁴ Там же. С. 21, 24, 25.

¹⁹⁵ Там же. С. 3.

¹⁹⁶ Там же. С. 18–19.

¹⁹⁷ Там же. С. 19.

¹⁹⁸ Ср.: Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. I. С. 256; ср. с. 20.

¹⁹⁹ Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 3. Автор не дает никакой ссылки на труды Г. Зелигера. Возможно, имеется в виду следующая работа: Seeliger G. Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im frühen Mittelalter: Untersuchungen über Hofrecht, Immunität und Landleihen. Leipzig, 1903 (Abhandlungen der philol.-histor. Klasse der kgl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften; Bd. 1, Hf. 1).

²⁰⁰ Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 4 и примеч. 1.

и юрисдикции вотчинника над крестьянами²⁰¹, но он не раскрывает суть внеэкономического принуждения как части механизма, обеспечивающего получение ренты.

Б. Н. Тихомиров считает возможным «утверждать, что иммунитет крупной боярской и монастырской вотчины был в древней Руси XII в. налицо»²⁰². Вместе с тем от XII в. дошли всего две иммунитетные грамоты монастырям, а иммунитетные грамоты светским землевладельцам известны лишь с XIV в. Всю историю иммунитета на Руси в XII–XVI вв. Б. Н. Тихомиров рассматривает как процесс постепенного ограничения его объема. Однако надо заметить, что ход ограничения иммунитета не был однолинейным. Кроме того, автор ничего не говорит о результатах этого процесса. Он не утверждает, что иммунитет был полностью ликвидирован, но идея Веселовского о превращении иммунитета в сословное право землевладельцев у него тоже не звучит.

Одновременно со статьей Б. Н. Тихомирова, в 1936 г., вышла в свет книга С. Б. Веселовского о сельском расселении в Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. Как и С. В. Юшков, Веселовский не разделял теорию Маурера о выделении господского двора из сельской общины и взгляды Маркса по этому вопросу считал ошибочными. Источник феодального иммунитета Веселовский по-прежнему видел в княжеских пожалованиях²⁰³.

В 1939 г. появилась монография С. В. Юшкова, который попытался сформулировать марксистское понимание иммунитета²⁰⁴. Возникновение иммунитета, по Юшкову, «есть следствие возникновения феодальной ренты, ее юридическое выражение»²⁰⁵. Указывая на непосредственную связь феодального иммунитета с феодальной рентой, Юшков признавал тем самым основой иммунитета феодальную форму земельной собственности, ибо ею обуславливалось получение ренты. Однако Юшков не всегда выводил «право суда и право эксплуатации» из поземельной зависимости крестьянина от феодала. Источник этого права он видел также в полной собственности господина на холопа, закупа и др. (ср. точки зрения С. Б. Веселовского и А. Е. Преснякова).

По Юшкову, иммунитет существовал уже при патриархальном рабстве: «Это право (т. е. право суда и взимания дани с холопов. – С. К.) было предоставлено крупному землевладельцу. Полный холоп был

²⁰¹ Там же. С. 17.

²⁰² Там же. С. 24.

²⁰³ *Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 37–55.*

²⁰⁴ *Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.*

²⁰⁵ *Юшков С. В. История государства и права. М., 1940. Ч. I. С. 79.*

в еще большей степени объектом прав до развития процесса феодализации. Но и в этот период неограниченным судьей холопа становится господин»²⁰⁶.

Юшков несколько переоценивал значение жалованных грамот на территории, полученные феодалами от князя и населенные волостными крестьянами. Простое установление права собственности не могло, по мнению Юшкова, в этом случае «удовлетворить» феодала и «обеспечить его права» (иммунитет), так как последние стали бы оспариваться княжеским агентом, к которому раньше крестьяне «тянули» судом и данью, и самим крестьянством, сознававшим, что «передача его под власть боярина или дружинника означает усиление его эксплуатации»²⁰⁷. Юшков в этом вопросе находился в значительной мере под влиянием Преснякова. Нельзя принять также определение иммунитета, предложенное Юшковым, — «юридическое выражение ренты», т. е. другими словами: санкция вотчинной власти феодала со стороны публичной власти. Следуя этому определению, Юшков так изображал «установление» иммунитета: «Иммунитет первоначально устанавливался подтверждением, что владельцу передаются дань, виру, продажи...»²⁰⁸; «иммунитет оформляет и вместе с тем обеспечивает феодальную эксплуатацию...»²⁰⁹.

Юшков предлагал, таким образом, различать вотчинную власть феодала и иммунитет как признание, санкцию ее князем. Вместе с тем вотчинная власть феодала — атрибут феодальной собственности на землю.

В конце 30-х годов М. Н. Тихомировым был поставлен принципиально важный и новый вопрос о возможности изучения иммунитета не только по жалованным грамотам, но и по источникам внутривотчинного происхождения. М. Н. Тихомиров обнаружил уникальный памятник вотчинного управления середины XVI в. — книгу ключей Иосифо-Волоколамского монастыря. В статье, посвященной этому крупному духовному феодалу XVI в., М. Н. Тихомиров подчеркивал, что книга ключей позволяет выяснить, как монастырь пользовался своим иммунитетом на практике²¹⁰. Следовательно, М. Н. Тихомиров коснулся наименее изученной стороны иммунитета — его практического функционирования в пределах сеньории. Тем самым создавались источниковедческие предпосылки для доказательства документальными данными правильности

²⁰⁶ Там же. С. 80.

²⁰⁷ Там же. С. 81.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. С. 79.

²¹⁰ Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // ИЗ. 1938. Т. 3. С. 154.

тезиса о независимом происхождении иммунитета от государственной власти, хотя М. Н. Тихомиров и не затронул вопрос о том, насколько независимо от жалованных грамот сложились порядки, зафиксированные в книге ключей.

И. И. Смирнов бегло коснулся теории феодального иммунитета, неправомерно поставив знак равенства между концепциями Неволлина — Павлова-Сильванского — Преснякова, с одной стороны, и марксистским пониманием иммунитета — с другой²¹¹.

В конце 30-х годов советские историки начали на материале отдельно взятых жалованных грамот изучать конкретные политические мотивы их выдачи — работы И. И. Смирнова²¹², Б. А. Романова²¹³. Опыт этих исследований на расширенной базе источников был продолжен уже в послевоенный период Л. В. Черепнинным.

Послевоенный период изучения жалованных грамот в советской историографии — время утверждения нового подхода к их публикации и исследованию. Советская археология послевоенных лет выработала подлинно научный метод отбора источников при публикации актов феодального землевладения и хозяйства. Для издания берутся все грамоты, отложившиеся в архиве той или иной корпорации за определенный промежуток времени, независимо от того, в каких фондах и коллекциях они хранятся в настоящий момент. Таким образом, исследователь получает весь комплекс сохранившихся грамот данной корпорации (конечно, в известных хронологических рамках). Иллюстративность в подобных публикациях почти сведена к нулю. Новый тип публикаций²¹⁴ открывает широкие перспективы для изучения жалованных грамот в связи с другими актами, что необходимо при решении целого ряда проблем и прежде всего вопроса о том, насколько покрывалось феодальное землевладение жалованными грамотами, каковы были промежутки времени между приобретением земли и выдачей на нее иммунитетной грамоты, и др.

Острая постановка теоретических вопросов, касающихся иммунитета, была связана в рассматриваемый период с необходимостью завершить создание марксистской концепции иммунитета. Повторение

²¹¹ Смирнов И. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // Исторический архив. М.; Л., 1939. Т. II. С. 51.

²¹² Там же. С. 51–55.

²¹³ Романов Б. А. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича рязанскому Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 205–224.

²¹⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. I; 1958. Т. II; 1964. Т. III; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1951. Ч. I; 1956. Ч. II; 1961. Ч. III.

С. Б. Веселовским в 1947 г. его старой концепции иммунитета²¹⁵ вызвало критику со стороны И. И. Смирнова, который доказывал несостоятельность теории происхождения иммунитета, развиваемой в книге Веселовского²¹⁶. Одновременно И. И. Смирнов аргументировал свой взгляд на основные вопросы истории иммунитета. Исходя из замечания К. Маркса о верховной власти феодала в военном деле и суде как атрибуте земельной собственности, он указал, что материальной основой, «реальной базой иммунитета являлась крупная феодальная земельная собственность»²¹⁷. Однако у К. Маркса ничего не сказано о том, атрибутом какой феодальной земельной собственности был иммунитет – крупной или мелкой. Еще Н. П. Павлов-Сильванский и С. В. Юшков всячески подчеркивали обусловленность иммунитета крупными размерами феодальных сеньорий.

Но принять данный тезис значит отказаться от рассмотрения иммунитета как атрибута феодальной собственности на землю и видеть его корни в политическом значении того или иного феодала. И. И. Смирнов отвлекся, таким образом, от производственных отношений феодализма и перенес свое внимание в область политики и государственного строя. Называя иммунитет «одним из существенных элементов феодального государства»²¹⁸, автор склоняется к пониманию иммунитета как способа государственного управления, по крайней мере, в вопросе о помещичьем иммунитете, «причина которого была совсем иной, чем старые иммунитеты, обладателями которых являлись бояре-вотчинники»²¹⁹. И. И. Смирнов подразумевает под иммунитетом «изъятие феодалов-землевладельцев из круга ведения органов центральной власти и сосредоточение в руках феодалов права суда и управления по отношению к населению своих владений»²²⁰. Далее автор указывает, что иммунитет мелких и средних землевладельцев стал устанавливаться только в XV–XVI вв., до этого у них не было иммунитетных прав²²¹. Таким образом, по мнению И. И. Смирнова, существовало феодальное землевладение без феодального иммунитета, т. е., если исходить из определения иммунитета самим И. И. Смирновым, феодал не имел судебно-административной власти в отношении населения

²¹⁵ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. С. 110–145.

²¹⁶ Смирнов И. С позиций буржуазной историографии // ВИ. 1948, № 10. С. 113–124.

²¹⁷ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // ИЗ. М., 1947. Т. 24. С. 296.

²¹⁸ Там же. Ср. с. 297.

²¹⁹ Там же. С. 300.

²²⁰ Там же. С. 296.

²²¹ Там же. С. 300–301.

своего владения. И. И. Смирнов вполне солидарен, следовательно, с Веселовским в вопросе о происхождении помещичьего иммунитета.

Точку зрения, допускающую возможность существования феодального землевладения при отсутствии иммунитета, высказывает автор и рассматривая вопрос об ограничении привилегий крупных феодалов. Он целиком присоединяется к мнению Неволлина относительно борьбы феодального государства за постепенное уничтожение иммунитета²²². И. И. Смирнов утверждает, что феодальный иммунитет неразрывно связан только с одним этапом в истории феодализма — с феодальной раздробленностью²²³. «Рост княжеской (королевской) власти и развитие централизованного государства на основе ликвидации феодальной раздробленности закономерно приводят к ликвидации иммунитета», — говорит он²²⁴.

Таким образом, И. И. Смирнов не дал принципиальной критики работы Веселовского. Упрекая последнего в подходе к иммунитету «с позиций буржуазной историографии», И. И. Смирнов на деле только противопоставил одному направлению в буржуазной историографии (Сергеевич — Дьяконов — Веселовский) другое (Неволин — Павлов-Сильванский — Пресняков). Между тем еще Пресняков гораздо объективнее подошел к работе Веселовского и рассмотрел самое ценное в ней — доказательство неразрывной связи между иммунитетом и позднейшим крепостным правом. Более того, Пресняков привел дополнительные данные, подкрепляющие вывод Веселовского об унификации (а не отмене) светского иммунитета в середине XVI в. И. И. Смирнов последовал за Пресняковым только в наименее убедительной части его построений. Тезис И. И. Смирнова об уничтожении иммунитета централизованным государством, резкое противопоставление боярского и помещичьего иммунитета как имеющих якобы различную природу — все это является по существу прямым выводом из пресняковского (да и не только его) противопоставления «феодализма» «крепостному режиму», боярства — дворянству²²⁵.

Высказываясь против теории происхождения иммунитета, развивавшейся Веселовским, И. И. Смирнов, однако, шел на компромисс с ней

²²² Там же. С. 297.

²²³ Смирнов И. С позиций буржуазной историографии. С. 122.

²²⁴ Там же. С. 123.

²²⁵ И. И. Смирнов сам признает свою солидарность именно с этими рассуждениями Преснякова, «если устранить из них ошибочное противопоставление „феодального хозяйства“ „крепостному хозяйству“, а также неправильную терминологию (дворянство — „новый общественный класс“)» (Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 340). Однако такое устранение вовсе не есть дело терминологии, оно привело бы к радикальному изменению концепции.

в вопросе о возникновении иммунитета мелких и средних землевладельцев, так как допускал государственное происхождение иммунитета. Зачеркивая положительный вклад Веселовского в разработку истории позднего иммунитета, И. И. Смирнов оказался последовательнее Преснякова и встал на точку зрения Неволлина, целиком государственническую в данном вопросе.

Большой вклад в изучение феодального иммунитета внес Л. В. Черепнин. В его монографии «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.» жалованным грамотам посвящена специальная глава²²⁶. Исследование Л. В. Черепнина интересно как в части конкретного анализа жалованных грамот, так и в теоретической части, где автор объясняет общие основы и природу иммунитетных привилегий феодалов. Не возражая против формулировок С. В. Юшкова и И. И. Смирнова, Л. В. Черепнин дает свое, гораздо более глубокое определение иммунитета. Под последним он подразумевает «отношения господства и подчинения в феодальной деревне»²²⁷. Это положение Л. В. Черепнина, на наш взгляд, совершенно правильно, хотя и не совсем точно, ибо феодальный иммунитет имел место не только в деревне, но и в городе. Конкретный анализ жалованных грамот, проведенный в работе Л. В. Черепнина, — важное событие в нашей историографии, значение которого нельзя недооценивать.

Л. В. Черепнин впервые на деле отказался от отвлеченно-юридического исследования массового материала жалованных грамот и дал картину исторического развития иммунитетной политики русских феодальных правительств. Такой план позволил Л. В. Черепнину ярко, с присущими ему блеском и талантом, раскрыть интереснейшие моменты политической истории Русского государства. Серьезное научное значение имеет содержащийся в работе Л. В. Черепнина показ динамики социально-экономического развития страны. Менее удалось автору проследить историю финансовой системы. Л. В. Черепнин изучал жалованные грамоты XII–XV вв. В исследованиях автора настоящей работы была сделана попытка использовать опыт работы Л. В. Черепнина при анализе жалованных и указных грамот XVI в.

История феодального иммунитета в XVI в. стала темой моей дипломной работы, написанной под руководством А. А. Зимина и защищенной в Историко-архивном институте в апреле 1954 г.²²⁸. Основным источником исследования были жалованные и указные грамоты, собранные

²²⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. II. С. 97–225.

²²⁷ Там же. С. 109.

²²⁸ Кашианов С. М. Очерки по истории феодального иммунитета в период укрепления Русского централизованного государства XVI века / научный руководитель А. А. Зимин. М., 1954. [Т. I]. 521 с.; [Т. II]. 309 с. (машинопись).

в архивах, библиотеках и музеях. По ним изучался ход иммунитетской политики с начала XVI в. до времени опричнины. Во втором томе работы давался перечень этих документов за 1505–1584 гг. Он включал в себя тогда 783 номера²²⁹. В одной из глав основной части автор анализировал книгу ключей Иосифо-Волоколамского монастыря как источник по истории феодального иммунитета²³⁰. Было показано, что монастырские приказчики собирали судебные и свадебные пошлыны с крестьян даже в тех селах, на которые еще не имелось соответствующей жалованной грамоты²³¹.

В 1956 г. вышел в свет IV выпуск «Памятников русского права». Там, во введении и историко-правовом обзоре к разделу «Жалованные и указные грамоты», мне представилась возможность кратко изложить результаты своих наблюдений относительно эволюции податного и судебного иммунитета в разные периоды внутренней политики XVI в.²³². В 1958 г. новый вариант работы о жалованных и указных грамотах первой половины XVI в. был представлен мною к защите в качестве кандидатской диссертации²³³. Отдельные части этого исследования печатались начиная с 1956 г.²³⁴, но работа в целом увидела свет лишь в 1967 г., причем

²²⁹ Там же. [Т. II]. С. 1–232. В дополненном и доработанном виде перечень был позднее издан: *Каишанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [Ч. 1] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302–376; То же. Ч. II // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129–200; *Каишанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* То же. Ч. III // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 197–253.

²³⁰ *Каишанов С. М.* Очерки по истории феодального иммунитета... [Т. I]. С. 207–235; 250–270 (таблицы и примечания к ним).

²³¹ Там же. С. 234–235; ср.: *Каишанов С. М.* К проблеме происхождения феодального иммунитета // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1959. № 4. С. 106–121, особенно с. 120.

²³² ПРП. М., 1956. Вып. IV: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. С. 99–170 (далее — ПРП. Вып. IV).

²³³ *Каишанов С. М.* Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в. / научный руководитель А. А. Зимин. М., 1958. [Т. I]. С. 1–314; [Т. II]. С. 315–704 (машинопись).

²³⁴ *Каишанов С. М.* К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот // Исторический архив. 1956. № 3. С. 211–217; Он же. Из истории последних уделов // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 10. С. 257–302; Он же. Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в 1-й трети XVI в. // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 11. С. 269–296; Он же. Иммунитетные грамоты 1534 — начала 1538 г. как источник по истории внутренней политики в период регентства Елены Глинской // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. VIII. С. 372–420; Он же. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538–1548) // ИЗ. М., 1960. Т. 66. С. 239–268; Он же. Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А. А. Новосельского. М.,

большой раздел об иммунитетной политике конца XV — начала XVI в. был написан заново²³⁵.

Продолжая заниматься изучением и поиском жалованных грамот XVI в., я сосредоточил внимание на их текстологии. Мною было установлено несколько редакций тарханных формуляров первой половины XVI в. и рассмотрен вопрос о достоверности нарративной части грамот второй половины XVI в. Эти исследования составили основное содержание докторской диссертации, защищенной в 1968 г.²³⁶ Вскоре она была издана, причем в нее вошел большой новый раздел, посвященный актовой кодологии²³⁷. История иммунитета второй половины царствования Ивана Грозного (1549–1584 гг.) получила освещение в ряде моих статей²³⁸ и позднее в монографии о финансах средневековой Руси²³⁹.

Сформулированные нами теоретические положения и примененный метод изучения грамот вызвали критическое к себе отношение со стороны

1961. С. 25–29; Он же. Состав иммунитетных грамот первой половины XVI в. // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 98–110.

²³⁵ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. 392 с.

²³⁶ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики: Дисс. ... д.и.н. М., 1968. 634 с. (машинопись).

²³⁷ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; см. также: Он же. К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г. // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 209–235; Он же. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) // Зап. отдела рукописей ГБЛ. М., 1966. Вып. 28. С. 96–142.

²³⁸ *Каштанов С. М.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 427–462; Он же. К изучению опричнины Ивана Грозного // ИСССР. 1963. № 2. С. 96–117; Он же. Грамоты Московского Симонова монастыря как источник для изучения вопроса об отмене тарханов в 1575/76 гг. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 499–503 (Тр. ЛОИИ; Вып. 7); Он же. Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела» // Из. М., 1968. Т. 82. С. 243–273; Он же. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в.: (По актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4. С. 164–203 (Уч. зап. КГПИ; Вып. 80); Он же. Рост государственных повинностей во второй половине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 291–295; Он же. Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации: Сб. статей. М., 1982. С. 77–89; Он же. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // ИСССР. 1985. № 4. С. 118–136; Он же. Отмена тарханов в России в середине XVI в. // ИСССР. 1986. С. 40–60; *Kaštanov S. M.* Die Gerichts- und Finanzpolitik zu Beginn der Regierung des «Auserwählten Rates» (Izbrannaja Rada) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1986. Bd. 38. S. 185–204.

²³⁹ *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.

И.И. Смирнова и Н.Е. Носова, причем И.И. Смирнов коснулся вопросов теории иммунитета, а Н.Е. Носов главным образом метода исследования источников. Уже в «Памятниках русского права» (1956 г.) я высказал мысль, что феодальный иммунитет, как бы его ни ограничивали, не может быть ликвидирован до падения всего феодального строя в целом, ибо он является синтезом экономической и политической власти феодала²⁴⁰. И.И. Смирнов считал такое понимание иммунитета ошибочным²⁴¹. В соответствии с посылками А.Е. Преснякова и своей собственной концепцией он противопоставляет иммунитет более позднему вотчинному суду, ссылаясь при этом на мнение Неволлина о том, что право вотчинного суда в раннюю эпоху в корне отличалось от права суда позднейших «владельцев населенных имений», являвшихся «естественными судьями своих крепостных». Декларация «естественных» прав земельных собственников в отношении крестьян сама по себе едва ли может считаться сколько-нибудь аргументированным доказательством правомерности того противопоставления, к которому прибег Неволлин. Между тем И.И. Смирнов целиком и полностью подписывается под этим заявлением Неволлина²⁴². Но верно ли оно по существу?

Мысль Неволлина строится на противопоставлении вотчинных крестьян периода феодальной раздробленности как свободных крестьянам эпохи централизованного государства как крепостным. Выходит, что население феодальных вотчин до создания централизованного государства было свободным. Но К. Маркс в III томе «Капитала» указывал: «Во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»²⁴³. В таком же смысле говорит В.И. Ленин относительно «давности кнута»²⁴⁴ в русском феодальном государстве: «Этот кнут имеет тысячелетнюю историю»²⁴⁵.

²⁴⁰ ПРП. Вып. IV. С. 104.

²⁴¹ Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. С. 351–352.

²⁴² Там же. С. 350–351.

²⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 353.

²⁴⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 13. С. 403.

²⁴⁵ Там же. С. 401.

Присоединение к заявлению Неволлина по существу втянуло схему И. И. Смирнова в то русло, из которого автор хочет выйти всякий раз, когда заходит речь об иммунитете. А именно: цитата из Неволлина связала иммунитет с крестьянским вопросом более прочно, чем этого хотел И. И. Смирнов, предпочитающий рассматривать иммунитет только в плане истории государственного управления. К пониманию неизбежности разбора крестьянского вопроса и проблемы иммунитета в тесной взаимосвязи приходили уже очень многие историки, в том числе К. А. Неволлин, К. С. Аксаков, В. И. Сергеевич, Н. Ланге, В. Панков, П. И. Беляев, С. Б. Веселовский, А. Е. Пресняков и др.

В советской историографии укоренилось определение феодального иммунитета как способа внеэкономического принуждения. Определение И. И. Смирновым феодального иммунитета как «изъятия феодалов-землевладельцев из круга ведения органов центральной власти и сосредоточения в руках феодалов права суда и управления по отношению к населению своих владений» возвращало нас к старому, юридическому пониманию иммунитета. И. И. Смирнов видит в иммунитете форму разделения политической власти между членами господствующего класса²⁴⁶. Остановившись на этом определении, посмотрим сначала, в каком соответствии находится оно с теорией уничтожения иммунитета, развиваемой И. И. Смирновым.

Начнем с того, что И. И. Смирнов считает иммунитетом не только полное изъятие феодальных владений из ведения правительства, но и неполное, приводившее к более зависимому положению феодалов от правительства. И. И. Смирнов признает такое понятие, как «ограничение иммунитета»²⁴⁷. Но где же грань между ограничением и уничтожением иммунитета? «Внешнее выражение» уничтожения иммунитета, по И. И. Смирнову, — это прекращение выдачи несудимых грамот светским землевладельцам к середине XVI в.²⁴⁸. Однако чем доказывает И. И. Смирнов факт действительного уничтожения иммунитета? По существу ничем. Автор пытается только установить разницу между судебным иммунитетом и позднейшим вотчинным судом: «Принципиальное различие здесь заключалось в том, что в эпоху господства иммунитета право иммунитета судить своих людей противостояло праву суда государственного. По тем делам, которые судил своим судом землевладелец, органы центральной власти судить не имели права. Если же мы возьмем вотчинный суд

²⁴⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 337, 348.

²⁴⁷ Там же. С. 338, 347.

²⁴⁸ Там же. С. 347.

землевладельцев, например в XVII в., хотя бы по изображению у Котошихина, то здесь вотчинный суд землевладельцев является простым продолжением и дополнением суда государственного, не противостоит ему, а сочетается с ним, дополняет его, разрешая те дела, которые не доходят до государственного суда, т.е. наименее важные, самые мелкие правонарушения. Поэтому вотчинный суд землевладельцев XVII в. не может быть подведен под категорию иммунитета, хотя материальная его основа та же, что и у иммунитета — феодальная земельная собственность»²⁴⁹.

Высказывание И. И. Смирнова очень неконкретно. Ставя вопрос таким образом, следовало бы точно указать, какие именно судебные права автор считает иммунитетными, а какие просто вотчинными. Почему, например, изъятие из феодального суда права разбора тяжб о душегубстве, разбое, татьбе с поличным в XV — начале XVI в. И. И. Смирнов подводит под понятие «ограничения» иммунитета²⁵⁰, а в изъятии этих же дел из вотчинного суда феодалов второй половины XVI–XVII в. он видит уничтожение или «упразднение» иммунитета? В чем здесь принципиальная разница? В обоих случаях можно говорить или о том, что вотчинный суд дополняет государственный или что он противостоит ему.

Сама мысль о противопоставлении и дополнении не содержит в себе сколько-нибудь убедительного критерия для дифференциации этих понятий и исходит не из сравнения ограниченного «иммунитета» XV–XVI вв. с «вотчинным судом» XVII в., а из сравнения полного иммунитета XII–XIV вв. с положением иммунитета в более поздний период. При конкретной постановке вопроса ясно, что суть дела сводится лишь к степени ограничения иммунитета. И. И. Смирнов признает сохранение «политической власти землевладельцев по отношению к крестьянам» и после так называемого «упразднения иммунитета»²⁵¹. А сам И. И. Смирнов в своем определении иммунитета считает его политической властью феодалов по отношению к населению их владений. Таким образом, теория И. И. Смирнова об уничтожении иммунитета логически несовместима с его определением иммунитета. Автор должен либо указать, что под иммунитетом он имеет в виду не политическую власть феодала в пределах его владений в целом, а только какую-то часть этой власти, и строго конкретно определить комплекс прав, которые он считает иммунитетными, отделив их от других политических прав феодалов, неиммунитетных. Только тогда автор будет вправе поставить вопрос об уничтожении иммунитета. Если же И. И. Смирнов сохраняет свое общее определение иммунитета, то он

²⁴⁹ Там же. С. 351.

²⁵⁰ Там же. С. 338.

²⁵¹ Там же. С. 350.

не может говорить об уничтожении его в рамках феодальной формации, не впадая в противоречие со своим исходным определением.

Мы сейчас пытались показать неубедительность теории И. И. Смирнова с точки зрения ее внутренней логики. Теперь поставим вопрос, правильно ли определение иммунитета как института чисто политического? И. И. Смирнов стремится рассматривать иммунитет в качестве категории, характеризующей взаимоотношения только между феодалами и правительством, однако даже в своем определении иммунитета он вынужден упомянуть население феодальных владений, ибо на это население была обращена политическая власть феодала. И. И. Смирнов считает, что власть феодала возникла независимо от государства, а иммунитет — атрибут земельной собственности. Но разве сама земельная собственность, абстрактно взятая, непосредственно рождает политические атрибуты? Рабовладельческое и буржуазное землевладение лишено таких атрибутов. К. Маркс и В. И. Ленин показали, что при феодализме в силу специфики распределения «владения» и «собственности» земельному собственнику для получения ренты необходимо внеэкономическое принуждение. Из этого и выросла высшая власть феодалов в военном деле и суде. Для И. И. Смирнова очень важно строго отделить надстроечные явления от базисных. Иммунитет он считает явлением надстроечным, значит не может быть никакой речи о его отождествлении с внеэкономическим принуждением, которое относится И. И. Смирновым к категории базисных явлений²⁵². Все противоречия, возникающие на почве иммунитета, автор сводит к противоречиям между феодалами и государством, а не к противоречиям между производящим и эксплуатирующим классами в первую очередь.

К. Маркс последовательно проводил мысль об органическом переплетении базисных и надстроечных явлений в рамках феодального хозяйства. Он писал, что при феодализме «отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения...»²⁵³. Выражением «в то же время» Маркс показывает, что экономические отношения при феодализме проявляются не столько в своем чистом виде, сколько в политической форме. Поэтому здесь мы видим «непосредственное» отношение господства и порабощения.

Посмотрим теперь, можно ли отделить иммунитет как явление «надстроечное» от феодального базиса. Важнейший элемент иммунитета — обеспечение феодалов земельной рентой. В получении ренты проявляется экономическая власть феодалов, ибо «какова бы ни была

²⁵² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 351–352, примеч. 68.

²⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. II. С. 353; ср. Т. 1. С. 128, 403.

специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность»²⁵⁴. Таким образом, получение ренты — явление экономическое, а иммунитет прежде всего и предполагает получение ренты феодалом. Значит, иммунитет — органическая часть феодального базиса. Вместе с тем само получение ренты возможно лишь при наличии внеэкономического принуждения, которое также входит в состав иммунитета. Следовательно, уже податной иммунитет выражает синтез экономической и внеэкономической власти феодала в пределах его владения. Судебно-административный, военный и таможенный иммунитеты, вырастая на базе все той же борьбы за ренту и укрепление феодальной земельной собственности, являлись широкой формой внеэкономического принуждения, усиливавшей податной иммунитет феодалов. Но, может быть, рента — сама по себе, а податной иммунитет — сам по себе? Податной иммунитет — это просто освобождение от государственных налогов, а судебный — от правительственного суда? Так полагает И. И. Смирнов, считающий в то же время земельную собственность основой иммунитета.

Какова же роль земельной собственности в схеме И. И. Смирнова? Иммунитет — ее атрибут. Почему? Неясно: ведь И. И. Смирнов не считает, что именно внутренняя структура феодальной земельной собственности порождает иммунитет. Значит, остается толкование Неволлина, согласно которому «при слабой власти общественной сильный вотчинник в пределах своей земли был самовластным господином». Отсюда фактический отход И. И. Смирнова от рассмотрения иммунитета как атрибута феодальной формы земельной собственности вообще и попытка обусловить иммунитет только крупной феодальной собственностью. Лишь крупные собственники политически независимы, лишь у них и возникает иммунитет независимо от государственной власти — такова логика И. И. Смирнова. Говоря конкретнее, по И. И. Смирнову, иммунитетом пользовались «государяи», самостоятельные собственники больших земель²⁵⁵, причем именно вследствие своего государственного положения, а не в связи с внутренними потребностями феодального

²⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. II. С. 183.

²⁵⁵ «Существо процесса ликвидации феодальной раздробленности и образования централизованного государства заключалось в том, что политическая власть, поделенная во времена феодальной раздробленности между многочисленными большими и малыми „государями“ -феодалами, в процессе образования централизованного государства постепенно (и в острой борьбе) изымается из рук феодалов и сосредоточивается в руках великокняжеской власти и созданного ею централизованного государственного аппарата» // Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 348.

производства в пределах их владений. По существу это та же теория государственного происхождения иммунитета, исходящая только из предположения о разделении страны на множество мелких государств, внутри каждого из которых вследствие его политической независимости рождался иммунитет²⁵⁶. Тогда сами крупные феодалы предстают скорее в виде удельных князей или наместников, взимающих налоги и творящих суд, чем в виде земельных собственников, получающих феодальную ренту. Вот почему И. И. Смирнов с такой легкостью упраздняет их «иммунитет». Он по существу ликвидирует не иммунитетные привилегии феодалов-землевладельцев, а государственные права удельных князей. В таком случае надо действительно признать вслед за К. А. Неволным и К. С. Аксаковым, что крестьяне во владениях этих иммунистов были свободными. Если доводить дело до логического конца, из всего этого будет следовать, что в период расцвета иммунитета феодализма в России еще не было (ср. выводы В. И. Сергеевича).

Ничуть не противоречит такому пониманию схемы И. И. Смирнова его теория происхождения и отмены иммунитета средних и мелких вотчинников в XV–XVI вв. Источником их иммунитетных прав автор прямо считает государственные пожалования. При этом, по мнению И. И. Смирнова, «для служилых людей главную ценность жалованной грамоты представляло не столько предоставление права суда в отношении своих крестьян, сколько то, что жалованные грамоты изымали грамотчика из круга ведения наместников и волостелей»²⁵⁷, «из подвластного лица такой грамотчик превращался в своего рода контрагента наместников и волостелей, к которому перешла часть принадлежавших им ранее прав»²⁵⁸. Следовательно, И. И. Смирнов рассматривает этих иммунистов опять-таки как орган государственного управления, как «контрагентов» наместников и волостелей. Отсюда естественный вывод о ликвидации иммунитетных или государственных прав контрагентов наместников в связи с ликвидацией самой системы наместничьего управления в середине XVI в.²⁵⁹

Итак, мы видим, что противопоставление, отделение друг от друга податного иммунитета и ренты возможно только в том случае, если отрицать феодальные отношения внутри иммунитетного владения. Тогда земельный собственник выступает в двух резко разграниченных ролях: государя, собирающего налоги со своих подданных, и частного лица,

²⁵⁶ Именно к таким выводам ведет понимание феодальной сеньории в духе Н. П. Павлова-Сильванского — как государства в государстве.

²⁵⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 348.

²⁵⁸ Там же. С. 341.

²⁵⁹ Там же. С. 350.

взимающего ренту со своих крестьян (свободных или несвободных?). Как государь он осуществляет право иммунитета, как частное лицо он пользуется вотчинным правом. При такой постановке вопроса, во-первых, отпадает всякая связь иммунитета с земельной собственностью, ибо с ней связано лишь вотчинное право (рента), во-вторых, все отношения приобретают искусственный характер. Между тем своеобразие феодальной власти заключалось в тесном сочетании в ней элементов публичного и частного права.

Попытки отделить податной иммунитет от ренты, судебный иммунитет от вотчинной юстиции неизбежно должны вести к отрицанию этой специфики феодализма. Уже В.И. Сергеевич, П.И. Беляев, С.Б. Веселовский и др. правильно подметили, что иммунитет фактически сросся с крепостным правом (непонятно, почему И.И. Смирнов пишет, что Сергеевич, как и Неволин, считал иммунитет уничтоженным в процессе создания централизованного государства)²⁶⁰.

И.И. Смирнов обосновывает необходимость уничтожения иммунитета фактом создания централизованного государства. Он считает, что раз государство централизованное, значит оно не может терпеть какой бы то ни было децентрализации суда и финансов, иммунитет несовместим с централизованным государством²⁶¹. Это положение не представляется убедительным ни теоретически, ни с точки зрения известных фактов о сохранении политической власти феодалов внутри их владений в XVI–XIX вв. В чем теоретическая слабость рассматриваемого положения И.И. Смирнова? В том, что автор говорит о централизации вообще, а не о феодальной централизации конкретно. Берется какая-то общая идея централизованного государства, хотя в феодальном государстве одна степень централизации, в буржуазном — другая. И.И. Смирнов считает феодальную централизацию полной и окончательной. Однако в том-то и особенность феодальной централизации, что она даже при абсолютизме не является полной, так как в силу феодальной структуры земельной собственности, в силу законов феодального способа производства помещик или вотчинник является не просто частным лицом, но лицом, наделенным политической властью по отношению к крестьянам его владения. Следовательно, так или иначе, политическая власть в отношении огромной массы эксплуатируемого населения страны при феодализме разделена между государством и феодалами.

Что касается критического отношения к моим работам со стороны Н.Е. Носова, то оно было вызвано моей статьей (1959 г.) о местном

²⁶⁰ Там же. С. 346.

²⁶¹ Там же. С. 348–350.

управлении в первой половине XVI в.²⁶², где предлагалась несколько иная методика изучения источников по истории местного управления — жалованных и указных грамот, чем в книге Носова (1957 г.) на эту же тему²⁶³. В 1962 г. Н. Е. Носов опубликовал большую статью, в которой подверг критике как мое понимание феодального иммунитета, так и методику исследования жалованных грамот.

Усматривая противоречивость в нашем определении феодального иммунитета, Н. Е. Носов исходит, так же как и Смирнов, из предположения, что иммунитет обязательно должен относиться либо к базису, либо к надстройке (хотя, куда его поместить, не указывает)²⁶⁴. Выше была показана механистичность такой постановки вопроса. Но Н. Е. Носов идет дальше. Как, говорит он, может быть иммунитет предметом особой иммунитетной политики, если он представляет собой производственные отношения²⁶⁵? Ведь получается, что производственные отношения определяются субъективными, а не объективными факторами²⁶⁶. Во-первых, мы никогда не говорили о том, что иммунитет определяется иммунитетной политикой. Наоборот, мы подчеркивали зависимость содержания иммунитетных норм от уровня социально-экономического развития²⁶⁷. В специальной статье, посвященной книге ключей Иосифо-Волоколамского монастыря, нами выясняется взаимосвязь между реальным положением иммунитета и жалованными грамотами. Там документально доказывается существование иммунитета независимо от грамот и говорится, что грамоты имели значение актов, изменяющих лишь объем иммунитета²⁶⁸. Во-вторых, отрицание Н. Е. Носовым возможности того, чтобы производственные отношения были предметом особой политики, несостоятельно по существу.

²⁶² *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // ИСССР. 1959. № 6. С. 134–148.

²⁶³ *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления в Русском государстве первой половины XVI в. М.; Л., 1957.

²⁶⁴ *Носов Н. Е.* «Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. М., 1962. Т. X. С. 283–286.

²⁶⁵ Там же. С. 285.

²⁶⁶ Там же. С. 285–286.

²⁶⁷ *Каштанов С. М.* Из истории последних уделов. С. 302; *Он же.* Ограничение феодального иммунитета. С. 287–288; *Он же.* Иммунитетные грамоты 1534 — начала 1538 года... С. 400, 404, 416; *Он же.* Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538–1548 гг.). С. 267–268; *Он же.* Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1961. Т. 70. С. 253–254, 265–266 и др.

²⁶⁸ *Каштанов С. М.* К проблеме происхождения феодального иммунитета. С. 119–120.

Н. Е. Носов видит в выдаче жалованных грамот только «правовое регулирование социально-экономических отношений феодального общества в рассматриваемый период, отношений, отнюдь не определяемых конъюнктурными моментами политической борьбы, а подчиненных общим закономерностям его развития, действующим, в конечном счете, независимо от воли людей, иначе говоря, стихийно»²⁶⁹. Н. Е. Носов подмечает здесь один тезис другим.

Вместо доказательства того, что грамоты выдавались не по политическим, а по юридическим причинам, автор становится в позу страстного защитника бесспорного тезиса об объективном характере развития социально-экономических отношений. Ссылаясь на объективность развития производительных сил и производственных отношений, Н. Е. Носов хочет доказать совсем иное: объективность (конкретнее — пассивность, безынициативность) политики князей, выдававших грамоты, их стихийное следование объективным закономерностям, по существу отсутствие политики, наличие только ответов на просьбы грамотчиков («правовое регулирование»). Это упрощение и искажение роли княжеской власти, прикрытое как будто экономическим подходом к анализу общественно-политических отношений, в источниковедческой части статьи Н. Е. Носова прикрывается последовательно проведенной тенденцией рассматривать изложенные в грамотах обстоятельства и поводы их пожалования в качестве истинных причин выдачи изучаемых документов. Не случайно в разборе каждой отдельно взятой грамоты автор останавливается на стадии интерпретации ее мотивировочной части²⁷⁰, не давая ни внешней, ни внутренней критики источников. Опять-таки у автора произошла подмена одного тезиса другим: вместо вопроса о причинах выдачи грамот он рассматривает вопрос о поводах пожалований.

Наконец, невозможность изучать жалованные грамоты в качестве актов внутренней политики Н. Е. Носов связывает с неполнотой состава дошедших документов²⁷¹. Этот вопрос, конечно, имеет прямое отношение к проблеме истолкования определенных комплексов дошедших грамот, но он не имеет никакого отношения к самому принципу рассмотрения жалованных грамот как политических актов. Даже если бы сохранилась всего одна княжеская жалованная грамота, ее следовало бы рассматривать как акт правительственного происхождения, правительственной политики, и только такой подход позволил бы выяснить, какие социально-экономические факторы и внутриполитические соображения обусловили ее появление.

²⁶⁹ Носов Н. Е. Указ. соч. С. 279.

²⁷⁰ Там же. С. 290–298, 331–336 и др.

²⁷¹ Там же. С. 279.

Таким образом, и здесь Н. Е. Носов подменяет один тезис другим: неполитическое происхождение грамот доказывается их неполной сохранностью (тезис, который в других аспектах Н. Е. Носов применяет более уместно). Нельзя согласиться с противопоставлением, так сказать, «большой политики» «мелкому» «будничному» «регулированию социально-экономических отношений»²⁷². В этом «мелком» «регулировании» проявлялась политика, может быть, более крупная, чем так называемая «большая политика», содержание которой Н. Е. Носов не раскрывает, а если речь идет о междукняжеских отношениях, то он отрицает факты именно «большой политики» как раз тогда, когда они наиболее бесспорны (выдача грамот в 1518 г. в связи с образованием Старицкого удела и др.²⁷³).

Как известно, политика состоит из совокупности правительственных действий. Н. Е. Носов по существу предлагает изъять часть этих действий («по текущим вопросам») из понятия «политика» и отнести к особой сфере — «регулированию социально-экономических отношений». От чего же зависит эта «стихийная» часть правительственных действий, эта неполитика? Князья здесь — просто ответчики на челобитья, значит, источником иммунитетной политики являются челобитья грамотчиков и, следовательно, именно грамотчики инициаторы этой политики (такой вывод следует и из разбора Н. Е. Носовым конкретных грамот). Следовательно, вместо компромисса интересов феодала и правительства Н. Е. Носов видит в жалованной грамоте только отражение воли землевладельцев, получавших то, чего они добивались. Несостоятельность челобитной теории обнаруживается даже при беглом просмотре материала. Во-первых, чем объяснить возникновение грамот, где отсутствуют упоминания о челобитных? Предположением, что такие челобитные все же были? Но это выглядит явно неубедительно, когда новая, появившаяся якобы в результате челобитья жалованная грамота резко сокращает объем привилегий, зафиксированных в старых грамотах на те же владения. Во-вторых, как толковать сплошь да рядом встречающиеся факты невыполнения просьбы челобитчиков в ближайшее время после подачи челобитной и удовлетворение челобитных иногда через 20–30 лет?

Развиваемая Н. Е. Носовым теория механической выдачи жалованных грамот имеет внешнюю привлекательность потому, что она строится, казалось бы, на учете «объективных» экономических процессов: монастырь или светский феодал приобретал землю, а затем получал на нее жалованную грамоту. В своем разборе отдельно взятых грамот Н. Е. Носов фактически доказывает и без того ясный тезис о том, что сначала нужно

²⁷² Там же. С. 280.

²⁷³ Там же. С. 293.

было иметь землю, а уж потом происходила фиксация иммунитета. С этим никто не спорит. Но у Н.Е. Носова получается, что приобретение земли само по себе приводило к выдаче жалованной грамоты, являлось единственной причиной ее. С одной стороны, тут резко преувеличена роль жалованных грамот, ибо без них, выходит по существу, нет и самого иммунитета; с другой стороны, правительство изображается пассивным фиксатором экономических явлений, совершенно равнодушным к вопросу о том, кому и зачем оно выдает жалованную грамоту «по обычаю», «по традиции». Значит, роль жалованных грамот у Н.Е. Носова одновременно так преуменьшена, что на деле отрицается их конкретная политическая направленность.

Обусловленность выдачи жалованных грамот ростом феодального землевладения была далеко не прямолинейной. Если исходить только из представлений о зависимости выдачи иммунитетных грамот от приобретения феодалом земли, то не найдут объяснения, во-первых, повторные грамоты однотипного содержания на старые владения, выданные вне связи со сменой лиц на великокняжеском престоле или нарушением прав грамотчика местными властями, во-вторых, отсутствие в ряде случаев жалованных грамот на вновь приобретенные земли.

Н.Е. Носов считает неверным наше мнение, что каждая жалованная или указная грамота выражала собой определенный политический шаг правительства, была создана в ходе проведения определенной классовой и политической линии. Но ведь грамоты-то не рождались непосредственно из базиса, они появлялись через посредство правительства. Весь секрет в том, что Н.Е. Носов, разделив точку зрения С.Б. Веселовского, неизбежно должен был встать на его позиции в целом и признать, что без грамоты нет и иммунитета. Следовательно, в основе взгляда Н.Е. Носова на жалованные грамоты лежит преувеличение их «экономической» роли: наделение иммунитетных актов функцией создателей иммунитета, т.е. преуменьшение значения экономических процессов, определявших существование «обычного права» феодалов, которое составляло юридический фундамент писаных и неписаных иммунитетных привилегий.

Гиперболизация «экономической» роли жалованных грамот сочетается у Н.Е. Носова с полным игнорированием их политической роли: в самом деле, какую политическую роль могли играть грамоты, которые неизбежно или в силу заведенного обычая штамповали привилегии всех и каждого? Однако при отрицании политического значения жалованных грамот становится теоретически необъяснимым то обстоятельство, что сохранились жалованные грамоты не всем землевладельцам и отнюдь не на все земельные участки. Выход из этого положения оказывается для Н.Е. Носова, как и для В.И. Сергеевича, очень простым: сохранившиеся

жалованные грамоты рассматриваются им в качестве случайного остатка того якобы огромного общего количества их, которое до нас не дошло²⁷⁴. Факт утраты ряда грамот служит в концепции Н. Е. Носова поводом для предположения, что все землевладельцы имели грамоты, и только стихийные бедствия (пожары и т. п.) объясняют неполноту дошедшего состава источников. Не отрицая фактов гибели жалованных грамот в XVI–XX вв., мы, однако, считаем необходимым ставить вопрос иначе, а именно — насколько закономерен имеющийся комплекс источников — и думаем, что вопрос этот нуждается в тщательном исследовании.

Из челобитной теории исходит Н. Е. Носов и в своем понимании того, каков должен быть научный метод изучения происхождения жалованных грамот. По Н. Е. Носову, единственным критерием истины служит тут сама грамота. Что в ней по этому поводу сказано, то и правильно. Как грамота сама объясняет свое происхождение, так оно и есть. Тот вполне понятный факт, что правительство никогда не объясняло и не стало бы объяснять в жалованной грамоте, почему ему важно ее выдать тому или иному влиятельному феодалу, Н. Е. Носов принимает за отсутствие политических соображений у авторов жалованных грамот. Поэтому конкретно-историческое исследование жалованных грамот Н. Е. Носов понимает как их конкретный пересказ. К чему же ведет метод Н. Е. Носова? Во-первых, к изолированному рассмотрению отдельно взятых грамот. При таком подходе все грамоты – более или менее «обычные», «заурядные»²⁷⁵. Кстати, что хочет сказать автор этим термином? Разве политические акты должны быть какими-то необычайными? У Н. Е. Носова эта декларация «обычности» отдельно взятых грамот означает отрицание значения сравнительного анализа формуляра грамот с целью выяснения неравномерности экономического развития разных областей феодальной Руси²⁷⁶.

Во-вторых, метод Н. Е. Носова ведет к отрыву исследования жалованных грамот от изучения других источников, способных пролить свет на происхождение грамот, т. е., пользуясь любимым выражением автора, «искусственно сужает источниковедческую базу» исследования иммунитета, провозглашая жалованную грамоту самодовлеющим источником²⁷⁷.

²⁷⁴ Носов Н. Е. Указ. соч. С. 263–283.

²⁷⁵ Там же. С. 291, 293 и др.

²⁷⁶ Там же. С. 286.

²⁷⁷ В своей монографии о земской реформе Н. Е. Носов уделит внимание частным актам, закреплявшим переход в собственность монастырей тех земель, на которые потом были выданы жалованные грамоты. Сделано это для доказательства старого тезиса автора: жалованная грамота появилась потому, что монастырь получил землю (Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969).

В-третьих, метод Н. Е. Носова превращает внутреннюю политику правительства в отношении иммунитета в хаос механических и ничем не связанных между собой фиксаций феодальных привилегий²⁷⁸.

Что же такое «иммунитет» по Н. Е. Носову? Автор нигде не формулирует своего определения этого института. А вместе с тем из текста статьи Н. Е. Носова вытекает, что «иммунитет» и «жалованные грамоты» суть однозначные понятия (например, автор пишет о нашей попытке считать «орудием» борьбы великокняжеской власти с удельными князьями «тот же феодальный иммунитет»²⁷⁹, хотя у нас таким «орудием» признается не «иммунитет», а политика выдачи жалованных грамот). Отождествляя «иммунитет» с «жалованными грамотами», Н. Е. Носов не видит связи таким образом понятого «иммунитета» с коренными вопросами социально-экономической истории: «Нельзя согласиться с попыткой... свести проблему становления и развития вотчинного крепостного хозяйства XV–XVI вв. к проблеме развития феодального иммунитета, как якобы первопричины чуть ли не всей социально-экономической истории феодального землевладения и хозяйства рассматриваемого периода», нельзя «признать, что феодальный иммунитет — это и есть тот стержень, вокруг которого или, вернее, на котором в той или иной степени зиждется почти все социальные и политические устои феодального общества в период его наиболее полного развития»²⁸⁰.

«Первопричиной» всей социально-экономической истории феодального землевладения и хозяйств являются, как известно, изменения в производительных силах и в структуре феодальной формы земельной собственности. Н. Е. Носов подменяет вопрос о сущности иммунитета вопросом об его основах, искажая тем самым нашу точку зрения. При помощи этого искажения он пытается ликвидировать самую возможность определения иммунитета в качестве синтеза экономической и политической власти феодала в пределах его владения, основанной на определенной форме собственности, зависящей от уровня развития производительных сил.

На необудительной посылке базируется и критика Н. Е. Носовым нашего стремления изучать жалованные грамоты как один из главных источников по истории крепостного права XVI в. Автор приводит высказывание А. Е. Преснякова, советовавшего в свое время С. Б. Веселовскому

²⁷⁸ Критику методики Н. Е. Носова см. также: Зимин А. А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. // *Вопр. архивоведения*. 1962. № 1. С. 33–45.

²⁷⁹ Носов Н. Е. «Новое» направление... С. 347.

²⁸⁰ Там же.

обратиться для решения этого вопроса к документам «вотчинного хозяйства», а также послушным грамотам²⁸¹. Работа С. Б. Веселовского касалась источников XIV–XVII вв., наши работы, о которых пишет Н. Е. Носов, касаются первой половины XVI в. Н. Е. Носов оперирует общим понятием «XVI век»²⁸², т. е. подменяет вопрос об источниках первой половины XVI в. вопросом об источниках XVI в. в целом. Если же обратиться к составу источников первой половины XVI в., весь пафос цитирования А. Е. Преснякова пропадает, ибо от этого периода почти не имеется источников, указанных А. Е. Пресняковым. Причина нежелания Н. Е. Носова считаться с жалованными грамотами как с источниками по истории крепостного права кроется в его представлении о шаблонном характере нормативной части жалованных грамот. Н. Е. Носов некритически воспринимает мотивировочную часть жалованных грамот, зато он по существу отвергает нормативную их часть, не считает ее предметом исследования, ссылаясь на трафаретность формул. Это тезис С. Б. Веселовского. И Н. Е. Носов поверил ему не случайно. Шаблонность текста (кстати скажем, сильно преувеличенная исследователями) в глазах Н. Е. Носова — важное доказательство, во-первых, «юридического», а не политического происхождения жалованных грамот, во-вторых, единого уровня экономики в разных частях Русского государства XVI в.²⁸³

Хронологически ближайшим источником концепции Н. Е. Носова является концепция С. Б. Веселовского. Но С. Б. Веселовский противоречиво решал вопрос об отношении жалованных грамот к политике. С одной стороны, он признавал их универсальной формой государственного управления, т. е. политическими актами (грамоты светским землевладельцам)²⁸⁴; с другой стороны, С. Б. Веселовский развивал теорию «автоматической» (в трактовке Н. Е. Носова — стихийной, объективно-закономерной) выдачи грамот (грамоты монастырям). Н. Е. Носова устраивает только второе решение вопроса. Осуждая попытку С. Б. Веселовского рассматривать жалованные грамоты в качестве политических актов²⁸⁵, Н. Е. Носов очищает таким образом концепцию С. Б. Веселовского от политического налета и приходит к первоисточнику этой концепции — «чисто экономической»

²⁸¹ Там же. С. 346–347.

²⁸² Там же. С. 347.

²⁸³ Там же. С. 286; ср.: Зимин А. А. О методике актоведения. С. 38, 45. См. также: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 34.

²⁸⁴ Именно за показ активной «политики жалованных грамот» хвалил работу С. Б. Веселовского А. Е. Пресняков (ЛЗАК. Вып. 34. С. 186–187).

²⁸⁵ Носов Н. Е. «Новое» направление... С. 284 (критика дается при помощи сближения точки зрения С. Б. Веселовского с точкой зрения автора настоящей работы).

концепции Ланге — Сергеевича. Ее он очищает от тезиса о вхождении иммунитета в состав «крепостного права» (попытка примирить взгляды Н. Е. Носова с фактически противоположной схемой И. И. Смирнова).

При всей спорности решения вопросов истории феодального иммунитета в России советская историография достигла заметного прогресса в этой области как в части накопления материала, так и в части его истолкования. Наиболее важную роль здесь сыграли монографии Л. В. Черепнина, изучавшего происхождение и содержание жалованных грамот XII–XV вв.²⁸⁶, и П. П. Смирнова, широко привлечшего материалы жалованных грамот XVI–XVII вв. для исследования истории привилегированного («беломестного») землевладения в городах Российского государства эпохи становления сословно-представительной монархии²⁸⁷. Сама спорность многих вопросов методики изучения и теории иммунитета показывает активность советских историков в разработке данной проблемы.

Мы не рассматриваем здесь дальнейшее развитие историографии иммунитета, хотя оно этого, безусловно, заслуживает, и переходим к анализу соотношения иммунитета с феодальной структурой земельной собственности, рентой и внеэкономическим принуждением.

)

²⁸⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. II. С. 97–225.

²⁸⁷ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947–1948. Т. I–II.

Часть II

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА

Иммунитет и собственность

В историографии издавна уделялось большое внимание проблеме феодального иммунитета. Теоретические вопросы, встающие при изучении этой проблемы (сущность иммунитета, его происхождение и эволюция) были и остаются предметом дискуссии.

Основоположниками марксизма-ленинизма тема иммунитета специально не разрабатывалась. В письме К. Маркса к Ф. Энгельсу от 25 марта 1868 г. только упоминаются «пользующиеся иммунитетом помещики» как один из институтов, рассмотренных в трудах Г. Маурера¹. Ф. Энгельс в работе «Франкский период» (1881–1882 гг.) отмечает тот известный из литературы факт, что к дарениям в пользу церкви «присоединялся иммунитет, который в эпоху непрерывных междоусобных войн, грабежей и конфискаций защищал собственность церкви от насилий»². В.И. Ленин вообще не оперировал в своих произведениях понятием «феодальный иммунитет». Вместе с тем марксов анализ механизма получения земельной ренты служит основой для понимания феодального иммунитета.

Выработанные в разное время на Западе и в России концепции иммунитета довольно подробно освещены в нашей литературе³. Из многих

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 43.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 500.

³ См., например: Михаловская Н. С. Каролингский иммунитет // Средние века: Сб. М.; Л., 1946. Вып. II. С. 173–174, 180–187; Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. [М., 1958]. С. 338–346; Гутнова Е. В. К вопросу об иммунитете в Англии XIII века // Средние века: Сб. М., 1951. Вып. III. С. 103–104; Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. С. 95–96; Он же. Деревня и город в Византии IX–X вв.: Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. С. 178–186; Горянов Б. Т. Позднечи-

аспектов теории феодального иммунитета наибольшим вниманием пользовались следующие четыре: 1) сущность, 2) происхождение, 3) эволюция и гибель иммунитета, 4) соотношение между иммунитетом и оформлявшими его иммунитетными грамотами. В данном очерке нас будут интересовать преимущественно первые два аспекта.

Начало марксистской историографии иммунитета связано с признанием его юридическим выражением феодальной ренты. Первым, кто дал такую трактовку иммунитета, был, кажется, С. В. Юшков. Он указывал: «Возникновение иммунитета есть следствие возникновения (юридическое выражение) феодальной ренты. Час рождения феодальной ренты есть час и зарождения иммунитета. История иммунитета есть в сущности история развития форм феодального властвования»⁴. Несколько позже А. И. Неусыхин впервые определил иммунитет как «юридическую форму» или «орудие» «внеэкономического принуждения»⁵. Как «орудие» «внеэкономического принуждения» понимали иммунитет Н. С. Михаловская⁶ и С. Д. Граменицкий⁷. А. И. Данилов писал, что он разделяет «данное А. И. Неусыхиним определение иммунитета как юридического оформления внеэкономического принуждения»⁸. Во втором издании вузовского

зантийский иммунитет // ВВ. М., 1956. Т. XI. С. 177–194; Он же. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 135–156; Грекул Ф. А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века. Кишинев, 1950. С. 67–68; Он же. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев, 1961. С. 234–236; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. II. С. 97–107; Каишанов С. М. К историографии крепостного права в России // История и историки: Сб. статей. М., 1965. С. 270–312; Он же. К историографии крепостного права в России // История и историки: Историографический ежегодник 1972. М., 1973. С. 126–141; Он же. Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и историки: Историографический ежегодник 1974. М., 1976. С. 148–188; Kaštanov S. M. Die feudale Immunität in Rußland // Historiographische Forschungen zur Geschichte Russlands / Hrg. von Erich Donnert. Halle (Saale), 1982. S. 21–73 [Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg: Wissenschaftliche Beiträge; 26].

⁴ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 231; ср. с. 233, 237; ср. также: Он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 375–376; Он же. История государства и права СССР. М., 1940. Ч. I. С. 79.

⁵ Неусыхин А. И. Исторический миф третьей империи // Учен. зап. [МГУ]. М., 1945. Вып. 81. С. 63, 71, 90.

⁶ Михаловская Н. С. Указ. соч. С. 188–189.

⁷ Он указывал: «С помощью этого института осуществлялось действие... фактора „внеэкономического принуждения“» (Граменицкий С. Д. К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета // Средние века: Сб. М.; Л., 1946. Вып. II. С. 135).

⁸ Данилов А. И. Основные черты иммунитета и фогства на церковных землях в Германии X–XII вв. // Докл. и сообщ. ист. фак. [МГУ]. М., 1948. Вып. XII. С. 88.

учебника «Истории СССР» К. В. Бази́левич дает характеристику иммунитета, заканчивающуюся словами: «Таким образом, крупный феодальный землевладелец сосредоточивал в своих руках большие средства внеэкономического принуждения и являлся не только хозяином-землевладельцем, но и почти независимым государем для населения своей вотчины»⁹.

В редакционном предисловии к книге С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» под иммунитетом подразумевается «система господства и подчинения в феодальной деревне, организованно проводившаяся классом феодалов методами внеэкономического принуждения»¹⁰. Это же определение находим в книге Л. В. Черепнина¹¹, где имеется, впрочем, и другая формулировка: «...иммунитет представляет собой определенную форму внеэкономического принуждения в отношении непосредственных производителей классом землевладельцев-феодалов»¹². Затем Л. В. Черепнин признал иммунитет «средством внеэкономического принуждения, правовым выражением земельной ренты»¹³. Сходную эволюцию определений мы наблюдаем у Ф. А. Грекула. Первоначально он говорил: «Иммунитет являлся особой формой внеэкономического принуждения крестьянского населения страны со стороны феодалов»¹⁴. Позже, не отказываясь от такого понимания иммунитета¹⁵, автор дал ему несколько иную дефиницию: «Иммунитет являлся юридическим выражением феодальной земельной ренты и одним из важных средств получения землевладельцем прибавочного продукта от непосредственных производителей материальных благ феодального общества»¹⁶.

⁹ История СССР / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. 2-е изд. М., 1947. Т. I. С. 178. В первом издании учебника в главе того же автора это место звучало иначе: «Таким образом, крупный феодальный землевладелец сосредоточивал в своих руках и сбор налогов, и суд, и полицейскую власть и являлся не только хозяином-землевладельцем, но и почти независимым государем для своего населения» (История СССР / под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М., 1939. Т. I. С. 205–206).

¹⁰ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 4.

¹¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. II. С. 109 (здесь опечатка: «экономического» вместо «внеэкономического»). Из статьи Л. В. Черепнина в «Очерках истории СССР» можно сделать вывод, что иммунитет относится к числу «методов» и «средств» «внеэкономического принуждения» (Очерки истории СССР: Период феодализма IX–XV вв. В двух частях. М., 1953. Ч. II. С. 56–57).

¹² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. II. С. 109. Курсив Л. В. Черепнина.

¹³ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // ВИ. 1953. № 4. С. 44; ср. с. 62–63.

¹⁴ Грекул Ф. А. Социально-экономический и политический строй... С. 67.

¹⁵ Грекул Ф. А. Аграрные отношения... С. 236.

¹⁶ Там же. С. 244.

Е. В. Гутнова видит в иммунитете «средство» или «одно из важнейших орудий внеэкономического принуждения, обеспечивающего эксплуатацию феодально зависимого крестьянства»¹⁷. В вузовском учебнике «Истории средних веков» она повторяет характеристику иммунитета как «важного средства» или «важного орудия» «внеэкономического принуждения и закрепощения крестьянства»¹⁸. У А. П. Каждана иммунитет тоже — одно из «важнейших средств» «внеэкономического принуждения»: это либо средство «юридического закрепления» фактически уже существующей власти феодала над зависимыми крестьянами, либо средство «подчинения» феодалу крестьян, «еще не втянутых или же втянутых в незначительной мере в феодализационный процесс»¹⁹. Иными словами, А. П. Каждан определяет иммунитет и как юридическую форму, и как непосредственное орудие внеэкономического принуждения. Понимание автором сущности иммунитета не изменилось и в дальнейшем. Он усматривает в нем «особую форму», «санкцию», «средство» внеэкономического принуждения²⁰.

Во втором издании «Большой Советской энциклопедии» дается следующее определение иммунитета: «...совокупность политических прав, присвоенных феодалами в процессе насильственного закрепощения крестьянства и обеспечивавших им прямую власть над последним»; далее говорится, что иммунитет был «одним из средств внеэкономического принуждения и способствовал закрепощению крестьянства»²¹. В третьем издании «Малой Советской энциклопедии» цитированного общего определения иммунитета нет, но повторена фраза о том, что иммунитет был «одним из средств внеэкономического принуждения и способствовал закрепощению крестьян»²². В «Советской исторической энциклопедии» обе цитированные фразы есть, однако в первой отсутствует слово «политических», а во второй — упоминание о том, что иммунитет был «одним из средств внеэкономического принуждения»²³.

Л. В. Данилова считает иммунитет «средством внеэкономического принуждения феодально зависимого крестьянства» и юридической формой феодального господства²⁴. Автор настоящей работы предлагал сначала

¹⁷ Гутнова Е. В. Указ. соч. С. 104, 105, 109.

¹⁸ История средних веков / под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. М., 1952. Т. 1. С. 133. }

¹⁹ Каждан А. П. Аграрные отношения... С. 95–96.

²⁰ Каждан А. П. Деревня и город... С. 179, 183, 186.

²¹ БСЭ. 2-е изд. [М., 1952]. Т. 17. С. 561.

²² МСЭ. 3-е изд. [М., 1959]. Т. 4. С. 14.

²³ СИЭ. М., 1964. Т. 5. С. 805.

²⁴ Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 54, 286.

рассматривать иммунитет как форму экономической и внеэкономической власти феодала в пределах его владения²⁵, а затем — как реализацию экономической власти феодала методами внеэкономического принуждения²⁶.

Б. Т. Горянов признал иммунитет «орудием» «внеэкономического принуждения»²⁷, однако позднее уточнил, что главной стороной иммунитета были взаимоотношения между государством и феодалом, а судебные и административные права феодала по отношению к зависимому населению, т. е. права «внеэкономического принуждения», «являлись хотя и очень важным, но *вторым* основным признаком иммунитета», возникшим в процессе развития экскуссии, который «*превращал* иммунитет в орудие внеэкономического принуждения»²⁸. По словам М. М. Фрейденберга, «сейчас твердо установлено», что под «иммунитетными отношениями» «надлежит понимать юридическое оформление системы внеэкономического принуждения»²⁹.

С точки зрения Г. Г. Литаврина, иммунитет далеко не равнозначен внеэкономическому принуждению — «он является лишь юридическим оформлением со стороны государственной власти прав феодала на внеэкономическое принуждение»³⁰. К. В. Хвостова, подчеркивая отличие иммунитета от ренты, характеризует его как «юридическую категорию»: «...Иммунитет — это ряд привилегий феодального класса, оформляющих внеэкономическое принуждение, являющихся средством извлечения феодальной ренты»³¹.

П. В. Советов не отказывается видеть в иммунитете «юридическое оформление внеэкономического принуждения», но при этом делает акцент на «экономической стороне» иммунитета: «Феодальный иммунитет, составляя юридический аспект процесса развития внеэкономического принуждения, вместе с тем сам имел и свою экономическую сторону»; «...рассматривая иммунитет как юридическое оформление внеэкономического принуждения, надо иметь в виду, что само построение внеэкономического

²⁵ Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 101.

²⁶ Каиштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 5.

²⁷ Горянов Б. Т. Поздневизантийский иммунитет // ВВ. М., 1956. Т. XI. С. 194.

²⁸ Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 156–157 (курсив мой. — С. К.).

²⁹ Фрейденберг М. М. Экскуссия в Византии XI–XII вв. // Учен. зап. Велюкского гос. пед. ин-та. 1958. Т. 3. С. 339.

³⁰ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 220.

³¹ Хвостова К. В. Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот македонских монастырей в XIV в. // ВВ. М., 1961. Т. XIX. С. 38–39; ср.: Она же. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV–XV вв.): (Историко-социологический очерк). М., 1968. С. 237.

принуждения находится в непосредственной связи со структурой экономической реализации феодальной земельной собственности»³².

Приведенная сводка определений феодального иммунитета³³ показывает, что для оценки их необходимо разобраться, по крайней мере, в следующих вопросах: 1) равнозначно ли «юридическое выражение» феодальной ренты «юридической форме» внеэкономического принуждения? 2) в чем выражается «экономическая власть» феодалов и имеет ли иммунитет «экономическую сторону»? 3) тождественна ли «совокупность политических прав» «внеэкономическому принуждению»? 4) отличается ли «орудие» (или «средство») внеэкономического принуждения от его «юридической формы» («юридического оформления»)?

* * *

К. Маркс в «Капитале» (т. III, написан в 1863–1867 гг., впервые издан Ф. Энгельсом в 1894 г.) вскрыл природу и механику получения феодальной ренты: «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность»³⁴; феодальная рента «представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, владеющий условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли»³⁵; «...во всех формах, при которых непосредственный работник остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства

³² Советов П. В. Проблема податного иммунитета в феодальной Молдавии: (Об одной распространенной абстракции при исследовании аграрных отношений) // Тез. докл. и сообщ. восьмой (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965 г.). [М.], 1965. С. 65.

³³ В трудах отдельных зарубежных ученых употребляется понятие «внеэкономическое принуждение» при характеристике иммунитета. По мнению болгарской исследовательницы Г. Цанковой-Петковой, иммунитетное освобождение имело следствием право внеэкономического принуждения со стороны феодала в отношении крестьян (Цанкова-Петкова Г. За аграрните отношения в средновековна България (XI–XIII в.). София, 1964. С. 118).

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 183.

³⁵ Там же. С. 357–358.

и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»³⁶. «При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника» из крестьян «можно выжать... только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее»³⁷. «Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней... Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»³⁸.

В.И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» (1899 г.) указывал: «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»³⁹.

Краеугольным камнем марксовой теории феодальной ренты является представление о собственности феодала на землю и владении крестьянина землей, находящейся в собственности феодала. Маркс последовательно определяет непосредственного производителя как владельца (Besitzer) земли, феодала же, получателя ренты — как собственника или земельного собственника (Eigentümer, Grundeigentümer)⁴⁰. В одном месте III тома «Капитала» он прямо утверждает, что владелец — это не собственник: «... Непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд на деле *de jure* принадлежит земельному собственнику»⁴¹ («*der unmittelbare Produzent nicht Eigentümer, sondern nur Besitzer ist, und in der Tat de jure alle seine Mehrarbeit dem Grundeigentümer gehört*»)⁴². В «Речи по аграрному вопросу 22 мая (4 июня) 1917 г.» В.И. Ленин

³⁶ Там же. С. 353.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 354.

³⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 185.

⁴⁰ Marx K. Das Kapital. Berlin, 1957. Bd. 3, Buch III. S. 840, 841, 843, 845 и др.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 356.

⁴² Marx K. Das Kapital. Berlin, 1957. Bd. 3, Buch III. S. 843.

подчеркивал разницу между собственностью и владением: «владение еще не есть собственность, владение есть временная мера и владение каждый год переменяется. Крестьянин, который получает в аренду кусочек земли, не смеет считать, что земля его»⁴³.

* * *

Необходимо остановиться на содержании понятий «собственность» и «владение».

В письме к П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. К. Маркс указывал: «... Общественные отношения... в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собственностью*»⁴⁴. Во «Введении» к «Критике политической экономии» (1857–1858 гг.) Маркс отметил: «Всякое производство есть присвоение⁴⁵ индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение)⁴⁶ есть условие производства»⁴⁷.

В экономической литературе наблюдается известный разноречивостью в толковании понятия «собственность».

Наиболее признанным является мнение, что собственность — это отношения между людьми, а не отношение людей к вещам. А. В. Венедиктов писал: «...Собственность — всегда общественно-производственное отношение, отношение между людьми по поводу средств и продуктов производства, но не между людьми и принадлежащими им средствами производства»⁴⁸. Примерно в тех же словах характеризуют собственность и многие другие авторы⁴⁹. Я. А. Кронрод говорит: «Из того, что собственность является особой

⁴³ Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 179–180.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 406.

⁴⁵ В оригинале (см. Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf), 1857–1858. Moskau, 1939. S. 9) — «Aneignung».

⁴⁶ В оригинале (см. там же) — «Aneignen».

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 713; ср.: Т. 46, ч. I. С. 23.

⁴⁸ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948. С. 36.

⁴⁹ См., например: Дембо Л. И. Основные теоретические проблемы земельной собственности // Учен. зап. Л., 1951. № 129. Сер. юридических наук. Вып. 3. С. 268; Он же. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954. С. 16–17; Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. [Л.], 1955. С. 4; Колесов Н. Общественная собственность на средства производства — незыблемая основа социализма // Коммунист.

формой социально определенного присвоения как совокупности отношений по распоряжению и использованию вещных условий и результатов производства (те и другие — вещи, продукты труда или природы), не следует, однако, что она есть отношение человека или общности людей к вещам или отношение между людьми по поводу их отношения к вещам. Она представляет собой именно особую форму отношений, производственных отношений между людьми, их соединения по поводу их функционирования с помощью вещей, через вещи: через присвоение — распоряжение ими и их присвоение — фактическое использование. И потому вещи, по поводу которых складываются и протекают эти отношения, получают экономические функции и обретают известную экономическую форму — форму собственности (капиталистической, социалистической и т. д.)»⁵⁰.

Несколько иначе подошел к толкованию собственности М. В. Колганов, который включил в собственность и «присвоение» материальных благ и «производственные отношения»: «... Марксизм рассматривает собственность как присвоение средств производства и других материальных благ и одновременно как совокупность имущественных или, что то же, производственных отношений людей, которые складываются на этой основе»⁵¹. Позднее он говорил: «... Правильно ли сводить присвоение к какому бы то ни было отношению — к отношению человека к вещи или к отношению между людьми в процессе производства?»⁵². Более определенную позицию в этом вопросе занял В. П. Шкредов, считающий, что «собственность как форма проявления объективных отношений производства представляет собой единство фактически осуществляющихся отношений людей к вещам и их общественных, производственных отношений друг к другу... Недооценивать, а тем более игнорировать ту сторону отношений собственности, которая заключается в господстве человека над вещами, — значит

1955. № 10. С. 25–26; *Поршнев Б. Ф.* Очерк политической экономии феодализма. М., 1956. С. 22; *Он же.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 29; БСЭ. 2-е изд. [М., 1956]. Т. 39. С. 464; *Корниенко В. П.* Собственность и ее формы // Сб. статей кафедры политической экономии Ленинградского ин-та точной механики и оптики: Научные труды. Л., 1958. Вып. 40. С. 108; *Ковалевский Г. Т.* К вопросу о развитии отношений собственности // Тр. Ин-та экономики АН БССР. Минск, 1959. [Вып.] II. С. 3; *Алаев Л. Б.* Южная Индия: Социально-экономическая история XIV–XVIII вв. М., 1964. С. 149–163, особенно с. 154; *Дьяконов И. М.* Проблемы собственности: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // Вестн. древн. истории. М., 1967. № 4. С. 14–20.

⁵⁰ *Кронрод Я. А.* Законы политической экономии социализма: Очерки методологии и теории. М., 1966. С. 283.

⁵¹ *Колганов М. В.* Собственность в социалистическом обществе. М., 1953. С. 8.

⁵² *Колганов М. В.* Собственность: Докапиталистические формации. М., 1962. С. 4; *Он же.* Собственность в период перехода к коммунизму. М., 1963. С. 4.

совершать не меньшую, если не большую, ошибку, чем анализировать производственные отношения в отрыве от производительных сил»⁵³.

Нет единого мнения и по вопросу о том, как соотносятся понятия «собственность» и «производственные отношения». В современной политэкономии в состав «производственных отношений» включают 1) производство, 2) распределение, 3) обмен, 4) потребление⁵⁴. Это вполне соответствует учению К. Маркса. Во «Введении» к «Критике политической экономии» он писал: «Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление идентичны, а в том, что все они образуют собой части единого целого, различия внутри единства... Определенное производство обуславливает... определенное потребление, определенное распределение, определенный обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство в его *односторонней форме*, со своей стороны, определяется другими моментами».⁵⁵

А. В. Венедиктов отождествляет «отношения собственности» прежде всего с системой распределения средств и продуктов производства, что, очевидно, не исключает в его концепции отождествления отношений собственности с производственными отношениями в целом: «В праве собственности получает правовое выражение и закрепление *вся сумма общественных отношений собственника по поводу принадлежащих ему средств производства – отношений не только с непосредственными производителями, но и с другими собственниками и с самим государством, какова бы ни была его классовая природа*»⁵⁶. Ю. К. Толстой рассматривает «присвоение» «в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ»⁵⁷, но эти «отношения собственности», тождественные производственным отношениям, он отличает от самой собственности на средства и продукты производства⁵⁸.

М. В. Колганов признает наличие отношений собственности или «имущественных отношений» на стадиях производства, распределения, обмена и потребления, но потребление он исключает из сферы

⁵³ Шкредов В. П. Экономика и право: (О принципах исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения). М., 1967. С. 23.

⁵⁴ См., например: Политическая экономия: Досоциалистические способы производства: Учебно-наглядное пособие. Рига, 1968. С. 6.

⁵⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 36.

⁵⁶ Венедиктов А. В. Указ. соч. С. 35.

⁵⁷ Толстой Ю. К. Указ. соч. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 11.

«производственных отношений» и поэтому считает «имущественные отношения» понятием более широким, чем «производственные отношения»: «Производственные отношения охватывают лишь часть людей в современном буржуазном обществе, даже меньшую часть общества, а имущественными отношениями охватывается без исключения все население. Эти отношения распространяются не только на сферу производства, распределения и обмена, но и на сферу присвоения продуктов природы (земельные отношения, которые во все времена играют очень важную роль, особенно в докапиталистических формациях), на непродовольственную сферу, внутрисемейные отношения. В границах производства имущественные отношения совпадают с производственными отношениями»⁵⁹. Таким образом, вне производственных отношений оказываются «присвоение продуктов природы», «непродовольственная сфера» и «внутрисемейные отношения».

«Присвоение продуктов природы» является главным доводом автора в пользу исключения потребления из сферы производственных отношений. М. В. Колганов заметил, что «присвоение» и «производство» не тождественны: «Производство... не есть только присвоение... Присвоение не ограничивается только производством...»⁶⁰. С этим можно согласиться: присвоение происходит на стадиях как производства, так и распределения, обмена и потребления. Однако автор идет дальше. Он пишет: «Люди присваивают не только продукты своего труда, но и многочисленные полезные продукты природы: землю, недра, леса, воду, различного рода плоды, дичь, рыбу, воздух, свет и т. д.»⁶¹. Ставя на одну доску «присвоение» воздуха и света, с одной стороны, земли и т. д. — с другой, М. В. Колганов фактически приравнивает присвоение земли и ее плодов к чисто биологической функции, ибо «присвоение» воздуха и света (т. е. дыхание и т. п.) — непроизвольная функция организма, не имеющая отношения к социальным функциям «потребителя» и не служащая отличием человека от животного. Вот здесь и возникает мнимое доказательство того, что «присвоение» шире не только производства, но и производственных отношений вообще. Самоупотребление понятия «присвоение» применительно к воздуху и свету

⁵⁹ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 9–10; Он же. Собственность в период перехода к коммунизму. С. 12. В более ранней работе М. В. Колганов отождествлял «имущественные» и «производственные» отношения без оговорки о «границах производства» (Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. С. 8; ср. также: Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации, С. 10).

⁶⁰ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 4; Он же. Собственность в период перехода к коммунизму. С. 5.

⁶¹ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 4; Он же. Собственность в период перехода к коммунизму. С. 5–6.

является подменой одного тезиса другим. Такого типа «присвоение» не выражается в категориях политической экономии. Оно принципиально отличается от всегда социально обусловленных способов добывания пищи, к которым приложимо понятие «присвоение». Но это присвоение входит в состав производственных отношений, поскольку определяется уровнем общественного производства даже тогда, когда распределяются и потребляются не продукты производства, а готовые продукты природы. Формы присвоения земли и ее плодов обусловлены соответствующим характером производства и со своей стороны влияют на изменение его.

Г. А. Джавадов предлагает «четко разграничивать понятия: 1) собственность как общая экономическая категория, 2) форма собственности, 3) отношения собственности, 4) совокупность производственных отношений»⁶². Автор считает, что «производственные отношения» — понятие более широкое, чем «отношения собственности», а «отношения собственности» — понятие более широкое, чем «форма собственности». Он исключает из «отношений собственности» распределение и обмен⁶³, а «отношения собственности» фактически отождествляет с «формой собственности» («господствующая форма собственности на средства производства» + «другие формы и виды собственности»)⁶⁴.

Если «собственность» это не «отношения собственности» и тем более не «производственные отношения» в целом, но в то же время это и не «голое» отношение к вещам, то как выделить «собственность» из «отношений собственности» или из «производственных отношений», другими словами, что такое «собственность как общая экономическая категория»?

Понятие «присвоение» казалось многим (хотя и не всем)⁶⁵ советским авторам единственно возможным общим определением собственности. При этом ссылались на известное высказывание К. Маркса, которое мы приводили выше. Но ведь в нем содержится определение производства, а не собственности: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее». Маркс имеет в виду одну сторону производства — процесс присвоения («Aneignung») в процессе производства. В этом смысле назвать собственность или «присвоение» («Aneignen») «условием производства» будет, по словам Маркса, тавтологией (ибо получится следующая

⁶² Джавадов Г. А. Собственность как категория политической экономии // Учен. зап. Дагестанского гос. ун-та. [Саратов], 1962. Т. IX (Сер. обществ. наук). С. 168.

⁶³ Там же. С. 171–172.

⁶⁴ Там же. С. 177.

⁶⁵ Некоторые исследователи предпочитали термин «обладание» (об этом подробное см.: Толстой Ю. К. Указ. соч. С. 12; Кронрод Я. А. Указ. соч. С. 279–280).

формулировка: присвоение есть условие присвоения). В данном разъяснении также нет определения собственности. Маркс лишь употребляет слово «присвоение» («Aneignen») в качестве синонима «собственности». Ограничившись термином «присвоение»⁶⁶, мы не сможем отличить собственность от владения или пользования как экономических категорий, поскольку любая форма владения или пользования есть тоже присвоение. Дело осложняется еще и тем, что существует разноречие в разграничении экономической и правовой стороны собственности, владения и пользования.

Оставаясь на позициях общего определения экономического содержания собственности как присвоения, А. В. Венедиктов попытался расшифровать содержание права собственности или права присвоения. Он присоединился к мнению, что право собственности шире механической суммы прав владения, пользования и распоряжения вещью⁶⁷, и дал общее определение права собственности как «права собственника» «использовать» средства и продукты производства «своей, а не полученной от другого, властью и в своем интересе»⁶⁸. При этом под властью понимается «власть (воля)», предоставленная или признанная государством, законом⁶⁹. Тут есть следующие логические противоречия: 1) власть должна быть «своей, а не полученной от другого», но в то же время она должна быть предоставлена или признана государством, т. е. фактически получена «от другого»; 2) если под «другими» иметь в виду только «частных лиц», политически равноправных контрагентов в экономических отношениях, то такая постановка вопроса, во-первых, внесет хронологические и иные ограничения в общее понятие права собственности, во-вторых, окажется мало подходящей как раз для того периода, когда действуют такие политически равноправные «частные лица», ибо возникновение права собственности во многих случаях состоит в получении власти «от другого» путем его добровольного или недобровольного отказа от своей власти над вещью. В конечном счете проблема «своей власти» — это не только проблема источника власти, но и проблема полноты власти или свободы воли. Однако от решения данной проблемы А. В. Венедиктов по существу отказался, ограничившись критикой историографии.

Что касается «своего интереса», то это понятие еще менее определенное. Раб использует орудия труда, казалось бы, исключительно в интересе

⁶⁶ О недостаточности такого определения собственности см. также: Кронрод Я. А. Указ. соч. С. 279–280.

⁶⁷ Венедиктов А. В. Указ. соч. С. 31.

⁶⁸ Там же. С. 32; ср. С. 35, 41; Иоффе О. С. Советское гражданское право: (Курс лекций). Л., 1958. С. 274; Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 16.

⁶⁹ Венедиктов А. В. Указ. соч. С. 32–33.

рабовладельца, однако поскольку от применения или неприменения их зависит его существование, он действует в какой-то мере и в своем интересе. Противоположный пример: земельный собственник капиталистического периода обладает землей как будто лишь в своем интересе, но его собственность служит гарантией собственности таких же, как он, земельных собственников; следовательно, используя ее определенным образом, он действует и в их интересе. «Свой интерес» в чистом виде — абстракция, которую невозможно реализовать в обществе.

Под *владением* автор понимает «прежде всего (хотя и не исключительно) владение как одно из правомочий собственника — в отличие от права *пользования*, включающего в себя право хозяйственного использования вещи и ее плодов... и права *распоряжения* как права определить юридическую судьбу вещи: отчудить, заложить, сдать в наем, завещать, либо физически уничтожить ее в процессе производительного или личного потребления»⁷⁰.

В чем же состоит владение как «одно из правомочий собственника» и чем оно отличается в этой роли от пользования и распоряжения, которые тоже могут считаться правомочиями собственника? Где граница между использованием и распоряжением, если в пользование входит пользование не только вещью, но и ее «плодами» (в том числе, очевидно, и частично уничтожаемыми в процессе пользования), а в распоряжение — право физического уничтожения вещи? На эти вопросы автор не дает ответа.

Л. И. Дембо, разделяя общее определение собственности как присвоения, утверждает, что, в отличие от самой собственности, право собственности возникает только в классовом обществе⁷¹. По его представлению, нет права собственности до государства: «Правовое содержание собственности (как право собственности) — это не что иное как юридическая (т. е. закрепленная государством в законодательных нормах) возможность распоряжаться прибавочным продуктом, иными словами, закрепленные законом правомочия собственника»⁷². Во второй части этого определения («иными словами...») практически нет определения права собственности: право определяется как совокупность правомочий, а это тавтология. Элемент дефиниции заключен лишь в том, что правомочия поставлены в зависимость от признания их законом, но именно такая трактовка кажется нам сомнительной (существует и «обычное право»). Введенное в первую

⁷⁰ Там же. С. 15.

⁷¹ Дембо Л. И. Основные теоретические проблемы... С. 269; Он же. Земельные правоотношения... С. 17.

⁷² Дембо Л. И. Основные теоретические проблемы... С. 272; Он же. Земельные правоотношения... С. 21.

часть определения упоминание о возможности распоряжаться прибавочным продуктом подменяет целое частью: собственность проявляется не только на стадии распределения (распоряжение прибавочным продуктом), но и на стадиях производства, обмена и потребления.

Проблему соотношения собственности и владения Л.И. Дембо в общем плане не ставит. Зато эта проблема нашла разработку у М.В. Колганова, который еще в первой своей монографии о собственности развил следующие положения: 1) собственность — присвоение⁷³; 2) пользование и владение как формы присвоения суть формы собственности⁷⁴; 3) собственность в полном смысле слова — то, что отчуждаемо, товар⁷⁵; 4) в этом смысле владение и пользование — не собственность⁷⁶; 5) владение — обладание вещью как постоянным средством производства⁷⁷, ограниченное а) множественностью субъектов присвоения одного объекта, б) неотчуждаемостью объекта присвоения⁷⁸, 6) пользование — присвоение продуктов природы с целью личного потребления⁷⁹. Впоследствии М.В. Колганов попытался выйти из имеющегося у него противоречия между причислением владения и пользования к формам собственности и отрицанием того, что они являются собственностью. По его мнению, надо различать «полную собственность» («или просто собственность»), обязательным признаком которой является отчуждаемость, и неполную собственность, не подлежащую отчуждению (владение, пользование)⁸⁰. Но это чисто словесное разрешение противоречий. Недаром причину путаницы в употреблении понятий «собственность» и «владение» автор усматривает прежде всего в нечеткости терминологии⁸¹.

⁷³ Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. С. 7, 9.

⁷⁴ Там же. С. 12, 14, 21.

⁷⁵ Там же. С. 13, 16, 18, 21.

⁷⁶ Там же. С. 13.

⁷⁷ Там же. С. 20.

⁷⁸ Там же. С. 12–13.

⁷⁹ Там же. С. 20.

⁸⁰ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 5–6.

⁸¹ «Мы привыкли обозначать словом собственность все формы присвоения. А с другой стороны, и в жизни, и в науке принято считать собственностью только одну определенную форму присвоения, основанную на производстве и обращении товаров, которая включает пользование, владение и отчуждение. Это обстоятельство создает путаницу в понятиях» (Там же). «Современным людям более всего понятно присвоение в виде определенной формы собственности. По этой причине словом «собственность» обозначают присвоение во всех общественно-экономических формациях. И в этом нет никакой существенной ошибки, поскольку мы имеем в виду под словом «собственность» не определенную ее форму, а присвоение вообще. А под это понятие одинаково подходят и пользование, и владение, и собственность. Однако часто эта терминологическая неясность приводит к путанице, когда забывают

Вместе с тем положение о том, что владение — форма собственности, недоказуемо при определении собственности и владения только как форм присвоения, без установления других черт собственности, свойственных владению. Если рассуждать так:

Собственность — присвоение; владение — присвоение, следовательно владение — форма собственности. Получится явная логическая ошибка типа:

Железо — металл; медь — металл, следовательно медь — форма железа.

Отведем два возможных возражения.

Первое. Могут сказать, что М. В. Колганов, подобно другим авторам, характеризует собственность не просто как присвоение, а как присвоение «внутри общества и посредством определенной его организации»⁸². Эти слова — перифраз уже дважды приводившегося нами высказывания К. Маркса: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее». Маркс определяет здесь производство, а не собственность. Используя смысл данной цитаты для определения собственности, надо было бы поставить знак равенства между собственностью и производством (поскольку два разных понятия получают по существу одинаковую дефиницию), но именно против этого возражает М. В. Колганов.

Слова «внутри общества и посредством определенной его организации» показывают только то, что присвоение — не чисто биологическая, а социальная функция, зависящая от определенной структуры общества (раньше мы убедились в непоследовательности М. В. Колганова и в этом вопросе, ибо к присвоению он относит и чисто биологические функции — «присвоение» воздуха и света). Но социальных функций бесконечное множество, и упоминание о социальной обусловленности присвоения не создает специфической характеристики собственности как политэкономического понятия. Сам М. В. Колганов признает наличие внутри одного общества (например, первобытного, рабовладельческого или феодального) разных способов присвоения разных объектов — сосуществование пользования, владения и собственности⁸³.

Второе. М. В. Колганов не ограничивается общим определением собственности как присвоения. Он дает конкретизированные дефиниции пользования, владения и собственности: «Под использованием мы понимаем

о различиях между использованием, владением и собственностью, и форму присвоения, существовавшую в одной общественно-экономической формации, начинают отождествлять с формой присвоения, существовавшей в другой» (Там же. С. 11).

⁸² Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 3.

⁸³ Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. С. 21; Он же. Собственность: Докапиталистические формации. С. 21.

присвоение продуктов природы в целях удовлетворения личных потребностей, например присвоение воздуха, воды для питья и других полезных продуктов природы, которые не являются чьей-либо собственностью.

Под владением понимается длительное, не ограниченное сроком пользование (включая передачу по наследству) продуктами природы, которые не уничтожаются в процессе своего использования. Такой характер имело в свое время присвоение земли во всех докапиталистических формациях.

Наконец, присвоение, когда оно основывается на производстве продуктов, наряду с пользованием и владением, может включать еще и отчуждение продукта в порядке обмена. В этом случае мы имеем дело с особым рода собственностью, основанной на производстве и обращении товаров, с так называемой *полной собственностью*⁸⁴.

Присмотревшись к этим дефинициям, мы замечаем, что в них не владение или пользование определяются через специфические признаки собственности, а собственность определяется через некоторые признаки владения и пользования. Мы берем именно специфические признаки и оставляем в стороне «присвоение» как общий признак пользования, владения и собственности, ибо он не дает приоритета ни одной из этих форм. Специфический у М. В. Колганова признак собственности — отчуждение — как раз не входит ни в понятие владения, ни в понятие пользования. Поэтому по законам логики автор имеет основания для вывода, что собственность — разновидность владения или пользования, но он не может утверждать обратного, а именно — что пользование и владение суть формы собственности⁸⁵.

Интерпретация М. В. Колгановым собственности не выходит за рамки старой юридической доктрины, представители которой видели в собственности сумму прав пользования, владения и отчуждения. Эти же три «элемента» выдвигает и М. В. Колганов⁸⁶, энергично подчеркивающий только разницу между пользованием и «правом

⁸⁴ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 5.

⁸⁵ «Иногда говорят, что пользование и владение — это еще не собственность в том смысле, что они не имеют самостоятельной формы существования без собственности на вещи со стороны кого-то другого. Но так могут говорить лишь люди, которые не мыслят себе существование собственности без товарных отношений, иной собственности, кроме той, которая основана на производстве и обращении товаров» (Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 7). Сам автор принадлежит к этим людям, поскольку он не приводит никакого другого специфического признака собственности. Разница состоит лишь в том, что он бездоказательно называет владение и пользование собственностью, отождествляя понятия «собственность» и «присвоение», хотя последнее относится к первому как целое к части.

⁸⁶ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 7.

пользования», владением и «правом владения», собственностью и «правом собственности»⁸⁷. Еще А. В. Венедиктов писал: «Отдельные правомочия собственника: право *владения, пользования и распоряжения вещью* — ни порознь, ни в своей совокупности... не выражают собой ни всего объема права собственности, ни существа права собственности. Что право собственности не исчерпывается тремя указанными правомочиями собственника, давно признано и буржуазной наукой гражданского права»⁸⁸. Но под свою схему М. В. Колганов пытался подвести не юридические, а политэкономические основания: «Предметом пользования и владения являются продукты природы в их готовом виде — потребительные стоимости; предметом полной собственности — труд, затраченный на производство продукта, а в конечном итоге — меновая стоимость. Продавая свой товар, собственник отчуждает его потребительную стоимость другим лицам. Он не отчуждает только его стоимость, которая возмещается ему при купле-продаже, в виде определенной суммы денег»⁸⁹. «Верно, что кроме пользования и владения продуктами природы, которые не являются чьей-либо собственностью, в любом современном обществе имеет ⁹⁰место широкое распространение благодаря развитию кредита, найма, ссуды, аренды пользование и владение ⁹⁰продуктами труда, являющимися собственностью других лиц (физических или юридических). Но это особые виды пользования и владения. Во всех этих случаях собственность как бы разлагается на свои составные элементы: пользуются и владеют вещами одни лица, а собственность на них принадлежит другим лицам. Поскольку в таких сделках, как ссуда, аренда, кредит, стоимость не возмещается, собственность также не отчуждается. Она сохраняется за одним и тем же лицом. Эти сделки только лишний раз показывают, что объектом собственности является не потребительная, а меновая стоимость товаров, а в конечном итоге труд, затраченный на их производство»⁹¹.

К. Маркс в I томе «Капитала» (1867 г.) писал о двойственном характере труда, заключенного в товаре, различая конкретный труд, создающий потребительные стоимости, и абстрактный труд, создающий меновую стоимость⁹². «Товарные тела» как потребительные стоимости «представляют

⁸⁷ Там же. С. 13.

⁸⁸ Венедиктов А. В. Указ. соч. С. 31; ср. с. 269–276.

⁸⁹ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 6; Суханов К. Н., Хайкин Я. З. Логический анализ юридической формы выражения некоторых отношений собственности // Вопросы истории, экономики и философии. Челябинск, 1970. С. 160.

⁹⁰⁻⁹⁰ Такое согласование в тексте.

⁹¹ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 7.

⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 55.

собой соединение двух элементов — вещества природы и труда»⁹³. Маркс выделяет три случая, когда «вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью» (т. е. меновой стоимостью): 1) если «ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.»; 2) если продукт создан только для нужд самого производителя или для отчуждения не посредством обмена; 3) если созданная вещь бесполезна⁹⁴.

Рассмотрим первый случай. Указанные Марксом полезные для человека предметы природы, к которым не приложен человеческий труд, — это первозданные условия существования человека, не ставшие условиями производства. Обрабатываемую землю, используемые леса и другие предметы природы, вошедшие в сферу производства, Маркс сюда не относит. Тем более нельзя считать «чистыми» потребительными стоимостями готовые продукты природы вообще. Во-первых, для их добывания необходим определенный конкретный труд. Во-вторых, поскольку на процесс добывания уходит определенное количество труда, этот труд как абстрактный способен порождать и меновую стоимость готовых продуктов природы, которые могут отчуждаться посредством обмена (грибы, ягоды, травы, алмазы и т. п.). Мысль М. В. Колганова о том, что «продукты природы в их готовом виде» суть чистые потребительные стоимости, требует исключения из числа продуктов природы всего того, к чему прикладывается человеческий труд, т. е. прежде всего обрабатываемой земли, этого главного, по М. В. Колганову, объекта «владения» во всех «докапиталистических формациях», и многих объектов «пользования», оказывающихся в двойственном положении — в качестве чистых потребительных стоимостей при натуральном потреблении и в качестве стоимостей при обмене. Следовательно, связывание типов присвоения только со способом возникновения объектов присвоения, к тому же условно понятым (продукты «природы» и продукты «труда»), ведет к неразрешимым противоречиям, ибо одни и те же по происхождению вещи на практике выступают в различных функциях в зависимости от того, в сфере каких производственных отношений они находятся.

Это вынужден признать и сам М. В. Колганов, говоря о пользовании и владении «продуктами труда» «благодаря развитию кредита, найма, ссуды, аренды». Тут он отходит от своего условного критерия происхождения объекта присвоения (уже не имеет значения, продукт ли это «природы» или продукт «труда»). Вместо него выдвигается противопоставление потребительной и меновой стоимостей как таковых. Лица, получившие во владение или пользование «продукты труда, являющиеся собственностью

⁹³ Там же. С. 51.

⁹⁴ Там же. С. 49.

других лиц», присваивают, согласно мнению М. В. Колганова, только потребительные стоимости, собственнику же этих объектов принадлежит их меновая стоимость. В таких случаях «собственность... не отчуждается», поскольку «стоимость не возмещается». Иными словами, присвоение вещей в качестве потребительных стоимостей есть владение, а присвоение тех же вещей в качестве меновой стоимости — собственность. При всей видимости экономического подхода подобный взгляд остается чисто юридическим: вся разница между собственностью и владением сводится к праву отчуждения вещи как товара, причина же того, почему одно лицо имеет это право, а другое — нет, отождествляется с самим правом собственности, фактически — с правом отчуждения. В результате получается замкнутый круг⁹⁵.

Вместе с тем, надо признать, что попытка связать вопрос о собственности и владении с вопросом о потребительной и меновой стоимости открывает интересные перспективы. В свете их попытаемся сформулировать свое определение собственности, владения и пользования.

Собственность — такая форма присвоения, при которой функционирование объекта присвоения в качестве потребительной стоимости не обусловлено приложением к нему личного труда субъекта присвоения или присваиваемой этим субъектом другой потребительной стоимости. Высшей формой собственности является номинальная, или так называемая «титульная», собственность, по существу тождественная власти над объектом присвоения.

Владение — такая форма присвоения, при которой функционирование объекта присвоения в качестве потребительной стоимости невозможно без приложения к нему личного труда субъекта присвоения или присваиваемой им другой потребительной стоимости.

Пользование — такая форма присвоения, при которой функционирование объекта присвоения в качестве потребительной стоимости сводится к производственному или непроизводственному потреблению его субъектом присвоения.

⁹⁵ О концепции М. В. Колганова см. также: Кузнецов А. *Соллертинская Е. Серьезные ошибки в книге о собственности* // Коммунист. 1953. № 17, Ноябрь. С. 122–128; Колганов М. Письмо в редакцию журнала «Коммунист» // Коммунист. 1954. № 8, Май. С. 116–121; От редакции журнала «Коммунист» // Там же. С. 121–128; Толстой Ю. К. Указ. соч. С. 3–4; Кронрод Я. А. Указ. соч. С. 281–282, 370–371, примеч. 1; Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений... С. 175–176; Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1. С. 39, 50–51; Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969. С. 54; Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю // ВИ. 1969. № 12. С. 57, 65–66; Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII веков. М., 1969. С. 118, примеч. 194; Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 150.

Развернем эти положения.

Функционирование объекта в качестве потребительной стоимости означает то, что его потребительная стоимость либо просто сохраняется, либо частично изменяется в процессе производственного или непроизводственного потребления. Пользование отличается от владения и собственности отсутствием у его субъекта функции простого сохранения присваиваемой им потребительной стоимости.

Для разъяснения вопроса о соединении объекта присвоения с трудом или другой потребительной стоимостью обозначим человеческие способности⁹⁶ субъекта присвоения как потребительную стоимость №1, объект присвоения — как потребительную стоимость №2 и допустим существование какой-то потребительной стоимости №3, которая представляет собой объект, присваиваемый тем же субъектом (выше она названа другой потребительной стоимостью в отличие от потребительной стоимости №2). Когда говорится о приложении к объекту личного труда субъекта присвоения, имеется в виду прямое воздействие потребительной стоимости №1, являющейся той или иной формой сочетания физической силы с интеллектом и волей⁹⁷, на объект №2.

Когда речь идет о соединении объекта с другой потребительной стоимостью, подразумевается прямое соединение потребительной стоимости №2 с потребительной стоимостью №3.

В ряде случаев собственник и владелец объединяются в одном лице. Тогда возникает «реальный» собственник. «Номинальный» (по терминологии Маркса) собственник не является одновременно владельцем.

Пользование существует и как самостоятельная форма присвоения, и как составная часть владения или собственности.

В собственности, владении и пользовании неодинаково распределяются роли двух типов отношений: 1) отношения субъекта к объекту присвоения; 2) отношения между субъектами присвоения. Главное в собственности сводится к отношениям между субъектами присвоения. Это объясняется тем, что непосредственное отношение номинального собственника к объекту присвоения заключается в непотреблении его или в непроизводственном потреблении. Чтобы потреблять объект производственно, номинальному

⁹⁶ Под человеческими способностями здесь и далее подразумеваются такие способности, которые отличают человека от животного (т.е. не чисто биологические функции), и прежде всего способность к труду — как физическому, так и умственному, которые, кстати, тесно взаимосвязаны, и разница состоит лишь в обладании того или иного вида труда.

⁹⁷ См. марксов анализ процесса труда и характеристику рабочей силы как потребительной стоимости в первом томе «Капитала» (Маркс К., Энгельс Э. Соч. Т. 23. С. 177–178, 188–197 и др.).

собственнику нужно использовать чужой труд или чужие потребительные стоимости. В отличие от номинального собственника, владелец нередко сам прикладывает труд к объекту присвоения. Поэтому во владении отношение субъекта к объекту присвоения гораздо более существенно, чем в собственности. В пользовании распределение удельного веса двух рассматриваемых типов отношений зависит, во-первых, от того каким является потребление — производственным или непроизводственным, во-вторых, от того, выступает ли пользование как самостоятельная форма присвоения или как составная часть собственности или владения.

Когда в литературе энергично подчеркивают, что отношения собственности — не отношение людей к вещам, этим явно сужается вся проблема присвоения, ибо «вещи» — лишь один из объектов присвоения, наряду с которым присваиваются также человеческие способности, прежде всего рабочая сила. Дело осложняется еще и тем, что такой объект присвоения, как человеческие способности, делает человека, чья способность присваивается, одновременно субъектом присвоения.

Коснемся правовой стороны вопроса.

Право собственности — право иметь что-либо, не вкладывая в объект присвоения ни других потребительных стоимостей, ни собственного труда. Право владения — право иметь что-либо, вкладывая в объект присвоения другие потребительные стоимости или собственный труд.

Право пользования — право потреблять что-либо.

Право собственности может соединяться с правом владения и с правом пользования, право владения — с правом пользования. Распоряжение является правовой категорией, которая лишена определенного содержания вне прав собственности, владения и пользования. Часто распоряжение считают признаком лишь права собственности. Но фактически оно свойственно также праву владения и праву пользования, в распоряжение могут входить следующие, подчас несовместимые друг с другом права: 1) право сохранять предмет как потребительную стоимость; 2) право не сохранять предмет, дать ему разрушаться как потребительной стоимости; 3) право разрушить, уничтожить предмет; 4) право потреблять предмет производственно; 5) право потреблять предмет непроизводственно; 6) право применять к предмету личный труд; 7) право вкладывать в предмет другие потребительные стоимости; 8) право не применять к предмету личный труд; 9) право не вкладывать в предмет другие потребительные стоимости; 10) право не отчуждать предмет; 11) право отчуждать предмет. Право собственности образуется из прав № 1, 2, 4–5, 8, 9, право владения — из прав № 1, 4, 6–7, право пользования — из прав № 4–9.

К праву собственности может присоединяться также право № 3. Оно является естественным следствием права № 2, которое в свою очередь

вытекает из прав № 8 и 9 и входит в состав фундаментальных прав собственности. Права № 2, 3 могут входить и в право владения, когда оно не ограничено правом собственности, принадлежащим субъекту, отличному от субъекта владения. Права № 10 и 11 нередко сочетаются с правами владения и собственности. Право собственности как наиболее полное право распоряжения допускает вообще сосуществование в нем всех вышеуказанных прав, хотя они и не реализуются одновременно. Когда речь идет об условной, ограниченной и т. п. видах собственности, фактически имеется в виду отсутствие одного или нескольких дополнительных прав собственности (например, № 3, 11) при наличии основных, т. е. тех, без которых нет самого права собственности.

Рассмотрим важнейшие особенности двух главных форм присвоения земли — собственности и владения.

При существовании феодального государства платящие поземельный налог крестьяне не могут быть собственниками, даже если они меняют или продают свои участки. Отчуждаемость — не решающий признак собственности. Возможность неприменения личного труда и нескладывания в объект присвоения других потребительных стоимостей для крестьян исключена. Иногда, чаще всего на стадии разложения феодализма, крепостные сами имели крепостных или наймитов. Это не меняло их роли владельцев, обязанных вкладывать в землю свой труд и приносящую доход потребительную стоимость.

Порой ссылаются на ленинский «Конспект книги К. Каутского „Аграрный вопрос“» (1899 г.) в доказательство того, что крестьяне-общинники и при феодализме оставались собственниками земли. Сравним конспект с книгой (см. Табл. 1).

Как видно из сравнения, конспект, хотя и в сжатой форме, но весьма строго отражает мысли и терминологию автора книги, ничего к ним не добавляя (таково прямое предназначение всякого конспекта). Поэтому принимать запись в конспекте за выражение точки зрения самого В. И. Ленина нет оснований.

В отличие от крестьянина, феодал выступает по отношению к части своих земель в качестве номинального земельного собственника, не вкладывающего в землю ни других потребительных стоимостей, ни труда. Однако в своем барщинном хозяйстве он олицетворяет реального собственника, затрачивающего на обработку земли определенные потребительные стоимости. Разница между поместным и вотчинным правом — запрещение продажи поместий и др. — не означает, что поместье — владение. В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.) В. И. Ленин называет поместье «собственностью»: поместная земля

Табл. 1. Соотношение конспекта
В.И. Ленина с текстом книги
К. Каутского «Аграрный вопрос»

Конспект В. И. Ленина
(Ленинский сборник. М., 1932. Т. XIX. С. 31)

«Формы кр[естьянского] з[емле]вл[а]д[е]ния — компромисс м[ежду] общинным и частным з[емле]вл[а]д[е]нием».

«в частн[ой] соб[ственности]: усадьба, дом»;

«полосы земли в различных „концах“ поля».

«в общ[инной] собств[енности]: выгон».

«(NB). Inde: Flurzwang»

«Эта консерват[ивная] система х[озяйст]ва преобл[адает] везде, все равно и у своб[одных] и у зависимых кр[естья]н».

Kautsky K.

Die Agrarfrage. Stuttgart, 1899. S. 14–15

Es war ein Kompromiß zwischen dem Gemeineigenthum an Grund und Boden, wie es die bauerliche Weidewirtschaft erheischte, und dem Privateigenthum am Boden, das den Bedürfnissen der bauerlichen Ackerwirtschaft entsprach (S. 14).

Den Ausgangspunkt der Bauernwirtschaft bildete die Haushofstätte, die in Sondereigenthum übergegangen war. Zu ihr gehörte außer dem Wohnhaus und den nöthigen Wirtschaftsgebäuden ein Stück Land um die Gebäude herum...

... Außerhalb des Dorfes lag die vertheilte Feldmark, das Ackerfeld... (S. 14).

Jede Zelge zerfiel wieder in verschiedene Gewanne oder Kampe, das heißt, Ackerflächen... In jedem Kamp besaß jede Hofstätte ein eigenes Ackerloos (S. 14–15).

Und wenn der Ackerbau Privatsache der einzelnen Familien geworden war, so blieb die Weidewirtschaft eine gemeinsame Angelegenheit der gesamten Gemeinde. Diese Gestaltung der Wirtschaft wirkte auf die Eigenthumsverhältnisse zurück. Als Ackerland war der Boden Privateigenthum, als Weideland Gemeineigenthum (S. 15).

Es herrschte daher der *Flurzwang* (S. 15)

Dies landwirtschaftliche Betriebssystem kam allenthalben zur Herrschaft, wo germanische Völker sich niederließen. Es machte in dieser Beziehung keinen Unterschied, ob die Bauern in der Lage waren, ihre volle Freiheit zu wahren, ob sie sich als Zinsbauern auf dem Gebiete eines Grundherrn niederließen, ob sie ihre Unabhängigkeit dahingaben, um unter den Schutz und Schirm eines mächtigen Herrn zu kommen, oder ob sie durch Gewalt in Abhängigkeit gebracht wurden. Es war ein Betriebssystem von merkwürdiger Kraft und Widerstandsfähigkeit, konservativ, erhaltend, im besten Sinne des Wortes (S. 15).

Каутский К.

Аграрный вопрос. [Харьков], 1926. С. 11–12

Эти отношения явились компромиссом между общинным землевладением, которого требовало крестьянское выгонное хозяйство, и частной собственностью на землю, отвечавшей потребностям крестьянского земледелия (С. 11).

Исходным пунктом крестьянского хозяйства была усадьба, которая перешла в частную собственность. Кроме жилого дома и необходимых хозяйственных построек, к ней принадлежал участок земли вокруг них...

...За деревней лежали разделенные на участки общинные поля, пашни... (С. 11).

Каждое поле, в свою очередь, разделялось на различные доли или клинья... Каждая усадьба имела в каждом клину свой надел (С. 11).

И если земледелие стало частным делом отдельных семей, то выгонное хозяйство еще оставалось в общем заведывании всей общины. Эта форма хозяйства оказывала влияние на отношения собственности. Как пашня земля была частной собственностью, как пастбище — общей (С. 11).

...Поэтому в общем господствовал принудительный севооборот (С. 11–12).

Эта система сельскохозяйственного производства господствовала всюду, где поселились народы германского племени. В этом отношении было безразлично, были ли крестьяне в состоянии обеспечить себе полную свободу, или они селились на земле крупного владельца, обязываясь ему оброком, поступались ли они своей независимостью ради защиты и покровительства со стороны могущественного властителя, приводились ли они в зависимость путем насилия.

Эта система производства, консервативная и охранительная в лучшем смысле слова, отличалась замечательной мощью и устойчивостью (С. 12).

«считалась только условной собственностью»⁹⁸. В самом деле, помещик, как и вотчинник, в отношении части своих земель (не входящих в барскую запашку) играет роль номинального земельного собственника, не вкладывающего в землю ни дополнительных потребительных стоимостей, ни личного труда. Не случайно класс феодалов в целом свободен от поземельных налогов. Казалось бы, помещик не имел права не сохранять объект присвоения (землю), дать ему разрушаться как потребительной стоимости (например, зарастать лесом и т. д.). Однако поскольку право помещика сохранять землю не реализовывалось как непосредственно его отношение к земле, в которую он не обязан был вкладывать ни личного труда, ни других потребительных стоимостей, постольку непосредственно его отношение к земле предполагало право не сохранять объект присвоения как данную потребительную стоимость. Фактически осуществляли право сохранения потребительной стоимости непосредственные владельцы земли — крестьяне, чье отношение к земле исключало право не сохранять ее как данную потребительную стоимость, ибо в случае несохранения объекта терялась сама возможность владения им. Крестьяне бежали, и землевладельцам приходилось перекладывать налоги на оставшихся крестьян, если бегство не было поголовным.

При капитализме остается класс номинальных собственников (ленд-лорды), которые реализуют земельную собственность при посредстве капиталистических арендаторов, пользующихся трудом наемных рабочих. Арендатор — лишь владелец земли, поскольку присвоение ее им невозможно без капиталовложений. Наряду с номинальными собственниками при капитализме существуют и реальные собственники — крестьяне. Они собственники потому, что отсутствует власть феодалов и потому также, что собственническое присвоение земли не обязывает прямо к ее производственному использованию (характерная для капитализма тенденция перехода от налогообложения по внешним признакам, т. е. по размеру земельных участков, к обложению по размерам оборота, а затем дохода). Вместе с тем крестьяне — владельцы, ибо земледелие — их главное занятие, они вкладывают в землю личный труд, делают капиталовложения, используют наемный труд. Мы не касаемся здесь широко распространенных при капитализме форм полуфеодальных отношений⁹⁹.

На практике сочетание в одном субъекте присвоения черт собственника и владельца сильно варьируется. В связи с этим варьируются и права собственности и владения. С другой стороны, как собственность, так

⁹⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 151. «Условная» не значит «мнимая», как считает М. В. Колганов (Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 422).

⁹⁹ Характеристику отношений собственности в переходный период от феодализма к капитализму подробнее см.: Сказкин С. Д. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении // Средние века: Сб. М., 1954. Вып. V. С. 13–14.

и владение, имея один объект, могут иметь несколько субъектов присвоения. Отсюда возникают, например, типы разделенной, условной или ограниченной собственности (когда есть, по крайней мере, два номинальных собственника земли: высший — сюзерен, и низший — вассал; из них каждый обладает в определенной мере основными правами собственника и может обладать или не обладать теми или иными дополнительными правами собственника¹⁰⁰).

Наши определения собственности и владения, данные впервые в 1970 г.¹⁰¹ и повторенные в 2001 г.¹⁰², получили определенную поддержку в российской историографии, как близкой по времени к моменту их обнародования¹⁰³, так и в более поздней¹⁰⁴. Наряду с нашей концепцией в российской медиэвистике существуют и другие подходы к этой теме¹⁰⁵. В литературе конца XX в., посвященной теории собственности, мы не находим углубленной трактовки рассматриваемой категории политэкономии и права. Теперь стало признаваться, кажется, преимущество частной собственности перед государственной¹⁰⁶. Вспомнили о том, что свобода обусловлена

¹⁰⁰ Для М. В. Колганова немыслимы две собственности на один объект присвоения (хотя вполне допустимо несколько владений одним объектом): «...разделить собственность на одну и ту же вещь между двумя различными субъектами — это такой же нонсенс, как если бы кто-нибудь вздумал разделить право называться матерью ребенка между двумя женщинами на основе принципа моногамной семьи» (*Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. С. 424*). Автор исходит из своего представления о том, что собственность — это товар, причем не может свести концы с концами, объявляя куплю и продажу земли явлением мало распространенным в эпоху феодализма (Там же. С. 424–430). С точки зрения отношений собственности феодал в концепции М. В. Колганова ничем не отличается от крестьянина: он был «всего лишь владельцем земли и одновременно частным собственником своего движимого имущества» (Там же. С. 132). При таком подходе сама эксплуатация крестьян феодалами, «внеэкономическое принуждение» выглядит как голое насилие, не имеющее никаких экономических предпосылок (см. также: *Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. С. 31, особенно продолжение примеч. 3*).

¹⁰¹ *Каши́танов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. статей. М., 1970. С. 172–173.*

¹⁰² *Собственность в России: Средневековье и раннее новое время / отв. ред. Н. А. Горская. М., 2001. С. 19–21.*

¹⁰³ *Куббель Л. Е. Сонгайская держава: Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974. С. 258.*

¹⁰⁴ *Швейковская Е. Н. Некоторые аспекты социально-экономической истории России конца XVI–XVIII вв. в литературе 1990–2000-х гг. // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. статей: В двух томах. М., 2013. Т. II. С. 120–122.*

¹⁰⁵ Об этом см.: *Собственность в России... С. 3–5.*

¹⁰⁶ *Бурганов А. Х. Философия собственности: Курс лекций / под ред. П. С. Кобытова. Самара, 1996.*

наличием собственности¹⁰⁷, что «владение собственностью делает человека человеком, отличным от животного»¹⁰⁸. Цитируются мнения о собственности западных и русских мыслителей XVIII–XIX вв.¹⁰⁹, реферируются работы современных западных ученых¹¹⁰, но почти полностью игнорируется советская историография, много занимавшаяся этой проблемой.

Иногда возвращаются к марксову определению собственности как совокупности общественных отношений¹¹¹. Это определение он дал в письме к П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г.¹¹². Однако едва ли оно является наиболее удачным и наиболее точным определением собственности. Если собственность — все общественные отношения, то зачем вообще нужно понятие собственности? Некоторые авторы связывают собственность только с «распределением» вещей, которое характеризуется как «присвоение»¹¹³, хотя присвоение осуществляется на всех стадиях процесса производства, куда входят, как известно, само производство, а также распределение, обмен и потребление.

Не вдаваясь в толкование взаимоотношений между собственностью, владением и пользованием, многие современные авторы просто включают две последние категории в состав «собственности» и добавляют к ним третий элемент — «распоряжение». Эта «триада» считается классической и выражающей существо «права собственности»¹¹⁴. Можно весьма усомниться в том, что указанная «триада» состоит из однородных понятий. «Владение» и «пользование» являются экономическими категориями, в то время как «распоряжение» — категория правовая. Распоряжение присуще не только «собственности», но и в той или иной степени владению и пользованию. В ряде работ, посвященных «собственности», сколько-нибудь развернутое определение ее вообще отсутствует¹¹⁵.

¹⁰⁷ Там же. С. 22, 34.

¹⁰⁸ Там же. С. 45.

¹⁰⁹ Ахведиани А. А., Ковалев А. М. Собственность. Власть. Политика. М., 1996. С. 10–20.

¹¹⁰ Проблема собственности: Теория, история, практика. М., 1995; ср.: Русская философия собственности. СПб., 1993.

¹¹¹ Ахведиани А. А., Ковалев А. М. Указ. соч. С. 21.

¹¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 406. В другом месте Маркс справедливо заметил, что называть «собственность (присвоение)» условием производства будет тавтологией (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12.. С. 113; ср. Т. 46, ч. I. С. 23).

¹¹³ Ахведиани А. А., Ковалев А. М. Указ. соч. С. 21–22.

¹¹⁴ Там же. С. 20; Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л. И. Абалкин. М., 1999. С. 736.

¹¹⁵ См., например: Паишов В. П. Теоретические вопросы собственности: содержание, формы. М., 1994; Бояркин Д. Д. Теория собственности. Новосибирск, 1996; Захарова Л. Н. Собственность как ценность и ценность собственности. Тюмень, 1997.

Иммунитет и так называемое «внеэкономическое принуждение»

Рассмотрев сущность владения и собственности — двух краеугольных понятий, фигурирующих в марксовом объяснении феодальной ренты, мы должны проанализировать и третье понятие, входящее в это объяснение, — внеэкономическое принуждение. У основоположников марксизма-ленинизма определение внеэкономического принуждения не сформулировано.

Н. С. Михаловская говорит о применении государственной власти как орудия внеэкономического принуждения: «...Смещение публично-правовых и частноправовых отношений, власти государя с властью помещика-землевладельца, откроет уже более полную возможность для применения принудительности, лежащей в основе государственного властвования, к экономической области, — иными словами, для применения государственной власти как орудия внеэкономического принуждения, для эксплуатации подданных государя-помещика»¹. А. В. Венедиктов, не давая определения внеэкономического принуждения, оперирует этим понятием только при характеристике феодальных отношений². Иначе делается во втором издании «Большой советской энциклопедии»: «Внеэкономическое принуждение — принуждение к труду в антагонистическом обществе путем прямого насилия... Внеэкономическое принуждение основывается на отношениях непосредственного господства и подчинения, на личной зависимости трудящегося от эксплуататора. Внеэкономическое принуждение

¹ Михаловская Н. С. Каролингский иммунитет // Средние века: Сб. М.; Л., 1946. Вып. II. С. 188–189.

² Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948. С. 96, 188–190, 824.

характерно для рабовладельческого и феодального общества»³. По существу то же самое читаем и в «Советской исторической энциклопедии»: «Внеэкономическое принуждение — форма принуждения к труду, основанная на отношениях непосредственного господства и подчинения, на личной зависимости трудящегося от эксплуататора; специфическая форма общественных отношений людей в процессе материального производства, характерная для рабовладельческой и феодальной антагонистических классовых формаций»⁴.

В своей первой монографии о собственности М. В. Колганов относил внеэкономическое принуждение только к феодальным отношениям: «Внеэкономическое принуждение было... следствием феодальной земельной собственности, особой формы ее организации»⁵. Во второй монографии он не затрагивает проблему внеэкономического принуждения, когда анализирует рабовладельческие формы собственности, но, касаясь «рабства» и «крепостничества» вместе, пишет: «Отношения так называемого внеэкономического принуждения являются лишь маскировкой господства материальных условий производства над людьми на определенных ступенях развития общества и общественных производительных сил»⁶. С. Д. Сказкин не выводит внеэкономическое принуждение за рамки феодального общества: «... Внеэкономическое принуждение есть средство получения феодальной ренты собственником земли от самостоятельного мелкого хозяина, а не основа ее конституирования»⁷; «... Внеэкономическое принуждение вытекает из феодальной собственности»⁸; «судебная и административная власть сеньора... есть, с одной стороны, средство внеэкономического принуждения, а с другой — источник доходов, которые тоже входят в феодальную ренту, как одна из ее частей»⁹.

Б. Ф. Поршнев, приводя высказывание В. И. Ленина о невозможности получения ренты помещиком без «прямой власти над личностью крестьянина»¹⁰, указывает: «Из этих слов совершенно ясно, что именно понимает марксизм под „внеэкономическим принуждением“. Слово

³ БСЭ, 2-е изд. М., 1951. Т. 8. С. 293.

⁴ СИЭ. М., 1963. Т. 3. Стб. 537.

⁵ Колганов М. В. Собственность в социалистическом обществе. М., 1953. С. 31.

⁶ Колганов М. В. Собственность: Докапиталистические формации. М., 1962. С. 319.

⁷ Сказкин С. Д. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении // Средние века: Сб. М., 1954. Вып. V. С. 7.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 185.

„внеэкономическое“ не должно ввести в заблуждение, будто речь идет о любой форме насилия или даже о религиозном воздействии. Речь идет лишь о разных проявлениях собственности феодалов в отношении личности крестьян, об ограничении личной свободы крестьян как средстве принуждения их к труду на феодалов, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина. Это же содержание кратко может быть выражено другой формулой: неполная собственность феодала на работника производства, крепостного (в отличие от полной собственности рабовладельца на работника производства, раба). Марксистская политическая экономия включает этот вид собственности в характеристику основ феодальных производственных отношений. Данный (как и всякий) вид собственности следует ясно отличать от надстройки (государства, права, религии и пр.), которая его защищает, укрепляет, санкционирует. Неполная собственность феодалов на крестьян, создающая внеэкономическую зависимость крестьян, характеризует не надстройку, а базис феодального общества, принадлежит к числу существеннейших черт феодального базиса»¹¹.

С возражениями Б. Ф. Поршневу выступил Ф. М. Морозов, который считает неправильным, во-первых, то, что понятие неполной собственности на крепостного крестьянина равнозначно понятию «внеэкономическое принуждение», во-вторых, то, что внеэкономическое принуждение — экономическая категория¹². По мнению Ф. Морозова, «категория неполной собственности на работника производства не помогает, а запутывает понимание существа феодализма»¹³; кроме того, «в трактовке автора (т. е. Б. Ф. Поршнева. — С. К.) — это правовое понятие, а не экономическое»¹⁴. Позитивный взгляд рецензента таков: «Отношения внеэкономического принуждения являются... надстроечной категорией и поэтому не могут служить одной из основ производственных отношений, не могут быть определяющими для производственных отношений. И Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали, что внеэкономическое

¹¹ Поршнев Б. Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956. С. 37; Он же. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 44.

¹² Морозов Ф. Об одном опыте изложения политической экономии феодализма // Вопр. экономики. 1958. № 11. С. 151.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 150. Ф. Морозов заметил: «Обычно различие между полной собственностью на раба и неполной собственностью на крестьянина в нашей литературе сводилось к тому, что раба господин мог безнаказанно убить, а феодал не имел права убить крепостного крестьянина... Но это не экономическое, а юридическое различие, и оно не характерно для собственности как экономической категории...» (Там же).

принуждение было порождено феодальной системой хозяйства, являлось следствием этой особой системы хозяйства»¹⁵; «... Все формы внеэкономического принуждения являются политико-юридическими отношениями и определяются материальными производственными отношениями. Но, будучи порождены феодальной системой хозяйства, отношения внеэкономического принуждения, в свою очередь, оказывают на производство обратное влияние»¹⁶.

Положения Ф. М. Морозова подверглись критике в статье В. И. Козловского. Автор фактически согласился с мнением Ф. Морозова, что распространенное в нашей литературе противопоставление «неполной» собственности «полной» исходит не из экономического, а из правового понимания собственности (отсутствие у феодала права убить крепостного). Однако сам В. Козловский дал по существу мало отличающееся от этого юридического взгляда толкование: «Экономическое понятие неполной собственности феодала на личность крестьянина заключается в том, что крепостной крестьянин уже не являлся прямой собственностью феодала, то есть не находился в полном и безраздельном распоряжении феодала, в то время как раб полностью принадлежал рабовладельцу, находился в его полном и безраздельном распоряжении. По нашему мнению, нет необходимости отказываться от понятия неполной собственности феодала на личность крестьянина, так как она действительно имела место при феодализме»¹⁷. В. Козловский оперирует представлением о степени полноты распоряжения. Но распоряжение — правовая категория, следовательно, тезис автора не доказан.

В данной им характеристике внеэкономического принуждения есть противоречия. С одной стороны, у него «не вызывает никаких сомнений то, что Маркс писал о непосредственном отношении „господства и порабощения“ как реальной форме отношений собственности». С другой стороны, поскольку «феодальная земельная собственность могла быть реализована только путем внеэкономического принуждения крестьян феодалами», «отношения собственности при феодализме обусловили не только экономическую, но и внеэкономическую зависимость крестьянина от феодала»¹⁸. Итак, внеэкономическое принуждение — это, во-первых, «реальная форма отношений собственности», во-вторых, средство реализации земельной собственности, и, наконец, в-третьих, оно обусловлено

¹⁵ Там же. С. 151.

¹⁶ Там же. С. 152.

¹⁷ Козловский В. О производственных отношениях при феодализме // *Вопр. экономики*. 1962. № 9. С. 137.

¹⁸ Там же. С. 134.

отношениями собственности. Второе и третье положения не исключают точку зрения Ф. Морозова.

Приведем резюмирующие соображения В. Козловского: «... Если без внеэкономического принуждения не может быть реализована феодальная земельная собственность, если без него не может быть самого феодального способа производства, то является ли внеэкономическое принуждение надстроечной категорией? Конечно, нет. Отношения личной зависимости крестьян от феодалов — отношения внеэкономического принуждения — это общественные отношения, складывающиеся в процессе производства между феодалами и крестьянами, то есть производственные отношения»¹⁹; «...отношения внеэкономического принуждения являются *экономическими, производственными* отношениями, но отнюдь не надстроечной категорией, как утверждает Ф. Морозов»²⁰. В одном из пособий по политической экономии проводится различие между «прямым физическим принуждением к труду» при рабстве²¹ и «внеэкономическим принуждением крепостных крестьян к труду» при феодализме²². В специальных трудах по истории рабовладения «внеэкономическое принуждение» при рабстве упоминается подчас как нечто само собой разумеющееся²³.

* * *

Попробуем взглянуть на внеэкономическое принуждение с точки зрения наших представлений о собственности, владении и пользовании.

В первом томе «Капитала» Маркс показывает, что рабочая сила является потребительной стоимостью²⁴. Капиталист, покупая у рабочего его потребительную стоимость, оказывается ее пользователем. Это пользование осуществляется за плату в пользу собственника потребительной стоимости, каковым предстает здесь сам рабочий. Поскольку капиталист соединяет рабочую силу рабочего с другими потребительными стоимостями и выдает рабочему зарплату, он не выступает как собственник рабочей

¹⁹ Там же. С. 135.

²⁰ Там же. С. 134–135.

²¹ Политическая экономия: Досоциалистические способы производства: Учебно-наглядное пособие. Рига, 1968. С. 10.

²² Там же. С. 12.

²³ См., например: Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969. С. 47, 45 и др.; Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 21; ср. с. 45.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 177–178, 196–197 и др.

силы. Капиталист был бы владельцем рабочей силы, если бы его функция не ограничивалась только потреблением этой потребительной стоимости на принадлежащем ему производстве. Рабочий является теоретически номинальным, а фактически реальным собственником своей рабочей силы. Вне рамок чужого производства он выступает как владелец последней потому, что в его функцию входит, помимо потребления своей рабочей силы, сохранение ее путем соединения с другими потребительными стоимостями. Потребляя свою рабочую силу на производстве, принадлежащем капиталисту, рабочий оказывается ее пользователем. За потребление своей собственности он получает плату от собственника или владельца средств производства.

Раб как потребительная стоимость — это не просто рабочая сила, это человеческие способности и права в целом. (Мы имеем в виду не все конкретные типы рабства, а лишь наиболее заверченный его тип). Не случайно рабы и рабыни использовались не только для работы на производстве и в быту, но и для развлечения рабовладельцев (гладиаторы, наложницы и т. п.). Рабовладелец — номинальный собственник личности раба, т. е. его гражданских прав, которые присваиваются рабовладельцем без применения личного труда и других принадлежащих ему потребительных стоимостей. Гражданские права раба присваиваются не путем их прямого поглощения правами рабовладельца или соединения с последними, а путем отрицания гражданской правомочности раба и утверждения гражданской правомочности рабовладельца в отношении раба третьей силой — публичной властью, не являющейся потребительной стоимостью, непосредственно присваиваемой рабовладельцем²⁵. Будучи хранителем потенциальных гражданских прав раба, рабовладелец может восстановить его личность полностью или частично, например, сделав раба вольноотпущенником и т. п.

Остальные потребительные стоимости раба и прежде всего его рабочая сила функционируют для рабовладельца лишь при соединении их с принадлежащими рабовладельцу другими потребительными стоимостями. Поэтому рабовладелец представляет собой владельца рабочей силы и других способностей раба. Раб не является ни номинальным собственником, ни владельцем, ни пользователем своих гражданских прав. Раб не является также ни собственником, ни владельцем других своих потребительных стоимостей, ибо сохранение их входит в функцию господина, а не самого раба. Раб использует свои способности (прежде всего рабочую силу) на производстве, принадлежащем рабовладельцу в качестве владения или

²⁵ В этом смысле государство как рабовладелец, по-видимому, играет роль владельца, а не собственника личности раба, поскольку оно не имеет для себя самого значения третьей силы.

собственности. Использование чужих средств производства — то общее, что объединяет раба и рабочего. Но средства существования, которые получает раб, — это не плата рабовладельца рабу за потребление заключенной в нем потребительной стоимости, а соединение объекта присвоения (раба) с другой потребительной стоимостью, принадлежащей рабовладельцу, для сохранения (восстановления) рабочей силы или только физической сущности раба.

Каким образом происходит непосредственное соединение рабочей силы с орудиями труда? Оно невозможно без прямого воздействия на рабочую силу. Это особого типа труд, состоящий в потреблении интеллектуальной или физической силы собственника или владельца орудий труда. Возвращаясь к нашей схеме, обозначим потребительную стоимость такого рода как потребительную стоимость № 1, а рабочую силу пользователя орудий труда — как потребительную стоимость № 2. Если вместо собственника или владельца орудий труда фигурирует его представитель в роли носителя потребительной стоимости, непосредственно соединяющей рабочую силу с орудиями труда, эта заключенная в нем способность организации труда имеет значение потребительной стоимости № 3, присваиваемой собственником или владельцем орудий труда.

Мы знаем, что когда прямое воздействие потребительной стоимости № 1 или 3 на потребительную стоимость № 2 осуществляется не только для потребления, но и для сохранения потребительной стоимости № 2, перед нами владение субъекта потребительной стоимости № 1 потребительной стоимостью № 2, когда же цель ограничивается потреблением — это пользование. Поскольку в случае с рабочим и капиталистом потребительная стоимость № 2 лишь потребляется и, потребляясь, остается номинальной собственностью рабочего, воздействие на нее потребительной стоимости № 1 или 3 в процессе производства является подчинением чужой воле рабочей силы, а не личности рабочего, который сохраняет свободу личности. Человеческие способности раба как потребительная стоимость № 2 потребляются и сохраняются рабовладельцем. Применение к ним потребительной стоимости № 1 или 3 есть реализация владения субъекта потребительной стоимости № 1 потребительными стоимостями раба. Личность раба не отделена от его рабочей силы потому, что он не собственник и не владелец ни той, ни другой, а лишь пользователь своей рабочей силы при чужом владении ею. Раб целиком подчиняется чужой воле и как рабочая сила, и как личность.

Подчинение чужой воле рабочей силы рабочего, рабочей силы и личности раба является экономическим принуждением: эти формы принуждения представляют собой реализацию чисто экономических способов присвоения — пользования в одном случае и владения в другом.

Феодально-зависимый крестьянин — не собственник своей рабочей силы, ибо для потребления и сохранения этой потребительной стоимости он не может не соединять ее с другими принадлежащими ему потребительными стоимостями.

Рабочая сила крестьянина, обрабатывающего свое владение, непосредственно соединяется не с землей, являющейся собственностью феодала, а с орудиями труда, составляющими собственность крестьянина, и только через них — с землей. Способность к принуждению, заключенная в самом феодале (потребительная стоимость № 1) или в его слугах (потребительная стоимость № 3) не соединяется с рабочей силой крестьянина (потребительная стоимость № 2) непосредственно, когда крестьянин работает в своем владении, так как он остается здесь владельцем своей рабочей силы и соединяет ее с орудиями и предметом труда самостоятельно, без прямого воздействия со стороны носителей потребительных стоимостей № 1 или 3.

При таком положении дел феодал не только не собственник, но и не владелец и даже не пользователь рабочей силы крестьянина (она не функционирует для него как потребительная стоимость). Чтобы заставить крестьянина произвести прибавочный продукт внутри его хозяйства и чтобы затем отобрать у него этот продукт, необходимо соединение потребительных стоимостей № 1 или 3 непосредственно с личностью крестьянина. Такое же насилие над личностью владельца средств производства и рабочей силы требуется, чтобы заставить его пойти работать на барщине, хотя сам процесс работы на барщине осуществляется путем непосредственного воздействия потребительных стоимостей № 1 или 3 на рабочую силу крестьянина, соединяемую тут преимущественно с чужими, барскими орудиями труда и потребляемую крестьянином несамостоятельно.

Специфика принуждения при феодализме определяется не процессом труда крестьянина на барщине, а процессом его труда в своем владении, который чаще всего сочетается с трудом на барщине. Безнадельность крестьян не свойственна феодализму и служит признаком неразвитости или разложения его. В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «„Собственное“ хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства»²⁶. В основе феодального принуждения лежит то, что крестьянин не является собственником земли, которой он владеет. Именно это сводит его способности к роли рабочей силы, поскольку он не может присваивать, не трудясь. Собственность же феодала на землю обуславливает возможность присваивать, не выполняя функции рабочей силы. Таковы глубокие экономические источники феодального

²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 184.

принуждения²⁷, но они опосредствованы. Крестьянин — владелец своей рабочей силы. Феодал не в состоянии добиться соучастия в присвоении ее методом прямого соединения принадлежащих ему потребительных стоимостей (земли, способности к принуждению) с рабочей силой крестьянина, так как они не соединяются с ней непосредственно вследствие самостоятельности крестьянского производства.

Но феодал может соединять свои потребительные стоимости (способность к принуждению) непосредственно с личностью крестьянина, поскольку последняя функционирует в пределах территории, составляющей собственность феодала. Однако такое соединение не может быть полным, ибо та же территория представляет собой владение крестьянина. Соединяя потребительные стоимости №1 или 3 с личностью крестьянина, феодал делается частичным владельцем его личности и через это — пользователем его рабочей силы. В лекции «О государстве» (1919 г.) В. И. Ленин отмечает: «...Крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи»²⁸. Это значит, что феодал, в отличие от рабовладельца, не был полным владельцем работника («как вещи»). Частичное владение личностью крестьянина выражается в том, что феодал ее частично потребляет, т. е. частично уничтожает гражданскую правомочность крестьянина и частично сохраняет, привязывая крестьянина к себе в качестве подданного. В статье «Крепостное хозяйство в деревне» (1914 г.) В. И. Ленин писал: «При крепостническом хозяйстве эксплуатируемый работник имеет и земли и орудия труда, но все это служит именно для закабаления его, для *прикрепления* его к „барину-помещику“»²⁹. Частичное присвоение личности

²⁷ Ср.: Гуревич А. Я. Проблемы земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // ВИ. 1968. № 4. С. 100; Он же. Проблемы генезиса феодализма... С. 45, 49, 208, 209. Собственность феодала на землю и владение непосредственного производителя земель находятся в основе общественной структуры феодализма независимо от того, составляет ли главное занятие непосредственного производителя земледелие, кочевое скотоводство или промысел в форме охоты и рыбной ловли (например: Козьмин Н. П. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Москва; Иркутск, 1934. С. 19, 101, 102; Златкин И. Я. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // ВИ. 1955. № 4. С. 75–79; Зиманов С. З. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № 12. С. 65).

²⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 70.

²⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 90. Так называемое «прикрепление к земле» — это запрещение покинуть данную территорию без разрешения феодала или его агента. Оно является следствием прикрепления личности крестьянина к аппарату власти феодала, результатом феодального «подданства». В. С. Батраков полагал, что у кочевых народов род и племя превратились в «феоды», в которых феодалы выступали в роли родоначальников и родоправителей, и поэтому прикрепление к роду было как бы эквивалентом прикрепления к земле. (Батраков В. С. Особенности

совершается путем непосредственного соединения этой потребительной стоимости крестьянина с принадлежащими феодалу потребительными стоимостями №1 или 3, а не при помощи четвертой силы, не являющейся потребительной стоимостью феодала. Поэтому такое присвоение и есть частичное владение, а не частичная или неполная собственность.

Когда феодал получает доступ к рабочей силе крестьянина, он ее лишь потребляет, функция же сохранения рабочей силы остается за крестьянином. Исключения (вроде перевода крестьян на месячину при лишении наделов – способ установления владения феодала рабочей силой крестьянина) характерны для периода разложения феодализма.

Следовательно, феодал — частичный владелец личности крестьянина и пользователь его рабочей силы.

Феодал потребляет рабочую силу бесплатно, даром (в отличие от капиталиста, оплачивающего часть труда рабочего) и не соединяет ее непосредственно с принадлежащими ему средствами воспроизводства рабочей силы (в отличие от рабовладельца, который содержит раба). Таким образом, феодальное принуждение к труду не вытекает из чисто экономического способа присвоения рабочей силы — пользования ею за плату или бесплатного пользования при непосредственном материальном содержании ее. Подчинение рабочей силы чужой воле происходит здесь через подчинение чужой воле личности крестьянина. Однако присвоение личности, если бы оно было полным, привело бы к растворению личности в рабочей силе, и владение личностью означало бы одновременно владение рабочей силой. Принуждение такой рабочей силы к труду явилось бы результатом прямого ее присвоения, т. е. экономическим правом. Источником доступа феодала к рабочей силе крестьянина оказывается то, что феодал частично лишает его права свободной личности, которое выражалось в свободе от уплаты дани³⁰.

Лишив крестьянина этого права личной свободы, феодал однако оставляет за ним свободу сохранения и потребления своей рабочей силы. Оставляет потому, что иначе прекратилось бы само производство в условиях, когда феодал — номинальный собственник, а крестьянин — владелец земли. Но оставив за крестьянином роль владельца рабочей силы, феодал не может экономически — путем непосредственного присоединения

феодализма у кочевых народов // Научная сессия Академии наук УзССР 9–14 июня 1947 г. Ташкент, 1947. С. 440). Однако род и племя — это не феодал в руках феодала, а своеобразный аппарат власти (феодалом остается земля), и прикрепление к роду равнозначно прикреплению к аппарату власти феодала.

³⁰ От налогов были свободны и рабы, находившиеся в частном владении. Но их свобода от налогов отражала лишь полноту владения рабовладельцев рабочей силой и личностью рабов.

своей воли к рабочей силе крестьянина³¹ — реализовать несвободу личности последнего, т.е. обязанность платить налог. Отсюда необходимость для феодала связать крестьянина с собой политическими узами, сделать его своим подданным. Это и естественно. Ведь феодал ликвидирует только часть гражданских прав крестьянина. Будучи собственником орудий труда, владельцем земли и своей рабочей силы, крестьянин сохраняет какую-то гражданскую дееспособность: право распоряжаться в той или иной мере своим имуществом и своей личностью, право искать защиты от посягательств на них у публичной власти. Крестьянин — частичный владелец своей личности.

Если при этих условиях феодал не будет иметь функции политической власти в пределах своей территории, всякая его попытка присвоить прибавочный труд крестьянина может быть судебнo оспорена. Устранить такую возможность призвана политическая власть феодала, установление подданства ему крестьян. Крестьянин выступает одновременно и как лично несвободный, и как подданный. Требуя налог с крестьянина как с лично несвободного, феодал принуждает его к уплате этого налога с помощью политической власти, которой крестьянин должен подчиняться как подданный. Феодалу и нужен аппарат политического господства потому, что без него он не может осуществлять свою экономическую власть. Взимаемый феодалом налог по своему экономическому происхождению — рента, по методу присвоения — дань.

Итак, внеэкономическое принуждение — это не непосредственное принуждение рабочей силы к труду, а принуждение личности к бесплатной отдаче своей рабочей силы для затраты прибавочного труда или производства прибавочного продукта, что достигается путем соединения частичного владения феодала личностью крестьянина с частичным подданством ее ему. (Подданство является частичным постольку, поскольку сама гражданская дееспособность крестьянина частичная). Следовательно, во внеэкономическом принуждении соединены два элемента: экономический (частичное владение) и политический (частичное подданство), причем один не может функционировать без другого.

В таком опосредствованном виде выступает реализация пользования феодала рабочей силой крестьянина.

Различные типы эксплуатации крестьянина (формы ренты), влияя на степень полноты чужого пользования его рабочей силой, влияют и на степень владения крестьянина своей рабочей силой. В тех случаях, когда феодал играет роль лишь номинального собственника земли, т.е. крестьянин трудится на земле, представляющей собой его, крестьянина, владение,

³¹ Иначе говоря, по прямому праву владения или пользования рабочей силой.

степень его личного владения своей рабочей силой относительно велика. Будучи работником на барщине, когда главное средство производства — земля — находится в реальной собственности феодала, а не во владении крестьянина, крестьянин в гораздо меньшей степени владеет своей рабочей силой. Но хотя тут рабочая сила крестьянина соединяется с принадлежащими феодалу 1) орудиями труда³², 2) землей, 3) способностью к принуждению (с 1 и 3 — непосредственно³³), момент внеэкономического принуждения проявляется в том, что, во-первых, сам приход крестьянина на барщину обусловлен принуждением его как личности, а не прямо как рабочей силы, во-вторых, сохранение (материальное содержание) рабочей силы крестьянина остается функцией самого крестьянина³⁴ и вместе с тем пользование его рабочей силой не оплачивается.

В толковании термина «внеэкономическое принуждение» в литературе нельзя подчас не заметить *qui pro quo*. «Внеэкономическое» понимается некоторыми авторами только как не основанное на экономической заинтересованности объекта принуждения, не связанное с его формальным волеизъявлением (принуждение рабочего — экономическое, а крепостного и раба — «внеэкономическое»). Однако К. Маркс употребил термин «внеэкономическое принуждение» в другом смысле. «Внеэкономическое» значит не прямо вытекающее из собственности, владения или пользования, а опосредствованное через политический институт. К. Маркс и В.И. Ленин указывают, что «внеэкономическое принуждение» возникает тогда, когда непосредственный работник остается владельцем средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования³⁵. Владелец средств производства является феодально-зависимый крестьянин, а не раб. Рассмотрение механизма принуждения к труду раба не позволяет, как мы видели, говорить о его внеэкономическом принуждении.

Анализируя и критикуя лозунг экономистов — придать «самой экономической борьбе политический характер», В.И. Ленин в работе «Что делать?» (1901–1902 гг.) так разъяснял смысл этого лозунга: «... Значит, следовательно, добиваться осуществления тех же профессиональных требований, того же профессионального улучшения условий труда посредством „законодательных и административных мероприятий“»³⁶. Привле-

³² Правда, крестьянин мог работать на барщине и со своими орудиями труда.

³³ Соединение с землей опосредствовано лишь чужими орудиями труда, но не опосредствовано крестьянским владением предметом труда и крестьянской собственностью на орудия труда.

³⁴ Мы не имеем в виду безнадельных крестьян и дворовых.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 353; Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 185.

³⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 60–61.

чение правительства — органа политической власти — к регулированию производственных отношений между капиталистом и рабочими придавало экономической борьбе политический характер. При феодализме роль такого органа политической власти играл прежде всего сам феодал: регулирование производственных отношений между феодалом и крестьянами осуществлялось органом политической власти — феодалом. Поэтому сами производственные отношения носили, говоря словами Маркса, «непосредственно... политический характер».

В статье «К еврейскому вопросу» (написана в 1843 г., напечатана в 1844 г.) К. Маркс говорит: «Старое (т. е. феодальное. — С. К.) гражданское общество *непосредственно* имело *политический* характер, т. е. элементы гражданской жизни, — например, собственность, семья, способ труда, — были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме сеньориальной власти, сословий и корпораций»³⁷. В первом томе «Капитала» Маркс подчеркнул другую особенность феодализма: «Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни... Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд, как и труд, производящий товар, тоже измеряется временем, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает определенное количество своей собственной, личной рабочей силы... Таким образом, как бы ни оценивались те характерные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, общественные отношения лиц в их труде проявляются во всяком случае здесь именно как их собственные личные отношения, а не облачаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда»³⁸.

Было бы неправильно противопоставлять идею первого высказывания Маркса идее второго высказывания. Личностные отношения, если помнить, что в основе их лежит неполное владение личностью непосредственного производителя, неизбежно приобретают характер отношений политического господства и подчинения, представляющих собой не просто маскировку экономических отношений, а особую форму их функционирования. Личностно-политические отношения возникают потому, что без них невозможна реализация земельной собственности, структура

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 403.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 87–88.

которой (собственность феодала и владение крестьянина) обусловлена соответствующей ступенью развития производительных сил.

Возникает вопрос: куда относится внеэкономическое принуждение — к базису или надстройке? Мы уже знакомились с диаметрально противоположными решениями этого вопроса. Поскольку во внеэкономическом принуждении сочетаются политическая власть и владение, оно должно быть отнесено и к надстройке, и к базису. Особенность феодального базиса в том и состоит, что он непосредственно соединен с политической надстройкой, что надстройка входит в него как рычаг.

* * *

Выяснив содержание понятий собственности, владения и внеэкономического принуждения, вернемся к вопросу о ренте и иммунитете. Если рассматривать состав иммунитетных прав, то среди них можно обнаружить следующие основные права земельного собственника: право на получение ренты; право суда и расправы по отношению к феодально-зависимым крестьянам; права, обеспечивающие ту или иную степень независимости феодальной территории от местных и центральных органов государственной власти и посторонних людей. Что стоит за этими правами?

Остановимся на праве получения ренты. Получение ренты — экономическая реализация земельной собственности, т. е. проявление экономической власти феодала. Мы знаем, что при феодализме эта реализация невозможна без внеэкономического принуждения. Иными словами, в получении ренты одновременно воплощаются экономическая власть феодала и внеэкономическое принуждение. Можно ли считать иммунитет только правовой стороной ренты, ее юридическим выражением?

Иммунитетное право является таковым потому, что оно обособляется от какого-то иного права и противостоит ему. Поскольку даже один номинальный собственник фигурирует часто в двух ипостасях — в качестве номинального собственника в отношении одной части своих земель и в качестве реального собственника в отношении другой их части, возникает различие во внутреннем строении двух форм внеэкономического принуждения в рамках одной земельной собственности.

Структура внеэкономического принуждения, осуществляемого феодальным государством, обычно еще сложнее. Если взять, например, русское государство XVI–XVII вв., то обнаруживается прежде всего его многоликость как земельного собственника. В отношении дворцовых земель это номинальный собственник наделов, являющихся крестьянским

владением, и реальный собственник территорий, на которых ведется собственно дворцовое, барщинное хозяйство. Кроме того, государство — номинальный собственник земель черносошных крестьян. С различными категориями феодалов оно по-разному делит номинальную собственность на землю, находящуюся в так называемой «частнофеодальной» собственности. Задумываясь над тем, какую форму государственного внеэкономического принуждения, обусловленного этими формами собственности, можно считать иммунитетом, приходишь к выводу, что только дворцовую. Ряд грамот оформляет судебно-административную и финансовую обособленность корпораций, работающих на дворец. Во Франкском государстве иммунитет земель фиска принадлежал к числу наиболее ранних форм феодального иммунитета.

Очевидно, иммунитет возникает в пределах территорий, где номинальная собственность одного и того же феодала в отношении крестьянских земель практически неотделима от его реальной собственности в отношении земель, на которых ведется хозяйство самого феодала. С помощью иммунитета достигаются необходимые феодалу нормы эксплуатации крестьян в их владельческом и в барском хозяйстве. Только управляя территорией более или менее автономно, феодал распределяет политический и владельческий моменты внеэкономического принуждения таким образом, чтобы добиваться как прибавочного труда в натуральном виде, так и прибавочной стоимости в натуральной или денежной форме. Если бы дело сводилось к разделению власти между двумя номинальными собственниками, из которых ни один не имел бы реальной собственности, низший собственник оказался бы фактически агентом высшего, кормленщиком. Но иммунитет возникает иначе. Когда власть делится между двумя номинальными собственниками, носителем иммунитета становится тот, кто выступает в роли реального собственника какой-то части территории, находящейся в целом в его номинальной собственности.

Таким образом, иммунитет — это не просто юридическое выражение феодальной ренты, не просто внеэкономическое принуждение или его «орудие», «средство», «юридическая форма», наконец, не просто «совокупность политических прав». Иммунитет — экономическая (как реализация земельной собственности) и внеэкономическая власть земельного собственника в отношении населения территории, являющейся его номинальной собственностью в целом и реальной собственностью в определенной пространственно ограниченной части.

Не сам иммунитет представляет собой право, а он порождает систему позитивных и негативных нрав: право принуждения к уплате ренты, право суда и расправы, право подсудности исключительно сюзерену (не его местным агентам), право недопуска на иммунитетную территорию

посторонних лиц, в том числе агентов сюзерена, право полной или частичной неуплаты налогов сюзерену и т. п.

Считать, что феодальная рента — это экономическая категория, а феодальный иммунитет — юридическая, значит механически представлять себе структуру реализации феодальной земельной собственности. Точно так же считать иммунитет чисто базисным или чисто надстроечным явлением значит исказить его реальную роль, его фактическую принадлежность как к феодальному базису, так и к феодальной надстройке.

Автор вполне сознает, что, не проанализировав систему вассалитета — сюзеренитета, нельзя считать законченным и анализ иммунитетных отношений.

Далеко не всякий иммунитет, получавший жалованную грамоту от правящего князя, был формально его вассалом. Монастыри, составлявшие большую часть иммунитетов, не являлись, как правило, вассалами жалователя, их не связывала с ним клятва верности. Вместе с тем короли и князья, предоставлявшие монастырям иммунитетные привилегии, рассчитывали обрести в лице этих корпораций влиятельных политических союзников. Пожалованным обителям вменялось в обязанность возносить за здравные или за упокойные молитвы за государя-жалователя и за членов его рода. Иногда подобное требование включалось особой статьей в текст иммунитетной грамоты. Находим его, в частности, в самой ранней русской иммунитетной грамоте, выданной новгородскому Юрьеву монастырю великим князем Мстиславом Владимировичем и его сыном, князем Всеволодом (около 1128–1130 гг.).

Особым вариантом сочетания иммунитета с вассалитетом служат факты выделения из общего тягла и суда сел и волостей, принадлежавших великому князю на правах фамильной собственности. Устанавливая иммунитет дворцовых владений, государь выступал в двух ролях одновременно: жалователя и получателя привилегий, т.е. сюзерена и квазивассала.

В первой части данной книги (главы 2–3) мы уже отмечали, что в историографии конца XIX — начала XX в. получила некоторую популярность идея происхождения светского иммунитета из власти «старых родителей» — рабовладельцев. Первым, кто высказал эту мысль, был, кажется, М. Ф. Владимирский-Буданов. Он рассматривал вотчинную юрисдикцию как естественное следствие власти «домовладыки и отца»³⁹. Б. Н. Тихомиров считал вотчинную власть «пережитком патриархального права»⁴⁰. К подобному же пониманию истоков светского иммунитета были склонны Б. И. Сыромятников, М. Н. Покровский,

³⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886. С. 93.

⁴⁰ Тихомиров Б. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. Кн. 3 (55). С. 3.

А. Е. Пресняков, отчасти С. Б. Веселовский и С. В. Юшков. В немецко-австрийской историографии начала XX в. сходных взглядов придерживались Г. Зелигер и А. Допш.

Теория происхождения иммунитета из патриархального рабовладения может, с одной стороны, служить обоснованием того, что иммунитет был порожден не княжескими пожалованиями, а процессом социально-экономического развития. Однако, с другой стороны, трудно доказать, что патриархальное рабство было источником не только светского, но и монастырского иммунитета, а ведь природа их совершенно одинакова. Едва ли кто-нибудь решится утверждать, что монастырский иммунитет основан на праве «старых родителей» — рабовладельцев. Во всех уголках средневековой Европы, в том числе и в России, распространение монастырского иммунитета предшествовало возникновению иммунитета светского. Такую картину являет, во всяком случае, дошедший состав иммунитетных грамот. Общим моментом, объединявшим духовных и светских феодалов в один класс, было не холоповладение, а феодальная собственность на землю. Поэтому именно ее мы считаем главным источником феодального иммунитета.

Долговая кабала, в которую попадали крестьяне, получая от землевладельца разного рода кредиты, «ссуду и подмогу», играла существенную роль в усилении экономической и личной зависимости непосредственного производителя от феодала, как духовного, так и светского. Некоторые историки полагают, что крепостное право было порождено не столько поземельной, сколько долговой зависимостью крестьян. Основателем этого направления в русской историографии был В. О. Ключевский⁴¹. В последнее время изучением истории кредитования крестьян как способа закабаления их землевладельцами в Древней Руси, особенно в XIV в., занимается В. А. Кучкин⁴².

Долговая зависимость ухудшала положение крестьян, но не она была главной причиной их несвободы при феодализме. Источником внеэкономического принуждения являлась феодальная специфика поземельных отношений — параллельное существование господской собственности на землю и крестьянского владения частью этой земли.

⁴¹ См., например: *Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах.* М., 1993. Кн. II. С. 52–56; ср.: *Очерки исторической науки в СССР.* М., 1960. Т. II. С. 155; *Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в.* М., 1970. С. 6.

⁴² *Кучкин В. А. Кредитование в Древней Руси // Восточная Европа в Древности и Средневековье: Экономические основы формирования государства в Древности и Средневековье. XXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто и памяти члена-корреспондента АН СССР А. П. Новосельцева.* Москва, 17–19 апреля 2013 г.: Материалы конференции. М., 2013. С. 174–179; ср.: *Перхавко В. Б. Дискуссия о российском крепостном праве и его последствиях // Российская история.* 2012. № 5. С. 209–217.

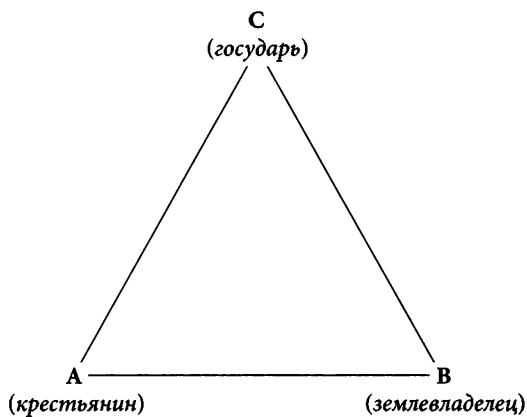

Рис. 1. Схема иммунитетных отношений

по отношению к С. Линия АВ является основанием треугольника, отражая главный признак феодального способа производства. Линия АС — это отношения между государством и непривилегированным подданным, который, не будучи защищен иммунитетом, должен платить налог государству и быть подсудным государственным органам власти. Линия ВС представляет отношения между государством и привилегированным подданным, за которым закрепляется в определенном объеме власть над населением его владения. Здесь устанавливаются границы полномочий В и С в делах, касающихся сбора налогов и пошлин, суда.

Длина каждой из трех линий треугольника может в одних случаях увеличиваться, в других — уменьшаться, но никогда не может свестись к нулю без того, чтобы не исчез весь треугольник, т.е. сам иммунитет. Отношения по линии АВ кончаются только тогда, когда происходит отмена крепостного права и освобождение крестьян от власти помещиков или монастырей, т.е. при ликвидации феодального способа производства как такового. До этого времени какими бы налогами государство ни облагало владельческих крестьян, до какой степени ни ограничивало бы объем юрисдикции владельца, все равно линия АВ остается основой феодального строя.

Линия АС может сильно уменьшиться при так называемом «полном иммунитете», когда предоставляется освобождение от всех государственных налогов, или при оброчном принципе, когда сбор налогов осуществляется исключительно самим иммунистом, без всякого вмешательства со стороны местной или центральной администрации, а также когда суд по всем видам преступлений, совершенных внутри данного владения, отдается в руки иммуниста. Линия АС страдает и в тех случаях, когда при сохранении высшей юрисдикции С в отношении А исчезают некоторые

Иммунитет можно представить себе в виде треугольника АСВ, где А — крестьянин, непосредственный производитель, плательщик налога и ренты; В — феодал-землевладелец, получатель ренты и судья первой инстанции; С — государь, глава государства, получатель налога и судья высшей инстанции (см. рис. 1).

А и В принадлежат к разным классам общества. Эксплуатируемый А отягощен трудовыми обязательствами (рентой) по отношению к В и налоговыми обязательствами

внешние атрибуты подданства А государю С. Примером такого ущерба линии АС может служить отстранение в 1741–1881 гг. российских пашенных крестьян от введенной Петром I в 1721 г. клятвенной присяги на верность императору и его наследнику, которую должны были приносить все достигшие совершеннолетия россияне мужского пола при смене лиц на российском престоле⁴³. Из 140 лет отрешенности крестьян от этой клятвы большая часть (120 лет) прошла при крепостном режиме. Сенатский указ от 25 ноября 1741 г., «освободивший» крестьян от присяги императору, был издан в день восшествия на престол Елизаветы Петровны и означал признание правительством того, что крестьяне являются квазисобственностью и вместе с тем квазиподданными помещиков, сосредоточивших в своих руках экономическую и политическую власть над ними. Одновременно он явился прологом к указу о вольности дворянской 1762 г. Именной указ от 1 марта 1881 г., вернувший крестьянам право присягать императору, появился в день убийства Александра II и восшествия на престол Александра III, когда прошло 20 лет после отмены крепостного права. Тогда уже не было иммунитета, а вместе с ним и частичного подданства крестьян своему барину, переставшему быть политической фигурой.

Устранение крепостных от клятвы верности императору в 1741 г. не означало фактической ликвидации линии АС в иммунитетном треугольнике, ибо с крестьян продолжала взиматься подушная подать и на них распространялась рекрутчина. Ответственность помещиков за выполнение этих повинностей крестьянами не отменяла, а усиливала необходимость самого выполнения. К тому же, суд по некоторым наиболее опасным видам преступлений, а также по тяжбам с посторонними для данной вотчины людьми подлежал ведению не помещика, а государства.

Линия ВС, отражающая взаимоотношения между иммунистом (В) и государем (С), имела два аспекта: во-первых, личные политические связи между С и В, степень заинтересованности С в союзе с В; во-вторых, компромисс интересов С и В в их господстве над А. Второй аспект касается прежде всего комплекса закрепляемых за иммунистом прав. Сюда входят объем вотчинной юрисдикции (виды преступлений, подлежащих суду иммуниста), налоговые полномочия, таможенные сборы,

⁴³ Волков Л. В. Клятвенное обещание. 1 // Государственность России: Словарь-справочник. М., 2009. Кн. 6, ч. 1. С. 315. Петр I явно следовал примеру Карла Великого, который в своих капитуляциях настойчиво требовал, чтобы все достигшие 12-летнего возраста люди любого сословия и звания, от епископов и графов до сервов и колонов, приносили клятву верности королю (с 800 г. — императору): «omnes jurent» — см.: *Fustel de Coulanges [N. D.] Histoire des institutions politiques de l'ancienne France: Les transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne*. Paris, 1907. P. 238–256, особенно p. 246–247.

административно-полицейские функции в отношении как подвластного населения, так и посторонних людей, вступающих в те или иные контакты или конфликты с подданными иммунитета. В грамотах негативная формулировка прав государя и его агентов («не въезжают», «не судят» и т.п.) могла сопровождаться или не сопровождаться позитивной формулировкой прав иммунитета. Объем привилегий зависел от общего уровня развития иммунитета в тот или иной период, от сословной принадлежности иммунитета (светский феодал, монастырь, церковь и т.п.), а также от степени заинтересованности С в политическом союзе с В. О высокой степени такой заинтересованности, как правило, свидетельствует широкий объем предоставленных привилегий.

Одна из важных привилегий — подсудность иммунитета лично государю, а не его местным агентам. Из светских лиц на Руси такую подсудность получали влиятельные землевладельцы и тесно связанные с государем служилые люди, а также приказчики монастырских сел. Что касается настоятелей, то их личная подсудность разделялась между двумя инстанциями. В «духовном деле» их судил глава епархии (митрополит, архиепископ или епископ), а в светских делах — глава княжества (великий или удельный князь, царь). Необычным отступлением от этого правила явилась политика Ивана Грозного в 1551–1563 гг., когда он предоставил митрополиту Макарию и областным иерархам право суда над настоятелями монастырей во всех делах — как духовных, так и светских⁴⁴. Это была беспрецедентная уступка церкви и лично митрополиту Макарию, сделанная царем ради согласия иерархов на ограничение монастырского податного иммунитета в масштабе всей страны (всеобщая ревизия тарханских грамот в мае 1551 г.)⁴⁵.

Эта уступка была шагом к созданию государственной церкви, ибо церковь частично заняла место государства в сфере высшей юрисдикции. Но, во-первых, данная мера оказалась временной и окончилась после смерти митрополита Макария в 1563 г. Во-вторых, отношения между В и С сохранялись в сфере их господства над А. Здесь каждый из них имел свою долю судебных прав и доходов.

В ряде случаев В и С были связаны между собой не просто как подданный и государь, а как вассал и сюзерен. Вассал был обязан сюзерену военной службой и помощью в борьбе с внешними и внутренними врагами. Он должен был подчиняться сюзерену, сражаться рядом с ним, оказывать ему почести и защищать его честь и достоинство. Сюзерен обязывался, в свою очередь, защищать интересы вассала и оказывать ему покровительство. Первоначально вассалы, будучи выходцами из низших

⁴⁴ Кашианов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 130–136, 161.

⁴⁵ Там же. С. 111–130.

слоев населения⁴⁶, получали от сюзерена только оружие⁴⁷, которое дорого стоило и довольно рано было заменено земельными пожалованиями на условиях бенефиция⁴⁸, даваемого в пожизненное владение, но без права наследования, или феода⁴⁹, называемого еще леном⁵⁰ и предоставлявшегося с правом наследования за службу.

Собственность вассала на землю, полученную от сюзерена, принято рассматривать как «условную», поскольку высшая, титульная собственность на нее оставалась за сюзереном. Вассально-сюзеренная собственность была как бы «разделенной».

Вассалитет зародился в странах Западной Европы в V–VI вв. не на почве поземельных отношений, а в связи с потребностями обороны. Большую роль в создании боеспособной армии сыграл австразийский майордом Карл Мартелл, принцепс франков (715–741 гг.), победитель арабов в битве при Пуатье (732 г.). Его армия состояла из многочисленных вассалов, вознаграждавшихся земельными пожалованиями. Раздача государственных земель вассалам практиковалась настолько широко, что вскоре наступил земельный голод или дефицит, преодолеть который Карл Мартелл сумел путем частичной секуляризации церковных земель⁵¹.

Через 750 лет после битвы при Пуатье подвиг Карла Мартелла повторил Иван III. В 1480 г. он одолел Ахмата, создав незадолго до того основы ленной системы. В 1478 г. Иван III завоевал Новгород Великий. Он выселил из обширной Новгородской земли прежних землевладельцев и посадил на их место верных ему «московских» служилых людей. Так возникла знаменитая поместная система, которая вскоре распространилась на всю страну. Поместья были типичными бенефициями. Вотчины могли быть родовыми и выслуженными, т. е. пожалованными. Последние являлись наследственными владениями, феодами. Для увеличения поместного фонда Иван III,

⁴⁶ Латинский термин *vassus* (вассал) произошел от кельтского *gwas* (слуга). Подробнее см.: Абрамсон М. Л. Вассалитет // СИЭ. М., 1962. Т. 2. Стб. 1004.

⁴⁷ *Lemarignier J.-F. La France médiévale: Institutions et société. 10-e tirage. Paris, 1970. P. 89.*

⁴⁸ От лат. *beneficium* (благодетение).

⁴⁹ От ср.-лат. *feodum, feudum*, восходящего к др.-герм. *fihu, fehu* (имущество, скот, деньги, поместье) + *ōd* (владение). Слово *feodum* в значении пожалованного поместья встречается уже в двух (правда, неподлинных) грамотах меровингских королей Дагоберта I 532 г. («*nostro dono vel fedo*») и Хильдеберта III 703/04 г. («*et totum feodum Herlanis*») — см.: *Monumenta Germaniae Historica: Die Urkunden der Merowinger / nach Vorarbeiten von Carlrichard Brühl hrsg. von Theo Kölzer. Hannover, 2001. Teil 1. № 60, 154. S. 150, (Zeile 18), 386 (Zeile 8).* (Далее — УМ. 1.)

⁵⁰ От нем. *Lehen* (пожалование); ср. *verleihen* (давать в пользование, награждать).

⁵¹ *Lemarignier J.-F. La France médiévale. P. 89.*

как и Карл Мартелл, прибегал к частичной секуляризации церковных земель⁵². Но Иван III жил в другую эпоху, чем Карл Мартелл, и может быть сравнен с деятелями не только раннего, но и позднего средневековья. Как политик нового времени он более всего подобен Людовику XI, при котором почти вся Франция (кроме Бретани) объединилась под властью одного государя. При Иване III вся северо-восточная и северо-западная Русь (кроме Пскова и части Рязани) стала единым государством.

Если первоначально вассалы формировались из людей низкого происхождения, то в VIII в. среди них встречаются и высокопоставленные лица. Так, в «Анналах империи» неоднократно упоминается баварский герцог Тассило (748–788), который был вассалом франкских королей — сначала Пипина III Короткого, затем Карла Великого. Он постоянно изменял своим сюзеренам, и им приходилось предпринимать против него карательные походы⁵³.

Короли были заинтересованы в большом количестве вассалов, но росту их числа препятствовало постепенное уменьшение площади свободных земель, пригодных для раздачи. Завоевания Карла Великого пополнили фонд государственных земель, но он снова сократился при Людовике Благочестивом, который не вел больших захватнических войн и не был склонен к посягательствам на земли церкви⁵⁴. В России XVI в. завоевания Ивана Грозного на востоке (Казань, Астрахань) и на западе (Ливония) имели такое же значение для поддержания и расширения поместной системы, как завоевания Карла Великого во Франкском государстве. Поместная система и вообще принцип службы с земли сохранялись на Руси в течение всего XVI и XVII вв., приняв форму коллективного вассалитета уездных корпораций служилых людей по отношению к государю⁵⁵.

⁵² См.: *Кашианов С. М.* Исторические параллели: Иван III и Карл Мартелл // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 180–181.

⁵³ *Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte / unter Benützung der Übersetzungen von O. Abel und J. von Jasmund neubearbeitet von Reinhold Rau.* Berlin, (ohne Jahr). Teil 1. S. 12, 16–20, 40, 52–56, 178, 180 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters: Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe / hrsg. von Rudolf Buchner; Bd. V).

⁵⁴ *Dhondt J.* Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe–Xe siècle). Brugge (België), 1948; *Тейс Л.* Наследие Каролингов: IX–X века. М., 1993.

⁵⁵ См., например: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в России. М., 1985; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992; *Лантеева Т. А.* Провинциальное дворянство в России в XVII веке. М., 2010; *Rüss H.* Herren und Diener: Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels: 9.–17. Jahrhunderte. Köln; Weimar; Wien, 1994; *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia: 1613–1689. Princeton; New Jersey, 1983.

В остальной Европе вассалитет в той или иной (часто пережиточной) форме просуществовал до эпохи буржуазных революций⁵⁶. В ряде случаев он имел формальное значение, определялся исключительно традицией и не мешал, например, герцогам бургундским воевать со своими сюзеренами, королями Франции.

В средневековой Западной Европе само поступление в вассалы оформлялось в виде торжественного акта коммендации, т. е. посвящения в службу⁵⁷. Во время этой церемонии вассал произносил клятву верности и обещание честного и ревностного служения своему сюзерену. Присяга вассала сюзерену получила название «оммаж»⁵⁸. На Руси обрядовая сторона вассалитета и связанные с ней «правила игры» не были развиты. Их отсутствие располагает думать, что в России вассально-сюзеренных отношений не было вообще. Такой вывод покажется правомерным, если сводить сущность вассалитета в церемонии оммажа. Но вассалитет мог закрепляться и в других формах. В статье «Вассалитет», опубликованной в СИЭ, говорится: «В Рус. гос-ве в ср. века вассальные отношения существовали лишь между великими и удельными князьями»⁵⁹. Удельные князья не приносили оммажа великому князю. Вместе с тем их подвассальное положение ясно вырисовывается из источников, прежде всего из междукняжеских договорных грамот. Л. В. Мининкова находит признаки существования вассалитета в Киевской Руси⁶⁰. В северо-западной и северо-восточной Руси XIV–XVI вв. прослеживается несколько разных линий вассалитета.

⁵⁶ Абрамсон М. Л. Вассалитет. Стб. 1005.

⁵⁷ От лат. *commendare*, которое в словарях обычно переводится глаголами «рекомендовать», «приказывать». В этом смысле, но без связи с проблемой вассалитета, разные формы глагола *commendare* употребляются в грамотах меровингских королей — см.: UM. 1. S. 9 (Z. 10, 14), 28 (Z. 30), 98 (Z. 25), 101 (Z. 6), 149 (Z. 30), 167 (Z. 5), 176 (Z. 14, 15, 21), 282 (Z. 25), 347 (Z. 43), 473 (Z. 11). Z — Zeile (строка). Однако, как указал А. Доза, глагол *commendare* может иметь еще значение *confier* — «доверять», «поручать» (*Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. 12e tirage. Paris, (sans date). P. 190*). В старофранцузском языке существовало слово *comandet*, которое переводится как «вассал» — см.: Словарь старофранцузского языка / сост. М. А. Бородина, М. В. Гардина, В. Ф. Шишмарев; рук. и ред. В. Шишмарев // Шишмарев В. Книга для чтения по истории французского языка М.; Л., 1955. С. 52.

⁵⁸ Словом *homage* или *homenage* первоначально обозначалось только обязательство вассала служить своему сюзерену и защищать его. Впоследствии слово *homage* стало употребляться в значении «честь, оказываемая кем-л. кому-л.» (Словарь старофранцузского языка. С. 137–138). Термин *homage* известен с XII в. (*Dauzat A. Op. cit. P. 391*). Он происходит от слова *homme* («человек», «мужчина»), которое в старофранцузском языке имело еще два значения: 2) «вассал»; 3) «свидетель».

⁵⁹ СИЭ. Т. 2. Стб. 1005.

⁶⁰ Мининкова Л. В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. Ростов-на-Дону, 2007.

Во-первых, сами великие князья Руси были в XIII–XV вв. вассалами ордынских ханов, которые не раз отправляли их в те или иные походы под командованием своих «послов» и полководцев. Но и ордынские ханы являлись де-юре вассалами. Их сюзереном был «великий хан» в Каракоруме, столице монгольской империи. Что же касается русских великих князей XIV–XVI вв. — московского, тверского и рязанского, — то они могли вступать в сюзеренно-вассальные отношения не только с удельными князьями, но и между собой. Если один из них оказывался при этом победителем, а другой — побежденным, первый выступал в роли «старейшего», а второй — «молодшего». Для различения политических статусов князей в договорах использовалась терминология родства. Так, в московско-тверском договоре 1484–1485 гг., заключенном после очередной победы Москвы, Иван III определяет тверского великого князя Михаила Борисовича как своего «брата молодшего» (т. е. вассала): «Имети ти меня, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, братом старейшим. И моего сына, великого князя Ивана, имети ти себе братомъ старейшимъ»⁶¹. Поскольку при заключении договоров стороны скрепляли их крестоцелованием, «старейший» партнер мог воспринимать крестоцелование «молодшего» как своего рода оммаж.

В каждом договоре великого князя с удельным фиксировалось «старшинство», или сюзеренитет, первого по отношению ко второму и приводился длинный перечень вассальных обязательств, которые великий князь налагал на удельного. Отношения Новгорода с князьями в XIII–XIV вв. можно также рассматривать как вассальные. Междукняжеские договоры позволяют говорить еще и о вассалитете бояр, вольных слуг и служебных князей. Бояре были обязаны нести военную службу с тем князем, кого они избрали своим сюзереном. Но, видимо, не всегда сюзерен и глава княжества, где находилась вотчина боярина, были одним и тем же лицом. Например, если боярин служил тверскому князю, а земли имел в Московском княжестве, эти земли подлежали суду и дани московского князя, а тверской не имел на них права. Подданство по земле одному князю могло сочетаться с вассальной службой другому князю. Получался разрыв между землей и службой, возможность существования вассалитета без лена, но с частной вотчиной в другом княжестве. Впервые запрещение выезжать с вотчинами коснулось служебных князей (1428)⁶².

Введение принципа службы с поместья или с вотчины в условиях единого Русского государства конца XV–XVI вв. способствовало созданию

⁶¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печ. Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин. М.; Л., 1950. № 79. С. 295.

⁶² Подробнее см.: *Кашианов С. М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 369 и др.

корпуса великокняжеских (царских) вассалов. Кое-кто из них получал жалованные грамоты на поместья, которые оформляли одновременно вассалитет и иммуитет.

Низший слой вассалов составляли светские «слуги» монастырей (например, Тормосовы, тесно связанные в начале XVI в. с Троице-Сергиевым монастырем) и приближенные «люди» светских землевладельцев — такие, как, например, некий Ворона, «человек» князя Ивана Борисовича Моложского, разыскивавший своих беглых холопов в Угличском уезде около 1520–1522 гг.⁶³ Определение этого княжеского вассала как «человека» князя типично для лексики и менталитета того времени и напоминает старофранцузское употребление слова *homme* (человек) в значении «вассал»⁶⁴.

Таким образом, несмотря на отсутствие в средневековой Руси церемонии оммажа, в ней все-таки нельзя не заметить наличия отношений вассалитета-сюзеренитета на разных социально-политических уровнях — от ордынских ханов и великих князей до слуг и «людей» духовных и светских землевладельцев.

Изучение истории иммуитета показывает, что предоставление привилегий монастырям и светским лицам делало из грамотчиков политическую опору той власти, которая осуществляла эти пожалования. Вместе с тем привилегии не только радовали, но и определенным образом привязывали иммуниста к сюзерену, вызывали желание защищать честь и достоинство щедрого князя. Данный тип отношений нельзя полностью отождествлять с вассалитетом, который основан на военном союзе двух контрагентов. Однако по своему характеру эти отношения близки к вассалитету и могут быть определены как квазивассалитет.

История вассалитета в изолированном виде ограничивается изучением процесса формирования господствующего класса и взаимоотношений между различными его прослойками и государственной властью. История иммуитета имеет более широкое социальное содержание. Она охватывает развитие отношений между разными классами, включая сюда и самый многочисленный класс — крестьянство. История иммуитета отражает эволюцию феодального способа производства и специфику политических институтов, возникавших в ходе этого развития. Сторонники употребления термина «феодализм» в узком смысле слова и строго в соответствии с тем первоначальным значением, которое вкладывали в слово *feodum* авторы средневековых источников⁶⁵, склонны к отождествлению

⁶³ Каиштанов С. М. К истории холопства в XVI в. // *Времена и судьбы: Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха*. СПб., 2006. С. 358, 370, 377–380.

⁶⁴ Ср. выше, примеч. 58.

⁶⁵ См. выше, примеч. 49.

«феодализма» с вассалитетом. Но вассалитет бывает и без ленов, а можно ли представить себе «феодализм» без ленов, т. е. без «феода»? Выходит, вся разница между двумя господствующими толкованиями «феодализма» состоит в признании или непризнании пожалования как необходимого элемента «феодализма», в признании или непризнании «разделенного» характера земельной собственности. С точки зрения марксовской теории феодальной ренты, получение которой обусловлено специфической структурой земельных отношений (господская собственность — крестьянское владение) вопрос о пожалованности, разделенности или условности господской собственности на землю не имеет принципиального значения. Отсюда проистекает понимание «феодализма» как способа производства и, если угодно, общественно-экономической формации, а не только системы вассалитета-сюзеренитета на ленной основе.

Иммунитет существует до тех пор, пока в треугольнике АСВ сохраняются все три стороны. Как уже говорилось выше, исчезновение линии АВ означает падение не только иммунитета, но и самого феодального способа производства. Ликвидация линий АС и ВС возможна лишь в тех случаях, когда иммунитетная территория становится самостоятельным государством и В занимает место С, превращаясь из зависимого вассала или квази-вассала в независимого государя. Примеры такого развития дает эпоха феодальной раздробленности на Западе в X–XIII вв. Так называемый «полный иммунитет» никогда не может быть «полным» в буквальном смысле слова. Если иммунитетная вотчина становилась «государством в государстве», ни по каким линиям не связанным с высшим монархом, вместо иммунитета возникает суверенитет.

В случаях предоставления иммунитетной изолированности дворцовым землям роль С раздваивается. Как суверен и сюзерен он остается номинальным верховным собственником (С). Как получатель особых привилегий для своего частного хозяйства и как его реальный собственник он оказывается в положении В по отношению к самому себе и к населяющим его земли непосредственным производителям и стоящей над ними дворцовой администрацией.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Влияние крестьянской реформы на развитие источниковедческой мысли в России

Проблема периодизации истории исторической науки не может быть решена без изучения эволюции методов источниковедения. Вопросы историографии источниковедения, к сожалению, еще недостаточно разработаны. В литературе освещены только развитие отдельных отраслей источниковедения и деятельность наиболее крупных источниковедов, главным образом начала XX в. (А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского и некоторых других). В написанных нами разделах «Источниковедение» и «Дипломатика» во втором и третьем томах «Очерков истории исторической науки в СССР»¹ была сделана попытка проследить эволюцию научной мысли в области изучения отдельных групп источников на протяжении второй половины XIX — начала XX в., но связь этой эволюции с изменениями, вызванными в общественной жизни России подготовкой и проведением крестьянской реформы, специально не рассматривалась.

В рецензии А. М. Сахарова, А. Г. Подольского и Н. Н. Самохиной на первый том «Очерков истории исторической науки в СССР» был поставлен вопрос относительно роли реформы 1861 г. в развитии русской историографии. Авторы совершенно правильно критиковали высказанное в «Очерках» положение, будто после реформы «все более и более выявляется реакционный фальсификаторский характер буржуазной историографии»².

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. [Т.] II. С. 575–595, 659–667; То же. М., 1963. [Т.] III. С. 565–577, 617–627.

² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. [Т.] I. С. 16.

В то же время авторы рецензии вообще отрицали значение реформы как вехи в развитии исторической мысли³.

Нам кажется, что при исследовании проблемы влияния крестьянской реформы на эволюцию источниковедения нельзя исходить из формальной даты — 1861 г. Период влияния надвигавшейся реформы можно начинать уже в 1858 г., когда правительство разрешило печатное обсуждение крестьянского вопроса.

Необходимо сравнить тематику и методологию источниковедческих работ конца 40-х — начала 50-х годов, с одной стороны, кануна и первых лет реформы — с другой.

Самым большим вниманием в источниковедении 50-х годов пользовались древнейшие памятники русской письменности — летописи. Исследователи летописей занимались в 50-х годах почти исключительно Повестью временных лет. Ей посвятили свои труды крупнейшие знатоки летописного дела И. И. Срезневский и М. И. Сухомлинов⁴. В начале проведения реформы интерес к летописям и «народной жизни», отраженной в них, проявился с новой силой в лекционном курсе Н. И. Костомарова (1862 г.), где наряду с Повестью временных лет автор разбирал некоторые позднейшие своды, областные летописцы и т. п., вводя подчас в научный оборот неопубликованные источники. Н. К. Бестужев-Рюмин, изучавший летописи в 60-х годах XIX в., тоже не ограничивался Повестью временных лет. Он привлек к анализу южнорусские летописные своды и польскую летопись Длугоша. Введение в сферу специального источниковедческого исследования более широкого круга летописных памятников, чем это было в 40-х–50-х годах, отражало стремление русской исторической науки добиться обоснованного решения целого ряда актуальных проблем, в той или иной связи затронутых в летописях.

Дальнейшее накопление материала в летописном разделе русского источниковедения и активизация российской историографии сделали насущной задачей источниковедения изучение сравнительно поздних летописей — летописных сводов Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. Исследованием истории тверского летописания занимался в 70-х годах XIX в. И. А. Тихомиров.

Помимо расширения круга изучаемых летописей, в начале 60-х годов XIX в. были достигнуты значительные успехи в осмыслении основных задач, стоявших перед летописцами. В 50-х годах исследователи, изучавшие

³ Сахаров А. М., Подольский А. Г., Самохина Н. Н. Об «Очерках истории исторической науки в СССР» // ВИ. 1956. № 7. С. 118–119.

⁴ Здесь и далее мы не даем ссылок на литературу, охарактеризованную и упомянутую в наших статьях, помещенных в «Очерках» (см. примеч. 1).

летописи, придерживались естественноисторического понимания происхождения летописных сводов. Срезневский и Сухомлинов считали, что летописи возникли вследствие желания людей запечатлеть память о наиболее важных событиях своей истории. Таким образом, в основе их естественноисторического взгляда на летописи лежала мысль о человеке как существе, наделенном от природы потребностью помнить, которая, по мнению названных авторов, и послужила первопричиной возникновения летописного дела. Это объяснение происхождения летописей исходило из наивного гуманизма раннебуржуазной философии истории. Создатель летописи выступал в этой схеме в виде социально и политически абстрактного лица.

Вместе с тем естественноисторическая философия летописания позволила Срезневскому и Сухомлинову выдвинуть ряд плодотворных научных положений. В их работах проводилась мысль об органической связи летописного дела с внутренней жизнью Руси, о том, что летописи возникли независимо от иностранных влияний, до крещения Руси, и т.д. Естественноисторическая философия была теоретической основой патриотического по своей политической окраске направления в источниковедении. Для русской историографии летописей 50-х годов XIX в. очень характерно, помимо патриотизма, серьезное внимание к истории летописания других славянских народов и сопоставление русского летописания с западославянским.

В 60-х годах взгляды естественноисторической школы заменяются иной концепцией происхождения летописей. Главным глашатаем новой философии летописания был Н. И. Костомаров. В отличие от Срезневского и Сухомлинова, не видевших никакой связи летописания с политическими интересами княжеских домов, Костомаров совершенно определенно утверждал, что летописи писались и использовались в политических целях. Бестужев-Рюмин проводил эту точку зрения не столь последовательно, отмечая, с одной стороны, наличие у летописцев определенных тенденций и, с другой стороны, утверждая, что известия фиксировались «для памяти» участниками событий или по их рассказам «любопытными людьми». Идея Костомарова получила развитие и в 70-х годах. И. А. Тихомиров подчеркивал политическую направленность тверского летописания, Н. Н. Яниш отмечал позднейшие переделки новгородских летописей в политических целях.

Таким образом, новая философия летописания, оформившаяся в годы крестьянской реформы, явилась крупным шагом вперед на пути развития буржуазного самосознания в области источниковедения. Интересно, что, защищая тезис о политической тенденциозности, небеспристрастности летописцев, буржуазная историография как бы возвращалась

к идее, уже брошенной, хотя и очень вскользь, наиболее передовыми, революционными представителями дворянской интеллигенции. А. А. Бестужев-Марлинский в 1827 г. писал:

И может быть, летописатель,
Таясь в глуши монастырей,
Теперь на подвиги князей
Небеспристрастный наблюдатель,
Наводит лесть, слагает брань,
Друзей народа обесславит,
Злодеев доблестью оправит,
И ложную накличет дань
На их главы от поздних братий
Рукоплеканий и проклятий⁵

У Бестужева-Марлинского фактически проводится мысль и о политической, и о классовой («друзей народа обесславит») тенденциозности летописца. Костомаров и другие представители буржуазной историографии развивали по преимуществу идею политической тенденциозности летописцев, но выступивший в 1858 г. Н. А. Добролюбов сделал акцент именно на классовой ограниченности летописцев⁶.

Наряду с отрицанием беспристрастности летописцев, в 60-х годах наметилось и отрицание органичности происхождения летописей на русской почве. В историографии русского летописания 60-х годов внимание к роли иностранных влияний проявилось двояко: в более или менее чистом виде (у М. А. Оболенского, связывавшего начало летописания с византийским влиянием и принятием христианства Ольгой) и в причудливом сочетании с клерикальной концепцией (у А. Рассудова, который видел в летописании

⁵ Второе полное собрание сочинений А. Марлинского. 4-е изд. СПб., 1847. Т. IV, ч. XI. С. 63. См.: Волк С. Исторические взгляды декабристов // ВИ. 1950. № 12. С. 38. С. С. Волк ссылается здесь же на М. С. Лунина, хотя взгляд последнего на тенденциозность летописца выражен не вполне ясно: «Очевидно, что добрый инок, по простоте или из собственных видов, обновил одну из сказок, которые потомкам Рюрика нужно было распространить, чтобы склонить умы на свою сторону и придавать законность своему владычеству» (Декабрист М. С. Лунин: Сочинения и письма / ред. и примеч. С. Я. Штрайха. Пг., 1923. С. 78).

⁶ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений в девяти томах. М.; Л., 1962. Т. II. С. 256. Ср.: Пашуто В. Т. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. 1952. № 2. С. 57. Автор ссылается также на упоминание Н. Г. Чернышевского о летописях в одной из его рецензий (1854 г.): «Наши летописи упорно молчат насчет благосостояния сельских жителей» (Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинение в пятнадцати томах. М., 1949. Т. II. С. 329). Чернышевский имел в виду сложность выяснения вопроса о благосостоянии «сельского класса» «по причине совершенного отсутствия прямых указаний о быте простого народа». Из этого высказывания трудно вывести его представление о летописях как историческом источнике в целом.

один из «подвигов, угодных Богу», а потому не мог отнести его возникновение к периоду до принятия христианства, т.е. до начала византийского влияния).

Следовательно, время кануна и начала крестьянской реформы было крупной вехой в источниковедении летописей. С 60-х годов резко расширился круг исследуемых летописных источников и коренным образом изменился взгляд на происхождение летописей.

Однако историков, изучавших летописи в 50-х и 60-х годах, объединяла некоторая общность методов изучения летописных сводов. Конкретные приемы, которыми пользовались в своих исследованиях Срезневский и Сухомлинов, были механистическими. Изучение Повести временных лет велось путем простого выделения из нее «вставок учености», заимствованных из других источников. Если это игнорирование факта политического редактирования Повести находилось у Срезневского и Сухомлинова в полной гармонии с их идеалистической концепцией возникновения летописей, то применение механистических методов в трудах Костомарова и Бестужева-Рюмина означало внутренний разрыв между теорией возникновения летописей (по политическим причинам) и методом их изучения (без учета дальнейших переделок, изменений и дополнений летописного текста).

Механические приемы исследования летописей в 60-х годах XIX в., несомненно, связаны с отличительной чертой всего источниковедения этого времени — юридизмом.

Буржуазная наука середины XIX в. еще не могла выработать диалектических методов изучения источников. Источниковедение ограничивалось, как правило, выяснением отличительных признаков различных видов источников, классификацией их и установлением так называемых «сводных текстов» отдельных групп письменных источников. Понятно, что при таком подходе проблема исследования конкретных причин и обстоятельств создания летописей и истории их текста широко не ставилась и оставалась на втором плане.

Наиболее ярко приемы юридической школы выразились в актовом источниковедении, однако нашли они некоторое отражение и в историографии летописей (публикация Л. И. Лейбовича).

Возникновение противоречия между теорией и методом послужило толчком для дальнейшего развития историографии летописей. Появление трудов А. А. Шахматова в начале XX в. было обязано в значительной мере тому, что источниковедение летописей всем своим предшествующим развитием оказалось поставленным перед задачей научного разрешения этого противоречия. Требовалась коренная перестройка методов исследования летописных памятников.

Роль реформы как события, наложившего заметный отпечаток на развитие русского источниковедения, выявляется и при изучении историографии русской переводной письменности X–XVII вв. В 50-х годах XIX в. эта область источниковедения была представлена главным образом трудами Ф. И. Буслаева и А. Н. Пыпина. Их взгляды во многом напоминают концепцию представителей естественноисторической школы в области летописания. Буслаев и Пыпин исходили из учета внутренних эстетических потребностей переводчиков иностранных сочинений. Пыпин резко отрицал возможность слепого перевода русскими иностранных памятников. Он считал, что переводчик был фактически переделывателем сочинения, изменявшим его сообразно с культурными запросами публики, для которой предназначался перевод⁷. При этом Пыпин, подобно Сухомлинову, был далек от понимания определенных идеологических целей, ставившихся русскими переводчиками. Как у Срезневского и Сухомлинова летописец, так у Пыпина переводчик выступал в качестве социально абстрактного лица, исполнявшего чисто культурную функцию⁸. Этому направлению в источниковедении переводных памятников была свойственна и другая особенность, характерная для естественноисторической школы в летописании: глубокое внимание к братским славянским литературам.

По сравнению с источниковедением 50-х годов, когда изучались в основном переводные произведения народного эпоса, в 60-х–70-х годах произошло расширение круга исследуемых переводных источников главным образом за счет привлечения памятников апокрифической церковной литературы и в меньшей степени — творений отцов церкви.

Такое расширение круга источников было, конечно, обусловлено задачами прогрессивного развития науки, но сам интерес к апокрифической литературе и патристике в какой-то степени связан с общей чертой пореформенной общественной мысли — ростом клерикализма и увлечением идеями христианства. Логическое завершение эта традиция получила в 80-х годах, когда источниковедение переводных памятников занималось преимущественно патристикой.

Течения, возникшие в источниковедении переводных памятников в 60-х–70-х годах, отмечены и крупными концепционными сдвигами. Если Пыпин исходил прежде всего из понимания внутренних потребностей русского общества, ради которого осуществлялась та или иная переделка иностранного памятника, то представители новых направлений

⁷ Пыпин А. Очерк литературной истории старинных повестей и сказаний русских. СПб., 1857. С. 4.

⁸ Однако в общей форме А. Н. Пыпин отмечал, что вставки и переделки «прямо взяты из той среды, к которой автор их принадлежал» (Пыпин А. Указ. соч. С. 5).

(Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский и др.) подчеркивали важную роль самих переводных памятников в русской жизни. Они считали, что эти памятники оказывали чуть ли не решающее влияние на формирование идеологии русского человека. Большое внимание к проблеме иностранных влияний мы наблюдали уже при рассмотрении историографии летописания в это время.

Что касается методов изучения переводных памятников, то здесь можно найти много общего с приемами исследования летописных сводов. Конкретно-исторического подхода к переводным сочинениям почти не было. Так, Тихонравов, изучавший Палею как памятник литературный, раскладывал ее на отдельные повести, сказания и жития. Исследования Тихонравова по своим методам в какой-то мере напоминают монографию Сухомлинова о Повести временных лет. Большое значение для русского источниковедения имели труды А. Н. Веселовского. Рассматривая переводные сказания в широком плане сравнительного литературоведения, Веселовский не устанавливал, однако, конкретные обстоятельства происхождения и цели создания тех или иных литературных переводов.

Новый взгляд на переводную литературу стимулировал развитие углубленных сравнительно-исторических исследований памятников письменности различных народов. В то же время он не породил действительно нового метода анализа переводных сочинений, в котором строгая текстология сочеталась бы с конкретно-историческим выяснением происхождения переводов.

В пореформенное время, наряду с переводной, стала пользоваться большим вниманием оригинальная русская церковно-политическая литература полемического характера. Можно даже сказать, что эта отрасль источниковедения фактически и возникла только в 60-х годах XIX в. Примечательна эволюция интереса к отдельным произведениям полемической и учительной литературы: если в самом начале 60-х годов занимались крайне левыми учениями — ересями Башкина и Косого (И. Емельянов), то в середине 60-х годов исследуются сочинения оппозиционера ортодоксального толка — Максима Грека (В. С. Иконников), во второй половине 60-х годов — сочинения врага еретиков Иосифа Волоцкого (И. П. Хрущов), а к 80-м годам внимание сосредоточивается на трудах иосифлянина Даниила (В. И. Жмакин) и нестяжателей Нила Сорского и Вассиана Патрикеева (А. С. Архангельский).

Эта эволюция, отражая в какой-то мере изменение политической ситуации в стране, служит вместе с тем показателем одной из внутренней тенденций, определивших активную разработку данного комплекса источников. Мы имеем в виду повышенный интерес к истории христианской мысли, характерный и для источниковедения переводных памятников. Как и в последнем, здесь также признается большая роль иностранных

влияний (И. Емельянов, А. Н. Попов, А. С. Архангельский). Иногда такое признание сочетается с откровенно антиславянофильскими настроениями (В. С. Иконников) и призывом к либерализму в борьбе с «ересями». И. П. Хрущов одобрял мысль Иосифа Волоцкого о необходимости дифференцированного подхода к опасным и неопасным еретикам. Автор осуждал крайность религиозных воззрений: «Люди с подобными воззрениями... готовы были видеть ересь в каждом изменении старого обычая. Консерватизм этот готов был враждебно принять всякое новое благое начинание».

Методика источниковедческой работы в области изучения церковно-учительных произведений в главном совпадала с бытовавшими в те же времена приемами анализа переводных памятников: механистический разбор памятника, без текстологического исследования списков и установления редакций. Вместе с тем проводилось определение литературных источников того или иного сочинения. Но здесь, пожалуй, больше внимания уделялось датировке недатированных памятников, что было важным шагом на пути к конкретно-историческому исследованию.

Интересный перелом произошел в пореформенное время в изучении агиографических сочинений — житий святых. В 40-х–50-х годах господствовало выдвинутое С. П. Шевыревым мнение о первоначальной народной, «изустной» редакции житий. На основании этого мнения И. С. Некрасов рассматривал жития как колыбель национальной литературы Древней Руси. Схема Шевырева — Некрасова была по существу параллелью к синхронным концепциям в тех разделах источниковедения, которые занимались изучением летописания и переводных сочинений. Во всех указанных случаях мы наблюдаем славянофильского толка концепцию органического и общенародного происхождения литературных источников.

Антитеза ей появилась через несколько лет после реформы — в 1871 г., когда вышло в свет исследование В. О. Ключевского о житиях. Как и в других областях пореформенного источниковедения, в агиографическом источниковедении произошло резкое расширение состава изучаемых источников. Ключевский ввел в научный оборот очень большое число списков житий, изучил огромный архивный материал. Представлению о народном происхождении житий он противопоставил документально обоснованное мнение, что жития составлялись по заказу духовенства с определенной «нравственно-назидательной» целью. Это мнение созвучно идее Костомарова о политическом заказе, определявшем составление летописей⁹. Однако Ключевский считал, что контроль высших церковных и светских властей за агиографией был формальным и касался только стиля.

⁹ См. о целях составления житий: Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 382.

В работе Ключевского мы видим, хотя и не вполне отчетливо, две характерные черты пореформенного источниковедения: интерес к истории христианства (жития — проповедь нравственных схем, которые составляют «содержание христианского идеала»¹⁰) и признание роли иностранных влияний (усиление русского элемента в житиях автор наблюдает только с XV в.¹¹).

Перемене концепции происхождения житий соответствовала и перемена в методах их изучения. Вместо общего взгляда на «содержание» житий и черпания из них конкретных сведений о жизни святых появилось тщательное исследование списков и редакций отдельных произведений и формы жанра в целом. Установление трафаретности и недостоверности биографических характеристик житий составляет большую заслугу Ключевского. При этом историк выдвинул чрезвычайно важный тезис о развитии формы источника и проследил эволюцию формы житий (от «проложной» разновидности жития до месящесловов).

По схеме Ключевского, развивалась форма, а содержание оставалось неизменным, поскольку под «содержанием» жития автор понимал только биографию святого и не включал сюда идейное содержание. От изучения развития формы источника Ключевский не перешел к изучению эволюции его идейного содержания. Эта непоследовательность метода обусловила возможность сосуществования в концепции Ключевского нового подхода к проблеме происхождения житий с идеями дореформенной естественноисторической школы (Ключевский усматривал в житиях выражение «потаенных взглядов всего общества», причем взглядов как бы застывших на протяжении столетий — он подчеркивал одинаковость мировоззрения всех агиографов).

Из других групп литературных источников заметный интерес к себе вызвали в русской пореформенной историографии записки иностранцев. Этот интерес кажется вполне закономерным при учете тех тенденций, о которых говорилось выше. Первым крупным исследователем записок иностранцев был Ключевский. Он ввел в научный оборот большой и в значительной мере непереуверенный в то время материал, рассмотрев в тематическом плане разные вопросы, освещаемые записками. В книге Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1865 г.) отразились особенности источниковедения периода господства юридической школы. Приемы исследования, которыми пользовался автор, были ограничены рамками иллюстративного анализа содержания — тем методом, против которого сам Ключевский выступил через шесть лет, исследуя, правда, совсем другой комплекс источников, — жития.

¹⁰ Там же. С. 366.

¹¹ Там же. С. 395.

Следовательно, во всех разделах источниковедения памятников литературного характера — в источниковедении летописей, переводных сочинений, русских церковно-учительных и обличительных произведений, житий святых и записок иностранцев — совершенно ясно выступает грань в виде периода первой революционной ситуации и крестьянской реформы.

Важной вехой оказалась реформа и в области изучения юридических памятников.

Последним крупным дореформенным исследованием о Русской Правде была работа Н. В. Калачова (1846 г.), который впервые разделил списки Правды на редакции в соответствии с принадлежностью списков к рукописным сборникам того или иного состава. Этот новаторский источниковедческий прием сочетался у Калачова с чисто юридическим подходом к анализу памятника (дробление его на искусственные юридические рубрики с позиции метода «сводных текстов»). Калачовская концепция происхождения и содержания Правды была эклектической¹².

По мнению С. Н. Валка, «Калачов явился не столько деятелем будущего, сколько завершителем прошлого в изучении Русской Правды». «Работа Н. В. Калачова несомненно явилась гранью в археографии и историографии Русской Правды»¹³. Из этого важного наблюдения автор делает вывод, нуждающийся в доказательствах: «После его (Калачова. – С. К.) книги и вплоть до начала советских работ над Русской Правдой не появилось ни одного труда, который внес бы существенную разделительную линию между ними»¹⁴. Поскольку в статье С. Н. Валка не рассматривается историография второй половины XIX – начала XX в., мы не имеем возможности принять или оспорить какие-либо конкретные аргументы в пользу этого вывода.

Нам представляется, что историография Русской Правды испытала в период реформы примерно ту же судьбу, что и другие разделы русского источниковедения: существенные изменения в концепции происхождения и содержания памятника и несущественные — в методах его исследования.

В 1859–1861 гг. вышла в свет работа Н. И. Ланге об уголовном праве Русской Правды. Бросается в глаза ее концепционная направленность против исследований 40-х годов (М. П. Погодина, Н. В. Калачова). Ланге выступил с отрицанием мнения Калачова о частном происхождении Правды и рассматривал ее как продукт княжеского законодательства. Это очень существенный момент, связанный с усилением культа государственной власти в период реформы и находящий своеобразную аналогию в историографии

¹² Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучении 20–40 годов XIX в. // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 253; см. также: Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 15–16.

¹³ Валк С. Н. Указ. соч. С. 255.

¹⁴ Там же.

жалованных грамот: если в 30-х — 40-х годах господствовало мнение, что княжеские грамоты лишь закрепляли уже имевшиеся частные права, то в конце 50-х — 70-х годах восторжествовала точка зрения, согласно которой именно грамоты создавали эти права (см. выше, ч. I, гл. 1).

Подчеркнув государственное происхождение Правды, Ланге выступил и против тезиса Калачова о неоднородности ее видового состава. Согласно Калачову, в Русской Правде соединены законы, обычаи и судебные решения. Ланге же считал всю Правду законом.

Важно, что Ланге подошел к определению социальной направленности изучаемого им источника. Полемизируя с Погодиным, он писал: «Русская Правда составлена не для одних варяго-русов. Мы даже думаем напротив, что она издана была преимущественно для простолюдинов, т. е. для смердов, закупов, холопов, простых варягов и колбягов; бояре же и огнищане, т. е. собственно варяго-русы, большею частию не подлежали суду по Русской Правде, а, вероятно, подвергались ответственности по личному усмотрению князя». «Что же было бы, если б князья, при своем не всегда прочном положении, постоянно подвергали бояр действию закона? В видах собственной пользы они не могли этого делать»¹⁵.

Мнение о политической привилегированности боярства сочеталось у Ланге с представлением о наличии частной собственности во времена Правды, при этом автор спорил с теми историками, которые признавали существование в Древней Руси только общинной формы собственности и отрицали существование частной¹⁶. Уже один этот момент выдает антиславянофильский дух концепции Ланге.

В то же время Ланге был и антинорманистом в трактовке происхождения и содержания Правды. Мнение Погодина о византийском и скандинавском происхождении ее казалось ему неверным: «... Подобные мнения о заимствовании целого законодательства известного периода времени, обличающие весьма нерациональный взгляд вообще на право, должно принимать с крайнею недоверчивостию и осмотрительностию, потому что они почти всегда ложны»¹⁷.

По всей вероятности, антинорманизм Ланге определялся его концепцией государства, в частности княжеской власти, как органа, которому свойственно проведение самостоятельной политики, основанной на учете реального соотношения сил, и чуждо слепое следование обычаям и иностранным примерам. Социально-политическая трактовка происхождения

¹⁵ Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды // АИПС-1. СПб., 1861. Кн. VI. С. 296–297.

¹⁶ Ланге Н. Указ. соч. // Там же. СПб., 1860. Кн. V. С. 196.

¹⁷ Ланге Н. Указ. соч. // Там же. Кн. VI. С. 303; ср. с. 290–297.

Правды — новое явление в историографии этого памятника, по существу близкое к одновременно развивавшейся в литературе мысли о политических причинах составления летописей.

Признание видовой однородности всего текста Правды, расцениваемой в качестве закона, обусловило последовательность применения в работе Ланге методов юридического анализа. Заслуживает внимания интерес автора к хронологии списков. В целом же его методика исследования источника выдержана в духе юридической школы.

В развитии русской дипломатики период первой революционной ситуации и реформы выступает как новый этап интенсивного изучения актов. Предыдущий этап можно датировать временем примерно с середины 30-х до середины 50-х годов. Уже тогда разработка актового источниковедения в значительной мере стимулировалась все возрастающей ролью крестьянского вопроса. В 40-х — начале 50-х годов изучались ханские ярлыки, жалованные грамоты, закладные и купчие. В конце 50-х — начале 60-х годов продолжается изучение ярлыков и жалованных грамот, усиливается внимание к частным актам в целом, но на передний план выдвигается исследование актов крестьянской и холопской зависимости. Правые грамоты издаются (публикация А. А. Федотова-Чеховского «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России»), хотя и не становятся предметом специальных источниковедческих изысканий. Интерес к губным грамотам заменяется более общим интересом к актам местного управления и самоуправления — уставным наместничьим и земским грамотам. В этом смещении интересов сказалось то обстоятельство, что на рубеже 50-х — 60-х годов главной проблемой были условия раскрепощения крестьян и организация управления ими. После реформы, в 60-х — 70-х годах, почти во всех разделах актового источниковедения наблюдается резкий спад исследовательской активности. Более или менее интенсивно изучаются только грамоты XIV–XVI вв., устанавливающие порядок местного управления. Вероятно, земская реформа 1864 г. обострила интерес к отраженным в них вопросам. Таким образом, эпохой буржуазных реформ завершается целый этап в изучении русских актов.

Концепционные изменения в области актового источниковедения наиболее ярко проявились в трудах, посвященных жалованным грамотам. Теория органической присущности иммунитета крупной земельной собственности уже в начале 50-х годов оспаривалась сторонниками противоположной точки зрения, но только в период первой революционной ситуации и крестьянской реформы концепция государственного происхождения иммунитета торжествует. Это приводит к переоценке роли жалованных грамот как документов, устанавливающих иммунитет. Перемена концепций идет в общем русле отхода от представлений

естественноисторической школы и замены их идеей о решающей роли правотворчества государства. Одновременно преувеличивается значение иностранных влияний (монгольского и византийского) в деле выдачи грамот и подчеркиваются благочестивые цели пожалования, т. е. христианские мотивы поведения князей — носителей светской власти¹⁸.

Методика изучения актов, как и других групп источников, не претерпевает в годы реформы какого-либо коренного перелома. В это время углубляются принципы юридического анализа, продолжается практика составления «сводных текстов».

Подводя итоги нашего обзора развития различных областей русского источниковедения в середине XIX в., мы приходим к выводу, что период первой революционной ситуации и буржуазных реформ был крупной вехой в истории источниковедческой мысли. От констатации абстрактно взятых внеполитических, как бы «общечеловеческих» мотивов создания источников людьми (потребность помнить, эстетические потребности, обычное право и т. п.) представители русской исторической науки начинают переходить к поискам социально-политических корней возникновения письменных документов (заинтересованность князей в летописях, «нравственно-назидательные», т. е. воспитательные цели агиографии, классовые цели составителей Русской Правды, «милость» князей при выдаче жалованных грамот и др.).

Этот сдвиг связан с изменением всей системы общественных отношений в стране, с падением роли земельного дворянства и увеличением роли государственной власти и внутренней политики. Дворянство являлось хранителем «обычного права» и всех «общечеловеческих» качеств в их наиболее концентрированном выражении, ибо только класс, свободный от государственной службы, обеспеченный землей и рентой, огражденный сословными привилегиями, мог наиболее «свободно» (насколько это было возможно в рамках централизованного государства) проявлять как наилучшие, так и наихудшие «общечеловеческие» качества.

Умаление роли дворянства и раскрепощение крестьянства оказали решающее влияние и на тот рост интереса к истории христианства вообще и к христианскому идеалу в частности, который можно наблюдать в русском источниковедении этого времени. Раскрепощение породило широкую волну уравнилельных настроений в самом многочисленном классе русского общества — крестьянстве — и выразившей его интересы разночинной интеллигенции, а социальный слом дворянства означал и резкое уменьшение его культурного влияния, ослабление рационализма, унаследованного дворянством от Просвещения XVIII в.

¹⁸ Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России // История и историки: Историография истории СССР: Сб. статей. М., 1965. С. 278–300.

Наконец, реформа означала приобщение России к семье «европейских» народов, что в свою очередь не могло не вызвать в русской историографии внимания к проблеме иностранных влияний в истории России. Некоторым парадоксом является только то, что как раз в тех разделах источниковедения, где теория влияний пользовалась успехом до реформы (изучение Русской Правды, русских актов, имевших так называемые «монгольские» надписи), в момент реформы восторжествовала мысль о независимости от иностранных влияний. Пока мы можем объяснить это лишь противоречивостью развития общественной мысли. Доказательству активной роли государства как кодификатора (издание Русской Правды) не соответствовала теория правовых заимствований, и Н. И. Ланге отверг ее. Но эта теория не вполне подкрепляла и концепцию активной иммунитетной политики князей, и тем не менее, А. Н. Горбунов ссылаясь на «пример» монголов при объяснении практики выдачи жалованных грамот князьями. Установление русского авторства так называемых «монгольских» подписей на русских актах (А. А. Бобровников) отвечало мысли о свободе Руси от татарской опеки, что вело к признанию более или менее значительной роли русской государственной власти в «татарский период». Исключения, таким образом, в целом подтверждают основное правило.

Отмечая существенное изменение концепций во всех разделах источниковедения, мы не можем говорить о какой-либо перемене методологии источниковедения в годы реформы. Подход к изучению источников оставался и в это время ограниченным рамками методов юридической школы.

Приложение 2

Крестьянство Среднего Поволжья XVI — середины XIX в. в освещении русской и советской литературы

(до 1967 г.)

В историко-географическое понятие «Среднее Поволжье» различными авторами вкладывается разное содержание. Т.П. Ржаникова, например, включает в «Среднее Поволжье» правобережную часть губерний Казанской (Симбирская, Свияжская, Казанская и Пензенская провинции) и Нижегородской (Алатырская и Арзамасская провинции и Нижегородский уезд), а также Шацкую провинцию Воронежской губернии (административные единицы берутся ею в границах 1765–1766 гг.)¹. Н.П. Гриценко указывает, что в «Среднее Поволжье» входят губернии Казанская, Симбирская и Самарская, в то время как Нижегородская губерния относится к Верхнему Поволжью². По Н.Л. Рубинштейну, «Среднее Поволжье» — это губернии Нижегородская, Казанская, Симбирская и частично Саратовская³. У И.Д. Ковальченко к «Среднему Поволжью» отнесены губернии Казанская, Пензенская и Симбирская, Самарская же и Саратовская фигурируют в числе «юго-восточных, степных»⁴. Имеются и другие точки зрения. Никакой

¹ Ржаникова Т.П. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева (30-е – начало 70-х годов XVIII в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1953. С. 6, примеч. 2. Такое же определение границ Среднего Поволжья см.: Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачева. Изд-во ЛГУ, 1961. Т. 1. С. 286, примеч. 3.

² Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: (Очерки). Грозный, 1959. С. 4, примеч. 1; То же. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1961. С. 4.

³ Рубинштейн Н.Л. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 100.

⁴ Ковальченко И.Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства России в первой половине XIX в. // ИСССР. 1959. №1. С. 64–65 и др.

договоренности относительно условных границ «Среднего Поволжья» в литературе не существует. Мы понимаем под «Средним Поволжьем» губернии Казанскую, Пензенскую, Симбирскую и Самарскую в границах 1918–1920 гг.

Научный интерес к быту и хозяйству крестьян Среднего Поволжья зародился еще в XVIII в., но ученые путешественники, писавшие на эту тему, ограничивались, как правило, указанием некоторых современных им особенностей положения крестьян (И. Лепехин, Г.Ф. Миллер, И. Георги и др.) и не изучали *историю* крестьянства. Такой характер литература о крестьянстве Среднего Поволжья сохранила до середины XIX в. (см., например, труд А. Гакстгаузена). В 1840-х — 1850-х годах в «Журнале Министерства государственных имуществ» был издан ряд хозяйственно-статистических описаний губерний Среднего Поволжья. Если в 1840-х — начале 1850-х годов основным сюжетом этих описаний были лишь производительные силы края⁵, то со второй половины 50-х годов XIX в. увеличивается интерес к производственным отношениям⁶. Характерная для периода несвободного развития общественной мысли идея улучшения производительных сил постепенно вытесняется осознанием необходимости перемен в области социальных отношений. Во второй половине 50-х годов XIX в. внимание к крестьянскому вопросу было огромным. В 1858–1860 гг. выходил «Журнал землевладельцев», основанный казанским и пензенским помещиком А. Д. Желтухиным. В нем печатались материалы о современном положении крестьян Казанской, Пензенской, Самарской и других губерний⁷. Волнение крестьян села Большая Танеевка Саранского уезда нашло отражение в «Колоколе»⁸.

⁵ Пелль. Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых частях Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Вятской губерний // ЖМГИ. СПб., 1845. Ч. 16. С. 127–146; Морозов П. Статистическое и хозяйственное описание Городищенского уезда Пензенской губернии // Там же. СПб., 1849. Ч. 33. С. 79–98; Хозяйственно-статистическое обозрение Пензенской губернии // Там же. СПб., 1850. Ч. 34, отд. II. С. 90–107; Марковский А. Отличительные черты Городищенского уезда в сельскохозяйственном отношении // Там же. СПб., 1852. Ч. 42. С. 279–284; О хлебной промышленности в селе Екатериновке Самарской губернии // Там же. СПб., 1853. Ч. 46. С. 144–152; [Киттар]. Казанская выставка сельских произведений в 1852 году // Там же. СПб., 1853, Ч. 47. С. 1–22; Целлинский Ф. Агрономическое путешествие по южным уездам Казанской и Вятской губерний // Там же. СПб., 1854. Ч. 52, отд. III. С. 23–48; Сабуров П. 1853-й год в Пензенской губернии, в сельскохозяйственном отношении // Там же. СПб., 1854. Ч. 53, отд. III. С. 63–72.

⁶ Соловьев Я. А. Очерки хозяйства и промышленности Самарской губернии // ЖМГИ. СПб., 1857. Ч. 62. С. 204–245.

⁷ Об этом журнале см.: Дружинин Н. М. «Журнал землевладельцев» 1858–1860 гг., ч. I // Тр. Ин-та истории РАН ИОН: Сб. статей. М., 1926. Вып. 1. С. 463–518.

⁸ Танеевское дело // Колокол. 1858. 1 ноября. Л. 27.

Наряду с изданием хозяйственно-статистических⁹ и этнографических¹⁰ описаний сельского населения накануне отмены крепостного права появляются работы, где рассматривается вопрос о причинах колонизации Поволжья и Приуралья в XVI–XVII вв. (1857 г.)¹¹, а также публикация грамот XVI–XVIII вв., относящихся к Казанскому краю¹².

В статистических обозрениях поволжских губерний, опубликованных в 60-х годах XIX в., имеются небольшие исторические очерки, посвященные преимущественно политической истории (по Карамзину и др.)¹³. В обозрениях Пензенской и Симбирской губерний (конец 1860-х годов) говорится о крестьянских войнах под предводительством Разина и Пугачева (по Костомарову и др.)¹⁴. Крайне отрицательную оценку крестьянским войнам дает автор пензенского описания Сталь.

В 60-х — начале 70-х годов XIX в. выходит ряд публикаций¹⁵ и исследований¹⁶, посвященных землевладению и крестьянству Среднего Поволжья XVI–XVIII вв. Главное место среди них занимают труды Н. А. Фирсова, изучавшего историю крестьянства преимущественно в юридическом плане¹⁷. У него смешано воедино положение «инородцев» различных областей,

⁹ Михайлов С. Историко-статистическое описание села Владимирского-Басурманова в Козмодемьянском уезде. [Казань], 1857. С. 24–26; Линдегрен Н. [О.] Чистопольский уезд // ЖМВД. СПб., 1859. Ч. 35, кн. 4; Горизонтов А. Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда. СПб., 1859; Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. СПб., 1858. С. 10–11, 13, 62–64, 70–71, 78.

¹⁰ Сбоев В. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856; Он же. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1856. Последняя брошюра заслужила суровую оценку Н. Г. Чернышевского, считавшего, что «дельных замечаний» в ней «почти нет» (Чернышевский Н. Г. ПСС. М., 1949. Т. II. С. 786–787).

¹¹ Ешевский С. В. Русская колонизация Северовосточного края // Соч. М., 1870. Ч. III. С. 603–666; Соловьев Я. А. Указ. соч. С. 205–209.

¹² Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний / собр. Степаном Мельниковым. Казань, 1859. Т. I.

¹³ Лантев М. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 1–25.

¹⁴ Сталь. Пензенская губерния. СПб., 1867. Ч. 1. С. 11–15; Липинский. Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 1. С. 1–40.

¹⁵ Алатырские крепостные книги // ЛЗАК. 1864. С. 134–176; Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Симбирск, 1866. Вып. 2.

¹⁶ Б. Несколько сведений о состоянии Казанской губернии в прошлом веке. Казань, [1869]; Ауновский Вл. Село Промзино в 1739 году по отказным книгам Алатырского уезда и сравнение его с нынешним // Симбирский сборник. Симбирск, 1870. Т. II, отд. 1. С. 21–41; Беляев И. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде // Сборник ист., геогр. и стат. материалов о Пензенской губернии. Пенза, 1870. С. 143–169; Мариинский посад. Казань, 1875.

¹⁷ Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. Казань, 1870 (и др. работы). Критическую оценку взглядов Н. А. Фирсова см. также в кн.: Алефиренко П. К.

а царское правительство представлено как «благотворная сила, для которой нет разницы между людьми»¹⁸.

Вторым после Фирсова крупнейшим историком крестьянства Среднего Поволжья был Г. Перетяткович, широко использовавший материал писцовых книг XVI–XVII вв. Перетяткович объяснял завоевание и колонизацию Поволжья с позиций геополитической теории. Он взял на вооружение тезис Фирсова о «демократизме» русской власти и дополнил его другими апологетическими тезисами (о распространении христианства, перенесении трехполья, заселении диких лесов и т. п.). В исследовательском методе Перетятковича весьма положительным моментом было стремление уточнить хозяйственную специфику отдельных районов, однако географическую среду он считал определяющим фактором, не учитывая экономических закономерностей¹⁹. А. Можаровский подчеркивал прогрессивную роль монастырей в освоении Среднего Поволжья²⁰. В обобщающем труде В. И. Семевского о крестьянах второй половины XVIII в. использовался между прочим и материал, относящийся к средневожским губерниям, однако в иллюстративном плане, ибо автор не вел порайонного изучения истории крестьянства, хотя и выделил районы преобладания оброка и барщины (к последним он отнес и губернии Среднего Поволжья)²¹.

В конце 1870-х — 1880-х годах развивается историческое краеведение, изучение судеб отдельных местностей и их крестьянского населения в XVI–XIX вв.²², продолжается публикация источников, характеризующих землевладение XVI–XVIII вв.²³.

Уже с конца 60-х годов и особенно в 80-х годах XIX в. наблюдается рост интереса к истории крестьянских войн под предводительством Разина

Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 13.

¹⁸ Фирсов Н. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 198–199.

¹⁹ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877. С. 270–271, 322–323; Он же. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

²⁰ Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880. С. 9.

²¹ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. I; СПб., 1901. Т. II.

²² Петерсон Г. Приложение к историческому очерку Керенского края. [Пенза, 1882. Вып.] 8: Село Шеино и его владельцы: (из Шеинского архива Н. Х. Логвинова); Он же. Приходская летопись села Поливанова-Сергиевского Керенского уезда. [Пенза, 1889]; Село Верхний Услон. Казань, 1881; Королев Л. Село Подберезье. Казань, 1887.

²³ Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Казань, 1882. Т. I.

и Пугачева в районе Среднего Поволжья. Эти войны обычно рассматриваются как «бунт», вызванный различными злоупотреблениями местных чиновников или помещиков, а также инстинктами «толпы», однако исследователи нередко приводят ценный архивный материал, позволяющий воссоздать фактический ход борьбы крестьян²⁴. Кроме того, в 1880-х годах привлекли к себе внимание историков, с одной стороны, события периода «Смуты» начала XVII в.²⁵, с другой — так называемый «Акрамовский бунт» 1842 г.²⁶ Н. П. Загоскин, изучавший события начала XVII в., противопоставлял пассивности «иностранцев» активную роль русской «земщины»²⁷.

Возникавшее в это время демократическое направление в исследовании истории крестьянства Среднего Поволжья подавлялось правительством. Написанная в конце 1880-х годов книга Д. Л. Мордовцева²⁸, в которой разоблачались зверства поволжских помещиков, произвол и продажность местной администрации первой половины XIX в., была запрещена и сожжена²⁹.

С середины 1890-х годов и до начала революции 1905–1907 гг. изучение истории крестьянства Среднего Поволжья вступает в полосу интенсивного накопления сырого архивного материала XVII — первой половины XIX в., причем как в исследованиях³⁰, так и в публикациях³¹ весьма

²⁴ См. указанную работу И. Беляева; Петерсон Г. П. Исторический очерк Керенского края. Пенза, 1882. С. 14–23, 38–44; Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 198–209; Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. III. С. 111–181; Кузьмин П. Ф. Пензенская губерния. Пенза, 1885. С. 58–59, 61–63.

²⁵ Загоскин Н. П. Казанский край в Смутное время. Казань, 1891.

²⁶ Магнитский В. Рассказы об Акрамовском картофельном бунте чуваш в 1842 году // Волжский вестник. 1883. № 34. С. 681–684.

²⁷ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 59–60.

²⁸ Мордовцев Д. Л. Накануне воли: Архивные силуэты. СПб., 1889.

²⁹ Подробнее см.: Паина Э. С. Крестьянское движение в России в XIX — начале XX вв. М., 1963. С. 4–5.

³⁰ Лебедев Е. М. Спасский монастырь в Казани: (историческое описание). Казань, 1895. С. 103–104; Васильев А. К истории землевладения в Свияжском уезде. Казань, 1895; Терехин В. М. Исторические материалы в отношении инородцев Пензенского края конца XVII ст. // ИОАИЭ. Казань, 1897. Т. XIV, вып. 2. С. 195–202; Казань, 1898. Вып. 6. С. 658–661; Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 356–360; Будде Е. Из истории Казанского края. Казань, 1898; Покровский И. Бортничество (пчеловодство) как один из видов натурального хозяйства и промысла близ Казани в XVI–XVII вв. // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. XVII, вып. 1. С. 67–73; Росницкий А. Село Никольское Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: (историко-статистический очерк). [Пенза, 1904]; История уделов за столетие их существования: 1797–1897. СПб., 1901–1902. Т. I–III.

³¹ Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории, археологии, статистики и колонизации Пензенского края: XVII и XVIII ст. // Сб. Пензенского губ. статистического комитета. Пенза, 1893–1901. Вып. I, IV, V; Холмогоров В. Материалы для

отчетливо проявляется имевшая место и ранее тенденция подмены истории крестьянства историей помещичьего, монастырского и дворцового (удельного) землевладения.

Среди работ этого типа необходимо отметить ценное исследование П. Мартынова об основании и заселении сел и деревень Симбирского уезда³². К положительным чертам историографии данного периода относится использование документов XVI–XVII вв. в этнографических трудах³³. Появляются этнографо-историко-географические этюды³⁴. Зато заметно уменьшается интерес к истории разинского и путачевского восстаний, которые рассматриваются по преимуществу в плане описания вызванных ими «бедствий»³⁵. В обобщающей работе Е. П. Трифилъева о положении крестьян в России при Павле I указываются случаи крестьянских движений в Среднем Поволжье в конце XVIII в.³⁶ Все волнения этого времени автор связывает с желанием помещичьих крестьян перейти в разряд государственных³⁷.

Для работ рассмотренного периода характерно накопление большого фактического материала при явно недостаточной критике его, отсутствие исторических построений широкого плана.

истории Симбирского края до второй половины XVIII века: (Описание Синбирской и Карсунской десятин Патриаршей области). Симбирск, 1898; *Зерцалов А. Н.* Материалы для истории Синбирска и его уезда: (Приходно-расходная книга Синбирской приказной избы): 1665–1667 гг. Симбирск, 1896; *Он же.* Материалы по истории Синбирского края XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск, 1900; *Мартынов П.* Город Синбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898. С. 351–400 (прил.); Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Симбирск, 1898–1904. Т. II–IV; Десятины Пензенского края: (1669–1696) // РИБ. СПб., 1898. Т. 17 (сборный); [*Вейнберг Л. Б., Полторацкая А. А.*] Материалы по истории Пензенской и соседних губерний. Пенза, 1889; *Кунцевич Г.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. XVII, вып. 5–6. С. 268–344; Архив Синбирского окружного суда. Симбирск, 1901. Вып. 1: Гражданские дела Буинского уездного суда; Древние грамоты и разные документы: (материалы для истории Казанской епархии) / собр. протоиереем Е. Маловым. Казань, 1902; Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году: (Переписные книги приказа Казанского дворца) / под. ред. П. Мартынова. Симбирск, 1902.

³² *Мартынов П.* Селения Синбирского уезда. Симбирск, 1903.

³³ *Магницкий В.* Список селений «мишарей» в Буинском уезде Синбирской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1901. Т. XVII, вып. 2–3. С. 123–127.

³⁴ *Магницкий В.* Волости и деревни Чебоксарского уезда по одному фолланту I народной переписи // ИОАИЭ. Казань, 1897. Т. XIV, вып. 2. С. 223–225; *Катанов Н.* Об одной выписи 1700 года, данной татарам Свияжского уезда, по копии И. Н. Юркина // Там же. Казань, 1897. Вып. 3. С. 361–362.

³⁵ *Красовский В. Э.* Алатырская старина. Симбирск, 1899. С. 11–13; *Поливанов В. Н.* Курмышская старина. Симбирск, 1899. С. 11–12.

³⁶ *Трифилъев Е. П.* Из истории крепостного права в России: Царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904. С. 144–147, 256–257, 266–268.

³⁷ Там же. С. 290.

В период революции 1905–1907 гг. и накануне февральской революции 1917 г. резко обостряется интерес к истории крестьянских войн. Больше половины всех исследований этого времени, касающихся крестьянства Среднего Поволжья, посвящено разинскому и пугачевскому движениям. В 1906 г. вышла книга Н. Н. Фирсова о восстании Степана Разина, в 1908 г. — о восстании Пугачева³⁸. Автор считал, что в силу сходства социального положения русских крестьян и «иностранцев» последние были солидарны с русскими в их борьбе с угнетателями. Менее передовой в идейном отношении, но ценной по фактическому материалу была работа А. И. Соловьева³⁹. В книге С. И. Порфирьева, вышедшей в 1916 г., содержалось исследование порайонного распространения разинского движения в Казанском крае. Автор сосредоточил внимание на выяснении национального, а не социального состава участников движения⁴⁰.

В этот же период растет интерес к экономическому положению крестьянства, однако данная проблема получает освещение с юридических позиций. И. М. Покровский отмечал, что в Казанском крае в XVII в. существовали известные центральной России социально-юридические категории крестьянства: собственно «крестьяне», бобыли, задворные люди, холопы, кабальные люди, закладчики, работники-наймиты, новосадцы и др.⁴¹ Изучив землевладение и хозяйство казанского архиерейского дома в XVI–XVIII вв., Покровский пришел к выводу о том, что бегство крестьян и запустение дворов в XVI–XVII вв. «не могут свидетельствовать об угнетенности домовых крестьян», ибо «то и другое явление слишком обычны для тогдашнего времени»⁴². Тем самым отрицался факт угнетения крестьян и всеми другими феодалами. Не более убедительна попытка И. Тихомирова представить положение пензенских помещиков и крестьян первой половины XVIII в. одинаково «тяжелым»⁴³. В описательном плане крестьянские

³⁸ Фирсов Н. Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. СПб.; М., 1906; Он же. Пугачевщина: Опыт социолого-психологической характеристики. СПб.; М., [1908]. Об этих работах см. в предисловии к кн.: Фирсов Н. Разин и Разиновщина. Пугачев и Пугачевщина. Казань, 1930. С. 11. О Н. Н. Фирсове подробнее см.: Ермолаев И. П., Литвин А. Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов: Очерк жизни и деятельности. Казань, 1976.

³⁹ Соловьев А. И. Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии. Симбирск, 1907.

⁴⁰ Порфирьев С. И. Разинщина в Казанском крае. Казань, 1916.

⁴¹ Покровский И. М. К истории поместного экономического быта в Казанском крае в половине XVII века. Казань, 1909. С. X.

⁴² Покровский И. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906. С. 175.

⁴³ Тихомиров И. К истории колонизации Пензенского края в начале XVIII века // ЖМНП. СПб., 1910. Ноябрь. С. 61–71.

повинности в пользу монастыря характеризуются в книге А. Яблокова⁴⁴. В статье А. Шишкина пугачевское восстание объясняется с позиций известной чичеринско-соловьевской теории о закреплении и раскреплении сословий, согласно которой освобождение дворян от обязательной службы (1762 г.) подорвало моральные основания крепостного права и обусловило крестьянские движения, направленные против прикрепления к личности помещика. На основе анализа архивных материалов Шишкин пришел к выводу, что крестьяне сами не убивали своих помещиков, но лишь стремились разграбить их имущество, дабы не допустить возвращения господ в насиженные гнезда (цель — стать государственными крестьянами)⁴⁵. Автор замалчивал то обстоятельство, что физическое уничтожение помещиков, осуществлявшееся руками «казаков», «калмыков» и «каторжников», в огромной мере зависело от жалоб и показаний помещичьих крестьян. Так проявилась в работе Шишкина характерная для этого времени тенденция изображать противоречия между помещиками и крестьянами в сглаженном виде.

В 1902 г. вышло в свет обобщающее исследование И. И. Игнатович о положении помещичьих крестьян в первой половине XIX в. В этой работе показывается распределение крестьянского населения по губерниям (в процентах). Исследовательница отмечает для средневожских губерний преобладание барщины над оброком⁴⁶. Это подтверждало аналогичные наблюдения В. И. Семевского в отношении порайонного распределения форм ренты в XVIII в.

В последнее десятилетие перед революцией заметно снизилась интенсивность публикации документов по истории землевладения и крестьянства Среднего Поволжья, хотя вышедшие тогда издания представляют значительную ценность⁴⁷.

Итак, в 1906–1917 гг. наблюдаются две основные тенденции в развитии историографии крестьян Среднего Поволжья: одна сводится

⁴⁴ Яблоков А. Первоклассный мужской Успенско-Богородицкий монастырь в городе Свияжске Казанской губернии. Казань, 1906. С. 134–140.

⁴⁵ Шишкин А. Пугачевцы в пензенских и тамбовских вотчинах // Русский архив. 1911. Кн. 4. С. 507–523.

⁴⁶ Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. 3-е изд. Л., 1925. С. 68–106.

⁴⁷ Покровский И. Казанский архиерейский дом. Прил.; Он же. К истории поместного экономического быта (ср. выше примеч. 41, 42); Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда: (1565–1567 г.). Казань, 1909; Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII веке / под ред. Д. А. Корсакова. Казань, 1908; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Симбирск, 1912. Т. V–VI. Упоминания о разного рода земельных документах см. также в кн.: Залесский В. Ф. К истории просвещения инородцев Казанского края в XVIII столетии. Казань, 1911. С. 3.

к попытке объяснить их классовую борьбу тяжелым социальным положением (Н. Н. Фирсов), другая состоит в отрицании классового антагонизма между землевладельцами и крестьянами (И. М. Покровский, И. Тихомиров и др.). Это раздвоение было обусловлено наличием в лагере исторической интеллигенции революционного крыла, ориентировавшегося на борьбу народных масс, и консервативного, которое выражало охранительные идеи.

После Октябрьской революции основной темой в историографии крестьянства Среднего Поволжья становится классовая борьба. В 1920–1934 гг. вышел ряд исследований⁴⁸ и публикаций⁴⁹, посвященных крестьянским войнам под предводительством Разина и Пугачева в районах Среднего Поволжья. В более скромных масштабах изучалось крестьянское движение первой половины XIX в.⁵⁰

Новым моментом в разработке истории крестьянских войн и волнений было осмысление классового характера крестьянской борьбы, признание классовой неоднородности «инородцев», прежде всего татар, исследование степени и характера участия в пугачевском движении различных групп татарского населения (А. Губайдуллин), учет расслоения внутри русского крестьянства (Б. Н. Тихомиров), постановка вопроса о Поволжье как центре социальных и национальных противоречий XVII–XVIII вв., показ единства

⁴⁸ Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. [Казань, 1920]. Вып. II; Он же. Разин и Разиновщина. Пугачев и Пугачевщина и др. его работы (Все они в источниковедческом отношении крайне слабы, в смысле исторического построения довольно неглубоки, по форме представляют собой научно-популярное изложение событий; критику их см.: Алефиренко П. К. Указ. соч. С. 14); Костин Н. Краткий очерк истории Краснослободского уезда и города Краснослободска Пензенской губернии. [Пенза], 1921; Заозерский А. Бунтовщики: (Эпизод из истории Пугачевского бунта) // Века. Пг., 1924. С. 111–132; Губайдуллин А. Участие татар в Пугачевщине // Новый Восток. М., 1925. Кн. 1 (7). С. 268 и др.; Никишин П. [О.] Пугачевское движение в Пензенской провинции // Под знаменем ленинизма. [Пенза], 1927. № 12. С. 27–31; Тхоржевский С. И. Пугачевщина в помещичьей России: Восстание на правой стороне Волги в июне–октябре 1774 года. М., 1930; Тихомиров Б. Разинщина. М.; Л., 1930; Томсинский С. Г. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932.

⁴⁹ Крестьянские движения XVII–XVIII вв.: Сб. документов и материалов с примечаниями / сост. В. Викторов. М., 1926. С. 227–237; Пугачевщина. М.; Л., 1926–1931. Т. I–III; Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. М.; Л., 1931.

⁵⁰ Исследования: в 1925 г. была переиздана книга И. И. Игнатович (первые два издания ее вышли в 1902 и 1910 гг.); см. также: Мороховец Е. А. Крестьянское движение в Поволжье в 1839 г. // Тр. Ин-та истории РАНИОН: Сб. статей. М., 1926. Вып. 1. С. 433–462. Публикация: Крестьянское движение 1827–1869 годов / подгот. к печати Е. А. Мороховец. М., 1931. Вып. 1. С. 11, 46 и др.; Медведев Е., Газизов М. К истории «картофельных бунтов» в Казанской губернии // Центральный архив Татарстана: Бюл. Казань, 1933. № 1 (22). С. 43–47.

классовых целей борьбы русского и «иностранного» крестьянства, указание на то, что в районах правобережья Волги, где основной силой восстания 1774 г. были крестьяне, «движение имело больший размах, чем принято думать» (С. Г. Томсинский, С. И. Тхоржевский, Б. Н. Тихомиров, Н. Н. Фирсов, П. А. Преображенский). Вместе с тем в исторической литературе 20-х — начала 30-х годов несколько модернизировалась сущность крестьянских войн XVII–XVIII вв., стиралась их специфика. Авторы свободно и без всяких оговорок оперировали при характеристике явлений XVII–XVIII вв. такими понятиями, как «крестьянская революция», «буржуазия», «рабочие» и т. п.⁵¹

Эта тенденция в наиболее полном виде оформилась в конце 20-х — начале 30-х годов. В начале 20-х годов еще продолжало бытовать представление о социальной однородности «иностранцев»⁵².

Кроме крестьянских войн, в рассматриваемый период изучались побег крестьян в Среднее Поволжье из других районов и побег внутри Среднего Поволжья из одних уездов в другие, а также сыск беглых⁵³.

Интересный архивный материал был привлечен для иллюстрации самых отдаленных форм помещичьего производства во второй трети XIX в.⁵⁴

Изучая степень задолженности пензенских и саратовских помещиков в конце XVIII в., Е. П. Подъяпольская привела ценные сведения о займе денег помещиками под залог своих крепостных крестьян⁵⁵.

Таким образом, после Октябрьской революции сама тематика исследований по истории крестьянства Среднего Поволжья приобрела совершенно иной, чем раньше, классовый характер. История крестьян стала рассматриваться с сугубо антипомещичьих позиций.

⁵¹ Общий обзор советской историографии крестьянских войн см.: *Мавродин В. В.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII веков // ВИ. 1961. № 5. С. 24–46; подробную историографию войны под предводительством Пугачева см. в кн.: *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачева. Изд-во ЛГУ, 1961. Т. 1. С. 5–284.

⁵² *Ташкин С. Ф.* Иностранцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии. Казань, 1922.

⁵³ *Преображенский П. А.* Беглые крестьяне Самарского края в XVIII веке // Изв. Самарского гос. ун-та. Самара, 1922. Вып. 3, [отд.] II. Научный отдел. С. 1–11; *Новосельский А. А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Тр. Ин-та истории РАНИОН: Сб. статей. М., 1926. Вып. 1. С. 333, 336; Тр. Историко-археологического ин-та и Публ. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Л., 1934. Т. X: Материалы по истории крестьянских движений. Вып. 1: Разгром Разинщины. С. 260–278.

⁵⁴ *Никишин П. О.* Пензенские помещики и их крепостные накануне реформы 1861 года: (Бытовые очерки, составленные по архивным документам). Пенза, [1926].

⁵⁵ *Подъяпольская Е.* К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII столетия // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького. Саратов, 1929. Т. III. С. 268.

Наряду с этим увеличился интерес к истории крестьянской, и в частности «иностранческой» (мордовской и чувашской), колонизации южных областей Среднего Поволжья⁵⁶. Специальные работы были посвящены расселению⁵⁷ и социальному положению⁵⁸ мордовского крестьянства в XVI–XVII вв. Меньше изучалась помещичья колонизация⁵⁹.

Экономическая история Среднего Поволжья разрабатывалась в этот период недостаточно. Лишь в отношении Пензенского края исследовалась по источникам проблема разложения дворянского землевладения⁶⁰ и товаризация сельскохозяйственного производства⁶¹. Почти совсем прекратилась публикация материалов по экономической истории крестьянства Среднего Поволжья⁶².

Во второй половине 30-х — начале 40-х годов история крестьянства начинает изучаться в тесной связи с историей отдельных народов Поволжья. В различных дореволюционных публикациях были выявлены и затем переизданы документы, относящиеся к истории Татарии и Мордовии⁶³.

⁵⁶ Преображенский П.[А.] Колонизация Самарского края // Изв. Самарского сельскохозяйственного ин-та. Самара, 1923. Т. I, № 1. Б. Часть неофициальная. С. 1–94; Тихомиров М. Н. К истории колонизации Самарского края // Изв. Самарского гос. ун-та. Самара, 1923. Вып. 5; Земляницкий Т. А. Чуваши в Самарской губернии // Вестн. Среднего Поволжья. [Самара], 1926. № 1. С. 111–114; Гераклитов А. А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького. Саратов, 1929. Т. III. С. 221–233.

⁵⁷ Евсеев М. Е. Мордва Татареспублики // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. II. С. 182 и др.

⁵⁸ Гераклитов А. А. Мордовский «беляк» // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области при Саратовском гос. ун-те. Саратов, 1927. Т. II. С. 103–112.

⁵⁹ Хвоцов А. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922; Подъяпольская Е. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда. Саратов, 1927.

⁶⁰ Гвоздев Б. Н. Некоторые сведения о промышленности Пензенского края в 18 веке. Пенза, 1925. С. 23; общие сведения за XVII — первую половину XIX в см. в популярной брошюре: Лебедев М. А. Краткие сведения из истории Пензенского края. Пенза, 1928.

⁶¹ Греков Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века // ЛЗАК за 1927–1928 годы. Л., 1929. Вып. 35. С. 75–83, 94–95 (об уездах Верхнеломовском, Нижнеломовском, Инсарском, Керенском, Наровчатском и Краснослободском).

⁶² Из писцовых книг XVI–XVII вв. была опубликована часть, относящаяся лишь к городу Казани, но не к уезду (Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. Л., 1932).

⁶³ История Татарии в документах и материалах. М., 1937 (здесь встречаются и некоторые впервые опубликованные источники, а также, в порядке исключения, выдержки из исследований Чечулина, Семевского и др.); Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1939–1940. Т. I, [ч. 1]; Т. II, III, ч. 1.

Классовая борьба остается в это время главной темой историографии крестьянства, однако, если в 20-х — начале 30-х годов изучались в первую очередь «Разинщина» и «Пугачевщина», то теперь в центре внимания становится крестьянское движение первой половины XIX в. Ему посвящаются публикации архивных документов⁶⁴ и специальные исследования, в которых вводится в научный оборот большое количество ранее неизвестных источников⁶⁵. П. Г. Григорьев пересмотрел старое представление о волнениях 1841–1842 гг. как «Акрамовском бунте» и указал на широкий размах этого движения⁶⁶. Усилилась тенденция дифференцированного изучения участия крестьянства различных национальностей в классовой борьбе как XIX в., так и периода разинского восстания⁶⁷. Эту тенденцию нельзя не поставить в связь с развитием национальной культуры автономных республик Поволжья, усилением интереса к национальной истории и ростом национальных кадров историков. Исходя из анализа царистских иллюзий и положительных идеалов крестьянства XVIII в., А. Н. Коган дает оригинальную трактовку крестьянской психологии и тактики в период пугачевского восстания⁶⁸, которому в рассматриваемый период уделялось мало внимания⁶⁹. Несколько уменьшилось внимание к проблеме крестьянских побегов в район Среднего Поволжья, однако написанная на эту тему статья А. Г. Манькова важна установлением предела крестьянских побегов на юго-восток в начале XVII в. (бежали не дальше Алатырского уезда)⁷⁰.

⁶⁴ *Озеров П. В.* Волнения чувашского крестьянства в 1842 г. // Красный архив. 1938. Т. II (87). С. 98–128; Восстание чувашского крестьянства в 1842 г.: Сб. архивных документов. Чебоксары, 1942.

⁶⁵ *Токарев С. В.* Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939. С. 63–73; *Озеров В.* Мари в крестьянском восстании 1842 года в Поволжье // Тр. Марийского НИИ социалистической культуры. [Йошкар-Ола], 1940. Вып. II. С. 29–65; *Григорьев П. Г.* Волнения чувашского крестьянства в 1841–42 г. // Зап. Чувашского НИИ языка, литературы и истории. Чебоксары, 1941. Вып. 1. С. 3–54.

⁶⁶ *Григорьев П. Г.* Указ. соч. С. 30.

⁶⁷ Участие марийцев в движении Степана Разина (по материалам МарНИИ) // Марийская автономная область. Йошкар-Ола, 1936. № 7–8. С. 61–80; *Каликаев М. М., Мартынов Н. А.* Участие народа мари в крестьянской войне под руководством Степана Разина в 1670–1671 гг. // Тр. Марийского НИИ социалистической культуры. 1940. Вып. II. С. 3–28; *Герасимов А. А.* Алатырская мордва: По переписям 1624–1721 гг. Саранск, 1938.

⁶⁸ *Коган А. Н.* Распространение самозванства в русской деревне в период Пугачевского восстания // Учен. зап. гос. пед. и учит. ин-та им. В. В. Куйбышева. [Куйбышев], 1943. Вып. 7. С. 217–225.

⁶⁹ См.: *Котков К., Вернер С.* Очерки по истории мордовского народа XVIII в. Саранск, 1943.

⁷⁰ *Маньков А. Г.* Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в 1-й четверти XVII века // Учен. зап. ЛГУ. № 80. Серия ист. наук. Л., 1941. Вып. 10. С. 45–58.

В разработке истории феодального освоения Среднего Поволжья все яснее проявляется стремление связать вопрос о распространении помещичьего и монастырского землевладения⁷¹ с проблемой закрепощения нерусского крестьянского населения⁷².

В плодотворном историко-географическом плане изучал историю мордовского крестьянства XVII — начала XVIII в. А. А. Гераклитов⁷³.

Социально-экономические процессы, протекавшие в среде крестьянства, исследовались в это время слабо⁷⁴. Очень важным, но в те годы еще одиноким опытом анализа «имущественного расслоения» крестьянства Среднего Поволжья в конце XVIII в. была статья К. В. Сивкова, посвященная положению крестьян пензенских вотчин князей Куракиных⁷⁵.

Порайонное изучение состояния производительных сил XVIII в. успешно вел П. И. Лященко. В отношении губерний Среднего Поволжья у него нет, однако, достаточно четких выводов, ибо, с одной стороны, в его работе фигурирует общая группа «средневожских губерний», с другой стороны, Пензенская и Казанская губернии получают диаметрально противоположные географо-экономические характеристики⁷⁶.

Оценивая этот период развития историографии в целом, можно заметить, что исследование национального аспекта истории крестьян в известной мере отодвинуло на второй план изучение социальных процессов. Упрощенной представляется характеристика помещичьего и монастырского освоения Среднего Поволжья как формы «колониальной эксплуатации», а крестьянских движений — как формы борьбы против «национального гнета».

В 1946–1956 гг. в разработке истории крестьянства Среднего Поволжья наблюдается не только резкий количественный рост исследований, но и существенный качественный сдвиг, состоящий прежде всего в широком

⁷¹ О царском землевладении XVII в. в Алатырском, Саранском и Симбирском уездах см.: Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 19, 23 (впервые эта книга вышла в 1917 г. под названием «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве»).

⁷² Материалы по истории мари в XVII веке // Марийская автономная область. Йошкар-Ола, 1936. № 4. С. 22–36; Котков К., Вернер С. Указ. соч.

⁷³ Гераклитов А. А. Алатырская мордва. Саранск, 1938.

⁷⁴ См. публикацию документов (извлечение из дипломной работы М. М. Семина): Кузнецов И. Крепостные крестьяне села Барашева-Усада в первой половине XIX в. // Красный архив. 1936. № 4. С. 117–150.

⁷⁵ Сивков К. В. К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в. // ИЗ. М., 1941. [Т.] 11. С. 282–285.

⁷⁶ Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке // ИЗ. М., 1945. [Т.] 15. С. 97–127, особенно С. 109, 113, 117 (речь идет главным образом об урожайности).

обращении к изучению различных сторон социально-экономического развития поволжской деревни. Борьба за землю между помещиками и государственными крестьянами, борьба за землю внутри общины, различные формы экономического и внеэкономического закабаления крестьянства, развитие товарно-денежных отношений, эволюция форм ренты, рост расщепления крестьянства, наемный труд в рамках крепостного хозяйства, отходничество и отрыв части крестьян от земледелия, разложение крепостного хозяйства — таковы основные вопросы аграрной истории Среднего Поволжья, ставшие предметом исследования в этот период. Изучение всех форм классовой борьбы крестьянства (от побегов до крестьянских войн и восстаний) продолжалось с не меньшей активностью, чем раньше, но было поставлено в тесную связь с исследованием социально-экономических отношений.

Для статей и монографий рассматриваемого времени характерно введение в научный оборот солидного комплекса первоисточников, почерпнутых из центральных и местных архивов. Появились в этот период и новые публикации архивных материалов, главным образом по социальной истории Среднего Поволжья⁷⁷.

Из социально-экономических исследований несколько специальных работ посвящено Пензенскому и Симбирскому краю в XVIII в.⁷⁸ Особенный интерес представляет диссертация Т. П. Ржаниковой, которая пришла к выводу, что в 50-х — 70-х годах XVIII в. Среднее Поволжье превратилось

⁷⁷ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1948–1953. Т. I, ч. II; Т. III, ч. II; Т. IV, ч. I; Саранская таможенная книга за 1692 г. Саранск, 1951; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. / подгот. к печати К. В. Сивков. М., 1951. № 1, 2, 199–202, 231–233; Романов Н. Р. Выпись из переписной книги Чебоксарского уезда 1649–1650 годов // Учен. зап. НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1956. Вып. XIV. С. 219–235. См. также обзор документов, среди которых есть относящиеся к Среднему Поволжью: Джинчарадзе В. З., Останкович Ф. А. Обзор хозяйственно-имущественных материалов фонда Воронцовых, хранящихся в ЦГАДА // ИЗ. М., 1951. [Т.] 37. С. 252–279.

⁷⁸ Ржаникова Т. П. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Пугачева (50-е — начало 70-х годов XVIII в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1953; ср.: Мавродин В. В., Кадсон И. З., Сергеева Н. И., Ржаникова Т. П. Об особенностях крестьянских войн в России // ВИ. 1956. № 2. С. 77–78; Булыгин И. А. Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII века (на примере владений А. И. Полянского): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954; Ошанина Е. Н. Очерки по истории поместного землевладения и хозяйства в Симбирском крае во второй половине XVII — начале XVIII в. (по материалам архива Пазухиных): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954; ср.: Она же. Хозяйство помещиков Пазухиных в XVII–XVIII веках // ВИ. 1956. № 7; Коган Э. С. Крестьянское и помещичье хозяйство в пензенской и саратовской вотчинах Куракиных во второй половине XVIII века: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955.

в важнейший земледельческий район России. Очень ценны ее наблюдения о первых признаках внутрикрестьянской борьбы, распространении смешанной ренты (опровержение тезиса В.И. Семевского о поляризации барщины и оброка), уменьшении с середины XVIII в. бегства в район Среднего Поволжья и др.⁷⁹ Изучив процесс помещичьего закрепощения мордовского крестьянства, И.М. Корсаков отверг традиционное мнение о том, что мордовские крестьяне начиная с XVIII в. были только государственными и удельными⁸⁰.

В ряде работ освещается характер аграрных отношений первой половины XIX в. в Пензенской и Симбирской губерниях⁸¹, в Самарском крае⁸² и в Казанской губернии⁸³, массовое бегство из Пензенской и Симбирской губерний в 20-х — 30-х годах XIX в.⁸⁴. Социально-экономическая история удельных крестьян Среднего Поволжья получила освещение в трудах Н.П. Гриценко⁸⁵.

Более ранний период истории крестьянства Казанского края (XVI–XVII вв.) изучался слабее. Внимание уделялось в основном лишь судьбам

⁷⁹ Ржаникова Т.П. Указ. соч. С. 369, 373, 385, 516.

⁸⁰ Корсаков И.М. К вопросу о помещичьем закрепощении мордвы // Зап. НИИ при СМ Мордовской АССР. Саранск, 1951. № 13. С. 126–139.

⁸¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. I. С. 85, 100, 416, 417 и др.; Индова Е.И. Крепостное хозяйство в начале XIX века: По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955. С. 151–169; Тарасова В.М. Экономика Симбирской губернии в первой трети XIX века и хозяйство Тургеневых // Учен. зап. Марийского гос. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Йошкар-Ола, 1955. Т. IX. С. 24–86.

⁸² Катаев И.М. Усольская вотчина на Самарской луке в XVIII–XX вв.: Период разложения феодализма: Дисс. ... д-ра ист. наук. Б.м., б.г.; Он же. На берегах Волги: История усольской вотчины графов Орловых. Челябинск, 1948; Дружинин Н.М. Киселевский опыт ликвидации общины // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 361–372.

⁸³ Чернышев Е.И. Татария в период разложения крепостного строя // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 305–320; Софронов М.Г. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П.Д. Киселева: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1952.

⁸⁴ Игнатович И. Крестьянские восстания первой четверти XIX века // ВИ. 1950. № 9. С. 69.

⁸⁵ Гриценко Н.П. Организация управления удельными крестьянами и их эксплуатация // Учен. зап. Чечено-Ингушского гос. пед. ин-та. Грозный, 1948. № 10. С. 205–248; Он же. Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами // Там же. С. 249–287; Он же. Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю в конце XVIII — начале XIX века // ВИ. 1954. № 10. С. 108–115; Он же. Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне в период разложения феодально-крепостнического строя (1797–1863 гг.) // Учен. зап. Грозненского гос. пед. ин-та. Грозный, 1956. № 9. Сер. историческая, вып. 2. С. 98–124.

чувашиского крестьянства этого времени⁸⁶. В. Д. Дмитриев поставил вопрос об эволюции «ясака» в XVI–XVIII вв.⁸⁷

В некоторых работах, посвященных землевладению и хозяйству крупных феодалов XVII–XVIII вв., упоминались их средневолжские владения, но история последних специально не изучалась⁸⁸. Был проявлен интерес к судьбам отходников-должников⁸⁹, экономическому устройству⁹⁰ и классовой борьбе⁹¹ беглых в районах Среднего Поволжья в XVII–XVIII вв. Кроме того, исследовалось отходничество из Среднего Поволжья в Нижнее в XVII в.⁹², бурлачество чувашиского крестьянства в XVIII — начале XIX в.⁹³

Изучение истории производительных сил края отставало от изучения истории производственных отношений. В конце 40-х годов XX в. приобрел новое звучание старый (идущий от Перетятковича) тезис о прогрессивном значении освоения Поволжья русским крестьянством. Вместе с тем наблюдалась известная недооценка предшествующего уровня развития земледелия у народов Среднего Поволжья⁹⁴. В обобщающих трудах со-

⁸⁶ Тихомиров М. Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Сов. этнография. 1950. № 3. С. 96–97; Гусев Т. Г. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Зап. НИИ языка, литературы и истории при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1950. Вып. IV. С. 65, 75, 80; Дмитриев В. Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Учен. зап. НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1956. Вып. XIV. С. 173–218.

⁸⁷ Дмитриев В. Д. О ясаке в Среднем Поволжье // ВИ. 1956. № 12. С. 107–115.

⁸⁸ Петрикеев Д. И. Земельные владения боярина Б. И. Морозова // ИЗ. М., 1947. [Т.] 21. С. 61, 71, 98; Щенетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых: (1708–1885). М., 1947.

⁸⁹ Кушева Е. Н. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. С. 252, 257.

⁹⁰ Булыгин И. А. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVIII в. // ИЗ. М., 1953. [Т.] 43. С. 146–149; Баранов М. А. Крестьяне монастырских вотчин накануне секуляризации: (По документам Спас-Евфимьева монастыря в г. Суздале): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 163–164; Павленко Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (по материалам XVII–XVIII вв.) // ИЗ. М., 1955. [Т.] 54. С. 399.

⁹¹ Гессен В. Ю. Нападения беглых крестьян на помещичьи вотчины в 20–30-х годах XVIII века // ВИ. 1954. № 12. С. 104–105.

⁹² Степанов И. В. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в. // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1949. № 112. Сер. историч. наук, вып. 14. С. 146; Он же. Гулящие — рабочие люди в Поволжье в XVII в. // ИЗ. М., 1951. [Т.] 36. С. 152–156.

⁹³ Романов Н. Р. Очерки по истории бурлачества в XVIII и первой половине XIX века: По архивным материалам Чувашии // Зап. НИИ языка, литературы и истории при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1949. Вып. II. С. 55–110.

⁹⁴ Мавродин В. В. Русское многонациональное государство и финноугорские народы: (К постановке вопроса) // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1948. № 105. Сер. вос-

держались довольно иллюстративно подобранные сведения, относящиеся к истории производительных сил Среднего Поволжья XVIII — первой половины XIX в.⁹⁵

В изучении истории классовой борьбы новым моментом было прежде всего расширение круга рассматриваемых крестьянских движений. Наряду с прежними темами, предметом исследования оказались крестьянская война начала XVII в.⁹⁶ и волнения крестьян накануне Пугачевщины⁹⁷. При освещении истории крестьянских войн под предводительством С. Разина⁹⁸, Е. Пугачева⁹⁹ и крестьянских волнений

токоведческих наук. Вып. 2. С. 43. Критику точки зрения Мавродина см.: Мухамедьяров Ш. Ф. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. Сб. III. С. 89–94.

⁹⁵ Любимов П. Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947. С. 226, 244, 717–719 (о мельницах и лесопилках); Якубцинер М. М. К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия СССР. М.; Л., 1956. Сб. II. С. 82–84 (о полбе); Лехнович В. С. К истории культуры картофеля в России // Там же. С. 369, 384.

⁹⁶ Смирнов И. И. Восстание Болотникова и народы Поволжья // Зап. НИИ при СМ Мордовской АССР. Саранск, 1947. [№] 9. С. 24–48, особенно С. 24, 37–40, 43, примеч. 1.

⁹⁷ Наиболее интересный материал собрала Т. П. Ржаникова в указанной диссертации; см. также: Рубинштейн Н. Л. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века // ВИ. 1956. № 11. С. 39–40 (к сожалению, автор обходит молчанием тезис В. И. Семевского об ослаблении классовой борьбы в начале 70-х годов).

⁹⁸ Каржавин Д. Ф. Степан Разин в Симбирске. Ульяновск, 1947. С. 21–25 (научно-популярная книга); Зевакин М. М. К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством Разина // Зап. НИИ при СМ Мордовской АССР. Саранск, 1949. № 11. С. 201–222; Воронин И. Сподвижники Степана Разина // Там же. С. 155–159; Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина 1667–1671 гг. М., 1955. С. 93–119, 126–133; Паньков И. П. Новые материалы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина // Учен. зап. Чарджоуского гос. пед. ин-та. Чарджоу, 1956. Вып. 1. С. 51–65; Степанов И. В. Крестьянская война под предводительством Степана Разина в Среднем Поволжье // Учен. зап. ЛГУ. 1956. № 205. Сер. ист. наук, вып. 24. С. 125–166.

⁹⁹ Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. С. 149–150; Он же. Крепостное право в вотчинах Шереметевых: (заключительная выставка музея). М., 1949. С. 23–24; Котков К. А. Крестьянское движение на территории Мордовии во 2-й половине XVIII века. Саранск, 1949; Петров С. Пугачев в Пензенском крае. Пенза, 1950; Коган Э. С. Волнения крестьян пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачева // ИЗ. М., 1951. [Т.] 37. С. 104–124; Глазатова Е. И. Крестьянство Казанского края в восстании Емельяна Пугачева: Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1952; Зевакин М. Пугачев в Саранске // Литературная Мордовия. Саранск, 1952. № 6 (10). С. 236–248; Рубинштейн Н. Л. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века // ВИ. 1956. № 11. С. 41 и след.

первой половины XIX в.¹⁰⁰ тенденция выделения восставших по национальному признаку стала все более вытесняться тенденцией анализа социальных особенностей движения на определенной территории. Э. С. Коган и Е. И. Глазатова углубили выдвинутый еще в 20-х — 30-х годах тезис об особом значении крестьянской войны 1773–1774 гг. на правобережье Волги. По наблюдениям Глазатовой, острая классовая борьба развернулась здесь еще до переправы Пугачева на правый берег Волги.

Основные вопросы истории крестьянства периода феодализма на территории Татарской АССР и Мордовской АССР получили довольно подробное освещение в соответствующих обобщающих трудах¹⁰¹, причем следует особенно подчеркнуть фундаментальный характер исследования истории крестьянства Мордовии.

Совершенно новый этап в историографии крестьянства Среднего Поволжья составляют 1957 — первая половина 1960-х годов. Если основным пафосом историографии предшествующего периода было монографическое описание отдельных феодальных хозяйств с их системой господского землевладения и крестьянского землепользования (работы Т. П. Ржаниковой, И. А. Булыгина, Е. Н. Ошаниной, Н. П. Гриценко и др.), то самой примечательной чертой литературы нового периода является рассмотрение аграрных отношений Среднего Поволжья в общероссийских рамках, в сравнении с другими природно-экономическими районами. При этом расширилась сама тематика исследований путем включения в нее гораздо большего, чем прежде, числа вопросов, связанных с историей производительных сил. Производительные силы и производственные отношения стали изучаться в тесной взаимосвязи.

¹⁰⁰ Чернышев Е. И. Татария в период разложения крепостного строя // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 320–342; Григорьев П. Г. Крестьянское движение среди чуваш во второй четверти XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 1948; Он же. Волнение удельных крестьян чуваш и татар во второй четверти XIX в. в Симбирской губернии // Зап. НИИ языка, литературы и истории при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1950. Вып. IV. С. 82–130; Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. М., 1952. С. 43, 45–46, 60, 70–71, 141; Гриценко Н. П. Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой: (1828–1860 гг.) // Учен. зап. Ульяновского гос. пед. ин-та. Ульяновск, 1953. Вып. V. С. 139–208; Григорьев П. Г. Крестьянское движение в Чувашии накануне падения крепостного права // Учен. зап. НИИ языка, литературы и истории при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1955. Вып. XI. С. 3–49.

¹⁰¹ История Татарской АССР. Казань, 1953. Т. I. С. 152–153, 155–157, 159–170, 177–183, 188–190, 201–206, 210–213, 217–227, 234–241, 253–254, 257–261; Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1. Гл. VI–IX, XII–XIV.

В трудах Н. М. Дружинина¹⁰², Н. Л. Рубинштейна¹⁰³, П. К. Алефиренко¹⁰⁴, В. К. Яцунского¹⁰⁵, И. Д. Ковальченко¹⁰⁶ и др.¹⁰⁷ содержатся важные и интересные наблюдения о месте Среднего Поволжья среди других районов России XVIII – первой половины XIX в. в отношении площади посевов (зерновых, картофеля, технических культур), урожайности, товарности земледелия, развития крестьянских промыслов, размеров помещичьего землевладения (мелкое, среднее и крупное), крестьянского землепользования, форм ренты. П. К. Алефиренко привела порайонные показатели степени распространения беглых, изучила различные способы крестьянского сопротивления в разных районах¹⁰⁸. М. Н. Тихомиров дал описание землевладения и хозяйства Среднего Поволжья в XVI — начале XVII в.¹⁰⁹

В рассматриваемый период главной темой работ, построенных на локальном материале, стала история перерастания имущественного

¹⁰² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. II. С. 342–357, 361 и сл., 578–579.

¹⁰³ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (историко-экономический очерк). М., 1957. С. 124–127, 228–229, 263–264, 381; Он же. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 98, 100; Он же. Некоторые вопросы сельскохозяйственной статистики XVIII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 86, 87.

¹⁰⁴ Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 20, 55–79, 179 и сл., 228–245, 298 и сл.

¹⁰⁵ Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. С. 113–148.

¹⁰⁶ Ковальченко И. Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства России в первой половине XIX в. // ИСССР. 1959. № 1. С. 64, 65, 67, 70, 75, 79; Он же. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959 г. М., 1961. С. 197–198, 218–219, 224; Он же. О товарности земледелия в России в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 479.

¹⁰⁷ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века: (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 251 (о Ломовском уезде); Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII в. // Вопросы генезиса капитализма в России. Изд.-во ЛГУ, 1960. С. 63, 65–68 и др.; Шенукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 394, 404; Индова Е. И. Дворцовое хозяйство России: Первая половина XVIII века. М., 1964.

¹⁰⁸ Алефиренко П. К. Указ. соч. С. 98–106, 109–111, 116 (примеч. 85), 138 (примеч. 172), 140 (примеч. 176), 188, 264 и сл.

¹⁰⁹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 467–507.

неравенства в социальное расслоение крестьянства¹¹⁰. Особо выделялась проблема зарождения кулачества в феодальной деревне¹¹¹.

Большое место в историографии этого периода принадлежит трудам историков Чувашской АССР, подробно и всесторонне изучавших историю социально-экономического развития и классовой борьбы чувашского крестьянства XVI — первой половины XIX в. (В. А. Нестеров, Н. Р. Романов, В. Д. Дмитриев, П. Г. Григорьев, И. Д. Кузнецов)¹¹². История марийского крестьянства получила лишь весьма беглое освещение в кратком учебном пособии для школ¹¹³. Появились исторические очерки, авторы которых стремились выяснить экономическую специфику отдельных областей Среднего Поволжья XVII — первой половины XIX в.¹¹⁴ Исследования Н. П. Гриценко об удельных крестьянах Среднего Поволжья привели автора к созданию монографии на эту тему¹¹⁵. Стало подробнее

¹¹⁰ Софронов М. Г. Развитие капиталистических отношений среди государственных крестьян Казанской губернии в 40–50-е годы XIX в. // Изв. Казанского фил. АН СССР. Казань, 1957. Сер. гуманитарных наук. [Вып.] 2. С. 91–104; Булыгин И. А. Расслоение крепостного крестьянства во владениях Полянских в последней трети XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России: (XVII–XVIII вв.). М., 1958. С. 324–341; Коган Э. С. Расслоение крестьянства в Архангельской вотчине Куракиных в конце XVIII в. // Там же. С. 296–323; Она же. Очерки истории крепостного хозяйства: По материалам вотчин Куракиных 2-й половины XVIII века. М., 1960; Алефиренко П. К. Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина в 40–50-х годах XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сб. V. С. 132–162. Работы М. Г. Софронова, И. А. Булыгина и Э. С. Коган основаны на материале их кандидатских диссертаций, написанных в предшествующий период.

¹¹¹ Кузнецов И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957; Он же. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 109–127.

¹¹² Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958; Дмитриев В. Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 1959; см. также указанные работы И. Д. Кузнецова.

¹¹³ История Марийской АССР: Учеб. пособие для учащихся 7–8 классов. Йошкар-Ола, 1964. С. 9–24.

¹¹⁴ Дергачев А. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 года. Пенза, 1958; Ромашин И. С. Очерки экономики Симбирской губернии XVII–XIX вв.: В помощь учителю средней школы. Ульяновск, 1961; Каревская А. Г. Классовая борьба в помещичьей деревне Самарской губернии середины XIX века // Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. Куйбышев, 1963. Вып. 41: Историко-филологический факультет. С. 425–466.

¹¹⁵ Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: (очерки). Грозный, 1959; Он же. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1961; ср.: Фурзин Ф. А. Удельные крестьяне накануне и в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 185–188.

изучаться землевладение татар во второй половине XVI–XVII в.¹¹⁶ Было продолжено исследование истории русского феодального землевладения XVI в. в Казанском и Свияжском уездах¹¹⁷. На расширенной источниковой базе изучался процесс земледельческого освоения Среднего Поволжья в XVII в.¹¹⁸

Что касается истории классовой борьбы крестьянства Среднего Поволжья, то изучение ее еще теснее сомкнулось с исследованием развития социально-экономических отношений¹¹⁹. Специальные труды, посвященные только классовой борьбе как таковой¹²⁰, не доминировали в это время в общем комплексе работ по истории социальных отношений и классовой борьбы в Среднем Поволжье. Вместе с тем были изданы

¹¹⁶ Мухамедьяров Ш. Ф. Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. // Изв. Казанского фил. АН СССР. Казань, 1957. Сер. гуманитарных наук. [Вып.] 2. С. 191–196; Чернышев Е. И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963. С. 174–183.

¹¹⁷ Скрынников Р. Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. // ИЗ. М., 1961. [Т.] 70. С. 223–250; Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 139–148; Каиштанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 442–445, 456–457; Каиштанов С. М., Литвин А. Л. К проблеме достоверности исторических источников // Из истории Татарии: Краеведческий сборник. Казань, 1965. С. 298–304.

¹¹⁸ Ошанина Е. Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 50–74; Заничева Л. Г. Социально-экономическое положение крестьян Шацкого уезда в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. Минск, 1964. С. 202–211 (есть данные о Саранском и Ломовском уездах).

¹¹⁹ См. указанные работы Н. М. Дружинина, П. К. Алефиренко, А. Дергачева, А. Г. Каревской, историков Чувашии, «Историю Марийской АССР» и др. См. также: Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачева. Изд-во ЛГУ, 1961. Т. 1. С. 286–295, 318–323, 342–347, 350, 361, 385–389.

¹²⁰ Глазатова Е. И. Восстание крестьян Казанского края на первом этапе Крестьянской войны (конец 1773 г. — начало 1774 г.) // Учен. зап. Читинского гос. пед. ин-та. Чита, 1957. Вып. 1. С. 99–118; Коробов С. А. Волнения крестьян Марийского края во второй четверти XIX века // Приволжский лесотехнический ин-т им. М. Горького: Сб. трудов кафедр обществ. наук. Йошкар-Ола, 1957. С. 175–195; Игнатович И. И. Волнения крестьян князя М. В. Кочубея в Саратовской и Самарской губерниях в 1860–1862 гг. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960. С. 176–189; Она же. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века. М., 1963; Кукушкина М. В. Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях в 1856–1860 гг. // ИЗ. М., 1961. [Т.] 68. С. 117, 130, 133, 135–138; Тихонов Ю. А. Крестьянская война 1670–1671 гг. в Лесном Заволжье // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 272–273 (автор устанавливает связь восстания в Лесном Заволжье с восстанием в Козьмодемьянске); Паина Э. С. Жалобы помещичьих крестьян первой половины XIX в. как исторический источник // ИСССР. 1964. № 6. С. 115.

капитальные публикации, освещающие ход крестьянской войны под предводительством Степана Разина¹²¹ и крестьянское движение конца XVIII — первой половины XIX в.¹²².

* * *

Итак, в период с XVIII в. до середины 60-х годов XX в. историография крестьянства Среднего Поволжья прошла весьма сложный путь, отмеченный накоплением огромного фактического материала и разработкой важных социально-экономических проблем. Разработка эта постепенно становилась все более зрелой, открывая новые возможности для осмысления всей суммы накопленных фактов и для изучения еще мало освоенных тем. Разумеется, следовало бы продолжить рассмотрение развития научных исследований в этой области вплоть до начала XXI в., однако автор настоящей монографии такую задачу перед собой не ставил.

]

¹²¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1957. Т. II: Август 1670 — январь 1671 г., ч. 1: Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях.

¹²² Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. М., 1961; Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. М., 1961; Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг. М., 1962; Крестьянское движение в России в 1857 — май 1861 г. М., 1963.

Приложение 3

Историография допетровской Руси

*Опыт хронологического среза:
советская литература 1965–1966 гг.*

В настоящем очерке делается попытка выявить некоторые узловые проблемы историографии допетровской Руси путем рассмотрения советской литературы за два года: 1965 и 1966. Такой узкий хронологический срез позволяет представить весь спектр наиболее типичных вопросов, обсуждавшихся в историографии середины 60-х годов XX в.

Необходимой базой для прогресса исторической науки всегда является публикация новых источников. В 1965–1966 гг. этот процесс успешно продолжался. Были переизданы Летописец начала царства (по более ранней редакции), Александро-Невская летопись (ранее опубликованная лишь в отрывке), Лебедевская летопись (ранее изданная неисправно)¹, Новгородская II летопись и Владимирский летописец (ранее печатавшийся лишь в извлечениях)². По инициативе акад. М. Н. Тихомирова фотомеханическим способом переизданы Никоновская летопись, Рогожский, Новый летописцы и др.³. Осуществлен перевод хроники Быховца⁴. Большой интерес представляют открытые и опубликованные Л. М. Марасиновой новые псковские грамоты XIV–XV вв.⁵. Наука обогатилась частичной публикацией и другой группы русских грамот 60–70-х годов XV в., выявленных

¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29.

² Там же. Т. 30.

³ Там же. Т. 9–15.

⁴ Хроника Быховца / Предисл., коммент. и пер. Н. Улащика. М., 1966.

⁵ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.

А. Л. Хорошкевич⁶, а также украинских и молдавских грамот XV в.⁷ Были изданы некоторые источники по истории крестьянства⁸ и холопства⁹, городского населения, внутренней¹⁰ и внешней¹¹ политики, общественно-политической мысли и духовной культуры¹².

К середине 60-х годов затруднилась публикация небольших по объему источников вследствие прекращения издания журнала «Исторический архив» и неперIODических сборников «Материалы по истории СССР».

⁶ Хорошкевич А. Л. Русские грамоты 60–70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 325–341.

⁷ Українські грамоти XV ст. / Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ, 1965.

⁸ Копанев А. И. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966.

⁹ Корецкий В. И. Новый документ по истории русского города времени крестьянской войны и польско-шведской интервенции // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 316–332.

¹⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот. текста, введ. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966; Щапов Я. Н. Туровские уставы XIV века о десятинах // АЕ за 1964 год. С. 252–273; Копылов А. Н. Из истории таможенного дела в Сибири // Там же. С. 350–370; Буганов В. И. Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577–1578 годах // Там же. С. 290–315; Зимин А. А. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 342–353; Назаров В. Д. Жалованная грамота Лжедмитрия I Галицкому Великопустыньскому Авраамьеву монастырю // Там же. С. 354–368; Димитриев В. Д. Земельный документ времен казанского хана Сафа-Гирея // Исторический сборник: Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Вып. 31. С. 266–277.

¹¹ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. М., 1965. Т. 1: 1408–1632; Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1965; Королюк В. Д. и Рогов А. И. Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения: (Документы Посольского приказа о приезде в Москву польского посланника Яна Окрасы) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 183–199.

¹² Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. Вып. 1; Изборник 1076 г. М., 1965; Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966; Юрий Крижанич. Политика / подгот. к печати В. В. Зеленин; пер. и коммент. А. Л. Гольберг; под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1965; Розов Н. Н. Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. С. 278–289; Лурье Я. С. «Собрание на лихоимцев» — неизданный памятник русской публицистики конца XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 132–146; Моисеева Г. Н. Житие новгородского архиепископа Серапиона // Там же. С. 147–165; Корецкий В. И. Вновь найденное противоеретическое произведение Зиновия Отенского // Там же. С. 166–182; Демкова Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопы Аввакума // Там же. С. 211–239; Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме // Там же. С. 327–345; Горфункель А. Х. «Пентатеугум» Андрея Боголюбского: (Из истории польско-русских литературных связей) // Там же. С. 39–64; Шентаев Л. С. Стихи справщика Савватия // Там же. С. 5–28; и др.

В более тяжелом положении, чем раньше, оказалось и печатанье специальных источниковедческих исследований из-за прекращения выхода в свет неперiodических сборников «Проблемы источниковедения». Органами, где еще систематически публикуются источники по истории России феодального периода и специальные источниковедческие работы, остались «Археографический ежегодник» и «Труды Отдела древнерусской литературы» Пушкинского дома.

Остановимся на методике исследования источников в вышедших трудах по истории феодальной России. Русские летописи продолжают изучаться в двух планах: текстологическом и фактологическом. Заслуживает внимания использование летописного материала в работе В. Т. Пашуто о политических институтах Древней Руси — соборе, совете, снеме, вече и др. Можно приветствовать обращение автора к терминологическому анализу как средству выяснения юридического и социально-политического содержания понятий, обозначающих органы государственной власти типа совета, веча и др. Хорошо что автор берет термин не сам по себе, а подробно раскрывает те конкретные обстоятельства, при описании которых он употребляется. Однако, думается, следовало бы больше мотивировать сам отбор терминов (существительных, глаголов и др.), привлекаемых для раскрытия существа именно данного института, ибо часто близкие или даже тождественные термины используются при характеристике разных институтов («сдумаша», «сдумавше» — о совете, «сдумавше» о снеме¹³ и т. п.). По-видимому, нужно, кроме того, учитывать специфические черты терминологии разных летописных сводов и их редакций. Трактровка отдельных летописных текстов дается также в работах А. А. Зимина, Г. Е. Кочина, Л. М. Марасиновой, Р. Г. Скрынникова, Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта и др.

В исследованиях, где темой является история событий, а не текста, авторы не ставят перед собой задачи текстологического анализа летописных сводов в целом, поэтому их метод ограничивается приемами логической критики, основанной прежде всего на сравнении содержания летописных текстов с показаниями других источников. Но и в специальных трудах, посвященных русским летописям, литовским и польским хроникам, часто преобладает метод сопоставления текстов, относящихся к отдельным событиям¹⁴.

Помимо летописей, в 1965–1966 гг. изучались и иные виды литературных памятников — сказания, жития святых, послания, записки

¹³ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 14, 21 (Далее — ДГМЗ).

¹⁴ См., например: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.

иностранцев и т. п. В 1966 г. появились первые статьи А. А. Зимина на тему «Слова о полку Игореве»¹⁵ — фрагменты большого исследования, написанного автором в 1963–1964 гг. и вызвавшего уже в 1965 г. печатные отклики¹⁶. Одна из статей Зимина 1966 г. сопровождалась развернутой критикой его концепции¹⁷. Суть последней заключалась в том, что «Слово» — памятник не XII, а XVIII в. Зимин провел тщательное текстологическое исследование «Слова» и всех списков «Задонщины», которая по общему мнению к нему (т. е. к «Слову») восходит. В результате сравнительного и всеобъемлющего текстологического анализа этих памятников Зимин пришел к обратному выводу, доказав, что не «Задонщина» восходит к «Слову», а «Слово» восходит к «Задонщине»¹⁸. Эта концепция была принята далеко не всеми¹⁹. В 1966 г. под редакцией Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева вышел большой сборник статей, в котором участвовали крупнейшие специалисты по истории древнерусской литературы — В. А. Адрианова-Перетц, А. Н. Котляренко, Р. П. Дмитриева, О. В. Творогов, М. А. Салмина, Л. А. Дмитриев, Н. С. Демкова, Ю. К. Бегунов²⁰. Этот труд имел целью опровергнуть выводы А. А. Зимина, но в предисловии говорилось, что авторы не считают себя вправе полемизировать с ним до публикации его работы в полном виде, как монографии²¹.

Житиям святых как источнику по истории монастырского землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. уделили внимание И. У. Будовниц

¹⁵ Зимин А. А. Приписка к Псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве» // Русская литература. Л., 1966. № 2. С. 60–74; Он же. К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве»: (опыт исторического анализа) // Исторический сборник: Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Вып. 31. С. 138–155; Он же. Две редакции Задонщины // Тр. МГИАИ. М., 1966. Т. 24, вып. 2. С. 17–54.

¹⁶ Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века // Русская литература. Л., 1965. № 2. С. 149–153.

¹⁷ Прийма Ф. О гипотезе А. А. Зимина // Русская литература, 1966. № 2. С. 75–89.

¹⁸ Первоначальный вариант монографии А. А. Зимина о «Слове» (1963 г.) включал в себя 661 м/п стр. Автор продолжал работать над ней в 60–70-х годах, учитывая мнения оппонентов и выдвигая дополнительные аргументы для обоснования своей точки зрения. В результате труд достиг 1200 м/п стр. и был разделен автором на две части. Монография в последней авторской редакции вышла в свет через 26 лет после смерти автора: Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006 (514 стр.; тираж — 800 экз.).

¹⁹ Комплексное освещение дискуссии по книге А. А. Зимина см.: История спора о подлинности Слова о полку Игореве: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Л. В. Соколовой. СПб., 2010.

²⁰ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова» / под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1966.

²¹ Там же. С. 10.

и И. И. Бурейченко²². Книга И. У. Будовница построена преимущественно на материале житий. По мнению автора, «пришла пора реабилитировать „жития святых“ в качестве исторического источника и пересмотреть установившийся в историографической практике взгляд В. О. Ключевского на „жития“ как на литературные произведения, бедные по содержанию»²³. Широко черпая из этого источника фактические данные, И. У. Будовниц по существу отказался от собственно источниковедческого изучения житий. В его книге мы не найдем их текстологического анализа, изучения формы и т. п.

Появились труды, вносящие заметный вклад в изучение сочинений иностранцев о России. А. П. Новосельцев провел тщательное исследование мусульманской группы восточных источников, которые до него использовались в литературе без четких источниковедческих критериев, часто по устаревшим, неточным или неверным переводам. В результате текстологического сравнения сочинений различных арабских и персидских авторов А. П. Новосельцев сумел выделить наиболее достоверные тексты, при этом он исходил не из оценки отдельно вырванных фрагментов, посвященных славянам и русам VI–IX вв., а из учета всего комплекса данных, характеризующих происхождение источника в целом (время и обстоятельства его возникновения, идейно-политическая направленность). Отсюда научная весомость выводов, к которым приходит А. П. Новосельцев (относительно районов расселения славян и русов и др.)²⁴.

Западноевропейским источникам, относящимся к истории Древней Руси, посвящена статья В. П. Шушарина²⁵. Автор касается главным образом источников IX–XII вв., но отчасти затрагивает также и памятники XIII–XIV вв. В этой работе впервые дается систематический обзор западноевропейских хроник, содержащих данные по истории Руси. Автор, как правило, указывает не только источник, но и соответствующую источниковедческую литературу. В отличие от А. П. Новосельцева, В. П. Шушарин почти полностью отказался от пересмотра проблемы происхождения источников, а изучение содержания ограничил выяснением вопроса о титулатуре русских князей. Показав, что русские князья IX – начала XII в. именовались в западных источниках

²² Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по житиям святых). М., 1966; Бурейченко И. И. Монастырское землевладение и хозяйство Северо-Восточной Руси во второй половине XIV века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1966.

²³ Будовниц И. У. Указ. соч. С. 45.

²⁴ Новосельцев А. П. и др. ДГМЗ. С. 355–419.

²⁵ Там же. С. 420 и след.

королями (гех), автор отмечает случаи титулования местных русских князей XII–XIII вв. герцогами или князьями (*dux, princeps*) и делает на этом основании вывод об отражении в титуле процесса распада единого Древнерусского государства. Вместе с тем В. П. Шушарин указывает и те источники XII–XIII вв., в которых русские князья этого времени по-прежнему титуловались королями. По мнению В. П. Шушарина, «эта традиция имела книжный характер и сохранялась в произведениях авторов, не соприкасавшихся непосредственно с Русью второй половины XII–XIII вв.»²⁶. Однако полную убедительность такое объяснение может получить лишь в случае текстологического изучения этих источников. Своеобразный иностранный источник по истории России начала XVII в. — словарь Тонни Фенне — подвергся анализу и толкованию в статье А. Л. Хорошкевич²⁷.

В 1965–1966 гг. было уделено большое внимание изучению юридических памятников — Русской правды, церковных уставов, публичных и частных актов. Л. В. Черепнин предпринял весьма целеустремленную, пронизанную единым принципом попытку воссоздать историю складывания Русской Правды²⁸. Кроме того, он затронул вопрос о возможных источниках Правды — «уставе» и «законе русском» X в., «уставах» и «уроках» Ольги, «уставе земленом» Владимира I Святославича. Каждый этап в истории Правды как юридического кодекса автор связывает с тем или иным взрывом классовой борьбы. Внимательно сравнивая статьи Правды с данными летописей, Киево-Печерского патерика, Изборника Святослава 1076 г. и др., Л. В. Черепнин находит материал для реконструкций истории Правды в связи с историей социально-политической борьбы XI — начала XIII в. В работе много интересных находок и остроумных решений. Некоторые положения однако, производят впечатление натяжек, например, попытка непосредственно связать появление статьи о членовредительстве с кровавыми событиями, происшедшими вслед за Любечским съездом²⁹. В несколько ином плане написано исследование о Русской Правде А. А. Зимина. Автор сосредоточивается на разборе собственно правового содержания памятника и его эволюцию представляет более опосредствованно, как

²⁶ Там же. С. 445.

²⁷ Хорошкевич А. Л. Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII в.: (к изданию словаря Тонни Фенне) // Международные связи России в XVII–XVIII в.: (Экономика, политика и культура): Сб. статей. М., 1966. С. 35–57.

²⁸ ДГМЗ. С. 128–278.

²⁹ Там же. С. 206–207.

результат сложного процесса развития феодализма, государственности и социально-политической борьбы³⁰.

Актовый материал XIV–XVI вв. широко использован в монографиях Г.Е. Кочина, Ю.Г. Алексеева, Л.И. Марасиновой, В.Л. Янина. В работе Л.И. Марасиновой имеются элементы дипломатического исследования актов. Автор определяет формуляр различных разновидностей грамот, сравнивает клаузульный состав псковских грамот с формуляром соответствующих разновидностей новгородских грамот. Кроме того, Л.М. Марасинова посвящает специальные главы хронологии и топологии грамот³¹. Менее ясны источниковедческие критерии Ю.Г. Алексеева. Автор полностью отказывается от дипломатики и статистики изучаемых источников, беря из них лишь непосредственный фактический материал для исторического построения. С одной стороны, Ю.Г. Алексеев считает, что сохранившиеся акты «весьма неадекватно» отражают «реальную историческую действительность», но с другой стороны, именно количество упоминаний в актах о том или ином явлении (например, «большинство упоминаний») служит ему основанием для социологических выводов³². Г.Е. Кочин более прямо подчеркивает недостатки актов как исторического источника, особенно по сравнению с писцовыми книгами. Он говорит о трудности изучения «содержания» актов, отражающих, по его мнению, «единичные», «случайные» факты и явления, степень типичности которых неясна³³.

В увлекательной форме рассказал об истории открытия, а также о происхождении и содержании новгородских берестяных грамот В.Л. Янин, в книге которого много новых наблюдений источниковедческого характера³⁴. Не мог равнодушно пройти мимо этих ископаемых источников и крупнейший знаток актового материала — Л.В. Черепнин³⁵. Попытку периодизации берестяных грамот Новгорода предпринял А.А. Коновалов³⁶.

³⁰ Зимин А.А. Феодальная государственность и Русская Правда // ИЗ. М., 1965. Т. 76. С. 230–275.

³¹ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты... С. 34–43, 84–124.

³² Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 5, 40–41.

³³ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства: Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 29, 30, 32, 331–333.

³⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М., 1965; Он же. Заметки о новгородских берестяных грамотах // Советская археология. 1965. № 4. С. 111–114.

³⁵ Черепнин Л.В. Из источниковедческих наблюдений над берестяными грамотами // ИСССР. 1966. № 2. С. 94–105.

³⁶ Коновалов А.А. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания // Советская археология. 1966. № 2. С. 61–74; см. также:

Сведения о новонайденных смоленских берестяных грамотах привел Д. А. Авдусин³⁷. Главное внимание всех авторов, писавших об берестяных грамотах, было обращено на изучение их внутреннего содержания. Приемы исследования внешней и внутренней формы берестяных грамот, их классификация по видам и разновидностям оставались еще слабо разработанными. Нередко берестяные грамоты определялись как «вид» исторических источников. Однако деление источников на «виды» основано на различении юридической функции документов. Здесь же критерием является материал для письма — береста. Конструирование групп источников по материалу допустимо, и на этой основе возможно даже создание специальных отраслей знания (например, «берестологии», близкой по характеру к «эпиграфике»). Но для таких групп источников нужен особый классификационный термин — скажем «класс», внутри которого могут быть документы разных видов и разновидностей, в нашем случае чаще всего письма и акты.

Помимо изучения берестяных грамот, В. Л. Янин пересмотрел вопрос о подложности двух грамот Антония Римлянина, дошедших в списках XVI в., но относящихся якобы к XII в. С. Н. Валк (1937) привел доказательства подложности этих грамот, М. Н. Тихомиров, напротив, настаивал на их подлинности (1945). В. Л. Янин признал духовную Антония Римлянина копией подлинного документа ок. 1110–1131 гг., а данную-купчую — списком с подлинного акта ок. 1354–1357 гг.³⁸ Таким образом, исследователь занял промежуточную позицию, отнеся несуществующие подлинники двух копий XVI в. — один к XII, а другой — к XIV в., что подкладывает мину под обе концепции — как подложности, так и подлинности актов Антония Римлянина. В связи с рассмотрением грамот Антония Римлянина автор высказывает мысль, что и новгородские берестяные грамоты в большинстве своем «по-видимому, являются остатками именно частных актов»³⁹. Мы бы сказали не «актов», а «писем».

Частные акты XVII в. (меновные, купчие, закладные, поступные или поступочные) изучал Ю. А. Тихонов. Весьма интересно рассмотренное автором соотношение закладных и поступных на одни и те же участки земли. Тихонов проследил распределение актов по десятилетиям, но не занимался анализом динамики их формуляра⁴⁰.

Орлов С. Н. Топография девяти берестяных грамот из Новгорода // Вестн. ЛГУ. Л., 1965. № 14. Сер. истории, языка и литературы, вып. 3. С. 156–158.

³⁷ Авдусин Д. А. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 года // Советская археология. 1966. № 2. С. 319–323.

³⁸ Янин В. Л. Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата // Вестн. МГУ. 1966. Сер. 9. История. № 3. С. 69–80.

³⁹ Там же. С. 71.

⁴⁰ Тихонов Ю. А. Землевладение посадских людей в Устюжском уезде XVII в. // ЕАИВБ. 1964 год. Кишинев, 1966. С. 270–279.

Известное внимание в советской литературе 1965–1966 гг. было уделено разного рода «книгам», возникшим в процессе военно-организационной, административно-финансовой и хозяйственной деятельности государства и церкви конца XV–XVII вв.

Исследуя вопрос об источниках разрядных книг, В. И. Буганов пришел к выводу, что ими являлись многочисленные росписи и наказы⁴¹.

Г. Е. Кочин тонко проанализировал сложный материал новгородских писцовых книг конца XV — начала XVI в. Правда, читателю неясен принцип их использования в монографии. Очевидно, мы имеем здесь дело не со статистической обработкой всего комплекса данных (Г. Е. Кочин ссылается на статистические выкладки А. М. Гневушева), а с исследованием наиболее типичных с точки зрения автора сведений, лучше всего раскрывающих изучаемые им процессы. Не вполне можно согласиться с преувеличенной оценкой Г. Е. Кочиним новгородских писцовых книг как исторического источника общерусского значения. Главной задачей автора было «...раскрыть общий процесс развития сельского хозяйства». Кочин подчеркивает, что он стремился выяснить общерусские черты этого процесса, исследуя его не по «землям — княжествам» и не строго «по хронологическим этапам внутри изучаемого... периода». Невозможность территориально и хронологически дифференцированного исследования Г. Е. Кочин мотивирует «состоянием источников»⁴². Понятно, что многие источники не сохранились. Но отсюда делаются следующие выводы: 1) сохранившийся фонд источников случаен⁴³; 2) источники, касающиеся одной территории⁴⁴, можно считать источниками и для характеристики других территорий ибо, по-видимому, предполагается, что в географическом распределении дошедших документов отразились не закономерности развития отдельных районов, а только судьбы архивов, определявшиеся случайными моментами. Не кажется бесспорным мнение Г. Е. Кочина о том, что новгородские и псковские источники «раскрывают и общий процесс развития земледелия на Руси», что «и в землях — княжествах Северо-Восточной Руси также имелись писцовые книги, сходные с новгородскими», что «они включали столь же богатые сведения о сельском хозяйстве, как и новгородские писцовые книги».

Простое сравнение владимирских, переславских и других сотных рубежа XV–XVI вв. с новгородскими писцовыми книгами показывает, что

⁴¹ Буганов В. И. Источники разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. // ИЗ. Т. 76. С. 228.

⁴² Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 5–6.

⁴³ Там же. С. 241, 296, 317, 331, 332 и др.

⁴⁴ Там же. С. 5.

по богатству сведений эти источники нельзя поставить в один ряд (сотные обычно не сообщают о землевладельческом доходе, размере тягла и т. п.)⁴⁵. Автор разделяет традиционное представление о сотных как выдержках из писцовых книг⁴⁶, хотя это представление основано на соотношении разновидностей писцовых материалов второй половины XVI–XVII вв. Характер писцового дела конца XV — начала XVI в. недостаточно ясен. Случайно ли полное отсутствие сотниц с новгородских писцовых книг, и, напротив, наличие сотниц (к тому же, отнюдь не близких по характеру сведений к новгородским писцовым книгам) на земли в районах, от которых писцовых книг этого времени нет? Автор игнорирует политическое назначение писцовых книг и сотниц. Описание являлось крупным актом политического насилия, формой осуществления централизованного контроля над описываемой территорией. Показательно, что оно проводилось в широких масштабах в областях, присоединенных силой оружия (Тверь, Новгород). Разница в принципах описания различных по своему политическому положению районов была, по-видимому, значительной. В Новгородской земле писцовые описания конца XV — начала XVI в., возможно, воспринимались бы как «Книга Страшного суда» (Domesday Book) в Англии, если бы этому не предшествовало массовое выселение прежних землевладельцев, сопровождавшееся заменой их новыми, выходцами из Северо-Восточной Руси. Впрочем, и в Англии между норманским завоеванием в 1066 г. и кадастровым описанием 1086 г. прошло 20 лет, в течение которых внедрялись новые владельцы.

В историографии 1965–1966 гг. наряду с писцовыми книгами изучались и другие разновидности книг. Исследованием отказных и отписных книг Поместного приказа XVII в. занимались Ю. А. Тихонов⁴⁷ и В. Б. Павлов-Сильванский⁴⁸. Тихонов отметил, что в фонде Поместного приказа в ЦГАДА (ныне РГАДА) разные разновидности книг (отказные, отдельные, межевые и др.) объединялись под общим названием «отказные книги». Писцовые, отказные, межевые, дозорные, переписные и т. п. книги были посвящены фиксации и перераспределению земельных фондов и доходов с них. Иной характер носили приходе-расходные книги. Они тоже относятся к регистрационно-учетному виду источников, но объект их

⁴⁵ Там же. С. 5, 237; ср.: Там же. С. 316, 346–347.

⁴⁶ Там же. С. 351.

⁴⁷ Тихонов Ю. А. Боярские и дворянские владения России XVII — начала XVIII в. по отказным и отписным книгам Поместного приказа // ТДССАИ-66. Таллинн, 1966. С. 78–79.

⁴⁸ Павлов-Сильванский В. Б. Отказные книги Поместного приказа как источник по истории служилого землевладения: (По материалам Вяземского уезда 30–40-х годов XVII в.) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 94–103.

внимания — не земля, а движимое имущество в форме товаров и денег, получаемых в качестве ренты, налогов и платы за продажи. Целый ряд разнотипных прихода-расходных книг патриарших приказов (Казенного и Дворцового) изучил А. Н. Сахаров. Они интересовали его как источник по истории сельского хозяйства XVII в.⁴⁹ Автор пользовался систематическим методом обследования этих книг, что наглядно видно из таблиц и статистических выкладок. Однако приемы исследования в монографии не разъяснены. Обзор источников проигрывает от отсутствия методической части, где ставился бы вопрос о полноте и достоверности дошедших материалов и способах их обработки.

После «Феодалных архивов» Л. В. Черепнина (1948–1951) одним из перспективных направлений российского источниковедения стало изучение монастырских копийных книг. Внимательно исследуя один троцкий сборник-конволют XVI–XVII вв. (№ 637), Л. И. Ивина обнаружила в его составе неизвестную до тех пор копиянную книгу 60-х годов XVI в.⁵⁰. Это открытие явилось важным вкладом в актовую археографию.

В 1965–1966 гг. наблюдался определенный прогресс в области вспомогательных исторических дисциплин: палеографии и истории письма и книжного дела⁵¹, филигранологии⁵², метрологии⁵³, сфрагистики⁵⁴ и нумизматики⁵⁵. Появились новые учебные пособия по палеографии⁵⁶

⁴⁹ Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в.: По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966.

⁵⁰ Ивина Л. И. Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI–XVII вв. // Зап. Отдела рукописей. М., 1965. Вып. 27. С. 149–163.

⁵¹ Костюхина Л. М. Из истории рукописного дела России XVII века // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 56–76; Бубнов Н. Ю. Портретное изображение писца в лицевой рукописи начала XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 20–27.

⁵² Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения: (Материалы для датировки рукописных и печатных документов) // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению: (К 400-летию русского книгопечатания). Л., 1965. С. 83–192.

⁵³ Клейнбергер И. Э. Унификация вощаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в.: (Из истории внешнеторговой политики Иванского ста) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 82–93.

⁵⁴ Янин В. Л. Именные буллы русских епископов XII — начала XIII в. // Советская археология. 1966. № 3. С. 197–207; Он же. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... С. 163–178.

⁵⁵ Мельникова А. С. Старый псковский денежный двор во время денежной реформы 1654–1663 гг. // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 77–84; Она же. Особенности русского денежного обращения // ИСССР. 1966. № 5. С. 102–113.

⁵⁶ Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1966.

и метрологии⁵⁷. Н. Ф. Котляр говорил о расширении горизонтов нумизматики и углублении ее связей с историей экономики⁵⁸. Мысль М. Н. Тихомирова о том, что «вспомогательные» исторические дисциплины заслуживают переименования их в «специальные» (1961)⁵⁹ получила отклик в работе А. А. Зимина, который считал термин «вспомогательные исторические дисциплины» устаревшим⁶⁰.

В 1965–1966 гг. продолжалось переиздание трудов классиков российской историографии: В. Н. Татищева⁶¹, С. М. Соловьева⁶², М. Н. Покровского⁶³, Б. А. Романова⁶⁴. Вышли первые тома новой 12-томной «Истории СССР», охватывающие период от Древней Руси до XVIII в.⁶⁵

Были опубликованы книги, посвященные истории отдельных регионов России: Полоцкой земли⁶⁶, Дона⁶⁷, страны мари (черемисов)⁶⁸. Все эти работы вводят в научный оборот новый археологический и архивный материал. Особым мастерством источниковедческого анализа и исторического синтеза отличается монография Л. В. Алексеева о Полоцкой земле.

⁵⁷ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965.

⁵⁸ Котляр Н. Ф. Денежное хозяйство и монетное дело Червоной Руси сороковых годов XIV – первой четверти XV в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1965. С. 16

⁵⁹ Тихомиров М. Н. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны // ВИ. 1961. № 4. С. 66–67.

⁶⁰ Зимин А. А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // Тр. научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 125.

⁶¹ Татищев В. Н. История российская в семи томах. М.; Л., 1965–1966. Т. V–VI.

⁶² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965–1966. Кн. XIII–XV, т. 25–29.

⁶³ Покровский М. Н. Избранные произведения в четырех книгах. М., 1965–1966. Кн. 1–2.

⁶⁴ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966.

⁶⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней: в двух сериях, в двенадцати томах: первая серия. М., 1966. Т. I–II.

⁶⁶ Алексеев Л. В. Полоцкая земля: (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.) М., 1966; ср.: Штыхов Г. В. Древний Полоцк: (IX–XIII вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1965.

⁶⁷ История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов [на Дону], 1965.

⁶⁸ Очерки истории Марийской АССР: (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965; ср.: Айплатов Г. Н. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае XVII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1966.

Перейдем к рассмотрению основных проблем, затронутых в работах, вышедших в свет в 1965–1966 гг.

История развития производительных сил в сельском хозяйстве Руси XIV–XVI вв. изучалась в трудах Г. Е. Кочина, М. Н. Тихомирова, И. И. Бурейченко. Г. Е. Кочин уделил большое внимание вопросу о трехполье. Отвергая теорию раннего (XI–XIII вв.) возникновения трехполья, автор вместе с тем не разделяет взглядов тех исследователей, которые относят распространение паровой системы на Руси ко второй половине XV в. Согласно Г. Е. Кочину, трехполье существовало на Руси уже в XIV–XV вв., хотя и сочеталось тогда с подсекой. И. И. Бурейченко считает, что во второй половине XIV в. подсека использовалась для получения пашенной земли. По предположению М. Н. Тихомирова, трехпольная система стала господствующей «вероятно, уже в XIV в.»⁶⁹. Тогда же, по его мнению, появилась и трехзубая соха⁷⁰. Основными аргументами Кочина в пользу датировки начала трехполья XIV в. служили, во-первых, представление о возможностях глубокой вспашки двузубой сохой, во-вторых, наличие «деревень» как признака существования полевого земледелия. Однако присутствие среди инструментария XIV в. двузубых сох, применявшихся на каменистых и лесных почвах, не доказывает распространения трехполья, развитие которого связано с внедрением в конце XV–XVI в. усовершенствованной двузубой сохи с полицей или отрезом⁷¹.

Прямые данные источников о «паренине» и «третьем поле» автор, так же, как и А. Д. Горский⁷², может привести лишь начиная с 60-х годов XV в.⁷³. Поэтому остаются в силе возражения А. А. Зимина против преувеличения степени распространенности трехполья в XIV–XV вв.⁷⁴

Универсальным способом доказательства «типичности» явлений, которые с трудом удастся проследить по дошедшим источникам, служит для

⁶⁹ Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966. С. 52; ср.: Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 129–175, 231–278; Бурейченко И. И. Монастырское землевладение... С. 9.

⁷⁰ Тихомиров М. Н. Средневековая Россия... С. 54; ср.: Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 54–77, 100, 101, 127, 151–166.

⁷¹ См.: Горский А. Д. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI–XVII вв. // МИСХК. М., 1965. Сб. VI. С. 32–33; Горская Н. А. Системы ведения полевого сельскохозяйственного хозяйства в Центре Русского государства второй половины XVI в. // ТДССАИ-66. С. 28.

⁷² См.: Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 31–36.

⁷³ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 54, 72, 77, 100, 101, 127.

⁷⁴ Зимин А. А. Рецензия на книгу А. Д. Горского «Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.» // ИСССР. 1962. № 4. С. 171–172.

Г.Е. Кочина его тезис о «массовой гибели» документов XIII–XV вв.⁷⁵. Наблюдения Ю.Г. Алексеева над содержанием понятия «жить в деревне» не подтверждает полностью мысль Г.Е. Кочина о том, что наличие «деревни» само по себе предполагало существование парового земледелия. По мнению Ю.Г. Алексеева, «жить в деревне значит пахать ее землю»⁷⁶. Однако это выражение не раскрывает механизм системы земледелия.

В книге Г.Е. Кочина читатель найдет разнообразный и тщательно собранный, хотя и статично поданный, материал о производстве зерновых и технических культур, огородничестве, садоводстве, охоте, рыболовстве и «домашней промышленности» XIV–XV вв. Нельзя забывать об энциклопедизме Г.Е. Кочина как автора уникального словаря древнерусских терминов, основанного на глобальном учете всех источников⁷⁷. Кочин отвергает мысль Н.А. Рожкова и А.М. Гневушева о существовании преимущественно скотоводческих и преимущественно земледельческих хозяйств. По его мнению, более или менее успешное развитие скотоводства «не меняло земледельческого облика хозяйства»⁷⁸. Те же вопросы рассматривает М.Н. Тихомиров, но более конспективно. Он делает акцент на натуральном характере хозяйства⁷⁹.

Вопросы истории землевладения освещаются в целом ряде работ. Г.Е. Кочин пытался раскрыть содержание терминов, обозначавших типы сельских поселений в разных районах Руси («деревня», «починок», «пустошь», «село», «селище») ⁸⁰. Л.И. Марасинова связала встречающиеся в источниках определения псковских поселений с характером владения земель («седенье» как надел зависимых людей, в отличие от «села земли») ⁸¹. Ю.Г. Алексеев поставил вопрос о размере переславской деревни XV в. и ее отношении к волости. По мнению автора, первоначально деревня была однодворным поселением с одним или двумя хозяевами, причем во втором случае хозяйство велось на основе «складничества» ⁸². Превращение смердов в сябров-совладельцев прослеживает на псковском материале Л.М. Марасинова. При этом если приведенный Л.М. Марасиновой пример

⁷⁵ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство... С. 172–175, 241.

⁷⁶ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история... С. 19.

⁷⁷ Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937 (487 с.; тираж — 3200 экз.).

⁷⁸ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство... С. 283.

⁷⁹ Тихомиров М.Н. Средневековая Россия... С. 53–60.

⁸⁰ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство... С. 102–128.

⁸¹ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты... С. 151–153.

⁸² Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история... С. 19.

эволюции «смердов» Рожитцкого острова XIII в. в «сябров» XV в.⁸³ кажется сомнительным свидетельством бывшей связи псковских сябров с общиной, то аргументы Ю. Г. Алексеева в пользу общинного прошлого крестьян — владельцев переславских деревень — не менее спорны.

Ю. Г. Алексеев пишет: «В известных нам по актам случаях социальное и юридическое лицо волостного человека определялось прежде всего именно его связью с волостью, принадлежностью к волости, а не владением той или иной деревней. Со страниц актов встают поименно перечисляемые «бармазовцы», «христиане» мишутинские, аргуновские и др.»⁸⁴ Однако автор не указывает, что все эти «бармазовские», «мишутинские» и другие «христиане» фигурируют главным образом в судебных и межевых документах конца XV — начала XVI в. Автор даже не поставил вопроса о том, с какого времени начинают упоминаться в источниках конкретные переславские волости — Бармазовская, Гавинская и т. д., каково их происхождение. Он просто исходит из презумпции тождества этих волостей с крестьянской общиной, хотя сам, во-первых, показывает неоднородность социального состава жителей волости, во-вторых, прослеживает образование новых волостей в первой половине XVI в. — Ясеновской, Енотской, Стоговской — и признает, что в это время понятие «земля царя и великого князя» (а надо сказать и «волость») «покрывает различные исторические явления: волостные земли, сохраняющие черты волостной организации», «бывшие феодальные владения, тем или иным путем потерявшие своего владельца», «земли служебного назначения»⁸⁵.

Г. Е. Кочин проводит мысль о территориальном совпадении волости-общины и «волости», «стана» как административных единиц, установленных княжеской властью, и подчеркивает заинтересованность крестьян в признании их общинной земли «землей великого князя»⁸⁶. Эта точка зрения не нова, но убедительных новых доказательств того, что княжеская «волость» покрывала крестьянскую общину, автор не приводит, наблюдения же Ю. Г. Алексеева, показавшего социальную неоднородность населения переславских «волостей» XV в., прямо противоречит развиваемой Г. Е. Кочиним концепции.

Ю. Г. Алексеев и Г. Е. Кочин довольно подробно остановились на органах волостного самоуправления⁸⁷, однако сам факт наличия этих органов

⁸³ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... С. 145–147.

⁸⁴ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история... С. 22.

⁸⁵ Там же. С. 23–27, 142, 152, 160, 164.

⁸⁶ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 373.

⁸⁷ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история... С. 27–34; Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 373, 374, 381–386.

и слабое вмешательство волостеля в земельные дела волости еще не являются доказательством общинной природы последней. Противоречивую характеристику общине дает И. И. Бурейченко. Он считает ее «организующей силой передвижения крестьянских масс на новые земли». Однако из его изложения не вполне ясно, кто же был организующий силой внутри общины — волостная верхушка или княжеская власть (автор называет в качестве представителей общины «волостную верхушку» и «княжеских волостелей»)⁸⁸. М. Н. Тихомиров говорит, что органы крестьянского самоуправления XIV–XV вв. выбирались «на крестьянском сходе, носившем характерное название „мир“»⁸⁹. Никаких данных о крестьянском сходе в источниках XIV–XV вв. нет.

В актах этого времени термин «мир» не встречается, а слово «миряне» употребляется только в смысле — не монахи (обычно различаются «черньцы» и «миряне»). «Мир» и крестьянский сход фигурируют также в книге Г. Е. Кочина. Однако о сходе автор приводит свидетельство лишь XVI в., а «избы мирские схожие», куда «сходятся крестьяне», упоминаются в писцовой книге начала XVII в.⁹⁰. Трудно допустить наличие таких изб, например, в переславской деревне XV в., состоявшей, по наблюдениям Ю. Г. Алексеева, всего из одного двора. Сведения о «стольце» — центре сбора волостных разметов — появляются в актах не ранее 60-х — 70-х годов XV в. Таким образом, развитие волостного самоуправления прослеживается по источникам как раз в тот период, когда «волость», по признанию Ю. Г. Алексеева да и Г. Е. Кочина⁹¹, не равнозначна общине, частично поглощенной владениями феодалов. Необходимо всесторонне обосновывать возможность распространения поздних свидетельств на более раннее время. Это касается и теории трудового освоения территории общиной⁹² как одного из аргументов в пользу древности волостей-общин.

В литературе 1965–1966 гг. уделялось внимание спорному в нашей историографии вопросу о характере землевладения черной волости. Известно, что в трудах Л. В. Черепнина, А. Д. Горского и др.⁹³ черные земли рассматриваются в качестве разновидности феодального землевладения, при котором собственность на землю принадлежит государству, а право

⁸⁸ Бурейченко И. И. Монастырское землевладение... С. 8.

⁸⁹ Тихомиров М. Н. Средневековая Россия... С. 119.

⁹⁰ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 381 (примеч. 210), 386 (примеч. 231).

⁹¹ Там же. С. 381.

⁹² Там же. С. 383–388; Бурейченко И. И. Монастырское землевладение... С. 8.

⁹³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 162–182; Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян... С. 119–121.

владения — крестьянам, налог же признается формой феодальной земельной ренты в пользу номинального земельного собственника — государства. Сторонники этой точки зрения, строго основанной на учении К. Маркса о земельной ренте⁹⁴, считают поэтому черных крестьян несвободными, феодально-зависимыми.

И. И. Смирнов, приводя высказывание К. Маркса о собственности общины на землю (К. Маркс имел при этом в виду прежде всего шотландский клан, т. е. род, а не сельскую общину)⁹⁵, поддержал другую точку зрения. По его мнению, крестьяне-общинники пользовались не правом владения, а правом собственности на землю, следовательно были свободными, не феодально-зависимыми⁹⁶. Эту концепцию развивает и Г. Е. Кочин. Его аргументы можно свести к трем пунктам: 1) крестьяне черных волостей несли тягло, т. е. платили государственные налоги, а не феодальную ренту, 2) органы волостного самоуправления имели право распоряжаться земельными угодьями, 3) право крестьянских общин на землю возникло в процессе трудового освоения территории⁹⁷.

Второй и третий пункты не являются доказательствами по существу, ибо всякое владение землей связано с ее трудовым освоением, а распоряжение земельными наделами и даже право отчуждения их не служит решающим признаком собственности⁹⁸. Все дело в том, рассматриваем ли мы налоги с черных крестьян как феодальную ренту, т. е. уплату налогов — как реализацию государством права номинального земельного собственника, или мы считаем эти налоги результатом чисто политических отношений, взносами граждан на содержание публичной власти. При первом допущении надо признать наличие производственных отношений феодального типа между государством и крестьянами, следовательно, крестьян — частично несвободными, при втором допущении приходится констатировать наличие только политических отношений между государством и крестьянами и,

⁹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. Т. 25, ч. II. С. 353, 354.

⁹⁵ Там же. Т. 8. С. 523, 524; Т. 23. С. 248, 249, 735, 736, 740.

⁹⁶ Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. // ИСССР. 1962. № 2. С. 148–152.

⁹⁷ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 370, 388.

⁹⁸ Цитируя льготную сямского соцкого 1493 г., Г. Е. Кочин приводит только те слова источника, из которых можно сделать вывод о независимом, свободном распоряжении крестьян волостными землями: «...се яз, соцкой сямской Сидор, поговоря есми с людьми добрыми с сямлены, з болшими и с меньшими...» (Там же. С. 374). При этом автор опускает начало цитируемой фразы, свидетельствующее о наличии контроля над действиями крестьян со стороны великокняжеского аппарата власти: «По грамоте великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, доложу Данилова тиуна Кобяка, сямского волостеля» (АСЭИ. М., 1958. Т. II. № 293. С. 249).

значит, свободы крестьян. Г.Е. Кочин обходит эту дилемму, без всяких оговорок расценивая тягло, государственные налоги как проявление лишь политических отношений, определявшихся «общественными и государственными нуждами»⁹⁹. На этом и построено его доказательство крестьянской свободы, но само оно как раз и нуждается в доказательствах.

Классическим образцом налогов — взносов граждан на содержание публичной власти — являются налоги в буржуазном обществе, где они не служат формой реализации производственных отношений между государством и какой-либо группой или классом. Но в буржуазном государстве налоги носят всеобщий характер, т.е. распространяются на все население. Этот всеобщий характер налогов совершенно чужд феодальному обществу с его иерархической структурой собственности, системой корпоративных прав и привилегий. Государственные налоги с какой-то группы населения нельзя рассматривать в отрыве от специфики податного строя средневекового государства в целом. Оценка средневековых отношений в чисто экономических формулах собственности, владения, свободы, выработанных в политической экономии на основе анализа буржуазной общественной структуры, не может дать нам ясного понятия о специфике феодального общества и государства.

Сходство между феодальным государством и так называемыми «частными» феодалами заключалось в том, что власть тех и других не носила чисто экономического или чисто политического характера. И тот и другой вид господства представлял собой смешение публичного и частного права, свойственное, по словам Маркса, всем средневековым установлениям¹⁰⁰. Средневековое государство не было выборным органом народа, поэтому оно не могло иметь чисто политического отношения к земле, представлявшей номинальную собственность государства. Значит, непосредственные владельцы земли, обрабатывая ее и выплачивая налог государству, вступали в определенную форму производственных отношений с ним. Одновременно это была и форма политических отношений, но не подданных к государству, а вассалов к сюзерену.

По мнению И.И. Бурейченко, «в феодальном обществе верховная собственность на землю принадлежала сюзерену — великому или удельному князю, а также феодальной республике. Реальным владельцем земли... выступал феодал или крестьянская община. Землевладелец мог передать землю в держание третьим лицам (из разных слоев общества), отдавать ее в надел крестьянам»¹⁰¹. Тут даже земля феодала, поставленная

⁹⁹ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство... С. 380.

¹⁰⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. Т. I. С. 128–129.

¹⁰¹ Бурейченко И.И. Монастырское землевладение... С. 11, 13; ср.: Снесаревский П.В. Влияние крестьянских побегов на экономическое развитие в России

на одну ступень иерархии с общинной землей, признается не «собственностью», а «владением». С такой трактовкой согласиться трудно. Образование «частнофеодальной» собственности означало дробление государственной собственности на землю, ограничение экономических и политических прав носителей верховной власти, что однако приводило не к полному исчезновению этих прав, а к известному разделению экономической власти и сюзеренитета над крестьянами между землевладельцем и князем. Нельзя принять и точку зрения А. В. Чернова, который, критикуя «вотчинную теорию» средневекового государства, впадает в другую крайность и представляет феодальное государство по существу в виде чисто «политического» государства буржуазного типа¹⁰².

Ю. Г. Алексеев, так же как и Г. Е. Кочин, считает крестьянскую общину свободной. С его точки зрения, владения волостных крестьян — «непривилегированная, ограниченная собственность нефеодального характера (т. е. не связанная с политическим господством над непосредственными производителями), эта собственность — перерождающаяся в условиях феодального государства прежняя дофеодальная собственность свободных общинников». Фактически автор ничем не доказывает свой тезис о «нефеодальном» характере общинной «собственности». Изображение ее в виде собственности, не связанной «политическим господством над непосредственными производителями»¹⁰³, находится в полном противоречии с фактом подчинения волости княжеской власти в судебно-административном и финансовом отношении.

Дофеодальными можно считать такие отношения, когда свободный общинник («муж» Русской Правды по Н. Л. Рубинштейну¹⁰⁴) не платит дани князю (по И. Я. Фроянову)¹⁰⁵. Компромиссную позицию в этом вопросе занял М. Н. Тихомиров. С одной стороны, академик говорит, что в XIV–XV вв. «наряду с феодальным землевладением существовали еще остатки старого общинного землевладения», с другой стороны, это общинное землевладение он признает «группой феодального землевладения, но феодального землевладения на особом праве»¹⁰⁶.

XVII в. // Калужский гос. пед. институт им. К. Э. Циолковского. Тезисы докладов на 13-й научной конференции (24–26 февраля 1966 г.). Калуга, 1966. С. 14.

¹⁰² Чернов А. В. О зарождении приказного управления в процессе образования Русского централизованного государства // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 19.

¹⁰³ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история... С. 40.

¹⁰⁴ Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 5, 9.

¹⁰⁵ Фроянов И. Я. Зависимое население на Руси IX–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1966. С. 12, 13.

¹⁰⁶ Тихомиров М. Н. Средневековая Россия... С. 119, 120.

Г.Е. Кочин и Ю.Г. Алексеев по-разному трактуют поземельные права отдельных членов волости. Г.Е. Кочин видит в волостных землях и угодьях «коллективную» собственность общины, а не «частную» собственность отдельных крестьян¹⁰⁷. Ю.Г. Алексеев, напротив, характеризует землю волостного человека как аллод, «собственность владельца», хотя и подчеркивает, что это пережиток общинной собственности, остающийся по своему происхождению и хозяйственному положению «частью волостной общинной территории»¹⁰⁸.

Изучение истории феодального землевладения шло в рассматриваемое время несколькими уже давно сложившимися в нашей науке путями: порайонное исследование (Ю.Г. Алексеев, Л.М. Марасинова), исследование землевладения отдельной крупной вотчины (А.Н. Сахаров, А.М. Борисов¹⁰⁹), исследование в общерусском масштабе, но в узких хронологических рамках (И.И. Бурейченко). Особенно важным кажется применение картографирования земельных владений (Ю.Г. Алексеев, Л.И. Марасинова, И.И. Бурейченко), помогающего более точному и конкретному анализу социальных явлений.

Ю.Г. Алексеев провел конкретное исследование истории складывания и развития светского и монастырского землевладения с конца XIV до начала XVII в. на территории Переславль-Залесского уезда. Весьма интересны его выводы об этапах поглощения черной волости «частнофеодальным» землевладением. Автору принадлежит ряд важных наблюдений и соображений относительно характера светского землевладения: происхождение части мелких вотчин из крестьянского аллода; ограниченность вкладов в монастыри владений феодалов средней руки в XV в.; устойчивость боярских вотчин в это время; медленность изменения «личного состава» феодалов в XV — первой половине XVI в. и, наоборот, значительные перемены в 60–80-х годах XVI в.; увеличение роли поместья в первой половине XVI в., прежде всего в тех станах, «где феодальные отношения в XV в. были недостаточно развиты и преобладала волостная крестьянская община»; частое сочетание вотчинника и помещика в одном лице; вытеснение вотчины помещьем с 60–80-х годов XVI в.; изменение характера вотчины в конце XVI в. в сторону сближения с помещьем. Установленное автором резкое замедление роста монастырского землевладения с 80-х годов XV в. до 20-х годов XVI в. можно поставить в связь с наиболее последовательным ограничением монастырского иммунитета именно в этот период. Прослеженный в книге приток земель в монастыри в годы опричнины подтверждает наблюдения на этот счет С.Б. Веселовского.

¹⁰⁷ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство... С. 386.

¹⁰⁸ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история... С. 23.

¹⁰⁹ Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVIII веках. Петрозаводск, 1966.

Специальное внимание было обращено на характер монастырей как землевладельцев. И. У. Будовниц и И. И. Бурейченко придают большое значение начавшемуся со второй половины XIV в. переходу от особножитийного (келлиотского) монастырского устава к общинно-житийному. Монастыри келлиотского типа, распространенные до этого времени, названные авторы не считают феодалами-землевладельцами. Г. Е. Кочин, И. И. Бурейченко, Ю. Г. Алексеев, И. У. Будовниц единодушны в признании того обстоятельства, что «вопреки утверждению буржуазных и церковных историков, не крестьянин шел за монахом, а монахи продвигались по проторенным уже путям народной колонизации... Монастыри внедрялись в уже существующие крестьянские волостные миры, постепенно присваивали их земли и превращали окрестное население в феодально-зависимых людей»¹¹⁰.

Довольно противоречива в литературе 50–60-х годов оценка поглощения черных земель «частными» феодалами. С одной стороны, историки видят в этом переход от «дофеодальных» отношений к феодальным. Значит, явление это прогрессивное, связанное с более высоким уровнем производства и производственных отношений. С другой стороны, само наступление «частных» феодалов на черные земли рассматривается как нечто отрицательное и даже реакционное. Невыясненным остается вопрос о том, почему великокняжеское правительство, казалось бы заинтересованное в сохранении черных земель, облагавшихся налогами целиком в пользу государства, поощряло монастыри в их захватах черных земель (в подавляющем большинстве дошедших судных списков и правых грамот стороной, выигравшей тяжбу, оказываются монастыри, а стороной проигравшей — волостные крестьяне). Правда, А. А. Зимин делает из того же материала другой вывод: «...Создается впечатление, что правительство как бы благосклонно смотрело на крестьянские претензии к монастырям»¹¹¹.

По-новому рассмотрен в литературе 1965–1966 гг. вопрос об эволюции форм ренты и категориях крестьянства XV–XVII вв. Так, Г. Е. Кочин подчеркнул преувеличение в предшествующих трудах удельного веса барщины в XV в. Л. В. Данилова пришла к выводу, что не барщина была источником крепостничества, а наоборот, крепостничество было источником барщины¹¹². А. Н. Сахаров акцентировал внимание на развитии «антикрепостнических» тенденций в сельском хозяйстве XVII в. Речь идет

¹¹⁰ Будовниц И. У. Монастыри на Руси... С. 357, 358.

¹¹¹ Зимин А. А. Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV–XVI века // ВИ. 1965. № 3. С. 41.

¹¹² Данилова Л. В. К проблеме типа феодальных отношений в России // ТДССАИ-65. М., 1965. С. 36.

о росте хозяйственной инициативы крестьян, увеличении удельного веса денежной ренты, отходничестве и др., т. е. постепенном вызревании в рамках феодальной экономики и под цепями крепостного права элементов буржуазного уклада. Этим тенденциям автор противопоставляет «крепостничество». Д. П. Маковский полагал, что «капиталистическая система зародилась в России в XVI в.»¹¹³. А. М. Борисов оспаривает концепцию Маковского и настаивает на феодальной основе перестройки хозяйства в крупной монастырской вотчине XVI в. и росте крепостничества как источнике увеличения доходов землевладельцев¹¹⁴. Л. В. Данилова также считает XVI в. в России временем прогрессирующего крепостничества. «XVII и значительная часть XVIII столетия — это период не начавшегося разложения, а, напротив, укрепления и наивысшего расцвета феодально-крепостнической системы в России»¹¹⁵.

А. А. Преображенский, рассматривая структуру земельной собственности в России XVII–XVIII вв., заметил, что барское хозяйство неуклонно растет в ущерб крестьянскому, возникает земельный голод крестьянства. «Тем самым постепенно нарушался один из основных принципов существования феодального хозяйства — наделение крестьянина средствами и орудиями производства, в первую очередь — землей»¹¹⁶. Появление «захватного землепользования» на окраинах в результате крестьянской колонизации XVII–XVIII вв. было другим способом подрыва феодальной системы производства. В нем автор видит «ростки буржуазной земельной собственности». Тому же служила «практика передачи обширных земельных угодий во владение купцам-промышленникам».

В научной литературе 1965–1966 гг. активно разрабатывались вопросы истории различных категорий сельского населения Древней Руси. О холопах писали И. Я. Фроянов¹¹⁷, А. А. Зимин¹¹⁸, А. П. Пьянков¹¹⁹,

¹¹³ Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963. С. 518.

¹¹⁴ Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря... С. 36–43.

¹¹⁵ Данилова Л. В. К проблеме типа феодальных отношений... С. 36.

¹¹⁶ Преображенский А. А. Структура земельной собственности в России XVII–XVIII вв. // ТДССАИ-66. С. 175.

¹¹⁷ Фроянов И. Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестн. ЛГУ. 1965. № 2. Сер. истории, языка и литературы, вып. 1. С. 83–93; Он же. Зависимое население на Руси IX–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды).

¹¹⁸ Зимин А. А. Холопы Древней Руси // ИСССР. 1965. № 6. С. 39–75; Он же. Холопы на Руси XIV–XV вв. // ТДССАИ-66. С. 69–71; Зімін О. О. Устав про холопів — пам'ятка з історії холопства в Київській Русі // Укр. іст. журн. 1966. № 7. С. 48–60.

¹¹⁹ Пьянков А. П. Холопство на Руси до образования централизованного государства // ТДССАИ-65. С. 19–23.

В. М. Панеях¹²⁰. Одновременно изучалось положение смердов¹²¹. Термину «холоп» предшествовал термин «челядь», которым, по Фроянову, обозначались рабы-пленники, а, по Зимину, рабы вообще. Разница между челядином и холопом не в положении, а в происхождении, считает Фроянов: «Холоп был продуктом выпадения крестьян из сельской общины, с одной стороны, и формирования крупного владельческого хозяйства, с другой»¹²². А. А. Зимин полагает, что термин «холоп» появился тогда, когда рабов стали сажать на землю, но в их составе были и смерды, поэтому для обозначения собственно холопов в Пространной Правде при Владимире Мономахе вводится понятие «обельный холоп»¹²³.

Согласно Н. Л. Рубинштейну, «свободному общиннику — мужу — противостоит патриархальный раб-челядин»¹²⁴. П. А. Пьянков утверждает, что «холопы, наделенные землей (пекулием), в период феодальной раздробленности, не говоря уже о более ранней поре, никогда не составляли значительной части сельского населения Руси»¹²⁵. Между тем А. А. Зимин говорит о «значительной роли холопского труда в феодальной вотчине XIV–XV вв.», объясняя это «незавершенностью процесса крестьянского закрепощения в условиях продолжающейся внутренней колонизации страны»¹²⁶.

Не вполне ясно, что имел в виду П. А. Пьянков, заявляя, что на Руси «замедленный процесс развития феодального строя не дал возможности рабам, наделенным пекулием, превратиться в сервов»¹²⁷. Но превратиться в смердов не помешал? А ведь у смердов и сервов есть разительные черты сходства. На выморочное имущество тех и других распространялось владельческое право сеньора («main morte» у французов) или князя («задница» Русской Правды).

Л. М. Марасинова на частном примере попыталась проследить превращение смердов XIII в. в сябров XV в.¹²⁸ Она опиралась на текст весьма

¹²⁰ Панеях В. М. Уложение 1597 г. о холопстве // ИЗ. М., 1965. Т. 77. С. 154–190; Он же. К вопросу о происхождении кабального холопства // ЕАИВЕ. С. 111–120.

¹²¹ Фроянов И. Я. Крестьяне-данники на Руси X–XII вв. // ТДССАИ-65. С. 12–13; Он же. Смерды в Киевской Руси // Вестн. ЛГУ. Л., 1965. № 2. Сер. истории, языка и литературы, вып. 1. С. 62–73; Он же. Зависимое население... С. 10–16.

¹²² Фроянов И. Я. О рабстве... С. 91.

¹²³ Зимин А. А. Холопы Древней Руси. С. 39–75.

¹²⁴ Рубинштейн Н. Л. Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 10.

¹²⁵ Пьянков П. А. Холопство на Руси... С. 22.

¹²⁶ Зимин А. А. Холопы на Руси XIV–XV вв. С. 69–70.

¹²⁷ Пьянков П. А. Холопство на Руси... С. 22.

¹²⁸ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... С. 147.

сомнительной (скорее всего подложной) грамоты XIII в. и исходила из представления о том, что смерды — это свободные общинники¹²⁹. Противоположной точки зрения придерживается И. Я. Фроянов. Он считает смердами бывших рабов, посаженных на землю и обложенных данью. При этом автор различает «внешних смердов», платящих дань-контрибуцию, и «внутренних смердов», платящих дань-ренту¹³⁰. Заметим, что источники не знают такой терминологии и такой стратификации. А. А. Зимин предполагает присутствие смердов в составе холопов¹³¹. Думается, следовало бы обратить больше внимания на различия в положении холопов и смердов. Обе эти категории выступают у Фроянова как рабы, посаженные на землю. Если признается, что «внутренние смерды» платили ренту землевладельцу, значит их можно считать феодально-зависимыми, и само наличие такой категории населения свидетельствует о явных элементах феодального строя уже во времена, по крайней мере, Ярослава Мудрого. Но феодалом было только государство, ибо смерды зависели не от частных владельцев, а от главы государства — князя или заменявших его в этой роли городов-сеньоров — Новгорода и Пскова. Распространение холопства говорит, наоборот, о признаках рабовладельческого уклада. Обе тенденции сосуществуют и развиваются при наличии в обществе также свободных мужей как наследия военной демократии предшествующего периода.

Социальный состав крестьянства более позднего периода изучался в трудах Л. В. Черепнина, В. И. Корецкого, А. А. Зимина, А. Н. Сахарова и др. «Сирот» средневековой Руси Л. В. Черепнин уподоблял закупам и считал, что они стремились добиться для себя прав смердов¹³². Г. Е. Кочин возражал против противопоставления «новопорядчиков» «старожильцам»¹³³. В. И. Корецкий, продолжая тему, актуализированную исследованиями А. Л. Шапиро, исследовал положение бобыльства в конце XVI — начале XVII в.¹³⁴ Этой и другим прослойкам сельского населения XVII в. уделил внимание и А. Н. Сахаров¹³⁵. Ю. А. Тихонов проследил некоторые пути слияния различных категорий зависимых людей в боярских и дворянских усадьбах (деловые, дворовые, задворные, кабальные, крепостные,

¹²⁹ Там же. С. 156.

¹³⁰ Фроянов И. Я. Зависимое население... С. 14–17; Он же. Смерды... С. 67–72, 73.

¹³¹ Зимин А. А. Холопы Древней Руси... С. 39–75.

¹³² См.: ДГМЗ. С. 242–244.

¹³³ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 396–416.

¹³⁴ Корецкий В. И. Сельское бобыльство в России и процесс закрепощения // ТДССАИ-66. С. 71–72.

¹³⁵ Сахаров А. Н. Эволюция категории крестьянства в XVII в. (критико-историографический очерк) // ВИ. 1965. № 9. С. 51–61.

старинные) и в округе (крестьяне, бобыли, захребетники, соседи)¹³⁶. В.М. Панеях поддержал идею Л.В. Черепнина о связи происхождения кабального холопства с процессом развития сделок по займу «серебра»¹³⁷. А.А. Зимин показал использование «деловых людей» на сельскохозяйственных работах в XVII в.¹³⁸ При этом автор подчеркивает, что «деловые люди были очень далеки от вольнонаемных рабочих»¹³⁹. З.А. Огризко коснулась вопроса о социальном расслоении черносошного крестьянства в XVII в. По ее наблюдениям, имущественное неравенство среди черносошных крестьян было неустойчивым, и «столкновения между „сильными“ и остальными крестьянами не могут быть рассматриваемы как борьба между бедными и богатыми»¹⁴⁰.

1965–1966 гг. — это время неослабевающего внимания советской историографии к истории «классовой борьбы» в дореволюционной России. Ей посвящались публикации новых или малоизвестных источников¹⁴¹, обобщающие монографии¹⁴² и теоретические статьи¹⁴³, исследования отдельных этапов¹⁴⁴ и частных случаев¹⁴⁵. Особо изучалась такая форма

¹³⁶ Тихонов Ю.А. Боярские и дворянские владения... С. 78–79.

¹³⁷ Панеях В.М. К вопросу о происхождении кабального холопства. С. 111–120.

¹³⁸ Зимин А.А. Хозяйственный год в с. Павловском // МИСХК. Сб. VI. С. 64–83.

¹³⁹ Там же. С. 76.

¹⁴⁰ Огризко З.А. Кто такие сильные, горланы и ябедники в черносошной деревне XVII века: (К вопросу о расслоении крестьянства в XVII веке) // ТДССАИ-66. С. 76.

¹⁴¹ Анпилов Г.Н. Новые материалы о крестьянской войне под руководством И. Болотникова // ВИ. 1966. № 12. С. 199–202; Смирнов И.И. Из истории восстания Болотникова: (поволжские отписки, найденные В.И. Корецким, и «правительство» «царя Димитрия») // ИСССР. 1966. № 3. С. 67–78; Маньков А.Г. Людвиг Фабрициус о крестьянской войне под предводительством С. Разина // ВИ. 1966. № 5. С. 202–206.

¹⁴² Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966; Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.: Восстание Степана Разина. Л., 1966. Т. 1.

¹⁴³ Зимин А.А. Основные этапы и формы классовой борьбы... С. 38–52; Шапиро А.Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII вв. в России // ВИ. 1965. № 5. С. 61–80; Огризко З.А. К вопросу о классовой борьбе черносошного крестьянства в первой половине XVII в. // ТДССАИ-65. С. 33–35.

¹⁴⁴ Чистякова Е.В. Народные движения в России в середине XVII в.: (1635–1649): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1966; Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря... С. 210–282; Он же. Церковь и восстание под руководством С. Разина // ВИ. 1965. № 8. С. 74–83; Горский А.Д. «Правые грамоты» XV — начала XVI в.... С. 200–201.

¹⁴⁵ Брайчевский М.Ю. Антифеодальное восстание 945 года // ТДССАИ-66. С. 199; Буганов В.И. Кто был главным предводителем «Медного бунта» 1662 г. в Москве // ВИ. 1965. № 3. С. 209–210.

классовой борьбы, как крестьянские побег¹⁴⁶. При этом подчеркивались положительные результаты побегов для общего развития страны. По мнению П. В. Снесаревского, побег увеличивали сельскохозяйственную продукцию, так как вели к заселению новых районов. Одновременно они увеличивали и промышленную продукцию, способствуя росту городского населения. Оба эти фактора являлись вкладом в распространение «товарных элементов», эволюцию крестьянского землевладения в сторону частной собственности, дифференциацию крестьянства и создание предпосылок перехода к капитализму. Классовая борьба крестьянства, «еще не разрушая феодального строя, содействовала формированию в нем таких элементов, которые готовили почву для развития новых производственных отношений»¹⁴⁷. Данная концепция не могла вполне согласоваться с показом отрицательного влияния крестьянских побегов на запустение Центра и хозяйственное разорение страны в конце XVI — начале XVII в.¹⁴⁸. Крестьянские побег рассматривались больше в связи с историей колонизации новых районов и развития в них более передовых методов экономики¹⁴⁹.

Представляют интерес некоторые обобщения из области аграрной проблематики, прозвучавшие в литературе 1965–1966 гг. Они основаны либо на сравнении разновременных источников, либо на анализе большого статистического материала. Так, Н. А. Горская и Л. В. Милов, тщательно сравнив технологию сельскохозяйственного производства в центральных областях Русского государства в разные периоды — в начале XVII в., с одной стороны, и в середине XVIII в. — с другой, пришли к выводу, что «в условиях натурального хозяйства со свойственным для него рутинным характером техники происходило хотя и медленное, но неуклонное и весьма заметное совершенствование земледельческого производства»¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Снесаревский П. В. Влияние крестьянских побегов... С. 14–15; Заничева Л. Г. Крестьянские побег во второй половине XVII в.: (по материалам сыска Г. С. Исупова в Мещерском крае) // ЕАИВЕ. С. 231–239.

¹⁴⁷ Снесаревский П. В. Влияние крестьянских побегов... С. 15; ср.: Преображенский А. А. Структура земельной собственности... С. 175.

¹⁴⁸ Об этой стороне дела см.: Корецкий В. И. Хозяйственное разорение русской деревни во второй половине XVI в. и правительственная политика // ТДССАИ-65. С. 23–24.

¹⁴⁹ Корецкий В. И. Крестьянская колонизация и особенности процесса закрепощения на юге России в конце XVI в. // ЕАИВЕ. С. 90–103; Загоровский В. П. Земледельческое население в придонских уездах на Белгородской черте и возникновение первых сел «за чертой» // Там же. С. 199–207; Швецова Е. А. Колонизация Тамбовского уезда в XVII веке // Там же. С. 208–216.

¹⁵⁰ Горская Н. А., Милов Л. В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия центральной России начала XVII и второй половины XVIII в. // ЕАИВЕ. С. 192.

В. К. Яцунский заметил, что «до конца XVIII в. помещичье хозяйство не отличалось в техническом отношении от крестьянского», наиболее передовой во всех отношениях была Прибалтика, а вообще Россия в целом отставала от Западной Европы (особенно от Германии), США, Австралии, Аргентины и др.¹⁵¹ Историк видит «веками сложившуюся картину экстенсивного и технически отсталого сельского хозяйства дореволюционной России»¹⁵².

П. А. Колесников по материалам Севера Европейской части России XVI–XIX вв. выявил такую закономерность развития русской деревни в это время, как неуклонный рост числа дворов, т. е. увеличение размеров деревень: «Дворность деревни возрастает почти во всех уездах»¹⁵³. Вместе с тем автор не наблюдает роста товарности зернового производства в Вологодской губернии после XVII в.: «Вологодская губерния только в XVII в. жила без зернового дефицита и имела небольшие товарные фонды, да и то в годы, благоприятные для выращивания зерновых культур... После XVII в. зерновой баланс был отрицательный, товарного хлеба губерния за свои пределы не могла давать»¹⁵⁴.

Вопросами численности и размещения крестьянского населения в XVII в. занимался Я. Е. Водарский. Собранные им данные показали, что в Московской и Владимирской губерниях в XVII в. нехватки земли на душу населения еще не было. Она стала ощущаться только к концу XVIII в.¹⁵⁵. В конце XVII — начале XVIII в. крестьянство, согласно подсчетам Водарского, «составляло 90% населения и три четверти его было крепостным»¹⁵⁶. Сопоставим с этим высказывание В. К. Яцунского, утверждавшего, что посадское население в XVII в. составляло 3% от общего числа жителей, а в конце XVIII в. на городские сословия приходилось 4% населения Европейской России¹⁵⁷. Следовательно, на дворянство и разночинцев остается 7% населения.

¹⁵¹ Яцунский В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года // ЕАИВЕ. С. 61.

¹⁵² Там же. С. 64.

¹⁵³ Колесников П. А. Динамика сельского населения и сельских населенных пунктов Севера Европейской России в XVI–XIX вв. // ТДССАИ-66. С. 74.

¹⁵⁴ Колесников П. А. Динамика посевов и урожайности на землях Вологодской губернии в XVII–XIX вв. // ЕАИВЕ. С. 248.

¹⁵⁵ Водарский Я. Е. Изменения количества земли и пашни, приходившейся на одну душу м. п., в Московской и Владимирской губерниях в XVII–XIX вв. // ТДССАИ-65. С. 92–94; Он же. Размещение крестьянства в России во второй половине XVII в. // ТДССАИ-66. С. 77–79.

¹⁵⁶ Водарский Я. Е. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в.: (по писцовым и переписным книгам) // ЕАИВЕ. С. 230.

¹⁵⁷ Яцунский В. К. Основные моменты... С. 58.

М. Я. Лойберг и Б. Э. Шляпентох развили идею о связи военного дела с феодальной системой производства. Поскольку рабочим элементом последней является внеэкономическое принуждение, необходима военная сила для его осуществления. «Техническую базу тяжеловооруженной кавалерии можно считать наиболее общим материальным фактором оптимальности феодальной системы», — пишут авторы¹⁵⁸. В плане связи с внеэкономическим принуждением эта база, вероятно, наиболее важна для времен так называемой «разбойной сеньории», когда вооруженный и укрепленный замок господствует над окружающей его сельской местностью. В условиях же «банальной сеньории» военные способы принуждения частично заменяются установленными административно-полицейскими порядками. Впрочем, весьма интересно, что крупные русские монастыри обносятся каменными стенами и превращаются в вооруженные замки-крепости в XVI–XVII вв., в эпоху «банальной сеньории» и централизованного государства, наличие которого, казалось бы, могло обеспечивать их безопасность. От кого же они отгораживались толстыми стенами с бойницами? Почему не делали этого в татарский период, когда нападения можно было ждать каждый день?

Остановимся на вышедших в 1965–1966 гг. исследованиях, посвященных истории политического строя и внутренней политики феодальной России. Проблема политической структуры Древнерусского государства затронута в широком плане в работах В. Т. Пашуто. При постановке вопроса об истоках Древнерусского государства В. Т. Пашуто поддерживает утвердившуюся в литературе мысль о том, что славянские племена, фигурирующие в Повести Временных лет, «были на самом деле политическими объединениями», а Древняя Русь представляла собой «конфедерацию княжений, выросших на землях бывших племен»¹⁵⁹. К сожалению, автор не уделил достаточного внимания проблеме происхождения княжеской власти и ее социальной основе, ограничившись общей ссылкой на то, что князь выражал интересы знати, на службу которой он становился. Однако, поскольку большую часть населения Древнерусского государства составляли, по-видимому, свободные мужи периода «военной демократии», необходимо исследовать вопрос о степени соответствия функций и характера княжеской власти интересам этой категории людей.

В. Т. Пашуто дает новую постановку вопроса о взаимоотношениях русских княжеств с политическими образованиями народов, являвшихся данниками Руси и входивших в состав Древнерусского государства. Автор

¹⁵⁸ Лойберг М. Я., Шляпентох Б. Э. Общие факторы формирования феодальной системы хозяйства в Восточной Европе // ТДССАИ-66. С. 147.

¹⁵⁹ ДГМЗ. С. 15, 83.

намечает здесь три основные линии связей: во-первых, экономическую, во-вторых, военно- и церковно-политическую, дипломатическую и династическую и, наконец, в-третьих, тенденцию к сближению трудящихся масс по линии «классовой борьбы» (одновременность некоторых восстаний и др.). Весьма сложен вопрос о так называемых «экономических» связях. Автор считает, что в основе экономического взаимодействия лежало «естественно-географическое разделение труда, исторически сложившаяся неравномерность развития хозяйства у отдельных народов нашей страны». Однако торговле с народами, попавшими под власть Руси, автор уделяет всего полстраницы¹⁶⁰, сведя основное содержание экономических отношений к получению даней, хотя сбор дани с подчиненных народов — явление политическое по преимуществу, и рассмотрение его как формы экономических отношений требует специального обоснования. Интересна прослеженная автором связь борьбы народов на Руси и в подчиненных ей землях, однако следовало бы, как нам кажется, осторожнее говорить о ее характере. Очевидно, эта борьба, будучи социально-политической, далеко не всегда являлась «классовой» в строгом смысле слова.

Чрезвычайно интересные наблюдения о роли церкви в складывавшейся феодальной системе отношений на Руси содержатся в статье Я. Н. Щапова. Его работа отличается широким использованием иностранных параллелей. Автор неоднократно обращается к ранней истории церкви в Польше, Норвегии, Исландии. Эти параллели кажутся нам удачными и методологически оправданными. В центре исследования автора — вопрос о десятине и ее эволюции. Вопрос этот очень важен и до работы Я. Н. Щапова был крайне слабо изучен. Автор разделяет мнение, что древнерусская десятина была не формой церковного землевладения, а долей «раннефеодальной ренты»¹⁶¹. В ее состав входили отчисления от княжеских даней, судебных и торговых пошлин. По наблюдениям Я. Н. Щапова, к середине XII в. происходит отмирание десятины от даней, вир и продаж, а позднее — и от торговых сборов. Говоря о замене десятины «другими формами ренты», автор верно указывает, с одной стороны, сокращение источников десятины в связи с развитием феодального землевладения и иммунитета (узурпация феодалами даней и судебных пошлин) и, с другой стороны, превращение самой церкви в феодального земельного собственника, ставшего присваивать ренту в новых формах. И тем не менее, проблема эволюции десятины во второй половине XII–XIV вв. остается еще не вполне ясной. Во всяком случае, конкретных данных о метаморфозе десятины в это время слишком мало.

¹⁶⁰ Там же. С. 92, 101.

¹⁶¹ Там же. С. 300.

С некоторыми теоретическими положениями Я. Н. Шапова мы не можем полностью согласиться. Думается, что автор несколько расширительно толкует понятие «рента», относя сюда не только дани, но и судебные и даже торговые (таможенные) пошлины. Такая интерпретация «ренты», особенно включение в нее торговых пошлин, разрушает основу самого понятия «рента» как прежде всего земельной ренты. Судебные и торговые пошлины собирались княжеской властью с представителей всех слоев населения, в том числе и с тех, которые находились лишь в политических, а не в производственных отношениях с княжеской властью (бояре, купцы и др.).

Использование Я. Н. Шаповым термина «иммунитет» также вызывает известные возражения. Когда Я. Н. Шапов говорит о развитии иммунитета местных феодалов, на это нам нечего возразить. Но когда в виде «иммунитета» выступает право церковного суда по отдельным видам преступлений или когда речь идет «о выдаче (церкви. — С. К.) судебного иммунитета по определенным делам»¹⁶², тут мы сталкиваемся уже с совершенно иным пониманием природы иммунитета. Как нельзя считать политические права удельных князей «иммунитетом» по отношению к великокняжеской власти, так нельзя, на наш взгляд, считать «иммунитетом» и политические права церкви не в пределах собственно церковных земель. Разделение политической власти между разными институтами приобретает характер иммунитета лишь при условии, что контрагент великокняжеской власти, получающий определенные политические права, распространяет их на население, находящееся в определенных производственных отношениях с ним как с номинальным земельным собственником. Не приходится сомневаться в наличии иммунитета церкви над разными категориями людей, живущих на земле, которая является церковной собственностью. Что же касается судебных прав церкви в области дел, по которым ей были подсудны все подданные великого или удельного князя, то рассматривать эти права как форму церковного иммунитета мне не представляется возможным.

Население, подвластное суду церкви по ряду дел, включало в себя представителей разных социальных групп, в том числе и феодалов-иммунитетов, и крестьян, находившихся под иммунитетом этих феодалов. Следовательно, функциональный церковный суд — по существу разновидность государственного суда, а не иммунитет от него.

Я. Н. Шапов правильно подчеркнул отражение в самом институте десятины X–XII вв. феодальной незрелости тех общественных отношений, которые ее породили¹⁶³. С тем большей осторожностью, как нам кажется,

¹⁶² Там же. С. 292, 296.

¹⁶³ Там же. С. 326.

нужно пользоваться при характеристике этого института понятиями ренты и иммунитета, получившими определенное содержание в условиях сложившегося феодализма.

Очень интересен поставленный Я. Н. Щаповым вопрос о месте церкви в общественной структуре Руси X–XII вв. Автор пишет: «В какой-то степени инородное образование, выросшее не на почве разложения первобытнообщинного строя, а перенесенное на эту почву извне, христианская церковь лишь в течение первого века своего существования могла настолько вклиниться в феодализирующееся общество, что стала равноправным членом господствующего класса, а в дальнейшем даже привилегированным его членом»¹⁶⁴. В какой же мере церковь на ранней стадии своего существования не соответствовала общественной структуре древней Руси? На основании данных о церковно-монастырском землевладении, появившемся, по наблюдениям Я. Н. Щапова, не раньше второй половины XI в., автор делает вывод, что церковь первоначально отставала: «В системе феодальной собственности на Руси в X–XII вв. церковь... занимает свое место сравнительно поздно, когда другие институты — княжеское, боярское землевладение — уже существовали и были результатом относительно долгого внутреннего развития восточнославянского общества»¹⁶⁵. Есть ли, однако, основания для такого противопоставления ранней истории церковного и светского землевладения? На наш взгляд, довольно трудно говорить о сколько-нибудь широком распространении «частнофеодального» (дворцово-княжеского или боярского) землевладения до второй половины XI в. Так что если церковь тут и отставала, то незначительно. С другой стороны, несмотря на заимствование идейно-организационных форм христианской церкви, она не являлась инородным образованием, ибо само заимствование было обусловлено разложением предшествующей общественной структуры и зарождением социальных отношений нового типа.

Показателен круг дел, ранее всего переданных в ведение церкви: «Это дела о разводах... двоеженстве... нецерковных формах заключения брака («умыкание»...), изнасиловании... браке в близких степенях родства». Я. Н. Щапов полагает, что «переход всех этих дел к публичной власти связан со стремлением феодального общества к скорейшей ликвидации пережитков большой семьи и укреплению малой семьи, характерной для общества с частной собственностью, классовым строем и оформленным раннефеодальным государством». По мнению автора, все эти дела касались «отношений не между классами, а внутри них, тем более внутри семьи...» и не были связаны «непосредственно с необходимостью

¹⁶⁴ Там же. С. 338.

¹⁶⁵ Там же. С. 336.

охраны возникшей феодальной собственности, на что была направлена деятельность государственной власти и ее судебных органов. Церковь прежде всего распространила свою юрисдикцию на те области, которые не были еще отняты у доклассовых органов власти (общины, семьи) государством»¹⁶⁶.

Однако допустимо и другое толкование специфики раздела судебной власти между церковью и государством. Возможно, церковь унаследовала круг дел, подведомственных суду жрецов. Заменяв собой языческое духовенство, церковь должна была сыграть важную роль в изменении кровнородственных отношений, менявшихся в связи с развитием социальной структуры общества. Преемственность древнерусской христианской церкви от жреческой организации прослеживает и сам Я.Н. Шапов, ставя вопрос о происхождении десятины и подводя итог наблюдениям историков и археологов относительно связи княжеских замков с племенными языческими святилищами¹⁶⁷. Кроме того, проблема судебной власти церкви, очевидно, тесно связана с проблемой христианской идеологии. Церковь стремилась к монопольному праву суда по тем вопросам, решение которых являлось как бы реализацией божественной миссии церкви, заветов Бога. Едва ли правомерно противопоставлять собственность как предмет междуклассовых отношений кровнородственным связям как предмету внутриклассовых или даже внутрисемейных отношений. Изменение кровнородственных отношений органически входило в процесс классообразования.

Из проблем политической истории белее позднего времени вновь (после выхода монографий А.А. Зимина и С.Б. Веселовского) подверглась монографическому исследованию опричнина. Автор книги о ней, Р.Г. Скрынников, попытался детально проследить политику Ивана IV, начиная с эпохи «Избранной Рады» до 1568 г. Р.Г. Скрынников считает, что опричнина была вызвана к жизни «столкновением между монархией и могущественной титулованной аристократией». До 1566 г. она имела «ярко выраженную антикняжескую направленность», а «массовая конфискация княжеских вотчин привела к подлинному крушению княжеско-вотчинного землевладения в первые же месяцы опричнины»¹⁶⁸. Автор говорит о разрушении землевладения ростово-суздальских, стародубских и других княжат. К несколько иным выводам о результатах земельной политики опричнины приходит Ю.Г. Алексеев: «Может создаться впечатление, что уничтожение крупного боярского землевладения — одна из целей

¹⁶⁶ Там же. С. 339.

¹⁶⁷ Там же. С. 321–326.

¹⁶⁸ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 411.

политики правительства второй половины XVI в. Однако даже материалы Переславского уезда, сильно пострадавшего в опричнину, свидетельствуют, что крупная боярская вотчина как таковая пережила и опричнину, и последующие десятилетия. В самый разгар опричных опал и казней в Переславском уезде сохраняются вотчины князей Гагиных, Глинских и частично Замытских»¹⁶⁹.

В книге Р. Г. Скрынникова политическая история опричнины излагается в абстракции от социально-экономической проблематики, вследствие чего выдвинутые автором объяснения причин возникновения опричнины и ее эволюции кажутся недостаточно полными, а потому и недостаточно убедительными. Автор уклоняется от рассмотрения принципиальных споров по поводу сущности опричнины, имевших место в историографии, и ведет полемику лишь по частным вопросам, возвращаясь в целом к традиционному взгляду на опричнину как антикняжескую политику, правда, с хронологическим ограничением этого тезиса.

Настоящий обзор не смог, к сожалению, охватить все темы и сюжеты, затронутые в литературе 1965–1966 гг. Вне рассмотрения остались многие проблемы истории производительных сил, ремесла, города, внутренней и внешней торговли, политики и правового строя Российского государства, поднятые в опубликованных в эти годы трудах таких известных исследователей, как Г. Д. Бурдей, В. Д. Дмитриев, А. Н. Кирпичников, А. Б. Кузнецов, В. А. Кучкин, Э. П. Либман, Х. А. Пийримаяэ, Г. С. Рабинович, З. И. Рогинский, Н. В. Сينيцына, Л. И. Тарасюк, Т. Г. Тивадзе, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич, И. П. Шаскольский, С. О. Шмидт, П. Т. Яковлева и др. Автор не касался и специальных искусствоведческих работ, вышедших в тот же период и принадлежащих перу Г. К. Вагнера, М. А. Ильина, В. Н. Лазарева, Н. Е. Мневой, А. А. Тиц и др.

Наш взгляд на отечественную историографию 1965–1966 гг. отражает ограниченность источниковедческих и исторических интересов автора, который мог придать своему обзору аналитический характер лишь в тех частях, которые как-то соприкасались с предметом его собственных исследований.

¹⁶⁹ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история... С. 221.

Приложение 4

Эволюция зарубежных представлений о путях исторического развития феодальной России

В своем осмыслении исторического развития России историография ряда стран прошла несколько этапов. Задача настоящего очерка — проследить в главных чертах эволюцию взглядов зарубежных историков на феодализм в России.

Автор не претендует на исчерпывающий охват всей литературы. Нами привлекались лишь наиболее известные книги и статьи на английском, немецком, французском и русском языках. Некоторые из них были разобраны или упомянуты в статьях Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, Л. В. Даниловой, В. П. Шушарина, А. Л. Хорошкевич и других советских исследователей¹. Подходя к изучаемой иностранной литературе со своей задачей, т.е. ставя целью наблюдение эволюции взглядов на главную проблему феодальной истории России, мы уделяем основное внимание не критике отдельно взятых трудов, а раскрытию основных тенденций, наиболее характерных для того или иного этапа развития историографии.

В XIX в. в немецкой и французской литературе господствовало представление об особом пути исторического развития России, в корне противоположном западноевропейскому.

Посетивший Россию при Николае I прусский чиновник барон Август Гакстаузен писал об отсутствии у русской аристократии феодальных традиций. Он говорил, что у русских дворян нет замков, они не прошли

¹ См. также сборник статей, изданный в Институте истории АН СССР на ро-тапринте: Изучение истории феодальной России в капиталистических странах в послевоенный период. М., 1962. Авторами сборника были Ф. А. Грекул, А. П. Новосельцев, А. П. Тюрина, Г. Д. Цинзерлинг, В. Г. Шерстобитова, В. П. Шушарин, Я. Н. Шапов. Сборник вышел с грифом «На правах рукописи»; редактором его являлся Г. А. Некрасов.

период рыцарства и феодальных отношений². Альфред Рамбо в работе 1878 г. признавал, что в IX–XII вв. на Руси было такое же социальное неравенство, как и на Западе, и, что если бы не татарское нашествие, то объединение Руси произошло бы на той же политической основе, что и объединение Франции, т.е. не были бы до конца разрушены местная автономия, привилегии городов и права подданных; однако татарское иго привело к отрыву России от Запады и возникновению абсолютизма; Россия XVI–XVII вв. — восточное государство, не имеющее почти ничего общего с Европой³.

Намного определеннее в начале 80-х годов XIX в. сформулировал основные признаки отличия России от Запады Анатолий Леруа-Болье.

С его точки зрения, Россия во всем отличалась от Запады в худшую сторону. Внутренние причины централизации и возникновения самодержавия русского типа Леруа-Болье видел в отсутствии буржуазии в городах и настоящей земельной аристократии в деревне. Страна, не имевшая городской буржуазии и земельной аристократии, была лишена классов, обладающих местным самоуправлением, т.е. таких классов, которые только и были способны обуздать самодержавие. Русское дворянство, в отличие от западного, всегда являлось лишь инструментом в руках государственной власти. Как дружинник, так и помещик были слугами государства. Участие в дружине долго сохраняло характер свободной службы, не связанной с землей, что помешало появлению феодализма. В удельном князе, а потом царе объединенной Руси характер частного собственника долго преобладал над характером суверена. Московия не имела ни феодализма, который вместе с идеей взаимности службы и обязанностей питал возникавшее правовое сознание, ни рыцарства, от которого пошло на Западе чувство чести, являвшееся, по мнению Ш. Л. Монтескье, основой монархии и поддерживавшее ощущение человеческого достоинства там, где свобода была подавлена. Россия не имела ни коммун, ни хартий, ни буржуазии, ни третьего сословия. Города, как таковые, отсутствовали. Московия являлась государством крестьян, а где нет городов, нет и цивилизации. Это страна без трубадуров, без схоластов и легистов, без реформации и ренессанса, без революции. Лишенная всего, что наполняло историю западных стран, история России кажется бедной, тусклой и пустынной, как ее плоские северные поля⁴. По мнению автора, из осуществленного государством

² *Haxthausen A. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands.* Hannover; Berlin, 1847–1852, Bd. I–III., особенно Bd. III. S. 46 ff.

³ *Rambaud A. Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877.* P., 1878. P. 145, 243.

⁴ *Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les russes.* P., 1881. T. I. P. 237–240, 316, 334–336, 388; P., 1882. T. II. P. 7, 67–68.

закрепощения крестьян, начавшегося с конца XVI в., возникла господская власть, и русская знать «сегодня имеет то, что она не получила в средние века». Однако власть крепостника автор характеризует как «опеку» над подвластными крестьянами⁵. Вопрос о социально-политической роли земельных собственников в XVIII–XIX вв. остался у Леруа-Болье открытым.

Концепции Гакстаузена, Рамбо, Леруа-Болье в принципе мало чем отличаются от схем Н. М. Карамзина, А. Д. Градовского и ряда других русских историков.

Большое влияние на зарубежную историографию оказали работы Н. П. Павлова-Сильванского. В 1908 г. в Париже появилась книга Софьи Баумштейн «К проблеме русского феодализма». Несмотря на ученический характер этого произведения, привлекает внимание сама постановка вопроса о феодализме в России.

Баумштейн попыталась эклектически соединить взгляды Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского (о частнособственническом характере княжеской власти и др.) с концепцией Павлова-Сильванского. Она признает феодальную природу кормления и иммунитета на Руси, вполне соглашается с Павловым-Сильванским в том, что русский иммунитет идентичен западному. Поместье и фео́д автор считает аналогичными явлениями. По мнению Баумштейн, бояре и князья не были просто подданными князя-суверена, они были его вассалами; в XVI в. происходит сближение бояр с другими служилыми людьми, обе категории становятся идентичными западным вассалам. Баумштейн поддержала тезис Павлова-Сильванского о том, что не только в России существовало так называемое право отъезда (от одного сюзерена к другому): на Западе не было полного и повсеместного запрещения этого права. Следуя схеме Пауля Рота (1863 г.), указывавшего три характерных признака феодализма (вассалитет, бенефиций, сеньорию или суверенитет одних категорий свободных людей над другими категориями свободных людей) и руководствуясь аргументами Павлова-Сильванского, Баумштейн приходит к выводу, что Россия прошла через стадию феодального развития, но феодализм здесь развивался медленно вследствие нерегулярности процесса колонизации страны⁶.

Более критически, но в целом тоже положительно воспринял концепцию Павлова-Сильванского немецкий историк Отто Хёцш. В статье, опубликованной в 1912 г., он высказал свое несогласие с позицией П. Н. Милюкова и предшествующей славянофильской историографии и присоединился к тезису Павлова-Сильванского о том, что русская боярщина

⁵ Ibid. Т. I. P. 388–389; Т. II. P. 3, 7.

⁶ Baumstein S. Le problème de la féodalité russe. P., 1908. P. 22, 23, 70–72, 102–106, 109–117, 124, 127, 135.

идентична французской сеньории и английскому манору, а иммунитетные привилегии, содержащиеся в русских грамотах XIII–XVI вв., совпадают с западными иммунитетами⁷. «Исследователи, — писал Хёцш, — которые, как В. О. Ключевский или П. Н. Милюков, выступают против параллелей, придают большое значение тому, что русский вассалитет не носил территориального характера и существовало право отъезда из одного княжества в другое». На это Хёцш заметил, что, во-первых, случаи отъезда известны и на Западе, а во-вторых, в самой России право отъезда было сначала ограничено, а потом отменено⁸. Автор констатирует наличие в России признаков феодального государства: дробление государственной власти, сеньориальный характер власти земельного собственника, вассалитет, бенефиций⁹. Хёцш, однако, соглашался с теми историками, которые подчеркивали, что в русских отношениях момент служилой обязанности феодала по отношению к сюзерену был выражен гораздо сильнее, чем на Западе, в частности, в Германии, где не было чего-либо, подобного кормлению. Каролингскому графу, чья служба основывалась на ленном праве, в России соответствовал наместник. Но великокняжеский наместник не становился феодальным господином управляемого округа, так же, как боярин, пользующийся иммунитетом, не превращался в удельного князя. Другими словами, из ленного владения в Московии никогда не получалось самостоятельной территории¹⁰. Однако далее Хёцш писал: «Понятно, что когда на этом аспекте делается особенное ударение, различие картин в России и Германии выдвигается на передний план, и поэтому в учебниках истории русского права, например М. А. Дяконова и М. Ф. Владимирского-Буданова, о ленном праве вообще ничего не говорится. Между тем, если отнести сравнение к периоду наиболее полного феодального развития в Московии (XIV и XV вв.), то заметно будет сильное согласование общих форм, внутри которых, впрочем, отдельные элементы имели различное значение»¹¹. Отношения XVIII–XIX вв. Хёцш, очевидно, не считал феодальными. По его мнению, привилегии помещиков, превратившихся в частных собственников, носили лишь социальный и хозяйственный характер, а политически дворянство как сословие ничего не значило, будучи вытеснено чиновничеством¹².

⁷ Höttsch O. Adel und Lehnswesen in Rußland und Polen und ihr Verhältnis zur deutschen Entwicklung // Historische Zeitschrift. München; Berlin, 1912. Bd. 108. Hf. 3. S. 559–560.

⁸ Ibid. S. 561–562.

⁹ Ibid. S. 562.

¹⁰ Ibid. S. 562–563.

¹¹ Ibid. S. 564.

¹² Ibid. S. 567.

Таким образом, в начале XX в. в традиционных представлениях об исключительном пути исторического развития России появляется заметная брешь. Некоторые зарубежные исследователи вслед за Павловым-Сильванским признают наличие в средневековой Руси феодализма, понимаемого, разумеется, лишь как политический институт.

В литературе 20–30-х годов XX в. тезис о русском феодализме сохраняется. В книге Эжена Шкафа (1922 г.) находим сопоставление русского поместья с каролингским бенефицием. Автор признает наличие вассалитета, иммунитета. По его мнению, феодализм появился уже в Киевской Руси, однако татарское иго задержало его развитие и способствовало укреплению московского самодержавия¹³. С большими оговорками (в духе Хёцша) признавал сходство русских явлений, особенно позднеудельного времени, с западным феодализмом немецкий автор Карл Штелин (1923 г.)¹⁴.

П. Б. Струве считал поместье признаком феодализма и поэтому XVI–XVII вв. рассматривал как период существования феодализма в России¹⁵. В 30-х годах XX в. заметный вклад в изучение русского средневекового феодализма внес Александр Эк¹⁶. На богатом материале опубликованных источников Эк попытался конкретизировать учение Н. П. Павлова-Сильванского о русском политическом феодализме XIII–XVI вв. Он выступил с развитием тезисов Павлова-Сильванского о вассалитете, иммунитете и других политических институтах феодализма в средневековой Руси. Как и Павлов-Сильванский, Эк доказывал спонтанное происхождение иммунитета светских землевладельцев. Он не писал прямо о «феодализме» в средневековой Руси, но все содержание его работ ясно говорит о нем как последовательном стороннике концепции Павлова-Сильванского. Петр Евграфович Ковалевский заметил, что Эк применяет для характеристики средневекового периода русской истории понятия феодального права¹⁷. Марк Шефтель также подчеркнул, что Эк гораздо сильнее, чем С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, выделил черты общности русского средневекового строя с западноевропейским феодализмом¹⁸.

¹³ Schkaff E. La question agraire en Russie. P., 1922 P. 13–14, 16, 19–20.

¹⁴ Stählin K. Geschichte Rußlands von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin; Leipzig, 1923. Bd. I. S. 107–114.

¹⁵ Струве П. Б. Существовал ли в древней Руси феодальный правопорядок? // Он же. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 221–289.

¹⁶ Eck A. Le Moyen âge russe. P., 1933; *Idem*. La vassalité et les immunités dans la Russie du moyen âge // Revue de l'Institut de sociologie. P., 1936. № 1. P. 103–118.

¹⁷ Kovalevsky P. E. Manuel d'histoire russe. P., 1948. P. 55.

¹⁸ Szeftel M. Alexander Eck in memoriam (1876–1953) // JGO. 1955. NF. Bd. 3. Hf. 3. S. 353.

В 20–30-х годах XX в. за рубежом среди сторонников тезиса о наличии феодального периода в истории России были люди, знакомые с теорией марксизма. Книга Эжена Шкафа написана с прямыми ссылками на К. Маркса. П. Б. Струве был некогда, как известно, так называемым «легальным марксистом». Эк в 1900 г. примкнул к социал-демократическому движению, с 1903 г. принадлежал к большевистскому крылу РСДРП, в Лодзи вступил в члены Социал-демократической партии Польши и Литвы, участвовал в работе Лондонского съезда РСДРП 1907 г.¹⁹

Активное наступление на теорию русского феодализма началось только со второй половины 30-х годов XX в. Советскими историками к этому времени была отвергнута концепция русского феодализма, разработанная Н. П. Павловым-Сильванским. Рассматривая феодализм как социально-экономическую формацию, советские историки обращали главное внимание на экономическую сущность феодальных отношений.

Против такой трактовки феодализма в 1939 г. выступил Г. В. Вернадский. Американский профессор попытался представить в заведомо упрощенном виде не только концепцию советских историков, но и марксистскую теорию феодальной ренты, которую он, впрочем, глубоко и не изучал. Советскую концепцию феодализма Вернадский по существу понял как концепцию «экономического феодализма» (эксплуатация крестьян землевладельцами) и указал, что для феодализма недостаточно признаков одного лишь «экономического феодализма», нужны элементы неразрывной связи личных и территориальных прав. Вместе с тем боярскую вотчину он не мог признать развитой сеньорией, так как здесь не было вассальных отношений. В помещиках XVI–XVII вв. Вернадский также не видел вассалов, поскольку в основе их отношений с царем лежал не личный договор, а служебная повинность.

По мнению ученого, элементы феодализма в России были, но феодализма не образовалось. При этом Вернадский и его последователи умалчивали об аргументах Павлова-Сильванского, Хёцша и др., перенося весь огонь критики на теорию «экономического феодализма»²⁰.

В 1948 г. Вернадский повторил свою концепцию феодализма, считая необходимыми признаками последнего: 1) политический феодализм, 2) экономический феодализм, 3) неразрывные узы личных и поземельных прав. Вернадский развивал мысль о том, что в Киевской Руси был торговый капитализм, и по своему строю Киевская Русь напоминает древнюю Грецию²¹.

¹⁹ Ibid. S. 351–352.

²⁰ Vernadsky G. Feudalism in Russia // *Speculum*. Cambridge (Mass.), 1939. Vol. XIV, Nr. 3. P. 300–323.

²¹ Vernadsky G. On Feudalism in Kievan Russia // *The American Slavic and East European Review*. 1948. Vol. 7. P. 3–14; *Idem*. Kievan Russia. New Haven, 1948 (2d ed., 1951); *cp.*: *Idem*. The Mongols and Russia. New Haven, 1953; *Idem*. Ancient Russia. New Haven,

Концепция Вернадского в этой части восходила к идеям В. О. Ключевского. Вернадский отрицал наличие в России крепостных того типа, который соответствовал бы западному типу зависимых людей. Он видел здесь только свободных и рабов. Правда, ученый допускал, что Киевская Русь могла пойти по феодальному пути развития, а крестьянскую зависимость XVI–XVII вв. он определял как характерный для феодализма «*serfdom*». Однако русский «*serfdom*» Вернадский больше сближал со «*slavery*» (рабством), чем с феодальными отношениями Западной Европы.

В том же круге понятий вращаются рассуждения о русском феодализме в статье Вал. Т. Чеботаревой-Билл (1950 г.). С одной стороны, Чеботарева-Билл видит определенные черты политического феодализма в русских порядках XIII — начала XV в., но, с другой стороны, она не находит в них такого важного признака европейского феодализма, как «*serfdom*». Более близким к феодальным стандартам ей кажется Русское государство конца XV–XVI вв., в котором «*serfdom*» уже получил заметное развитие. Русское государство этого периода Чеботарева-Билл считает национальным по форме и феодальным по содержанию²².

Западногерманский историк Гюнтер Штёкль в своих работах 1953–1958 гг. внешне делал уступку сторонникам мнения о наличии феодализма в России, но, по существу, склонялся к точке зрения Г. В. Вернадского. Он говорил, что спор о восточнославянском феодализме зиждется в значительной мере на недоразумении: чем уже понимать феодализм, тем меньше оснований прилагать это понятие к России; чем шире его понимать, тем больше таких оснований. Если видеть в феодализме лишь хозяйственный организм, то вполне можно признать факт его существования в России, как это и делают советские марксисты, писал Штёкль²³.

Полупризнание присутствия в России элементов феодализма и отрицание его наличия здесь как общественной структуры находим в работах Вернера Филиппа (1954 г.), Карла Витфогеля (1957 г.), М. Рэна (1958 г.). В. Филипп считал, что в «период уделов» положение знати было

1943 (2d ed., 1944); *Idem*. A history of Russia. 4th ed. New Haven, 1954; *Idem*. The Origin of Russia. Oxford, 1959.

²² *Tschebotarjoff-Bill V. National Feudalism in Muscovy // Russian Review*. 1950. Vol. 9. P. 209–218.

²³ *Stöckl G. Die Wurzeln des modernen Staates in Osteuropa // JGO*. 1953. Bd. 1. S. 255–269; *Idem*. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven // *Saeculum*. 1954. Bd. 5. S. 104–118; *Idem*. Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik // *JGO*. 1955. Bd. 3. S. 1–40, 105–122; *Idem*. Russische Geschichte von der Entstehung des Kiever Reiches bis zum Ende der Wirren (862–1613): Ein Literaturbericht // *JGO*. 1958. Bd. 6. S. 201–254, 468–488.

«полуфеодальным»²⁴. По словам К. Витфогеля, Россия, так же как и Швеция, представляла собой «окраинное» феодальное общество. Хотя Киевская Русь и принадлежала к протофеодальному и феодальному миру Европы, последующее влияние татар определило переход страны к восточному деспотизму²⁵. М. Рэн полагает, что в XII в. на Руси имелась тенденция развития в сторону экономического и даже политического феодализма, но это движение прервалось татарским нашествием и возвышением Москвы. Бояре не образовывали сильного класса типа баронства; русскую «удельную систему» нельзя считать подобной западному феодализму, утверждал Рэн²⁶.

Несколько дальше в признании существования феодальных явлений на Руси пошел Робер Бутрюш (1959 г.). Он разделяет мнение Вернадского о том, что марксисты понимают под феодализмом только подчиненность крестьян землевладельцам. При этом Бутрюш обнаруживает некоторые черты и политического феодализма в России «удельного» периода, а именно иммунитет, являющийся признаком сеньории, и поместье, приближающееся по своему характеру к феоде. Но в русской поместной системе автор не находит присутствия обязательной для «настоящего» феодализма личной связи между государем и слугой. Ученый делает заключение, что Россия в смысле феодального развития не поднялась выше уровня раннего Средневековья²⁷. Этот взгляд некоторым образом перекликается с концепцией В. И. Сергеевича, считавшего, что иммунитет предшествовал феодализму, т. е. был дофеодальным явлением²⁸.

Особое место в зарубежной историографии занимает концепция Джерома Блюма и Хораса В. Дьюи. Д. Блум (1957, 1967 гг.) вслед за Б. Д. Грековым признает, что оседание дружинников на землю знаменовало начало процесса закрепощения крестьян. Блум говорит об общих чертах в положении западного и русского крепостного. В отличие от большинства других авторов, считающих, что рост самодержавия свел к нулю политическое значение землевладельцев, Блум указывает, что, несмотря на рост самодержавной власти, растет и политическая сила дворянства. Князья дают податные и судебные привилегии иммунитета, и к концу XIV в. эти привилегии начинают рассматриваться как

²⁴ Philipp W. Historische Voraussetzungen des politischen Denkens in Rußland // FOG. 1954. Bd. 1. S. 7–22; cp.: *Idem*. Grundfragen der Geschichte Rußlands bis 1917 // Deutsche Universitätszeitung. Göttingen, 1958. Jg. 13. Hf. 9. S. 527–529.

²⁵ Wittfogel K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

²⁶ Wren M. C. The course of Russian History. N.Y., 1958.

²⁷ Boutruche R. Seigneurie et Féodalité. P., 1959.

²⁸ «Феодализм» для Сергеевича — это раздробленность политической власти между сеньориями и серваж.

традиционные права землевладельцев²⁹. Точно так же и Х. Дьюи (1964 г.) характеризует иммунитет как источник привилегий³⁰. Оба автора в целом следуют концепции С. Б. Веселовского, связывая источник власти землевладельца с княжеским пожалованием и считая, что политическая власть дворянства по мере закрепощения крестьян не ослабевала, а усиливалась.

В зарубежной историографии середины XX в. вполне уверенно заявляла о себе и другая, можно сказать, противоположная система взглядов на проблему феодализма в России. Эта система взглядов имеет глубокие корни в прошлом. Она восходит к идеям славянофилов и П. Н. Милюкова. Представителями этой теории в рассматриваемый период были В. Б. Ельшевич (1948, 1951 гг.), П. Е. Ковалевский (1948 г.), Лотарь Шульц (1951 г.) и Вильгельм Шульц (1962 г.).

В. Б. Ельшевич, подобно К. С. Аксакову, отрицал наличие в России феодальной собственности на землю, иммунитета и т. д.³¹ П. Е. Ковалевский утверждал, что русские средневековые порядки не имели ничего общего с феодализмом: если западный виллан был порабощен, то русский крестьянин оставался свободен и был обязан тяглом только государству; в России отсутствовала классовая борьба³².

Лотарь Шульц считал необоснованным представление о существовании феодализма в России. С его точки зрения, народ и князья оставались в состоянии духовного единства, чему способствовало монголо-татарское угнетение: общее чувство ненависти к поработителям не давало развиваться классовому антагонизму³³.

Вильгельм Шульц рассматривал земельного собственника не как промежуточную власть между феодально-зависимым населением и князем, а как своего рода кормленщика, агента князя. Причем, это касалось не только светских, но и духовных землевладельцев³⁴.

Таким образом, развитие зарубежной историографии русского феодализма с середины XIX до середины XX в. прошло несколько

²⁹ Blum J. The Rise of Serfdom in Eastern Europe // American Historical Review. 1957. Vol. 62; *Idem*. Lord and Peasant in Russia from the ninth to the nineteenth century. N.Y., 1967.

³⁰ Dewey H. W. Immunities in old Russia // Slavic Review. 1964. Vol. 23, № 4. P. 643–659.

³¹ Ельшевич В. Б. История права поземельной собственности в России. Париж, 1948, 1951. Т. 1, 2.

³² Kovalevsky P. E. Op. cit. (ср. выше).

³³ Schulz L. Russische Rechtsgeschichte. Lehr, 1951.

³⁴ Schultz W. Die Immunität im nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts: Untersuchungen zu Grundbesitz und Herrschaftsverhältnissen. Berlin, 1962. (Sonderdruck aus FOG. Bd. 8. S. 26–281).

стадий — от полного отрицания его наличия (XIX в.) до почти полного признания (первая треть XX в.) и последующего нового отрицания и частичного признания с различием и без различия «экономического» и «политического» феодализма (конец 30-х — начало 60-х годов XX в.). В середине XX в. зарубежная историография не выступала «единым фронтом» по данному вопросу. В ней различаются три направления: 1) отрицающее факт существования русского феодализма; 2) признающее наличие в России либо «экономического» феодализма («serfdom») без элементов «политического», либо наоборот, элементов «политического» феодализма при отсутствии «экономического»; 3) признающее факт существования русского феодализма в духе концепции С. Б. Веселовского.

Приложение 5

История России IX — начала XX в. в освещении французской историографии 1960–1964 гг.

Поставленная тема раскрывается нами в двух планах: обзорно-аналитическом и синтетическом. В первом разделе обозрение ведется по традиционной методике. Указываются факты введения в научный оборот и публикации новых источников, рассматриваются проблемы источниковедения и освещение вопросов истории по темам — от частного к общему. Во втором разделе выделено пять главных тем социальной истории и сделана попытка синтезировать основные тенденции их изучения во французской литературе 1960–1964 гг. К сожалению, нам не удалось избежать некоторых повторов одних и тех же сюжетов в двух частях.

Общий обзор

Развитие французской русистики в XVIII–XX вв. (до 1959 г.) получило схематичное освещение в информационной статье Р. Порталья, где больше говорится об организационных формах изучения истории России и о научных кадрах, чем об идеях и концепциях, выработанных французской историографией¹. Однако автор вполне определенно выделил новый период в изучении истории России во Франции, связанный с довольно широким обращением молодых французских историков к русской проблематике.

Усилившийся интерес французской историографии к истории России и рост национальных кадров историков русистов привели к

¹ Порталь Р. Изучение истории СССР во Франции // ИСССР. 1959. № 1. С. 229–239.

созданию в 1959 г. специального органа, посвященного СССР и его истории — «Cahiers du monde russe et soviétique» (далее — CMRS). В этом ежеквартальнике² стали систематически печататься исследования, библиографические и архивоведческие обзоры, а также отдельные источники по истории России и СССР. Довольно много статей, касающихся истории феодальной России, издается в ежеквартальнике «Revue d'histoire moderne et contemporaine»³ (далее — RHMC) и в «Revue des études slaves» (далее — RÉS). Гораздо меньше внимания русской истории уделяют «Revue historique» (далее — RH) и провинциальные исторические издания.

В первой половине 60-х годов было опубликовано всего несколько новых источников, относящихся к истории России XVIII — начала XIX в. Почти все они — из турецких архивов: письмо турецкого великого визиря правителю Ширвана и Южного Дагестана Хаджи-Дауд-хану от 27 февраля 1723 г., проливающее новый свет на русско-турецкие отношения в период похода русских войск на Кавказ⁴; 6 писем имама (шейха) Мансура, предводителя кавказских горцев во время «священной войны» 1785–1791 гг. (в переводе на французский язык)⁵; депеша адмирала П. В. Чичагова от 11 (23) октября 1812 г. русскому генеральному консулу в Валахии Л. Г. Кирико⁶. По мнению издателя последнего документа, он почти ничего не прибавляет к известным материалам о кампании 1812 г.

П. Лиотей опубликовал письма и отрывки из дневника своего прадеда Ю. Лиотея, лейтенанта армии Наполеона, относящиеся к 1809–1812 гг.⁷ Основное место в публикации занимает описание событий июня — сентября 1812 г.⁸ Из коллекции Штюбера издано письмо Бантыша-Каменского кн. Козловскому (около 1837 г.), извещающее о дуэли А. С. Пушкина⁹.

² О его редакции и общем направлении см.: Сироткин В. Г. Новый французский журнал по истории СССР // ИСССР. 1961. № 4. С. 209–214.

³ О нем см. обзор Г. П. Морозова: ВИ. 1963. №5. С. 174–177.

⁴ Lemerrier-Quelquejey Ch. Un document inédit sur la campagne de Pierre le Grand au Caucase // CMRS. 1965. № 1. P. 139–142.

⁵ Bennigsen A. Un mouvement populaire au Caucase au XVIII-e siècle // CMRS. 1964. № 2. P. 198–203.

⁶ Lemerrier-Quelquejey Ch. Un document inédit sur la campagne de Russie de 1812 // CMRS. 1963. № 3. P. 258–263.

⁷ Документы изданы без научного аппарата. Вопрос об их происхождении остается открытым. Не оговорено даже, что источники печатаются в извлечениях.

⁸ Lyautey P. Lettres d'un lieutenant de la Grande Armée N. Lyautey. De Wagram à Moscou // La Revue des deux mondes, 1962, le 15 décembre. P. 485–500 (далее — RDM).

⁹ Mazon A. Lettre de Bantyš Kamenskij annonçant le duel de Puškin // RÉS. 1964. T. 43. P. 58.

Переизданы фрагменты записок ученого монаха Шаппа д'Отрош о его путешествии в Сибирь¹⁰ (впервые они были опубликованы в Париже в 1768 г.) и мемуары сподвижника Наполеона А. Коленкура¹¹.

Практикуется также переиздание в переводе на французский язык документов, изданных в России и СССР. Французский перевод договоров Руси с Византией X в. напечатан в статье И. Сорлен¹². Кроме того, переведены некоторые литературные памятники средневековой Руси¹³. Вышел в свет сборник интимных писем Екатерины II¹⁴. Перепечатано письмо слуги кн. П. И. Багратиона 1811 г.¹⁵. М. Конфино перевел два документа из сборника «Рабочее движение в России XIX в.» (т. 1) и один документ — из ПСЗ (т. IV, № 2889). Эти документы освещают положение рабочих и волнения на Гороблагодатских заводах¹⁶.

Значительный интерес представляют обзоры архивных фондов и коллекций, содержащих источники по истории России и хранящихся в Архиве министерства иностранных дел Франции (дипломатическая корреспонденция 1514–1914 гг.)¹⁷, венецианских архивах (главным образом дипломатические документы и сочинения о России XV–XVII вв.)¹⁸, архивах и библиотеках Турции (документы конца XV в. и 1553–1906 гг.)¹⁹. Опубликован краткий обзор материалов архива Воронцовых, представленного в коллекциях и фондах ЛОИИ, РО ГБЛ и Гос. Архива Крымской области в г. Симферополе (документы конца XVIII–XIX в.)²⁰.

¹⁰ Besançon A. Chappe d'Auteroche, Voyage en Sibirie // CMRS. 1964. № 2. P. 234–250.

¹¹ Caulaincourt A.-L.-A. de. De Moscou à Paris avec l'empereur. P., 1963.

¹² Sorlin I. Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle // CMRS. 1961. № 3. P. 329–336; № 4. P. 447–452, 466–467.

¹³ Ivanov B. et Chr. Vieilles légendes de la terre russe, traduites et adaptées. P., 1962.

¹⁴ Les plus belles lettres de Catherine II. P., 1962.

¹⁵ Hastier L. Le prince et la princesse Bagration // RDM. 1962. le 15 septembre. P. 192–194.

¹⁶ Confino M. Documents: Grève dans l'Oural au XIX-e siècle // CMRS. 1960. № 1. P. 332–350.

¹⁷ Lesure M. Aperçu sur les fonds russes dans les archives du ministère des affaires étrangères français // CMRS. 1963. № 3. P. 312–330. О материалах по истории России в архивохранилищах Франции см. также: Минаева И. Н. В архивах и рукописных отделах библиотек Франции: Документальные материалы по истории СССР // ИСССР. 1961. № 4. С. 216–222; Она же. Новые материалы по истории СССР, выявленные в архивах и библиотеках Франции // ИСССР. 1964. № 2. С. 218–220.

¹⁸ Vitale El. Les sources de l'histoire russe aux archives d'état de Venise // CMRS. 1964. № 2. P. 251–255.

¹⁹ Lemerrier-Quelquejay Ch. Les bibliothèques et les archives de Turquie en tant que sources de documents sur l'histoire de Russie // CMRS. 1964. № 1. P. 105–140.

²⁰ Bouloiseau M. Les archives Voronzov // RH. 1963. № 3. P. 121–130.

Укажем обзор смешанного характера, где описываются коллекции как рукописей, так и печатных русских книг (Университетской библиотеки г. Хельсинки — материалы XIV–XX вв.)²¹, и обзоры опубликованных источников по истории России и славянских стран (еврейские документы IX–XIII вв.²²; издания документов, периодика и историческая литература XV–XX вв., хранящиеся в Библиотеке Конгресса США²³).

Целый ряд работ французских авторов носит источниковедческий характер. В исследовании И. Сорлен о русско-византийских договорах X в. привлекают внимание приемы дипломатического анализа формуляров, широта сравнения русских и византийских источников, многие конкретные наблюдения: критика мнения Н. А. Лавровского о том, что договор 971 г. — плохой перевод с греческого (автор считает этот договор первой русской княжеской грамотой), гипотеза о русско-византийских противоречиях в Крыму и др.²⁴ Автор дает также краткую характеристику византийских и русских летописных источников. Общее заключение исследовательницы, в котором она подчеркивает, что Русь не была изолированной варварской страной и что Византия в X в. придавала серьезное значение общению с ней, перекликается с выводами советской историографии. Нечетким кажется отношение автора к норманской теории.

Исследование А. Вайяна посвящено сравнительному изучению источников о Куликовской битве: летописного рассказа, «Сказания» и отчасти «Задонщины»²⁵. Отвергая концепцию С. К. Шамбинаго, автор присоединяется к точке зрения Н. М. Карамзина, считавшего, что достоверные исторические факты содержатся лишь в летописном рассказе. «Сказание» же, по мнению Вайяна, носит характер народной «сказки»; оно возникло в XVI в., когда в России стал известен жанр рыцарского романа. Содержащееся в статье Вайяна противопоставление летописного рассказа как имеющего определенные политические мотивы и «Сказания» как не имеющего таковых кажется некоторым упрощением проблемы взаимосвязи политических и литературных мотивов.

²¹ Windäs M. La constitution du fonds slave de la bibliothèque de Helsinki // CMRS. 1961. № 3. P. 395–408.

²² Lewicki T. Les sources hébraïques consacrées à l'histoire de l'Europe centrale et orientale et particulièrement à celle des pays slaves de la fin du IX-e au milieu du XIII-e siècle // CMRS. 1961. № 2. P. 228–241.

²³ Horecky P. H. Les ressources du fonds slave et est-européen de la Bibliothèque du Congrès // CMRS. 1962. № 2. P. 307–322.

²⁴ Sorlin I. Op. cit. // CMRS. 1961. № 3. P. 313–360; № 4. P. 447–475. Об этой работе см. заметку А. Л. Хорошкевич: ВВ. 1964. Т. 24. С. 251–252.

²⁵ Vaillant A. Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamaï» // RÉS. 1961. Т. 39. P. 59–89.

Былина о Садко подверглась изучению в статье итальянского исследователя Б. Мериджи²⁶. Анализ терминов и содержания записи былины не сочетается у автора с анализом жанра, вследствие чего его мнение о том, что былина дошла до нас в форме, в которой она сложилась в XII — начале XIII в., кажется недостаточно доказанным.

Д. Экот обратилась к опубликованным источникам середины XVII в. — отчетам и письмам из России шведского поверенного в делах Родеса, о котором писал еще в 1912 г. Б. Г. Курц. В статье Экот дается скорее характеристика содержания, чем источниковедческий анализ донесений Родеса, однако отдельные наблюдения представляют интерес. Экот указывает, что Родес как горожанин не интересовался крестьянами и даже не подозревал их значения в экономической жизни России²⁷. По мнению исследовательницы, Россия XVII в. в некоторых отношениях мало отличалась от Запада: «Торговля в ней, как и повсюду в это время, развивалась в формах, которые можно назвать меркантилизмом»²⁸.

О разновидностях, номенклатуре и структуре основных видов русской делопроизводственной документации XVIII в. говорится в общих чертах в статье Ж. Жоане, посвященной в целом языковедческому исследованию этих источников²⁹.

Две статьи касаются атрибуции памятников XVIII–XIX вв. Итальянский исследователь Ф. Вентури доказывает, что переводчиком первой истории русской литературы, появившейся в 1771 г. в Ливорно на французском языке, был немецкий журналист Доминик де Блэкфорд³⁰. М. Кадо выдвигает целую систему источниковедческих (с привлечением архивных материалов) и общеисторических обоснований принадлежности политического трактата «Entretiens politiques sur la France et la Russie» («Политические рассуждения о Франции и России»), вышедшего в Париже в 1842 г., перу Ф. П. Фонтона, сотрудника Нессельроде. Целью трактата, по мнению Кадо, было стремление улучшить впечатление Луи-Филиппа от встречи с Николаем I и способствовать, в предвидении англо-русской войны, установлению политического союза между Россией и Францией³¹. Попытки

²⁶ Meriggi B. La byline de Sadko // RÉS. 1961. T. 39. P. 91–103.

²⁷ Eeckaupe D. Le commerce russe au milieu du XVII-e siècle d'après la correspondance du chargé d'affaires suédois Rodès // RH. 1965. № 2. P. 339.

²⁸ Ibid. P. 323.

²⁹ Johannet J. Remarques sur l'évolution de la langue administrative au XVIII-e siècle // RÉS. 1964. T. 40. P. 103–106.

³⁰ Venturi F. Qui est le traducteur de l'essai sur la littérature russe? // RÉS. 1961. T. 38. P. 217–221.

³¹ Cadot M. Qui est l'auteur des «Entretiens politiques sur la France et la Russie» (1842) // RHMC. 1961. № 1. P. 61–65.

сближения с Францией автор связывает с внутренними затруднениями правительства Николая I. Кадо ссылается на одно дипломатическое доносение из России, хранящееся в Архиве министерства иностранных дел Франции, в котором выражалось мнение, что Николай I может кончить так же, как Павел I. Это мнение возникло под впечатлением резкого недовольства, вызванного в среде помещиков политикой Николая I и П. Д. Киселева по крестьянскому вопросу (апрельский указ 1842 г.)³².

П. Гард по «Запискам... адмирала А. С. Шишкова» (Т. 1. Берлин, 1870) исследует предложенный Шишковым проект воззвания к французам в 1814 г. и рассматривает критические замечания Шишкова в адрес австрийского манифеста (Шварценберга). Автор высказывается лишь по существу тех идей, которые выдвигались Шишковым, но оставляет в стороне основные вопросы источниковедческого анализа исследуемых материалов (происхождение источников и берлинской публикации, степень их достоверности и т. п.)³³.

Наконец, во французских журналах издан ряд терминологических статей и заметок: 1) польского историка Т. Левицкого о значении слова *Arīšū* в письме хазарского царя X в. (*Ar* — предки современных удмуртов, *išū* — предки белозерских вепсов)³⁴; 2) Ж. Леписье о летописных «толковицах» («толковины» — переделка слов «зовуть инии»)³⁵; 3) А. Мазона о выражении «тмутороканьский блъванъ» — (тмутараканская волна, в соответствии с мнением О.-Ю. И. Сенковского)³⁶; 4) профессора Оксфордского университета Б. Унбегауна о слове «порох» (слово «порох» в современном значении появилось на рубеже XVI–XVII вв.)³⁷; 5) Ж. Дени о правописании «Кючук-Кайнараджи» (правописание «Кючук-Кайнараджи» неверно: следует «Кючук-Кайнарджа»)³⁸.

Ж. Дени посвятил также большую историко-филологическую статью вопросу о происхождении и значении названия турецкой крепости Ходжи-бей, на месте которой был построен г. Одесса³⁹.

³² Ibid. P. 65.

³³ Garde P. Un projet russe de manifeste aux français en 1814 // *Annales de la faculté des lettres et sciences humaines d'Aix*. Gap., 1960. T. 34. P. 189–203.

³⁴ Lewicki T. «Arīšū», un nom de tribu énigmatique cité dans lettre du roi Khazar Joseph (X-e siècle) // CMRS. 1962. № 1. P. 90–101.

³⁵ Lépassier J. Les *tolkoviny* de la chronique de Kiev // RÉS. 1963. T. 42. P. 107–108.

³⁶ Mazon A. Тмутороканьский блъванъ // RÉS. 1961. T. 39. P. 138; 1964. T. 43. P. 91–92. Мнение А. Мазона было подвергнуто критике в статье О. В. Творогова (см.: Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка. 1963. Т. 22. С. 432–434).

³⁷ Unbegaun B. O. Les slaves et la poudre à canon // RÉS. 1961. T. 38. P. 207–217.

³⁸ Deny J. Orthographe à modifier: le traité de Küçük Kaynarca (1774) // RHMC. 1962. № 3. P. 240.

³⁹ Deny J. Le passé et le nom turc d'Odessa // *Journal asiatique*. 1961. № 1. P. 39–61.

Истории России до XVIII в. современная французская историография уделяет мало внимания. П. Конталь в небольшой статье, посвященной Максиму Греку, в основном повторяет концепцию И. Денисова⁴⁰. Не сводя дело к противопоставлению Максима Грека как «западника» русским «варварам», автор развивает другую антитезу, вытекающую из построений Денисова: Максим Грек со своим стремлением к интернациональному православию и ограничению произвола светской власти не нашел поддержки ни у сторонников консервативно-«националистической» традиции, ни у сторонников тесного союза светской и духовной власти⁴¹. Анализ источников в статье Конталья отсутствует. О советской литературе не упоминается. Очевидно, из-за слабого знания источников и литературы автор спутал предшественника митрополита Даниила на митрополичьем столе (Варлаама) с его предшественником на игуменстве в Иосифо-Волоколамском монастыре (Иосифом), в результате чего у него появился «митрополит Иосиф, ученик Нила»⁴².

В статье другого автора, Руэ де Журнеля, доказывается исключительно благотворное влияние «духовных отцов» на моральный облик их «духовных детей» в средневековой Руси. Отбор источников у автора случаен и неполон. Тема целиком оторвана от каких-либо социальных проблем⁴³.

В интересной книге Л. Успенского, посвященной исследованию религиозного символизма и литературных источников сюжетов православных икон, рассматриваются иконы прежде всего Византии. О русских иконах говорится здесь сравнительно мало. Конкретно-историческому изучению материала автор предпочел формально-тематический метод, в результате чего иконописание оказалось изолированным от истории реальной жизни различных православных стран⁴⁴.

Напечатанная в RÉS статья профессора Кембриджского университета Н. Андреева содержит ряд интересных наблюдений, касающихся отношения патриарха Никона и протопопа Аввакума к иконописанию. Автор приходит к выводу, что оба они были традиционалистами, а выдвинутое Аввакумом против Никона обвинение в реалистических тенденциях

⁴⁰ О ней см.: *Каушанов С. М.* Труды И. Денисова о Максими Греке и его биография // ВВ. 1958. Т. 14. С. 284–295.

⁴¹ *Contal P.* Maxime le Grec et les mouvements d'idées de son temps // RÉS. 1961. Т. 38. Р. 71.

⁴² Ibid. Р. 70.

⁴³ *Rouët de Journal M. S.* La direction spirituelle dans la Russie ancienne // RÉS. 1961. Т. 38. Р. 172–179.

⁴⁴ *Ouspensky L.* Essai sur la théologie de l'icone dans l'église orthodoxe. Р., 1960. Т. Ier.

имело полемическое значение и не соответствовало действительности⁴⁵. Профессор Оксфордского университета Б. Унбегаун, основываясь на грамоте конца XVII в., опубликованной в 1915 г. Н. Новомбергским, указывает, что «современники Аввакума» видели в костях ископаемых животных останки древних людей «Волотов»⁴⁶.

В 1963 г. была переиздана книга П. Паскаля «Аввакум и начало раскола» (1938 г.)⁴⁷. По утверждению самого автора, работа 1938 г. не подверглась переделке. Книга эта, написанная на основе изучения широкого круга источников (в том числе и неизданных) и литературы, содержит ряд интересных тезисов. Попытка автора найти «семена» раскола в «Смуте» начала XVII в., его сравнение истории религиозного раскола в России и во Франции XVII в., многочисленные конкретные наблюдения заслуживают серьезного внимания. Однако, обобщив огромный фактический материал, Паскаль не дал нового решения проблемы раскола. По существу его книга представляет собой документированную биографию Аввакума, написанную на широком фоне истории русской церкви XVII в. Касаясь идейных разногласий по религиозным вопросам, автор остается верен своей формальной позиции и не связывает борьбу идей с борьбой классов и сословий, с развитием социальных отношений. Его вывод о том, что ни раскольники, ни официальная церковь не воплощали всех черт истинной церкви, которая должна была продолжить миссию Христа, является выводом не историка, а христианского моралиста. «Начиная с Никона, — пишет Паскаль, — Россия не имела церкви. Она имела государственную религию (*religion d'État*). Отсюда до религии государства (*religion de l'État*) был лишь один шаг. Религия государства была установлена властью, которая в 1917 г. наследовала империи»⁴⁸. Таким образом, Паскаль уклонился от изучения глубинных процессов, определивших религиозную борьбу XVII в.

Эмигрантская историография уделяла внимание истории дипломатического сближения между Россией и Францией в XVI–XVII в.⁴⁹. Тема эта применительно к XVIII–XIX вв. тщательно изучается во французской национальной историографии.

⁴⁵ *Andreyev N. Nikon and Avvakum on icon-painting // RÉS. 1961. T. 38. P. 37–44.*

⁴⁶ *Unbegaun B. O. Les contemporaines d'Avvakum en présence de fossiles // RÉS. 1961. T. 38. P. 207–209.*

⁴⁷ *Pascal P. Avvakum et les débuts du rascol. P., 1963. P. VII.*

⁴⁸ *Ibid. P. 574.*

⁴⁹ *Schakowskoy Z. Deux ambassades russes en France au XVII-e siècle // RDM. 1961. le 15 novembre. P. 262–270; cp.: Kalmykow A. A sixteenth century Russian envoy to France // Slavic Review. 1964. Vol. 23, № 4. P. 701–705.*

Русской истории XVI–XVII вв. посвящалась в начале 60-х годов и популярная литература. Книга К. Грюнвальда о Борисе Годунове базируется главным образом на записках иностранцев и трудах крупнейших дореволюционных историков. Автор исходит из пушкинского противопоставления Ивана IV и Бориса Годунова, который не был силен «мнением народным». Считая, что история оправдывает жестокости Ивана IV, Грюнвальд поддерживает версию о Грозном как любимце простого народа⁵⁰. Идеализирует он и деятельность Бориса. Автор пытается снять с него наиболее тяжелые обвинения и подозрения. Он придерживается версии о непричастности Годунова к смерти царевича Дмитрия⁵¹, разделяет взгляд В. О. Ключевского на указ 1597 г., отрицая его крепостническую направленность⁵².

Тематически и композиционно более сложна книга Зинаиды Шаховской, которая попыталась осветить различные стороны «повседневной» жизни России (преимущественно Москвы и Подмосковья) в XVII в. Как и Грюнвальд, Шаховская опирается в первую очередь на записки иностранцев и дореволюционную историографию, хотя использует также и новейшую советскую литературу⁵³. Основное внимание в книге уделяется царскому быту и развлечениям, положению женщины (по «Домострою»), положению иностранцев, обрядам, «народной мудрости» и предрассудкам, религиозной жизни, культуре, одежде, пище и т. п.

В книгу попали разделы о социальной и политической структуре России XVII в. Небольшая глава посвящена восстаниям. Концепция автора сводится к тому, что после «Смуты», рассматриваемой как состояние «хаоса» и «маразма» и как прецедент, если не источник народных движений середины и второй половины XVII в., начался «от нуля» плодотворный процесс развития России в сторону европеизации, который продолжался бы органически и без «грубого» вмешательства Петра I⁵⁴. В соответствии с традиционной буржуазной теорией надклассовости государства автор считает, что в России XVII в., где якобы полностью отсутствовало «классовое чувство», государство заботилось об использовании всех и каждого в государственных интересах: дворян — в армии, тяглых — на посадке, крестьян — на пашне. Прикрепление крестьян к земле по Уложению 1649 г. Шаховская¹ объясняет стремлением государства прекратить крестьянское

⁵⁰ Grunwald C. de. La vraie histoire de Boris Godounov. [P.], 1961. P. 24, 37, 196.

⁵¹ Ibid. P. 122–124.

⁵² Ibid. P. 83–84.

⁵³ Очерки истории СССР: XVII в. М., 1955 и др.

⁵⁴ Schakovskoy Z. La vie quotidienne à Moscou au XVII-e siècle. [P.], 1963. P. 9, 13,

«кочевничество» в целях развития сельского хозяйства. Эту меру она резко противопоставляет позднему крепостничеству времен Екатерины II как «странному следствию европеизации»⁵⁵. Не случайно в ее книге нет описания социальной и бытовой стороны взаимоотношений между феодалами и крестьянами, хотя именно эти отношения составляли основу «повседневной жизни» России XVII в.

Итак, для французской историографии начала 60-х годов характерно крайне незначительное число трудов, научно, исследовательски разрабатывающих проблемы истории России X–XVII вв. Здесь преобладали компилятивные сочинения, повторяющие и модифицирующие уже сложившиеся взгляды дореволюционной русской и современной зарубежной историографии. Эта часть французской историографии была наименее национальной, поскольку авторы в большинстве своем принадлежали к русской эмигрантской среде.

Еще не вышли на сцену большой науки В. А. Водов (ученик Паскаля) и его школа, которые дадут новое направление развитию французской историографии допетровской Руси в 70–90-х годах XX в.

Во Франции же начала 60-х годов XX в. гораздо активнее, чем допетровская Русь, изучалась история России XVIII–XIX вв. Правда, и здесь некоторую роль играли иностранцы. Однако они в гораздо меньшей мере представляли традиционные самостоятельные течения, сложившиеся вне Франции. Так, профессор Иерусалимского университета М. Конфино, издавший во Франции ряд работ по русской истории, являлся учеником Р. Портала. В историографии Франции рассматриваемого периода из зарубежных авторов 60-х годов XX в. Конфино может считаться самым крупным специалистом в области русской аграрной истории эпохи позднего феодализма. Появлению его монографии «Поместья и помещики в России в конце XVIII в.»⁵⁶ предшествовала публикация нескольких статей, частично вошедших в эту обобщающую работу⁵⁷.

⁵⁵ Ibid. P. 57–60. Здесь же о «злоупотреблениях» второй половины XVII в. и некоторых отрицательных результатах прикрепления.

⁵⁶ *Confino M. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII-e siècle. Études de structures agraires et de mentalités économiques.* P., 1963.

⁵⁷ *Confino M. La politique de tutelle des seigneurs russes envers leurs paysans vers la fin du XVIII-e siècle // RÉS. 1960. T. 37. P. 39–69; Idem. La comptabilité des domaines privés en Russie dans la seconde moitié du XVIII-e siècle (d'après les «Travaux de la Société libre d'Économie» de Saint-Petersbourg) // RHMC. 1961. № 1. P. 5–34; Idem. Le paysan russe jugé par la noblesse au XVIII-e siècle // RÉS. 1961. T. 38. P. 51–63; Idem. Dans les domaines privés en Russie (XVIII-e — XIX-e siècle) // Annales: Économie — Société — Civilisation. 1961. № 6. P. 1066–1095; Idem. Les enquêtes économiques de la «Société libre d'Économie de Saint-Petersbourg» (1765–1820) // RH. 1962. № 1. P. 155–180; Idem. Seigneurs et intendants en Russie aux XVIII-e — XIX-e siècles // RÉS. 1962. T. 41. P. 61–91.*

Статьи и книга Конфино основаны на внимательном изучении материалов, опубликованных в первых 72-х томах «Трудов Вольного Экономического общества» (1765–1820 гг.), и ряда других изданных источников (помещичьи инструкции приказчикам, мемуары, художественная литература XVIII–XIX вв. и т. п.). Автор хорошо знаком с новейшими исследованиями советских авторов⁵⁸ (П. К. Алефиренко, Н. Л. Рубинштейн и др.)⁵⁹. Данная автором характеристика «Трудов» ВЭО как источника по аграрной истории России отличается некоторым формализмом. Здесь ставится вопрос об отборе материалов для издания, разновидностях опубликованных источников, но проблема происхождения, полноты и достоверности этих документов не получила достаточного освещения (подробнее другие охарактеризованы образцовые инструкции⁶⁰ и экономические анкеты⁶¹). Пробелы в источниковедческом анализе «Трудов» связаны с отсутствием у автора объяснения классовых причин возникновения Общества⁶². Указанные Конфино факторы – интерес к сельскому хозяйству, экономическое оживление, свобода дворянства, периодическая «напряженность» социальных отношений в деревне⁶³ – существовали не в виде изолированных параллельных рядов, а в виде социального синтеза, определившего стремление господствующего класса укрепить дворянское землевладение, приспособить его к новым условиям и уберечь от натиска экономической самостоятельности и классовой борьбы крестьян.

Что касается основной темы исследования, то между ней и составом использованных источников имеется очевидный разрыв. Автор не ограничивается историей дворянской экономической мысли — единственной проблемой, которая могла бы быть раскрыта по «Трудам» ВЭО с известной полнотой, но стремится нарисовать также картину самих аграрных отношений второй половины XVIII в., хотя сделать это без привлечения вотчинных фондов и фондов государственных учреждений невозможно.

⁵⁸ Правда, не все статьи по теме оказались в его поле зрения: не использовано, например, исследование Н. И. Бураковской о неопубликованных инструкциях 1767 г. — см.: Бураковская Н. И. Вотчинные инструкции середины XVIII в. как источник по истории крепостного хозяйства: (Характеристика инструкций Голицына 1767 г.) // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 371–388.

⁵⁹ О ряде других достоинств книги Конфино см. в рецензии С. А. Фейгиной: ИСССР. 1965. № 1. С. 202–204.

⁶⁰ *Confino M.* La comptabilité... P. 5–34; *Idem.* Domaines... P. 40–41.

⁶¹ *Confino M.* Les enquêtes... P. 155–180.

⁶² Отметим, кстати, что автор предлагает новую периодизацию истории ВЭО до 1820 г. (*Confino M.* Les enquêtes... P. 165). Об этой статье см. заметку В. А. Федорова: ВИ. 1964. № 2. С. 192–193.

⁶³ *Confino M.* Domaines... P. 24.

Впрочем, для Конфино воссоздание цельной картины по неполному комплексу источников облегчается избранной им методикой. Он пользуется иллюстративным методом, не выясняя ни порайонной специфики аграрных отношений, ни конкретной эволюции их в рамках района и страны в целом.

Круг вопросов, являющихся предметом исследования автора, ограничивается по преимуществу системой вотчинного управления (ведение барского хозяйства и отношения с крестьянами) и формами ренты. Автор абстрагируется от проблемы земельной собственности и ее структуры в рамках поместья. Социально-экономическая природа «крепостного режима» остается невыясненной, а вместе с ней тонут в тумане и линии пересечения путей феодального и буржуазного развития.

С одной стороны, Конфино рассматривает злоупотребления приказчиков как неизбежный результат крепостного режима⁶⁴, но, с другой стороны, сам этот режим, и в том числе институт приказчиков, он выводит не столько из структуры земельной собственности, при которой для получения ренты требовалось внеэкономическое принуждение и осуществляющий его вотчинный аппарат, сколько из опыта государственной службы дворян, стремившихся создать в своих имениях подобие государственной военно-полицейской системы⁶⁵, хотя известно, что приказчики были в монастырских вотчинах уже в XIV–XV вв.

Ж. Л. ван Режеморте в рецензии на книгу Конфино выдвинул еще одно объяснение того, почему приказчики были необходимы даже в тех случаях, когда помещик сам жил в имении. По мнению рецензента, дворяне сознательно избегали частых человеческих контактов с крепостными. Этим они стремились сохранить освященность своей власти. Привилегия дворянина состояла как раз в том, чтобы не сталкиваться прямо с действительностью⁶⁶. Приведенное наблюдение, отличаясь психологической тонкостью, лишено, однако, исторической аргументации: обожествление помещика стало возможно в условиях сохранения им старой политической роли сеньора при одновременном превращении его в почти неограниченного собственника крепостных «душ».

Такая важная проблема, как дифференциация помещичьего землевладения, не стала объектом изучения в книге Конфино. Проблема крестьянского землепользования также не получила у него сколько-нибудь

⁶⁴ Очевидно, прав автор, когда он, вопреки мнению В. И. Семевского, утверждает, что физическое отсутствие помещика в имении не уменьшало бюрократию и не увеличивало власть «мира», а вело чаще всего к расширению вотчинного аппарата (*Confino M. Domaines...* Р. 103). Это наблюдение Конфино поддерживает и С. А. Фейгина — см.: ИСССР. 1965. № 1. С 203.

⁶⁵ *Confino M. Domaines...* Р. 95, 259.

⁶⁶ RHMC. 1964. № 4. Р. 310.

детальной разработки. Правильно указывая, что помещичьи запреты не могли приостановить семейные разделы и общий процесс дифференциации крестьянства⁶⁷, автор однако недооценивает степень этой дифференциации⁶⁸. Он склонен к идеализации «коллективизма» членов общины⁶⁹ и самую общину рассматривает с позиций феодального социализма как орган, который мог бы ограничить произвол приказчиков, если бы не «логика» крепостного режима, не позволявшая помещику расширять общинные права⁷⁰.

Оперируя представлениями о «типичном» дворянском и крестьянском хозяйствах, автор пытается свести к некоторому общему знаменателю и проблему ренты. Заслуживает внимания его трактовка вопроса о распределении барщины и оброка во второй половине XVIII в. Против объяснений В. И. Семевского, который, по мнению Конфино, взял в качестве критерия слишком «статичные» факторы (степень плодородия почвы и размеры землевладения), автор выдвигает следующие возражения: 1) у Семевского степень плодородия строго совпадает с административными рамками губерний, что неверно; 2) факты противоречат утверждению Семевского, что крупные землевладельцы предпочитали оброк барщине. Против объяснений Н. Л. Рубинштейна, основанных, с точки зрения Конфино, на слишком «динамичных» факторах (степень связи района с рынком), Конфино выдвигает тоже два возражения: 1) материалов Рубинштейна недостаточно для вывода, что барщина и оброк поляризовались — барщина в хозяйствах, связанных с рынком, оброк в хозяйствах, далеких от рынка; 2) кто мог заметить превращение района из выгодного для развития оброка в район, где помещикам было выгоднее ввести барщину⁷¹? Нам представляется, что первое возражение Семевскому и второе возражение Рубинштейну не имеют принципиального значения и не колеблют выдвинутых ими критериев, а только требуют их дальнейшего уточнения и детализации на базе конкретных данных.

⁶⁷ *Confino M. La politique de tutelle...* P. 53–58.

⁶⁸ В рецензии Режеморте правильно замечено, что принятое автором понятие «мелкое хозяйство» покрывает различные экономические типы и что нельзя в общей форме, не выделяя кулацких хозяйств, говорить о преобладании крестьянского производства на рынок над помещичьим (RHMC. 1964. № 4. P. 311).

⁶⁹ *Confino M. Domaines...* P. 264.

⁷⁰ По этому поводу Режеморте замечает: «После попытки склониться к идеалистической интерпретации... Конфино возвращается к марксистской концепции сеньориальной экономики, основанной на внеэкономическом принуждении» (RHMC. 1964. № 4. P. 310). Для марксизма, однако, характерно рассмотрение внеэкономического принуждения не как основы, а как свойства феодальной экономики, являющегося следствием феодальной структуры земельной собственности.

⁷¹ *Confino M. Domaines...* P. 190–194; *Idem. Dans les domaines...* P. 1074–1089. Режеморте поддерживает эти критические соображения Конфино (RHMC. 1964. № 4. P. 312).

Тезис Конфино о смешанной форме ренты (барщина и оброк) кажется плодотворным, однако стремление автора противопоставить барщине и оброку смешанную ренту как нечто «качественно» иное⁷² едва ли правомерно, тем более, что сам Конфино подчеркивает неантагонистический характер противоречия между барщиной и оброком и видит основную антитезу дворянского «сеньориального» землевладения в развитии таких явлений, как наемный труд, сдача земли в аренду и другие моменты, которые, впрочем, лишь декларируются, но не исследуются автором⁷³. Правильный в своей основе тезис о смешанной ренте настолько абстрактен, что оправдывает отказ автора от изучения порайонной специфики рент и его ориентацию на условный «средний» тип дворянского и крестьянского хозяйства⁷⁴.

Объясняя рост барщины во второй половине XVIII в., Конфино называет три причины его: 1) возврат дворянства к земле в 1762–1775 гг.; 2) «псевдо-экономическое»⁷⁵ мнение дворянства о выгодности «сырья» по сравнению с чистой прибылью; 3) постоянное вздорожание зерновых в течение второй половины XVIII — начала XIX в.⁷⁶. Первое объяснение, высказанное автором в виде скромной «догадки», имеет наибольшую убедительность. Здесь следовало бы указать дальнейшую эволюцию дворянской собственности в сторону ее капитализации. Зато второе объяснение, которое кажется автору «бесспорным», является скорее, следствием первой причины, чем фактором одного с ней порядка. Повышение же цен на хлеб связывается автором не с развитием городов, а с потребностями винокурения⁷⁷.

⁷² *Confino M. Dans les domaines...* P. 1076. Тезис о широком распространении смешанной ренты был впервые выдвинут в советской историографии в начале 50-х годов XX в. — см.: *Ржаникова Т. П.* Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева: (50-е — начало 70-х годов XVIII в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1953. С. 373 (РГБ. Отдел диссертаций, машинопись); *Баранов М. А.* Крестьяне монастырских вотчин накануне секуляризации: (По документам Спас-Евфимьева монастыря в г. Суздале): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 309 (РГБ. Отдел диссертаций, машинопись).

⁷³ *Confino M. Domaines...* P. 254; *Idem. Dans les domaines...* P. 1095. О статье «*Dans les domaines...*» см. также заметку В. А. Федорова: ВИ. 1962. № 3. С. 192–194.

⁷⁴ Ср.: *Confino M. Domaines...* P. 176–177.

⁷⁵ Пользуемся термином Режеморте, который в данном случае выражает мнение Конфино (RHMC. 1964. № 4. P. 312).

⁷⁶ *Confino M. Domaines...* P. 228–229; по второму и третьему пунктам автора полностью поддержал Режеморте (RHMC. 1964. № 4. P. 312–313).

⁷⁷ По мнению Режеморте, автор прав, что винокурение было регулятором производства зерна. «Действительно, — говорит рецензент, — не необходимость сбыта излишков зерна побудила Екатерину II искать выхода к Черному морю, а, наоборот, создание новых портов стимулировало производство зерновых» (RHMC. 1964. № 4. P. 311–313).

Неспособность помещика внести что-либо «конструктивное» в экономику и вообще экономические взгляды дворянства Конфино считает проявлением интеллектуальной и моральной «слепоты», порожденной крепостным режимом и опытом бюрократической государственной службы⁷⁸. Это мнение о «слепоте» или близорукости дворянства (видевшего лишь потребности сегодняшнего дня) несколько противоречит тому основному впечатлению от книги, которое сформулировал Р. Порталь: русское дворянство не беззаботно относилось к своему землевладению, как было принято считать раньше⁷⁹. Определение классового чутья помещиков в качестве «слепоты» показывает идеалистическое понимание автором взаимосвязи между базисом и идеологической надстройкой. По существу Конфино счел бы русских помещиков разумными и дальновидными, если бы они сами преобразовали свои хозяйства в буржуазные экономики⁸⁰, ибо только такое преобразование могло обеспечить внедрение новой техники и перестройку всех отношений между собственником и непосредственным производителем с позиций рентабельности. Однако помещики были не более «слепы», чем любой господствующий класс, цепляющийся за свои привилегии и за свой, единственно удобный ему в силу определенной структуры собственности способ эксплуатации трудящихся. В инстинктивном подчас неприятии дворянами тех усовершенствований, которые, при всей своей выгодности с точки зрения буржуазной рентабельности, подтачивали устои феодальной структуры, можно усматривать не столько «слепоту», сколько проявление острого чувства опасности, всякий раз возникавшего у дворянина при виде новшеств, действительно угрожавших системе феодального господства.

Говоря в целом, исследования Конфино по аграрной истории России второй половины XVIII — начала XIX в. содержат ряд полезных наблюдений. Однако иллюстративный метод превратил его книгу в собрание

⁷⁸ *Confino M. Domaines...* P. 268–274; cp.: *Idem. La comptabilité...* P. 32–34; *Idem. Le paysan russe...* P. 51–63; *Idem. Les enquêtes...* P. 179–180.

⁷⁹ *Confino M. Domaines...* P. 10.

⁸⁰ Режеморте считает «наиболее новыми» наблюдения Конфино относительно того, «до какой степени понятие о рентабельности было чуждо сознанию даже самых просвещенных собственников. Привыкший рассматривать крепостной труд как даровой, сеньор смешивал капиталовложения и денежные авансы, прибыли (барыши) и денежные сборы. При таких расчетах никогда нельзя было знать, рентабелен тот или иной продукт или нет. Критикуя старое представление о «безумном расточительстве русского дворянства», Конфино настаивает на существовании стяжательства в духе Головлевых, вплоть до «шанса» сгноить богатства, вопреки духу капиталистического предпринимательства, которое рискует вложением, чтобы получить больше. «Если сеньор медленно разорялся, то осознать, почему это происходит, он был не в состоянии» (RHMC. 1964. № 4. P. 311).

«общих мест», «типичных» примеров и иллюстраций, скрывающих, за редкими исключениями, эволюцию и территориальную неравномерность основных процессов. «Крепостной режим» как внеэкономический, чуть ли не из государственных форм заимствованный институт занимает весь передний план картины, нарисованной Конфино. Он заслоняет собой все глубинные явления экономики — и внутреннюю структуру земельной собственности, и развитие социальной дифференциации и товарно-денежных отношений.

Проблеме генерального межевания второй половины XVIII в. посвящена статья Д. Экот. Основным источником для нее послужили указы, опубликованные в ПСЗ, и отчасти планы генерального межевания. Экот довольно высоко оценивает планы как источник для изучения «инфраструктуры» деревни XVIII в., хотя и не занимается этим вопросом. Автор считает, что во Франции межевание было произведено лучше (фактических данных в пользу этого тезиса в статье не приведено), но и в России оно имело большие достоинства. В этой связи исследовательница пытается установить процент ошибок при измерении земли в период генерального межевания⁸¹. Согласно представлениям Экот, первоначальная цель генерального межевания состояла в том, чтобы точно определить владения короны, отграничить государственную собственность, особенно леса⁸². Вместе с тем Экот считает, что надо учитывать как стимулирующий межевание фактор также эволюцию дворянской земельной собственности, тенденции капитализации последней, усилившиеся в связи с массовым переходом помещиков к хозяйственной деятельности после указа о свободе дворянства 1762 г.

Статья Ф. Кокена о передвижениях русских крестьян в XIX в. написана на базе неопубликованных материалов ЦГИА СССР (ныне РГИА). Причины крестьянского передвижения в дореформенный период автор сводит к факторам «отталкивания» (неблагоприятные местные условия — малоземелье, неурожаи, голод) и сам этот процесс относит только к государственным крестьянам, считая, что бывшие крепостные пришли в движение не ранее 70–80-х годов. Факторы «притяжения» на другие земли Кокен обнаруживает лишь в пореформенное время⁸³. Автор верно уловил

⁸¹ *Eeckaute D.* La mensuration générale des terres en Russie dans la seconde moitié du XVIII-e siècle // CMRS. 1964. № 3. P. 325, 327–328.

⁸² *Ibid.* P. 321. По мнению Л. В. Милова, межевание было выгодно прежде всего дворянству — см.: *Милов Л. В.* Исследование об экономических примечаниях к генеральному межеванию: (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

⁸³ *Coquin Fr.-X.* Faim et migrations paysannes en Russie au XIX-e siècle // RHMC. 1964. № 2. P. 127–144.

основные тенденции переселенческого движения, но абсолютизировал противопоставление послереформенного периода дореформенному, когда тоже имелись, хотя и в менее развитой форме, факторы «притяжения». Очевидно, нельзя полностью исключать из общего процесса «передвижения» побеги крепостных.

В ряде работ изучается история русской промышленности XVIII–XIX вв. М. Конфино написал обстоятельную статью, в которой прослеживается история уральских предпринимателей Губиных и принадлежавших им Верхне- и Нижнесергинского заводов. В этой статье поднимаются и общие вопросы. Выступая против мнения П. Г. Любомирова (1947 г.) о концентрации производства во второй половине XVIII–XIX вв., Конфино присоединяется к мнениям Д. Кашинцева (1939 г.) и Р. Порталья (1950 г.), отрицавших существование концентрации в этот период (Порталь говорит о распылении с 1769 г.). Признавая однако (в отличие от Порталья) тезис Любомирова о наличии концентрации в 1763–1806 гг., Конфино считает ее относительной и временной. По его мнению, тенденция концентрации не была прямолинейной, она представляется в виде цикла: концентрация — распыление⁸⁴. Однако вопрос о качественном отличии одного цикла от другого автор не исследует. Конфино отмечает у заводских крестьян такие черты отношения к действительности, в которых он усматривает своеобразное соответствие патернализму собственников⁸⁵. Нам кажется, речь тут должна идти о модификациях общинной психологии. Историю волнений на уральских заводах Губина в 1800–1830 гг. Конфино излагает описательно⁸⁶.

Перу Р. Порталья принадлежит несколько статей, посвященных развитию текстильной промышленности в России XIX в. Им изучены материалы фонда Шереметевых в ЦГАДА (ныне РГАДА), многие местные издания. Порталь придает большое значение исследованию генеалогии русской буржуазии. В этом отношении его работы перекликаются с трудами российского историка Н. И. Павленко. Порталь широко использует наблюдения советских историков промышленности XIX в., особенно В. К. Яцунского. Он не принимает, однако, тезиса последнего о свободном найме рабочих рук как главном признаке капиталистического предприятия, указывая на существование фабрик с полусвободными и полукрепостным рабочими. Автор предлагает и владельцев посессионных заводов отнести к буржуазии, исключив отсюда лишь дворянство. Говоря о кустарях и принимая

⁸⁴ *Confino M. Maitres de forges et ouvriers dans les usines métallurgiques de l'Oural aux XVIII-e — XIX-e siècles // CMRS. 1960. № 1. P. 249–255.*

⁸⁵ *Ibid. P. 281.*

⁸⁶ *Ibid. P. 281–284. В. Г. Сироткин находил в этой статье Конфино черты об- активизма (ИСССР. 1961. № 4. С. 213).*

определение их, данное В.К. Яцунским («потенциальная буржуазия»), Порталь подчеркивает трудность отличения «фактической» буржуазии от юридической, обладающей сословными привилегиями. По мнению автора, трудно также провести четкую грань между промышленной и торговой буржуазией по основному роду занятий, как предлагает В.К. Яцунский.

Словом, Порталь стремится доказать невозможность определения промышленной буржуазии по какому-либо одному главному признаку и выдвигает в качестве критерия весь комплекс отношений между предпринимателем и обществом, всю систему «социальных» факторов, а не единственный производственный принцип⁸⁷. «Нельзя преувеличивать удельный вес доходов, полученных от эксплуатации рабочих рук, — говорит он, — прибыль в значительной мере, а иногда и в большей мере, шла от торговли...»⁸⁸ Марксистская теория доказывает, однако, что именно производственные отношения, специфическая форма эксплуатации рабочих собственником составляют основной признак социальной структуры.

Особого внимания заслуживает мысль Порталья о роли крепостного права на первоначальной стадии формирования текстильной буржуазии, когда сами предприниматели были еще крепостными: «Крепостное состояние в известном смысле скорее служило, чем вредило их восхождению. В обстановке послушания, которой покровительствовал помещик, получавший оброк от фабриканта, последний пользовался частью помещичьей власти, в видимом противоречии со своим юридическим положением»⁸⁹. Иными словами, внеэкономическое принуждение, частично делегированное крепостному фабриканту, рассматривается как фактор самоопределения новой буржуазии.

Помимо общих построений, в статьях Порталья содержится фактическая разработка истории семей крупных предпринимателей: Морозовых, Прохоровых, Коноваловых и др.⁹⁰

Очень интересный материал о работе французов в России первой половины XIX в. в качестве ремесленников, торговцев, предпринимателей

⁸⁷ Portal R. Aux origines d'une bourgeoisie industrielle en Russie // RHMC. 1961. № 1. P. 56–59. Об этой статье см. также заметку В.А. Федорова: ВИ. 1962. № 2. С. 196–197.

⁸⁸ Portal R. Op. cit. P. 58. Автор неоднократно высказывает мысль, что в истории возвышения русской промышленной буржуазии особую роль сыграла торговля, развивавшаяся в условиях раздробленного внутреннего рынка и дальнейшего освоения Украины и Средней Волги, при действии благоприятного таможенного тарифа 1822 г. (Ibid. P. 58–59; Idem. Du servage à la bourgeoisie: la famille Konovalov // RÉS. 1961. Т. 38. P. 150; о последней статье см. заметку В.А. Федорова: ВИ. 1962. № 7. С. 197–198).

⁸⁹ Portal R. Du servage... P. 150.

⁹⁰ Portal R. Aux origines... P. 41–55; Idem. Du servage... P. 143–149; Idem. Industriels moscovites: le secteur cotonnier (1861–1914) // CMRS. 1963. № 1/2. P. 5–46.

и т. п., почерпнутый из Национального архива Франции, а также из французской прессы и мемуарной литературы, приводит в своей статье М. Кадо. Сообщая ряд статистических данных (например, о количестве и профессиях выезжавших), автор подчеркивает их недостаточность и порой неточность и указывает на необходимость использования российских архивов. Кадо считает, что России было выгодно иметь французских специалистов, хотя не все из приезжавших были квалифицированными. В статье содержится этюд, посвященный истории организации в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. парового движения по трассам Петербург — Гавр, Петербург — Дюнкерк⁹¹.

Написанная по литературе работа М. Девеза посвящена истории русского леса с древнейших времен до 1914 г. Автор рассматривает лес как географическую среду и как объект хозяйственной деятельности и правительственной политики⁹².

Ряд статей и книг французских авторов касается проблем внутренней политики и идеологии XVIII–XIX вв. Книга Р. Порталю «Петр Великий» написана на базе основных опубликованных источников и новейшей литературы⁹³. Автор стремится дать свою концепцию петровского царствования. Разделяя тезис советской историографии о существовании феодальной формации в России до середины XIX в.⁹⁴, он считает, что во времена Петра I произошло зарождение тех элементов «предкапитализма», которые в начале XIX в. привели к возникновению «переходного предкапиталистического режима»⁹⁵.

По словам Порталю, Петр I создал «современное (или «новое». — С. К.) государство» (точнее — «государство Нового времени») на «традиционной основе», при сохранении феодальной структуры⁹⁶. Порталь выступает против историографического мифа о близости допетровского боярина к мужику⁹⁷. Но, к сожалению, он не раскрывает содержание понятия «современное государство», считая его самоочевидным. При определении

⁹¹ *Cadot M. Les débuts de navigation à vapeur et l'émigration française en Russie // CMRS. 1963. № 4. P. 382–399.*

⁹² *Devèze M. Contribution à l'histoire de la forêt russe (Des origines à 1914) // CMRS. 1964. № 3. P. 302–319; № 4. P. 461–478.*

⁹³ *Portal R. Pierre le Grand [P.], 1961. Подстрочных примечаний нет. Библиография в конце книги.*

⁹⁴ См. также его предисловие к книге: *Confino M. Domaines et seigneurs en Russie... P. 9.*

⁹⁵ *Portal R. Pierre le Grand. P. 297.*

⁹⁶ *Ibid. P. 294, 296.*

⁹⁷ *Ibid. P. 288–289.*

классовой природы этого государства автор высказывает сомнение в правильности формулы «государство помещиков и купцов». «Государство дворян? — говорит он. — Без сомнения. Государство купцов? Вещь более спорная»⁹⁸. Нам кажется, что «традиционная», «феодалная» основа «современного государства» нуждается в специальном исследовании. Это особая стадия феодализма, при которой многие существенные его признаки, вследствие эволюции феодальной собственности на землю, исчезают и заменяются теми чертами, которые позволяют создать «современное государство». У Порталья же «традиционная основа» выступает как нечто развивающееся по восходящей кривой: «Власть и привилегии дворянства и церкви росли одновременно с ростом их обязанностей по отношению к государству»⁹⁹. Очевидно, нужно учитывать, что характер этой возматвавшей (по отношению к крестьянству) власти господствующего класса менялся. Приобретая рабовладельческие черты, господство дворян теряло существенные элементы «феодалных привилегий»: вместо личных привилегий развивались общесословные права дворянства.

В деятельности самого Петра I, которую автор считает в целом прогрессивной, он находит как положительные, так и отрицательные моменты. К числу первых относятся стимулирование роста уральской металлургии, превращение России из континентальной державы в морскую¹⁰⁰, создание новой столицы и ряда учреждений, продолживших дело преобразования, борьба за изменение нравов¹⁰¹. В качестве недостатков деятельности Петра I автор указывает избыток законодательства, часто неосуществленного, импровизацию и отсутствие последовательности во многих начинаниях, расточительство в использовании людских ресурсов¹⁰². Кроме того, Порталь не видит экономической пользы в фискальном нажиме на церковь¹⁰³.

Особенно подчеркивает автор национальный, «даже националистический» характер деятельности Петра. По его мнению, те, кто говорят о «западничестве» Петра I, обычно забывают, что в период, когда Петр пришел к власти, России угрожала экономическая колонизация, против которой правительство и «гости» должны были защищаться. Вся деятельность Петра I, несмотря на видимость «западничества», была реакцией на эту угрозу¹⁰⁴. Широкое обращение к иностранцам, указывает Порталь,

⁹⁸ Ibid. P. 213.

⁹⁹ Ibid. P. 296.

¹⁰⁰ Ibid. P. 50–93.

¹⁰¹ Ibid. P. 286–289.

¹⁰² Ibid. P. 283–284.

¹⁰³ Ibid. P. 293.

¹⁰⁴ Ibid. P. 291–292.

замаскировало наличие большого количества русских ремесленников и мастеров и существование собственного архитектурно-художественного стиля («московское барокко»)¹⁰⁵; иностранцев лишь использовали, но они не приобрели никакого руководящего значения¹⁰⁶. Согласно мнению Порталю, церковная реформа Петра I усилила национальный характер русской православной церкви. Увеличение власти церкви (в отношении народных масс) автор связывает с тем, что она оказалась частью государственного аппарата: «Религиозная вера стала неотделима от „цезарепапизма“, на путь которого вступила Россия начиная с царствования Петра Великого»¹⁰⁷. Однако Порталь умалчивает о подавлении самостоятельной политической роли церкви как одного из характерных институтов старого феодального общества.

Французская историография проявила заметный интерес к проблеме русского меркантилизма. По мнению Порталю, нельзя утверждать, что экономическая политика Петра I превосходила западный меркантилизм (тезис Е. В. Спиридоновой). Заслугу Петра I автор видит лишь в оригинальном применении принципов меркантилизма. Согласно Порталю, русский меркантилизм был меркантилизмом отсталой страны и включал в себя значительную долю этатизма и строгого протекционизма при внимании к промышленному развитию¹⁰⁸.

Сходные взгляды развивает Симона Блан. Она называет экономическую политику Петра I национальной по целям и меркантилистской по средствам¹⁰⁹. Критика концепции Е. В. Спиридоновой ведется ею в плане сближения тех тенденций экономической политики и экономической мысли, которые Спиридонова считает самобытно-русскими, с тенденциями западного меркантилизма. Однако автор признает, что исследование Е. В. Спиридоновой дает основание «меркантилизм» Петра I «писать и понимать... в кавычках»¹¹⁰. По словам С. Блан, меркантилизм Петра I — логический и спонтанный ответ на экономическую обстановку, это русский эквивалент колыбелизма¹¹¹. Блан поддерживает два тезиса советской исто-

¹⁰⁵ Ibid. P. 186.

¹⁰⁶ Ibid. P. 247.

¹⁰⁷ Ibid. P. 248.

¹⁰⁸ Ibid. P. 295–296.

¹⁰⁹ *Blanc S. À propos de la politique économique de Pierre le Grand // CMRS. 1962. № 1. P. 127.*

¹¹⁰ Ibid. P. 126.

¹¹¹ Ibid. P. 127. Проявление меркантилизма С. Блан видит также в том, что доходы от службы стали рассматриваться не как самоцель, а как вознаграждение за участие в осуществлении общенациональной политики (*Blanc S. La pratique*

риографии: 1) не Петр создал экономику из ничего, а предшествующая эволюция обусловила новые пути экономического роста; 2) после Петра I наблюдается не упадок экономики, а дальнейшее ее развитие (Н. И. Павленко, С. Г. Струмилин). Вместе с тем автор полагает, что советские историки недостаточно учитывают «очевидный факт» правительственного покровительства промышленности в духе меркантилизма, хотя нельзя полностью согласиться и с В. О. Ключевским, преувеличивавшим значение личной воли Петра I¹². В споре между Н. И. Павленко и С. Г. Струмилиным о социальном характере промышленного развития С. Блан не занимает определенной позиции, но крепостной труд она считает «аномалией», «искусственным пережитком», который можно объяснить лишь «ненормальным» сохранением крепостного режима¹³. Однако критерий «нормальности» едва ли здесь уместен. Вообще изучение проблемы только по литературе, без анализа источников, лишает С. Блан возможности развить собственную концепцию. Ее построения весьма эклектичны и компромиссны. Влияние на них советской историографии несомненно.

Анри Шамбр, довольно тщательно изучивший «Книгу о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова, поддерживает мнение советских историков, не считающих, что экономические взгляды Посошкова уместаются в традиционную схему меркантилизма (Б. Б. Кафенгауз, С. В. Трахтенберг, Н. К. Кара-таев, П. И. Лященко, Е. В. Спиридонова). Он возражает Р. Гоннару, Б. Жилу и М. Т. Флоринскому, которые рассматривали Посошкова как меркантилиста. Однако Шамбр отказывается видеть вслед за А. И. Пашковым оригинальность Посошкова в трудовой теории происхождения богатства. Оригинальность русского мыслителя заключается, по его мнению, в том, что Посошков выдвинул в качестве условия процветания страны, наряду с материальными ценностями, духовные и отдал им предпочтение перед материальными. Автор подчеркивает христианско-православную сущность мироощущения Посошкова и в ней видит одно из важнейших отличий его философии от рационализма меркантилистов¹⁴. Трудовую же теорию Шамбр находит уже у французов XVII в. — Антуана де Монкретьена и Буагильбера.

de l'administration russe dans la première moitié du XVIII-e siècle // RHMC. 1963. № 1. P. 58). Автор исходит из весьма распространенного представления об исключительно «кормовом» значении судебно-административных должностей для господствующего класса Русского государства XIV–XVII вв.

¹² *Blanc S.* À propos de la politique... P. 122–123, 128. Сама С. Блан в качестве главной заслуги Петра I выставляет то, что он посеял вдохновение и патриотический подъем, дав тем самым России психологическую основу для развития ее новой экономики, и в этом смысле был создателем последней (*Ibid.* P. 139).

¹³ *Ibid.* P. 136.

¹⁴ *Chambre H.* Posoškov et le mercantilisme // CMRS. 1963. № 4. P. 338–359.

Проанализировав отличия взглядов Посошкова от классических норм «меркантилизма», Шамбр присоединяется к тем советским авторам, которые считают концепцию Посошкова результатом осмысления явлений русской действительности. При этом Шамбр допускает косвенное (почерпнутое из бесед с иностранцами) знакомство Посошкова с западноевропейскими источниками. Кроме того, он указывает на черты сходства взглядов Посошкова с идеями Анджея Фрыча Моджевского (1561 г.), переведенного в конце XVII в. на русский язык. Польскую экономическую мысль XVI в. (Коперник, Моджевский) Шамбр считает возможным общим источником теорий французских экономистов XVII в. и Посошкова. Эту гипотезу автор предлагает как объяснение сходства взглядов Монкретьена и Посошкова¹⁵.

Во французской литературе обращено внимание также на историю местного управления в России XVIII–XIX вв. Изучается она скорее в социологическом, чем в конкретно-историческом плане. Административной практике первой половины XVIII в. посвящена компилятивная статья С. Блан, написанная под сильнейшим влиянием трудов русских историков конца XIX — начала XX в. — М. М. Богословского, П. Н. Милюкова, Ю. В. Готье и др. Автор в общем и целом разделяет их представление о том, что русское провинциальное дворянство не создало корпораций, которые явились бы органами власти на местах, а превратилось в «добровольную бюрократию» — сборщиков податей¹⁶. Но видеть в земельном дворянстве просто чиновничество значит отрицать роль феодальной собственности на землю как источника политических привилегий и приписывать эту роль государству, придавая ему надклассовый характер.

Вместе с тем такое понимание взаимоотношений между русским дворянством и государством еще очень распространено в зарубежной историографии. Американский историк М. Раев, напечатавший во французском журнале статью об основных тенденциях развития администрации и общественной психологии в России 1725–1861 гг.¹⁷, стремится доказать, что в дореформенный период не было идеи постепенного, «органического» развития: вместо нее господствовал, с одной стороны, дух правительственного централизма, с другой — дух революционной перестройки. Причины этого явления автор видит в отсутствии дворянской корпоративности и в развитии юридической мысли в двух крайних

¹⁵ Ibid. P. 362–364.

¹⁶ *Blanc S.* La pratique de l'administration... P. 45–64. Об этой статье см. заметку В. А. Федорова: ВИ. 1964. № 4. С. 197–198 (по недоразумению автор говорит о Симоне Блан в мужском роде).

¹⁷ *Raeff M.* L'état, le gouvernement et la tradition politique en Russie impériale avant 1861 // RHMC. 1962. № 4. С. 295–307 (об этой статье см. заметку В. А. Федорова: ВИ. 1963. № 8. С. 192–193).

направлениях: централистском («консерваторы») и естественно-правовом («радикалы» или «либералы»)»¹¹⁸. Причины неразвитости дворянской корпоративности были, по мнению Раева, следующие: 1) отсутствие профессионального и кастового образования (учебные заведения давали только «общую культуру»); 2) распыленность земель одного и того же дворянина по нескольким губерниям или уездам; 3) тот факт, что «лучшие», наиболее образованные представители дворянства жили в столицах, в провинции же оставались невежественные и апатичные.

Рассматривая дворянское самоуправление как простое средство содействия государственным чиновникам, автор стремится показать отсутствие у местного дворянства реальной политической власти. Но ведь именно в руках дворян была сосредоточена вся полнота власти в отношении крепостных — основной массы населения России, и власть эта имела не только частноправовой, но и политический (судебно-полицейский) характер. Осуществляя власть над крепостными, помещики действовали в первую очередь в своих собственных, а не в общегосударственных интересах.

Эволюцию экономики и социальной структуры в рамках дореформенного общества Раев противопоставляет «постоянству», неизменности административно-психологической сферы»¹¹⁹. В плане изучения идей, касающихся реформирования местного управления, представляет интерес статья Д. Стремоухова. Он рассматривает «Недоросль» Фонвизина в качестве источника по истории административной мысли. Автор считает, что Фонвизин фактически призывал генерал-губернаторов использовать свои права в том направлении, которое имела в виду императрица в «Учреждении о губерниях»¹²⁰.

Анализ взглядов С. Блан, А. Шамбра и М. Раева ясно показывает, что в тех областях, где советская историография сделала крупный шаг вперед (изучение экономики XVIII–XIX вв.), зарубежные авторы считаются с достигнутыми успехами и попадают под влияние марксистской науки, там же, где схемы дореволюционных ученых не заменены ничем фундаментальным, мы видим возрождение в новых формах старых концепций.

Большой простор для всевозможных оригинальных построений чувствует зарубежная историография в сфере изучения судеб русской

¹¹⁸ В другой статье Раев, изучая «Проекты и записки» М. М. Сперанского, изданные в 1961 г. под редакцией С. Н. Валка, стремится показать, как умерли в России идеи органического развития: Александр I постепенно переходил с позиций традиционализма, отстаиваемых сенатско-аристократической партией, на позиции бюрократического централизма (Raëff M. *Le climat politique et les projets de réforme dans les premières années du règne d'Alexandre Ier* // CMRS. 1961. № 4. P. 415–433).

¹¹⁹ Raëff M. *L'état, le gouvernement...* P. 305.

¹²⁰ Strémooukhoff D. *Autour du «Nedorosl» de Fonvizin* // RÉS. 1961. T. 38. P. 185–192.

интеллигенции. В 1960 г. была посмертно издана посвященная этой теме статья русского эмигранта, профессора античной истории Д. П. Канчаловского (1878–1952)¹²¹. Автор считает интеллигенцию специфическим продуктом русского национального характера (понятие «интеллигенция» впервые появилось в России). В интеллигенции, по мнению Канчаловского, нельзя видеть категорию экономического, юридического или профессионального порядка: это «социально-психологическая» категория, под которой понимается критически мыслящая часть общества, видящая свою цель не в практической деятельности, а в обсуждении теоретических вопросов, в первую очередь социальных и политических, и абстрактных проблем морального характера, связанных с этими вопросами¹²². В качестве черты, особенно свойственной дореформенной интеллигенции, автор указывает отсутствие профессиональных знаний (ср. аналогичное мнение М. Раева о характере обучения дворянства) и юный возраст представителей этой «социально-психологической» группы. Первым русским интеллигентом он считает В. Г. Белинского. Круг источников, использованных в статье, весьма ограничен — это главным образом сочинения А. И. Герцена. Фактическими доказательствами тезисов автора статья отнюдь не изобилует.

Французский историк А. Безансон в своем обзоре новейших американских работ по истории русской интеллигенции (М. Мэлья, А. Гершенкрона, Р. Пайпса) поддерживает метод изучения интеллигенции как «класса в себе», без учета проблем, связанных с ее отношением к положению крестьян и рабочих¹²³.

Подобно американским авторам (особенно Пайпсу), крупный французский славист П. Паскаль рассматривает появление русской интеллигенции как следствие закалки России в горниле западных влияний. В отличие от Порталя, Паскаль традиционно связывает с царствованием Петра I отрыв русской аристократии от «христианских концепций». Вся история русской мысли XVIII–XIX вв. изображается им в виде последовательной смены иностранных влияний. «Народные и провинциальные элементы, мало-помалу приобщавшиеся к образованию, принимали, естественно, эти мировоззрения с восторженностью неопитов. Так возникло то, что называют интеллигенцией». Согласно Паскалю, русская интеллигенция — это «общественная категория, которая характеризуется не столько своим экономическим положением, сколько образом мыслей и действия,

¹²¹ *Kantchalovski D. L'intelligentsia avant la révolution // RÉS. 1960. Т. 37. P. 119–155.*

¹²² *Ibid. P. 122–123.*

¹²³ *Besançon A. Un point de vue nouveau sur l'intelligencija russe: À propos de quelques travaux récents // RH. 1963. № 4. P. 391–402.*

и которая с середины XIX в. стала играть преобладающую роль в жизни страны»¹²⁴. В теории Паскаля можно видеть реализацию метода изучения судеб интеллигенции изолированно от истории основных социально-экономических процессов.

Больше стремления к объективному освещению истории наблюдается в некоторых работах, посвященных отдельным представителям русской мысли. Так Ф. Лабриоль, изучавший творчество Н. А. Радищева, приходит к выводу, что его философия была самостоятельной: он только отталкивался от некоторых идей французских мыслителей (особенно Руссо и Рейналя), но никогда не подчинялся чужой мысли, отвечая «изнутри» и в применении к России на те вопросы, которые французы рассматривали «извне» и в общетеоретическом плане¹²⁵.

М. Мерво попытался выяснить соотношение между взглядами А. И. Герцена и немецких поэтов и философов конца XVIII–XIX в. (Гёте, Гофмана, Гейне, Шеллинга, Гегеля). По мнению автора, Герцен извлек из немецкой классической философии ее революционное содержание, но не преуспел в применении его к изучению общества, особенно русского. Повторяя мнение А. Куара, что у Герцена была не «философия», а «мировоззрение», Мерво объясняет это не столько «темпераментом» Герцена, сколько пробелами в его образовании: знакомый с французским утопическим социализмом и классической немецкой философией, он не знал третьего источника марксизма — английской политической экономии. Отсюда стремление автора оценить Герцена в плане противопоставления его Марксу, Плеханову и Ленину. Особенности мировоззрения Герцена выступают в статье Мерво как личные недостатки мыслителя, как его «вина»¹²⁶. Вместе с тем, В. И. Ленин называл непоследовательность диалектического метода Герцена не «виной» его, а «бедой». Автор же полностью абстрагируется от той исторической обстановки в России, которая породила Герцена-мыслителя. Именно русская действительность, недостаточная развитость капитализма в России помешали Герцену встать на позиции исторического материализма. Таким образом, анализ произведений Герцена сочетается у Мерво с неисторической постановкой вопроса¹²⁷.

¹²⁴ *Pascal P. Les grands courants de la pensée russe contemporaine // CMRS. 1962. № 1. P. 6.*

¹²⁵ *Labriolle Fr. de. Radišev lecteur des philosophes français du XVIII-e siècle // CMRS. 1964. № 3. P. 270–285. Критику ряда предшествующих работ о Радищеве см.: Плимак Е. Г. Злоключения буржуазной компаративистики: (К вопросу о характере политических концепций А. Н. Радищева и Г. Рейналя) // ИСССР. 1963. № 3. С. 183–213.*

¹²⁶ *Mervaud M. Herzen et la pensée allemande // CMRS. 1964. № 1. P. 32–73.*

¹²⁷ Критику некоторых тенденций зарубежной историографии в освещении роли А. И. Герцена см. также: *Володин А. И. Подновленная легенда: (Об освещении*

В посмертно опубликованной во Франции статье профессора Гарвардского университета М. М. Карповича делается попытка доказать, что Н. Г. Чернышевский понимал необходимость постепенной реализации его социальной программы и был «эволюционным социалистом» или даже последователем «неолиберализма»¹²⁸.

Авторы статей литературоведческого характера, которые в целом оставлены нами вне рассмотрения, ставят подчас отдельные вопросы истории общественной мысли. А. Гард считает заслуживающим специального изучения литературное течение начала XIX в., возглавлявшееся А. С. Шишковым («Беседа любителей русского слова»). Называя представителей этого течения первыми славянофилами, автор говорит, что нельзя доверять той характеристике, которую они получили от своих противников из «Арзамаса»: это явная карикатура¹²⁹. К. Санина противопоставляет творчество русского писателя-славянофила 50-х годов XIX в. И. Кокорева — певца «униженных» в общем смысле слова (без социальной их дифференциации) — «разоблачительной» литературе 60-х годов как апологии «пролетариата»¹³⁰. Наблюдающаяся в статьях А. Гарда и К. Саниной идеализация славянофильства отражает, по-видимому, их отрицательное отношение к более радикальным формам протеста.

Известная ориенталистка Шанталь Лемерсье-Келькеже посвятила статью крупнейшему татарскому просветителю Абдул Каюму аль-Насыри, деятельность которого широко развернулась во второй половине XIX в. В статье приведен биографический материал, относящийся к жизни Насыри и в дореформенное время. Автор упоминает также о татарском просветителе Абу Наср аль-Курсави (1783–1814), провозгласившем превосходство разума над догмой. Статья Лемерсье-Келькеже основана на работах, опубликованных в СССР и Турции. В конце статьи дается библиография трудов Насыри¹³¹.

Общие сведения о бухарских евреях в конце XVIII–XIX вв. дает написанная по литературе статья американского автора Р. Лёвентала¹³².

наследия А. И. Герцена в современной буржуазной историографии) // ИСССР. 1962. № 5. С. 193–224.

¹²⁸ Karpovich M. M. N. G. Chernyshevsky between socialism and liberalism // CMRS. 1960. № 4. P. 569–583.

¹²⁹ Garde A. À propos du premier mouvement slavophile // CMRS. 1964. № 3. P. 261–269.

¹³⁰ Sanine K. Ivan Kokorev peintre slavophile de Moscou des humbles au XIX-e siècle // RÉS. 1961. T. 38. P. 181–184.

¹³¹ Lemerrier-Quelquejay Ch. Un réformateur tatar au XIX-e siècle Abdul Qajjum al-Nasyri // CMRS. 1963. № 1–2. P. 117–142.

¹³² Loewenthal R. Les juifs de Boukhara // CMRS. 1961. № 1. P. 104–108.

А. Беннигсен в статье, посвященной движению кавказских горцев в 1785–1791 гг., вводит в научный оборот материалы турецких архивов. Мнение исследователя сводится к тому, что Турция только использовала это движение, но не инспирировала его. Автор подвергает критике противоположную точку зрения А. Н. Смирнова. По словам Беннигсена, «священная война» началась с типичного восстания обнищавших и потерявших надежду крестьян, а во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. шейх Мансур руководил лишь двумя мелкими операциями. «Священная война», указывает автор, вызвала реформационное движение, которого опасались правящие верхи Турции¹³³.

Значительный интерес представляет статья Ж. Л. ван Режиоморте, освещающая историю заключения франко-русского торгового договора 1787 г. (миссия Сегюра). В статье широко использованы неопубликованные документы французских архивов. Тенденция к сближению между Россией и Францией наметилась, по мнению автора, в 1779 г. Тем самым подтверждается концепция С. М. Соловьева, который считал, что русско-французское посредничество во время австро-прусской войны за баварское наследство (1778–1779 гг.) сблизило Францию и Россию. В 80-х годах Россия хотела использовать союз с Францией для нейтрализации Турции, а Франция желала с помощью этого союза добиться стабилизации в Европе. Договор 1787 г. имел не только торговое, но и политическое значение. Неожиданный для России и противоположный ее целям результат — начало военных действий со стороны Турции — автор объясняет лишь испугом последней, однако это объяснение кажется недостаточным¹³⁴.

Профессор парижского Католического института Бертье де Совиньи на основании исследования архивных первоисточников корректирует традиционное представление о Меттернихе как «оплоте порядка»: Меттерних, пытаясь «сдерживать» честолюбивые устремления России и Англии, склонялся к известному компромиссу с Францией и к ограничению интервенции в нее со стороны Священного союза¹³⁵.

Тема статьи М. Ларана — русско-французские отношения в 1829–1830 гг. в связи с французской интервенцией в Алжире. Автор привлек

¹³³ *Bennigsen A. Un mouvement populaire au Caucase au XVIII-e siècle: La «Guerre Sainte» du sheikh Mansur (1785–1791), page mal connue et controversée des relations russo-turques // CMRS. 1964. № 2. P. 159–197.* В компилятивной и описательной статье А. Берена о Шамиле проблема турецкого влияния обойдена молчанием — см.: *Béguin A. Chamyl le lion du Daghestan // Miroir de l'histoire. 1962, décembre. № 156. P. 723–730.*

¹³⁴ *Regemorter J. L. van. Commerce et politique: préparation et négociation du traité franco-russe de 1787 // CMRS. 1961. № 4. P. 230–257.*

¹³⁵ *Bertier de Sauvigny G. de. Sainte-Alliance et alliance dans les conceptions de Metternich // RH. 1960. № 2. P. 249–274.*

документы Национального архива Франции и частного архива герцога Поццо ди Борго. По мнению Ларана, Николай I поддерживал французскую интервенцию, надеясь, что она приведет к укреплению позиций министерства Полиньяка, относительно дружественного России, облегчит русскую торговлю в Средиземноморье и, главное, обострит англо-французские противоречия и бросит Францию в объятия России — последняя же крайне нуждалась в союзе с Францией для решения греческого вопроса¹³⁶. Р. Босси освещает историю франко-русского сближения в 1857–1859 гг., когда решался вопрос об объединении Валахии и Молдавии¹³⁷. Автор пользуется в качестве источника материалами переписки русского генерального консула в Бухаресте Н. К. Гирса с министром иностранных дел А. М. Горчаковым, русским послом в Константинополе кн. Лобановым и консулом в Яссах С. И. Поповым. Эти источники, почерпнутые из частного архива С. Гирса и из советских архивов, были введены в научный оборот американской исследовательницей Б. Джелавич¹³⁸.

Создается впечатление, что периоды дипломатического сближения между Россией и Францией пользовались особым вниманием в историографии начала 60-х годов XX в.¹³⁹. Разрабатывалась и другая тема — роль французов в России. Кроме статьи М. Кадо, ей посвящен биографический очерк Ж.-П. Бюссона о маркизе Ж.-Б. де Траверсе (1745–1831) – русском адмирале и военном министре¹⁴⁰.

¹³⁶ *Laran M.* La politique russe et l'intervention française à Alger 1829–1830 // *RÉS*. 1961. Т. 38. P. 119–128.

¹³⁷ *Bossy R.* La diplomatie russe et l'union des principautés roumaines (1858–1859): D'après la correspondance Gortchakoff — Giers // *RHD*. 1962. № 3. P. 255–266. О начальном этапе дипломатических сношений Александра II с Наполеоном III см.: *Charles-Roux F.* Le comte de Morny à Saint-Petersbourg en 1856 // *RDM*. 1963. le 15 septembre. P. 174–186.

¹³⁸ *Jelavitch B.* Russia and the Romanian national cause (1858–1859). Bloomington (Ind.), 1959.

¹³⁹ Поскольку эти периоды обычно бывали временем обострения русско-английских противоречий, интересно отметить опубликование во Франции книги английского историка С. К. Павловича, посвященной англо-русскому соперничеству в Сербии в 1837–1839 гг. Автор широко использовал английские и югославские архивы, но не использовал архивы СССР и Турции (*Pavlowitch S. K.* Anglo-Russian rivalry in Serbia 1837–1839: The mission of colonel Hodges. P., 1961).

¹⁴⁰ *Busson J.-P.* Un antillais en Russie: Grand-amiral de la mer Noire et ministre de la marine: Le capitaine de vaisseau de Traversay. 1754–1831 // *RHA*. 1963. № 1. P. 144–154. См. также статью об известном французском эмигранте Ш.-А. де Калоне: *Lacour-Gayet R.* Calonne à Saint-Petersbourg et à Londres (1794–1796) // *RHD*. 1962. № 2. P. 117–133. Истории войны 1812 г. в 1960–1964 гг. не уделялось серьезного внимания. О статье Ж. Шабанье, посвященной этой теме (*Chabanier J.* La Grande-Armée en Lituanie // *RHA*. 1962. № 4. P. 131–142), см. критическую заметку В. Г. Сироткина (ВИ. 1964. № 3).

В том же направлении изучается историография. А. Мазон написал большую статью о П.-Ш. Левеке, жившем в конце XVIII в. в Петербурге и опубликовавшем затем в Париже «Историю России»¹⁴¹.

Французская научно-популярная литература 60-х годов XX в., освещающая историю России XVIII–XIX вв., представлена исключительно жанром политических биографий. Вышедшая в 1963 г. книга Р. Картье написана в виде художественной биографии Петра I и носит характер панегирика в честь «титана»¹⁴². Гораздо интереснее для историка книга Дарьи Оливье о Елизавете Петровне. В ней излагаются события дворцовой и дипломатической истории России 1725–1761 гг. (в меньшей мере 1709–1725 гг.). Постановка и раскрытие темы отличаются чрезвычайной узостью, но заслуга Оливье состоит в том, что она широко использовала неопубликованные источники — главным образом Архив иностранных дел Франции и отчасти Государственного архива Великобритании. Автор считает ошибочным распространенное мнение, выраженное в послевоенной французской историографии П. Е. Ковалевским и сводящееся к отрицанию личного участия Елизаветы в политических делах. Оливье так формулирует свой тезис: «Личное участие Елизаветы в политике было реальным, эффективным и длительным, а ее любовные дела несколько этому не мешали»¹⁴³. Елизавета рассматривается в книге как продолжательница дела своего отца¹⁴⁴.

В 1962 г. появилась в новом издании книга Ольги Вормсер о Екатерине II (первое издание вышло в 1957 г.)¹⁴⁵. В библиографии книги имеется ссылка на Архив министерства иностранных дел Франции, но фактически изложение построено на известных источниках, главным образом литературных. Неиспользованным оказался капитальный труд С. М. Соловьева («История России», т. 25–29), где введен в оборот широкий круг архивных первоисточников. О. Вормсер обратила основное внимание на классовый, продворянский характер деятельности Екатерины II и «империалистические» тенденции ее политики (разделы Польши, русско-турецкие войны). Считая Екатерину типом «реакционного деспота», автор однако признает за ней право на эпитет «Великая», ибо расширение территории империи,

С. 204–205); ср.: Он же. Война 1812 г. в общих работах современных историков Франции // ИСССР. 1962. № 6. С. 181–192.

¹⁴¹ Mazon A. Pierre-Charles Levesque, humaniste, historien et moraliste // RÉS. 1963. Т. 42. Р. 7–66. См. также: Mazon A., Laran M. Pierre-Charles Levesque: Mémoire sur la Pravda Russkaja // RÉS. 1962. Т. 41. Р. 27–59.

¹⁴² Cartier R. Pierre le Grand. [P.], 1963.

¹⁴³ Olivier D. Elisabeth de Russie (fille de Pierre le Grand). P., 1962. Р. 183.

¹⁴⁴ См. также отклик на эту книгу: Erlanger Ph. La fille de Pierre le Grand // La Revue de Paris. 1962, septembre. Р. 136–143, особенно р. 139.

¹⁴⁵ Wormser O. Catherine II. [P.], 1957; 2-ème éd. 1962.

создание устойчивой административно-бюрократической системы, покровительство искусству и наукам составляют, по мнению О. Вормсер, великие заслуги этой императрицы.

Некоторые неопубликованные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Великобритании и в Архиве иностранных дел Франции, использует К. Грюнвальд в своей книге о Павле I¹⁴⁶. Автор в известной мере учитывает советскую литературу (например, книгу М. М. Штрэнге) и новейшие французские публикации¹⁴⁷. Павла I он называет новым Гамлетом¹⁴⁸ и считает, что тот вззошел на трон, имея наилучшие планы и намерения, но погиб из-за неумения придерживаться тактики нюансов. Автор выдвигает два основных объяснения недовольства Павлом I: во-первых, он оскорбил национальное чувство русских; во-вторых, в условиях влияния Французской революции откровенно деспотические действия самодержца воспринимались критически¹⁴⁹. При этом Грюнвальд по существу отрицает значение дворян как земельных собственников и, противопоставляя знать XVIII в. боярам допетровской Руси, утверждает, что влияние дворян зависело не от их земельной собственности и «генеалогического древа», а от места на бюрократической лестнице¹⁵⁰. Однако, как нам представляется, именно в попытках Павла I поставить абсолютизм до известной степени над интересами дворянства необходимо искать главную причину заговора против него.

Коснемся обобщающих работ. В 1961 г. вышла четвертым, а в 1963 г. — пятым изданием популярная брошюра П. Паскаля, в которой дается кратчайшее изложение русской истории с 800 г. по 1917 г. Автор принимает следующую общую периодизацию: 800–1169 гг. — Киевская Русь; 1169–1462 гг. — период раздробленности; 1462–1700 гг. — Московия; 1700–1801 гг. — первый век петербургского периода; 1801–1917 гг. — Новая Россия. Каждый крупный раздел снабжен параграфами о социальной структуре и цивилизации. Особенно бедно освещена социальная структура Киевской Руси. Крестьянство до XVI в. включительно автор считает свободным¹⁵¹. Это традиционный взгляд буржуазной историографии. Так же традиционен Паскаль в своем утверждении, что в каждом удельном княжестве права суверена смешивались с частной собственностью¹⁵². С приездом в Новгород

¹⁴⁶ Grunwald C. de. L'assassinat de Paul 1er, tsar de Russie. [P.], 1960. P. 151, 180–182.

¹⁴⁷ Ibid. P. 148, 163–164.

¹⁴⁸ Такое же определение см., например, в кн.: Welter G. Histoire de Russie. P., 1946. P. 272.

¹⁴⁹ Grunwald C. de. L'assassinat... P. 103, 145–149.

¹⁵⁰ Ibid. P. 145–146.

¹⁵¹ Pascal P. Histoire de la Russie des origines à 1917. [4 ème éd.]. P., 1961. P. 49.

¹⁵² Ibid. P. 27.

в 1370 г. Феофана Грека автор связывает начало «настоящего ренессанса»¹⁵³. Петровские преобразования Паскаль расценивает как стремление переделать государство по западному образцу. Однако в усилении крепостного права и полицейско-бюрократических функций органов власти и управления автор видит отрицательную сторону деятельности Петра¹⁵⁴. В изображении Паскаля вся эволюция социального строя и культуры носит внешний характер, часто зависит исключительно от политики того или иного лица. Описание политической истории занимает основное место в его брошюре и дается по князьям и царям. Автор — сторонник норманской теории происхождения русской государственности¹⁵⁵.

В 1963 г. была переиздана «История России» Густава Вельтера (1946)¹⁵⁶ — книга, написанная в крайне идеалистическом духе и ставящая своей целью раскрытие «психологического детерминизма», который якобы управлял жизнью России на разных этапах ее развития. Это ухудшенный вариант славянофильской концепции. Автор отрицает наличие феодализма в средневековой Руси¹⁵⁷ и буржуазии в XVIII в. Деятельность Петра I он считает преждевременной и разрушительной. Воплощение основного свойства «русской души» — слепой религиозности — Вельтер усматривает в мировоззрении интеллигенции XIX в., отвергнувшей вольтерьянский рационализм. Интеллигенция, с его точки зрения (отнюдь, впрочем, не оригинальной), — главная сила, подготовившая крах царизма, который, превратившись в первой половине XIX в. в разновидность прусской монархии, потерял связь с русским национальным духом.

Довольно близкие к этой схеме взгляды развивает профессор Жевневского университета Б. Муравьев. Его книга, изданная в Париже в 1962 г., посвящена историческим судьбам русской монархии. По существу она является попыткой дать ответ на вопрос: почему пала монархия? Конспективно отметив некоторые моменты в истории допетровской Руси (начиная с монгольского нашествия) и довольно бегло осветив историю первой половины XVIII в., автор сосредоточил основное внимание на второй половине XVIII в. — времени царствования Петра III, Екатерины II и Павла I. В книге использованы отдельные неопубликованные источники Архива иностранных дел Франции и др. Б. Муравьев исходит из представления

¹⁵³ Ibid. P. 33.

¹⁵⁴ Ibid. P. 65.

¹⁵⁵ Ibid. P. 7–9.

¹⁵⁶ Welter G. Histoire de Russie des origines à nos jours. P., 1946; 2-ème éd. 1963.

¹⁵⁷ Совершенно в духе А. Леруа-Болье и А. Рамбо, историков второй половины XIX в., автор отлучает Россию не только от феодализма, но и от самой принадлежности определенного периода ее истории к «Средним векам».

об отсутствии в России «политического феодализма» и рассматривает русское государство XV – первой половины XVIII в. как надклассовую силу, проводящую национальную политику в интересах всех сословий и вдохновленную идеей Третьего Рима.

Петр III и Екатерина II, освободив дворянство от обязательной службы, нарушили социальное равновесие, ввели феодализм в наиболее «отвратительной» его форме («экономический феодализм»), превратили крестьян в рабов и повели антинациональную (пропрусскую) политику. Эти «ложные принципы» легли в основу политики их последователей – всей Гольштейн-Готторпской династии, которая своим непониманием стоявших перед страной задач фактически и привела монархию к краху. Немецкая династия была «чуждым телом», решавшим судьбы народа, «мученика и героя»¹⁵⁸.

Схема Муравьева является насквозь идеалистической. В ней история «династии» полностью оторвана от социально-экономического развития страны, представлена как «вещь в себе». Автор прямо пишет, что «абсолютистский режим» Николая I – продукт идеологии его предшественников¹⁵⁹. Муравьев декларирует, но не может объяснить, почему на Николае I закончилось «развитие» ложных принципов династии, а с Александра II начался отход от них¹⁶⁰. Работа Муравьева, доводя до абсурда тезис о виновности ненациональной династии в свержении монархии, помогает понять тенденциозность книги Д. Оливье, являющейся апологией Елизаветы Петровны, последней «истинно русской» государыни, и О. Вормсер, делающей главный упор на закрепостительных тенденциях политики Екатерины II. Схема Муравьева — перепев старых точек зрения. Ее источниками являются концепции С.М. Соловьева и К. Валишевского.

Двухтомный труд профессора Духовной академии в Париже А.В. Карташева посвящен истории русской церкви с древнейших времен до конца XVIII в. Основная часть этого труда написана в плане изложения событий церковной жизни по периодам правления митрополитов и патриархов. Автор исходит из идеи великой культурно-исторической и морально-преобразующей роли христианства. Он является апологетом теократической идеологии и предпринимательско-стяжательской практики иосифлян, видя в их деятельности подобие «подвигу римской церкви»: «Если не диктовать древней русской истории современных нам оценок и программ, а признать органически неизбежным генеральный ход ее по безошибочному инстинкту биологического самоутверждения

¹⁵⁸ Mouravieff B. La monarchie russe. P., 1962. P. 42–48, 112–114.

¹⁵⁹ Ibid. P. 154.

¹⁶⁰ Ibid. P. 162.

(а не буддийского самоотрицания), то надо нам, историкам церкви, а не какой-то „культуры вообще“, пересмотреть банальное, пресное, гуманистическое оправдание идеологии и поведения „заволжцев“ и признать творческую заслугу величественного опыта питания и сублимации московско-имперского идеала, как созидательной формы и оболочки высочайшей в христианской (а потому и всемирной) истории путеводной звезды — Третьего и Последнего Рима»¹⁶¹.

Весьма противоречиво оценивает Карташев взгляды патриарха Никона. С одной стороны, пишет он, Никон верно почувствовал, «что с новыми порядками и идеологией нового государства, секулярного, наступает и новый, сначала только „лаичный“, секулярный, а затем и прямо антирелигиозный и даже безбожный дух, который повеял над русской церковью со времени Петра I»¹⁶². С другой стороны, «теократическая ошибка» Никона состояла, по мнению Карташева, в непонимании «нового варианта» взаимоотношений церкви с московскими царями, всегда являвшимися «покровителями и соучастниками в церковном управлении»¹⁶³. Даже после «дефективной» и «уродливой» петровской реформы «прятие императорской власти внутри церкви» произошло «не по мотивам порочного раболепия, а по искреннему теократическому убеждению»¹⁶⁴.

Церковно-политический идеал Карташева питается историей скорее «московской», чем «императорской» Руси.

Теорию Третьего Рима автор рассматривает только как одно из «благородных предчувствий» современной задачи русской церкви — служить, отказавшись от «национального партикуляризма», высшей цели общехристианского объединения, которое является единственной надеждой «преодолеть и победить великий демонический обман безбожного интернационализма»¹⁶⁵. Концепция Карташева представляет собой разновидность ватиканской воинствующей идеологии мировой церкви. Автор откровенно отрицал исторический материализм и не скрывал своей антикоммунистической настроенности¹⁶⁶.

Еще один опыт истории русской церкви содержится в книге Ж. Мейендорфа. Автор рассматривает церковную историю в полном отрыве от социально-экономической эволюции дореволюционной России. Его схему

¹⁶¹ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. I. С. 411–415.

¹⁶² Там же. Т. II. С. 198.

¹⁶³ Там же. С. 197.

¹⁶⁴ Там же. С. 377.

¹⁶⁵ Там же. Т. I. С. 7–8.

¹⁶⁶ Там же.

можно назвать формально-традиционной: византийские миссионеры приготовили Русь к принятию христианства; иосифляне выдвинули идею союза церкви и государства, поддержали теорию Третьего Рима, нестяжатели же добивались независимости церкви от государства и сохранения зависимости от константинопольского патриарха; при Никоне был нанесен удар по теории Третьего Рима и т. д.¹⁶⁷ Правда, вопреки бытующему в буржуазной историографии мнению об «искусственной» организации церковной системы в «синодальный период», Мейендорф выдвигает не менее идеалистический тезис о плодотворности «религиозной жизни» в это время, уделяя главное внимание духовному образованию¹⁶⁸.

Из более узких по тематике трудов отметим компилятивную книгу Ю. К. дю Террай, посвященную истории русско-финских отношений с древнейших времен до наших дней¹⁶⁹.

Таким образом, если в области конкретно-исторических исследований в начале 60-х годов XX в. все сильнее обнаруживается поворот французской национальной историографии к серьезному анализу социально-экономических явлений, то в сфере генеральных обобщений и популяризации сохраняли свои позиции традиционные идеалистические концепции, и здесь продолжали играть центральную роль историки эмигрантского лагеря.

Рецензирование монографий по истории феодальной России, изданных в СССР, было развито во Франции начала 60-х годов довольно слабо. В 1960–1964 гг. не было рецензий на советские труды, посвященные истории Руси X–XV вв. Из монографий, касающихся проблем XVII в., получила рецензию Р. Портала книга А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова «Рынок Устюга Великого. XVII в.» (М., 1960). Это в основном пересказ содержания¹⁷⁰. С. Блан откликнулась небольшой статьей на выход книг А. А. Введенского «Дом Строгановых в XVI–XVII вв.» (М., 1962) и Н. И. Павленко «История металлургии в России в XVIII в.» (М., 1962). Рецензентка говорит об элементах «вульгаризации» в монографии Введенского и пересказывает основное содержание обеих книг, выражая при этом некоторые сомнения по частным вопросам¹⁷¹.

¹⁶⁷ *Meyendorff J. L'église orthodoxe hier et aujourd'hui*. P., 1960. P. 93–101.

¹⁶⁸ *Ibid.* P. 102–107.

¹⁶⁹ *Terrail H. C. du. La Finlande et les Russes depuis les croisades suédoises*. Paris; Strasbourg, 1963.

¹⁷⁰ *RHMC*. 1961. № 1. P. 77–78.

¹⁷¹ *Blanc S. Aux origines de la bourgeoisie russe // CMRS*. 1964. № 3. P. 294–301. См. также ее рецензию на издание: *Корнилович А. О. Сочинения и письма / подгот. А. Г. Грумм-Гржимайло и Б. Б. Кафенгауз*. М.; Л., 1957: *RHMC*. 1961. № 1. P. 78–80.

А. Гранжар дает краткий обзор вновь появившихся публикаций произведений А. И. Герцена и новейших работ о нем (здесь же указана и зарубежная литература)¹⁷². Из монографий по истории СССР периода феодализма, вышедших в других социалистических странах, отмечен рецензией М. Ларана второй том книги Э. Винтера «Russland und das Papsttum» (В., 1961). Ларан высоко оценивает богатство приведенного в томе фактического материала, но марксистские взгляды автора вызывают у рецензента опасения¹⁷³.

Мало рецензировались во Франции начала 60-х годов и работы по истории России феодального периода, изданные в капиталистических странах. Только некоторые американские исследования, посвященные характеристике русской общественной мысли и культуры конца XVIII–XIX вв., были прореферированы А. Безансоном¹⁷⁴.

В начале 60-х годов XX в. во Франции был издан ряд статей советских авторов — специалистов в разных областях истории России периода феодализма. Опубликованы преимущественно работы источниковедческого характера, посвященные текстологии и другим вопросам истории литературных памятников XV–XVII вв. (Я. С. Лурье, В. И. Малышев, А. Н. Робинсон)¹⁷⁵, а также искусствоведческие исследования¹⁷⁶. Три статьи носят историографический характер. Две из них касаются проблемы изучения французскими авторами древнерусских письменных источников (С. Н. Валк)¹⁷⁷ и древнерусского искусства (М. В. Алпатов)¹⁷⁸. В статье А. И. Клибанова освещается изучение проблемы еретических движений

¹⁷² *Granjard H.* Du nouveau sur Herzen // CMRS. 1964. № 3. P. 286–293. Из советских работ автором не отмечена интересная статья: *Рогова Н. С.* Из истории переписки А. И. Герцена 1859–1861 гг.: (Судьба документальных материалов) // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 317–331.

¹⁷³ RH. 1964. № 4. P. 509–513.

¹⁷⁴ *Besançon A.* Un point de vue nouveau sur l'intelligencia russe // RH. 1963. № 4. P. 391–402; *Idem.* [Рец. на кн.:] Vucinich A. Science in Russian Culture, a history to 1860 (Stanford, California, 1963) // RH. 1965. № 2. P. 478–479.

¹⁷⁵ *Lur'e Ja. S.* Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du XV-e siècle // RÉS. 1964. T. 43. P. 7–11; *Malyšev V.* Une communauté de vieux-croyants dans la Russie du nord: l'érmitage des Grandes-Prairies // Ibid. P. 83–89; *Idem.* Avvakum suivant les traditions de Pustozérsk // RÉS. 1961. T. 38. P. 135–141; *Robinson A.* Avvakum et Dorothee (à propos des sources littéraires de la «Vie d'Avvakum») // Ibid. P. 165–171.

¹⁷⁶ *Danilova I.* Autour de Rublev // CMRS. 1962. № 3. P. 475–485; *Beleckij P.* Le portrait dans la peinture ukrainienne (parsuna) des XVII-e et XVIII-e siècles // CMRS. 1960. № 4. P. 630–636.

¹⁷⁷ *Valk S. N.* Un mémoire de Pierre-Charles Levesque sur la Russkaja Pravda // RÉS. 1962. T. 41. P. 7–25.

¹⁷⁸ *Alpatov M.* L'art russe vu par la critique française // CMRS. 1960. № 1. P. 285–306.

на Руси в советской историографии¹⁷⁹. Напечатаны также статьи по социальной истории: о торговле дворцовых крестьян в первой половине XVIII в. (Е. И. Индова)¹⁸⁰ и о народных движениях XVII в. (Ю. А. Тихонов)¹⁸¹.

Библиографию книг и статей по русской истории вели в начале 60-х годов XX в. два издания – «Revue des études slaves» и «Cahiers du monde russe et soviétique»¹⁸². В первом указываются работы, вышедшие в разных странах, и даются их очень краткие аннотации. Полнее всего здесь представлена французская литература, советские же исследования упоминаются крайне выборочно, в зависимости от взглядов и вкусов авторов обзора. Во втором издании мы находим перечни лишь французских трудов, но зато перечни относительно полные.

Итак, во французской историографии 1960–1964 гг. нельзя не видеть определенного прогресса в области изучения истории России XVIII–XIX вв. С ростом молодых национальных кадров специалистов усиливалась тенденция к расширению фактологической базы исследований. Началось широкое использование неопубликованных источников из архивов Франции, СССР, Турции и других стран.

Тенденция к объективизации концепций также имела место, хотя ее нельзя преувеличивать. Влияние марксизма ограничено во французской историографии более сильным влиянием традиционных и новомодных буржуазных философских, политэкономических и политических схем. Вместе с тем голоса таких традиционалистов, как П. Паскаль, и особенно эмигрантов типа А. В. Карташева, постепенно заглушаются новыми голосами. Наличие этой новой струи определило возможность публикации во Франции статей советских авторов.

Хронологическое разделение интересов эмигрантской и национальной историографий, при всей его условности, довольно показательно. Национальная французская историография с гораздо большим вниманием относится к тому периоду в истории России, когда происходит развитие капитализма (XVIII–XIX вв.) и наблюдается экономическое и политическое сближение России с Западной Европой. В этом направлении исследований — стремление найти в истории России то, что сближает ее с недавним прошлым и отчасти настоящим Запада.

¹⁷⁹ Klibanov A. I. Les mouvements hérétiques en Russie du XIII-e au XVI-e siècle // CMRS. 1962. № 4. P. 673–684.

¹⁸⁰ Indova E. I. Les activités commerciales de la paysannerie dans les villages du tsar de la région de Moscou (première moitié du XVIII-e siècle) // CMRS. 1964. № 2. P. 206–228.

¹⁸¹ Tihonov Ju. A. Les mouvements populaires en Russie au XVII-e siècle: (Les guerres paysannes et les révoltes urbaines) // CMRS. 1962. № 3. P. 486–504.

¹⁸² См.: RÉS. Т. 37, 39, 41–43; CMRS. 1963. № 1–2; 1964. № 3.

Указанное направление в основе своей компромиссно, его методологическая тенденциозность сочеталась с тенденцией объективного научного исследования, вследствие чего и наметились отдельные точки сближения с марксистской историографией, хотя никакого тождества концепций советских и французских авторов мы здесь не наблюдаем.

Эмигрантская и проэмигрантская историография, напротив, интересовалась «добуржуазным» периодом русской истории, который она упорно отказывалась признать феодальным. В мнимом отсутствии классового антагонизма и в надклассовости государства авторы стремились найти великое проявление русского национального духа, а в теории Третьего Рима видели знамя славянского интернационализма. В сочинениях историков этого лагеря заметна попытка сделать из допетровской Руси тот идеал, который они хотели бы противопоставить позднему устройству России и, конечно же, современной им российской действительности.

Вопросы социальной истории. Синтез

В настоящем разделе рассматривается тот же круг историографических источников, что и в предыдущем. Только тут принят другой подход к этим источникам. На их основании автор пытается сделать некоторые выводы и обобщения, касающиеся изучения во французской литературе 1960–1964 гг. главных вопросов социальной истории России IX–XIX вв.

§1. Периодизация истории дореволюционной России

В разработке или в следовании определенной периодизации проявляется философия истории, ибо принцип, положенный в основу периодизации, есть в конечном счете категория философская.

Наиболее традиционна периодизация П. Паскаля¹⁸³, основанная на татищевско-карамзинском принципе саморазвития форм монархии¹⁸⁴. Одним из существеннейших признаков схемы Паскаля является деление русской истории на допетровский и послепетровский периоды.

¹⁸³ *Pascal P. Histoire de la Russie des origines à 1917*, [4-ème éd.]. P., 1961; [5-ème éd.]. P., 1963.

¹⁸⁴ 800–1169 гг. — Киевская Русь, 1169–1462 гг. — период раздробленности, 1462–1700 гг. — Московия, 1700–1801 гг. — первый век петербургского периода, 1801–1917 гг. — Новая Россия.

Г. Вельтер¹⁸⁵ исходит из примата национального духа, понимаемого как нечто раз и навсегда данное («психологический детерминизм»). Поэтому его тенденция — не столько расставлять вехи, сколько устранять их. С позиций теории неизменяемости национального духа Вельтер не может признать переломным этапом деятельность Петра I. В то же время он, как и Паскаль, кладет в основу периодизации смену форм верховной власти, но в различных этапах истории России видит лишь различное проявление постоянного по своей сути национального духа¹⁸⁶.

Сходное отношение в периодизации наблюдается у А. В. Карташева, доведшего изложение истории русской церкви до конца XVIII в.¹⁸⁷ Ж. Мейендорф, выделяя в истории русской церкви «синодальный период», подчеркивает, что в смысле плодотворности духовного развития его нельзя противопоставлять предшествующему времени¹⁸⁸.

Для Б. Муравьева, как и для Вельтера, верховная власть не есть самодовлеющее начало, она — регулятор социального равновесия, в идеале — надклассовая сила, действующая в интересах всех сословий. Отсюда, в довольно близком соответствии с теорией Б. Н. Чичерина о закреплении и раскреплении сословий, главной вехой в русской истории оказывается «нарушение» «социального равновесия» — освобождение дворянства от обязательной службы в 1762 г.¹⁸⁹ Но и эта схема на практике сближается с периодизацией по этапам «правления».

Указанные схемы периодизации порождены идеалистической философией истории. Иной подход к периодизации — в трудах Р. Портала. В основе его принципа периодизации лежит теория смены общественно-экономических формаций. Разделяя тезис советской историографии о существовании феодальной формации в России до середины XIX в.¹⁹⁰, Порталь считает, что во времена Петра I произошло зарождение тех элементов «предкапитализма», которые в начале XIX в. привели к возникновению «переходного предкапиталистического режима»¹⁹¹.

¹⁸⁵ Welter G. Histoire de Russie des origins à nos jours. P., 1946; [2-ème éd.]. P., 1963.

¹⁸⁶ Киевская Русь; Московская Русь; Петербургская Россия (Петр I, правление немцев и национальная реакция, Екатерина II, царизм прусского типа).

¹⁸⁷ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. I–II.

¹⁸⁸ Meyendorff J. L'église orthodoxe hier et aujourd'hui. P., 1960. P. 102–107.

¹⁸⁹ Mouravieff B. La monarchie russe. P., 1962. P. 42–48, 112–114.

¹⁹⁰ См. его предисловие к книге: Confino M. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII-e siècle. P., 1963. P. 9.

¹⁹¹ Portal R. Pierre le Grand. [P.], 1961. P. 297.

§2. Вопрос о феодализме в России

Во французской историографии начала 60-х годов был распространен традиционный для буржуазной науки тезис об отсутствии феодализма в средневековой России. Обычную схему отрицания русского феодализма развивает Г. Вельтер, говоря, что на Руси не было ленной системы, устойчивого вассалитета и т.п. Более того, совершенно в духе авторов второй половины XIX в., А. Леруа-Болье и А. Рамбо Вельтер отлучает Россию не только от феодализма, но и от самой принадлежности определенного периода ее истории к «Средним векам». Общественные классы, по мнению Вельтера, начинают вырисовываться только в период «Северо-Восточной Руси», но и тогда сохраняются два древних принципа: взаимопроникновение классов и личный договор, связывающий подчиненного с высшим¹⁹². Паскаль о феодализме не упоминает. Однако, в отличие от Вельтера, утверждающего, что Киевская Русь не имела ясной классовой структуры, Паскаль считает русское общество X–XI вв. «достаточно дифференцированным»¹⁹³. Отсутствие «политического феодализма» в России декларирует Муравьев¹⁹⁴.

Привычным способом отрицания феодализма служит отрицание главного свойства феодальной структуры земельной собственности — зависимого положения крестьян. По мнению Паскаля, русское крестьянство было свободным до Соборного уложения 1649 г.¹⁹⁵ Вельтер тоже считает, что свободный возделыватель превращается в крепостного начиная с XVII в. Источник закрепощения Вельтер вслед за В.О. Ключевским видит в крестьянской задолженности¹⁹⁶. Мнение Ключевского о том, что не указ 1597 г. ввел крепостное право, разделяет и Грюнвальд¹⁹⁷. Паскаль склонен считать задолженность некоторым средством ограничения крестьянской свободы, однако установление крепостного права он связывает прежде всего с правительственной деятельностью и, в частности, с законодательством середины XVII в., отвечавшим желанию помещиков удержать за собой крестьян¹⁹⁸.

Зинаида Шаховская не признает наличия крепостного права ранее XVIII в. Постановление Соборного Уложения 1649 г. о крестьянах она

¹⁹² Welter G. Op. cit. P. 88–90, 96.

¹⁹³ Pascal P. Op. cit. P. 17.

¹⁹⁴ Mouravieff B. Op. cit. P. 42–43.

¹⁹⁵ Pascal P. Op. cit. P. 18, 49, 56.

¹⁹⁶ Welter G. Op. cit. P. 99.

¹⁹⁷ Grunwald C. de. La vraie histoire de Boris Godounov. [P.], 1961. P. 83–84.

¹⁹⁸ Pascal P. Op. cit. P. 49, 56.

рассматривает не как проявление крепостнической политики, а как желание превратить русское крестьянство из бродячего в оседлое с целью улучшения сельскохозяйственного производства¹⁹⁹.

Однако никто не может отрицать наличия крепостного права в XVIII в. Что же представляет собой крепостное право: результат ли это предшествующего развития или принципиально новое для XVIII в. явление?

Как результат эволюции феодального способа производства его рассматривает только Порталь²⁰⁰. Вельтер и Паскаль представляют крестьян второй половины XVII в. по существу полными холопами, а крестьян XVIII в. — рабами. Крепостничество в изображении Вельтера — чисто экономическое господство, разновидность рабства²⁰¹.

У М. Конфино социально-экономическая природа «крепостного режима» остается невыясненной, а саму организацию власти внутри поместья автор склонен считать следствием сознательного копирования дворянами государственной военно-полицейской структуры²⁰². По мнению Ж. Л. ван Режеморте, Конфино в целом придерживается «марксистской концепции сеньориальной экономики, основанной на внеэкономическом принуждении»²⁰³. Заметим, что для марксизма характерно рассмотрение внеэкономического принуждения не как основы, но как свойства феодальной экономики, являющегося следствием феодальной структуры земельной собственности. Книга же Конфино порождает представление о внеэкономическом происхождении крепостного режима в XVIII в.

Идею государственного происхождения крепостного права во второй половине XVIII в. сформулировал Муравьев, считающий, что указ 1762 г. о вольности дворянства означал введение феодализма в самой «одиозной» его форме — в форме «социального феодализма». «Социальный феодализм» Муравьева по существу близок к «экономическому феодализму» Г. Вернадского, но, в отличие от него, не распространяется на историю России до второй трети XVIII в. и, кроме того, отождествляется с рабством²⁰⁴. Исключительно с деятельностью государственной власти связывает развитие крепостного права во второй половине XVIII в. и Ольга Вормсер²⁰⁵.

Есть тенденция трактовать крепостное право не просто как результат правотворчества государства, но как следствие внедрения

¹⁹⁹ Schakovskoy Z. La vie quotidienne à Moscou au XVII-e siècle. [P.], 1963. P. 57–60.

²⁰⁰ Portal R. Pierre le Grand. P. 296.

²⁰¹ Pascal P. Op. cit. P. 56–57, 65, 70–71, 76; Welter G. Op. cit. P. 175–176, 258, 260.

²⁰² Confino M. Op. cit. P. 95, 259.

²⁰³ См. рецензию Режеморте на книгу Конфино: RHMC, 1964. № 4. P. 310.

²⁰⁴ Mouravieff B. Op. cit. P. 45.

²⁰⁵ Wormser O. Catherine II. P., 1957; 2-ème éd. P., 1962.

государством чуждых России форм экономического быта. Муравьев лишь констатирует, что насаждение «социального феодализма» уподобило русских дворян немецким сеньорам. Шаховская прямо называет крепостное право екатерининских времен «странным следствием европеизации»²⁰⁶.

Итак, крепостное право — это рабство (Вельтер, Паскаль), внеэкономическое принуждение (Режеморте), «социальный феодализм» (Муравьев), результат «европеизации» (Шаховская). При всем различии формулировок и пониманий авторов объединяет тенденция видеть в крепостном режиме частное право — собственность на людей, т. е. не феодализм в полном смысле этого слова с типичным для него смешением публичного и частного права. Тот факт, что и в XVIII в. феодальная структура земельной собственности продолжала быть источником политического господства землевладельцев над крестьянами, остается в тени. Напротив, делается попытка показать отсутствие у местного дворянства реальной политической власти неправительственного происхождения, а само земельное дворянство рассматривается в политическом аспекте лишь как разновидность чиновничества. Вельтер видит отсутствие корпоративности уже у боярства XIV–XVI вв. Боярство, по его мнению, не было корпорацией или сословием. Оно представляло собой просто группы семей, имевшие узкоэгоистические цели²⁰⁷. Тезис о дворянстве как чиновничестве для XVII в. развивает Вельтер²⁰⁸, для первой половины XVIII в. — Симона Блан, для всего послепетровского периода позднего феодализма (1725–1861 гг.) — М. Раев. Статья Блан написана под сильнейшим влиянием трудов русских историков конца XIX – начала XX в. – М. М. Богословского, П. Н. Милюкова, Ю. В. Готье и др. Автор разделяет тезис буржуазной историографии о том, что русское провинциальное дворянство не создало корпораций, которые явились бы органами власти на местах, а превратилось в «добровольную бюрократию» — сборщиков податей²⁰⁹. В интересной статье Раева также подчеркивается отсутствие дворянской корпоративности, система дворянского самоуправления расценивается в качестве средства содействия государственным чиновникам²¹⁰. Из этой концепции исходит и Грюнвальд, утверждая, что политический вес дворянина в XVII–XIX вв. определялся не земельной собственностью, а местом на бюрократической лестнице²¹¹.

²⁰⁶ *Schakovskoy Z. Op. cit. P. 57–60.*

²⁰⁷ *Welter G. Op. cit. P. 167.*

²⁰⁸ *Ibid. P. 168.*

²⁰⁹ *Blanc S. La pratique de l'administration russe dans la première moitié du XVIII-e siècle // RHMC. 1963. № 1. P. 45–64.*

²¹⁰ *Raef M. L'état, le gouvernement et la tradition politique en Russie impériale avant 1861 // RHMC. 1962. № 4. P. 295–307.*

²¹¹ *Grunwald C. de. L'assassinat de Paul I-er, tsar de Russie. [P.], 1960. P. 145–146.*

Противоречит ли такому пониманию роли дворянства во второй половине XVIII–XIX вв. теория «социального феодализма» Муравьева? Поскольку основные признаки «социального феодализма» — свобода дворянства от обязательной службы и рабство крестьян — исключают элемент «политического феодализма», постольку эта теория гармонически сосуществует с теорией отсутствия самостоятельной политической власти дворянства на местах. Схема Муравьева сближается с концепцией Вельтера, который говорит, что помещики второй половины XVIII в. представляли экономическую силу, владея землей, и военную — поставляя кадры для гвардии, но из всего этого они стремились извлечь скорее материальные выгоды, чем политические привилегии²¹².

Идея политической безвластности дворянства находится в явном противоречии лишь с концепцией Портала, считающего что «власть и привилегии дворянства и церкви росли одновременно с ростом их обязанностей по отношению к государству»²¹³.

В научных построениях, отрицающих наличие автогенной политической власти землевладельцев, игнорируется не проблема земельной собственности вообще, а проблема специфики феодальной формы земельной собственности. Грюнвальд признает, что влияние допетровского боярства зависело от землевладения и «генеалогического древа», но отрицает роль этих факторов для XVIII–XIX вв. Раев видит одну из причин отсутствия дворянской корпоративности в рассредоточенности имений каждого более или менее крупного помещика по нескольким губерниям. Общая платформа проявляется здесь в том, что теоретически крупная концентрированная земельная собственность, особенно при недостаточной централизации государственной власти, признается источником политических привилегий. Но каким образом можно признать земельную собственность источником политических прав, если абстрагироваться от ее внутренней структуры? Разумеется, лишь рассматривая земельное владение как вариант либо полусамостоятельного удела, либо независимого в управленческом отношении административного округа. Такое построение представляет собой замкнутый круг: политическое значение определяется территориально-государственным, т.е. опять-таки политическим значением, а понятие собственности теряет свое социально-экономическое содержание.

Отрицание политической власти, возникающей спонтанно внутри феодального владения на почве реализации земельной собственности в форме ренты, ведет к отрицанию наличия политически господствующего класса. Отсюда — идея надклассовости государства. Грюнвальд видит в

²¹² Welter G. Op. cit. P. 258.

²¹³ Portal R. Op. cit. P. 296.

царях XVI в. выразителей или защитников общенародных интересов. По словам Шаховской, в России XVII в. полностью отсутствовало «классовое чувство», государство заботилось об использовании всех и каждого в государственных целях: дворян — в армии, тяглых горожан — на посадке, крестьян — на пашне. Согласно Муравьеву, вплоть до последней трети XVIII в. верховная власть в России блюла общие интересы.

По мнению Вельтера, в Московии был «патриархальный демократизм» или «патриархальный абсолютизм», все классы сближались единством обычаев и веры, все сословия были закрепощены монархией и служили ей. «Святая Русь» была тем, что теперь называют тоталитарным государством: один народ, одна вера, один царь²¹⁴.

Характерна оценка роли государственных должностей, данная Симоной Блан. В отношении допетровского периода автор разделяет тезис историографии середины XIX в. об исключительно кормовом, а не политическом значении должностей. В петровское время она находит в служебной психологии новый момент — идею выполнения задач общенациональной политики²¹⁵. Однако классовый смысл служебной деятельности, заключавшийся в защите интересов господствующего класса, Блан в обоих случаях игнорирует.

У Блан, Грюнвальда и Раева дворянство XVIII–XIX вв. не выступает в качестве политически господствующего класса, поскольку оно рассматривается как класс, обслуживающий государство, государство же не признается диктатурой дворянства.

Для второй половины XVIII — первой половины XIX в. теория надклассовости государства не может найти применения в концепциях Муравьева и Ольги Вормсер, видящих классовую сущность политики этого времени в создании господствующего класса крепостников-рабовладельцев. Однако в этой схеме искажена классовая природа абсолютистского государства, отождествленного с рабовладельческой империей, а дворяне представлены лишь экономически, а не экономически и политически господствующим классом. То же самое можно сказать о концепции Вельтера, который, как и Паскаль, относит начало ясного разделения на господ и угнетенную массу к эпохе Петра I²¹⁶.

Против идеи классовой аморфности, классового мира и надклассовости государства резко выступает Порталь. Он отвергает представление о близости допетровского «боярина» к «мужику». Государство времен Петра I Порталь определяет как диктатуру дворянства²¹⁷.

²¹⁴ Welter G. Op. cit. P. 168–174, 181, 221.

²¹⁵ Blanc S. Op. cit. P. 58.

²¹⁶ Welter G. Op. cit. P. 221; ср.: Pascal P. Op. cit. P. 65.

²¹⁷ Portal R. Op. cit. P. 213, 288–289.

Итак, во французской историографии 1960–1964 гг. наблюдаются две основные позиции по отношению к проблеме феодализма в России: 1) традиционно-отрицательная, восходящая к русской историографии XIX в. (Грюнвальд, Шаховская, Вельтер и др.), с особым вариантом в виде теории «социального феодализма» (Муравьев); 2) близкая к концепциям советских историков (Порталь).

§3. Вопросы экономического развития России XVII — первой половины XIX в. Проблема генезиса капитализма

В соответствии с концепциями русской историографии начала XX в. Шаховская рассматривает XVII в. как время плодотворного развития России в сторону европеизации, начавшегося «от нуля» после «Смуты»²¹⁸.

Вопросы истории сельского хозяйства России до середины XVIII в. не были предметом специального исследования во французской историографии 1960–1964 гг.

Аграрным отношениям второй половины XVIII в. посвящены работы Конфино. Автору свойственен юридический подход к рассмотрению социальных явлений. «Крепостной режим» для Конфино — некая внеформационная категория. Дифференциация помещичьего землевладения не стала объектом изучения в его трудах. Проблема крестьянского землепользования также не получила у него сколько-нибудь детальной разработки. Правильно указывая, что помещичьи запреты не могли приостановить семейные разделы и общий процесс дифференциации крестьянства²¹⁹, автор, однако, недооценивает степень этой дифференциации. В рецензии Режеморте верно замечено, что принятое автором понятие «мелкое хозяйство» покрывает различные экономические типы и что нельзя в общей форме, не выделяя кулацких хозяйств, говорить о преобладании крестьянского производства на рынок над помещичьим²²⁰. Конфино склонен к идеализации «коллективизма» членов общины²²¹ и самую общину рассматривает как орган, который мог бы огра-

²¹⁸ Schakovskoy Z. Op. cit. P. 9, 13, 233 etc.

²¹⁹ Confino M. La politique de tutelle des seigneurs russes envers leurs paysans vers la fin du XVIII-e siècle // RÉS. 1960. T. 37. P. 39–69.

²²⁰ RHMC. 1964. № 4. P. 311.

²²¹ Confino M. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII-e siècle. P., 1963. P. 264.

ничить произвол приказчиков, если бы не «логика» крепостного режима, не позволявшая помещику расширять общинные права.

Оперируя представлениями о «типичном» дворянском и крестьянском хозяйствах, автор пытается свести к некоторому общему знаменателю и проблему ренты. Заслуживает внимания его трактовка вопроса о распределении барщины и оброка во второй половине XVIII в. Против объяснений В.И. Семевского, который, по мнения Конфино, взял в качестве критерия слишком «статичные» факторы (степень плодородия почвы и размеры землевладения), автор выдвигает следующие возражения: 1) у Семевского степень плодородия строго совпадает с административными рамками губерний, что наверно; 2) факты противоречат утверждению Семевского, что крупные землевладельцы предпочитали оброк барщине. Против объяснений Н.Л. Рубинштейна, основанных, с точки зрения Конфино, на слишком «динамичных» факторах (степень связи района с рынком), Конфино выдвигает тоже два возражения: 1) материалов Рубинштейна недостаточно для вывода, что барщина и оброк поляризовались — барщина в хозяйствах, связанных с рынком, оброк — в хозяйствах, далеких от рынка; 2) кто мог заметить превращение района из выгодного для развития оброка в район, где помещикам было выгоднее ввести барщину²²²? Нам представляется, что первое возражение Семевскому и второе возражение Рубинштейну не имеют принципиального значения²²³ и не колеблют выдвинутых ими критериев, а только требуют их дальнейшего уточнения и детализации на базе конкретных данных.

Тезис Конфино о смешанной ренте (барщина и оброк) кажется плодотворным, однако стремление автора противопоставить барщине и obroку смешанную ренту как нечто «качественно» иное²²⁴ едва ли правомерно, тем более, что сам Конфино подчеркивает неантагонистический характер противоречия между барщиной и obroком и видит основную антитезу дворянского «сеньориального» землевладения в развитии таких явлений, как наемный труд, сдача земли в аренду и другие моменты, которые, впрочем, лишь декларируются, но не исследуются автором²²⁵. Правильный в своей основе тезис о смешанной ренте настолько абстрактен, что оправдывает отказ автора от изучения порайонной специфики рент и его ориентацию на условный «средний» тип дворянского и крестьянского хозяйства²²⁶.

²²² Ibid. P. 190–194; *Confino M.* Dans les domaines privés en Russie (XVIII-e — XIX-e siècle) // *Annales: Économie — Société — Civilisation*. 1961. № 6. P. 1074–1089.

²²³ Впрочем, Л. ван Режеморте поддерживает эти критические соображения М. Конфино (RHMC. 1964. № 4. P. 312).

²²⁴ *Confino M.* Dans les domaines... P. 1076.

²²⁵ *Confino M.* Domaines... P. 254; *Idem.* Dans les domaines... P. 1095.

²²⁶ *Confino M.* Domaines... P. 176–177.

Объясняя рост барщины во второй половине XVIII в., Конфино называет три причины его: 1) «возврат» дворянства к земле в 1762–1775 гг.; 2) «псевдо-экономическое»²²⁷ мнение дворянства о выгоде «сырья» по сравнению с чистой прибылью; 3) постоянное вздорожание зерновых в течение второй половины XVIII — начала XIX в.²²⁸. Первое объяснение, высказанное автором в виде скромной «догадки», имеет наибольшую убедительность. Здесь следовало бы указать на дальнейшую эволюцию дворянской собственности в сторону ее капитализации. Зато второе объяснение, которое кажется автору «бесспорным», является, скорее, следствием первой причины, чем фактором одного с ней порядка.

Учета эволюции дворянской земельной собственности не наблюдаем мы и в статье Дениз Экот, несколько преувеличивающей сугубо казенные цели генерального межевания²²⁹.

Ф. Кокен объясняет передвижения государственных крестьян в первой половине XIX в. лишь факторами «отталкивания» (неблагоприятные местные условия — малоземелье, неурожай, голод), отрицая для этого времени наличие факторов «притяжения» на новые места (они появились, по мнению автора, только в пореформенный период)²³⁰. Это означает некоторую недооценку буржуазного расслоения крестьянства и капиталистического развития страны в первой половине столетия.

Итак, мы видим, что развитие буржуазных отношений в деревне не нашло отражения в работах французских историков начала 60-х годов. Проблема генезиса капитализма изучалась главным образом на материале, относящемся к истории промышленности. Затрагивалась она и в обобщающих трудах.

По мнению Вельтера, в «Московии» не выработалось настоящего третьего сословия: ни ремесленники, ни дьяки не превратились в буржуазию²³¹. В 1946 г. Вельтер утверждал, что русская промышленность от системы сельского и городского ремесла перешла в XIX в. к современной фабрике, минуя характерную для Западной Европы мануфактурную стадию²³². Однако Порталь в 1950 г. определял уральский завод XVIII в.

²²⁷ Пользуемся термином Режеморте, который в данном случае выражает мнение Конфино (RHMC. 1964. № 4. P. 312).

²²⁸ *Confino M. Domaines...* P. 228–229; по второму и третьему пунктам автора полностью поддерживает Режеморте (RHMC. 1964. № 4. P. 312–313).

²²⁹ *Eeckaute D. La mensuration générale des terres en Russie dans la seconde moitié du XVIII-e siècle* // CMRS. 1964. № 3. P. 321.

²³⁰ *Coquin Fr.-X. Faim et migrations paysannes en Russie au XIX-e siècle* // RHMC. 1964. № 2. P. 127–144.

²³¹ *Welter G. Op. cit.* P. 177.

²³² *Ibid.* P. 295.

как «органическую мануфактуру»²³³. Говорил он также о текстильных и других «мануфактурах» центральной России²³⁴. Ошибочное представление Вельтера не получило распространения во французской историографии начала 60-х годов.

Наиболее видное место в изучении истории русской промышленности XVIII – первой половины XIX в. принадлежит Порталю. В книге об уральской металлургии, изданной в 1950 г., Порталь писал, что в основе промышленного развития России XVIII в. лежал «торговый капитал» (*le capital commercial*), инициатива купцов, а не дворян (Строгановы – исключение). Другим условием появления «крупных капиталистов» на Урале в XVIII в. он считал покровительственную политику правительства²³⁵. В соответствии с этой концепцией автор указывал два источника накопления капитала в металлургической промышленности: 1) вложение торгового капитала, 2) благоприятствование предпринимателям со стороны государства (предоставление прав феодального характера в отношении земель, лесов, рабочих рук, монополии)²³⁶.

Производственные отношения на уральских заводах Порталь характеризовал как смешанную систему, которая, с одной стороны, приближалась к феодальной барщине (когда труд был принудительным), с другой — к капиталистической экономике (когда крестьяне и рабочие продавали свою рабочую силу за зарплату)²³⁷.

Индустриализация Урала не привела, по мнению Порталья, к образованию настоящего пролетариата²³⁸. Вместе с тем, автор говорил о «крупных» и «мелких» «капиталистах» XVIII в.²³⁹. Он указывал, правда, что «торговый капитал» не мог играть первенствующей роли (хотя роль его и увеличивалась в течение XVIII в.) в такой экономически отсталой стране, как Россия, в условиях социального и политического режима, сохранявшего феодальные черты²⁴⁰. Порталь писал: «По необходимости индустриализация расширила [сферу применения] крепостного права и усилила феодальную систему»²⁴¹.

²³³ Portal R. L'Oural au XVIII-e siècle. P., 1950. P. 212.

²³⁴ Ibid. P. 236.

²³⁵ Ibid. P. 150, 159.

²³⁶ Ibid. P. 167.

²³⁷ Ibid. P. 383.

²³⁸ Ibid. P. 383–391.

²³⁹ Ibid. P. 148, 159, etc.

²⁴⁰ Ibid. P. 167–169.

²⁴¹ Ibid. P. 381.

В работах начала 60-х годов Порталь поставил вопрос о происхождении русской буржуазии в текстильной промышленности и о генезисе капитализма в целом. Согласно Порталю, экономическое развитие России конца XVII – первой четверти XVIII в. выдвинуло на историческую арену русскую буржуазию, которая формировалась в течение XVII в.²⁴² Рецензируя книгу А.Ц. Мерзона и Ю.А. Тихонова²⁴³, Порталь подчеркнул, что «наши часто общие суждения об экономической отсталости (впрочем, действительной) России должны быть пересмотрены»; «...в конце XVII в. ... складывался национальный рынок... Крестьянство деревни и города, которое часто считают однородным, дифференцировалось на категории богатых и бедных. По мере того, как возникала из среды ремесленников мелкая буржуазия, с помощью своих капиталов прибиравшая к рукам местные мастерские, разорившиеся крестьяне, если они не могли наняться в эти мастерские, уходили на уральские соляные варницы. Так вырисовываются в XVII в. те черты экономики и общественной жизни, без изучения которых нельзя объяснить ни успехов, ни просчетов Петра Великого»²⁴⁴. Вместе с тем «буржуазия» рубежа XVII–XVIII вв. кажется Порталю и малочисленной, и маловлиятельной. Автор указывает сумму признаков, определявших специфику русской «буржуазии» этого времени. Она не составляла ни класса, ни юридической категории, отличной от крестьянства, за исключением посадов. В противоположность западноевропейской городской буржуазии, она не была свободной. Русская буржуазия не возвысилась победоносной борьбой против светской или духовной власти. Она оставалась в прямом подчинении у государства, была обложена налогами и привязана к городу. В XVIII в. ее роль увеличилась, однако государство интересовалось не только производительной деятельностью промышленной и торговой буржуазии, но и рассматривало ее как источник доходов для удовлетворения военных нужд. Наконец, в среде купцов и горожан не была развита идея самоуправления²⁴⁵.

Свое понимание «буржуазии» Порталь уточняет при характеристике промышленного развития России первой половины XIX в., когда формировались кадры новой, первоначально крепостной «буржуазии». Автор говорит, что к этой еще весьма немногочисленной в середине XIX в. буржуазии лишь отчасти можно приложить те критерии, которые позволяют характеризовать промышленную буржуазию на Западе. Русская промышленная буржуазия при своем возникновении имела совершенно своеобразные

²⁴² Portal R. Pierre le Grand. P. 214.

²⁴³ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого: XVII век. М., 1960.

²⁴⁴ RHMC. 1961. № 1. P. 77–78.

²⁴⁵ Portal R. Pierre le Grand. P. 214.

черты²⁴⁶. По мнению Порталья, крепостное состояние первых промышленников «в известном смысле скорее служило, чем вредило их восхождению. В обстановке послушания, которую поддерживал помещик, получавший оброк от фабриканта, последний пользовался частью помещичьей власти, в видимом противоречии со своим юридическим положением»²⁴⁷. Иными словами, внеэкономическое принуждение, частично делегированное крепостному фабриканту, рассматривается в качестве фактора самоопределения новой буржуазии.

Порталь не разделяет тезис В.К. Яцунского о свободном найме рабочих рук как главном признаке капиталистического предприятия, указывая на существование фабрик с полусвободными и полукрепостными рабочими. Автор предлагает и владельцев посессионных заводов отнести к буржуазии, исключив отсюда лишь дворянство. Говоря о кустарях и принимая определение их, данное В.К. Яцунским («потенциальная буржуазия»), Порталь подчеркивает трудность отличия «фактической» буржуазии от юридической, обладающей сословными привилегиями. По мнению автора, трудно также провести четкую грань между промышленной и торговой буржуазией по основному роду занятий, как предлагает В.К. Яцунский. Словом, Порталь стремится доказать невозможность определения промышленной буржуазии по какому-либо одному главному признаку и выдвигает в качестве критерия весь комплекс отношений между предпринимателем и обществом, всю систему «социальных» факторов, а не единственный производственный принцип²⁴⁸. «Нельзя преувеличивать удельный вес доходов, полученных от эксплуатации рабочих рук, — говорит он, — прибыль в значительной мере, а иногда и в большей мере, шла от торговли...»²⁴⁹

В ряде своих наблюдений и выводов Порталь смыкается с советской историографией. Однако трудно согласиться с его мнением, что «индустриализация» в XVIII в. «усилила» крепостной режим (фактически она его разлагала изнутри) и что крепостное состояние в первой половине XIX в. способствовало возвышению новой буржуазии. Само понимание Порталем «буржуазии» спорно. Автор в значительной мере абстрагируется от главного признака, делающего владельца «капитала» «капиталистом» (характер отношений с непосредственным производителем и тип отношений между самими производителями в рамках той или иной формы

²⁴⁶ Portal R. Aux origines d'une bourgeoisie industrielle en Russie // RHMC. 1961.

№ 1. P. 5.

²⁴⁷ Portal R. Du servage à la bourgeoisie: la famille Kononov // RÉS. 1961. T. 38.

P. 150.

²⁴⁸ Portal R. Aux origines... P. 56–59.

²⁴⁹ Ibid. P. 58.

промышленного производства). Преувеличивая самопроизвольность роста «торгового капитала», Порталь игнорирует основной источник обогащения — развитие производительных сил, увеличение производительности труда. Отсюда и недооценка новых производственных отношений, представление о механическом сосуществовании «феодализма» и «торгового капитала».

Тезис Порталья о распространении крепостного режима в результате «индустриализации» нашел поддержку у Симоны Блан. Она пишет: «Государство послепетровского времени, бессильное смягчить и тем более уничтожить крепостную систему, угрожавшую промышленности удушением, прибегло к насаждению самой этой системы в недрах организма, которому она угрожала»²⁵⁰. Автор полагает, что с точки зрения чистой логики должны были выжить либо мануфактуры, либо крепостное право²⁵¹. Поэтому появление крепостного рабочего кажется ей «аномалией, искусственным пережитком, насаждение и развитие которого в недрах капиталистической системы, символизируемой мануфактурой, можно объяснить лишь ненормальным продолжением [существования] крепостного режима»²⁵².

Автор исходит из прямолинейного противопоставления «крепостного режима» буржуазным отношениям. Вместе с тем «крепостной режим» — это отнюдь не классический феодализм. В рамках крепостничества развивались более «чистые» формы частной собственности, чем при средневековом феодализме. Блан же рассматривает «промышленников» и «феодалов» в качестве «антагонистических» классов, которых примирил указ 1721 г., разрешивший купцам покупать для своих мануфактур крестьян²⁵³. Это примирение означало, с точки зрения автора, капитуляцию буржуазии как «общественного класса». По словам Блан, «историческая миссия» «первой русской буржуазии» (XVIII в.) провалилась, ибо этот «класс отказался от того, что априори можно было бы считать его исторической миссией». Блан полагает, что «первая» (в хронологическом смысле) русская буржуазия, «исторически бесплодная», исчезла «как общественный класс» — она раздробилась: одна часть ее опустилась в низы общества, другая одворянилась; в XIX в. появилась «вторая» буржуазия — из крестьян²⁵⁴. На примере Строгановых, получивших дворянство в начале XVIII в., Блан демонстрирует социальную бесплодность, «парадоксальную

²⁵⁰ *Blanc S. À propos de la politique économique de Pierre le Grand // CMRS. 1962. № 1. P. 137.*

²⁵¹ *Blanc S. Aux origines de la bourgeoisie russe // CMRS. 1964. № 3. P. 300–301.*

²⁵² *Blanc S. À propos de la politique économique... P. 136.*

²⁵³ *Ibid. P. 138.*

²⁵⁴ *Blanc S. Aux origines... P. 300.*

эволюцию» «одной из первых буржуазных династий», вычеркнутой из «буржуазного мира» фактом одворянивания²⁵⁵.

Юридический акт одворянивания для Симоны Блан — конец развития буржуазных отношений. Это весьма характерный подход, показывающий юридическую природу мышления автора. А ведь «одворянивание» «буржуазии» в XVIII в. было одним из путей развития ее сугубо «буржуазной» деятельности. Например, такие привилегии, как освобождение от службы и выборных должностей, являлись формой преодоления феодально-крепостнической системы тягла XVI–XVII вв. и способствовали большому простору предпринимательской инициативы. «Одворянивание» нельзя считать простой «феодализацией» буржуазии.

Свои представления об одворянивании буржуазии Блан неоднократно подкрепляет ссылками на выводы Н. И. Павленко. Однако концепция последнего отнюдь не тождественна идеям Симоны Блан. Павленко отмечает не только одворянивание буржуазии, но и другую тенденцию — нарушение сословной замкнутости, развитие элементов буржуазной собственности, в том числе известное «обуржуазивание дворянства»²⁵⁶. Блан, напротив, лишает процесс развития буржуазных отношений в XVIII в. его исторической сложности и выдвигает ошибочную точку зрения о «социальном» самоуничтожении «первой» русской буржуазии.

Конфино избегает употреблять для XVIII — начала XIX в. понятие «буржуазия», оперируя сословно-юридическими категориями: «дворяне», «купцы» (в некоторых случаях он говорит об «одворянившихся» купцах). Автор замечает, что следовало бы выяснить, в какой мере «анахронической» является терминология П. Г. Любомирова («капиталисты», «крупные капиталисты» и т. п.)²⁵⁷. Однако конкуренцию между предпринимателями второй половины XVIII в. он считает «более близкой к тому, чем она станет на завершающем этапе своего развития в рамках свободного капитализма, чем к тому, чем она была полстолетия назад»²⁵⁸.

Паскаль употребляет термин «капиталисты» не в классовом смысле. Он говорит, что в XVI в. существовала дифференциация городского населения, среди которого различались «крупные купцы капиталисты»,

²⁵⁵ Ibid. P. 294.

²⁵⁶ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. М., 1958. С. 321–322, 350; Он же. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводо-владельцы. М., 1962. С. 495, 537; Он же. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 57, 70.

²⁵⁷ Confino M. *Maîtres de forges et ouvriers dans les usines métallurgiques de l'Oural aux XVIII-e — XIX-e siècles* // CMRS. 1960. № 1. P. 249, note 28.

²⁵⁸ Ibid. P. 248.

мелочные торговцы, ремесленники, служащие (*employés*). По словам Паскаля, Петр I разделил «*les bourgeois*» на «классы»: первая и вторая гильдии, ниже — люди, живущие наемным трудом²⁵⁹. Слово «буржуа» означает в этом контексте просто городское население, «горожане», под «классами» же подразумеваются прежде всего сословные группы. «Капиталисты» и «буржуазия» у Паскаля — это в первую очередь купцы.

Весьма полезным было проводившееся во французской историографии начала 60-х годов изучение генеалогии русской буржуазии. В статьях Порталля содержится фактическая разработка истории семей крупных предпринимателей: Морозовых, Прохоровых, Коноваловых и др.²⁶⁰ Конфино проследил судьбы уральских предпринимателей Губиных²⁶¹.

История внутренней торговли изучалась недостаточно, хотя ряд наблюдений представляет интерес. Дениз Экот пришла к выводу, что Россия XVII в. в торговом отношении мало отличалась от Запада: «...торговля в ней, как и повсюду в это время, развивалась в формах, которые можно назвать меркантилизмом»²⁶².

Порталь неоднократно высказывал мысль, что в истории возвышения русской промышленной буржуазии первой половины XIX в. особую роль сыграла торговля, развивавшаяся в условиях раздробленного внутреннего рынка (значительные колебания цен по районам) и дальнейшего освоения Украины и Средней Волги, при действии протекционистского таможенного тарифа 1822 г.²⁶³

Об интересе к истории внутренней торговли в России свидетельствует публикация во французском журнале статьи советской исследовательницы Е. И. Индовой, подробно анализирующей факты торговой деятельности дворцовых крестьян в первой половине XVIII в.²⁶⁴

Необходимо отметить большое внимание французской историографии в начале 60-х годов к проблеме генезиса капитализма в России и творческий подход к ее изучению. Вместе с тем бросается в глаза нечеткость характеристики русской «буржуазии», преувеличение роли «торгового капитала» и степени «феодализации» буржуазных отношений. Подчеркивая,

²⁵⁹ *Pascal P. Histoire de la Russie...* P. 49–64.

²⁶⁰ *Portail R. Aux origines...* P. 41–51; *Idem. Du servage...* P. 143–149; *Idem. Industriels moscovites: le secteur cotonnier (1861–1914)* // CMRS. 1963. № 1/2. P. 5–46.

²⁶¹ *Confino M. Maitres de forges...* P. 239–284.

²⁶² *Eeckaute D. Le commerce russe au milieu du XVII-e siècle d'après la correspondance du chargé d'affaires suédois Rodès* // RH. 1965. № 2. P. 323.

²⁶³ *Portail R. Aux origines...* P. 58–59; *Idem. Du servage...* P. 150.

²⁶⁴ *Indova E. I. Les activités commerciales de la paysannerie dans les villages du tsar de la région de Moscou (première moitié du XVIII-e siècle)* // CMRS. 1964. № 2. P. 206–228.

обычно лишь в самой общей форме, своеобразие промышленного развития России, его несовпадение с «западным» путем, французские авторы рассматриваемого времени не занимались конкретным сравнительно-историческим исследованием, которое помогло бы выяснить подлинную специфику генезиса русского капитализма.

§4. Вопросы истории государственной власти

Начало русской государственности Вельтер и Паскаль связывают с варягами. Паскаль пишет, что славяне уважали у варягов более высокую политическую организацию²⁶⁵. «Три сотни или три тысячи» сеньюров, стоявших во главе русского общества X–XI вв., были, по мнению Паскаля, «безусловно варягами по происхождению»²⁶⁶. Вельтер рассматривает свободу средневекового русского боярства (право «отъезда» от одного сюзерена к другому) как наследие «варяжской свободы»²⁶⁷. Не вполне определенную позицию по отношению к норманской теории занимает Ирен Сорлен²⁶⁸.

Что касается периода феодальной раздробленности, то здесь наибольший интерес представляет оценка уделов. В соответствии со старой «вотчинной теорией» Вельтер видит в уделе «институт частного права»²⁶⁹. Правильнее точка зрения Паскаля, указывающего, что в уделе «суверенитет» смешивался с «частной собственностью»²⁷⁰, хотя и это определение уводит от объяснения природы удельно knyazheskoy власти.

Характеристика «Московии» (XV–XVII вв.) весьма традиционна. Большинство авторов развивает тезис о службе всех сословий государству и о связи монархов с народом (Вельтер, Грюнвальд, Шаховская).

В результате петровских реформ действительно изменилась, по мнению Вельтера, только форма государственной власти: вместо патриархальной деспотии восточного типа с религиозным и национальным ореолом вокруг личности царя возник «бюрократический деспотизм»²⁷¹. Порталь считает, что Петр I создал «современное» (или «новое», *moderne*)

²⁶⁵ Pascal P. Op. cit. P. 7.

²⁶⁶ Ibid. P. 17.

²⁶⁷ Welter G. Op. cit. P. 89.

²⁶⁸ Sorlin I. Les traités de Bysance avec la Russie au X-e siècle // CMRS. 1961. № 3. P. 313–360. № 4. P. 447–475.

²⁶⁹ Welter G. Op. cit. P. 90.

²⁷⁰ Pascal P. Op. cit. P. 27.

²⁷¹ Welter G. Op. cit. P. 221.

государство (точнее — государство Нового времени) на «традиционной основе», при сохранении феодальной структуры²⁷². Определяя классовую природу этого государства, автор высказывает сомнение в правильности формулы «государство помещиков и купцов». «Государство дворян? — говорит он. — Без сомнения. Государство купцов? Вещь более спорная»²⁷³. Эта оценка связана с мнением Порталя о слабости и политической неполноценности русской «буржуазии» начала XVIII в. Нам кажется, что «традиционная» «феодальная» основа «современного государства» нуждается в специальном исследовании. Это особая стадия феодализма, при которой многие существенные его признаки (особенно политические) вследствие эволюции феодальной собственности на землю видоизменяются и частично заменяются теми чертами, которые позволяют создать «современное государство». У Порталя же «традиционная основа» выступает как нечто развивающееся по восходящей кривой.

Создание устойчивой административно-бюрократической системы Ольга Вормсер относит ко времени Екатерины II²⁷⁴.

Довольно единодушную оценку у Вельтера и Муравьева получил период царствования Павла I, Александра I и Николая I. По мнению Вельтера, царизм в это время потерял связь с русским национальным духом, превратившись в разновидность прусской монархии. Муравьев считает, что «ложные принципы», установленные Петром III и Екатериной II («социальный феодализм»), легли в основу политики их преемников — всей Гольштейн-Готторпской династии, которая своим непониманием стоявших перед страной задач фактически и привела монархию к краху. Немецкая династия была «чуждым телом», решавшим судьбы народа, «мученика и героя»²⁷⁵. В схеме Муравьева история «династии» полностью оторвана от социально-экономического развития страны.

Конкретным сторонам внутренней политики в первой половине 60-х годов было посвящено сравнительно мало специальных работ. М. Девез рассмотрел в хронологической последовательности политику правительства, преимущественно с XVIII в. и до 1914 г., в отношении использования лесных богатств²⁷⁶. Экономическая политика Петра I характеризуется в трудах Порталя и Симоны Блан. Оба автора видят в ней форму

²⁷² Portal R. Pierre le Grand. P. 294, 296.

²⁷³ Ibid. P. 213.

²⁷⁴ Wormser O. Catherine II. 2-ème éd. P., 1962.

²⁷⁵ Mouravieff B. La monarchie russe. P. 112–114.

²⁷⁶ Devèze M. Contribution à l'histoire de la forêt russe: (Des origines à 1914) // CMRS. 1964. № 3. P. 302–319; № 4. P. 461–478.

меркантилизма отсталой страны²⁷⁷. Блан подвергла довольно подробному рассмотрению политику Петра I в области местного управления, которая представляется ей противоречивой и непоследовательной, поскольку в ней уживались средневековые традиции и идеи «века просвещения»²⁷⁸. М. Раев проследил постепенный отказ Александра I от проектов сенатско-аристократической партии и переход на позиции бюрократического централизма²⁷⁹. Формирование бюрократизма — лейтмотив и упомянутой работы Симоны Блан об административном управлении.

§5. Освещение истории классовой борьбы и национальных движений

Проблематика, связанная с классовой борьбой, в историографии начала 60-х годов практически почти не разрабатывались. О классовой борьбе до начала XVII в. обычно вообще нет речи. «Смуту» Шаховская рассматривает как состояние «хаоса» и «маразма» и как прецедент, если не источник, народных движений середины и второй половины XVII в.²⁸⁰ Вельтер и Паскаль видят в «Смуте» и восстании Степана Разина признак внутренней слабости или порочности социальной структуры «Святой Руси». Интерес французской науки к серьезному освещению вопросов классовой борьбы в России XVII в. проявился в публикации во французском журнале статьи советского историка Ю. А. Тихонова на эту тему²⁸¹.

Историю классовой борьбы первой четверти XVIII в. довольно описательно характеризует Порталь, ставя ее в один ряд с другими формами «оппозиции» политике Петра I²⁸².

Если восстания под предводительством Болотникова и Разина в лучшем случае лишь упоминаются в общих трудах, то пугачевскому движению придается большее значение (например, в книге Вельтера). И это понятно. Ведь буржуазная историография представляет «Московию» XV–XVII вв. как страну, где процветал «классовый мир» и было

²⁷⁷ Portal R. Pierre le Grand. P. 295–296; Blanc S. À propos de la politique économique... P. 122–128, особенно P. 126–127.

²⁷⁸ Blanc S. La pratique de l'administration... P. 64.

²⁷⁹ Raeff M. Le climat politique et les projets de réforme dans les premières années du règne d'Alexandre I-er // CMRS. 1961. № 4. P. 415–433.

²⁸⁰ Schakovskoy Z. Op. cit. P. 9, 13.

²⁸¹ Tihonov Ju. A. Les mouvements populaires en Russie au XVII-e siècle: (Les guerres paysannes et les révoltes urbaines) // CMRS. 1962. № 3. P. 486–504.

²⁸² Portal R. Pierre le Grand. P. 249–274.

национально-религиозное единство классов. Другое дело XVIII век, особенно Екатерининская эпоха с ее «социальным феодализмом» или рабством. С точки зрения этой концепции «Пугачевщина» — симптом порочности принципов, проводившихся немецкой династией.

В то время как классовой борьбе не посвящалось специальных исследований, история национальных движений служила сюжетом отдельных статей. А. Беннигсен исследовал движение кавказских горцев 1785–1791 гг. Его мнение сводится к тому, что Турция только использовала это движение, но не инспирировала его. Автор подверг критике противоположную точку зрения (А. Н. Смирнова). По словам Беннигсена, «священная война» началась с типичного восстания обнищавших и потерявших надежду крестьян, а во время русско-турецкой войны шейх Мансур руководил лишь двумя мелкими операциями. «Священная война», указывает автор, вызвала реформационное движение, которого опасались правящие верхи Турции²⁸³. В научно-популярной статье А. Бегена о Шамиле проблема турецкого влияния обойдена молчанием²⁸⁴. Обе статьи по своему замыслу тенденциозны, однако ценен материал турецких архивов, введенный в научный оборот Беннигсеном.

Заканчивая рассмотрение изданной во Франции в 1960–1964 гг. литературы по вопросам социальной и внутривосточной истории России эпохи феодализма, необходимо отметить рост интереса французской историографии к экономической проблематике. Проблема генезиса капитализма в России стала в это время предметом наиболее творческих исследований. Признание наличия феодализма в России приобрело новых сторонников, хотя теория отсутствия феодализма продолжала звучать. Концепция служения всех классов русского общества государству в XV — первой половине XVIII в. и идея политической безвластности дворянства XVIII — первой половины XIX в. подкрепляли теорию либо отсутствия, либо недоразвитости феодализма в России. Весьма оригинальной была концепция Р. Порталля об усилении крепостничества в XVIII в. как факторе, благоприятствовавшем развитию капитализма.

²⁸³ Bennigsen A. Un mouvement populaire au Caucase au XVIII siècle: La «Guerre Sainte» du sheikh Mansur (1785–1791), page mal connue et controversée des relations russo-turques // CMRS. 1964. № 2. P. 159–197.

²⁸⁴ Béguin A. Chamyl, le lion du Daghestan // Miroir de l'histoire. 1962, décembre. № 156. P. 723–730.

Приложение 6

Формы и эволюция труда в Европе XIII–XVIII вв.:

*Аналитический обзор докладов и дискуссий
на XIII Международной конференции
по экономической истории в Прато
(2–7 мая 1981 г.)*

2–7 мая 1981 в г. Прато (Италия) состоялась XIII Международная конференция по экономической истории, посвященная теме «Формы и эволюция труда в Европе XIII–XVIII вв.».

Международные конференции («исследовательские недели») по экономической истории Европы XIII–XVIII вв., организуемые ежегодно в Прато (начиная с 1969 г.) Международным институтом экономической истории им. Франческо Датини, являются авторитетным научным форумом, где собираются крупнейшие специалисты по экономической истории Европы. Здесь ставятся весьма важные вопросы экономической истории Европы до XIX в., требующие пересмотра и переисследования.

Институт Франческо Датини проявлял заинтересованность в участии в конференциях в Прато и советских исследователей, ежегодно направляя соответствующие приглашения в официальные инстанции и отдельным ученым. Советские историки были представлены на многих из прошедших «недель».

В работе XIII «недели» участвовали от Советского Союза действительный член АН Литовской ССР Ю. М. Юргинис, с.н.с. Института всеобщей истории к.и.н. А. А. Сванидзе, старшие научные сотрудники Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук Н. А. Горская и С. М. Каштанов. Несмотря на задержку выдачи виз итальянским МИД и прибытие на конференцию лишь 4 мая 1981 г. (в Прато — 3 мая вечером), членам делегации удалось выступить с намеченными докладами, тексты которых были отправлены в Прато заблаговременно и размножены там на ксероксе.

Доклад А. А. Сванидзе состоялся своевременно — 5 мая, в соответствии с программой, доклады же Ю. М. Юргиниса, Н. А. Горской и С. М. Каштанова, значившиеся в программе соответственно под 2 и 3 мая, были, благодаря любезности устроителей конференции, включены в повестку дня 6 мая.

Всего на конференции было заслушано около 30 докладов и сообщений, сделанных представителями Англии, Бельгии, Испании, Италии, Нидерландов, Франции, ФРГ, Венгрии, Польши, СССР. Больше всего докладчиков было из Франции (8) и Италии (7). Затем идут Англия (4), ФРГ (4), СССР (4 докладчика, но 3 доклада, поскольку доклад Н. А. Горской и С. М. Каштанова — совместный), Польша (3), Венгрия (2), Бельгия (1), Испания (1), Нидерланды (1).

В прениях, кроме представителей этих стран, выступали также ученые из США, Швеции и др. Общее количество участников XIII «недели» — примерно 300 человек. Рабочие языки конференции — французский, итальянский, английский и немецкий. Советские делегаты пользовались французским, английским и немецким языками.

Главная тема конференции подразделялась на пять подтем: 1) старые и новые формы подневольного труда (2 мая); 2) крестьянский и домашний труд (3 мая); 3) цехи и социальная борьба (4 мая); 4) наемный труд (5 мая); 5) «автономный» труд и свободные профессии (6 мая). Последний день (7 мая) был отведен для заседания «Круглого стола».

Распределение докладов по подтемам носило подчас условный характер. Так, некоторые доклады первого и второго дней тематически весьма близки между собой. Иногда расширялись хронологические и даже географические рамки общей темы. Отдельные докладчики «заглядывали» далеко назад — в эпоху раннего Средневековья и даже Античности, другие «забегали» вперед — в XIX в. Один доклад касался не столько Европы, сколько Америки (испанские владения в Мексике).

Программа предусматривала различие между собственно «докладом» (*relazione*) и «сообщением» (*comunicazione*): 1) «докладов» было всего 5 — по одному на каждую из подтем; 2) с «доклада» начиналось рассмотрение соответствующей подтемы; 3) «доклад» должен был носить обобщающий характер и содержать постановку вопроса и краткий обзор «сообщений», следующих за ним; 4) на «доклад» отводилось 10 минут, а на «сообщение» — 5. На практике, однако, докладами в традиционном смысле оказывались именно «сообщения», представлявшие собой (в письменном варианте) обстоятельные исследования. И не случайно некоторые «сообщения» произносились достаточно долго — они занимали не меньше, если не больше времени, чем «доклады». В целом регламент выдерживался не слишком строго.

«Докладчиками» в узком смысле слова были представители Франции, Италии, ФРГ и Англии. «Рыцарями Круглого стола» (выступавшими с докладами в последний день) были ученые из Италии, Англии, Нидерландов, ФРГ. Председательствовали в разные дни крупные ученые, обычно члены Научного комитета Института Датини, представлявшие Италию, Францию, Англию, ФРГ, Нидерланды. Таким образом, руководство ходом конференции находилось в руках ученых ведущих западноевропейских стран¹.

Первый день

Старые и новые формы подневольного труда

«Докладчиком» первого дня (тема — старые и новые формы подневольного труда) был Филипп Контамин (Париж). О его докладе, как и о других докладах первых двух дней, мы можем судить лишь по письменному тексту. В своем докладе «Барщина и подневольный труд во Франции (IX–XV вв.)» Контамин проследил постепенное исчезновение барщинного труда во Франции в XI–XV вв. и временное усиление его в Англии в XIII в. В конце доклада кратко говорится о распространении барщины в Центральной и Восточной Европе начиная с XVI в.

Как изживание барщинного труда во Франции, так и усиление его (а затем исчезновение) в Англии и распространение в XVI в. в странах к востоку от Эльбы автор объясняет развитием товарно-денежных отношений. Контамин считает парадоксальным, что один и тот же фактор (развитие товарно-денежных отношений) приводит в одних случаях к исчезновению, а в других — к утверждению барщины. Поэтому он предлагает в порядке гипотезы некоторые дополнительные объяснения роста барщины в Восточной Европе — такие как значительная политическая роль сеньоров (но если это верно для Польши, то мало подходит для России), слабая сопротивляемость крестьянской общины давлению со стороны господ в Пруссии, Польше, России и т. п. Автор подчеркивает, что подневольный труд был не только источником «прибыли» (profit), но и формой, через которую осуществлялось всякого рода господство: политическое, расовое, в сексуальной сфере².

¹ Все доклады, сообщения, вопросы и выступления по ним были через 10 лет после конференции опубликованы в сборнике: *Forme ed evoluzione del lavoro in Europa: XIII-XVIII secc: Atti della «Tredicesima Settimana di Studio» 2-7 maggio 1981 / A cura di Annalisa Guarducci. [Firenze, 1991] (Istituto internazionale di storia economica «F. Datini» Prato. Serie II — Atti delle «Settimane di Studi» e altri Convegni, 13) (далее — FEL).*

² *Contamine Ph. Service et travail servile en France (IX-e — XV-e siècle) // FEL. P. 7-40.*

Это последнее положение в целом правильно. Однако оно не объясняет динамику распространения и исчезновения барщины в разных регионах. Представляется, что автор (следуя, впрочем, историографической традиции) неправомерно сопоставляет причины *распространения барщины* в одном регионе (центральном и восточноевропейском) с причинами *исчезновения* ее в другом (западноевропейском). Следовало бы, на наш взгляд, в обоих случаях сравнивать причины *возникновения* барщины, коль скоро речь не идет о причинах ее *исчезновения* во всех регионах.

В докладе Ежи Топольского (Познань) «Севооборот и сельскохозяйственный труд (Барщина и урожайность при трехпольном севообороте)» было показано уменьшение урожайности в Польше с сам-5 в XVI в. до сам-3 в XVIII в., что автор объясняет слабым коэффициентом «правильности труда» (*exactitude du travail*) на барщине (имеется в виду прежде всего нежелание крестьян работать на барщине, использование ими здесь худших орудий труда при сохранении лучших для собственного хозяйства, необязательность для помещика технически оснащать свое хозяйство). Попытки поднять производительность труда внеэкономическими средствами (усиление контроля) не приносили существенных плодов. Хотя на крестьянском наделе производительность труда была выше, на нее тоже отрицательно влияла барщина, отнимавшая у крестьян время. «Предел эластичности урожайности» (*marge d'élasticité du rendement*), под которым подразумевается возможность ее увеличения, проявлял в условиях барщины тенденцию к понижению. Автор отмечает, что вокруг проблемы барщины между крестьянами и помещиками шла постоянная и ожесточенная классовая борьба.

В докладе подвергнута критике точка зрения известного польского историка Витольда Кули, связывающего развитие барщины с благоприятной для польских магнатов и шляхты структурой европейских цен. Топольский замечает, что общая структура цен в доиндустриальный период определялась структурой цен на зерновые, которая, в свою очередь, зависела от самой системы производительных сил и производственных отношений (в данном случае трехполье + барщина)³.

При этом остаются все же неясными причины устойчивости барщины в XVI–XVIII вв. и принципиальное отличие концепции Топольского от взглядов Кули. Возможно, главным различием в расстановке акцентов оказывается указание Топольским на трехполье, ибо оно и барщина определяют, по его схеме, цены на зерновые и структуру цен в общеевропейском масштабе, а последняя, будучи выгодна польскому дворянству, способствовала, согласно Куле, сохранению барщины.

³ *Topolski J. L'assolement et le travail agricole: La corvée et le rendement de l'assolement triennal // FEL. P. 41–53.*

В докладе Ю.М. Юргиниса (Вильнюс) «Эволюция форм труда в Литве в XVI–XVIII вв.» были показаны такие фундаментальные для сельского хозяйства Литвы явления, как утверждение трехполья, рост барщины и развитие фольварочной системы (все они имеют прямые аналоги в польской модели). В центре внимания автора находились земельная реформа середины XVI в., упорядочившая вотчинное и государственное обложение крестьян и усилившая барщину, и неудачная реформа Антона Тизенгауза середины XVIII в., имевшая целью модернизацию крестьянского хозяйства на базе крепостничества (она вызвала большое крестьянское восстание в 1769 г.)⁴.

В докладе Шарля Верлиндена (Брюссель) «Возрождение рабства в XV и XVI вв.» выделены следующие основные этапы и направления работорговли в IX–XVI вв.: 1) IX–XI вв. — из Восточной Европы в мусульманскую Испанию, а оттуда в остальной мусульманский мир; 2) конец XII — середина XV в. — из бассейна Черного моря в Египет; 3) с середины XV в. до 30–40-х годов XVI в. — с атлантического побережья Африки в Португалию, Испанию, южную Италию, на Балеарские острова (особенно Майорку), Сицилию и Крит; 4) с 30–40-х годов XVI в. и позднее — из Африки в колониальную Америку. В работорговле посредническую роль с конца XII в. играли Венеция и особенно Генуя, чьи колонии в Крыму были важным поставщиком рабов на европейский рынок. В самой Генуе в XIV в. рабы составляли до 15% населения. И все же, по мнению автора, в христианских странах рабов было меньше, чем в мусульманских, где они широко использовались в армии. В числе рабов как объекте торговли в докладе упоминаются представители народов восточнославянского и балканского регионов (русские, болгары, сербы, валахи, албанцы, греки и др.), Кавказа (аланы, черкесы, мингрелы, абхазцы и др.), тюрко-татарского мира (куманы, татары и др.), Африки (берберы, негры племен волоф, мандинго и многих других).

Наибольший интерес представляют выкладки автора о количественном, расовом, национальном (или этническом), половом, возрастном составе рабов в различных районах европейского Средиземноморья в XIV–XVI вв., их удельном весе в общей массе рабочей силы и населения в целом, сфере занятости (сельское и домашнее хозяйство), влиянии наличия рабов на степень обеспеченности работой свободных.

Автор касается также периода до IX в., отмечая, что по сравнению с поздней Античностью раннее Средневековье возродило рабство в более суровой форме, и лишь с VIII в., при Каролингах, когда под влиянием

⁴ *Jurginis Ju.* Evolution of Labour Forms in Lithuania in the 16th–18th Centuries // FEL. P. 55–63.

церкви создается понятие *societas christiana* (христианское общество), рабство смягчается и переходит в другие виды зависимости. Но ведь речь о славянском и скандинавском мире, докладчик подчеркивает, что церковь никогда не могла «автоматически» освободить иноверца или язычника, обращенного в христианство. В этом автор и видит психологическую причину возможности возрождения рабства на Западе в период позднего Средневековья: ведь иноверцы (даже обращенные) не принадлежали к *societas christiana*⁵.

В докладе Жана-Пьера Берта (Париж) «Формы подневольного труда в Новой Испании XVI–XVIII вв.» прослежена эволюция способов эксплуатации коренного населения Мексики (индейцев) в колониальный период: рабство и барщина в 20–50-х годах XVI в., трудовая повинность во второй половине XVI — первой трети XVII в., пеонаж в конце XVI–XVIII вв. Докладчик отмечает прежде всего катастрофическое сокращение численности мексиканских индейцев на протяжении XVI — первой половины XVII в., связывая его преимущественно с эпидемиями, хотя они лишь усугубляли демографический кризис, вызванный завоеванием и колониальной эксплуатацией. В момент завоевания (1521 г.) коренное население Мексики составляло либо 25 млн человек (как полагают Бора и Кук), либо около 15 млн (как считает автор). В 1548–1550 гг. индейцев осталось не более 5–6 млн, в 1570 г. — 2,5 млн, в 1600 г. — 1,2 млн, в 1640–1650 гг. — 600 тысяч. Таким образом, к середине XVII в. туземное население Мексики уменьшилось на 9/10 своего первоначального состава. При этом опустошительные эпидемии имели место в 1545, 1576–1584 и 1592–1596 гг. Демографический подъем, начавшийся во второй половине XVII в., привел к увеличению численности индейцев в конце XVIII в. приблизительно до уровня 1570 г. Это наблюдение автора находится, правда, в известном противоречии (необъясненном в докладе) с его же сведениями о числе «данников» (глав семейств — мужчин в возрасте от 18 до 50 лет по преимуществу) в разные годы, начиная с 1570 и кончая 1784-м: если в 1570 г. их насчитывалось 700 тысяч, то в 1784 г. — всего 460 тысяч.

И рабство, и барщина просуществовали как система сравнительно недолго — примерно 40 первых лет после завоевания центральной части Мексики Кортесом. Источниками рабства являлись: 1) покупка военнопленных (в 1521–1529 гг. их было продано несколько десятков тысяч); 2) взимание людей как дани с индейских общин; 3) покупка рабов у местных (туземных) рабовладельцев и замена тем самым домашне-патриархального рабства несравненно более суровой системой рабовладения в духе римской традиции. Главной сферой применения рабского труда были золотые

⁵ Verlinden Ch. Le retour de l'esclavage aux XV-e et XVI-e siècles // FEL. P. 65–92.

прииски. Меньшая часть рабов использовалась в серебряных рудниках и сельских промыслах (сахароделательные мельницы, кузницы), в животноводстве, домашнем хозяйстве, в качестве погонщиков мулов и т. п. Официальная отмена рабства в 1548 г. и фактическое освобождение рабов-индейцев в следующем десятилетии были обусловлены резким сокращением численности туземного населения, особенно после эпидемии 1545 г., и огромным повышением в связи с этим стоимости индейского раба (с 4–5 песо в 1527–1528 гг. до 200 в 1550 г., что равнялось цене африканского раба). Кроме того, к 1545–1550 гг. большая часть поверхностных золотых приисков, где в первую очередь и применялся труд рабов-индейцев, была исчерпана и заброшена. С 1551 по 1561 г. было официально освобождено от 3 до 4 тысяч рабов; некоторые собственники переводили своих рабов на положение оплачиваемых рабочих.

До конца XVI в. рабская форма зависимости сохранялась лишь на северной границе Мексики для военнопленных из кочевого племени чичимеков, с которыми испанцы, продвигаясь на север, вели длительные войны и на которых устраивали специальные облавы для приобретения пленных и продажи их в рабство.

Барщина (*servicios personales*) распространялась на всех индейских «данников» (мужчин — глав семейств), но, подобно рабству, она коснулась и женщин. Когда испанский колонист получал от короля право взимать в свою пользу дань с той или иной индейской общины, он мог требовать ее в виде крепостного труда. Эта привилегия (*encomienda*) лишь в отдельных случаях передавалась по наследству. Она создавала «неполную сеньорию», поскольку потребитель труда индейцев не приобретал ни права юрисдикции над ними, ни права собственности на территорию их общины. Хотя формально существовали нормы и сроки работы на барщине, фактически степень эксплуатации труда индейцев зависела от произвола колонистов. Барщинный труд использовался в сельском и домашнем хозяйстве, сереброрудных разработках, на строительстве, при транспортировке грузов, для обслуживания продуктами питания рабов на золотых приисках и т. д.

Ликвидация барщины вызывалась, согласно автору, критикой этой системы христианскими миссионерами и усилением правительственного вмешательства в налоговое обложение индейцев. По реформе 1563–1564 гг. дань должна была выплачиваться деньгами и продуктами, но не поставкой рабочей силы. Автор полагает, что новый порядок вынуждал индейцев втягиваться в товарно-денежные отношения с испанцами путем продажи им товаров и найма на работу за плату. Вместе с тем он говорит, что в других районах испанской Америки, а именно там, где условия для развития денежного хозяйства отсутствовали, барщина сохранялась вплоть до конца XVII в.

Видоизменением барщины была трудовая повинность (*repartimiento forzoso*). При введении ее испанская администрация использовала традицию империи ацтеков, у которых существовала обязанность выполнять определенные виды работ общеимперского или местного общинного значения (*cuatequitl*). В испанском варианте эта повинность служила сначала только интересам короны и являлась государственной повинностью в собственном смысле слова (строительство г. Мехико, общественных зданий, церквей, дорог и т. п.), но с 50–60-х годов XVI в. она стала превращаться в средство обеспечения испанских колонистов подневольной рабочей силой за счет индейских общин в регионе г. Мехико. После эпидемии 1577 г., унесшей до 40% индейского населения, система трудовой повинности приобрела повсеместный характер. Индейские «данники» должны были теперь, кроме выплаты налога (дани) деньгами и натурой, работать определенное время на того или иного колониста. Разверсткой индейцев по «хозяевам» ведал специальный представитель районной администрации — *juez repartidor* («судья — распределитель»). Администрация устанавливала ставки оплаты труда (гораздо более низкие, чем принятые в условиях вольного найма). Хозяева должны были кормить работников и не перемещать их на расстояние более одного дня ходьбы от постоянного места жительства. Как и при барщине, подневольный труд индейцев применялся в хозяйстве не только частных лиц, но и короны. «Служилые индейцы» распределялись между аграриями, владельцами рудников и организаторами общественных работ.

Возникновение трудовой повинности как системы обслуживания частных хозяйств автор связывает с дальнейшим сокращением численности туземного населения и повышением цен на сельскохозяйственные продукты. Оба эти фактора делали необходимым и выгодным для колонистов ведение сельского хозяйства на правах земельных собственников. Но ликвидация рабства и барщины, с одной стороны, и самодовлеющий характер хозяйства индейских общинников, их несклонность к предложению наемного труда — с другой, побуждали испанцев к созданию новой формы принудительного труда. Тезису о нежелании индейцев предлагать свой труд в порядке найма в значительной степени противоречит указание самого же автора на то, что в конце XVI в. на королевских серебряных приисках, где наемный труд оплачивался высоко, из 10 тысяч работников 65% составляли вольнонаемные индейцы, 11% — рабы-негры и лишь 1/4 принадлежала к разряду «служилых индейцев», привлеченных сюда на основании трудовой повинности. Следовательно, причина введения последней заключалась не столько в нежелании индейцев наниматься, сколько в нежелании или неспособности испанских колонистов оплачивать вольнонаемный труд.

Трудовая повинность порождала многочисленные злоупотребления, сближавшие ее с барщиной (невыплата зарплаты, удлинение срока работ, произвольные перемещения, плохое обращение и т.п.). Как и барщина, трудовая повинность вызывала критику со стороны миссионерских монашеских орденов. Она обсуждалась на провинциальном соборе 1585 г. Корона считала ее неэффективной и обременительной. Тем не менее отмена трудовой повинности в 1632 г. не была полной: «служилые индейцы» продолжали использоваться в сельском хозяйстве Новой Галисии (на западе Мексики) до середины XVIII в., а на рудниках и земляных работах — повсеместно до конца XVIII в.

Еще в период бытования трудовой повинности собственники асьенд, рудников и ткацких мастерских обращались также и к другой системе эксплуатации труда индейцев — пеонажу, при котором наемный работник (пеон — буквально «пешеход» или неимущий) закабалялся посредством выдачи ему в долг, «авансом», денег или товаров. После смерти неисправного должника его обязательства переходили к его детям, и так возникала наследственная кабала. Хозяин пеонов имел если не по закону, то по обычаю, право розыска и возврата беглых. Состав пеонов расширился за счет смешанного населения — метисов и свободных мулатов. Авансы, выдаваемые пеонам, обходились землевладельцам дешевле, чем покупка африканских рабов. Когда пеону давался земельный надел, он должен был за это нести барщину на домениальной земле сеньора, приближаясь по положению к крепостному крестьянину. Эта практика, встречающаяся повсеместно, была особенно распространена на севере Мексики. Переход к пеонажу позволил крупным землевладельцам избежать тяжелых последствий ликвидации системы трудовой повинности.

Автор полагает, что могли быть следующие причины поступления в пеоны: 1) нищета, вызванная потерей общинных земель, узурпированных колонизаторами; 2) распад общинной структуры под влиянием колониальной политики (и прежде всего — налогового гнета, перемещения и перегруппировки жилищ), продовольственного кризиса и эпидемий — всего комплекса факторов, порождавших бродяжничество; 3) надежда найти в асьенде постоянное пристанище и если не зарплату, то, по крайней мере, прожиточный минимум (гарантированное питание, одежду, праздничные деньги); 4) возможность включиться в определенную социально-культурную структуру, представленную асьендой. Мы бы не переоценивали значения двух последних моментов, учитывая факты бегства пеонов, не выдерживавших бремени эксплуатации в пределах асьенды.

Для второй половины XVII-XVIII в. новым явлением было постепенное вытеснение труда африканских рабов, заменяемых индейцами и метисами, что в докладе связывается с демографическим подъемом.

В рудниках основной частью рабочей силы оставались вольнонаемные, а в крупном землевладении — пеоны. Ордонансами 1769 и 1784 гг. администрация Бурбонов пыталась уменьшить зависимость пеонов от землевладельцев, но едва ли эти предначертания проводились в жизнь (пеонаж сохранился вплоть до революции 1910 г.). Наиболее жестокие формы эксплуатации существовали в течение всего колониального периода (начиная с XVI в.) в ткацких мастерских, которые могли располагать рабочей силой от 50 до 500 человек каждая. Здесь использовались рабы из Африки и Азии, преступники, проданные органами правосудия предпринимателям и находившиеся на положении рабов, и «свободные» рабочие, по преимуществу индейцы и представители смешанных рас (*castas*), удерживаемые задолженностью или силой. Чтобы предотвратить бегство рабочих, их запирали на ночь в мастерских и вообще содержали как каторжников. Текстильные мастерские были настоящими тюрьмами. Развитие во второй половине XVIII в. мануфактуры, особенно заметное в центральном и западном районах Мексики, не изменило принудительного характера труда рабочих.

Автор делает вывод, что в колониальный период подневольный труд преобладал в большинстве отраслей хозяйства (относительное исключение составляют рудники)⁶.

Пьер Доке (Лион) в докладе «Большие водяные мельницы и социальные отношения» предложил новую периодизацию «волн» распространения «больших» водяных мельниц (с вертикальным колесом): 1) конец I в. до н.э. — I в. н.э.; 2) VI–IX вв.; 3) начало X в. Доке различает мельницы: 1) ручные, 2) использующие тяговую силу домашних животных, 3) водяные с горизонтальным колесом, 4) водяные с вертикальным колесом и 5) ветряные. Автор полностью (и без каких-либо объяснений) исключает из рассмотрения последние и сосредоточивает свое внимание на различии социальных отношений, связанных с употреблением мельниц четвертого типа, с одной стороны, и трех первых — с другой. Он подчеркивает отсутствие последовательной смены одного типа мельниц другим. Древнейшие типы (ручные и тяговые), совершенствуясь, сохранились до XVIII в. и даже до наших дней. Водяные мельницы с горизонтальным колесом (далее называемые для краткости горизонтальными) появились первоначально на Ближнем Востоке и в Китае, затем в Греции (отсюда их обозначение как «греческих»), Италии, а в I–III вв. н.э. — в Дании и Ирландии. Они также дожили до нашего времени и встречаются в Норвегии (отсюда их обозначение как «нордических» или «северных»), Румынии, Ливане, во многих районах Центральной Азии, в горных районах Франции.

⁶ Berthe J.-P. Les formes de travail dépendant en Nouvelle-Espagne: XVI-e — XVIII-e siècles // FEL. P. 93–111.

Водяные мельницы с вертикальным колесом⁷ (далее для краткости называемые вертикальными) были описаны еще Витрувием (I в. до н.э.). Из всех типов это наиболее сложный и дорогостоящий механизм. Витрувианские мельницы обладали мощностью около 3 лошадиных сил, но уже в XII в. мельницы этого типа могли иметь мощность до 30 л.с. В том же XII в. мощность самых крупных горизонтальных мельниц не превосходила 20 л.с. Мощность мелких горизонтальных мельниц составляла 0,5 л.с., что равняется максимальной мощности ручной мельницы, использующей труд двух работников. Постройка больших вертикальных мельниц была под силу только крупным землевладельцам и городам, в то время как горизонтальные мельницы могли быть созданы и крестьянскими общинами.

Распространение вертикальных мельниц автор и связывает прежде всего с развитием крупного землевладения: 1) товарного (римская вилла того типа, который был описан Колумеллой, I в.); 2) натурального по преимуществу или в значительной степени (домениальное хозяйство каролингской знати, императора и духовенства, VIII-IX вв.); 3) «банального», или баналитетного (когда мельничное право становится монополией, баном сеньора, с X-XI вв.). Если для первых двух периодов автор настаивает на целостном или централизованном характере вотчины (собственно господское хозяйство) как условия введения больших мельниц, то отличительную черту третьего периода он видит в стремлении сеньора в условиях децентрализации вотчины сделать мельницу орудием централизованного контроля за мелкими держателями земли (крестьянами), хотя и в этом периоде он находит черты известного роста домениального хозяйства как такового.

Согласно Доке, после первого и второго периодов распространения больших мельниц наступали периоды спада этого процесса, связанные с кризисом централизованной вотчины: 1) в III-V вв. и 2) в конце IX-X вв.

Автор оспаривает тезис М. Блока о том, что появление больших мельниц было результатом кризиса рабовладельческой системы (исчезновение или сокращение численности рабочей силы для обслуживания ручных мельниц). Кризис рабовладения Доке датирует III-V вв. и проявление его видит в разрушении централизованной виллы и замене ее системой держаний — наделении рабов землей. Это не приводит к созданию больших мельниц, а, напротив, способствует распространению ручных мельниц, которыми пользуются рабы, посаженные на землю. Впрочем, автор признает факт распространения вертикальных мельниц в III-V вв., но не в деревне, а в городе, причем ему приходится вслед за Ш. Парэном

⁷ Автор предполагает, что в XII в. существовал также вид ручных мельниц с вертикальным колесом.

(Ch. Parain) объяснить их возникновение там уменьшением числа рабов и сокращением фуража для лошадей. Однако не было ли сокращение числа рабов в городах проявлением общего кризиса рабовладения?

Идя дальше вглубь веков, автор говорит, что и распространение больших мельниц во второй половине I в. до н.э. — I в. н.э. тоже не связано с кризисом рабовладения, поскольку в этот период совершается переход от «расточительного» рабовладения (когда состав рабов постоянно пополнялся дешевой рабочей силой, захваченной во время военных походов) к «классическому» рабовладению (когда источники рабовладения сокращаются, рабов становится меньше и стоимость их увеличивается). В данном случае автор признает, что причиной возникновения больших мельниц было не только существование централизованной виллы, но и снижение числа рабов и их дороговизна. По мнению Доке, рабство само по себе не было ни препятствием, ни стимулом для появления «машин», но его изменение в рамках централизованной вотчины послужило, несомненно, движущей силой первой (еще, конечно, довольно слабой) волны распространения «больших» водяных мельниц, причем создание их было под силу лишь наиболее богатым и могущественным владельцам.

Касаясь второй волны распространения больших мельниц, при Каролингах, автор подчеркивает возврат в это время к рабству в форме института пребендариев (тип холопов на месячине) и связывает мельничный «бум» опять-таки с централизованной вотчиной, а не с упадком рабовладения, хотя и тут он указывает в числе возможных мотивов введения вертикальных мельниц стремление сеньора экономить рабов как рабочую силу, чтобы расходовать ее наиболее рационально.

Докладчик считает проявлением «вульгарного материализма» точку зрения Лефевра-де-Ноэт (1931 г.), полагавшего, что развитие производительных сил сделало рабство экономически неэффективным и поэтому оно уступило место феодализму. Автор склонен скорее поддержать мнение К. Маркса и Ф. Энгельса, высказанное ими в «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.), относительно того, что на ранних ступенях исторического развития производительные силы не гарантированы от уничтожения в результате различных случайностей вроде войн и нашествия варваров⁸. Если рассматривать не только период кризиса рабовладения (сравнительно короткий), но всю длительную эпоху пережиточного рабства (*post-esclavagisme*) (III–VIII вв.), то не удастся заметить никакого крупного технологического скачка, который бы узнал тогда Запад, говорит Доке.

⁸ Marx K., Engels F. *L'Idéologie allemande*. Paris, 1968. P. 48. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 54. Мысль Маркса и Энгельса передана автором неточно — как утверждение, что конец рабства совпал с уничтожением массы производительных сил.

Критически отзываясь он и о концепции тех, кто вообще отрицает роль рабства в развитии производительных сил и считает, что оно всегда тормозило технический прогресс.

В докладе рассматривается также «ортодоксальный марксистский тезис», согласно которому первоначально рабство было формой развития производительных сил, а потом превратилось в его тормоз и вообще стало экономически неэффективным. Этот подход автор считает более гибким, чем теории Лефевра-де-Ноэ и полных отрицателей положительной роли рабства в истории техники. Марксистская концепция, полагает Доке, позволяет не объяснять прогресс техники [всегда] положительно: для появления машин достаточно, чтобы [лишь] ослабили рабовладельческие путы. Однако и эта концепция не кажется докладчику приемлемой. По его мнению, рабство не задерживает развития производительных сил, потому что в централизованной вилле, где рабы находят применение, нормы технического прогресса всегда выше, чем в децентрализованной вотчине. (Согласно Ш. Парэну, вплоть до конца рабовладельческой империи в ней, несмотря на препятствия, шел процесс прогрессивного развития производительных сил). Если рабство и исчезает, рассуждает автор, то не по причине задержки им развития производительных сил: ведь рабство лишь тогда играет роль тормоза технического прогресса, когда оно более рентабельно, чем машины (нет смысла их вводить).

Значит, нерентабельность рабства — стимулятор технического прогресса. Доке предлагает перевернуть марксистский «механистический» тезис, [сказав]: рабство, будучи в пору своего наивысшего подъема препятствием, становится «формой развития производительных сил», когда оно делается менее рентабельным для хозяев. Затем автор замечает, что некоторые марксисты вслед за Энгельсом избрали тезис о возрастающей нерентабельности рабства. Практически этот тезис во многом разделяет и Доке. Если он видит различия во взглядах марксистов, неясно, зачем ему понадобилась огульная критика «марксистского механистического тезиса» без указания конкретных авторов, которые имеются в виду.

Полным молчанием обошел докладчик «традиционный» вопрос о слабой заинтересованности раба в труде. Раб в его концепции — лишь объект, но не субъект социальных отношений. Отношение к нему рабовладельца определяется исключительно его рыночной стоимостью, и как рабочая сила он ставится на уровень животных. По мнению Доке, относительно дорогой раб не будет помехой для насаждения водяных мельниц, подобно тому как лошадь не помешала распространению тракторов. Отсюда ограниченное понимание автором «технического прогресса» — только как введения новой техники. Вместе с тем в докладе Топольского убедительно показано, что именно отношение крепостных к труду

на барщине препятствовало техническому прогрессу и вело к снижению урожайности. Материал доклада Топольского, кстати, опровергает и тезис Доке о том, что нормы технического прогресса в господском хозяйстве всегда выше, чем в мелком крестьянском.

Представляет интерес подробное рассмотрение в докладе Доке роли больших мельниц в условиях «банальной» (баналитетной) сеньории. Первый этап ее развития — конец IX–X в. Он характеризуется сокращением домениальной части вотчины, откуда феодал и его войско получали предметы первой необходимости, и прекращением (в связи с распадом империи Каролингов) грабительских заграничных походов, открывавших перед феодальной знатью доступ к предметам роскоши. Эти перемены заставили феодалов искать новые источники доходов. Феодальные хищники «без маски» предались беззастенчивому грабежу крестьян. Вооруженные отряды, ранее отправлявшиеся в походы, теперь обратили свое оружие против безоружных людей. Баналитетная сеньория «первого образца» сумела известить крестьянский аллод в большинстве районов и установить «второй серваж» и принудительный труд, восстановить землевладельческую сеньорию (иногда и развить домениальное хозяйство).

С конца X и в XI в. клонийское движение («Божий мир») ограничило грабительские возможности феодалов, и баналитетная сеньория вступила во второй этап своего развития, когда хищничество сеньоров стало принимать более благовидные формы. На этом этапе и расцвели большие водяные мельницы как орудие феодального угнетения. С их помощью феодалы приобрели право контролировать урожаи крестьян-держателей земли и взимать с них дополнительный побор — за помол (от 5 до 10% привезенного зерна). Автор рассматривает баналитетную сеньорию как революцию в способе властвования.

Об отношении крестьян к введению больших господских мельниц в литературе нет единого мнения. М. Блок (1935 г.) считал, что крестьяне были настроены резко против больших мельниц, старались обходиться своими маленькими мельницами, и принуждать их к пользованию большими приходилось силой. Ш. Парэн (1965 г.) предложил различать в этом плане районы развитого, укоренившегося феодализма, где, по его мнению, большие мельницы принимались крестьянами в конечном счете с удовлетворением (хотя их и тяготила обязанность участвовать в постройке мельницы), и районы, мало развитые в феодальном отношении, где мельницы встречались в штыки. Автор доклада разделяет в целом точку зрения М. Блока, полагая, что почти всегда крестьяне относились отрицательно к необходимости помола на господской мельнице, ибо, во-первых, это лишало их части урожая; во-вторых, давало информацию не только сеньору, но и всей округе о количестве собранного зерна (провозимого

публично, днем); в-третьих, требовало усилий и времени для перевозки зерна и муки; в-четвертых, крестьяне не доверяли мельнику и «чужим» (тем более — господским) жерновам, которые могли испортить зерно. Правда, различая бедных, средних и богатых крестьян, автор допускает, что последним (составлявшим 3–5% от общего количества) было иногда выгодно пользоваться сеньориальной мельницей (для помола значительного количества зерна?).

Поскольку ручной помол осуществлялся, как правило, женщинами, детьми и стариками, идея освобождения их труда мало увлекала взрослых мужчин-крестьян, зато именно им приходилось доставлять зерно на большую мельницу, и в их балансе времени она играла отрицательную роль. Поэтому мужчины были за сохранение домашней мельницы, а так как решение основных вопросов домашнего хозяйства принадлежало мужчине — главе семейства, — ручные мельницы оставались. К этому рассуждению автора надо сделать одну оговорку. Общинные горизонтальные мельницы тоже раскрепощали в первую очередь не мужчин, и тем не менее они их создавали. Следовательно, мужской консерватизм в вопросе о сохранении ручной мельницы проявлялся главным образом перед лицом факта существования большой господской мельницы.

Иными словами, нельзя думать, что крестьяне-мужчины вообще не были заинтересованы в механизации помола и облегчении женского труда. Сама идея освобождения женщины от мельницы очень древняя. Еще в эпиграмме, приписываемой греческому поэту Антипатру⁹, говорится об освобождении женского труда благодаря водяной мельнице. Автор доклада отмечает, что в этой эпиграмме Маркс («Капитал», т. 1, 1867) справедливо усматривал произведение, в котором приветствуется изобретение водяной мельницы как «освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века»¹⁰. Однако в условиях баналитетной сеньории господская мельница, разрушая семейную автономию и меняя распределение труда между полями, создавала зависимость крестьян от мельника и тем самым еще более усиливала зависимость их от сеньора.

Прямые сведения о борьбе крестьян с большими мельницами разрозненны и относятся к сравнительно позднему времени (XII–XIV и особенно XVII–XVIII вв.). Это не мешает автору принять тезис М. Блока о том, что наиболее острой борьба с сеньориальными мельницами была в X в. (однако тогда они только вводились, а много их становится лишь в XII в.).

⁹ Вероятно, Антипатр из Фессалоник (I в. н.э.); его иногда путают с Антипатром из Сидона (I в. до н.э.).

¹⁰ Marx K. Le Capital. Paris, 1963. Т. I. P. 948. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 419.

Доке идет и на некоторые уступки Ш. Парэну, допуская, что в разных районах и у разных слоев крестьянства (бедные, средние и богатые) степень сопротивления введению мельниц могла быть различной.

Имелась ли антитеза большой водяной мельнице? Автор видит ее прежде всего в тяговых и горизонтальных мельницах. Постройка и содержание таких мельниц были под силу коллективам бедных и средних крестьян, богатые же иногда строили семейную мельницу одного из этих типов. На некоторых реках крестьяне строили и небольшие вертикальные мельницы. Наибольшее распространение горизонтальных мельниц в горных районах Западной Европы автор связывает с сохранением здесь общин свободных аллодистов и бегством сюда тех, кто стремился освободиться от крепостной зависимости. Крестьянские мельницы в этих местах часто упоминаются в источниках IX–X вв.

В докладе ставится вопрос об отношении сеньоров к общинным мельницам. Отсутствие прямых сведений о борьбе с ними не является, по мнению автора, признаком того, что феодалы не считали эти мельницы серьезной конкуренцией большим мельницам. Оно говорит лишь о том, что феодалы боролись с самой крестьянской автономией, а не с ее орудиями. Рыцарские банды вели войны против общин, захватывая дома, поля и самих людей, присваивая их труд. Такое объяснение отсутствия сведений о борьбе с крестьянскими мельницами не кажется нам все же вполне убедительным.

Что касается зависимых крестьян, то они не имели возможности коллективно строить мельницы, противостоящие сеньориальной, и ограничивались тайным помолом части зерна на домашних ручных мельницах.

Не преуменьшая значения технического прогресса, связанного с большими мельницами, автор подчеркивает, что для крестьян они не были оптимальным решением вопроса, и победили эти мельницы не потому, что были технически наиболее эффективны, а потому, что вводились силой¹¹.

Второй день

Крестьянский и домашний труд

«Докладчиком» второго дня (тема — крестьянский и домашний труд) являлся Серджио Ансельми (Анкона). Он представил краткий обзор тематики и проблематики сообщений Н. А. Горской — С. М. Каштанова, М. Кутюрье, А. Ковы, М. Кульчиковского и П. Лэслита¹².

¹¹ Dockès P. Formes et diffusion d'une innovation technique: le cas du moulin hydraulique // FEL. P. 113–154.

¹² Anselmi S. Lavoro contadino e lavoro domestico // FEL. P. 177–185.

В докладе Н. А. Горской и С. М. Каштанова (Москва) «Формы и эволюция труда в России XIV–XVII вв.» была дана периодизация истории труда в сельском хозяйстве России середины XIV — конца XVII в., показаны сферы применения крестьянского и холопского труда в каждом периоде и перераспределение этих сфер с течением времени, постепенное усовершенствование орудий и систем обработки почвы, развитие животноводства и промыслов, изменение характера крестьянских поселений и типа крестьянского двора и жилища. Рост урожайности (от сам-2 в XIV в. до сам-3,7 в конце XVII в.) при сокращении крестьянских наделов рассматривается в докладе как признак интенсификации сельскохозяйственного труда. Авторами было обращено внимание на уменьшение роли холопского труда в различных подсобных областях хозяйства уже в XVI в. и на связь этого процесса с закрепощением крестьян и увеличением числа и объема их барщинных повинностей¹³.

III. Верлинден (Брюссель) задал докладчикам вопрос о характере холопства как формы рабовладения и об источниках приобретения холопов. На этот вопрос ему был дан подробный ответ с указанием новейшей советской литературы по теме холопства¹⁴.

Марсель Кутюрье (Париж) в докладе «Между семьей и службой [во Франции Нового времени]» рассмотрел своеобразный институт приема в семью и вместе с тем найма на «службу» (работу) несовершеннолетних сирот (лишившихся одного или обоих родителей) во Франции конца XV–XVIII вв. Это явление было распространено в среде крестьян, ремесленников и «торговцев» (вероятно, мелких). Детей отдавали в наем, как правило, до их совершеннолетия, определявшегося не по римскому (25 лет), а по местному обычному праву (от 14–15 до 18 лет). Среди поступавших в семью и «службу» не было лиц старше 18 лет, за исключением больных и умственно неполноценных, однако в некоторых случаях пребывание в статусе наймита продолжалось до 20 и даже 25-летнего возраста. При найме детей вообще (не сирот) срок найма обычно соответствовал принятым срокам найма имуществу (3, 6 и 9 лет, с вариациями).

Источники, отражающие прием в семью и наем сирот, представлены нотариальными минутами, контрактами, протоколами аукционов, на которых совершались сделки по найму, прокламациями (объявлениями, зачитывавшимися публично в приходской церкви) о предстоящем аукционе, отдельными жалобами, судебными делами и т. п. Докладчик привлек к исследованию большой и малоизвестный материал нотариальных

¹³ Gorskaja N. A., Kachtanov S. M. Formes et évolution du travail en Russie du XIV-e au XVII-e siècle // FEL. P. 187–210.

¹⁴ FEL. P. 800–801.

и судебных архивов (сопоставив его по некоторым линиям с церковно-приходской документацией). Им зафиксировано 511 актов приема и найма несовершеннолетних. Дошедшие источники автор считает лишь остатками достаточно плохо сохранявшихся серий документов такого рода.

Выявленный исследователем материал относится в основном к области зерновых равнин между Сеной и Луарой, что примерно соответствует старому административному округу Орлеана (в границах до 1789 г.). Северо-западнее зерновых равнин подобная документация обнаруживается в пределах Большого Перша и Нормандии, на юге от Луары — в Солони и Берри, а также в Савоие.

Происхождение сиротского найма автор связывает с обычаем найма несовершеннолетних вообще, распространенным, по свидетельству «Энциклопедии» 1792 г., в Бри, Шампани, Гатинэ, Бургундии и Лотарингии (наем за еду). Нотариальные минуты, относящиеся к междуречью Сены и Луары, фиксируют наем детей начиная с 1381 г. и кончая временем Великой французской революции. Реформа провинциального и местного обычного права (*coutumes*), происходившая во второй половине XV — первой половине XVI в., привела к изменениям в оформлении найма. Использование для этой цели нотариата становится все более редким. С 70–80-х годов XVI в. наблюдается постепенный переход к практике оформления найма несовершеннолетних через судебные органы, посредством аукциона. Ранняя стадия этого процесса прослеживается в северо-восточной части района Бос (Beauce), на юге Парижского региона.

При новой системе сначала составлялась опись имущества нанимаемого, после чего его родственники или опекуны совершали по всем правилам продажу принадлежавшего ему движимого имущества, урожая, а иногда и недвижимости. Вслед за тем приступали к аукциону, на котором трудоспособность малолетнего являлась обязательным объектом торга. С 1580 г. эти два этапа соединяются: имущество и рабочая сила нанимаемого — вернее, отдаваемого с торгов (*adjugé*) — выступают как плата за его содержание нанимателем (питание, жилье, одежда, образование, иногда экипировка по окончании найма).

Переход от нотариального способа оформления найма к судебному был выгоден нанимателю, поскольку он открывал ему доступ к недвижимости наймита, принцип неотчуждаемости которой соблюдался в нотариальной практике. Нотариальные минуты, фиксирующие детский наем вообще, предусматривают следующие формы вознаграждения нанимателя: 1) сам труд (обязательное условие) и часто 2) движимое имущество несовершеннолетнего (все или часть), иногда 3) денежную компенсацию. Нотариальные минуты, касающиеся приема сирот, закрепляют за нанимателем-содержателем, кроме права пользования трудом малолетнего, также право

на доходы с его недвижимого имущества и право собственности на его движимость. По достижении наймитом совершеннолетия наниматель должен был возвратить ему его земельную собственность в прежнем размере и с таким же урожаем, который был приобретен самим нанимателем при приеме малолетнего.

В роли нанимателей-содержателей сирот (*preneur et gardien, baillistre*) выступали чаще всего их ближайшие родственники или родственники по боковой линии. После реформы обычного права последние могли принимать к себе малолетнего только при установлении опеки (*tutelle*), непосредственный же прием остался привилегией родителей или других родственников по восходящей линии — *ascendants*, на которых, однако, тоже в той или иной мере накладывались формальные обязательства, предусмотренные римским правом для опекуна и куратора. Все это не исключало злоупотреблений и нарушения интересов малолетних, чем и был до некоторой степени продиктован переход к практике аукционов, создававших возможность выторговать для детей наиболее благоприятные условия содержания.

Участниками аукциона являлись обычно представители родственных малолетнему семей. Если был жив один из родителей, его конкурентом весьма часто оказывался шурин или деверь¹⁵. Торги в этих случаях могли носить ожесточенный характер. Когда отсутствовали оба родителя, аукцион проходил спокойнее, при конкуренции между двумя родственными семьями, а иногда и совсем без конкуренции, т. е. при наличии только одного претендента. В торгах нередко участвовали и посторонние, но их роль сводилась лишь к поднятию аукциона в интересах несовершеннолетнего. Эту роль «регуляторов» цен играли местные кюре или прокурор (*procurateur au siège*), «друзья» и соседи, выступавшие по существу как доверенные лица той или другой стороны.

Победителем аукциона был тот, кто предлагал наибольшее вознаграждение наймиту или наименьшую компенсацию за его содержание. Поскольку размер вознаграждения зависел от размера состояния несовершеннолетнего, в самом выгодном положении оказывались наиболее состоятельные из наймитов. В этой связи автор замечает, что механизм аукциона был тем эффективнее, чем значительнее было состояние нанимаемого. Иначе говоря, наименее состоятельные, или более всего нуждавшиеся в покровительстве, получали его через аукцион как раз в наименьшей степени. В докладе так оценивается положение несовершеннолетнего «между семьей и службой»: «В лучших случаях молодые люди находили

¹⁵ Автор говорит о «*beaux-frères*», под которыми, как известно, подразумеваются не только шурины и деверь, но и другие боковые родственники — свояк (муж сестры жены) и зять (муж сестры или дочери, или муж золовки — сестры мужа).

опору в среде семьи, в худших — являлись лишь служителями, нанятыми не по своей воле»¹⁶. Последнее, вероятно, в первую очередь относится к малоимущим наймитам, хотя вообще наем «в семью» был уделом не самых бедных слоев населения.

Согласно нотариальной практике, при отсутствии у несовершеннолетнего сироты недвижимого имущества (земельной собственности), договор приема в семью не заключался (кроме весьма редких случаев найма на работу только за питание и на весьма значительный срок). Сравнив документацию разного происхождения («акты гражданского состояния», церковно-приходские книги и акты найма), автор пришел к выводу, что сиротский наем касался лишь некоторых слоев населения (не более 15% от общего числа жителей региона в конце XVI — первой половине XVII в.). Включавшееся в ряде случаев в контракты обязательство нанимателя обеспечивать посещение малолетним начальной школы (*petites écoles*) может служить показателем материальной обеспеченности наймита. По этой клаузуле автор выводит процентное соотношение числа сирот, посещавших и не посещавших школу. Оно разное для разных периодов, местностей и типов поселений (город и деревня), но в целом процент посещавших школу сирот оказывается выше процента грамотных по отношению к числу неграмотных в том же регионе (между Сеной и Луарой), если судить о грамотности по наличию подписи в церковно-приходской книге. Это опять-таки признак того, что нанятые сироты не являлись представителями самых обездоленных слоев населения. Аналогичным образом расценивает автор встречающиеся в актах указания относительно необходимости предварительных вычетов из имущества нанимаемых для обеспечения их одеждой помимо той, которая на них.

Вместе с тем пребывание в статусе «между семьей и службой» обычно приводило к обнищанию несовершеннолетних. По наблюдениям автора, сыновья лиц, побывавших в системе сиротского найма, реже следуют по стопам отцов, чем племянники (типична преемственность от дядьев к племянникам). Это означает, что отцы, прошедшие через аукцион и «службу» по найму, утратили свое имущество, и их детям уже не с чем было «продаваться».

Различные степени потери имущества и разные перспективы вознаграждения за труд позволяют автору выделить среди несовершеннолетних наймитов шесть групп. Состав каждой группы выражается в процентах от общего количества нанятых: 1) 5% наймитов не могли удержать за собой свое недвижимое имущество и лишь 1/6 из них получала компенсацию за свой труд; 2) более 19% теряли все свое имущество и только 1/3 из

¹⁶ Couturier M. *Entre famille et service* // FEL. P. 232.

них получала взамен деньги или *trousseau* — узел с носильными вещами (приданое); 3) 26% теряли все свои доходы; из них 1/3 или 2/3 вознаграждались деньгами или хорошим вещевым приданным; состояние их движимого имущества было неопределенным; в этой группе встречаются наймиты, имевшие значительное наследство; 4) 17% теряли движимость и доходы, но почти 2/3 из них получали компенсацию деньгами или носильными вещами (приданое); 5) 5% теряли лишь движимое имущество (обычно ничем другим они и не обладали); 1/3 из них оплачивалась, но не получала вещей в приданое; 6) у 23% отчислялась часть доходов или имущества; из них лишь 2% вознаграждались деньгами; еще реже компенсация выражалась вещевым приданным — таких случаев приходилось менее одного на десяток; труд наймита и его пансион были тут как бы независимы друг от друга¹⁷.

Таким образом, вознаграждались немногим более 30% от общего количества наймитов, терявших имущество и доходы, целиком или частично. К тому же, денежный заработок сирот доставался, как правило, не им самим, а той семье, которая их продала с торгов.

Протоколы аукционов указывают имущество несовершеннолетнего в 81% случаев. Когда речь идет о доходах, имеются в виду скорее всего доходы с недвижимости, хотя прямо об этом говорится менее чем в 1/3 случаев упоминания доходов. Средний годовой доход нанимаемых не превышал 50 ливров (в XVIII в.). В исключительных случаях фигурируют доходы, превосходящие 1000 ливров. При таких доходах труд уже не требовался. Ребенка охотно отправляли в среднее учебное заведение (колледж), а его недвижимость и, возможно, движимость сохранялись за ним.

Но обычно труд — обязательное условие приема в семью. Выделить его стоимость из общей суммы сделки удастся редко. В 3% случаев указывается цена *trousseau* — «узла вещей» или одежды, куда входили платки, воротники, карманы, рубашки и т. п. В 11% случаев называется величина денежного вознаграждения в конце найма. Четко размер зарплаты фиксируется в 1% актов. Наиболее ясные определения касаются подростков 13–14 лет. Примеры их зарплаты: в конце XV в. (1478/79 г.) — 100 су за 11 лет найма (т. е. менее 10 су в год) плюс питание, одежда, жилье; в XVII в. — 5–8 ливров в год плюс питание, жилье и обувь (сабо). Зарплата юношей, нанимавшихся в возрасте 16–17 лет, могла приближаться к самым низким ставкам оплаты взрослых, составляя в XVIII в. примерно 20 ливров в год плюс питание, жилье, сабо, рубашка, головной убор (средние ставки оплаты наемного труда взрослых в деревне были в это время выше).

¹⁷ Ibid. P. 227. Общая сумма процентов, названных автором, которая должна была бы равняться 100, составляет всего лишь 95 (см.: 5+19+26+17+5+23=95).

При минимальном имуществе нанимаемого его труд не оплачивался и одежда ему не гарантировалась (видимо, компенсацией были только питание и жилье). Немногочисленные сделки такого рода заключались в течение всего периода с 1495 по 1789 г., хотя наиболее типично это явление для 1690–1710 гг.

Весьма неопределенным было вознаграждение тех, кто поступал «в семью и службу» в возрасте до 10 лет. Они могли потерять все и потом работать лишь за «узел вещей» или вообще без оплаты, кроме питания и жилья. Поскольку нанимателю предстояло долго ждать труда маленького ребенка, он получал значительную часть его доходов и имущества и давал минимальные обязательства в отношении обеспечения сироты одеждой. Если состояние малолетнего было ничтожным, срок его работы сильно удлинялся — вплоть до римско-правового совершеннолетия.

Чем больше был возраст несовершеннолетнего в момент поступления, тем лучше он оплачивался. Разница в оплате труда поступавших в 15 лет и в 10 лет достигала 60 или даже 100 ливров, и это при том, что младший нанимался на более долгий срок.

Автор полагает, что вознаграждение сирот, поступавших в возрасте старше 12 лет, представляло собой разницу между суммой, реально полученной нанимателем, и стоимостью содержания подростка (иначе говоря, выше оплачивались наиболее состоятельные — принесшие наибольший доход). Основание иерархии зарплат отмечено здесь правильно, но само определение зарплаты как чистой разницы между доходами и расходами сомнительно. Автор исходит в данном случае из представления об идеальном нанимателе, хотя сам не раз говорит о злоупотреблениях на почве сиротского найма. Фактически зарплата могла быть много меньше той разницы, которая формально должна была определять ее уровень, ибо расходы по содержанию отнюдь не всегда поддавались контролю со стороны другой родственной семьи — «продавшей» сироту.

Особенно слабым было вознаграждение девушек. Наниматель обычно обязывался выдать их замуж или, во всяком случае, обеспечить «узлом» одежды.

В целом малолетние сироты составляли резерв дешевой рабочей силы, оплачиваемой всегда ниже ставок, принятых при вольном найме.

О питании их ничего конкретно неизвестно. Жили они в отдельной комнате, далеко не всегда отапливаемой. Нередко она находилась в конюшне (обычай помещать сыновей или подростков-служителей в конюшню дожил в крестьянской среде до XX в., и автор доклада сам наблюдал его в 1940–1945 гг. в изучаемом регионе). В качестве постели несовершеннолетним давались матрацы из перьев и реже — соломенные тюфяки.

«Служба» мальчиков и юношей чаще всего выражалась в помощи хозяину в его работах. Иногда они приобретали ремесленные профессии — каретника, кузнеца, в одном случае даже хирурга. Когда в документах говорится об «ученичестве», надо иметь в виду, вероятно, уже стадию его окончания и начало собственно «службы», так как дело касается 13–18-летних, а в ученики обычно поступали в 11–15 лет. К тому же и суммы, требуемые за обучение профессии, здесь ниже, чем в контрактах, оформляющих поступление в ученичество как таковое. Подчас вознаграждение вообще не упоминается.

Девочки и девушки получали в лучшем случае профессию портнихи. Самой распространенной формой их «службы» было участие в женских работах по дому и по хозяйству. Девушки старшего возраста исполняли обязанности прислуги.

Обязательство отправлять несовершеннолетних в начальную школу в XVI в. встречается в 20% актов, почти исключительно городских. В XVII в. общий процент остается таким же, но удельный вес деревни увеличивается, хотя в городах случаев посылки в школу в 3 раза больше. В XVIII в. число посылаемых возрастет до 32%, однако в городе их вдвое больше, чем в деревне. Автор наблюдает и порайонную специфику (активная посылка в школу в местностях к северу от Луары и неразвитость этой практики на юге от нее).

Злоупотребления нанимателя (*adjudicataire*) могли выражаться в различных формах — от плохого обращения до невыполнения принятых обязательств. С течением времени учащается включение в акты формул, требующих гуманного обращения с несовершеннолетними. Эти формулы иногда сопровождаются ссылками на слабое здоровье ребенка. «Тяжелая рука» воспитателей была хорошо известна. Случалось, что наниматель посылал своего воспитанника нищенствовать, или не отправлял, вопреки обязательству, в школу. Заступничество другой родственной семьи имело ограниченное значение. Хотя ею и подавались жалобы в судебные органы, процессы против нанимателей возбуждались редко. Это объясняется тем, что возврат ребенка был экономически почти невозможен вследствие поглощения значительной части его имущества нанимателем.

В случае разорения или банкротства наниматель не мог выплатить наймиту предусмотренное вознаграждение за труд. Тем не менее семья, «продававшая» малолетнего, весьма редко требовала поручительства по нанимателю, которое было бы тут полезно.

Автор показывает влияние экономической конъюнктуры в стране и регионе на условия найма несовершеннолетних. Самые неблагоприятные условия для них были в периоды экономического спада и отсутствия спроса на рабочие руки, когда не возникало конкуренции при аукционе

(1650, весна 1662, 1693–1694, 1709, 1739–1740 гг.). Так, в 1709 г. один из подростков отдавался в наем до 25 лет за клочок земли, жилье и одежду, которая будет на нем к концу службы.

Напротив, экономическое процветание и нехватка рабочих рук благоприятно отражались на положении нанимаемых, вызывая рост конкуренции на аукционе (время после мора 1650 и голода 1662 г.). Автор говорит, что благоприятная ситуация была также в течение века после окончания Столетней войны (1453 г.). Тогда еще не применялась продажа рабочей силы с аукциона, но было заключено много договоров найма и контрактов по приему в ученичество детей и подростков, не обладавших никаким имуществом и вознаграждавшихся нанимателем только за их труд.

Исследование вопроса в юридическом плане не позволило автору показать динамику процесса в целом, хотя отдельные его стороны даны в развитии (например, отношение к школе). Поэтому некоторые выводы докладчика практически не получили объяснения, из них самый главный — сокращение практики аукциона несовершеннолетних сирот: к концу XVIII в. ею было охвачено всего 5% населения региона (против 15% в конце XVI — первой половине XVII в.). Весьма неясной (кроме вопроса о школе) осталась разница в положении несовершеннолетних в городе и деревне. В одном месте автор дает понять, что акты, относящиеся к городской среде (г. Дре), менее настойчивы и постоянны в требовании труда, нежели акты, касающиеся деревни. В конце доклада мимоходом отмечается, что в городских предместьях и зонах прямого влияния городов аукционная практика найма сохранилась к концу XVIII в. больше, чем в деревне.

Вместе с тем автор говорит о ее последствиях в первую очередь для деревни. Свойственная крестьянам тенденция к сохранению хозяйства в одних руках нарушалась в зерновых районах между Сеной и Луарой обычаям равного раздела имущества между детьми, хотя тут и бывали случаи (довольно частые) отступления от этого правила (когда пожилой отец семейства отказывался от своих полномочий хозяина и передавал все хозяйство одному из сыновей). В условиях раздела земли сохранение каждым из детей собственности на свою долю отцовского наследства являлось условием сохранения его хозяйства как такового. Автор противопоставляет два района — Большой Перш и Бос. В XVI в. жителям Перша удалось отстоять общинноправовые порядки в почти нетронутом виде (пример уникальный для Франции). В Перше сохранялась нотариальная практика, и продажа рабочей силы с аукциона не имела места, вследствие чего в XVII–XVIII вв. земельная собственность несовершеннолетних сирот не отчуждалась и хозяйство их сохранялось. В районе Бос, где с конца XVI в. стал применяться метод отдачи сирот с аукциона, каждый год кто-то из детей терял свою долю наследственной земельной собственности, чем усугублялся процесс

обезземеливания одной части крестьян и концентрации собственности в руках другой части¹⁸.

Альберто Кова (Милан) в докладе «Деятельность арендаторов в Ломбардии в XVIII в.» исследовал значительный архивный материал, куда входят контракты, оформлявшие условия аренды, протоколы, характеризующие состояние имения (они составлялись при введении арендатора в права пользования и при переучете векселей в конце аренды), и др. В отличие от доклада Кутюрье, в данном докладе мы не находим сведений о количестве источников, а также признаков их статистической обработки. Зато свои положения автор часто подкрепляет обширными цитатами из документов.

В докладе изучается история аренды в области орошаемого земледелия, охватывающей районы Милана, Лоди, Павии и отчасти Кремоны. Земельными собственниками тут были 1) частные лица — горожане (в том числе представители аристократических фамилий, таких как Сербеллони, Кривелли, Кроче, Висконти ди Модроне); 2) духовные учреждения (аббатства, монастыри и т. п.); 3) благотворительные заведения (например, Миланская Большая больница — l'Ospedale Maggiore di Milano — или Luogo Pio S. Corona). Что касается арендаторов, их состава, происхождения, социального положения до начала аренды, то об этом в докладе ничего не говорится. Называются лишь имена некоторых арендаторов.

В аренду одному лицу сдавались обычно большие площади — от 40 до 150 га. Значительные размеры землевладения в Ломбардии XVIII в. были обусловлены переходом от «сухого» земледелия к орошаемому, что потребовало перестройки всех традиционных отношений в аграрной сфере. Сложность распределения воды между многочисленными участками, принадлежавшими разным собственникам, заставляла свести число этих участков к минимуму или сделать из них еще меньшее количество крупных земельных комплексов. Автор указывает, что сдача имения в аренду в условиях поливного земледелия расширяла площадь отдельного имения. Вероятно, это могло быть результатом эксплуатации имения в пределах комплекса владений, связанных общей гидросистемой.

В докладе отмечается рост арендной платы за земли начиная с 40-х годов XVIII в. Переход к практике сдачи земель в аренду через аукцион (с 1769 г.) также позволил собственникам поднять арендную плату (усиление конкуренции). Чем был вызван рост арендной платы в середине — второй половине XVIII в., автор не объясняет. Возможно, этому способствовало увеличение доходности имений, модифицированных арендаторами уже в первой половине XVIII в., и общая благоприятная экономическая ситуация второй половины XVIII в., о чем упоминается в конце доклада.

¹⁸ Ibid. P. 211–238.

Главное внимание Кова уделяет взаимоотношениям между собственником и арендатором на почве эксплуатации земельного владения. Для ломбардских арендаторов XVIII в. было характерно ведение крупномасштабного товарного хозяйства, включающего в себя как земледелие, так и животноводство («grande coltura»). На полях выращивались пшеница, рожь, рис, просо, кукуруза, лен и др. — все это при достаточно сложном севообороте и специфическом для каждой культуры употреблении воды. Так, в районе Лоди различались две системы севооборота: «майская» — coltura «maggenga» (летом сбор урожая пшеницы, осенью сев пшеницы или ржи, или льна, весной переход к лугам после сбора урожая) и «августовская» — coltura «ogostana» (осенью пахота и затем сев кукурузы, лотом сбор урожая пшеницы). Кроме того, разводился виноград, обрабатывались продукты животноводства (особенно типичным элементом хозяйства было сыроварение). Для производства работ применялся наемный труд. Большая часть продукции продавалась.

По существу арендаторы выступали в более или менее ярко выраженной роли капиталистических предпринимателей, хотя их жилище и быт мало чем отличались от крестьянских (значительное количество комнат в доме, но убогая обстановка, окна без стекол, глиняная или металлическая посуда, отсутствие предметов роскоши, в частности шелковых вещей среди одежды, и т. п.). Автор предполагает, что большинство арендаторов не умело писать.

Уже в XVIII в. появилась критика системы крупного арендаторства. Кова приводит, например, мнение Пьетро Верри, который был против ирригации, наносившей, как он думал, вред здоровью людей. Верри считал, что хозяйство должно основываться исключительно на культуре зерновых, использовать большое число рабочих рук и производить продукты для непосредственного потребления (а не на продажу). Он полагал, что арендную плату надо вносить натурой, и осуждал использование земли под луга (т. е. развитие товарного животноводства). Беккариа, напротив, восхвалял систему di «granda coltura» и противопоставлял ее мелкому хозяйству («piccola coltura») бедных крестьян и батраков, неспособных соединить землю с капиталом и тем самым обогатить развитие земледелия.

Автор доклада также видит в крупном арендаторстве решающий фактор развития производительных сил в сельском хозяйстве, основанном на ирригации, и внимательно прослеживает процесс фактического перехода всей организации хозяйства в имении из рук собственника в руки арендатора. Он, правда, замечает, что в литературе преувеличивается полнота хозяйственной автономии арендатора. Стремясь к тому, чтобы результатом аренды было не только сохранение, но и улучшение всех условий и средств производства в поместье, собственник ограничивал свободу арендатора в распоряжении ими.

Согласно контрактам, без разрешения собственника нельзя было сносить и возводить здания, вносить изменения в гидросистему, рубить деревья и другие растения и заменять их иными породами и т.п. В ряде случаев арендаторам запрещалось в последний год аренды высевать кукурузу, просо, овес и вику и, наоборот, предписывалось обеспечить посев пшеницы (отобрать семена и приготовить пашню), употребить в дело весь наличный фураж (сено, солому) и навоз. Существовали ограничения, касавшиеся животноводства. Так, категорически запрещалось разводить мелкий рогатый скот и сдавать луга в наем владельцам стад и табунов. Бывали специальные предписания о способах откорма крупного рогатого скота (например, распоряжение кормить телят только молоком). Заботясь о плодородии почвы и развитии скотоводства, собственники запрещали арендаторам в течение всего срока найма продавать третьим лицам навоз и сено. Обычно указывалось обязательное (как минимум) количество скота, который следовало содержать. Требовалось также оговаривать, какая именно земля отводится под луга.

Иногда арендаторы и земельные собственники договаривались об изменении характера хозяйства в той или иной части поместья (например, о вырубке леса и замене его виноградником или о замене виноградника лугом).

Арендаторам надлежало содержать в порядке и чистоте ирригационные каналы, обеспечивать ремонт отводов, мостов и т.п., что было особенно обременительно вблизи больших рек и главных каналов, где воздвигались плотины. Собственник вменял арендатору в обязанность каждый год подсаживать определенное количество молодых деревьев для пополнения лесного фонда (дерево широко использовалось как строительный материал и топливо – автор приводит данные, характеризующие масштабы потребления этого сырья некоторыми собственниками из числа духовных учреждений).

Контроль за деятельностью арендаторов земельные собственники осуществляли с помощью особых «агентов», проявлявших подчас чрезмерное рвение. Агенты собственника иногда присутствовали при ремонте больших сооружений в гидросети и решали вопросы взаимоотношения с соседними землевладельцами, которых эти работы также касались.

Увеличение организационной автономии арендаторов было связано с ростом их расходов по ведению хозяйства. В начале XVIII в. от арендатора не требовалось употреблять свой капитал для приобретения живого и мертвого инвентаря, включая сюда семена, фураж, орудия труда, рабочий и продуктивный скот. Арендатор акцептировал эти стоимости вместе с землей и сетью каналов и должен был вернуть их (или возместить их стоимость) в конце аренды. В начале XVIII в. собственник нес часть расходов в случае гибели урожая и падежа скота в результате каких бы то

ни было стихийных бедствий или военных действий. Позднее его участие ограничилось случаями опустошительных войн («guerra guerregiata»), чумы и эпизоотии. В конце XVIII в. весь риск был переложен на арендатора. В это время предоставление семян и сена еще оставалось (хотя и не всегда) обязанностью собственника, обеспечение же скотом и оборудованием стало делом арендатора.

При ремонте ирригационных сооружений — каналов, мостов и плотин — строительный материал (дерево и камень) шел за счет собственника, но транспортировка материала и оплата самих работ производились за счет арендатора.

Так по всем линиям происходило отделение землевладельческого капитала от эксплуатационного, что увеличивало предпринимательскую роль арендатора. По мнению автора, арендатор должен был обладать значительным опытом и знаниями в разных областях — земледелии (где каждая культура требовала своих приемов орошения), животноводстве и гидравлике (хотя сложные гидравлические работы — строительство плотин и т. п. — велись под руководством специалистов — инженеров). Арендаторам также приходилось принимать самостоятельные решения (с учетом интересов собственника) в некоторых деликатных ситуациях, когда дело касалось, например, распределения расходов, прав и обязанностей между разными собственниками в связи с ремонтом гидросооружения общего пользования.

Усложнение функций арендаторов в конце XVIII в. приводит к тому, что в контрактах появляются клаузулы, запрещающие им брать в аренду какие-либо другие поместья, кроме указанного в контракте. Для осуществления своих предпринимательских планов арендаторы были иногда вынуждены занимать деньги у земельных собственников (обычно в случае согласия последних с предложением арендатора относительно того или иного преобразования). Увеличение расходов арендаторов побуждало их организовывать семейные ассоциации (*sodalizio*), коллективно ответственные за выполнение взятых обязательств. Часто они состояли из отца и двух-трех сыновей, но иной раз в них включалось до 10–15 человек, что вызывало подозрения у собственников, настаивавших на принятии в «союз» постороннего человека, игравшего роль гаранта (некоторые лица сделали из этого своего рода «ремесло», присутствуя в качестве гарантов сразу в нескольких контрактах). Другой формой гарантии было привлечение в «союз» какого-либо лица, участвовавшего в деле лишь финансово, но не в плане ведения хозяйства.

Почти не нашел освещения в докладе вопрос о взаимоотношениях арендатора с наемными рабочими. Вероятно, это объясняется отчасти тем, что отсутствует документация, которая происходила бы непосредственно из сферы хозяйственной деятельности арендаторов и отражала шаг за шагом их управление помещьем. По мнению автора, такой документации

скорее всего вообще не было. Из доклада мы узнаем лишь, что арендаторам приходилось осуществлять строгий контроль за работой сыроваров, ибо техника, предоставленная собственниками, была рутинной и не обеспечивала высокую производительность труда. Кроме того, автор упоминает о найме арендаторами вне поместья различных специалистов — каменщиков, плотников и кузнецов — для ремонта больших ирригационных сооружений. Из населения поместья к ремонту гидросети привлекались подсобные рабочие (вероятно, нанятые арендаторами не только для этой цели).

Весьма интересен вопрос о характере труда самих арендаторов. Автор определяет их как работников словом *operatori*, что лучше всего перевести в данном случае термином «производители работ». В какой степени они участвовали в производстве непосредственно, сказать трудно, но, вероятно, рост их роли как капиталистических предпринимателей сводил к минимуму такое участие¹⁹.

Мариуш Кульчиковский (Краков) в докладе «Мануфактурный труд в крестьянской семье XVIII в.» рассмотрел особенности организации различных крестьянских промыслов в предгорьях Карпат, на юге Польши (там, где проходят Бескиды). Выделяются районы развития ткачества (Андрыхув), кожевенного дела (Замбжице, Лядиговице, Суха), деревообработки (Живец, Суха, Макув Подхальянский, Поремба Велка в Горце), скобяного и кузнечного промысла (Свентники и Сульковице). По линии закупки сырья и сбыта продукции крестьяне этих мест были прямо или косвенно связаны с такими удаленными от них городами, как, например, Краков (закупка кож купцами для крестьян из Зембжице) или Львов (продажа тканей крестьянами из Андрыхува).

Помимо ремесленных работ на феодала и непосредственно на рынок, крестьянское производство ориентировалось также на скупщика. Автор различает тут четыре системы: 1) продажа скупщику готового продукта (в соответствии с рыночной конъюнктурой); 2) получение от скупщика аванса и сдача ему полуфабриката; 3) продажа скупщику полуфабриката в кредит, без процентов; 4) рассеянная мануфактура, при которой, кроме скупщика, появляется еще продавец сырья. Вторая — четвертая системы отрезали производителя от рынков сбыта и подчиняли его купцу. Эти системы имели некоторые общие моменты, особенно характерные для текстильной промышленности: получение скупщиком полуфабриката, сдача его в обработку (за плату), продажа готового продукта и только после этого окончательный расчет с производителем полуфабриката. Завися от рыночной конъюнктуры опосредствованно, крестьянин брал на себя весь риск неоплаченной затраты сырья и труда. Сходство второй и четвертой систем

¹⁹ Cova A. L'attività del fittabile lombardo nel Settecento // FEL. P. 239–265.

выражалось в выдаче аванса производителю полуфабриката, что приводило к его закабалению купцом.

При первой системе все стадии процесса производства осуществлялись одной крестьянской семьей: в текстильной промышленности — от посева льна до беления и отделки ткани. Беление требовало наличия лугов, которые имелись только у состоятельных крестьян. Поэтому уже вторая — третья системы предполагали разделение процесса производства между работниками разной семейной и социальной принадлежности: изготовление полуфабриката менее состоятельными крестьянами и беление ткани более зажиточными. Единство всего процесса обеспечивалось скупщиком. Четвертая система, или рассеянная мануфактура, развивалась в условиях перехода к профессиональному ткачеству широких масс бедного крестьянства, не имевшего ни собственного сырья (льняного волокна), ни лугов для отбеливания. Процесс дифференциации производства в связи с этим углубляется: возникает категория скупщиков волокна (нитей), которые продают его (за наличные или в кредит — «на бог») ткачам-производителям полуфабриката; последний через посредство купца переходит к белильщикам или каландровщикам. В результате крестьянин — производитель полуфабриката попадает в двойную зависимость: от продавца волокна и от купца, занимающегося реализацией продукта.

Автор утверждает и отдельными примерами доказывает, что все четыре описанные им «организационно-экономические системы» присутствовали в разной мере и в других рассматриваемых отраслях крестьянской промышленности, причем доминирующей системой была рассеянная мануфактура. Дифференциация процесса производства выступает как новое явление в первой половине XVIII в. Оно упорно пробивает себе дорогу, несмотря на тенденцию крестьянского хозяйства к сохранению всех стадий производства в рамках одной семьи.

Вместе с тем в докладе подчеркивается слабое развитие городов, незначительность городских капиталов, ограниченная возможность купцов подчинить себе непосредственных производителей авансами (отсюда распространенность третьей системы: покупка купцами полуфабриката у крестьян в кредит), медленность процесса формирования категории скупщиков из среды самих крестьян.

Автор обращает внимание также на феодальный фон, на котором происходило развитие промышленности, сохранение тесной связи крестьян-ремесленников с землей и сельским хозяйством в целом, консервативность традиций семейной организации труда. Даже рассеянная мануфактура, по его мнению, не размыла, а усилила семейный и общинный характер экономической деятельности крестьян. Наиболее яркий пример живучести семейной формы организации труда автор усматривает в

принципах устройства торговых сообществ крестьян в городах — «коллегаций» (*kolegacja*), в которых основатель или руководитель (*fundator*) и члены (коллеги — «акционеры») принадлежали к одной семье. Несколько таких «коллегаций» было создано во Львове крестьянами из района Андрыхува. Даже обслуживающий персонал в «коллегациях» формировался из родственников. Привлечение их во Львов из отстоящего на сотни километров Андрыхува предпочиталось найму местных горожан. Руководитель «коллегации» играл роль главы крестьянской семьи, распределяющего обязанности между членами товарищества и заботящегося об их делах в покинутой ими деревне (содержание семей, организация сельскохозяйственных работ, уплата оброка феодалу и т. п.).

Пример этот действительно хорошо характеризует силу крестьянских традиций и слабость купеческого капитала в городах (именно ею объясняет автор то, что андрыхувские полотняники вынуждены были сами взяться за сбыт своей продукции). Менее ясно, как такое положение дел связано с влиянием рассеянной мануфактуры (ибо городской скупщик тут явно отсутствовал, о деревенских же ничего не оказано).

Автор отмечает тормозящую роль религиозно-феодалного сознания в деле формирования капиталов в Польше XVIII в. Завещания богатых крестьян, купцов и ростовщиков свидетельствуют о значительных накоплениях, из которых лишь меньшая, весьма скромная часть доставалась наследникам, в то время как большая жертвовалась церковным учреждениям (расположенным подчас далеко от места жительства завещателя) и тратилась на пышные похороны.

Указывая, что углубление процесса дифференциации труда и возникновение в итоге рассеянной мануфактуры диктовались все возрастающими требованиями технического прогресса, докладчик, однако, определенно заявляет, что «семейная система крестьянского промышленного производства» не стимулировала развитие техники. Уровень последней оставался в XVIII в. тем же, что и во второй половине XVII в., т. е. в эпоху зарождения крестьянской промышленности. Он соответствовал техническому уровню, выработанному к тому времени городским ремеслом в процессе долгой эволюции. Крестьянская промышленность была невосприимчива к техническим новшествам. Будучи замкнутой в себе системой, она оставалась таковой до второй половины XIX — начала XX в.

В крестьянской промышленности не было сколько-нибудь выраженной корпоративной (цеховой) организации и ученичества в собственном смысле слова (если не считать крестьянской традиции приучать детей с раннего возраста к различным формам труда). Термины, эквивалентные западным понятиям «ученик», «подмастерье», «мастер», начинают распространяться в Польше лишь в XIX в.

Само появление крестьянской промышленности автор выводит из слабости польского города в XVII–XVIII вв. и считает, что крестьянские промышленные центры взяли на себя выполнение функций городов в производстве и сбыте промышленной продукции, при этом сам город служил лишь рынком сбыта.

С нашей точки зрения, следовало бы обратить внимание также на эволюцию отношений в деревне к началу XVIII в. Структура земельной собственности и владения из доклада вырисовывается не вполне четко. Так, наряду с хозяйствами, владевшими землей, упоминаются многочисленные хозяйства надомников (*ouvriers en chambre*), которые не владели землей и весь год занимались ремесленным трудом. О происхождении таких хозяйств и их статусе ничего не говорится.

В докладе рассматривается влияние крестьянской промышленности на сельское хозяйство, жилище, быт и здоровье крестьян. Занятие ремеслом сводило к минимуму сельскохозяйственную деятельность крестьян и в то же время крайне интенсифицировало их труд. Орудия и процесс промышленного производства ухудшали экологические условия: отравляли атмосферу, сокращали жилую площадь в доме, загоняя крестьян с кровати на полати, и т. п. Вместе с тем введение промышленности в крестьянский быт меняло распределение обязанностей между людьми разных возрастов и полов. Увеличивались возможности применения труда пожилых и стариков, возрастала роль женщины как почти равноправного партнера в некоторых областях промышленного производства, усиливалось использование труда детей на подсобных работах (в текстильном и кожевенном производствах, кузнечном и столярном деле).

Феодалы и феодальное государство не поощряли развитие крестьянской промышленности, видя в ней фактор, отвлекающий непосредственных производителей от выполнения сельскохозяйственных работ и способствующий сокращению площадей, отводимых под посевы и луга (значительные участки требовались для беления тканей, вымачивания кож и т. п.). Автор замечает, что схема, представляющая сельскохозяйственный труд крестьян как летний, а ремесленный — как зимний, не соответствует действительности. Многие ремесленные работы производились летом и отнимали большое количество времени (например, беление тканей, которое постепенно превратилось в самостоятельную отрасль в рамках семейной промышленности, с использованием наемных работников, оплачиваемых поденно)²⁰.

Доклад Питера Лэслета (Кембридж) «Семья и домочадцы как рабочая и родственная группа: традиционные зоны Европы: сравнение» был посвящен

²⁰ Kulczykowski M. Le travail de manufacture dans les familles paysannes au XVIII-e siècle // FEL. P. 267–288.

установлению типологии различных форм организации семейного производства в «доиндустриальной» Европе в XV — начале XIX в. Своеобразным образцом семейного производства автор считает условный «Das ganze Haus» нюрнбергского сапожника Ганса Захса. Для этой модели характерны независимость, автономия и самодостаточность. Вместе с тем автор находит различные формы отклонения от этого идеала, например, семьи итальянских издольщиков (*mezzadri*), русских крепостных XVIII в., «бедных вдов» в Англии и во Франции. В одних случаях семья даже не была владельцем занимаемого ею помещения, в других — она не была независимой — зависела от помещика, «мира» и т. п., в третьих — у нее не было капитала, в четвертых — во главе семейного производства стоял не мастер, а чернорабочий. Подробнее других случаев автор обрисовывал нищенское положение семей-производителей в Ковентри в условиях кризиса, наступившего в 20-х годах XVI в. Здесь во главе семейных производств в 60% случаев стояли не мастера, а поденщики-чернорабочие или «бедные вдовы». В Реймсе в 1802 г. «бедные вдовы» являлись руководителями около четверти семейных хозяйств.

Строгой классификации вариантов семейного производства с учетом специфики всех его аспектов, в том числе связи с рынком, в докладе П. Лэслета нет, но есть немало ссылок на фактологические и теоретические разработки этого вопроса, в том числе и на построения А. В. Чаянова²¹.

Польский историк Антоний Мончак (А. Mączak) во время дискуссии обратил внимание на существование странствующих родственно-производственных групп, из которых одни нанимались вести определенные сельскохозяйственные работы сезонного характера, другие брали на себя сезонную пастьбу овец в горах²².

Третий день

Цехи и социальная борьба

«Докладчиком» третьего дня (тема — цехи и социальная борьба) был Рольф Шпрандель (Вюрцбург). В докладе «Цехи и социальная борьба в прединдустриальную эпоху» он затронул проблему происхождения цехов, рассмотрел тенденции их развития, типологию, взаимоотношения с городскими властями, противоречия и борьбу с ними на почве политики цен и т. п. Источником цеховой организации автор считает сеньориальное

²¹ Laslett P. Family and Household as Work Group and Kin Group: Areas of Traditional Europe Compared // FEL. P. 289–333.

²² Ibid. P. 339.

право бана и предоставление монополии определенным картелям производителей однотипных товаров. Устанавливаемые цехами цены товаров уже в XIII в. вызывали конфликты на городских рынках. Городские власти, представленные крупными купцами, ведшими заморскую торговлю, проводили, в ущерб интересам цехов, политику снижения цен на местных рынках. Кроме того, они часто не давали ремесленникам права вступления в цехи, что уже в XIV в. вызвало восстания ремесленников в Англии и Германии. Автор различает чисто феодальные цехи, существовавшие под патронатом сеньора, и цехи нового типа, в которых применялась оплата труда. Если цехи феодального типа со временем все более и более хирели, то цехам нового типа открывались широкие перспективы развития²³.

Антонио Иван Пини (Болонья) в докладе «Публичная власть и работники сферы транспорта и городского продовольствия в Средние века (на примере Болоньи)» показал преемственность средневековых цехов от позднеримских форм организации ремесел. Римские организации работников по специальностям, «*collegia orificum*», уходящие корнями в глубокую древность, впервые были поставлены под контроль государственной власти Юлием Цезарем в 46 г. до н.э. (*lex Julia*). В первые три века империи они оставались более или менее свободными, и контролировались службами, к ведомству которых относились по характеру своей деятельности. К IV в. «коллегии» ремесленников превратились в закрытые наследственные корпорации. Уже в V в. эта принудительная система начинает заменяться системой свободного частного выбора профессии. При довольно слабом контроле со стороны государственных служб (продовольственной, антипожарной и др.) коллегии городских ремесленников разных специальностей осуществляли свои как постоянные, так и временные или сезонные работы.

Начиная с эпохи Константина Великого продовольственные корпорации, как отмечал Кракко Руджини, «приобретают все признаки государственных органов, встроенных в общую бюрократическую систему». Не случайно именно им чаще всего поручалась такая общественная служба, как погребение умерших — сохранившаяся с античных времен *munus sordidum*, — осуществление которой государство возлагало в первую очередь на *collegia tenuiorum*, во вторую — на церковь, но потом стало прибегать и к помощи членов продовольственных *collegia* в обмен на некоторые льготы и привилегии. Значение последних тоже не стоит преуменьшать: как явствует из распоряжения Феодосия II городскому префекту Константинополя (439 г.), денежные маклеры (*argentarii vel nummularii*) иной раз пытались выдавать себя за могильщиков, лишь бы получить привилегии членов данной корпорации.

²³ Sprandel R. Corporations et luttes sociales au temps préindustriel // FEL. P. 353–366.

О подчинении поставщиков продовольствия может дать представление составленная в Византии «Книга префекта» (Константинополя), которую датируют первой половиной X в. Из двадцати корпораций, подчиняющихся префекту, семь относятся к поставкам продовольствия: торговцы свининой, мясники, колбасники, пекари, хозяева таверн и бакалейщики. Хотя эти корпорации состоят из свободных людей, государство держит их под жестким контролем, который осуществляется усилиями префекта и различных чиновников, содействующих ему: легатария (*legatario*), который следит за ввозом и вывозом товара, и логофета (*logoteta*), который руководит полицией. Контроль касается не только мер и весов, но также и цен, устанавливаемых префектом и его помощниками чуть ли на каждый день отдельно и распространяемых на мясо, рыбу и вино, равно как и на хлеб, однако с той разницей, что в последнем случае регулировалась не цена хлеба, а его вес в соответствии с ценой муки.

Помимо осуществления внутренней юрисдикции корпораций, префект обязан был следить за исполнением ими государственных услуг, *тех тупега*, чьи истоки следует искать в законодательстве поздней империи: так, кузнецы должны помогать тушить пожары, пекарям запрещалось когда-либо бросать свою работу, бакалейщикам, мясникам и другим поставщикам продовольствия надлежало заботиться о подлинности товара и заявлять властям о спекулянтах и перекупщиках продовольственных товаров или о «подпольных» экспортерах мяса и соленой рыбы.

Для того, чтобы содействовать надзору над корпорациями и облегчить таким образом выполнение предписанных им *тех тупега*, «Книга префекта» дает точнейшие инструкции относительно тех мест в городе, где члены различных корпораций могут и должны осуществлять торговлю и ремесло, даже если речь идет о разбросанных по всему городу корпорациях трактирщиков, пекарей и бакалейщиков (продающих в розницу мясо, соленую рыбу, муку, сыр, мед, оливковое масло, разнообразные овощи и прочие товары).

В качестве компенсации за особые *тех тупега*, ложившиеся на плечи корпораций, государство обеспечивало их иммунитетом от обычных *тех тупега* и предоставляло им монополию, т. е. исключительное право на производство, коммерцию и продажу.

Корпоративная система Византии не имела точных аналогов в Италии, даже в тех регионах, которые долго находились под византийским владычеством или испытали влияние Византии. Следы корпоративной жизни ограничиваются тремя центрами: Неаполем, Римом и Равенной. Из источников X–XI вв. можно видеть существование в это время в Равенне корпораций рыбаков (*schola piscatorum*) и мясников (*schola macellatorum*), а в Риме — торговцев растительным маслом, зеленщиков, лодочников Тибра

(schola sandalariorum) и рыбаков (schola piscatorum). По приведенным выше и некоторым другим свидетельствам, относящимся к мыловарам, красильщикам, купцам и нотариусам, Гартманн делал уверенный вывод о преемственности между римскими collegia и византийскими scholae.

Надежных данных о существовании цеховых организаций в лангобардской Италии нет. Однако обнаружение в XX в. документа, известного как «Honorantie civitatis Papie», добавило убедительности теории о непрерывной традиции. «Honorantie», написанные в начале XI в. и отражающие ситуацию второй половины X столетия, позволяют увидеть в Павии ряд ministeria, зависящих от эконома (camerario) короля. Эти ministeria представляли собой объединения свободных людей, которые, однако, подлежали контролю со стороны государства и были обязаны выплачивать определенные подати в обмен на монопольные права в сфере их профессиональных занятий.

Лайхт считал ministeria подражанием, попыткой Каролингов создать нечто подобное византийским scholae. По мнению докладчика, проще предположить, коль скоро речь идет о Павии, столице лангобардского королевства, местную (in loco) эволюцию, если не желание сохранять преемственность. Сольми был согласен с идеей лангобардского происхождения ministeria в Павии. Монти заметил, что шесть корпораций, упомянутых в «Honorantie» (монетчики, золотоискатели, рыбаки, кожевники, корабельщики, мыловары), трудно считать «существенным элементом преемственности городской жизни», учитывая, что, например, труд пекарей и мясников был куда как более необходим для жизни города, нежели деятельность золотоискателей. Пытаясь найти некие общие черты, объединявшие павийские ministeria, Монти усматривал их в том, что все эти корпорации выполняли определение «регалии».

Отсутствие в «Honorantie» упоминаний о профессиях, совершенно необходимых для обеспечения жизни в городе, смущало и Лайхта, который предположил, что в Павии сосуществовало два типа ministeria: упомянутые в «Honorantie» (в качестве обладателей части монопольных прав королевской власти они подчинялись королевскому двору) и, наряду с ними, ministeria поставщиков продовольствия и другие корпорации, обеспечивающие потребности города (они подчинялись, вероятно, графу Павии). Существование подобной системы двойных ministeria подтверждается дипломом Фридриха Барбароссы 1164 г. графу Самбонифачо: в дипломе ясно говорится о ministeria пекарей и мясников как об особых ассоциациях, отличных от ministerium de schola maiori.

Контроль над корпорациями в лангобардскую и постлангобардскую эпохи осуществлялся на нескольких уровнях: в Павии (так же, как и в Милане, Вероне и других городах) королевская палата контролировала

объединения ремесленников, имеющих отношение к королевским монополиям, но в той же Павии и в других городах королевства контроль над корпорациями, и в особенности занятыми такими жизненно необходимыми делами, как перевозки и снабжение продовольствием, осуществлялся сначала гастальдами и *iscarii*, а позднее графом или епископом.

Возможно, термины *ministerium* и *officium*, которые с X в. всегда употребляются в связке, объясняют изначальное различие между объединениями городских перевозчиков и поставщиков продовольствия (*officia* — термин, широко использовавшийся в лангобардскую эпоху, как показывают документы, для обозначения административных органов) и объединениями, имеющими отношение к королевским монополиям (*ministeria* — термин, который появляется только в эпоху Каролингов); первые подчинялись собственно гастальдам и *iscarii*, вторые — королевской палате и ее *camerarius*.

Довольно показателен пример Венеции. Из документа первой половины XI в. явствует, что в системе древних *officia*, зависящих от гастальда, некоторые ремесленники пользуются особой автономией (т. е. не обязаны работать вместе с другими, но могут работать дома — без сомнения, выполняя какие-нибудь трудовые обязательства перед государством). Позднее, в XIII в., мы находим все те же *officia* с определенными обязательствами в отношении государства. Но за это время произошла перемена, позволяющая говорить о средневековых артелях, — теперь *officia* имеют собственные статуты (даже если их должны утверждать дожи) и, более не завися от гастальда, сами выбирают свое руководство, которое присваивает себе звание гастальдов.

Система *ministeria* и *officia*, должно быть, претерпела в период с IX по XI в. заметную трансформацию. «*Honorantie*», созданные в первые годы XI в., показывают нам корпоративную систему уже в процессе разложения в результате тлетворного влияния феодализма. Так же, как права королей на павийские *ministeria* переходят к феодалам, которые превращают их в своего рода наследственное владение, так и права на второстепенные *ministeria* Павии и *ministeria* других городов или попадают в зависимость от феодалов, или переходят к графам, епископам, виконтам и другим общественным фигурам, присваивающим себе, более или менее законно, право их контролировать, и преимущества, которые предполагает такой контроль.

Из-за «вакуума власти», образовавшегося вследствие борьбы за инвеституру, и серьезных проблем, которые она создала для администрации городов, вся система *ministeria* и *officia* стала терять устойчивость одновременно с переходом власти от епископов и графов к коммунам. Однако сохранился сектор, где очень сильным оставалось сопротивление прежних

органов, не желавших отказываться от всех форм контроля над профессиональными ассоциациями; контроль в этом секторе был особенно жестким и прочным — речь идет о корпорациях поставщиков продовольствия. Поэтому мы не должны удивляться, обнаружив, что на пике развития городов-государств пекари, торговцы зерном, маслом и вином из Пизы продолжают находиться в зависимости от виконта (1153 г.), а поставщики продовольствия, например мукомолы из Пьяченцы, зависят от поверенных епископа (1170 г.), за которым еще в 1180 г. сохранялись определенные права на мясные лавки, в то время как другое высокопоставленное лицо претендовало на контроль, правда, не всеми признаваемый, над пекарнями и мельницами.

Следовательно, с появлением коммун система *ministeria* исчезла не всюду. Там, где епископу или графу не удавалось сохранить прежние рычаги подчинения, возникала коммуна, заменявшая старых хозяев. В Болонье это можно видеть на примере *iscarii*.

Но если не брать нескольких очагов сопротивления, в целом система *ministeria* с возникновением коммун стала расслаиваться. Артельщики полностью освободились от любого контроля со стороны государства и от любых обязательств по отношению к нему. Но они столкнулись с необходимостью организовать некую ассоциацию, которая помогала бы им с доставкой сырья, с организацией труда, необходимой для того, чтобы избежать перепроизводства, с регулированием конкуренции и т. д. Таким образом, процесс разложения системы *ministeria* еще не успел закончиться, когда снизу начался процесс преобразования и реорганизации профессиональных ассоциаций, в результате которой артельщики объединились в братства, находящиеся под моральной опекой епископа.

Вот что, по-видимому, произошло со многими артельщиками, и в особенности с сапожниками, кузнецами, ткачами. Торговцы, похоже, пошли другим путем. Они, никогда не входившие в *ministerium*, не чувствовали потребности в ком-то, кто бы их опекал, и поэтому в качестве образца для своих объединений они взяли не братство, но все ту же коммуну.

Как особый случай докладчик рассмотрел эволюцию корпораций и контроля над ними в Болонье в XIII–XIV вв.²⁴

Шарль М. де ля Ронсьер (Экс-ан-Прованс) в докладе «Цехи и социальные движения в северной и центральной Италии XIV и XV вв.» дал общую характеристику цехового строя итальянских городов изучаемого региона, показал социальные противоречия внутри цехов, взаимоотношения между

²⁴ Pini A. I. Potere pubblico e addetti ai trasporti e al vettovagliamento cittadino nel Medioevo; il caso di Bologna // FEL. P. 367–395. Часть доклада Пини изложена нами по переводу, выполненному П. С. Каштановым, которому выражаем искреннюю признательность.

цехами и городскими властями, а также попытался раскрыть причины городских движений и их спада.

Говоря, что не все ремесла в городах Италии XIV в. были охвачены цехами, автор приводит примеры нецеховых профессий, представленных главным образом торговцами (зеленщики, продавцы рыбы и т. п.) и в меньшей степени — непосредственными производителями (ткачи льна и др.). Однако он признает, что все наиболее значительные ремесленные специальности получили цеховое оформление, и в частности — подробные цеховые уставы со многими параграфами. Нередко одна большая корпорация объединяла в себе несколько ремесел. Так, если в Венеции имелось 52 цеха (*arti*), то в Сиене 50 цехов (*arti*) были сгруппированы в 12 крупных корпораций (*capita*). Во Флоренции при весьма дробной дифференциации ремесел насчитывался всего 21 цех. В отдельных случаях внутри ассоциации ремесел существовало равноправие между профессиями, но, как правило, главное ремесло (*membrum*) подчиняло себе вспомогательные (*membra*). Шерстяникам, например, подчинялись красильщики, волоочильщики и др. Не считая, что мастера зависимых профессий обязательно превращались в «наемных рабочих», как полагал советский историк В. И. Рутенбург, автор тем не менее подтверждает распространенность практики сдельной оплаты их труда.

Для каждого цеха и ремесла была характерна строгая внутренняя иерархия: мастера, ученики, подсобные рабочие, подмастерья и др. Весь штат работников, включая учеников и подмастерьев, нанимался мастерами и оплачивался поденно. Мастера диктовали условия найма, оплаты и т. д. Наемные рабочие не принадлежали к составу цеха и не имели в нем никаких прав. Система межцеховой и внутрицеховой иерархии, основанная на неравноправии, укоренилась после 1340 г. и сохранялась до XV в. Превалирующими тенденциями развития цехов в городах северной и центральной Италии XIV–XV вв. были углубление социальной пропасти между мастерами и наемными рабочими, массовый переход от сдельной оплаты труда к повременной, сокращение возможностей доступа к званию мастера, закрепление иерархической организации ремесел и отношений господства — подчинения внутри цеха.

Рассматривая вопрос о степени участия цехов в политическом управлении городом, автор приводит классификацию В. И. Рутенбурга, выделившего пять типов социально-политического положения цехов: 1) в Неаполитанском королевстве (удушение цехов государственной опекой в XIII в. и дальнейшее их прозябание); 2) в Венеции (преждевременное падение цехов под ударами государства); 3) в Риме (организация цехов в XII в. и участие их представителей — *consuls* — в XIII в. в коммунальных советах); 4) в Болонье (широкие политические права цехов в коммуне); 5) во Флоренции

(с конца XIII в. осуществление цехами всего политического руководства). Докладчик подчеркивает стимулирующее значение этой классификации, но замечает, что ею не охвачены города Ломбардии и, кроме того, она не может быть распространена на период начиная с XIV в., когда почти повсюду сеньориальные правительства пытались свести к минимуму политическую роль цехов. Последнее положение автор подкрепляет ссылками на города только северных областей – Ломбардии (Милан, Брешиа) и Эмилии (Болонья). К тому же, он говорит об упорном сопротивлении цехов напору сеньориальной власти.

Наиболее эффективным было сопротивление влиятельных (старших) цехов, связанных с купеческим миром (шерстяники и производители шелка в Милане). Наступление сеньориальной власти способствовало, таким образом, усилению неравноправия в иерархической системе цехов. На политическую авансцену выступали лишь цехи, обладавшие значительным престижем, который определялся богатством, причастностью к международной торговле или науке (нотарии). Более скромные (средние и младшие) цехи постепенно вымывались из сферы политической жизни. Во Флоренции после победы пополанов в 1293 г. и принятия конституции к власти пришли хозяева семи старших цехов, из которых главными были Калимала (корпорация купцов) и цех шерстяников. В Перудже должность приоров (руководителей города), установленную в начале XIV в. по примеру Флоренции, исполняли постоянно 2 купца, 1 меняла и 7 представителей других старших цехов.

«Классовая политика» (*la politique de classe*) правящих цехов (экономическое законодательство и т. п.) поддерживала и разжигала социальную напряженность среди ремесленников. Экономические неурядицы, голод, эпидемии, военные действия лишь углубляли ее. Не случайно народные движения затрагивали в этих условиях прежде всего мир ремесленников, наиболее разбитаемый внутренними противоречиями. Конфликты могли возникать в первую очередь между цехом и представителями той же профессии, действовавшими вне цеха, не будучи записанными в него. Но подобные конфликты выливались в судебные процессы, и дело не доходило «до драки». Процессы против нецеховых разворачивались наряду с другими процессами, вызванными борьбой между цехами за сферы деятельности и объем компетенции. Кроме того, отдельные цехи (во Флоренции, например, торговцы зерном в 1328–1332 гг., мясники в 1350 г., в Модене — кузнецы в 1300–1350 гг.) выступали с заявлениями протеста против экономической политики коммуны, наносившей ущерб их интересам. В больших цехах возникали трения между группами мастеров, принадлежавших к разным *membra* и даже к одному *membrum*. Часты были случаи недовольства одних мастеров высокими ставками зарплаты, которые устанавливались для

наемных рабочих другими мастерами, более богатыми и лучше приспособившимися к конъюнктуре (такого рода конфликты имели место, например, во Флоренции в цехе шерстяников в 70-х годах XIV в.). Но и они не приводили к восстанию, разрешаясь внутри цеха (введение новых регламентаций и тарифов, продиктованных большинством).

Автор пытается далее выяснить механизм возникновения восстания. Роль толчка мог играть голод. Он был связан с дороговизной, усилившейся на протяжении всего XIV в. Случаи голодных бунтов, сопровождавшихся выкриками против «жирного народа», известны в XIV в. во Флоренции, Сиене, Перудже. Обычно кратковременные, эти бунты иногда перерастали в продолжительные волнения (в 1371 г. в Перудже). Однако постоянным источником недовольства автор считает бедственное положение «средних» и «меньших» людей, попираемых «большими» при попустительстве правительства. Особую роль играли *sottoposti*. Этот бытовавший во Флоренции термин автор раскрывает как «ouvriers et salariés, т.е. «рабочие и наемные». В современном языке *sottoposti* значит «подчиненные» или «лишенные юридических прав». Перевод «рабочие и наемные» вызывает вопросы. Поскольку, как явствует из доклада, все рабочие были наемными, кто еще имеется в виду — ученики, подмастерья? Не логичнее ли тогда просто термин «наемные»?

Sottoposti, малоимущие и абсолютно безвластные, как в целом, так и в коммуне, не имели легальной возможности заставить руководителей цехов и города прислушаться к их требованиям. И все же в середине XIV в. первыми пришли в движение не они, а младшие цехи (*arts mineurs* — «*popolani minuti*»): восстания во Флоренции в 1343 г., в Сиене в 1355–1356 и 1368 гг. Движения были направлены против власти купцов и менял и привели к упразднению правительства купцов в Сиене и к стеснению их позиций во Флоренции. В этих двух городах младшие цехи и «меньшие люди» заняли видное место в руководстве коммуной.

Sottoposti больше всех ощущали угнетательский характер цехового строя, и поэтому именно они продолжали и радикализировали движения, начатые младшими цехами. Вооруженные восстания в Сиене и Перудже в 1371 г., вызванные голодом и организованные наемными рабочими, привели к падению правящей верхушки. В Сиене новая синьория состояла только из победителей — наемных рабочих и представителей наиболее скромных профессий. Сиенское восстание проходило первоначально под лозунгом повышения зарплаты, который затем был дополнен требованием перемен в составе правительства.

Констатируя, что в социальные движения были вовлечены цехи разных уровней — средние (*arts moyens*), младшие (*arts mineurs*) — и *sottoposti*, автор связывает это явление непосредственно с фактом социальной

напряженности среди и внутри цехов. Вместе с тем он сомневается в том, что эта напряженность сама по себе вела к социальному взрыву. В городах центральной Италии в 1340–1380 гг. для восстаний всегда находились какие-то дополнительные импульсы, таившиеся в специфике ситуации, в особенностях момента. Рассматриваемый район был больше других разорен войнами. Производство, обмен и снабжение были дезорганизованы. Порча монеты, увеличение бремени прямых и косвенных налогов, неурожай, дороговизна, жестокая безработица — все это делало положение народа крайне тяжелым. К тому же, в городах, незадолго до того начавших развивать текстильную промышленность, эксплуатация рабочих предпринимателями в моменты кризиса не уменьшалась, а возрастала.

В таких условиях, пишет автор, в среде флорентийских наемных рабочих вырабатывается идеал коллективной борьбы за «справедливость, участие в цеховом управлении, согласие». Но, утверждает он далее, это «классовое сознание» (*conscience de classe*), объединявшее всех бедных (*pauperes*) и прежде всего наемных рабочих (*sottoposti*), может быть засвидетельствовано лишь для Флоренции 1378 г. (восстание чомпи). Существование его в других местах и в другое время требует доказательств. И опять-таки автор говорит о необходимости особых обстоятельств для того, чтобы недовольство переросло в борьбу за достижение выработанного идеала. В народных восстаниях в Сиене и Флоренции крайне слаб, по мнению автора, революционный момент. Всех историков восстания чомпи, продолжает он, поражали умеренность и реформизм их первоначальной программы, приверженность к цеховой системе, готовность к сотрудничеству с властями. Как полагает докладчик, революционный порыв чомпи сдерживался уровнем их жизни и ее идеалом, возможными связями с другими социальными группами, корпоративным и религиозным сознанием.

В докладе анализируется действие каждого из этих факторов. Согласно Ля Ронсьеру, уровень жизни наемных рабочих заметно улучшился после «черной смерти» в 1348 г. и в третьей четверти XIV в. приближался к стандартам, типичным для младших цехов (*arts mineurs*). Жить на таком уровне и было идеалом *sottoposti*. Следовательно, заключает автор, восстание чомпи — не столько революция, сколько движение за сохранение достигнутого. Этот вывод докладчика как будто мало согласуется с его же наблюдениями о росте напряженности в цехах, бесправии наемных рабочих и, главное, о катастрофически неблагоприятной экономической ситуации 1340–1380 гг.

Возможные связи рабочих с другими социальными группами оказываются в концепции автора более важными, чем их профессиональная солидарность. Последнюю, как он думает, подрывали разное местожительство, различие производственных заданий, разница в зарплате. Напротив,

приходская церковь, этот микрокосм XIV в., связывала рабочего с различными слоями населения квартала, соседними семьями, имевшими другую профессию и вызывавшими желание дотянуться до их уровня жизни. Внепрофессиональная солидарность расценивается в докладе как фактор, ослаблявший революционный характер движений.

Нам, однако, не кажется, что автор убедительно доказал большую силу внепрофессиональной солидарности по сравнению с профессиональной.

Докладчик подчеркивает зависимость корпоративного идеала *sottoposti* от выработанной не ими программы равноправного участия всех цехов в политической жизни и равноправия между членами одного цеха. Эта программа, зародившись в среде старших цехов (*arts majeurs*) в 1370 г., была воспринята младшими цехами и затем достигла сознания *sottoposti*, которые стремились создать свой цех или несколько цехов, чтобы с их помощью приобщиться, наряду с прочими, к политической власти.

Религиозный идеал чомпи 1378 г. восходит, по мнению автора, скорее к учению нищенствующих доминиканцев, чем францисканцев, и в конечном счете сводится к идее согласия.

Оба идеала — корпоративный и предполагаемый религиозный — свидетельствуют об умеренности программы чомпи.

Автор воздерживается от распространения этих выводов на другие движения — в Сиене, Перудже. Вместе с тем он делает общий вывод о неудаче восстаний *sottoposti* в XIV в. Если участие младших цехов в правительстве было устойчивым, то участие наемных рабочих оказалось эфемерным. Во Флоренции первый созданный ими цех исчез через месяц после возникновения, два других — через четыре года. Докладчик говорит о всеобщем недоверии современников к *sottoposti*, объясняя его тем, что их приближение к социальным, профессиональным и политическим стандартам и идеалам иной среды не было однозначным и сопровождалось развитием того «классового сознания», которое, провозглашая идеалы социальной борьбы, справедливости и бедности, имело в виду овладение вполне земными «богатствами» (прежде всего политической властью).

Автор отмечает, что по мере своего развития движение чомпи левело, но не указывает причины этого. Он лишь констатирует, что, когда умеренные цели восстания были достигнуты, от него откололись наиболее обуржуазившиеся элементы, предоставив радикальному крылу возможность выразить свои «классовые требования» (*revendications de classe*) без обиняков. Но требования рабочих вызвали ожесточение старших цехов и отступничество младших. Без союза с последними *sottoposti* не могли проложить себе дорогу к власти. С того момента, когда ужесточение позиций *sottoposti* оттолкнуло от них младшие цехи, положение восставших стало крайне уязвимым (отрицательная реакция лавочников и др.).

Кроме того, ужесточение требований привело к нарушению единства рядов самих *sottoposti*, из которых более умеренные отошли от движения. Причиной поражения восстания оказывается в такой интерпретации экстремизм определенной части восставших.

Из текста самого доклада ясно, что содержащаяся в нем общая характеристика восстания чомпи как умеренного по своим целям не может быть отнесена ко всем этапам этого движения и, следовательно, не может быть признана исчерпывающей и вполне адекватной фактам. Автор не стал рассматривать требования радикального крыла по существу, показав лишь их отрицательные последствия для восставших (утрата союзников). Сэмюэль Кон (Samuel Cohn), один из предшествующих исследователей вопроса, не спешил разделять распространенное мнение о нереволюционном характере восстания чомпи (это обстоятельство отмечено автором доклада).

Начало общего спада волны городских движений в северной и центральной Италии докладчик относит к концу XIV в. По подсчетам С. Кона, использовавшего материал судебных архивов, с 1343 по 1385 г. произошло 43 городских восстания, повлекших за собой в целом 350 приговоров. Из обвиняемых в 1343–1386 гг. 80% принадлежало к числу рабочих-шерстяников. Взятый для сравнения на выбор период экономических трудностей 1450–1459 гг. дает другую картину. Хотя тут и насчитывается до десятка волнений, но либо в них замешаны ссыльные, либо дело происходит в зависимых городах (имевшихся у каждого крупного центра). Возможно, что только одно восстание произошло в рассматриваемый отрезок времени во Флоренции. По мнению автора, все эти волнения нельзя связать с той устойчивой социальной напряженностью, которая раньше вовлекала в борьбу широкие массы наемных рабочих.

Причины ослабления городских движений недостаточно ясны. Автор высказывает на этот счет ряд предположений, опираясь в основном на результаты исследования Кона. Прежде всего он допускает, что напряженность в отношениях между *sottoposti* и хозяевами могла смягчиться. На эту мысль его наводят данные о прогрессирующем росте почтенной зарплаты в сельском хозяйстве. В пшеничном эквиваленте рост зарплаты выражается в следующих цифрах: 5 кг (в день) в 1350–1375 гг., 8 кг в 1400–1420 гг.; 14,3 кг в 1425–1429 гг. Автор, однако, не ставит вопрос о том, можно ли явление, характерное для сельской местности (*salaires journaliers agricoles*), прямо проецировать на город.

Далее. На примере Флоренции докладчик стремится показать, как политика сегрегации, проводившаяся городской верхушкой, изолировала рабочих от других слоев населения и приводила к снижению их социальной активности. Если в XIV в. в черте старого города проживало 25% учтенных Коном *sottoposti*, то в XV в. — всего 2%. Рабочих-шерстяников, т. е. ту категорию,

которая была главной движущей силой восстания чомпи, постепенно выселили в отдаленные кварталы, на окраины города. В результате кругозор рабочих суживался до рамок прихода, а внутригородская солидарность ослаблялась. Вместо общения между представителями разных классов, к которому предрасполагало соседство, возникало разобщение. Отношение буржуазии к рабочим ухудшилось, в нем стали преобладать недоверие и подозрительность. Раньше автор говорил, что внепрофессиональная солидарность ослабляла революционность движения. Теперь же отсутствие ее или сведение к минимуму включается в число факторов, опять-таки снижавших революционность рабочих. В этом нельзя не увидеть противоречия.

В качестве еще одного момента, действовавшего в направлении уменьшения социальной активности рабочих, выступает репрессивная политика государственной власти. Докладчик отмечает, что в XV в. усилились средства полицейского надзора за рабочими, обеспечивавшие подавление в зародыше всякого волнения или сговора. Поддержание порядка в квартале перешло из рук приходских «капелланов» (выборных членов местной общины) в руки должностных лиц коммун (*berrovieri*). Судебные органы стали более сочувственно относиться к жалобам представителей патрициата на своих подчиненных и на низший слой ремесленников. В 1344–1345 гг. к числу патрициев принадлежало 29% истцов, в 1455–1466 гг. — 75%. Даже праздники и игры, организуемые государственной властью, служили цели еще больше подчинить *sottoposti* полицейскому контролю²⁵.

Оценивая доклад Ля Ронсьера в целом, следует подчеркнуть, что он внутренне довольно противоречив. Некоторые противоречия были отмечены выше. Основное противоречие состоит в том, что автор, с одной стороны, связывает рост народных движений в 1340–1380 гг. с неблагоприятной экономической конъюнктурой и ухудшением положения народных масс, а с другой стороны, считает, что движение рабочих было вызвано их стремлением сохранить свой жизненный уровень, повысившийся после 1348 г.

Кроме того, противоречиво решается вопрос о внутреннем напряжении в цехах. Оно признается главной причиной волнений, но вместе с тем подчеркивается, что движение начинали не самые угнетенные (*sottoposti*), а младшие цехи, т. е. классовая напряженность отодвигается даже не на второй, а на третий план в механизме возникновения восстаний, ибо в ней фактор № 1 — общие экономические трудности и голод, фактор № 2 — межцеховое неравноправие (отсюда недовольство младших цехов), фактор № 3 — угнетенность и недовольство наемных рабочих. В то же время

²⁵ *De la Roncière Ch. M. Corporations et mouvements sociaux en Italie du Nord et du centre au XIV-e siècle // FEL. P. 397–416.* В этом заголовке опущено указание на XV в., которое имелось в заголовке доклада 1981 г.

внутреннее положение в младших цехах, оказывающихся инициаторами социальной борьбы, фактически не освещается. Все примеры внутренней напряженности относятся к старшим цехам. Мало связанным с проблемой классовой борьбы оказывается вопрос о *membra* в составе больших цехов. Неясна специфика положения таких категорий, как ученики и подмастерья, характер их отношений с мастерами и рабочими, роль во время восстаний.

Бернар Шевалье (Тур) в докладе «Цехи, политические конфликты и социальный мир во Франции (за исключением Фландрии) в XIV и XV вв.» сделал попытку рассмотреть параллельно историю социальной борьбы и организации ремесла в городах Франции конца XIII — середины XVI в.

Хронологические выкладки автора: 1) 1280–1422 гг. — эпоха частых городских волнений, которая распадается на период «разрозненных насилий» (1280–1340 гг.) и период более организованных движений или «политических конфликтов» (1355–1422 гг.); промежуток между ними характеризуется почти полным отсутствием восстаний; 2) в периоде «политических конфликтов» выделяются три волны особого подъема городских движений, имевшие место в 1356–1358, 1379–1383 и 1412–1422 гг.; 3) в конце XIII–XIV в. городские восстания охватывают две зоны — к северу от Сены и к югу от воображаемой линии Тулуза — Лион, огибающей центральный массив; центральная часть Франции, между Сеной и Гаронной, в это время почти не затронута городскими волнениями; только в 1417–1419 гг. движение охватывает всю страну; 4) после 1422 г. до начала религиозных войн — время относительного «социального мира» в городах, нарушаемого лишь с 1539 г. стачками печатников в Лионе и Париже, которые, однако, будучи движением локальным и профессионально ограниченным, не меняют общей картины; 5) до середины XIV в. во Франции отсутствует цеховой строй; он распространяется и расцветает в 1350–1550 гг.

Наряду с более или менее конкретными датами в докладе фигурируют и условные или округленные даты. Так, вместо 1422 г. как момента окончания последней крупной волны городских движений обычно указывается 1420 г. В качестве грани между первым и вторым этапами волнений выступает 1350 г. Эта же дата — условное начало цехового периода.

Автор считает цехом (*corps de métier, corporation*) только такую организацию ремесленников, которая представляет собой юридическое лицо, официально признанное верховной властью и имеющее свой письменный устав. До 1382 г. известно 30 цеховых уставов, в XV в. — 41, в XVI в. — 61. Типичные черты цеха: непринятие в него работников, ведущих собственное частное производство; избрание «надзирателей» (*esgards*), которые, располагая такими рычагами, как вступительный экзамен (в XV в. — «институт шедевров») и вступительная пошлина, имели возможность

произвольно решать вопрос о допуске в цех новых руководителей производства; связанная с существованием этой группы иерархизация прав членов цеха; принесение новыми членами присяги цеху, а не коммунальным властям.

Хотя автор и говорит, что до 1350 г. цехов не было, все же он отмечает, что в известной публикации «Ордонансы королей Франции» есть 15 актов с упоминанием цехов, которые относятся к периоду ранее указанной даты. В этом издании все акты о цехах касаются северной Франции (la Languedoil). Всего их, по подсчетам автора, — 302 (до 1530 г.)²⁶. Из них 86% относится ко времени после 1365 г., но при этом 60% было выдано до 1450 г.

Следует заметить, что и уставы ремесленных объединений встречаются задолго до 1350 г., о чем мимоходом говорится в самом докладе, где, в частности, упоминаются «редкие уставы», дошедшие от эпохи ранее 1308 г. В связи с характеристикой «Книги ремесел», составленной по распоряжению парижского прево Этьена Буало в 1268 г. и содержащей регламентацию 101 ремесла г. Парижа, автор ссылается на *usages avalisés* (буквально — «обычаи за порукой»), которые включены в эту книгу. Фактически *usages avalisés* представляют собой хотя и короткие, но уставы, завершающиеся перечнем имен членов ремесленной организации — слуг (*vallez*) и мастеров (*mestres*), поклявшихся в верности уставу.

Однако содержание большинства ранних уставов позволяет автору утверждать, что речь в них идет не о цехах, а о более низких формах организации ремесла. В таком случае устав как характерный признак цеха утрачивает сам по себе значение надежного критерия.

Формами, предшествующими цеху, докладчик считает «службу» (*ministerium, service, office*) и «братство» (*confrérie*).

Понятие «служба» связано с представлением об общественной службе или общественной пользе, приносимой той или иной ремесленной специальностью. Вместе с тем «служба» — это такое профессиональное объединение, которое делает из представителей одной специальности в данном месте определенную тягловую единицу. Члены ее коллективно обеспечивали выполнение общегосударственных и местных повинностей, из которых наиболее обязательными были дозорная и сторожевая службы (*les obligations militaires de guet et de garde*). Эти объединения носили разные названия: «дозор» или «караул» (*echelle*) на юге, в Лангедоке (Ним и др.), «стяг» или «хоругвь» (*bannière*) на севере, в Пикардии (Амьен). Их руководителями являлись «блюстители» или «старшины» (терминология была разнообразна), назначаемые местной властью — консулами,

²⁶ 42 с 1351 по 1380 г., 50 с 1381 по 1420 г., 25 до воцарения Людовика XI (1461 г.), 60 в период его царствования (1461–1483), 71 с 1483 по 1515 г., 35 до 1530 г. В сумме это составляет 283 акта. Прибавив к ним 15, выданных до 1350 г., получаем 298, а не 302.

эшевенами или сеньором, в роли которого мог выступать сам король (в Париже). Входя в состав коммунальной или сеньориальной организации и подчиняясь ее уполномоченным, ремесленные «службы» не были самостоятельными юридическими лицами.

Автор упрекает предшествующую историографию в том, что она, много занимаясь надуманным сравнением цехов с древнеримскими «коллегиями», не уделила даже сотой доли подобного внимания разнице между «ремеслом» или «службой», с одной стороны, и цехом — с другой.

По мнению автора, для «службы» характерны следующие черты: 1) регламентация ее деятельности местной властью; 2) объединение «службой» семей по профессии глав семьи, подчас усиление этой связи соседством; 3) превращение такого объединения в средоточие общих интересов представителей одной специальности, возникновение привычки действовать совместно и подчиняться одним и тем же правилам. Автор замечает, однако, что применительно к той или иной конкретной профессии в том или ином конкретном городе все три черты сразу встречаются лишь в виде исключения.

Регламентация деятельности «служб» прослеживается докладчиком по парижской «Книге ремесел» 1268 г., где уставы каждой профессии обычно кратки и содержат несколько пунктов — относительно ученичества, качества продукции и т. п., но при этом точно определяют размер пошлин и штрафов, которые надлежит платить сеньору. Автор обходит молчанием тот факт, что пошлины и штрафы, как правило, делились между королем и соответствующим ремесленным объединением, и среди этих пошлин фигурирует также вступительная. Наличие вступительного взноса, регламентация качества продукции, времени ее продажи, запрещение незарегистрированным ремесленникам продавать изделия того же рода (мотивированное интересами покупателей), регулирование проблемы ученичества — все это близко к цеховым порядкам.

Вместе с тем «Книга ремесел» не колеблет главный «антицеховой» аргумент автора — подчинение «ремесел» местной власти через ее агентов, возглавляющих ремесленные объединения. Докладчик подчеркивает, что организация парижских шорников, имевших в XIII в. право собираться и самостоятельно избирать своих мастеров, составляет исключение из правила. «Продажа» королем ремесла означала в большей мере разрешение осуществлять «службу», чем право на учреждение профессионального объединения. Участие некоторых руководителей «ремесел» (из числа «блюстителей» и т. п.) непосредственно в органах местного управления не меняло олигархического характера последних.

Автор не касается вопроса о причинах и времени возникновения ремесленных служб, но все примеры, которые он приводит, относятся

к периоду не ранее конца XII в. В докладе говорится, что «службы» не были институтом обычного права и не квалифицировались современниками в качестве «компаний». Известный правовед XIII в. Филипп де Бомануар (ок. 1250–1296 гг.), указывающий шесть разновидностей «компаний», начиная от супружеского союза и кончая совокупностью жителей города, не включает в их число ремесленных объединений. Для докладчика это лишний аргумент в пользу его мысли о том, что «службы» представляли собой ассоциации *de facto* (*communautés de fait*), но не *de jure* (не были юридическими лицами).

Переходу ремесленных объединений в категорию юридических лиц способствовало распространение «братств». Как чисто религиозные общества «братства» зародились в XII в., как профессиональные ассоциации ремесленников они укореняются с конца XIII в. По наблюдениям автора, в парижской «Книге ремесел» 1268 г. из 17 случаев упоминания «братств» (*confréries*) только в трех смысл термина ясен и указывает на профессиональное объединение.

Ремесленным «братствам» были свойственны, во-первых, благотворительные цели в отношении членов братства — «братьев» и «сестер»; во-вторых, статус юридического лица религиозного характера; в-третьих, право на «братские» празднества и богослужения в соборной церкви.

Благотворительные цели состояли главным образом в обеспечении христианского погребения и «помощи» в спасении души умерших членов братства.

Для учреждения братства как юридического лица в системе институтов, создаваемых на основе канонического права, требовалось лишь разрешение епископа (не все из подобных разрешений дошли в форме письменного документа). Допуск в братство осуществлялся только с согласия его основателей или руководителей (*fondeurs*). Братство обладало свободой созыва собраний и выбора на них своих управляющих («*gouverneurs*») или прево («*prévôts*). Оно имело собственную печать, имущество, «ящик» (*boîte*) для приношений и фонды для расходов на похороны и поминание умерших.

Таким образом, подчеркивает автор, учреждение «братства» давало «службе» права гражданства (*identité sociale*), которые ей не могла (или могла лишь в слабой степени) обеспечить ремесленная организация как таковая (*métier*). Именно в «братстве» ремесленники становились компаниями²⁷ и «собратьями».

Празднество братства включало в себя торжественное шествие к церкви всем «корпусом», участие в соборной обедне, на которой пели

²⁷ В данном случае термин «*compagnon*» было бы неуместно перевести как «подмастерье», поскольку речь тут не идет о социальной иерархии внутри братства.

хористы (*grand-messe*), и после этого — большое пиршество и попойку. Кроме праздника, справляемого обычно в день патронального святого или святых братства, за последним закреплялось также право еженедельно служить обедню перед образами этих святых в соборной церкви.

Празднества, вызывавшие большое скопление народа, были чреваты столкновениями и кровопролитиями, которые легко могли перерасти в бунт и втянуть в смуту всех представителей той или иной профессии. Поэтому королевская власть встретила народное братство неодобрительно и относилась к ним с явным недоверием.

Трансформация «ремесел» («служб») и «братств» в цехи тесно связана с историей социальной и политической борьбы во французском городе. Автор, правда, затушевывает, а подчас и прямо отрицает наличие такой связи.

Он подвергает критике классификацию народных волнений, предложенную в 1979 г. Э. Ле-Руа-Ладюри, который различает движения «средневековые» и «классические»: первые зарождаются на почве конфликтов между сельскими или городскими общинами и сеньориальной властью, вторые возникают в недрах тех же общин, но обращены против государя и его финансовых агентов. Докладчик выделяет еще движения, направленные против городской олигархии, представленной консулами или эшевенами. Грубо говоря, эти движения можно было бы назвать антикоммунальными. Вслед за Р. Феду (1973 г.) автор доклада считает полезным ввести также дополнительный критерий для классификации волнений: степень их силы. Однако сколько-нибудь четкого применения этот критерий в докладе не получил. Вообще Шевалье высказывает мысль, что все разнообразные случаи городских волнений не укладываются в схему элементарной классификации типа выдвинутой Ле-Руа-Ладюри.

Критикуя М. Молла и Ф. Вольфа за расхождение между выражением «народные революции в Европе XIV–XV вв.», употребленным в заголовке их монографии (1970 г.)²⁸, и многочисленными оговорками в тексте, сводящими на нет или ослабляющими это определение, докладчик упрекает другого автора — Фуркена (G. Fourquin, 1972 г.) — за стремление искусственно обойти острые углы и уклониться от всякой попытки трактовать историю народных движений с применением таких категорий, как «революция» и «классовая борьба».

В то же время сам Шевалье решительно отвергает концепцию А. Пиренна, говорившего о «революции ремесел» — *révolution des métiers*, что вернее перевести на русский язык словами «революция ремесленных

²⁸ Molla M., Wolff Ph. *Ongles bleus et Ciompi: les révolutions populaires en Europe aux XIV-ème et XV-ème siècles*. [P.], 1970.

корпораций». Всю эпоху городских волнений 1280–1422 гг. докладчик делит на период «разрозненных насилий» без революции (до середины XIV в.) и период «политических конфликтов» без классовой борьбы (вторая половина XIV – начало XV в.). Автор в принципе правильно утверждает, что под революцией понимается свержение основ существующего строя, производимое в нарушение установленных этим строем норм права и законности. В советской историографии городские движения XIII–XV вв. тоже не определяются как «революции». Но автор слишком настойчиво стремится лишить их «революционного духа», уподобляясь в этом предшественнику докладчику — Ля Ронсеру.

Приведя отдельные примеры «разрозненных насилий» XIII — первой половины XIV в., Шевалье не исключает возможности наличия и случаев «настоящей классовой борьбы» (*les vraies luttes de classe*) между наемными рабочими и предпринимателями. Конфликты из-за продолжительности рабочего дня, т. е. уровня зарплаты, возникали в достаточно пролетаризированной среде рабочих текстильной промышленности, где процесс концентрации производства зашел далеко, несмотря на распространенность семейных очагов ткачества. Как рабочие, так и предприниматели блокировались по классовому признаку. Первые коллективно боролись за более высокую оплату труда, вторые выступали единым фронтом для достижения противоположной цели. Однако об этих формах борьбы в духе нового времени источники сообщают крайне скудные сведения. Автор полагает, что подобные конфликты редко приводили к серьезным возмущениям. Тем не менее, думается, что, уточняя классификацию движений, их следовало бы выделить из общей массы «антикоммукальных» волнений.

Возможно, в увлечении полемикой против слишком простой классификации Ле-Руа-Ладюри, не охватывающей случаев борьбы «ремесел» с городской олигархией, автор доклада подробно коснулся именно этой формы борьбы. Перейдя к истории братств, он сосредоточил внимание на их столкновениях с королевской властью. Братства рассматривались современниками как средоточие заговоров, тайных союзов («*alliances*»), которые вызывали волнения, получившие название «*monopoles*» и — на севере — «*taquehans*». Волнения в Париже в 1307 г. побудили Филиппа IV Красивого (1285–1314) запретить братства. Правда, в 1309 г. этот запрет был отменен для суконщиков, а в 1321 г. — для всех остальных.

Терминами «*monopoles*» и «*taquehans*» могли обозначаться также стогоры и стачки наемных рабочих, но, как утверждает автор, никто не думал возлагать ответственность за них на «невинные ремесла». Итак, с одной стороны, автор говорит об общественном доверии к «невинным ремеслам». Но, с другой стороны, он отмечает, что даже не очень значительные столкновения «ремесла» с властью приобретали острый характер из-за отсутствия

между ними опосредствующей инстанции (типа цеха). Автор пытается разрешить это противоречие утверждением, что волнения «ремесел» и вызывались их социальной неустроенностью, своего рода беззащитностью, а не революционностью. Подчеркивая узко местные, ограниченные цели борьбы «ремесел», докладчик предостерегает от рассмотрения ее в «перспективе» будущего, т.е. как проявление революционного начала.

Касаясь восстаний второй половины XIV — первой четверти XV в., Шевалье отрицает возможность видеть в них форму «классовой борьбы». Он считает, что хотя простой народ и был замешан в этих движениях, им всегда руководила буржуазия, городская элита, преследовавшая свои политические, «партийные» цели. Движения данного периода относятся в большинстве своем к «классическому» типу, если следовать терминологии Ле-Руа-Ладюри, т.е. они вызывались различными притеснениями со стороны королевской власти и агентов фиска, непомерными налогами и пошлинами. В это время представление об идеальном правительстве больше связывается не с королем и его советниками, а с некоторыми принцами крови, вассалами и противниками французского короля — такими, как король Наваррский, герцог Бургундский, графы де Фуа.

Возможность выделить в рамках рассматриваемого периода несколько волн городских восстаний сама по себе свидетельствует, как замечает автор, об их большей организованности по сравнению с «разрозненными насилиями» предшествующего времени. Уже механизм восстания предполагал, по мнению автора, руководящую роль в нем городских верхов. Докладчик различает тут два случая: во-первых, когда в набат ударяют по приказу группы нотаблей, во-вторых, когда стихийно возникает уличное волнение простого народа, вызванное каким-либо более или менее случайным инцидентом, и участники замаятни бросаются к колокольне, чтобы ударить в набат. В обоих случаях после призывного звона колокола в дело вступает городская милиция, составленная из домовладельцев и подчиняющаяся патрициату в лице квартальных, пятидесятских и десятских. Эта вооруженная сила, руководимая городскими верхами, и определяет разворот событий. Автор указывает, что с течением времени патрициат и представители муниципальной власти все более теряют склонность к участию в городских движениях, однако, чем это было обусловлено, он не говорит.

Докладчик считает необоснованной тенденцию усматривать за политическими конфликтами, борьбой «партий» и волнениями, направленными против органов фиска, стремление «обездоленных, а точнее — цехов» свести счеты с богатыми и могущественными. Шевалье полагает, что было бы искажением исторической перспективы преуменьшать в этих движениях аспект политической смуты и сводить дело к борьбе бедного ремесленного люда против богачей («gros»), будь то купцы или другие «хозяева

жизни», и объединять последних с королем и его налоговыми сборщиками в нечто вроде «классового фронта» (*une sorte de front de classe*).

Докладчик отмечает, впрочем, что к такому пониманию событий предрасполагают источники, авторами которых были хронисты и другие «люди пера», интеллектуалы своего времени (например, советник Карла V и воспитатель Карла VI Филипп де Мезьер). Из сочувствия к бедному народу они видели в его участии в городских движениях борьбу против богатых. Однако подобная интерпретация восстаний была свойственна, по мнению Шевалье, именно интеллектуалам, а не самому народу, который по окончании восстания и восстановлении порядка был склонен скорее упрекать богатых горожан в том, что они, использовав его в своих целях, не выступили в качестве посредников между ним и королевской властью. Точку зрения автора доклада можно сформулировать так: неверно приписывать народу «революционные иллюзии», это миф, отражающий «революционные галлюцинации» (*fantasmes révolutionnaires*) интеллектуалов.

Своекорыстные интересы городской элиты и ее руководство рядом восстаний позволяют автору перечеркнуть роль низов как субъекта и во многих случаях — инициатора городских движений.

Расцвет братств и цехов во второй половине XIV — начале XV в. докладчик не связывает с волнениями этого времени. Возникновение цехов как публичноправовых институтов не было обусловлено, по его словам, ни демографической или экономической конъюнктурой, ни политическими кризисами; их появление нельзя считать и рикошетным последствием (*choc-en-retour* или *feed-back*) городских восстаний 1379–1382 гг., ибо цехи упоминаются в «Ордонасах королей Франции» до 1382 г. (в 42 актах между 1351 и 1380 гг.) и даже до 1350 г. (в 15 актах) (ср. выше).

Участие цехов в «политических конфликтах» второй половины XIV — начала XV в. оказывается в изображении автора минимальным: первый и почти единственный случай — в 1413 г., когда цех парижских мясников организовал демонстрацию для мобилизации городской милиции. Однако, с кем боролась королевская власть в 1383 г., отменяя самоуправление ремесел и распуская городскую милицию в Париже, ликвидируя «хорутви» (*bannières*) в Амьене? Автор подчеркивает исключительность этих мер. В Париже они были вызваны огромными размерами города и опасностью сохранения военной власти в руках руководителей ремесленных объединений, все еще строившихся по принципу средневековых «дозоров». Амьенские «хорутви» докладчик прямо называет пережитками прежней организации ремесел. Уничтожение ее не способствовало ли развитию цехов? (В Амьене взамен упраздненных в 1383 г. «хорутвей» возникли в 1405 г. новые объединения — братства). Вместе с тем замена в столице Франции руководителей ремесел — мастеров — «наблюдателями»,

назначаемыми, как и в 1268 г., прево г. Парижа, не отбрасывало ли назад процесс становления цеховой автономии? (Нужно учитывать, впрочем, кратковременность этой меры.).

Вероятно, во время «политических конфликтов» второй половины XIV — начала XV в. удары наносились и по цехам, и по доцеховым объединениям ремесленников, и по муниципалитетам. Не исключено, что при этом королевская власть, искавшая союзников, постепенно встала на путь компромисса именно с цехами (*corps des métiers*) в ущерб «городскому сословию» (*corps de ville*), которое ассоциировалось прежде всего с крупной буржуазией, представленной «отцами города» в муниципалитете. Несмотря на то, что после потрясений 1355–1422 гг. городская элита «все лучше и лучше» выполняла роль «посредника» между народом и правительством, а может быть, именно поэтому, т. е. в силу уменьшения опасности с ее стороны, союз с ней был не так важен, как союз с цехами. Правда, по изложению Шевалье, напрашивается скорее противоположный вывод: поскольку цехи редко, а муниципалитеты часто участвовали в «политических конфликтах» 1355–1422 гг., было надежнее опереться на цехи, а не на представителей городского самоуправления. Сам автор ни того, ни другого вывода не делает, ибо при любом из этих объяснений ему пришлось бы признать связь между движениями 1355–1422 гг. и распространением цехов.

Не говоря о причинах, автор говорит о проявлениях роста цехов. Важнейшим из них было постепенное освобождение ремесленных объединений от опеки муниципальных органов: начиная с 1350 г. консулат постепенно теряет власть над ремеслами, руководящая верхушка которых рекрутируется из собратьев по профессии путем кооптации или выборов. В докладе опять-таки не объясняется, почему происходит этот процесс. Все дело сводится к влиянию братств, развитию цехов из братств, которые плодятся особенно интенсивно после 1350 г., будучи избавлены к этому времени от подозрений, висевших на них в начале XIV в. И снова вопрос: что способствовало избавлению братств от подозрений? На этот вопрос докладчик тоже не дает ответа.

Периодизация истории ремесленных объединений у автора более или менее связана с общей периодизацией истории. Период «разрозненных насилиев», когда действовали «службы» и нарождавшиеся «братства» (1280–1340 гг.), докладчик считает временем разложения или распада (*désarticulation*) «феодальной» (*féodaliste*) или «средневековой» системы, период же господства цехов характеризуется как время, предшествующее промышленной революции. В докладе подвергается критике тенденция рассматривать в качестве единой эпохи время с 1000 по 1500 г. Этот «ложный континуитет», приписываемый средним векам, скрывает, по мнению автора, существенный перелом, обозначенный кризисом середины XIV в.

Менявшиеся формы ремесленных объединений автор оценивает в категориях «революционности». Если «службы» нереволutionонны по своей сути и консервативны (средневековы) по структуре, то профессиональные братства вносят глубокие структурные изменения в организацию ремесел и дают им оружие против одеревенелых устоев существующего строя. Это оружие тем более эффективно, что им потрясают во имя утверждения общепризнанных духовных ценностей (братство во Христе, спасение души). Братства являлись школой цехов, но они вносили мир только внутрь профессиональной общины, цехи же устанавливали как внутренний, так и «внешний» мир, играя роль посредника в области социальных, экономических и политических отношений — в трудовых конфликтах между эксплуататорами и эксплуатируемыми, в конфликтах между ремеслами, между ремеслом и королевской властью. Установление «социального мира» и было содержанием той «мирной революции» (*révolution tranquille*), которую составляло развитие цехового строя в 1350–1550 гг.

«Мирная революция», принеся столь важный плод, как «социальный мир», противопоставляется «бесплодным волнениям» (*agitations stériles*), потрясавшим Францию в 1280–1422 гг. Эта концепция преимущества юридической по существу «мирной революции» сравнительно с открытой борьбой не является, конечно, новинкой в буржуазной историографии. В данном контексте она сводит к нулю роль многолетней борьбы народных масс как одного из важных факторов формирования цехового строя, который оказывается выросшим на основе таинственного и не поддающегося объяснению саморазвития. Даже если согласиться с автором в том, что сам народ не придерживался «революционной» концепции борьбы и часто выступал стихийно и раздробленно, а также под руководством крупной буржуазии, все равно надо признать, что борьба эта потрясала устои господствующих отношений, и ее «количественное» накопление вело к качественным изменениям социального порядка.

В докладе интересно раскрывается механизм «социального мира» и показываются сильные и слабые стороны последнего. Стержнем «внешнего» мира были отношения цехов с королевской властью. Признание ею цехов в качестве юридических лиц имело для них то огромное преимущество, что они как институты публичного права официально выходили из подчинения местным властям — сеньориальным и муниципальным. Это независимое положение цехов делало из них противовес муниципальным органам и «городскому сословию», представленному в первую очередь крупной буржуазией. Цехи превращались в своеобразную «противовласть» (*contre-pouvoir*) в городе. Впрочем, о соотношении «сословного строя» и «цехового строя» в докладе говорится весьма бегло. Как в теоретическом плане пересекаются и размежевываются понятия «цехи» и «сословия», остается неясным.

Важное соглашение между цехами и королевской властью было достигнуто в сфере финансов. Правительство значительно уменьшило налогообложение городов, а цехи в порядке компенсации мирились с практикой «продажи» королем звания мастера. Этот компромисс автор считает одной из причин почти полного прекращения в XV в. восстаний в городах, направленных против органов фиска. С отсутствием подобного компромисса для деревни докладчик связывает возобновление там восстаний в XVI в. В условиях «социального мира» цехи доверили королевской власти посредничество в межцеховых конфликтах. Если раньше споры между ремеслами о границах занятий решались путем заговоров и «насилий», то теперь эти вопросы регулировались королевскими судьями.

Что касается посреднической роли цехов в трудовых конфликтах между «господствующими» и «подчиненными», или «эксплуататорами» и «эксплуатируемыми», то ее следовало бы оценить как форму проведения политики «классового мира» внутри цеха, хотя автор и не употребляет этот термин. Тенденция цехов к поддержанию «классового мира» получает в докладе, безусловно, положительную оценку, однако автор не говорит прямо, за счет какой из сторон — эксплуататорской или эксплуатируемой — достигался мир. Впрочем, в тексте отмечаются недостатки цеховой системы как орудия «социального мира». Ей оставались свойственны эксплуатация, тяжбы, технологический и моральный консерватизм, гнетущая несправедливость иерархического устройства. Существенный порок всей системы — растущая пауперизация городских масс, не включенных в цехи, неспособность цехов поглотить избыток рабочей силы, идущей из деревни (особенно после демографического взрыва 1480 г.).

Не изменив экономической структуры города, где производство продолжало основываться на семейной мастерской (*atelier familial*), цеховой строй не мог гарантировать «социальный мир» от возможных потрясений. Он обеспечивал наилучшую судьбу сыновьям и зятям мастеров. Принцип кооптации позволял формировать состав мастеров из бывших учеников, в то время как подмастерья редко могли пробиться в мастера. Но даже эксплуатируемые в рамках цеха, они находились в более благоприятном положении, чем те, кто готов был составить им конкуренцию: безработные и надомники, работавшие непосредственно на клиента. Вероятно, именно поэтому подобие «классового мира» и было возможно — прогрессирующая безработица заставляла эксплуатируемых в той или иной степени мириться с узаконенной несправедливостью. Автор не касается специально внецеховых форм организации ремесла — таких, например, как рассеянная мануфактура, связанная с купеческим капиталом.

Основной вывод автора сводится к тому, что хотя при цеховой системе социальное равновесие и нарушалось, оно все же не было серьезно

подорвано (по крайней мере, до середины XVI в.); благодаря регулирующему влиянию цехов значительно сократилась почва для появления тех «разрозненных насилий», с которыми не могли справиться ремесленные «службы» (*ministeria*)²⁹.

Доклад Шевалье вызвал оживленную дискуссию³⁰. Так, Ф. Контамин (Франция) подчеркнул, что у разных летописцев, размышлявших о судьбах Франции, были глубоко различные суждения, и нельзя всех их обвинять в «революционных галлюцинациях». Например, Ж. Фруассар (ок. 1337 — после 1404 г.) призывал читателей к социальному миру. Фактически к тому же призывал и Филипп де Мезьер, предлагая Карлу VI изменение системы управления ради избежания краха. Контамин указал на необоснованность отрицания определенной идеологии у восставших, которые имели четкие программы, предложения нового политического устройства, государства нового типа. В то же время он согласился с докладчиком в том, что не следует преувеличивать революционные цели участников движения. Выступавший усомнился в типичности картины разгрома домов налоговых сборщиков и богатых буржуа, часто изображаемой в хрониках. Шевалье ответил, что едва ли эти действия — плод фантазии интеллектуалов. В них нужно видеть скорее проявление мести народа нотаблям за неисполнение ими своей посреднической функции³¹.

М. Молла (Франция) заметил, что хронисты сначала симпатизировали «меньшим», но с середины XIV в. заняли компромиссную позицию³². Валлерстейн (США) представил идеи докладчика «в грубом изложении» так: в XIV–XV вв. — кризис феодализма, отсюда борьба городских работников за лучшие условия; политическая власть была вынуждена больше считаться с ними; вместе с тем власть купцов росла, а власть «меньших» уменьшалась. Таким образом, Валлерстейн до известной степени обусловил возникновение цехов борьбой масс, к чему был так не склонен Шевалье в своем докладе. Поэтому он, естественно, не согласился с предложенной

²⁹ *Chevalier B. Corporations, conflits politiques et paix sociale en France (à l'exclusion de la Flandre) aux XIV-e et XV-e siècles // FEL. P. 417–447.*

³⁰ Замечания, высказанные в ходе дискуссий, и прения Круглого стола я излагаю по записям, сделанным мною на слух во время заседаний конференции в мае 1981 г. Но в томе докладов конференции, изданном в 1991 г. (FEL), опубликованы стенограммы этих дискуссий. Поэтому в настоящей работе изложение тех или иных мнений, записанных мною в 1981 г., я сопровождаю ссылками на соответствующие места стенограмм. Поскольку между моими записями 1981 г. и стенограммами, опубликованными в 1991 г., возможны текстуальные расхождения, я предваряю ссылку словом «ср.» (= «сравните!»).

³¹ Ср.: FEL. P. 504–505, 508–509.

³² Ср.: Ibid. P. 510.

интерпретацией его идей. Далее Валлерстейн поставил вопросы: 1) Можно ли точно сказать, что непосредственные производители имели к концу XVI в. меньший реальный доход, чем в XV в. и раньше? 2) Была ли поляризация доходов внутри цеха? Смысл вопросов заключался в проверке идеи об отрицательном влиянии социальной борьбы на уровень доходов. Однако Шевалье отметил, что он не располагает данными для ответа на вопрос о том, как социальные движения влияли на уровень доходов³³.

Эмильяно Фернандес де Пинедо (Витория, Испания) в докладе «Экономическая структура и социальные конфликты: цехи и купцы в Испанской монархии (XIII–XVIII вв.)» дал обзор основных черт развития испанской «легкой» (в основном текстильной) промышленности в X–XVIII вв. В Леоне в X в. потребности светских (военных) и духовных феодалов в ремесленных товарах удовлетворялись евреями и мосарабами (арабизированными испанцами-христианами), которые продавали сукна, привезенные из Византии, Ирана, Франции и Андалузии. Ткачи, работавшие под покровительством короля («королевские ткачи»), происходили с юга Пиренейского полуострова. В Кастилии XI в. среди ремесленников не было ткачей, т. е. отсутствовала обработка сырья, что свидетельствует о колониальном типе развития. В XI в. мусульманские шелка, византийские ткани, пряности достигали севера Испании и продавались там за золото.

Во второй половине XI — начале XII в. вокруг так называемой «дороги св. Якова», пересекавшей Пиренейский полуостров с востока на запад (от Наварры и Арагона до Галисии), возникли многочисленные города, в которых новые поселенцы, часто иностранцы, получали привилегированный статус (например, в Памплоне они имели монопольное право продажи хлеба и вина паломникам). Создание этих городов было связано с развитием обмена между христианской частью Испании и областями, расположенными на севере.

В конце XI — первой половине XII в. торговая дорога поворачивает еще более на северо-запад, в сторону Бискайского залива, на побережье которого основываются новые порты (Сен-Себастьян, Сантандер и др.). Через них производился вывоз шерсти и ввоз фламандских сукон. Завоевание значительной части юга начиная с 1212 г. дало кастильскому дворянству выход к портам Андалусии. Это не изменило характера торговли. Вывозилась опять-таки шерсть, за которую получали золото и различные товары.

В X–XI вв. значительное распространение имела выделка кож (лоска, белка, кролик). Удельный вес европейских тканей на рынке был невелик. В Леоне ткачество и скорняжное дело зародились, по-видимому, в деревне.

³³ Ср.: Ibid. P. 505–506, 509–510.

От XII–XIII вв. дошло уже много сведений о местах изготовления тканей и происхождении импортных сукон (в основном они были фламандскими и английскими). Судя по невысокому качеству местных изделий, разделение труда лишь намечалось. Нередко валяльщик (сукновал) и ткач объединялись в одном лице. Употреблявшиеся красители были, по-видимому, дешевыми. Привозные сукна превосходили местные по качеству и преобладали количественно.

По мере того, как в кастильских городах утверждалось господство светских и духовных феодалов, городские советы стали все в большей мере выражать интересы потребителей, а не производителей. В Арагоне ремесленники были лучше представлены в муниципалитетах и кортесах, что способствовало защите внутреннего рынка и стимулировало ремесленное производство в Каталано-Арагонском регионе.

В XIII в. появляются «братства» религиозного и религиозно-ремесленного характера, получающие от королей привилегии (жалованные грамоты). В грамотах определялось внутреннее устройство братств, но не затрагивались вопросы технологии производства. С конца XIII в. муниципалитеты избирают специальных инспекторов для суда по вопросам, касающимся ремесел.

Сравнение докладов Шевалье и де Пинедо показывает наличие некоторых общих черт в развитии братств во Франции и Испании. И тут, и там они возникли в XIII в. и имели первоначально благотворительные цели. И тут, и там они вызывали известные подозрения у правительства. Так, в Кастилии Альфонс X (1254–1284 гг.)³⁴ полностью запретил создание братств без санкции королевской власти.

В XIII в. имели место первые попытки ремесленников и купцов монополизировать предложение посредством сокращения числа работников и с помощью внутренних соглашений. Автор предполагает, что эти мероприятия могли быть связаны с присоединением к Кастилии всей западной Андалусии, что вызвало повышение цен и зарплаты, а также лавину иностранных товаров, предназначенных для удовлетворения потребностей завоевателей, внезапно ставших богатыми.

Образование цехов в том виде, в каком они известны в Новое время, началось в XIII в. Благодаря демографическому спаду и потере рынков сбыта процесс этот был ускорен. Сразу после первой эпидемии бубонной чумы ремесленники провели запрещение заниматься ремеслом тем, кто не принадлежал к братству, отменили ночной труд, ученичество для близких родственников и детей. Было заключено соглашение о единых продажных ценах для всех.

³⁴ Годы правления Альфонса X указываем в соответствии с текстом доклада; в СИЭ (М., 1961. Т. 1. Стб. 437) — 1252–1282.

Интересно, что формирование цехов из братств во Франции также приходится на время после эпидемии чумы 1348–1350 гг. Шевалье упоминает о ней и других бедствиях середины XIV в. (мор, военные грабежи), но не связывает рост цехов с демографическим спадом. Он отмечает лишь предшествующий демографический подъем «в течение, по крайней мере, двух столетий», завершение процесса заселения всей территории страны, перенаселенность деревень и отток населения в города.

Де Пинедо обращает внимание на то, что в Испании в условиях резкого уменьшения числа потребителей ремесленники пытались ограничить предложение своих изделий, чтобы избежать снижения цен на них. Этого они добились ограничением числа работников и объема их трудовой деятельности. Сокращалось количество учеников, которое было дозволено иметь каждому мастеру. Обязательная для занятий ремеслом запись в цех дополнялась вступительным взносом, без которого не допускался прием в братство. Сумма эта варьировалась в зависимости от категории поступающих (сын хозяина, уроженец данного города, королевства, иностранец). Примерно в середине XV в. вводится профессиональный экзамен. Наряду с этими ограничительными мерами возрастает размер штрафов за нарушение установленных правил.

Регламентация технологии производства проводилась в уставных грамотах городов, имевших более или менее значительный ремесленный сектор. Если первоначально инициатива такой регламентации исходила от потребителей, пытавшихся оградить себя от обмана со стороны производителей, то с XV в. техническая регламентация переходит под контроль ремесел и становится орудием борьбы ремесленников определенного города или области с конкурентами из других городов или областей (разрешалось продавать в данном месте лишь изделия, выработанные в точном соответствии с принятой здесь технологией).

Во всех крупных городах Пиренейского полуострова между ремесленниками и купцами шла борьба за внутренний рынок. Если ремесленники добивались политики протекционизма (в чем их частично поддерживали купцы-экспортеры), то купцы (особенно импортеры) стояли за свободу торговли. Этот последний принцип восторжествовал в Валенсии. В Кастилии большую остроту приобрел вопрос о вывозе сырья и ввозе готовых тканей. Кортесы 1462 г. предоставили производителям право покупать у купцов 1/3 той шерсти, которая закупалась ими в Кастилии для экспорта. Попытки поднять это соотношение до половины и 2/3 в XVI в. не увенчались успехом.

Уже в XV в. в испанском ремесле, наряду с цехами, распространяется «комиссионная система» или «система раздачи» (Verlagssystem) с участием купца (Verlager). В литературе эта система часто рассматривается как тип рассеянной мануфактуры. В рамках «недели» о ней шла речь применительно к

Польше XVIII в. в докладе М. Кульчиковского. Первые случаи борьбы между ремесленниками и купцами за контроль над производством в Испании де Пинедо относит ко второй половине XV в. (Куэнка, Кордова, страна басков).

Промышленный подъем в Кастилии в первой — третьей четвертях XVI в. носил ограниченный характер. Согласно переписи 1561 г., из пяти наиболее крупных городов Старой Кастилии только в Сеговии была развита переработка сырья (изготовление тканей), в то время как в остальных центрах (Бургос, Медина-дель-Кампо, Саламанка, Вальядолид) преобладало не собственно ткачество, а вторичные ремесла (портняжное и чулочное дело). Слабость обрабатывающей промышленности, заинтересованность купечества, дворянства и духовенства, связанных с Местой³⁵, в экспорте сырья и ввозе предметов потребления, фискальные интересы монархии — все это объясняет отсутствие меркантилистской политики правительства и поддержки ремесла в трудные для него моменты.

В XVII в. упадок промышленности в Кастилии, Арагоне и Каталонии стал очевиден. Протекционистские меры провалились. Правда, в Арагоне кортесы 1627 г. запретили ввоз иностранных тканей, что привлекло сюда ремесленников из Каталонии и Севильи, однако изменение политики в 1646 г. благоприятствовало наплыву французских товаров и вывозу шерсти и шелка, закупавшихся французами с предоставлением авансов.

Упадок ремесла не означал упадка торговли. Кризис торгового баланса, т. е. соотношения между экспортом и импортом, не был кризисом торговли как таковой.

В XVI–XVII вв. купцы принимали участие в организации промышленности. В Сеговии они основали несколько мануфактур. Деятельность их коснулась и Толедо. Покупая шелк-сырец, купцы размещали его среди толедских ремесленников, которые работали как на собственных ткацких станах, так и на принадлежавших купцам. При Филиппе III (1598–1621 гг.) в Толедо насчитывалось до 200 подобных купцов-предпринимателей. Однако в связи с трудностями второй половины XVII в. купцы стали уклоняться от участия в производстве собственными ткацкими станами, перекладывая всю ответственность за производство на ремесленников, которых они лишь контролировали посредством *Verlagssystem*. Автор подчеркивает, что «торговый капитализм» (*le capitalisme marchand*) стремится, говоря словами Броделя, «господствовать над ремесленным производством, но не изменять его»³⁶.

³⁵ Места — организация крупных овцеводов, преимущественно феодалов, в Испании, существовавшая в 1273–1836 гг.

³⁶ Braudel F. *Civilisation matérielle: Économie et capitalisme: XV-e — XVIII-e siècles*. P., 1979. Т. II. P. 280.

В докладе приводятся отдельные сведения о борьбе между предпринимателями и непосредственными производителями вокруг проблемы заработной платы. В Каталонии незадолго до 1626 г. les pelaires (шерстобиты), выступавшие в качестве предпринимателей, пытались (возможно, в целях преодоления иностранной конкуренции) снизить зарплату ткачам, что вызвало «стачку» ткачей, в ответ на которую les pelaires решили прибегнуть к дешевой рабочей силе бедняков, не попадавшей под действие ордонансов. Такого рода конфликты наблюдались и в последней четверти XVII в.

Автор доклада отмечает характерную для XVII в. рурализацию испанской промышленности — перемещение ее в сельскую местность. Это явление наблюдается в текстильном производстве Каталонии в 1600–1640 гг. и связано с поисками более покорной и дешевой рабочей силы, чем в городе. В авансировании сельских ткачей (крестьян) принимали участие и иностранцы. В конце XVII в. рурализация ремесел стала общим явлением в Каталонии, охватив большинство отраслей производства.

В городе усилилась тенденция монополизации права занятия ремеслом. Это достигалось, в частности, с помощью резкого повышения пошлины, которой облагалось получение звания мастера. Анализируя цифры, касающиеся одного из цехов, автор приходит к выводу, что только для сыновей мастеров увеличение размера этой пошлины может быть объяснено ростом цен. Для остальных причины были другие. Мотивировалось повышение пошлины по-разному. Так, в 1664 г. ссылались на долги, которыми был обременен цех.

Итоги развития испанских ремесел к концу XVII в. рисуются автором как малоутешительные: крах производства в Кастилии и Арагоне, рурализация промышленности почти повсюду, усиление купеческих ассоциаций, часто иностранных, контролирующих вывоз сырья и ввоз промышленных товаров, а в голодные годы — и продовольствия. Пиренейский полуостров, отодвинутый на полупериферию мировой экономической системы, втягивается в новую структуру международного разделения труда: он выступает как поставщик шерсти, шелка, сухофруктов, вина и водки в центральный регион, откуда получает взамен сукно и выделанное железо. Этот тип разделения труда обогащал крупных земельных собственников, а также купцов (импортеров и экспортеров), связанных с иностранной промышленной буржуазией.

В XVIII в. испанская промышленность испытывала некоторый подъем, но как в городе, так и в деревне она была под контролем купцов. В рамках Verlagssystem осуществлялось производство железа в стране басков, шерстяных тканей — в Кастилии, шелковых — в Валенсии, где купцы даже проникли в сферу производства: в 1762 г. в их распоряжении находилось 2820 ткацких станков, что составляло 73% от общего количества

станов (3862). В первой половине XVIII в. купцы еще не создавали централизованных мануфактур, которые возникали по инициативе королевской власти (а не спонтанно, как в XVI в.). Прядение при посредстве *Verlagssystem* организовывалось в соседних с мануфактурой деревнях, ткачество и отделка сукна и шелка — на самой мануфактуре, использовавшей труд наемных рабочих. Только во второй половине XVIII в. появились многочисленные частные мануфактуры.

Каталония в своем развитии опережала другие области. К концу XVIII в. в ней уже созрела промышленная революция. В 1718, 1728 и 1770 гг. был запрещен ввоз ситца, чем стимулировалось производство хлопчатобумажного волокна. В 1772 г. большая часть ткацких станов принадлежала купцам. Около 1780 г. начала распространяться прялка «Дженни» Харгривса, а в 1791–1800 гг. — чесальная машина Аркрайта, в 1805 г. — *Mullejenny*. Возникло фабричное производство.

Таможенный тариф 1782 г. ознаменовал общий поворот к протекционизму в испанской торговой политике.

Во вступительной и заключительной частях доклада автор отмечает, что социальная и экономическая структура в Испании, обусловленная в течение ряда веков Реконкистой, характеризовалась преобладанием аграрного сектора (земледелие, животноводство). «Экономика войны» (*économie de guerre*), или точнее экономика, рассчитанная на постоянное ведение войны, не стимулировала развитие обрабатывающей промышленности и, напротив, способствовала росту внешней торговли и вторичных ремесел, связанных непосредственно со сферой обслуживания (портные, кузнецы и т. д.). Слабость обрабатывающей промышленности определила невозможность проведения меркантилистской политики, натывшейся на сопротивление дворянства.

Соперничество между цеховым строем и *Verlagssystem* не должно заслонять, по мнению автора, главный социальный конфликт — между ремесленниками, занятыми в обрабатывающей промышленности (*bourgeoisie «transformadora»*), и торговой буржуазией (*bourgeoisie «compradora»*), находившейся в союзе с дворянством и духовенством. Иногда эти противоречия вызывали «гражданскую войну», но после поражения восстания «комунерос» — самоуправляющихся городов Кастилии (1520–1522 гг.) — борьба приняла подспудный характер. Вследствие слабости обрабатывающих ремесел движения типа восстания чомпи не могли получить здесь распространения. Ремесленники восставали и против фискального гнета правительства. Особенно тягостным для них было все возрастающее бремя косвенных налогов. При этом начавшийся упадок монархии сопровождался процветанием не ремесленников, а опять-таки торговой буржуазии.

Сопrotивление мастеров контролю со стороны купцов, использовавших Verlagssystem, не выливалось в крупные народные движения по причине все той же слабости обрабатывающих ремесел.

Основной вывод автора состоит в том, что в Испании развитие «второго сектора» (ремесла) опережалось развитием «третьего сектора» (торговля и др.)³⁷. Появление городов (во всяком случае, в Кастилии) было в большей мере обусловлено распространением путей сообщения и ростом «третьего сектора» (торговли), чем подъемом ремесла³⁸.

В связи с докладом де Пинедо в дискуссии был затронут вопрос о Verlagssystem. Он обсуждался в терминологическом плане и по существу. Г. Келленбенц (ФРГ), указав на существование польского термина *nakład*, соответствующего немецкому *Verlag*, подчеркнул вместе с тем отсутствие аналогичного понятия во французском языке. Он предложил термин «протоиндустриализация» или «протоиндустрия» (*protoindustrie*). За этой стадией «предпромышленности» следует фабрика (*fabrique*), а потом уже завод (*usine*). Сославшись на доклад М. Кульчиковского, где было показано разделение прядения (*filage*) и ткачества (*tissage*) между двумя разными категориями производителей при рассеянной мануфактуре, Келленбенц указал на возможность подобного разделения труда в международном масштабе. Однако запрещение ввоза какого-либо продукта может привести к развитию собственной промышленности в том центре, куда запрещен ввоз. Так, запрещение миланским герцогом в конце XV в. продажи шелка в Ульм из района Комо привело к созданию в Ульме собственной шелковой промышленности³⁹.

М. Кульчиковский (ПНР) остановился на особенностях крестьянского ремесленного производства в Польше XVIII в., повторив основные положения своего доклада (о нем см. выше) и подчеркнув отсутствие цеховой организации в среде деревенских ткачей. Цехи не возникли в деревне даже после восстановления городских цехов, производство носило семейный характер, религиозное сознание тормозило развитие экономики еще в XIX в.⁴⁰

Валлерстейн (США) поставил вопрос о Verlagssystem как более низкой форме организации труда по сравнению с капиталистической системой⁴¹.

³⁷ В современной западной историографии различаются три «сектора» экономики: первый или «первичный» (*primaire*) — сельское хозяйство; второй или «вторичный» (*secondaire*) — ремесло, промышленность; третий или «третичный» (*tertiaire*) — торговля и другие формы обмена и распределения, в том числе сфера обслуживания, культура.

³⁸ De Pinedo E. F. Structure économique et conflits sociaux: corporations et marchands dans la monarchie espagnole (XIII-e au XVIII-e siècles) // FEL. P. 449–466.

³⁹ Ср.: FEL. P. 500–501.

⁴⁰ Ср.: Ibid. P. 502–503.

⁴¹ Ср.: Ibid. P. 505–506.

Вальтер Эндреи (Будапешт) в докладе «Текстильные цехи в борьбе против технологических нововведений» показал отношение к техническим новшествам со стороны цехов и муниципалитетов в Западной Европе и специфику внедрения тех же изобретений в странах «к востоку от Эльбы» (Пруссия, Австрия, Венгрия, Чехословакия, Польша)⁴². До жесткой регламентации ремесел в XIV-XVI вв. ремесленники относились сравнительно терпимо к техническим новинкам. Многие фундаментальные усовершенствования технологии текстильного производства датируются временем до XV или даже до середины XIV в. (трепальная мельница для конопли, прялка с лопастью, прядильная машина, веретено, рама, широкие ткацкие станы для двух ткачей, сукновальня и др.).

Старые изобретения, внедренные кое-где еще до XIV-XV вв., в других местах нередко отвергались, и борьба за их введение носила напряженный характер. Иногда технические новинки объявлялись выдумкой дьявола.

Основные причины сопротивления цехов или муниципалитетов распространению новой техники в XIV-XVIII вв. состояли в том, что рационализация производства сокращала число работников, и так ограниченное цеховыми уставами, нарушала утвержденную технологию (а с ее соблюдением был связан и сбыт продукции), требовала выработки новых технических навыков и приемов, подчас ухудшала качество изделий.

Борьба по вопросу о технических нововведениях могла вестись между цехом и муниципалитетом, между цехами, внутри цеха между более и менее состоятельными членами корпорации, между разными ответвлениями ремесла. В ганзейских городах, таких как Нюрнберг или Франкфурт, обычно побеждал патрициат, господствовавший в муниципалитете. Иначе обстояло дело там, где в муниципальном совете цехи имели широкое представительство (Цюрих, Страсбург) или монополию (Аугсбург, Кёльн, города Фландрии). Позиции сторон варьировались в зависимости от экономической конъюнктуры и местных условий.

Для стран «к востоку от Эльбы» (в которых утвердилось крепостное право) было характерно, во-первых, более позднее (главным образом в XVIII в.) усвоение изобретений, распространенных на Западе, во-вторых, беспрепятственное внедрение их на сеньориальных или государственных мануфактурах (не находившихся под контролем цехов), в-третьих, использование в отдельных случаях цехами новой техники, установленной на сеньориальных мануфактурах (это имело место, когда цех оказывался «наследником» разорившегося мануфактуриста)⁴³.

⁴² Понятие «к востоку от Эльбы» не вполне подходит к Австрии и Чехословакии, часть территории которых находится западнее Эльбы.

⁴³ Endrei W. Les corporations textiles dans leurs lutte contre les innovations technologiques // FEL. P. 467-480.

Во время дискуссии было указано, что примеры, приведенные Эндреи для континента, находят прямые аналогии в Англии (правда, в тексте доклада Англия тоже фигурирует).

Спирос Асдрахас (Париж) в докладе «Цехи в Греции в период оттоманского господства: экономические функции» охарактеризовал положение греческих цехов в XVI — середине XIX в. (главным образом — в последней трети XVIII — первой четверти XIX в.). Вопрос о возможной преемственности цехов оттоманской эпохи от организации ремесла в Византии не поддается решению, так как наиболее ранние сведения, касающиеся греческих цехов, относятся к XVI в. Практически автор не касается времени до XVIII в., если не считать двух примеров из истории XVII в., которые выглядят довольно изолированно.

В начале доклада рассматриваются взаимоотношения между мастерами и рабочими. Зарплата гарантировалась только тем рабочим, кто нанимался с согласия мастеров и не покидал работу ранее условленного срока; мастер, увольнявший рабочего «без причины», принуждался к выплате ему годовой зарплаты. Рабочий не имел права участвовать в производстве своими деньгами, он мог лишь ссужать их под проценты. На деньги рабочего не разрешалось ни ему самому, ни мастеру покупать орудия и средства производства. Денежные доходы рабочего не должны были функционировать в качестве торгового капитала. Следовательно, рабочий был лишен возможности выступать в роли «простого товаропроизводителя» (*producteur des marchandises simple*). Эта роль целиком принадлежала мастеру. Стремлением не допустить рабочих в число хозяев производства определялось и запрещение производственных товариществ между мастером и рабочим, а также между мастером и посторонним лицом (кроме сына другого мастера, но и в этом случае только с согласия цеха).

Затем автор переходит к изучению «динамики по вертикали» (*la mobilité verticale*) внутри цеха, подразумевая под этим изменение личного состава цеха, пополнение которого шло за счет посторонних и сыновей мастеров. Хотя для первых вступительный взнос был вдвое больше, чем для вторых, удельный вес посторонних при приеме увеличился, например, в цехе ткачей с 40,91% в 1770–1779 гг. до 83,85% в 1810–1818 гг. Правда, причину этого явления автор не выясняет.

«Динамика по горизонтали» (*la mobilité sociale horizontale*) выступает в докладе как накопление изменений во взаимоотношениях между мастерами одного цеха на почве приобретения и распределения сырья, которое покупалось либо на рынке, либо в местах его добычи и первичной обработки. Обычно членам цеха предписывалось покупать одинаковое количество сырья, но это правило, поддерживаемое больше цеховой этикой, чем штрафами, могло и нарушаться. Покупка сырья на месте, в деревнях или

на постоянных дворах, означала отступление от старинной традиции, согласно которой продавец должен был сам искать покупателя. Регламенты нередко запрещают членам цеха покупать материю в деревнях или на постоянных дворах и требуют, чтобы они ждали продавца в своих мастерских. Купивший не имел права отказать в части сырья собрату по цеху, если тот обращался к нему с подобной просьбой. Несмотря на наличие ремесленников, работавших вне системы цехов, контроль цеха над рынками сырья носил всеобъемлющий характер. Известны случаи, когда цех был обязан покупать сырье для всех своих братьев и потом распределять его поровну между ними (кожевенники г. Козане).

И все-таки контроль за приобретением сырья не всегда приводил к равному его распределению. Иногда разрешались и индивидуальные покупки. Это способствовало развитию конкуренции и углублению разницы в объеме продукции. Механизм цехового строя сглаживал конфликты, но оставлял место для социальной дифференциации, для «динамики по горизонтали».

Цехи боролись с внецеховым ремеслом, пытаясь его поглотить или выжить. Несоблюдение признанной цеховой технологии и более низкое качество продукции — вот главные нарушения, которые цехи вменяли в вину ремесленникам, работавшим вне цехов (такowymi были, например, в конце XVII в. евреи — производители подушек в Салониках).

Касаясь разделения рынков сырья и сбыта между цехами, докладчик подчеркивает роль религиозного фактора, приводившего к территориальному размежеванию сфер влияния ремесленников различных вероисповеданий внутри одного города (христиане и евреи в Салониках). В том же направлении действовала монополизация права покупки определенного вида сырья тем или иным цехом. Распределение рынков могло достигаться путем соглашений между заинтересованными сторонами без вмешательства турецких властей. Бывали соглашения цехов даже с отдельными лицами. Строго соблюдалось размежевание между местной и межрегиональной, «внешней» торговлей. Товары, поступающие в оборот последней, не подчинялись технологии производства товаров местного предназначения.

Цехи договаривались между собой относительно цен на продукты, являвшиеся сырьем для нескольких цехов. Они сотрудничали и с властями по вопросам установления твердых цен на местном рынке.

Издержки производства (*coût de production*) зависели от принятой технологии, которую цех должен был соблюдать. Вместе с тем она подчас нарушалась как вне, так и внутри цеха, что приводило к изменению качества труда и развитию конкуренции. Острота этой конкуренции притуплялась благодаря разграничению рынков сбыта.

В сфере борьбы за рынки сырья конкуренция проявлялась в предложении более высоких цен, чем те, которые назначал цех. Принудительные

цены, навязываемые непосредственному производителю для его товара, могли быть установлены только с помощью внеэкономического принуждения (*d'une contrainte extra-économique*), т. е. посредством разделения рынков или учреждения привилегий, исходящих от гражданской власти.

Другим способом давления на цены было использование сезонных колебаний в предложении товаров. Так, салоникиские булочники скупали зерно у крестьян после молотбы, и это позволяло цеху устанавливать цены на хлеб на весь год. Разница в размерах капиталов привела к образованию в цехе булочников двух разных социальных категорий: купцов и ремесленников. Скупив зерно, булочники-купцы продавали его в принудительном порядке булочникам-ремесленникам, которые не имели права покупать зерно у непосредственных производителей, продававших его по более низким ценам. Этот пример интересен показом роли купеческого капитала внутри цеха.

Господство купеческого капитала облегчалось цеховой политикой: подавление конкуренции увеличивало «ножницы» между издержками производства и ценой товара, производной от ожидаемой коммерческой прибыли. Конкуренция между купцами имела место, но она смягчалась регулирующим механизмом цехового строя, в системе которого купеческий капитал не выходил за пределы докапиталистического уровня развития.

В докладе отмечается тесная связь цехов с государственной властью, органами городского самоуправления (*commune*) и церковными учреждениями. Выполнение фискальных обязательств втягивало цехи в сложный клубок взаимоотношений между всеми этими институтами.

Преувеличение роли цехов в общественном мнении определялось не только их профессиональной этикой, но и содействием развитию культуры (финансирование школ). В этой области больше других сделали цехи, связанные с внешней торговлей. Они оказались весьма восприимчивыми к новому и научились удовлетворять требования, предъявляемые рынком, на который они работали.

В целом автор считает, что цехи внесли большой вклад в поддержание экономического равновесия и преодоление социальных конфликтов. В этом плане его позиция близка к взглядам Шевалье⁴⁴.

Во время дискуссии проф. Серра указал, что соперничество между цехами разной религиозной принадлежности (о чем упоминалось в докладе Асдрахаса) было и в других странах. В Италии, например, оно наблюдалось в Риме при папе Павле IV (1555–1559), когда евреев не допускали к участию в цехах. Серра поставил вопрос, не имела ли места подобная

⁴⁴ *Asdrachas S. Les corporations en Grèce pendant la domination ottomane: les fonctions économiques // FEL. P. 481–496.*

дискриминация евреев в османской Греции⁴⁵. Докладчик в этом усомнился, хотя и подтвердил распространенность конфликтов и конкуренции евреев с христианами (греками, венецианцами) в сфере ремесла и торговли. По его словам, речь может идти не столько о дискриминации, сколько о разделении привилегий и сфер влияния. В Греции, заметил он, почти все дома имели свою мелкую промышленность (ремесло). Образованию капиталов мешало то, что у большинства ремесленников все накопления уходили на уплату налогов⁴⁶.

Четвертый день

Наемный труд

«Докладчиком» четвертого дня (тема — наемный труд) был Чарльз Уилсон (Кембридж, Англия). В своем докладе «Наемный труд» (*Il salariato*)⁴⁷ он дал краткий обзор относящихся к теме «сообщений» и поставленных в них проблем, остановился на некоторых терминологических вопросах и попытался рассмотреть взаимоотношение между уровнем потребностей и предложением труда. В отличие от французского *salaire*, обозначающего зарплату рабочих, людей физического труда, и итальянского *salario*, употребляющегося больше в этом же смысле, английский термин *salary* (*salaries*) характеризует жалование служащих (зарплата рабочих — *wages*). Уилсон говорил о необходимости изучать развитие форм заработной платы: повременной (*a salary proper, salariato fisso*) и сдельной (*a fee or piece-rate*). Вне прямой связи с основной тематикой последующих сообщений Уилсон как бы невзначай и внешне «историографически» затронул проблему соответствия между потребностями, идеалом жизни и жаждой заработка. Он рассмотрел точку зрения на этот вопрос известного философа-идеалиста Джорджа Беркли (1685–1753)⁴⁸, который, долго живя в Ирландии (с 1734 г. епископ Клойнский) и наблюдая жизнь ирландцев, дал весьма суровую оценку их отношения к труду. Беркли считал,

⁴⁵ Ср.: FEL. P. 507.

⁴⁶ Ср.: Ibid. P. 510–511.

⁴⁷ В буквальном смысле *salariato* — наемный; получающий заработную плату; *il salariato* — наемный рабочий; служащий, получающий жалование (Итальянско-русский словарь / сост. Н. А. Скворцова, Б. Н. Майзель. М., 1963. С. 743).

⁴⁸ Подробная критика субъективно-идеалистической теории Дж. Беркли была дана В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» (написана в 1908, издана в 1909 г.; см.: Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 13–32 и др.). Уилсон упоминает о критике философских взглядов Беркли Сэмюэлем Джонсоном (1709–1784).

что ирландцы не хотят работать вследствие низкого уровня потребностей (отсутствие стремления к роскоши). Уилсон занялся фактически развитием этих представлений. Он утверждал, что ирландцы предпочитали не работать, а нищенствовать. По его мнению, «неодолимое сопротивление очарованию как богатства, так и экономической логики» проистекало не из материальных условий, равных тут крайней бедности, а из психологической реакции на эти материальные условия (on the reaction of *mentalities* to those material conditions). Отсюда действительно один шаг до концепции самого Беркли, объяснявшего мнимое нежелание ирландцев трудиться их происхождением якобы от скифов, у которых они унаследовали склонность к бродяжничеству, и испанцев, снабдивших их такими качествами, как гордость и лень⁴⁹.

Явно тенденциозные взгляды Уилсона были подвергнуты критике во время дискуссии. Так, П. Мэтиас (или Матаис) (Англия) заметил, что в докладе нет критериев соотношения уровней экономического развития и потребления. По результатам (бедность ирландцев) трудно судить о самом процессе. Социальная философия Беркли мало согласуется с идеями Уильяма Петти (1623–1687), тоже занимавшегося проблемой труда в Ирландии⁵⁰. Ирландцы, сказал Мэтиас, страдали не столько от нежелания работать, сколько от безработицы. Различия в религии и культуре часто служили основанием для негативных оценок «национальных черт» того или иного народа. Надо больше учитывать объективный экономический контекст, в котором происходило развитие нации⁵¹.

В ответном слове Уилсон заявил, что он не видит существенных противоречий между взглядами Дж. Беркли и У. Петти. Беркли не льстит ирландцам. Они были недостаточно образованы и не имели представления о роскоши. Социальная психология ирландцев не предрасполагала их к увеличению доходов, ибо только осознание необходимости роскоши толкает к этому⁵².

Концепция Уилсона до некоторой степени перекликается с идеей, проскользнувшей еще в докладе Ж.-П. Берта — о нежелании индейцев предлагать свой труд в порядке найма.

Ульф Дирльмайер (Манхейм, ФРГ) в докладе «Условия наемного труда в позднесредневековой Германии» попытался выяснить средние

⁴⁹ *Wilson Ch. Relazione introduttiva // FEL. P. 515–520.* В тексте 1981 г. название было другое: «Il salariato».

⁵⁰ *Petty W. Political Anatomy of Ireland (1672). L., 1691* (посмертное издание). Ссылка на его определение средней почасовой заработной платы (*Ibid. P. 64*) имеется в I томе «Капитала» К. Маркса — см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 323.*

⁵¹ *FEL. P. 642–643.*

⁵² *Ibid. P. 643–644.*

нормы труда, зарплаты и уровня жизни наемного работника в Германии конца XIII–XVI вв. Подавляющее большинство приводимых им сведений относится к концу XIV — первой половине XVI в. Говоря о методике исследования, автор подчеркивает ограниченность возможностей моделирования уровня реальной заработной платы на основании простого сравнения номинальной зарплаты с ценами на зерновые, поскольку имелось много приводящих факторов, влиявших на размер доходов наемного работника. Докладчик приводит мнения таких крупных специалистов, как В. Абель и Д. Заальфельд, которые, сами пользуясь методом сравнения размеров зарплаты с ценами на зерновые, тем не менее подчеркивали вспомогательный характер этого метода и его несовершенство. Автор ссылается также на Ф. Броделя, высказывавшего сомнения в существовании прямого соответствия между ценами на зерно и стоимостью жизни, равно как и между поденной зарплатой и доходом наемного работника.

В докладе мы имеем дело с богатым цифровым материалом и его процентными выражениями. Документы, послужившие источником этих сведений, хотя и упоминаются, однако специально не анализируются. Автор исходит как бы из презумпции полной достоверности источников, что вообще характерно для многих работ, использующих цифровой материал. Источниковедческий анализ тут полностью уступает место анализу самих цифр, взятых из источника «потребительски».

Докладчик считает, что в конце XIII — начале XVI в. в году было в среднем 265, а в неделе 5 рабочих дней, продолжительность рабочего дня летом составляла 16 часов. В исключительных случаях, как, например, в период сбора винограда или урожая зерновых, а также во время ярмарок, разрешалось работать в воскресные и праздничные дни. Примеры семидневной рабочей недели известны и из истории Англии XVI в. (срочные строительные работы при Генрихе VIII). После Реформации, в связи с отменой ряда церковных праздников, рабочий год увеличился (в одних случаях до 293, в других до 308 дней), что, однако, не приводило механически к увеличению годового дохода наемных работников.

По мнению автора, распространенность поденной заработной платы была не слишком велика. Она обычно применялась при сезонных работах и для рабочих, нанятых на короткий срок.

Количество занятых в одних и тех же видах сельскохозяйственных работ сильно колебалось в зависимости от места и времени. Соответственно колебался и размер зарплаты. Но существовали и устойчивые различия в оплате работников разных специальностей. Так, сборщики урожая (жнецы и др.) в первой половине XV в. обычно получали вдвое больше, чем молотильщики. Кроме использования сезонных рабочих, в сельской сфере практиковался и наем на очень короткий срок дополнительной

рабочей силы, которая сравнительно высоко оплачивалась (отходники). Вместе с тем имелись работники, нанятые на год. Поденщина в деревне, полагает автор, навряд ли составляла полный заработок рабочего. Она являлась скорее формой приработка и была связана с частичной безработицей в определенное время года (обычно зимой, когда количество нищих, пользовавшихся подачками благотворительных учреждений, увеличивалось в несколько раз). Весьма маловероятна при поденной оплате длительная занятость косцов, жнецов, молотильщиков. Определить покупательную способность рабочего, заработок которого был основан только на сельской поденщине, практически невозможно, ибо его доходы (Einkommen) больше зависели от положения на рынке труда, чем от номинального размера поденной заработной платы.

Не столь бесперспективны попытки вычислить доход ремесленников, хотя и в их среде наблюдалась частичная безработица, особенно в зимнее время, о чем свидетельствуют различные данные, и в том числе сведения относительно размеров благотворительности в первой половине XVI в. Безработица затрагивала как ткачей, так и строительных рабочих.

Автор считает, что строительное дело является единственной отраслью производства, для которой можно собрать сопоставимые хронологически и порайонно данные о нормах труда и заработной платы. В нем был велик удельный вес работы на город, лучше отражавшейся в источниках, чем работа в частном секторе. Из всех видов ремесленных занятий только в строительстве преобладал принцип поденной оплаты труда.

Спрос на работу каменщиков, кровельщиков и штукатуров в осенне-зимний период уменьшался, в связи с чем могли быть снижены и расценки их заработной платы. В схожем положении находились плотники, мостильщики. Поденно оплачиваемые строительные работы, ведшиеся за счет города, во многих городах XV в. запрещались на время с октября по февраль (конкретные даты варьировались). Так, в Нюрнберге каменотесы использовали «мертвый сезон» в строительстве для изготовления плитняка по подряду, т.е. на условиях сдельной оплаты (in Akkord). Круглый год велось чаще всего церковное строительство (соборы, башни и т.п.), но и здесь интенсивность работ зимой снижалась и заработная плата сокращалась. Бывало, что зимой рабочим выплачивалась в несколько приемов их летняя зарплата. Автор говорит о «частичном» отсутствии у строительных рабочих заработка в зимний период.

Кроме сезонного фактора, на занятость строителей влиял также объем работ, производимых в тот или иной год определенным городом. В этом плане скачкообразность в уровне применения наемного труда особенно заметна. Степень занятости ремесленников в городском строительстве сказывалась на объеме использования их в частном секторе, хотя этот

вопрос слабо поддается изучению из-за скудости сведений. Докладчик полагает, что, поскольку городские власти могли снижать даже официально установленные нормы зарплаты при строительстве городских укреплений (пример — Франкфурт) и, наоборот, частным лицам разрешалось повышать ставки зарплаты ремесленникам-строителям, работа на город едва ли была самой привлекательной, а занятость в течение всего года она обеспечивала лишь в исключительных случаях. Вместе с тем, по мнению автора, нельзя полностью отрицать возможность удовлетворительного годового заработка при системе поденной зарплаты. Так, в Нюрнберге некий Кунц Ланг, высококвалифицированный каменщик, получал в середине XV в. до 30 флоринов (гульденов) в год, хотя обычный годовой доход подмастерья не превосходил в это время 24 флорина.

Из представителей строительных профессий наименее обеспеченными работой на протяжении всего года были мостильщики, кровельщики, штукатуры. Долгосрочный наем их частными лицами маловероятен. Они целиком зависели от таких работодателей, как город или церковь. Работа на город породила, согласно автору, первые образцы устойчивой связи наемного рабочего с местом работы, что характерно для индустриальной эпохи. В Нюрнберге имелись ремесленники, обслуживавшие город в течение многих лет (от 18 до 34) и получавшие от него еженедельную или сдельную (слесарь, кузнец) зарплату.

Употребление ремесленниками собственных орудий труда в одних случаях оплачивалось, в других нет. В Нюрнберге городскому кровельщику прибавлялось к ежедневной зарплате по 2 денария (пфеннига), если он устанавливал свои собственные леса и подъемник. Штукатур же за применение своих лесов и других орудий труда надбавки не получали. При частном найме ремесленники должны были сами поставлять все орудия труда без каких-либо дополнительных требований. Нюрнбергская такса 1502 г. поясняет, что мастер получает на 4 денария (пфеннига) больше подмастерья, поскольку он предоставляет весь рабочий инвентарь. Также снижалась на 17% поденная плата скорняку, работавшему в доме заказчика, если тот снабжал его дратвой (Франкфуртская такса 1476 г.).

Сопоставляя некоторые данные относительно сдельной оплаты работ, автор отказывается от определенного решения вопроса о том, какая форма оплаты была более выгодна работодателю: повременная или сдельная. Неясны размеры издержек производства при сдельной работе — стоимость применения орудий труда и транспортных услуг (необходимых, например, при отгрузке породы во время рытья штольни). Для повременной зарплаты автор предлагает также различать брутто- и неттодоход. Последний узнается путем вычитания из первого расходов на орудия труда и транспорт в случае, если эти расходы не взял на себя работодатель.

Докладчик подходит к проблеме и с другой стороны, ставя вопрос о возможностях дополнительного заработка в среде наемных рабочих. Несмотря на большую продолжительность средневекового рабочего дня, ремесленники иногда брали побочную работу. Например, страсбургские городские мостильщики использовали в конце XV в. имевшиеся у них в течение дня три перерыва, которые составляли в целом два с половиной часа, для выполнения частных заказов горожан. И все же приработок во время наемной работы был явлением скорее исключительным, чем типичным, хотя тенденция к нему наблюдалась.

По свидетельству уставов благотворительных учреждений, заработок одного ремесленника или рабочего не обеспечивал содержание семьи, имевшей детей. В источниках упоминается о приработке других членов семьи. Если участие сыновей мастеров, наряду с отцами, в строительстве церкви и мостов еще можно оценить как форму, прежде всего, ученичества и профессиональной преемственности, то привлечение кровельщиками своих жен для работы на крыше в качестве растворомешателей имело целью, безусловно, лишь получение дополнительного заработка. Этот конкретный вид женского труда (работа с раствором на крыше) был затем запрещен, но вообще женщинам официально разрешалось исполнять функции подсобных рабочих. Они помогали мужьям в их ремесле кровельщиков, садовников и др., получая за это поденную зарплату. Ткачество было вообще рассчитано на применение женского и детского труда. Не являлся чем-то исключительным и ночной труд детей.

Все эти дополнительные заработки зависели от уровня спроса на рынке труда. Но у ремесленников и рабочих могли быть также собственные источники доходов — свое самостоятельное производство. Оно наиболее трудно поддается выявлению и учету, однако известно, что городские ремесленники и рабочие в ряде случаев владели огородом, пашней, виноградником или скотом. Правда, нельзя преувеличивать масштабы их самообеспечения продуктами питания. Во Франкфурте начала XVI в. из общего числа жителей, равнявшегося примерно 7600, только 337 имели свиней. Среди этих свиновладельцев лишь 102 принадлежали к разряду ремесленников, мелких торговцев и низших городских служителей. По данным XV в., нюрнбергские строители покупали хлеб и мясо на рынке. Сведения XV в. о продовольственных запасах в Базеле, Страсбурге и Нюрнберге показывают, что даже в исключительных ситуациях большая часть городского населения совсем не имела зерна или имела его в очень ограниченном количестве. В Ульме в 1531 г. жителям без права гражданства (*Beiwohner*) запрещалось держать коров, коз, овец и других продуктивных животных. Автор полагает, что в связи с ростом городов и увеличением роли ремесла побочные источники доходов рабочих и ремесленников сокращались.

Как замечает докладчик, между цеховой принадлежностью и профессией в точном смысле слова не было полного совпадения. В своем анализе Дирльмайер ориентируется на профессиональную, а не на цеховую принадлежность наемных работников. Данные о профессиях ремесленников и рабочих во Франкфурте-на-Майне в конце XIV — середине XVI в. позволяют автору заключить, что 10% от всего числа наймитов здесь составляли строительные рабочие, оплачивавшиеся поденно. В Нюрнберге в 1363 г. каменотесов и плотников набралось лишь 2,05% от общего количества мастеров. В Базеле в середине XV в. в составе цеховых только 9,42% образовывали ремесленники, принадлежавшие к цеху плотников и каменщиков, да и то не все из них были строителями, ибо сюда относились также бондари, арбалетчики и т. п. Большой процент давали профессии, оплачивавшиеся не поденно: ткачи (51,5% горожан в Кемптене в 1525 г.), прислуга (более 20% налогоплательщиков в Базеле, 17,04% городского населения в Мюнхене, 18,6% — в Нюрнберге в середине XV в.). В Базеле в середине XV в. слуги получали жалованье еженедельно. Годовая зарплата служанки равнялась 3,12 флорина (гульдена), слуги — 7 флоринов. В Мюнхене в начале XVI в. зарплата домашнего слуги-мужчины составляла 6–7 флоринов год, в то время как заработок подмастерья каменотеса или каменщика мог доходить до 27 флоринов.

Процентные соотношения занятости в области поденно и не поденно оплачиваемого труда подтверждают, что поденная зарплата «не была типична» для позднего Средневековья (вернее — не преобладала в это время). Трудно сказать, выражала или не выражала она общую тенденцию развития. Автор приводит примеры неизменяемости или даже снижения норм сдельной зарплаты (в кузнечном, каретном, шляпном, маслостроительном деле) при номинальном росте поденной зарплаты (строителей). Далее он пытается сопоставить размеры средней годовой зарплаты подмастерья строителя в Нюрнберге, Страсбурге и Франкфурте во второй половине XV в. В местных серебряных денариях (пфеннигах) сопоставление выглядит так:

Нюрнберг	5500 денариев	=	100%
Страсбург	4900 денариев	=	89%
Франкфурт	9750 геллеров = 4875 денариев	=	88,6%.

Однако когда автор переводит местную монету на межрегиональный курс золотого флорина (гульдена), соотношение оказывается обратным:

Нюрнберг	23–24 фл.	=	100%
Страсбург	39–40 фл.	=	168%
Франкфурт	45 фл.	=	191,5%.

Если в Страсбурге и Франкфурте ставки зарплаты и курс гульдена оставались в XV в. почти неизменными, то в Нюрнберге содержание гульдена увеличилось со 150 до 252 ден. (пф.), и были установлены новые ставки заработной платы.

Изучение связи между развитием денежного курса и зарплаты весьма сложно. По поводу их соотношения в Германии XIV–XVI вв. существуют две противоположные точки зрения: 1) до XVI в. включительно ценность монеты зависела только от чистого содержания благородного металла; 2) порча монеты не оказывала ни малейшего влияния на цены. Обе эти концепции находят подтверждение в текстах различных источников, из которых одни объясняют рост цен и повышение зарплаты ухудшением качества серебряных денег или увеличением курса золотого гульдена, другие исходят из представления о пфенниге как номинальной валюте, отвлекаясь от реальной ценности монеты и рассматривая ее только как меру стоимости (города запрещали пользоваться гульденами вместо серебряных денег при расплате за товар повседневного потребления, особенно за зерно). Принудительные цены, установленные городскими таксами, подерживались искусственным курсом пфеннига.

Власти пытались регламентацией заменить «законы рынка» (= закон стоимости). Это особенно касалось оценки труда, неоднократно являвшегося объектом регламентации в таксах сдельной и повременной оплаты. Принудительный характер городских постановлений хорошо виден из решения базельского городского совета, который в 1400 г. отклонил выдвинутое мельниками требование повышения им сдельной зарплаты, назначаемой в пфеннигах. Совет сослался при этом на старину, хотя между 1383 и 1402 гг. базельский пфенниг утратил 70% своей ценности по сравнению с курсом гульдена.

Необычайно гладкое, лишенное скачков развитие номинальной заработной платы резко контрастирует с частыми и сильными колебаниями цен в период позднего Средневековья. Во Франкфурте вплоть до XVI в. предписывалось платить одинаковую и неизменную поденную зарплату как квалифицированным, так и неквалифицированным строительным рабочим (*für gelernte und ungelernte Bauarbeit*). Впрочем, властям не всегда удавалось сбхранить номинальную зарплату на прежнем уровне. В Нюрнберге с середины XV до начала XVI в. геллер (полпфеннига) потерял 53% своей пробы, а курс рейнского гульдена поднялся к концу XV в. на 57%. Новые, установленные в 1464 г. ставки зарплаты подмастерьев возросли на 12% по сравнению с уровнем 1452 г., но за это же время (1452–1464 гг.) курс гульдена поднялся на 37%. Только в начале XVI в. повышение ставок было приведено в соответствие с курсом гульдена, и соотношение между ними стало таким же, как в середине XV в., до повышения курса, когда

недельная зарплата мастера-каменщика и мастера-плотника, составлявшая 150 денариев (пфеннигов), равнялась 1 флорину (гульдону). В 1503 г. размер недельной зарплаты тех же категорий работников увеличился до 252 денариев, т. е. подскочил на 68%, и тем самым вновь приравнялся к 1 флорину.

Известно, что в Нюрнберге зарплата строителям выплачивалась в геллерах и пфеннигах, а не в золотых гульденах. В секторе частного и церковного строительства нюрнбергские подмастерья получали в среднем на 2 денария (пфеннига) больше, чем это предусматривалось городской таксой, однако и тут по примеру публичного сектора номинальная величина зарплат проявляла тенденцию к постоянству, отставая от колебаний денежного курса, спроса и предложения на рынке труда. Вместе с тем конъюнктурные изменения в этой области заметно влияли на размеры доходов, особенно реальной годовой заработной платы наемных рабочих.

Возвращаясь к сопоставлению заработков ремесленников и прислуги (составлявшей в среднем 1/5 населения в городах), автор на различных примерах показывает, что номинальная зарплата прислуги достигала лишь 22–26, реже 33–38% номинальной зарплаты подмастерьев. Докладчик предлагает три возможных варианта объяснения этой ситуации: 1) либо даже квалифицированная прислуга содержалась в патрицианских домах намного хуже, чем подмастерья в сфере строительства, и тогда ее доходы нельзя считать типичными для большинства лиц, работавших по найму; 2) либо полная занятость подневной работой была столь редкой, что труд, лишенный риска незанятости (т. е. труд прислуги, не знавший сезонных и т. п. перерывов), оплачивался намного ниже, чем тот, где этот риск существовал, и, следовательно, на таких заниженных данных о доходе неверно строить расчет покупательной способности всякого подневщика вообще, полностью занятого наемным трудом; 3) либо, наконец, кров, еда и одежда, которыми обеспечивались слуги, ценились так высоко, что фактически прислуга и нанятые на длительный срок ремесленники-подмастерья оплачивались примерно одинаково, и, значит, содержание одного человека составляло 70–80% годовой зарплаты квалифицированного строителя.

Последнее предположение кажется автору наиболее правдоподобным. В 1474 г. заведующий строительством в Нюрнберге Эндрес Тухер нанял на пять лет помощника мастера городского строительного двора за жалованье в размере 24 флоринов (гульденов) в год, что почти полностью совпадало с годовой зарплатой подневно оплачиваемого подмастерья. Но в договоре найма только 10 из 24 гульденов были определены как зарплата («Lohngeld»), остальные 14 характеризовались как деньги «на расходы» («für cost»). Эти расходы на содержание, включая сюда и жилье, составляли, таким образом, 53,3% от всей суммы заработка. Отсюда автор заключает, что жизнь в позднесредневековом городе не отличалась

дешевизной. Однако этому противоречит, говорит он, расчет покупательной способности поденного работника, если представить его зарплату в зерновом эквиваленте.

По данным В. Абеля, поденная зарплата ремесленника-строителя была равноценна приблизительно 30 кг ржи. На основании нюрнбергской таксы зарплат 1387 г. и сведений о ценах на зерновые во Франкфурте Абель выводит норму зарплат в 26 кг за 1 рабочий день, что при раскладке по календарным дням дает 18,6 кг ржи в день. Он считает, что такая зарплата, позволяя содержать семью в пять человек, обеспечивала строительных рабочих гораздо лучше, чем это имело место в конце преиндустриальной эпохи.

Докладчик высказывает ряд критических замечаний по поводу методики подсчетов и построений Абеля: 1) поскольку большинство ремесленников приобретало продукты питания на рынке, сопоставление зарплаты непосредственно с ценами на сырье (зерно) не учитывает возможного удорожания его в переработанном виде (хлеб); 2) при расчете зернового эквивалента зарплат на календарный день надо исходить из предположения о 265 рабочих днях в году (а не просто делить пятидневный заработок на 7 дней — не все недели были рабочими); 3) необходимо принимать во внимание отмеченную самим Абелем неточность измерения зерна в XIV–XVI вв. (источники расходятся в определении его количества подчас на 10%).

Вместе с тем автор доклада сам составляет таблицу движения зернового эквивалента зарплат подмастерья строителя во второй половине XV — начале XVI в. в Нюрнберге, Франкфурте и Страсбурге в пересчете на календарный день (в кг ржи):

<i>Годы</i>	<i>Нюрнберг</i>	<i>Франкфурт</i>	<i>Страсбург</i>
1465–1479	11,23	30,1	29,5
1480–1494	6,87	17	17,1
1495–1509	8,17	18,1	21,3

Для Страсбурга он приводит еще эквивалент в пшенице (26,5 кг — 14,4 кг — 17,9 кг под теми же датами).

Низкие нормы зернового эквивалента в Нюрнберге сравнительно с Франкфуртом и Страсбургом соответствуют приводившимся выше сведениям о величине годовой зарплат в гульденах в этих трех городах. По уровню зарплат в зерновом эквиваленте к Нюрнбергу в конце XV — начале XVI в. были близки Аугсбург и Мюнхен. Напротив, Франкфурт и Страсбург отличались в это время низкими хлебными ценами.

По оценочной шкале Д. Заальфельда (модифицированная шкала Г. Шмоллера) зарплата в Нюрнберге может быть признана «скудной»

(dürftig), во Франкфурте и Страсбурге — средней между «удовлетворительной» (zufriedenstellend) и «вполне достаточной» (sehr auskömmlich). Докладчик почему-то не отмечает тенденцию зарплаты к понижению во всех трех городах, что явствует из его же таблицы. Хотя это понижение и нельзя назвать прямолинейным, однако конечные данные всюду меньше исходных (и не намного больше промежуточных).

Автор пытается показать, что покупательная способность городского потребителя была значительно ниже той, которая вырисовывается из прямого перевода денежной зарплаты в зерновой эквивалент. Во Франкфурте и Страсбурге XV в. акцизное обложение продуктов питания увеличивало стоимость зерна на 18–23% его рыночной цены. К этому прибавлялись отчисления на покрытие издержек производства при хлебопечении, что составляло 32 геллера с осьмины зерна во Франкфурте (1439 г.) и 12 денариев (пфеннигов) с четверти в Страсбурге (1460 г.). В итоге размер поденной зарплаты в зерновом эквиваленте (кг ржи) существенно снижался:

Годы	Франкфурт		Страсбург	
	Номинально	С пошлинами	Номинально	С пошлинами
1465–1479	30,1	17,6	29,6	17,9
1480–1494	17	12,1–11,8	17	12,4
1495–1509	18,1	12,3	21,3	14,5

Акциз и оплата издержек производства удорожали хлеб по сравнению с зерном во Франкфурте на 40–70%, в Страсбурге — на 37–65%. Но этим не исчерпывалась для потребителя разница между ценой зерна и хлеба. Только при выпечке очень грубого ржаного хлеба вес использованного зерна не отличался от веса готового хлеба или даже превосходил его. Так было во Франкфурте в 1439 г., где покупка хлеба вместо зерна означала понижение номинальной зарплаты на 40–70% лишь за счет акциза и компенсации издержек производства. Иначе обстояло дело в Страсбурге. Здесь, согласно таксе 1439 г., грубый ржаной хлеб содержал 88% исходного веса зерна. Из четверти ржи в 81,1 кг получалось 71,3 кг хлеба. Применительно к ценам 1465–1479 гг. это давало удорожание на 87%. Но в Страсбурге предпочитали белый хлеб. В нем было только 49% исходного веса зерна. Из четверти пшеницы в 86,1 кг выпекалось всего 42,5 кг белого хлеба. Вместе с акцизом и оплатой издержек производства это увеличивало, по подсчетам автора, стоимость хлеба относительно зерна в три раза (на 241%): вместо 1 кг пшеницы можно было купить 0,3 кг белого хлеба.

В Нюрнберге в середине XV в. цена грубого ржаного хлеба не превышала цену зерна более чем на 30%, зато белый хлеб высокого качества

стоил в первой половине века на 223% дороже пшеницы. Хотя здесь вес хлеба составлял 32% от исходного веса зерна, т.е. практиковался еще более мелкий помол, чем в Страсбурге, удорожание хлеба было меньше, чем там. Это объясняется отсутствием в Нюрнберге обложения зерна и хлеба акцизными пошлинами. Только в начале XVI в., да и то как исключительная мера, тут стало практиковаться взимание с зюммера⁵³ ржи 32 денария (пфеннига), что означало подорожание хлеба в среднем на 7,6%. В Аугсбурге упомянутая под 1466 г. акцизная пошлина в размере 16 денариев (пфеннигов) с шаффа⁵⁴ увеличивала стоимость хлеба менее чем на 7%. Сравнение низких размеров акцизных сборов в Нюрнберге и Аугсбурге с высокими в Страсбурге и Франкфурте позволяет автору выдвинуть предположение, что в двух последних городах часть зарплаты наемных работников была обложена пошлинами в форме налогов на потребление. Это подтверждается наблюдением Ф. Ирзиглера в отношении Кёльна, где понижение цен на зерновые (т.е. повышение покупательной способности обладателей зарплаты) сопровождалось введением акцизного сбора на продукты питания, вследствие чего зерно фактически подорожало примерно на 15%.

Добавление к пошлинам разницы между ценой зерна и хлеба, обусловленной самим процессом производства хлеба, еще яснее показывает слабость покупательной способности поденно оплачиваемых наемных работников. Известная для Страсбурга 1465–1479 гг. ежедневная норма в 29,6 кг ржи позволяла приобрести лишь 15,5 кг грубого ржаного хлеба, а 26,5 кг пшеницы — 7,6 кг белого хлеба. Уже упоминалось, что позднесредневековый потребитель предпочитал лучшие сорта белого хлеба. Только в случае нужды употреблялась мука грубого помола, что повышало количество выпекаемого хлеба и тем самым удешевляло его.

Привлекая для сравнения подсчеты Д. Заальфельда, касающиеся 1790–1805 гг., автор приходит к выводу, что наемному работнику продукты питания обходились в конце Средних веков дороже, чем в начале индустриальной эпохи, когда 10 кг ржи в день соответствовали 8,6 кг хлеба (в XV в. тому же количеству ржи во Франкфурте соответствовали 6 кг хлеба). Рабочий год фабричных рабочих XIX в. был на 35–65 дней больше рабочего года позднесредневековых ремесленников, и соответственно больше (максимум на 24,5%) был размер их поденной зарплаты. Автор предполагает, что то или иное уменьшение покупательной способности рабочих в XIX в. компенсировалось их более продолжительной, чем

⁵³ Зюммер или зуммер (Sümmer, Summer) — часто то же, что и шеффель (Scheffel): четверик (см.: Deutsches Wörterbuch / Von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Leipzig, 1942. Bd. X, Abt. IV. Sp. 1076–1077).

⁵⁴ Шафф (Schaff) в Аугсбурге содержал 8 гарнцев, в Регенсбурге — 32 (Ibid. Leipzig, 1893. Bd. VIII. Sp. 2015).

в XIV–XVI вв., занятостью в течение года. Однако неясно, учтена ли здесь разница в продолжительности рабочего дня в период позднего Средневековья и в Новое время.

В докладе настойчиво подчеркивается иллюзорность впечатления о благоприятном для наемных работников соотношении заработной платы и цен в период позднего Средневековья. Кажущаяся большой на основании сравнения с ценами на зерно покупательная способность поденной заработной платы оказывается незначительной при пересчете ее на стоимость готового хлеба. Таким образом, выводы докладчика решительным образом расходятся с концепцией В. Абея.

Обложение пошлинами удорожало не только хлеб. Еще чаще это касалось напитков. Акцизный сбор (Ungeld)⁵⁵ с вина составлял нередко 12–25% его стоимости, а с пива — 33,8–51,2% его себестоимости. В Нюрнберге на рубеже XV–XVI вв. акцизные сборы с напитков приносили приблизительно 45% городских доходов. Если в это время в городе было до 28 тыс. жителей, то на долю каждого приходилось по 1,5 флорина (гульдена) акцизного сбора, что соответствовало 5,5% годовой зарплаты квалифицированного строителя. Для семьи из четырех человек, живущей на одну зарплату, это составляло 22% от ее годового дохода. Большие по составу семьи могли позволить себе потребление лишь на уровне, который был ниже среднего. Согласно городским отчетам и таксам, у ремесленника на питание уходило до 50% зарплаты, а то и больше. Удорожали жизнь также налоги.

Формулируя конечные выводы своего исследования, автор подчеркивает, что расчет доходов (и расходов) позднесредневекового наемного работника (по крайней мере, в сфере строительства) не является простой игрой в цифры, хотя здесь и приходится прибегать к иллюстративному методу из-за отсутствия массовых статистических источников. Выведение зернового эквивалента зарплаты должно оставаться в числе обязательных приемов изучения ее истории, но этот эквивалент нельзя воспринимать как непосредственный показатель покупательной способности и уровня жизни наемного работника⁵⁶.

Доклад Дирльмайера вызвал значительный интерес у присутствующих. Валлерстейн (США) обратил внимание на необходимость шире учесть все источники доходов в семейном бюджете, дифференцированно проанализировать доходы взрослых и детей, доходы от собственного хозяйства. Большая по составу семья — форма инкорпорации разных доходов. По мнению выступавшего, зарплата в некоторых хозяйствах могла

⁵⁵ Подробнее об этом понятии см.: Ibid. Leipzig, 1936. Bd. XI, Abt. III. Sp. 732–735.

⁵⁶ Dirlmeier U. Zu den Bedingungen der Lohnarbeit im spätmittelalterlichen Deutschland // FEL. P. 521–558.

иметь меньший удельный вес, чем другие виды доходов⁵⁷. М. Дембиньска (ПНР) высказала сомнения в правильности расчетов автора, касающихся соотношения между зерном и хлебом. Она напомнила, что в источниках указывается качество муки: *farina blanca*, *farina delicata* и т.п. Практически мука часто весила столько же, сколько и хлеб. Дембиньской показались неясными основания подсчетов автора. По ее словам, в докладе плохо сосчитано соотношение между весом муки и хлеба. (Заметим, что докладчик вообще обходит вопрос о муке, сравнивая количество хлеба непосредственно с количеством зерна). Дембиньска поддержала призыв Валлерстейна изучать весь комплекс доходов семьи⁵⁸.

Некоторые другие участники дискуссии также присоединились к этому пожеланию, причем Ч. Уилсон (Англия) подчеркнул трудность расчета дохода на душу населения⁵⁹. В дискуссии отмечалась постоянная изменчивость условий наемного труда — от года к году, от сезона к сезону, от недели к неделе. Говорилось о необходимости сравнительного исследования истории найма на западе и востоке Европы.

Г. Келленбенц (ФРГ) остановился на связи наемного труда с семейными отношениями. Высоко оценивая доклад Дирльмайера, он, тем не менее, тоже критически высказался о некоторых подсчетах автора. Усомнился он и в приводимой в докладе цифре численного состава населения в Нюрнберге, полагая, что около 1500 г. там проживало 45 тыс. человек. Келленбенца не вполне удовлетворила нивелирующая трактовка Дирльмайером наемных работников как в известном смысле единой социальной категории. Он предлагает делать различие между разными типами наемного труда и наемных работников. Сославшись на доклад Р. Вергани (о нем см. ниже), Келленбенц обратил внимание на существование значительной иерархии в среде наемных работников-металлургов⁶⁰.

В своих ответах на замечания оппонентов Дирльмайер согласился с Валлерстейном в том, что надо изучать совокупный семейный доход. Касаясь различий в положении наемных работников в разных городах, он подчеркнул реакционность политики городского патрициата в Нюрнберге в XV в. (она препятствовала росту заработной платы и т.д.). К середине XVI в., сказал докладчик, в Германии возобладали тенденции демократического развития в городах. Дирльмайер затронул и вопрос о формах оплаты наемного труда — звонкой монетой или натурой. Последняя могла конкурировать с первой. (В докладе эта проблема практически

⁵⁷ Ср.: FEL. P. 633–634.

⁵⁸ Ср.: Ibid. P. 636–637.

⁵⁹ Ср.: Ibid. P. 643–644.

⁶⁰ Ср.: Ibid. P. 640.

не рассматривалась, если не считать указаний автора относительно предоставления слугам крова, еды и частично — одежды)⁶¹.

А. А. Сванидзе (Москва) в докладе «Городское ремесло и наемный труд в Швеции: Динамика эволюции, XIII — начало XVI в.» последовательно показала те формы наемного труда, которые были характерны для городской промышленности Швеции домануфактурного периода: разные виды труда мастеров, подмастерьев, поденщиков и чернорабочих. Автор приходит к заключению, что в городском ремесленном производстве абсолютно господствовали феодальные по своему характеру формы наемного труда. Рынок наемного труда был в зародышевом состоянии. Характер наемного труда соответствовал характеру развития городов и городского производства в стране, которые находились тогда на среднем европейском уровне. К началу XV в. лишь в немногих отраслях, а именно в тех, которые развивались под особым воздействием внешней торговли или в рамках королевской регалии и были рассчитаны на относительно крупный сбыт (литейно-металлургические ремесла, корабельное и строительное дело и некоторые другие), применение наемного труда имело более широкий размах, субъекты наемного труда составляли особую категорию, не сливавшуюся с категорией мастеров-собственников⁶².

В прениях по этому докладу участвовали А. Мончак (ПНР)⁶³, Ш. Верлинден (Бельгия)⁶⁴, Э. Натхорст-Бёос (Швеция)⁶⁵. Основное внимание было обращено на критерии характера и уровня наемного труда, проблеме взаимозависимости между производственным и личностным статусом наемного работника, вопрос о степени адекватности отражения позиции наемного труда в источниках, в частности нормативных.

Ч. Уилсон (Англия) в своем выступлении на заседании «круглого стола» 7 мая, снова обратившись к теме наемного труда в городском производстве, подчеркнул неправомерность «подтягивания» наемного труда эпохи классического Средневековья к более высокому уровню (а такая тенденция прозвучала в замечаниях Э. Натхорст-Бёоса)⁶⁶. В то же время сам Уилсон во вступительном слове 5 мая усомнился в том, что свободный независимый труд в средневековой Швеции имел малое значение. По его мнению, металлургия и горное дело развивались здесь по типу

⁶¹ Ср.: Ibid. P. 640–641.

⁶² Svanidze A. A. Town Handicraft and Hired Labour in Mediaeval Sweden, the 13th to Early 15th Centuries // FEL. P. 559–590.

⁶³ Ср.: FEL. P. 635.

⁶⁴ Ср.: Ibid. P. 637.

⁶⁵ Ср.: Ibid. P. 638.

⁶⁶ Ср.: Ibid. P. 818–820.

мануфактуры, зато шведское ученичество не вполне соответствует английскому apprenticeship⁶⁷.

Историкам экономики часто бывает трудно понять диалектическую взаимосвязь между внешне независимым положением отдельных категорий наемных работников и принудительным характером их труда при феодализме. Этот феодальный характер найма и оказался главным пунктом разногласий между докладчицей и дискутантами, которые, однако, признали интерес и стимулирующее значение доклада для изучения ряда сложных проблем.

Дональд К. Коулмен (Кембридж) в докладе «Служащие в Великобритании, 1550–1850 гг.» раскрыл основные тенденции развития форм заработной платы английских служащих в государственном и частном секторах с середины XVI до середины XIX в. По его словам, интерес к истории заработной платы служащих был порожден в последнее время усилившимся интересом к истории бюрократии вообще, что, в свою очередь, объясняется ростом бюрократического аппарата в наши дни (работа проф. Эйлмера о гражданских чиновниках в XVII в. и др.).

Служащие — это те, кто не производит самостоятельно товары и не ведет собственную торговлю, т.е. не получает прибыль (profit), и вместе с тем не продает свою рабочую силу, т.е. не получает зарплату за физический труд (wages), а осуществляет функцию контроля над экономической деятельностью или другими видами деятельности, имеющими те или иные экономические последствия. Нужда в такого рода служащих увеличивается по мере расширения государственного аппарата или масштаба предпринимательской деятельности в области торговли и промышленности, когда сам предприниматель уже не способен один управлять своим «делом». Функция контроля усиливается в результате преодоления феодальной раздробленности в политической сфере, концентрации производства и монополизации торговли — в сфере экономической. Так возрастает значение «видимой руки» (по терминологии Альфреда Чендлера) за счет уменьшения роли «невидимой руки» (по терминологии Адама Смита)⁶⁸.

⁶⁷ Ср.: Ibid. P. 515–516.

⁶⁸ «Видимая рука» (visible hand) — это аппарат контроля, «невидимая рука» (invisible hand) — в интерпретации Чендлера «силы рынка»: invisible hand of market forces (Chandler A. D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge (Mass.); London, 1977. P. I; cp. P. 15, 16). Адам Смит говорил, что предприниматель обычно «преследует лишь собственную выгоду, причем ... он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения...» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 332; ср. одно из изданий на языке оригинала: Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London, 1887. Vol. I. P. 456). Речь здесь идет о действии объективных экономических законов, которым предприниматели подчиняются стихийно,

В соответствии с классической политэкономией автор различает две основные категории зарплаты: повременную (*time-rates*) и поштучную (*piece-rates*), или сдельную. Он говорит об их сложном переплетении между собой и соединении подчас с такими видами вознаграждения, которые являются долей прибыли. В XVI–XVII вв. умножились «модели» зарплаты: от внешне чистой повременной (годовой) зарплаты до продажной (могущей быть проданной) должности (*salable office*), сопряженной с правом взимать вознаграждения (*fees*) за выполнение работы, причем сама должность являлась формой собственности (*a piece of property*), а порождаемые ею вознаграждения – типом прибыли с оборота (*profit on turnover*).

Комбинированная система зарплаты была особенно принята в практике правительственной администрации, имевшей право жаловать и продавать должности. В подобной комбинации повременной зарплаты (*salary*) и сдельной (*fee*) соотношение часто бывало таким, что низкая номинальная *salary* сочеталась с *fee* и всевозможными другими вознаграждениями, приработками или случайными доходами, «чаевыми» и подарками (*together with sundry rewards, perquisites or gratuities*). Тут имеется в виду весь комплекс дополнительных получек — от премий или тантьем до взяток. В экономических категориях они определяются автором как разница между себестоимостью [работы] и [ее] продажной ценой, как «сдача с оборота» (*change on turnover*), а получение их — как участие в прибылях (*profit-sharing*).

На развитие комбинированных форм зарплаты влияли, по мнению докладчика, два основных фактора: 1) изменение уровня цен и 2) изменение оборота (*turnover*) в тех сферах деятельности, где применялись *fees*. В докладе выдвигается в качестве гипотезы схема четырех возможных вариантов развития комбинированных зарплат:

1. Период растущих цен и стабильного оборота. Реальная ценность как *salary*, так и *fees* падает. Если *fees* составляют главный источник дохода, получатель может пытаться увеличить их или ввести новые, но оба эти пути трудны и (или) непопулярны.
2. Период растущих цен и падающего оборота. Положение получателя еще хуже, потому что, кроме падения реальной стоимости *salary* и *fees*, уменьшается еще и номинальная стоимость *fees* (*fees will fall in monetary value*).

становясь орудиями этой «невидимой руки». Едва ли в таком случае правильно противопоставление «видимой» и «невидимой» руки. Поскольку под «видимой рукой» подразумевается аппарат контроля, а под «невидимой» — объективные экономические законы, приоритет и решающая роль остаются за «невидимой рукой», и значение ее не может быть уменьшено. Уменьшается лишь элемент стихийности в подчинении предпринимателей объективным законам экономики.

3. Период падающих цен и стабильного оборота. Реальная стоимость salary и fees возрастает (если их номинальная стоимость не снижается).
4. Период стабильных цен и растущего оборота. Положение служащего еще лучше, поскольку он лишен необходимости рисковать, как в случае № 1 (см. выше), и получает реально увеличивающийся совокупный доход.

С точки зрения нанимателя переход к твердой повременной зарплате (fixing salaries) имеет то преимущество, что, во-первых, он может сократить [управленческие] расходы, если зарплата служащих легко поддается контролю, во-вторых, при такой системе с администрации снимаются обвинения в стремлении повысить fees или ввести новые, как это имеет место в случаях № 1 и 2 (см. выше). Вместе с тем возможный минус повременной оплаты — вероятность уменьшения инициативы служащего и производительности его работы (вследствие уменьшения у него побудительных мотивов к увеличению доходов с оборота).

Для периода с 1520 по 1650 г. в Англии характерны рост цен на 412% и распространение низкой номинальной повременной зарплаты при наличии разнообразных fees. Получателями должностей были крупнейшие государственные деятели и придворные, которые передавали их в пользование своим официальным и неофициальным заместителям и клеркам. С конца XVI — начала XVII в. к числу держателей должностей присоединяются и джентри. По подсчетам проф. Эйлмера, личный состав центрального правительственного аппарата достигал в XVII в. 5–10 тыс. человек.

Злоупотребления и вымогательства чиновников вызывали протесты. Они порождали попытки (малоуспешные) кодифицировать «гонорары» (fees) для отдельных должностей. Между 1616 и 1635 гг. неизвестный по имени реформатор выдвинул проект системы повременных зарплат, который предвосхищал будущее, но был неосуществим в свое время. Против попыток уменьшить гонорары (fees) выдвигался тот аргумент, что должности, приносящие их, получены от короны по жалованным грамотам (letters patent) и являются формой собственности типа земельной (were a form of freehold property), следовательно, доходы от этих должностей не могут быть снижены парламентом, точно так же, как не может быть снижена рента с частной земельной собственности.

Процесс замены «гонораров» повременной зарплатой несколько продвинулся в период междоусобицы (1649–1660 гг.). Некоторые новые должности оплачивались «реалистическим» (т. е. не заведомо низким, а удовлетворительным) повременным жалованьем. Уровень повременных зарплат во время республики и протектората был и в целом выше, чем до тех пор, однако «гонорары», или процент с оборота, сохраняли

свое значение для многих должностей. Так, различные казначеи и комиссионеры, занятые продажей королевских и епископских земель в 40-х и 50-х годах XVII в., вознаграждались повременной зарплатой и процентом с цены сделки. Был составлен перечень «гонораров» (fees) для их дальнейшей кодификации.

Реставрация Стюартов в 1660 г. привела к возрождению пожалования должностей. Увеличившийся бюрократический аппарат оплачивался по-прежнему комбинированно — повременной зарплатой и «гонорарами», однако удельный вес последних был больше, чем первой.

В частном секторе служащие использовались в меньшем масштабе, и сначала главным образом во владениях земельной аристократии (управляющие, ревизоры и т. п.). Обыкновенно они происходили из джентри, как и многие чиновники государственного аппарата. Наблюдается даже переход такого рода служащих из одного сектора в другой. Их денежное жалованье было, как правило, небольшим. Больше значение для них имели жилище, питание, сопричастность к власти и праву назначения на должности. Повышение цен в начале XVII в. сопровождалось повышением зарплаты этих служащих.

В промышленности и торговле, где преобладали мелкие предприниматели, потребность в служащих была еще слаба. Немногочисленные крупные купцы держали счетоводов, большее число купцов имели комиссионеров (factors). Цехи и гильдии, как правило, обходились без найма служащих, хотя тут были и исключения, затронувшие наиболее значительные цехи с большим масштабом продукции. Так, Лондонская компания ювелиров уже в конце XV в. платила жалованье клерку, сборщику арендной платы (rentcollector) и пробирщику (assayer), хотя определенные должности в компании исполняли и сами члены цеха (гильдии).

Некоторое увеличение интереса к использованию служащих связано с распространением компаний по заморской торговле после 1550 г. и особенно с появлением акционерных обществ. Но и в компаниях по аналогии с гильдиями часто должности исполняли сами акционеры, являвшиеся одновременно членами определенной лондонской гильдии (liverymen), связанной с той или иной компанией. К тому же, исполнение должности тогда еще не требовало большого количества времени.

Заметным исключением является Ост-Индская компания (1600–1858 гг.), размах деятельности которой уже в первые десятилетия ее существования потребовал принципиально иной, чем в цехах, организации управления. К 30-м годам XVII в. компания имела штат наемных служащих в составе 15 человек, возглавляемых бухгалтером, секретарем и счетоводом (с годовым жалованьем от 120 до 200 фунтов стерлингов). Под началом у них находились различные клерки и помощники.

Следующий этап в истории наемного труда служащих в публичном и частном секторах — середина XVII — середина XVIII в. — совпадает с периодом стабильных или даже немного (на 2–3%) понижающихся цен⁶⁹. В это время наблюдаются существенные перемены в характере, направлениях и объеме английской заморской торговли, большой рост таможенных и акцизных сборов, переворот в области государственных финансов, значительное перераспределение власти между короной и парламентом.

Тем не менее во второй половине XVII — первой половине XVIII в. всевозможные fees и взятки по-прежнему занимали очень большое место в доходах государственных служащих. Они наживались на операциях, связанных с поставками, особенно военными (во время войн доход увеличивался в несколько раз), от прохождения биллей (законопроектов) через парламент (за это платились fees клерку палаты общин и взятки другим парламентским клеркам, бравшимся содействовать успеху того или иного законопроекта, посвященного экономическим вопросам).

Однако были должности, оплачивавшиеся низко и не приносявшие существенных доходов. Так обстояло дело, например, в сфере сбора таможенных пошлин в XVIII в. В периоды депрессии (или в портах, пришедших в упадок) таможенные чиновники, получая крайне низкую повременную зарплату, стремились выжать из купцов как можно больше. Это делалось посредством fees. Доходы чиновников одной и той же категории были неодинаковы. Нередко подчиненные получали больше, чем их начальники. Многие старинные пожалованные должности переродились в синекуры и исполнялись заместителями владельцев. Заместители имели небольшую повременную зарплату и долю от fees. В 1784 г. из 63 таких должностей только 10 исполнялись самими владельцами. Поквартальная выплата низких salaries приводила к нищенскому существованию и задолженности ряда чиновников. Поэтому наметился переход к ежемесячной выплате salaries.

Подобная диспропорция в доходах разных слоев и разрядов чиновничества усиливалась в периоды общего увеличения административного аппарата. Вскоре после Реставрации, в связи с отменой в 1672 г. старого порядка взимания таможенных пошлин, было дополнительно назначено 763 чиновника для работы по таможенному ведомству. Резко возросло в конце XVII — начале XVIII в. число чиновников акцизного управления. К 1797 г. общий состав служащих в государственном секторе достиг 16 тыс. человек. В 1822 г. только сбором различных государственных доходов занималось до 20 тыс. чиновников.

⁶⁹ В качестве хронологических рамок периода стабильных цен автор указывает то 1650–1750 гг., то 1660–1760 гг.

Аналогичный рост численности служащих происходил и в частном секторе. Персонал Ост-Индской компании увеличился с 15 человек в 30-х годах XVII в. до 30 в 70-х, более 50 в 1709 г., около 150 в 1784 г. и 300 в 1833 г. Это еще не считая постоянно расширявшегося состава заморских служащих компании. Все служащие Ост-Индской компании получали повременную зарплату. Однако ею не исчерпывались их доходы. Ведущие чиновники вознаграждались дополнительно. Кроме того, для всех служащих существовала перспектива нажиться на частной торговле, а для верхушки — еще от права назначения на доходные должности. Главными акционерами были директора компании. Их доход складывался из дивидендов, прибылей от собственной частной торговли и премий, которыми они периодически сами себя награждали. От директоров зависели служебные назначения и, следовательно, получение той или иной повременной зарплаты.

Большинство заморских служащих компании имело низкую зарплату, хотя, например, главный представитель компании в Кантоне получал в конце XVIII в. 20 тыс. фунтов стерлингов в год. В представительствах компании на востоке существовала строгая иерархия должностей, большие сроки выслуги и жесткая регламентация состава товаров, которые разрешалось пускать в частную торговлю.

Приватная торговля, процент с оборота, премии являлись в частном секторе формой участия в прибылях, элементом сдельной оплаты, дополнявшим официальную повременную зарплату. Кроме Ост-Индской компании, к таким методам оплаты труда служащих прибегали и другие, менее крупные компании. Автор приводит примеры Королевской Африканской компании (1674–1750 гг.) и Компании Гудзонова залива (созданной в 1670 г. и существующей по настоящее время). Все компании стремились ограничить частную торговлю и при этом вынуждены были увеличивать повременную зарплату своим служащим.

Между 1600 и 1800 гг. в Великобритании возникло большое количество банков и страховых агентств. В конце XVII в. в Лондоне было 40 банков, а к 1810 г. их стало 83. Кроме того, по всей Англии и Уэльсу в 1800 г. насчитывалось до 400 провинциальных банков. В 1820 г. в стране имелось около 40 страховых компаний. Английский Банк начинал свою деятельность в 1694 г. с 17 служащих, но в 1813 г. их было уже 900. Медленнее увеличивался персонал страховых компаний. Даже ведущая среди них, «Феникс», имела в 20-х годах XIX в. только 23 служащих. Банковские и страховые служащие оплачивались, как и персонал торговых компаний, комбинированно: наряду с официальной повременной зарплатой применялась система *fees* в виде премий и других добавок. Сами служащие тоже старались по мере возможности изобрести себе приработок. Так, клерки Английского Банка работали иногда сверхурочно или, вопреки правилам,

исполняли функции биржевых маклеров. Они же придумывали обложение некоторых сделок особыми fees в свою пользу.

Автор замечает, что Ост-Индская компания и Английский Банк были наиболее крупными фирмами, предъявлявшими спрос на труд служащих. Лишь очень немногие другие предприятия нуждались в расширенном управленческом аппарате. Например, железоделательный концерн Кроули имел в 1749 г. 20 служащих. Большинство же обходилось бухгалтером или управляющим.

В столетний период стабильных цен (середина XVII — середина XVIII в.) как правительство, так и частные предприниматели пытались избавиться от старинных fees, премий, приватной торговли и т. п. и установить систему вознаграждения служащих на основе фиксированной повременной зарплаты. Сдвиги в этой области явились следствием двоякого рода обстоятельств: 1) усложнения управленческой работы благодаря дальнейшей бюрократизации государственной машины; 2) увеличения диспропорции между повременной и «гонорарной» оплатой одинаковых или близких по своей природе видов работы при наличии сдвигов в характере и объеме административной, юридической или коммерческой деятельности, которая порождала эти «гонорары» (fees).

Реформа зарплаты в артиллерийском, морском и акцизном ведомствах привела во второй половине XVII–XVIII в. к увеличению размеров повременной зарплаты и росту ее удельного веса в доходах служащих. Последовательнее всего она была проведена в акцизном управлении. Однако система fees сохранялась. Ее пережитки отчетливо наблюдаются в это время даже в реформированных ведомствах (особенно в артиллерийском и морском), не говоря уже о таможенном, где fees были широко распространены. Покупка должностей, передача их по наследству и право предоставления «доходных мест» (purchase, patrimony and patronage) оставались зловещим трио, которое определяло распределение и регулирование работы служащих как в государственном, так и в частном секторе. Последний был изначально обременен традиционными fees и продажными должностями, пожалованными по королевским указам. Занятые в нем служащие нанимались действительно на условиях повременной зарплаты, однако этот принцип не удавалось выдержать до конца.

Недостаточный размер повременной зарплаты и легкость доступа к иным источникам доходов толкали служащих частного сектора на путь взимания fees. Пример государственного сектора оказался заразительным. Для служащих торговых компаний велико было искушение получить прибыль от участия в той самой торговле, которую им надлежало контролировать. Сами торговые компании при всем желании ограничить частную торговлю понимали, что, сохраняя ее, они этим удерживают своих служащих.

Другим основанием для сохранения «гонорара» с оборота была недостаточная загруженность государственных и частных служащих работой. Джон Стюарт Милль (1806–1873) признавался, что со служебными делами в управлении Ост-Индской компании он справлялся за 3–4 часа, а остальную часть дня, проводимую в учреждении, употреблял на прием посетителей и работу над своими книгами (40-е годы XIX в.). По словам секретаря Компании Гудзонова залива (80-е годы XVIII в.), его уговорили поступить на эту должность с помощью аргумента, что все свои служебные обязанности он сможет выполнять за 2 часа в день. Дурную славу приобрели недисциплинированность и частое отсутствие на службе клерков Английского Банка в начале XVIII г. Таким образом, *fees* сохранялись предпринимателями для поддержания инициативы служащих. Вместе с тем автор подчеркивает, что нельзя недооценивать значение движения от *fees* к *salaries* на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в.

В 80-х годах XVIII в. работала Королевская парламентская комиссия по проверке государственных финансовых отчетов и пересмотру *fees* и других «сдельных» вознаграждений. Она высказалась за отмену *fees* и прочих «гонораров» и за введение твердой повременной зарплаты.

Докладчик ссылается на точку зрения Дж. Торренса, высказывавшего мысль о том, что в 1780-х годах имел место экономический кризис, ознаменовавший приближение конца одной из фаз развития английского капитализма. Торренс считает самих членов комиссии представителями новообразующегося верхнего слоя «среднего класса» (*representatives of an emergent upper middle class*). Коулмен подходит к этому вопросу иначе. Во-первых, он отмечает начавшееся с середины XVIII в. повышение цен (на 117% в 1750–1800 гг. и на 86% в 1750–1850 гг.). С ним он связывает тот факт, что увеличение размеров старых *fees* и изобретение новых стало невозможным. В 1797–1821 гг. было резко сокращено взимание *fees* в Английском Банке, хотя отмена их произошла только в 30-х годах XIX в. Здесь, а также в акцизном ведомстве зарплата служащих повысилась. В 1830–1840-х годах для всей парламентской администрации учреждаются вместо «гонораров» и «чаевых» (*fees and perquisites*) твердые годовые зарплаты. К середине XIX в. относится ликвидация большинства «гонораров» и «чаевых» (или приработков) в государственном секторе в целом.

Во-вторых, Коулмен подчеркивает, что проведенная реформа зарплаты не имела никакого отношения к классической ранней фазе промышленной революции в Англии. Промышленная революция привела к росту производства товаров и падению цен. В первые годы промышленной революции подъем многочисленных мелких предприятий означал развитие раздробленного рынка (*atomistic market*) и уменьшение роли «видимой руки», т. е. системы контроля.

Позднее, когда произошла концентрация производства, число служащих в частном секторе резко возросло, и контролем оказались охвачены разные отрасли торговли и промышленности. В 1853–1855 гг. служащие составляли 13% от общего числа людей, занятых работой. В 20–70-х годах XX в. состав служащих увеличился по сравнению с серединой XIX в. почти в три раза. В 1965 г. зарплата служащих в Соединенном королевстве составляла 36% от общего дохода от занятости. В 70-х годах в связи с непрерывным уменьшением числа самообслуживающихся предпринимателей происходило, по мнению автора, стирание различий между зарплатой служащих (*salaries*) и рабочих (*wages*)⁷⁰.

Нам представляется, что предложенная автором в начале доклада схема соотношения форм зарплаты с состоянием цен и оборота мало подтверждается конкретным историческим материалом. В самом деле, *fees* больше всего были распространены в 1520–1650 гг., когда шел непрерывный рост цен, хотя, по схеме, высокие цены неблагоприятны для развития *fees*. Наоборот, в условиях стабильных или даже немного понижающихся цен в 1650–1750 гг. упорно пробивала себе дорогу тенденция к сокращению *fees*, хотя стабильные цены для них благоприятны. Едва ли поэтому дальнейшую борьбу за ограничение *fees* можно объяснить исключительно повышением цен в 1750–1850 гг., тем более, что окончательная отмена *fees* происходит в обстановке нового понижения цен в 1800–1850 гг. по сравнению с 1750–1800 гг. Думается, уровень цен сам по себе вообще не определяет судьбу *fees*. Большее влияние на их историю оказывали, видимо, общие тенденции экономического развития, рост капитализма, изживание остатков феодального права и правосознания, промышленная революция, значение которой для изменений системы зарплат автор, как нам кажется, отрицает без достаточных оснований.

В дискуссии по докладу Коулмена приняли участие Валлерстейн⁷¹, А. Мончак⁷², П. Мэтиас (или Матаис)⁷³ и др. Были поставлены вопросы о разнице в источниках *salary* и *fees*, о периодичности выплаты и расчете *salaries*, о накоплениях, ренте как источнике доходов служащих. Коулмен в ответном слове сказал, что в целом администрация дорого обходилась правительству и частным лицам. Это была дорогая администрация. Служащие отличались осторожностью и накапливали богатства медленно. Накопление шло главным образом за счет «гонораров» (*fees*), подарков

⁷⁰ Coleman D. C. Salaried Workers in Britain, 1550–1850 // FEL. P. 591–614.

⁷¹ Cp.: FEL. P. 633–634.

⁷² Cp.: Ibid. P. 635.

⁷³ Cp.: Ibid. P. 636.

(gifts) и т.д. Что касается расчета salaries, то поденная зарплата не была принята в Англии. Она более характерна для Франции⁷⁴.

Рафаэлло Вергани (Падуа) в докладе «Технология и организация труда в меднорудной промышленности области Венето (XVI–XVIII вв.)» проследил историю добычи меди в местности под названием Валле Империна, расположенной в бассейне одноименного ручья, впадающего в р. Кордеволе, приток р. Пьяве. Это место находилось в бывшем капитанате Агордо, территория которого ныне составляет часть провинции Беллуно. Здесь до сих пор сохраняется топоним *Miniere*, т.е. «Рудники». Первые надежные сведения об этих разработках сообщает под 1483 г. известный венецианский историк Марин Санудо (1466–1536?), который упоминает и о технологии добычи. Первоначально дело вели многочисленные мелкие предприниматели, часто объединявшиеся между собой и занимавшиеся эксплуатацией поверхностных руд, что не требовало крупных капиталовложений. В последней четверти XVI – начале XVII в. ряд факторов (истощение легкодоступных залежей, частые наводнения, недостаток древесины, необходимой для арматуры шахт и плавильного процесса) привел к упадку мелких и средних предприятий. Намечается концентрация производства, и на сцену являются крупные предприниматели, имеющие капиталы, достаточные для того, чтобы обеспечить более глубокую разработку недр. Пьеробони, Парагатта, Барпо уступают место семейству Кротта, которое к 20-м годам XVII в. занимает господствующее положение в экономике этой промышленной зоны.

В 1669 г. наряду с фирмой Кротта появляется государственное предприятие, руководимое непосредственно правительством Венецианской республики. Через 50 лет по размаху своей деятельности оно уже не уступает фирме Кротта, а в 1787 г. наследники Кротта окончательно отказываются от ведения дел в Валле Империна, и государственная фирма сосредотачивает в своих руках почти всю добычу и выплавку меди в здешних местах.

Автор подробно исследует все особенности процесса производства, организации и оплаты труда в медных рудниках Валле Империна XVI–XVIII вв. на основании рукописных материалов, хранящихся в Государственном архиве Венеции⁷⁵, а также в венецианском музее Коррер, библиотеке Керини-Стампалиа в Венеции и в Городской библиотеке г. Беллуно.

Процесс производства состоял из серии подземных и наземных работ, в связи с чем рабочие делились на две большие группы — рудокопы, или шахтеры (*i minatori*), и металлурги (*i metallurgici*). Подземные работы

⁷⁴ Ср.: Ibid. P. 641–642.

⁷⁵ Фонды 1 (*Deputati alle Miniere* — Уполномоченные по рудникам) и 2 (*Consiglio dei Dieci* – Совет Десяти).

включали в себя добычу, сортировку и подъем руды на поверхность, наземные — обжиг (кальцинирование), плавку и очистку (рафинирование).

Картина работы на приисках вырисовывается более или менее отчетливо начиная с 40-х годов XVI в. Держатели рудников (концессионеры) сами обычно не занимались организацией труда, сдавая свои участки в аренду или в подряд. Арендаторами (или подрядчиками) были 1) либо простые посредники или спекулянты, которые пересдавали другим взятые участки; 2) либо предприниматели, нанимавшие рабочих и занимавшиеся добычей с целью получения прибыли; 3) либо (и это чаще всего) более или менее организованные группы рудокопов, нанимавшихся непосредственно на работу по добыче руды; 4) либо, наконец, «готмоны» (от немецкого *hutman*), совмещавшие в себе функции организатора рабочей группы и наемного рабочего (в разнохарактерных контрактах 1539–1595 гг. не всегда легко выделить эту фигуру посредника между концессионерами и рабочими).

Для работавших под землей принятой формой зарплаты было определенное количество добытой руды. Объем добычи измерялся особой мерой, носившей общее название *misura* (мера, размер) и равной приблизительно 250 фунтов руды. Оплата труда «по мере» (a *misura*) являлась разновидностью сдельщины. Кроме нее в документах упоминается и повременная зарплата (за неделю, за смену). Автор предполагает, что она практиковалась в контрактах, заключаемых с отдельными лицами, в то время как сдельная типична для договоров с группами или компаниями работников. Между членами группы зарплата распределялась, вероятно, в зависимости от их квалификации и стажа, хотя данные о критериях распределения крайне скудны.

Еще меньше известно о вознаграждении работавших на поверхности. Скорее всего, почти все они нанимались индивидуально. Их зарплата была частично повременной и частично сдельной (они получали в качестве вознаграждения, например, [медный] купорос).

Автор детально рассматривает различные аспекты превращения государственной меднопромышленной фирмы в крупное капиталистическое предприятие XVIII–XIX вв. В конце XIX в. оно пришло в упадок вследствие конкуренции на внешнем рынке. В последнем десятилетии XIX в. венецианская меднорудная промышленность окончательно заглохла⁷⁶.

Особых критических замечаний доклад Вергани не вызвал.

⁷⁶ Vergani R. Tecnologia e organizzazione del lavoro nell'industria veneta del rame (secoli XVI–XVIII) // FEL. P. 615–632.

Пятый день

Автономный труд и свободные профессии

«Докладчиком» пятого дня (тема — автономный труд и свободные профессии) был Даниэль Рош (Париж). Он поставил такие проблемы, как противопоставление умственного и физического труда в эпоху Просвещения, рост социальных групп, занимавшихся интеллектуальным трудом в городе (в связи с этим выделяются разные типы городов во Франции), соотношение групп чиновников, ученых и людей собственно «свободных» профессий (художники, поэты, музыканты и т.д.), двойственное положение медиков и архитекторов, расширение числа учащихся в западноевропейских университетах в XVII в. (2,4–5% от общего количества людей студенческого возраста) и сокращение его в XVIII в., основание колледжей (большинство из них возникло до революции 1789 г.), изменение процесса и характера чтения, изменение представлений о пространстве и времени. Все эти вопросы автор рассматривает в перспективе эволюции «третьего сектора» экономики в XIII–XVIII вв. В конце доклада Рош привел цитату из Адама Смита, в которой тот перечисляет все «непроизводительные» профессии (от короля до комедиантов)⁷⁷.

«Непроизводительность» как критерий свободной профессии и автономного труда стала предметом дискуссии, хотя автор доклада специально на этом не останавливался. Было подчеркнуто, что «непроизводительность» (материальная) — недостаточный критерий для характеристики интеллектуального труда. Туччи (Венеция) остановился на роли медиков. Почетной или непочетной была их профессия? С одной стороны, они — представители интеллектуального труда, с другой — физического или «ручного» (хирурги), но в то же время непроизводительного (непродуктивного)⁷⁸. Этому вопросу коснулся и Де Мадалена⁷⁹.

Джорджо Костоманья (Милан) в докладе «Нотарии и государственная администрация в Генуе в конце Средних веков» показал сложность и противоречивость юридического положения нотарииев в Генуе XIV–XV вв., их участие в составлении документов и в коммунальном управлении, разделение на две категории — писцов и собственно нотарииев, коллегиальную организацию, оплату труда (рассматриваемого как труд наемный) и, наконец, кризис нотариата — необходимость выбора между профессиональной деятельностью (писца, канцеляриста) и административной (чиновника префектуры)⁸⁰.

⁷⁷ Roche D. Relazione introduttiva // FEL. P. 647–670.

⁷⁸ Ср.: FEL. P. 798–799.

⁷⁹ Ср.: Ibid. P. 801–802.

⁸⁰ Costamagna G. Notai e pubblica amministrazione a Genova alla fine del Medioevo // FEL. P. 671–685.

Доклад Костамањи вызвал широкие отклики у слушателей. Ш. Верлинден провел сравнение генуэзского нотариата с венецианским, напомнив, что в Венеции нотариы были часто священниками и продолжали исполнять эту функцию становясь нотариями. Он указал на сходство генуэзского нотариата с каталонским (Барселона) и отличие от кастильского⁸¹. М. Кутюрье поставил вопрос о сеньориальном нотариате и практике аукциона, а также о судебном нотариате на низшем уровне (*greffiers*). Он обратил внимание на слабую изученность истории нотариата в деревне⁸². Луццатти (Пиза) отметил наличие нотариальной курии в Пизе, где нотариый был официальным (государственным) писцом — *scriba publico*; зародившись в недрах церковной структуры, нотариат стал светским институтом⁸³. Костамања признал весьма интересной мысль Луццатти о происхождении нотариев из церковной среды (хотя в его докладе данных на этот счет нет). Упоминание *scriba pontifico* имеется в одном из капитуляриев Карла Великого, подчеркнул он⁸⁴.

Антоний Мончак (Варшава) в докладе «Разделение труда в процессе осуществления власти: Зарождение новой администрации» различает несколько систем центрального и местного управления, рассматривая подробнее других польско-литовскую, датскую, шведскую и английскую. Большое внимание автор уделяет практике «патроната» (отношения патрон — клиент), как бы продолжающей средневековые традиции сюзеренитета-вассалитета. Докладчик считает, что патронат характерен для многих административных систем разного происхождения, «от Шотландии до Литвы или Московии, и от Швеции до Сицилии». Кроме того, он изучает (на примере немецких городов) патрицианскую систему управления. Важное место в докладе занимает обозрение форм и способов подготовки кадров для государственной службы. Наиболее эффективной в этом плане представляется автору шведская система, введенная в XVII в. Густавом-Адольфом. Сопоставляются разные способы воспитания молодых администраторов: домашнее и университетское образование, заграничные поездки и усвоение иностранного опыта, учебная «практика» бесплатной службы в учреждении (последняя характерна для шведской системы). Автор подчеркивает, что не все дворяне были ленивы и предавались праздности. Имелись и энергичные деятели,¹ труд которых по управлению может рассматриваться как разновидность интеллектуального труда. Шведская система открывала

⁸¹ Ср.: FEL. P. 799–800.

⁸² Ср.: Ibid. P. 802–803.

⁸³ Ср.: Ibid. P. 803.

⁸⁴ Ср.: Ibid. P. 805–806.

доступ к государственным должностям также выходцам из непривилегированных сословий⁸⁵.

Во время дискуссии Туччи поставил вопрос о происхождении городских судей и советников⁸⁶. Мончак полагает, что советниками были чаще всего сыновья патрициев, судьями же становились представители не только патрициата, но и других слоев городского населения⁸⁷.

Фриц Блайх (Регенсбург) в докладе «Верхненемецкий (= южнонемецкий) имперский город как работодатель (с XIII по XVIII в.)» показал разнообразие городских служб, обеспечивавших управление городом, его экономическое, социальное и культурное развитие. В докладе рассмотрены функции и оплата труда членов городского совета, нотариев, писцов, канцеляристов, архивариусов, юристов и судей, врачей и аптекарей, налоговых сборщиков, университетских профессоров и учителей городских школ, лиц, ответственных за городское строительство (Baumeister) и снабжение города зерном (Kornmeister), ремесленников-строителей и многих других. На примере г. Ротенбурга видно, что уже в начале XV в. городской совет давал работу 65 лицам примерно 35 профессий. Многие из них выполняли свои обязанности с помощью слуг, так что городская служба низшего и среднего уровней осуществлялась значительным по составу персоналом (не менее 100 человек).

Наиболее почетными и высокооплачиваемыми были должности городских советников, юристов и судей. Заметную роль в городе играли городской врач и аптекарь (аптеки являлись итальянским заимствованием). Развитие медицинской службы было связано с борьбой против церкви, вытеснение которой из сферы здравоохранения и общественного призрения способствовало также захвату церковных пригородных земель, занятых под больницы и приюты.

Автор отмечает резкий контраст между университетским и школьным образованием. Если в университетах сосредоточивались лучшие научные силы, то городские школы владели жалкое существование, ибо «отцы города» не были заинтересованы в их развитии, давая своим детям хорошее домашнее образование.

Рост налогового аппарата вызывался увеличением числа косвенных поборов, распространением акцизных пошлин и т. п.

Автор коснулся также проблемы выхода городского купеческого капитала в сельскую округу и организации здесь рассеянной мануфактуры

⁸⁵ *Mączak A. Division of Labour in the Exercise of Power: The Birth of Modern Administration // FEL. P. 687–707.*

⁸⁶ *Ср.: FEL. P. 805.*

⁸⁷ *Ср.: Ibid. P. 806.*

(Verlagssystem). Это явление наблюдается в XVI в. в таких городах, как Ульм, Ротенбург, Вайсенбург, Динкельсбюль и др. Таким способом развивалась городская текстильная, кожевенная, металлургическая промышленность — особенно в условиях сокращения рынков сбыта (захват турками Венгрии в 1540 г.), когда предприниматели стремились резко снизить себестоимость продукции (труд сельских рабочих был дешевле, чем городских).

Характеризуя городское строительство, докладчик затрагивает некоторые проблемы, прозвучавшие ранее в докладе У. Дирльмайера (зимняя безработица строителей и т. п.)⁸⁸.

По поводу доклада Блайха выступили Ф. Контамин (Франция) и В. Эндреи (Венгрия). Контамин заметил, что по сравнению с городами Германии и Италии французский королевский город в конце Средних веков был, вероятно, «недоадминистрирован», хотя в нем имелись и такие должности, которые Блайх не упоминает для немецких городов (например, «управитель башенных часов» — *gouverneur de l'horloge*)⁸⁹. Эндреи обратил внимание на недостаточный показ в докладе динамики развития немецких городов. В XIII в. они были маленькими, а затем все более увеличивались, в связи с чем менялся и расширялся круг городских проблем. Немецкую городскую администрацию Эндреи считает дорогостоящей⁹⁰. В ответ на это замечание докладчик подчеркнул, что у него нет примеров нехватки финансовых средств для оплаты городских должностей. Развивая положения своего доклада, автор говорил о преиндустриальных формах торговой политики имперских городов. Кроме того, он коснулся роли еврейских общин в жизни немецких городов⁹¹.

Элена Брамбилла (Милан) в докладе «Генеалогия знания: К истории правовых профессий в северной Италии (XIV–XVII вв.)» весьма подробно проанализировала разные системы подготовки юристов в крупных городских центрах северной Италии, формы профессиональной организации правоведов, их полномочия, социальное происхождение, тарифы оплаты труда, взаимоотношения с разными категориями населения и верховной властью (в частности — герцогской в Милане) и т. д. Речь тут идет не о судьях, а преимущественно о юрисконсультах, адвокатах, правоведах в широком смысле слова. Они выполняли роль толкователей законов и юридических казусов, выступали в качестве советников при рассмотрении апелляционных дел и т. п. Их голос имел, как правило, лишь совещательное

⁸⁸ *Blaich F. Die oberdeutsche Reichsstadt als Arbeitgeber (vom 13. bis zum 18. Jahrhundert) // FEL. P. 709–732.*

⁸⁹ *Ср.: FEL. P. 803–804.*

⁹⁰ *Ср.: Ibid. P. 804–805.*

⁹¹ *Ср.: Ibid. P. 806–807.*

значение. Обучение праву проводилось в университетах и коллегиях. Автор детально сравнивает коллегияльную и университетскую системы, различая при этом также болонскую и ломбардскую практику⁹².

Во время дискуссии Туччи заострил вопрос о роли патрицианского элемента в среде правоведов и судей⁹³. Брамбилла отметила, что в патрицианской Венеции в составе докторов права, судей и адвокатов был велик удельный вес патрициев, поэтому их профессиональная психология отличалась патрицианским характером (иная картина — в Падуе)⁹⁴.

Энио Поледжи (Генуя) в докладе «Руководители работ и архитекторы в Генуе (XIII–XVIII вв.)» охарактеризовал специфику статуса и деятельности цеха строителей в Генуе. Членами этого цеха являлись не сами генуэзцы, а, так сказать, «иностранцы», т.е. приходцы из других мест Италии, преимущественно из Ломбардии. Цех состоял из представителей разных строительных специальностей (плотники, каменщики и др.), пользовался административной автономией и финансовыми привилегиями. По данным 1630 г., из 150 «мастеров», занятых в цехе, только 10% определялись в качестве «*sarì d'opera*», т.е. руководителей работ. Автор говорит об особом монументальном стиле генуэзского строительства, отличном от флорентийского, венецианского и других, и называет имена знаменитых генуэзских зодчих⁹⁵.

Шестой день Круглый стол

В качестве «докладчиков» шестого, последнего дня («Круглый стол» — свободная дискуссия) выступили Эудженио Баттисти (Милан), Чарльз Уилсон (Кембридж), Эрик Машке (Гейдельберг), Карло Пони (Болонья).

Доклад Э. Баттисти был посвящен проблеме «иконографии труда» в архитектуре, скульптуре и других видах изобразительного искусства эпохи Возрождения (на материале Италии). Докладчик отметил конкретные различия в формах выражения темы труда в искусстве разных городов (Флоренция, Пиза и др.), связав эту специфику с особенностями экономического, политического и культурного развития каждого из рассматриваемых центров.

⁹² *Brambilla E. Genealogie del sapere: Per una storia delle professioni giuridiche nell'Italia settentrionale, secoli XIV–XVII // FEL. P. 733–786.*

⁹³ *Ср.: FEL. P. 805.*

⁹⁴ *Ср.: Ibid. P. 807–808.*

⁹⁵ *Poleggi E. Capi d'opera ed architetti a Genova (secc. XIII–XVIII) // FEL. P. 787–795.*

Баттисти сопоставил изменения в трактовке изобразительным искусством темы труда с изменениями в музыке (в частности появлением многоголосия), фольклоре, в картине культурной жизни в целом. Он указал на наличие подобной же эволюции в искусстве других западноевропейских стран (Франции, Германии, Испании и т. д.). Главный тезис докладчика — о высвобождении искусства из плена окостеневших форм, тем и трактовок. Изменились идеи, и вместе с ними изменился «язык искусства», его символика⁹⁶.

Председательствующий Ван-Ут, высоко оценив доклад, подчеркнул, что он заполнил «лакуну» в проблематике конференции⁹⁷.

Ч. Уилсон сделал доклад о роли благотворительности в развитии производительного труда в Англии XVII–XVIII вв. Особенно конструктивной он считает частную благотворительность купцов в отношении детей, способствовавшую росту ученичества и совершенствованию профессионального ремесленного мастерства. Докладчик рассмотрел также систему публичных институтов, которые обеспечивали бедных работой. Промышленная революция ускорила и расширила применение наемного труда. Il salariato в итальянском смысле (т. е. наемный работник физического труда) становится в это время типичной фигурой⁹⁸.

Э. Машке посвятил свое выступление роли женщины в мире труда. Еще на предыдущем заседании эту тему затронул в прениях Де Мадалена. Машке отметил, что в немецкой литературе второй половины XX в. изучается процентный состав женщин в числе работников физического (ручного) труда. Он коснулся таких аспектов темы, как социальное обеспечение вдов, участие женщин в торговле (сбыт продукции, изготовленной мужчинами), в банкирском деле (Фуггеры) и т. п. Из приведенных примеров Машке заключает, что следует говорить не только о физическом, но и об умственном труде женщин. Вообще их роль, по мнению докладчика, была больше, чем принято думать. Кроме ума, они располагали еще и шармом, что имело значение и в сфере труда⁹⁹.

К. Пони подвел научные итоги конференции, дав обзор основных проблем, поднимавшихся в докладах и при их обсуждении. Специальное внимание он уделит проблеме заработной платы, поставив вопрос о соотношении зарплаты и цены продукта труда. В Болонье ткачи стремились сами продавать отходы производства — остатки материала (les déchets) — и конкурировали на этой почве с купцами¹⁰⁰.

⁹⁶ FEL. P. 813–817.

⁹⁷ Ibid. P. 817.

⁹⁸ Ibid. P. 818–820.

⁹⁹ Ibid. P. 820–821.

¹⁰⁰ Ibid. P. 821–826.

После Пони выступил председательствующий Ван-Ут. Он заявил, что роль сидящих за «Круглым столом» («рыцарей Круглого стола») состоит, в частности, в том, чтобы заполнить некоторые лакуны, образовавшиеся в ходе конференции. К сожалению, сказал Ван-Ут, мы не могли выслушать в понедельник сообщение, относившееся к Нидерландам¹⁰¹. Председатель «Круглого стола» решил сам сделать сообщение на эту тему. Он отметил, что наемный труд и цехи часто и не вполне правомерно противопоставляются. В Нидерландах цехи как автономные единицы существовали уже в XIV в., и хотя отдельные отрасли промышленности и торговли (пищевая, текстильная, экспорт) имели цеховое устройство, цеховые мастера (*maîtres des corporations*) могли выступать одновременно в роли наемных работников, оплачиваемых купцами, ибо не всегда мастера располагали достаточными капиталами для того, чтобы вести дело совершенно самостоятельно. Некоторые крупные предприниматели использовали других цеховых мастеров как своих подчиненных. Кроме того, они эксплуатировали женщин (например, вдов, девушек), являвшихся членами цеха (о чем упоминал в своем выступлении Э. Машке). Подобная картина была особенно типична для текстильной промышленности.

Во Фландрии наблюдалось распространение мелкого рассеянного производства, практически не охваченного цеховой организацией. В Амстердаме цехов не было почти совсем. Весьма слабое применение получили они в деревенской среде, где, однако, существовал наемный труд. Компании были главными производителями только в сфере металлургии. Деревня поставляла на соседний городской рынок такие товары, как хлеб, булки, гвозди и т. п. Они производились людьми, зависимыми от купца, который оплачивал их работу сдельно, или поштучно (*à la pièce*). Докладчик подчеркнул, что этот деревенский нецеховой труд базировался на непосредственной зарплате. Говоря о доцеховой (или предцеховой) основе наемного труда, Ван-Ут ссылается на уставы немецких городов второй половины XIII в., предписывающие соблюдать принятые нормы заработной платы, дабы обеспечивать работников достаточным доходом. В качестве одного из мотивов организации цехов в городах выступает стремление гарантировать подмастерьям заработок — получение трудовых доходов (*protéger la revenue de travail des compagnons*). Экономическое развитие в XIII-XIV вв. привело к кризису социальной структуры вообще и городского строя в частности. Стали делаться попытки сохранить рентабельность предприятий за счет сокращения зарплаты. Развернулась борьба

¹⁰¹ Имелся в виду несостоявшийся доклад Хуго Соли (Антверпен) «Цехи и социальная борьба в южных Нидерландах (XIII-XVIII вв.)». Он значился в программе под 4 мая 1981 г.

между цехами за лучшие условия сбыта товаров и за «лучшие куски» (gateaux) зарплаты. Центральная власть проводила политику замораживания зарплаты производителей в интересах купцов¹⁰².

После Ван-Ута слово взял С. Асдрахас, который подверг критике концепцию зарплаты, намеченную в докладе К. Пони. Асдрахас понял докладчика в том смысле, что тот имел в виду «salaire», говоря о поштучной оплате труда ткачей. Этот термин имеет вполне современное содержание, обозначая зарплату (преимущественно повременную) работников физического труда¹⁰³.

Пони возразил, сказав, что у него речь шла не о «salaire», а о «gain» (заработок или барыш = вознаграждение). Этот терминологический нюанс подчеркивает разницу между зарплатой капиталистического периода (которую Пони справедливо считает не равной «цене труда») и «заработком», как бы отражающим цену произведенного товара. Пони предлагает строго отличать поденную зарплату от сдельной¹⁰⁴.

В связи с этим Ф. Бродель задал вопрос о годовой зарплате¹⁰⁵. Пони ответил, что не сталкивался с такими случаями. В текстильной промышленности Болоньи большинство рабочих оплачивалось сдельно, причем рабочий, по мысли Пони, продавал не свою рабочую силу (force de travail), как говорил Маркс, а продукцию, которая и определяла цену труда (prix de travail)¹⁰⁶. Ван-Ут на это сразу же отреагировал: «Ну, конечно, цена труда!»¹⁰⁷. Ответ Пони: «И так, и не так». Он пояснил: рабочий продавал не труд, а продукт труда. Маркс, согласно Пони, считал поштучную плату характерной только для капитализма, но это неверно, так как она существовала и до капитализма¹⁰⁸. Рабочие, получавшие поштучную плату, продавали не свою

¹⁰² Ср.: FEL. P. 826–829.

¹⁰³ Ibid. P. 829.

¹⁰⁴ Ibid. P. 829–830.

¹⁰⁵ В издании 1991 г. вопрос Броделя не зафиксирован.

¹⁰⁶ FEL. P. 830.

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Пони допускает явную передержку. Маркс действительно называл поштучную плату «наиболее соответствующей капиталистическому способу производства», однако он не отрицал факта ее существования и в более раннее время. В I томе «Капитала» Маркс писал: «Из всего вышесказанного вытекает, что поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства. Отнюдь не представляя чего-либо нового, — поштучная плата наряду с повременной официально фигурирует, между прочим, во французских и английских рабочих статутах XVI в., — она однако, приобретает более или менее обширное поле применения лишь в собственно мануфактурный период» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 566–567).

рабочую силу, а результат труда, полагает Пони¹⁰⁹. Такая трактовка означает прямое отступление от марксизма. Маркс показал, что «поштучная заработная плата есть не что иное, как превращенная форма повременной заработной платы, точно так же как повременная заработная плата есть превращенная форма стоимости, или цены, рабочей силы»¹¹⁰.

Пони ссылается на американского профессора Билла Реди, который привел пример покупки паровой машины рабочими текстильной фабрики. Они оплачивали стоимость машины, и тем самым их зарплата являлась как бы ценой продукта, а не рабочей силы¹¹¹. Однако, если разобраться в этом случае, то окажется, что капиталист все равно получал прибавочную стоимость, и деньги, уплаченные рабочими за машину, являлись своеобразной «данью» капиталисту. Отступая от марксистского понимания зарплат как стоимости рабочей силы, Пони вместе с тем отмежевывается и от чисто буржуазного толкования зарплат как цены труда. Он несколько раз подчеркнул, что поштучная зарплата — это оплата не труда, а продукта труда¹¹².

Асдрахас предложил вместо термина «salaire» термины «païement» (плата), «profit» (прибыль) или «revenue» (доход). Два последних термина Пони решительно отверг, указав, что «profit» — понятие, характерное для периода капитализма, а «revenue» обозначает доходы феодального сеньора. Он повторил свою мысль о наибольшем соответствии положению вещей термина «gain». Асдрахас заявил, что главная мера труда — время, а не продукт. Пони ответил, что время несущественно, важен готовый продукт¹¹³.

Ван-Ут указал на практику поденной оплаты труда каменщиков, для которых до конца XV в. не делалось различия между летней и зимней зарплатой. Годовая зарплата существовала на Западе обычно для прислуги, а не для рабочих¹¹⁴.

Асдрахас коснулся специфики оплаты труда в Османской империи, где цеховой рабочий был лишен возможности выступать в роли простого товаропроизводителя. В этих условиях «труд» и «продукция» находились лишь в частичном соответствии между собой¹¹⁵.

Де Мадалена остановился на модификации форм труда в период Возрождения и Нового времени. Развитие представлений об индивидуальном

¹⁰⁹ FEL. P. 830–831.

¹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 61.

¹¹¹ Ср.: FEL. P. 830–831.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Ibid. P. 831–832.

¹¹⁴ Ср.: Ibid. P. 832.

¹¹⁵ Ср.: Ibid. P. 829.

труде, изживание анонимности в искусстве — все это вело к изменениям и в оплате труда. Выступавший подчеркнул, что меняются формы труда, но не сам труд. Данная серия замечаний относилась к докладу Баттисти. Де Мадалена дополнил также наблюдения Ван-Ута. В XVI–XVII вв. промышленность выходит из города в деревню, так как там дешевле рабочая сила. Роль наемного труда увеличивается. Формы труда и их оплату следует соотносить с общим уровнем цивилизации¹¹⁶.

В ответном выступлении Ван-Ут обратил внимание на длительность ученичества при сравнительно простой технологии производства¹¹⁷.

Ч. Уилсон связал изменения в формах труда и предпринимательства с появлением избыточного труда (женщин и детей) и наплывом колониальных товаров. Эти обстоятельства приводили к неустойчивости экономического положения предпринимателей, которые часто находили легкий выход в омертвлении капитала¹¹⁸.

Ж.-П. Пах (Будапешт) в своем выступлении сказал, что Пони прав, говоря о зарплате, а не о прибыли или доходах рабочих. В то же время он подчеркнул верность тезиса Маркса о продаже рабочей силы в капиталистический период. Пах остановился подробнее на переходных формах труда в сельском хозяйстве Венгрии XVI–XVII вв. и отметил сходство здешней ситуации с положением в Польше и Литве. Эволюция домениальной системы обусловила своеобразный характер применения наемного труда, в котором значительную роль играло внеэкономическое принуждение (укажем, что о подобном же элементе принудительности наемного труда в шведском городе говорилось в докладе А. А. Сванидзе). Развитие наемного труда проходило в обстановке упадка феодального хозяйства, изменений в составе ренты под влиянием внутренних причин и революции цен¹¹⁹.

С. М. Каштанов выступил по вопросу о сроках найма в России XVII в. Опираясь на материал так называемых «жилых записей», проанализированных в статье Н. А. Горской (1963 г.)¹²⁰ и отчасти в его собственных обзорах актов XVI–XVII вв.¹²¹, Каштанов упомянул о постепенном сокращении сроков найма. Наличие длительных сроков характеризует распространность переходных форм наемного труда, отягченного феодальными

¹¹⁶ Ср.: Ibid. P. 832–833.

¹¹⁷ Ср.: Ibid. P. 834.

¹¹⁸ Ср.: Ibid. P. 834–835.

¹¹⁹ Ср.: Ibid. P. 835–836.

¹²⁰ См.: Горская Н. А. Жилые записи: (К истории найма в XVII в.) // ИСССР. 1963. № 5. С. 58–78.

¹²¹ Памятники русского права. М., 1959. Вып. V. С. 110–113.

путами¹²². В этом плане выступление Каштанова оказалось созвучным с выступлением Паха.

Выступивший вновь Пони не вполне согласился с той критикой его точки зрения, которая содержалась в речи Паха¹²³.

Р. Шпрандель повернул дискуссию в несколько иную сторону, обратившись к вопросу о роли женщины в истории труда (соотношение мужского и женского труда в XIX в.)¹²⁴. Э. Машке отреагировал на выступление Шпранделя замечанием относительно нового общеевропейского явления в историографии: женщины стали писать о женщинах, хотя их труд направлен на изучение роли женщин в исламских странах¹²⁵. Валлерстейн подал реплику на эту тему, сказав, что дело не ограничивается изучением исламского мира. Он отметил процветание женского труда в сфере производства и торговли в современной Западной Африке¹²⁶.

По поводу докладов Баттисти и Пони выступил Р. Вергани. Он подчеркнул важность темы «искусство и труд», прозвучавшей в докладе Баттисти. В связи с идеями Пони дискуссиант привел пример оплаты труда шахтеров в зависимости от качества добываемой руды. Были две категории руды: богатая и бедная. Качеством руды непосредственно определялась зарплата (по крайней мере, выдаваемая натурой). Отсюда вывод: мера стоимости труда — размер добычи, т. е. сам труд. Фактически это означает, как нам кажется, поддержку мнения Пони о том, что труд оплачивался по продукции¹²⁷.

В ответном слове Баттисти коснулся тех сторон труда в искусстве, которые связаны, например, с трудностью обработки материала (в скульптуре), с наличием работ, средних между искусством и ремеслом (производство копий) и, наконец, с оплатой труда («Микель Анджело тоже оплачивался!»)¹²⁸.

В связи с докладом Ван-Ута слово взял Верлинден. Относительно организации текстильной промышленности во Фландрии он считает, что поштучно оплачивались обитатели мелких местечек, члены общин. Организаторами производства были ткачи, а не купцы. Документация об этом сохранилась с XII в. Есть показания хроник второй половины XI в., свидетельствующие о каких-то радикальных переменах в одежде или ее производстве. Об этом говорится и в одной поэме конца XI в. Продукция находилась

¹²² FEL. P. 836–837.

¹²³ Ср.: Ibid. P. 837.

¹²⁴ Ср.: Ibid.

¹²⁵ Ср.: Ibid. P. 838.

¹²⁶ Ср.: Ibid.

¹²⁷ Ср.: Ibid. P. 838–840.

¹²⁸ Ср.: Ibid. P. 840–841.

в руках тех людей, которые ее производили. На основании русских источников А. Пиренн привел в свое время сведения о том, что из этой продукции попадало в Новгород, напомнил Верлинден. При перемещении промышленности в деревню город все же хотел осуществлять свой контроль над процессом производства тканей в деревне. Таким образом, Верлинден, несколько ослабив вывод Ван-Ута о влиянии купечества на организацию ремесла, вместе с тем усилил мысль о связи города с деревней и влиянии города на деревню в условиях перемещения промышленности в сельскую округу¹²⁹.

Выступивший в конце заседания председатель Научного комитета Международного института «Франческо Датини» Ф. Бродель объявил XIII Международную «неделю» по экономической истории закрытой. Он признал ее одной из интереснейших «недель», проведенных за все время существования этого научного форума¹³⁰.

Конференция явилась значительным вкладом в разработку многих вопросов истории труда как в Западной, так и Восточной Европе (и частично Америке) XIII–XVIII вв. Прочитанные на ней доклады и состоявшаяся дискуссия носили творческий и в общем и целом сугубо научный характер. Во время конференции выявились различия идей и подходов к изучению экономической истории.

Участие советских ученых в XIII Международной «неделе» по экономической истории было весьма плодотворным в научном отношении. Желательно и впредь обеспечивать участие российских исследователей в конференциях по экономической истории в Прато. К сожалению, в последние годы это участие свелось к минимуму, если не к нулю.

¹²⁹ Ср.: Ibid. P. 841–842.

¹³⁰ Ср.: Ibid. P. 842–843.

О типе Русского государства в XIV–XVI вв.

Н. П. Павлов-Сильванский, доказывая принципиальную однотипность русского и западного феодализма, кажется, не придал значения тому, что все сопоставляемые им факты и институты разделяются хронологическим промежутком примерно в 600–800 лет. Как правило, он сравнивал русские явления XV в. с аналогичными западными VII–VIII или IX вв. Сопоставлением таких же сходных по существу, но хронологически далеко отстоящих друг от друга явлений на Руси и на Западе занимался и Л. В. Черепнин в статье «Из истории древнерусских феодальных отношений XIV–XVI вв.» (1940 г.). К сожалению, никто пока не предпринял попытки серьезного сравнения Русского государства XIV–XVI вв. с западными монархиями того же времени. Поэтому сравнения по линии типологического сходства разновременных явлений не дополнены сравнениями по линии выяснения различия и сходства явлений синхронных. Не претендуя на выполнение последней задачи, мы хотели бы осмыслить русскую ситуацию XIV–XVI вв. в свете сходства социальных структур на Руси в это время и на Западе в период «высокого средневековья» (VII–IX вв.).

Одним из ярких проявлений близости социальных отношений Русского государства XIV–XVI вв. и Франкского государства эпохи Меровингов и Каролингов можно считать развитие монастырского землевладения и иммунитета. Для обоих регионов, хотя и в совершенно разные времена, это был принципиально новый феномен, знаменовавший радикальное изменение отношений собственности. Почему монастыри оказались во главе процесса феодализации? Думаем, потому, что присвоение общенародной земли светскими лицами, даже носителями королевской или княжеской власти, встречало огромное сопротивление со стороны еще

не закрепощенного «простого народа». Только корпоративная собственность учреждений, окруженных ореолом святости, при достаточном распространении христианской веры, могла рассчитывать на успешное укоренение, хотя, как мы знаем, и здесь дело не обходилось без конфликтов между новыми собственниками и прежними владельцами — волостными крестьянами.

Безусловное преобладание числа жалованных грамот духовным корпорациям над количеством грамот светским лицам имеет прямые аналогии в составе иммунитетных дипломов Меровингского и Каролингского периодов. Сходны разновидности грамот, оформлявших отношения собственности и иммунитет на Руси и во Франкском государстве, темпы роста числа грамот этих разновидностей. Между тем французская документация XIV–XVI вв. ни по обилию материала, ни по характеру грамот не идет ни в какое сравнение с комплексом русских актовых источников того же времени.

Если развитие монастырского землевладения было способом утверждения частнофеодальной собственности на землю в форме корпоративной собственности, то другой формой окольного внедрения частной собственности было условное землевладение (бенефиций, поместье). Интересно, что и во Франкском государстве VIII в., и на Руси в конце XV–XVI в. развитие бенефициарной или поместной формы землевладения сопровождалось ограничением вотчинного землевладения и секуляризационными мероприятиями частичного характера (при Карле Мартелле, Иване III и др.), которые не имели ничего общего с глобальной секуляризацией типа английской XVI в. или российской XVIII в., совершавшимися в условиях кризиса феодальных отношений.

Процесс закрепощения крестьян был закономерным явлением, которое достигло своего апогея во Франции в X–XI вв., в России в XVII–XVIII вв. Россия неуклонно проделывала общеевропейский путь социально-экономического развития, но с опозданием на 7–8 веков. Это опоздание было изначальным, поскольку само развитие феодальных отношений здесь началось на несколько веков позже, чем на Западе. Вместе с тем мы не видим тут каких-либо признаков особого, загадочного «азиатского способа производства». Это был характерный этап развития феодализма, однако в условиях, когда Западная Европа его уже прошла. Если во Франции и Италии начало процесса освобождения сервов (крестьян, прикрепленных к личности своего сеньера) падает на XIII–XIV вв., то в России первое антикрепостническое мероприятие (указ о свободных хлебопашцах) относится к 1803 г. С. М. Соловьев считал, что и в середине XIX в. «Россия не доросла до освобождения труда», хотя освобождение крестьян было своевременным «по нудящим necessitatibus политическим и нравственным».

Город Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. отличался слабой развитостью «третьего сословия». Судебник 1497 г. еще не уделяет особого

внимания городским сословиям. Его постановление «О торговцах» (ст. 46) касается практически покупателей и продавцов вообще, безотносительно к их сословной принадлежности. Возросшее значение города отражает Судебник 1550 г., различающий «торговых гостей больших», «торговых» и «посадских людей» «всех середних» и «черного городцкого» (или «посадского») «человека молодчего» (или «молодшего»). Но и в XVI в., как показал Н. Д. Чечулин, наибольший процент городского населения составляли служилые люди. Беломестное землевладение в городах не исчезло окончательно даже после отменившего его Соборного Уложения 1649 г. В России отсутствовала античная традиция городского строя, которая на Западе стимулировала возрождение городов в период Средневековья.

В Северо-Восточной Руси не было частнофеодальных городов и борьбы городских коммун за освобождение от своего сеньора. Имелись лишь частновладельческие слободы и ремесленные села. «Городской воздух» не давал той степени свободы, которой добились западноевропейские города, потому что «сеньор» у города в Северо-Восточной Руси всегда был и оставался – им являлся государь, в чьем княжестве находился город.

Попытки обнаружить цеховой строй в городах допетровской Руси в нашей литературе делались неоднократно. Однако что такое цех? Б. Шевалье считает цехом только такую организацию ремесленников, которая представляет собой юридическое лицо, официально признанное верховной властью и имеющее свой письменный устав. Руководствуясь этим критерием, исследователь полагает, что цехи во Франции появились в середине XIV в. Им предшествовали «службы» и «братства». Под «службой» подразумевается такое профессиональное объединение, которое делает из представителей одной специальности в данном месте определенную тягловую единицу. «Службы» не были самостоятельными юридическими лицами. Приобретению ими этого качества способствовало распространение «братств», которые, зародившись в XII в., стали профессиональными ассоциациями ремесленников с конца XIII в.

В Русском государстве тенденция к созданию объединений типа «служб» наблюдается лишь с конца XVI–XVII вв. Преобладали же сословные, территориальные и сословно-имущественные критерии стратификации горожан, при этом территориальное деление частично совпадало с профессиональным. Только купеческая корпорация при церкви Ивана на Опоках в Новгороде может быть в известной мере сравнена с «братством». Характерные институты позднего Средневековья — цехи и гильдии — насаждаются в России государством в XVIII в. Следовательно, отсутствие цехового строя в русских городах XIV–XVI вв. позволяет считать этот период их развития типологически соотносимым с той эпохой в истории

западноевропейского города, когда «службы», «братства» и «цехи» еще не стали там формой организации ремесленников.

Сходство систем общественных отношений на Руси XIV–XVI вв. и на Западе эпохи «высокого Средневековья» отразилось и в близости уровней материальной и духовной культуры. Так, урожайность в новгородских пятинах в начале XVI в. часто была сам-2. Максимальная урожайность в сам-2 с небольшим в Западной Европе имела место во времена Каролингов. В Англии XIII в. урожай в сам-3 рассматривался уже как малоодоходный, поскольку, как полагает Ж. Дюби, урожайность зерновых в Западной Европе в IX–XII вв. поднялась от сам-2,5 до сам-4; правда, в XIII–XIV вв. рост урожайности приостановился и возобновился лишь в XV в. В Западной Европе первые попытки перехода от двуполья к трехполью наблюдаются в IX в., а в России – на рубеже XV–XVI вв. В обоих регионах этот процесс шел медленно.

Расцвет книжности на Руси в XVI в. (роскошное оформление кодексов и т. п.) напоминает скорее так называемое «Каролингское возрождение», чем Ренессанс, который наступил здесь не раньше конца XVIII — начала XIX в. Университеты стали появляться в Западной Европе в XI–XII вв., в России – в XVIII — начале XIX в. И тут, и там их возникновение определялось прежде всего ростом городской культуры. В сравниваемые нами эпохи русской и западной истории их не было, как не было и дворянской и городской геральдики. Дворянская геральдика появляется на Западе в XI–XII вв., в России – в XVIII в. Отвлекаясь от специфических условий возникновения первых рыцарских гербов (крестовые походы, восточное влияние и т. п.), можно отметить глубинные первопричины развития геральдической практики в Западной Европе XI–XII вв. и в России XVIII в.: завершение процесса закрепощения крестьянства, торжество дворянского сословия как привилегированного, господствующего класса, представители которого олицетворяют власть по отношению к низшим сословиям и имеют поэтому право на демонстрацию своей родовой и фамильной исключительности. Именно в XI в. под влиянием клунийского движения приобретает законченные формы переход от «разбойной» сеньории к так называемой «банальной», т. е. баналитетной сеньории второго типа, которая предполагала наличие, с одной стороны, несвободных крестьян, с другой — развитого барского хозяйства. Имения русских помещиков XVIII в. были по своей экономической сущности тоже «банальной сеньорией». В XIV–XVI вв. «банальная сеньория» на Руси еще ее могла образоваться как в силу незаконченности процесса закрепощения крестьян, так и в силу неразвитости барского хозяйства, по крайней мере, в светских владениях. Насильственный вывоз крестьян из одних владений в другие, характерный для XVI–XVII вв., был типичным признаком «разбойной» сеньории.

Что касается городской геральдики, то она (в отличие от областной, символизировавшей территориальные титулы государя) была следствием достаточно высокого уровня развития «третьего сословия» и городского самоуправления. В Центральной Европе городские гербы появились в XIV в., на Руси — в XVIII в. Массовое наделение городов гербами в России XVIII в. было результатом признания не только их политико-административной роли, но и хозяйственной индивидуальности, права иметь свои органы местного самоуправления. Ни западные города VII–IX вв., ни русские города XIV–XVI вв. не доросли до идеи собственно городских гербов. Республиканские эмблемы Новгорода и Пскова на их печатях были символами государственной власти, но не города как такового. Так же и областные эмблемы на большой государственной печати Ивана Грозного отражали власть монарха над определенными территориями, указанными в его титуле. Многие из этих эмблем в XVII в. были заменены новыми (см.: Титулярник 1672 г.).

Развитие феодализма в России в XIV–XVI вв. было в известной мере более «чистым», чем феодальное развитие во Франкском государстве VII–IX вв., которому приходилось так или иначе переваривать римское наследие с его специфическими экономическими и политическими структурами. Римская вилла и пришедшая ей на смену раннефеодальная вотчина дали более могучие всходы, чем формировавшееся в Северо-Восточной Руси с XIII–XIV вв. боярское землевладение. В Новгороде, где как боярское, так и монастырское землевладение развились раньше, чем на востоке, и уже достаточно заметны в XII в., княжеская власть уступила место олигархическому правлению. Тверское княжество в XIV в. было феодально более развитым, чем Московское. Здесь, по-видимому, интенсивно шел процесс складывания класса феодальных вотчинников, которые группировались вокруг удельных центров. Власти тверских великих князей противостояла власть князей кашинских, зубцовских, микулинских и др. В XIV и XV вв. тверские князья, великие и удельные, иногда коллективно выдавали жалованные грамоты (например, Отрочу монастырю), чего в Москве никогда не наблюдалось.

В Московском княжестве тенденция к созданию удельных династий тоже была (князья серпуховские, галицкие, белозерские и др.), но борьба с уделами шла более активно, чем в Твери, и выделение новых уделов сыновьям великого князя сочеталось с курсом на ликвидацию уделов других его родственников. В XIV в. боярское землевладение распространялось в Московском княжестве небольшими островками в океане «волостных» земель, составлявших великокняжескую «отчину». В силу своей немногочисленности и земельной слабости московское боярство XIV в. не могло стать серьезной оппозицией великокняжеской власти. Напротив, оно стало ее опорой и с ней связывало свои надежды на процветание.

Институт московских тысяцких (главнокомандующих), таивший в себе некоторую опасность для княжеской власти, был ликвидирован в 70-х годах XIV в., не успев превратиться ни в подобие франкского майордомства, ни в подобие японского сёгуната.

Если мы сравним феодально более развитые Новгород и Тверь с Нейстрией, Бургундией и Аквитанией во Франкском государстве, а феодально менее развитое Московское княжество с Австразией, то заметим, что и тут, и там во главе процесса централизации идут феодально менее развитые регионы. Успех австразийских майордомов в VIII в. в большой мере определялся ослаблением Нейстрии, Бургундии и Аквитании, где вследствие интенсивного развития феодального землевладения был силен сепаратизм знати. Недостаточность частнофеодального развития в Московском княжестве способствовала укреплению великокняжеской власти. Начавшийся с конца XIV в. рост монастырского землевладения и превращения монастырей в союзника великокняжеской власти еще более подняли авторитет и значение последней. В этих условиях развитие феодального землевладения уже не могло стать ограничителем дальнейшей централизации власти в руках московских великих князей. Новые категории землевладельцев — монастыри и (с конца XV в.) помещики — были заинтересованы в расширении внутренней и внешней колонизации земель и прикреплении крестьян к земле. Именно эти задачи и выполняло феодальное централизованное государство. Венчание Ивана IV на царство в 1547 г. находит прямую аналогию в коронации Карла Великого императорской короной в 800 г.: и тут, и там — имперские претензии, планы новых территориальных захватов и сверхрегионального господства.

Сложившееся к концу XV–XVI вв. Русское государство имело в целом ту же социальную базу, что и империя Карла Великого. Более ранняя «империя Рюриковичей», т.е. Киевское государство, в социально-экономическом плане совершенно не соответствует Каролингской монархии. Парадокс заключается в том, что Русское государство XV–XVI вв., будучи по типу социальных отношений близким к Каролингской империи, имело другую, чем эта монархия, историческую перспективу: не распад, а укрепление и переход к абсолютизму. Надо, однако, заметить, что был в истории Руси момент, когда установление крепостного права совпало с кризисом феодального государства. Это рубеж XVI–XVII вв. «Смута» оказалась своеобразным проявлением той общей закономерности, что развитие феодальных отношений, высшим показателем которого служило закрепощение крестьян, приводит к краху раннефеодальной централизованной монархии.

Этот крах в какой-то мере предчувствовал Иван Грозный. Еще боярские временщики периода его малолетства испугались чрезмерного

усиления власти наместников, особенно в таких городах, как Новгород и Псков, и провели губную реформу. Сам Иван видел повсюду измену, но не потому, что она была на самом деле, а потому, что развитие феодального землевладения и крепостного права делало из представителей господствующего класса в некотором роде сеньоров — носителей тенденций феодальной раздробленности того нового типа, которого на Руси раньше не было и который мы знаем по западной истории X–XIII вв. Опричниной и казнями Иван IV хотел предотвратить распад государства. Борьба против объективных экономических законов всегда бывает кровавой, но на стороне Ивана Грозного были такие факторы, как недоразвитость русской светской сеньории и отсутствие политической самоорганизации класса феодалов. В соседней Речи Посполитой, где в силу большего развития частной собственности феодальные сеньории и города обрели бóльшую степень экономической и политической независимости, распад государства в конце концов наступил.

Принятые сокращения

ААЭ	—	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы высочайше учрежденною Комиссией. СПб., 1836. Т. I–IV
АЕ	—	Археологический ежегодник. М.
АИПС-1	—	Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1858–1861. Кн. 1–6
АИПС-2	—	Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860–1869. Кн. 1–6
Амвросий	—	Амвросий [Орнатский]. История российской иерархии. М., 1811, 1812, 1815. Ч. III, IV, VI
АСЭИ	—	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952, 1958, 1964. Т. I–III
АЮБ	—	Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857, 1864, 1884. Т. I–III
БСЭ	—	Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М.
ВВ	—	Византийский временник. М.
ВИ	—	Вопросы истории. М.
ВЭО	—	Вольное экономическое общество (СПб.)
ГБЛ	—	Государственная библиотека имени В. И. Ленина, ныне РГБ (М.)
ДАИ	—	Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1846–1875. Т. 1–12
ДГМЗ	—	Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965
ЕАИВЕ	—	Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год. Кишинев, 1966
ЖМВД	—	Журнал министерства внутренних дел. СПб.
ЖМГИ	—	Журнал министерства государственных имуществ. СПб.
ЖМНП	—	Журнал министерства народного просвещения. СПб.
ЖМЮ	—	Журнал министерства юстиции. СПб.
ИАИ РГГУ	—	Историко-архивный институт Российского государственного университета, бывш. МГИАИ. (М.)

ИЗ	—	Исторические записки. М.
ИОАИЭ	—	Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань
ИСССР	—	История СССР. М.
КГПИ	—	Казанский государственный педагогический институт (Казань)
ЛЗАК	—	Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Л.
ЛОИИ	—	Ленинградское отделение Института истории (ныне Санктпетербургский институт истории РАН) (Л.; СПб.)
МГИАИ	—	Московский государственный историко-архивный институт (ныне ИАИ РГГУ) (М.)
МГУ	—	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (М.)
МИСХК	—	Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI
МСЭ	—	Малая советская энциклопедия. 3-е изд. М.
НИИ	—	Научно-исследовательский институт
ОИДР	—	Общество истории и древностей российских при Московском университете (М.)
ПРП	—	Памятники русского права / сост. А. А. Зимин и др. М., 1952, 1953, 1955, 1956, 1959. Вып. I-V
ПСЗ	—	Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб. 1830. Т. 1-45
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
ПСС	—	Полное собрание сочинений
РАНИОН	—	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924-1930)
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов, бывш. ЦГАДА СССР) (М.)
РГБ	—	Российская государственная библиотека, бывш. ГБЛ
РГИА	—	Российский государственный исторический архив, бывш. ЦГИА СССР (СПб.)
РИБ	—	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.; Пг.
СИЭ	—	Советская историческая энциклопедия. М.
СМ	—	Совет министров
ТДССАИ-65	—	Тезисы докладов и сообщений восьмой (московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965 г.) М., 1965
ТДССАИ-66	—	Тезисы докладов и сообщений девятой (таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1966 г.) Таллинн, 1966
ТОДРЛ	—	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л.; СПб.
ЦГАДА СССР	—	Центральный государственный архив древних актов СССР (ныне РГАДА) (М.)
ЦГИА СССР	—	Центральный государственный исторический архив СССР (ныне РГИА) (Л., СПб.)

CMRS	—	Cahiers du monde russe et soviétique. P.
FEL	—	Forme ed evoluzione del lavoro in Europa: XIII–XVIII secc. Atti della «Tredicesima Settimana di Studio» 2–7 maggio 1981 / A cura di Annalisa Guarducci [Firenze, 1991] (Istituto internazionale di storia economica «F. Datini» Prato. Serie II — Atti delle «Settimane di Studi» e altri Convegni, 13)
FOG	—	Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin (West)
JGO	—	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden
RDM	—	La Revue des deux mondes. P.
RÉS	—	Revue des études slaves. P.
RH	—	Revue historique. P.
RHA	—	Revue historique de l'armée. P.
RHD	—	Revue d'histoire diplomatique. P.
RHMC	—	Revue d'histoire moderne et contemporaine. P.

Указатель личных имен¹

- Абалкин Л. И. 168
Абель В. 403, 410, 413
Абрамсон М. Л. 189, 191
Аввакум, протопоп 234, 282, 283; *см. также* Avvakum
Авдусин Д. А. 240
Адрианова-Перетц В. П. 236
Айплатов Г. Н. 244
Аксаков К. С. 30–38, 40, 125, 129, 274
Алаев Л. Б. 149
Александр I 299, 330, 331; *см. также* Alexandre Ier
Александр II 187, 304, 308
Александр III 70, 187
Александров [Ольминский] М. С. *см.* Ольминский М. С.
Алексеев Л. В. 244
Алексеев Ю. Г. 239, 246–248, 251–253, 264, 265
Алексей Михайлович 223
Алефиренко П. К. 213, 219, 229–231, 286
Алпатов М. В. 311; *см. также* Alpatov M.
Альфонс X 391
Амвросий Орнатский 11, 446
Андреев Н. 282; *см. также* Andreyev N.
Андреевский И. Е. 33, 34, 99
Андрей Афанасьев 21
Андрей Боголюбский 234
Анненков П. В. 148, 168
Анпилогов Г. Н. 257
Ансельми С. 348; *см. также* Anselmi S.
Антипатр из Сидона 347
Антипатр из Фессалоник 347
Антоний Римлянин 240
Аркрайт Р. 395
Архангельский А. С. 203, 204
Асдрахас С. 398, 400, 434, 435; *см. также* Asdrachas S.
Ауновский Вл. 213
Афанасьев Андрей *см.* Андрей Афанасьев
Ахвледiani А. А. 168
Ахмат 189
Багратион П. И. 278; *см. также* Bagration
Базилевич К. В. 143
Бантыш-Каменский Д. Н. 277; *см. также* Bantyś Kamenskij
Баранов М. А. 226, 289
Барпо 425
Батраков В. С. 177
Баттисти Э. 431, 432, 436, 437
Баумштейн С. 268; *см. также* Baumstein S.
Бахрушин С. В. 143, 192
Башкин М. 203
Беген А. 303, 332; *см. также* Béguin A.
Бегунов Ю. К. 236
Безансон А. 300, 311; *см. также* Besançon A.
Беккариа Ч. 358
Белинский В. Г. 300
Беляев И. 213, 215
Беляев И. Д. 14, 20, 32
Беляев П. И. 54, 67–69, 76, 83, 84, 86–89, 109, 110, 125, 130

¹ Составитель М. М. Леренман

- Беннигсен А. 303, 332; *см. также* Bennigsen A.
 Беркли Дж. 401, 402
 Берт Ж.-П. 338, 402; *см. также* Berthe J.-P.
 Бессмертный Ю. Л. 160
 Бестужев-Марлинский А. А. 200
 Бестужев-Рюмин Н. К. 198, 199, 201
 Блайх Ф. 429, 430; *см. также* Blaich F.
 Блан С. 296–299, 310, 317, 319, 326, 327, 330, 331;
 см. также Blanc S.
 Блок М. 343, 346, 347
 Блэкфорд Д. де 280
 Блюм Д. 273; *см. также* Blum J.
 Бобровников А. А. 36, 37, 210
 Богданов А. 80, 90
 Богословский М. М. 298, 317
 Бокарева О. Б. 5
 Болотников И. 227, 257, 331
 Бомануар Ф. де 381
 Бора 338
 Борго Поццо ди 304
 Борис Годунов 190, 284; *см. также* Boris Go-
 dounov
 Борисов А. М. 252, 254, 257
 Бородин М. А. 191
 Босси Р. 304; *см. также* Bossy R.
 Бояркин Д. Д. 168
 Брайчевский М. Ю. 257
 Брамбилла Э. 430, 431; *см. также* Brambilla E.
 Бродель Ф. 393, 403, 434, 438; *см. также* Brau-
 del F.
 Буагильбер 297
 Буало Э. 379
 Бубнов Н. Ю. 243
 Буганов В. И. 234, 241, 257
 Будде Е. 215
 Будовниц И. У. 236, 237, 253
 Булыгин И. А. 224, 226, 228, 230
 Бураковская Н. И. 286
 Бурбоны 342
 Бурганов А. Х. 167
 Бурдей Г. Д. 265
 Бурейченко И. И. 237, 245, 248, 250, 252, 253
 Бутрюш Р. 273; *см. также* Boutruche R.
 Буслаев Ф. И. 202
 Быховец 233
 Бюссон Ж.-П. 304; *см. также* Busson J.-P.
 Вагнер Г. К. 265
 Вайян А. 279; *см. также* Vaillant A.
 Валишевский К. 308
 Валк С. Н. 206, 240, 299, 311; *см. также*
 Valk. S. N.
 Валлерштейн 389, 390, 396, 413, 414, 424, 437
 Ван-Ут 432–438
 Варлаам 282
 Василий III 234
 Васильев А. 215
 Вассиан Патрикеев 203
 Вахрамеев И. А. 53
 Введенский А. А. 114, 310
 Вейнберг Л. Б. 216
 Вельтер Г. 307, 314–320, 322, 323, 329–331; *см.*
 также Welter G.
 Вельяминов-Зернов В. В. 36
 Венедиктов А. В. 148, 150, 153, 158, 169
 Вентури Ф. 280; *см. также* Venturi F.
 Вергани Р. 414, 425, 426, 437; *см. также*
 Vergani R.
 Верлинден Ш. 337, 349, 415, 428, 437, 438; *см.*
 также Verlinden Ch.
 Вернадский Г. В. 271–273, 316; *см. также* Ver-
 nadsky G.
 Вернер С. 222, 223
 Верри П. 358
 Веселовский А. Н. 203
 Веселовский Н. И. 63, 66
 Веселовский С. Б. 54, 100, 106–116, 119–121,
 125, 130, 134, 136, 137, 143, 185, 252, 264,
 274, 275
 Вешняков В. 213
 Викторов В. 219
 Винтер Э. 311
 Висконти ди Модроне 357
 Витрувий 343
 Витфогель К. 76, 272, 273; *см. также* Witt-
 fogel K. A.
 Владимир Андреевич Старицкий 118
 Владимир Мономах 255
 Владимир I Святославич 103, 238
 Владимирский-Буданов М. Ф. 50–52, 59, 62,
 64, 65, 68, 70, 184, 269
 Владислав IV 85
 Водарский Я. Е. 259
 Водов В. А. 285
 Волк С. 200
 Волков Л. В. 187
 Володин А. И. 301
 Вольф Ф. 382; *см. также* Wolff Ph.
 Вормсер О. 305, 306, 308, 316, 319, 330; *см.*
 также Wormser O.
 Ворона 193
 Воронин И. 227
 Воронцовы 224, 225, 278; *см. также* Voronzov

- Востоков А. Х. 12
Всеволод-Гавриил Мстиславич, князь 184
Высоцкий С. А. 234
Высоцкий Ф. 38
Гагемейстер Ю. А. 13, 14
Гагины 265
Газизов М. 219
Гакстгаузен А. 212, 266, 268; *см. также* Haxthausen A.
Гард П. 281, 302; *см. также* Garde P.
Гардин М. В. 191
Гартманн 368
Гвоздев Б. Н. 221
Гегель Г. В. Ф. 301
Гейне Г. 301
Генрих VIII 403
Георги И. 212
Гераклитов А. А. 221–223
Герцен А. И. 300–302, 311; *см. также* Herzen A.
Гершенкрон А. 300
Гессен В. Ю. 226
Гёте И. Ф. фон 301
Гизо Фр. 109
Гирс Н. К. 304; *см. также* Giers N. K.
Глазатова Е. И. 227, 228, 231
Глинская Елена 122
Глинские, князья 265
Гневушев А. М. 241, 246
Голицын М. М. 286
Головкин М. Г. 230
Гольберг А. Л. 234
Гольштейн-Готторпская династия 308, 330
Гоннар Р. 297
Горбунов А. Н. 24, 29, 30, 35–38, 40, 47, 49, 63, 65, 66, 98, 210
Горизонтов А. 213
Горская Н. А. 167, 245, 258, 333, 334, 348, 349, 436; *см. также* Gorskaja N. A.
Горский А. Д. 245, 248, 257
Горфункель А. Х. 234
Горчаков А. М. 304; *см. также* Gortchakoff A. M.
Горчаков М. И. 25, 30, 36–38, 47
Горянов Б. Т. 141, 145
Готье Ю. В. 298, 317
Гофман Т. А. 301
Градовский А. Д. 10, 33, 34, 58, 268
Граменицкий С. Д. 142
Гранжар А. 311; *см. также* Granjard H.
Греков Б. Д. 63, 143, 221, 273
Грекул Ф. А. 142, 143, 266
Григорьев В. В. 13, 16
Григорьев П. Г. 222, 228, 230
Гриценко Н. П. 211, 225, 228, 230
Грумм-Гржимайло А. Г. 310
Грюнвальд К. 284, 306, 315, 317–320, 329; *см. также* Grunwald C. de
Губайдуллин А. 219
Губины 292, 328
Гуревич А. Я. 160, 173, 177
Гусев Т. Г. 226
Густав-Адольф 428
Гутнова Е. В. 141, 144
Дагоберт I 189
Даниил, митрополит 38, 203, 282
Данилов А. И. 89, 141, 142
Данилова Л. В. 144, 160, 253, 254, 266
Девез М. 294, 330; *см. также* Devèze M.
Де Мадалена 427, 432, 435, 436
Дембиньска М. 414
Дембо Л. И. 148, 154, 155
Демкова Н. С. 234, 236
Дени Ж. 281; *см. также* Deny J.
Денисов И. 282
Дергачев А. 230, 231
Джавадов Г. А. 152
Джелавич Б. 304; *см. также* Jelavitch B.
Джинчарадзе В. З. 224
Джонсон С. 401
Димитриев В. Д. 226, 230, 234, 265
Дирльмайер У. 402, 407, 413, 414, 430; *см. также* Dirlmeier U.
Дитятин И. И. 40, 44, 45, 69, 70
Длугош Я. 198
Дмитриев Л. А. 236
Дмитриев Ф. М. 25, 28
Дмитриева Р. П. 236
Дмитрий, царевич 284
Добролюбов Н. А. 200
Добронравов В. Г. 54
Довнар-Запольский М. В. 38, 53
Доза А. 191; *см. также* Dauzat A.
Доке П. 342–346, 348; *см. также* Dockès P.
Допш А. 115, 185
Досифей 12
Дружинин Н. М. 212, 225, 229, 231
Дубровин Н. 215
Дурновцев В. И. 61
Дьяконов И. М. 149, 153
Дьяконов М. А. 33, 51, 53, 59, 63, 67, 68, 70, 83, 91, 95, 99, 109, 110, 120, 269
Дьюи Х. В. 273, 274; *см. также* Dewey H. W.

- Дюби Ж. 442
 Дювернуа Н. Л. 35–38, 47, 98
 Евсеев М. Е. 221
 Екатерина II 20, 32, 86, 87, 214, 278, 285, 289, 305, 307, 308, 314, 330; *см. также* Catherine II
 Елена Глинская, *см* Глинская Елена
 Елизавета Петровна 187, 305, 308; *см. также* Elisabeth de Russie
 Ельяшевич В. Б. 274
 Емельянов И. 203, 204
 Ерлыков В. 38
 Ермолаев И. П. 217
 Ешевский С. В. 213
 Жданов А. А. 114
 Желтухин А. Д. 212
 Жиль Б. 297
 Жмакин В. И. 38, 203
 Жоане Ж. 280; *см. также* Johannet J.
 Заальфельд Д. 403, 410, 412
 Загоровский В. П., 258
 Загоскин Н. П. 38, 215
 Залесский В. Ф. 218
 Замытские, князья 265
 Заничева Л. Г. 231, 258
 Заозерский А. И. 219, 223
 Захарова Л. Н. 168
 Захс Г. 365
 Зевакин М. М. 227
 Зеленин В. В. 234
 Зелигер Г. 115, 185; *см. также* Seeliger G.
 Зельин К. К. 160, 173
 Земляницкий Т. А. 221
 Зерцалов А. Н. 216
 Зиманов С. З. 177
 Зимин А. А. (Зімін О.) 71, 121, 122, 136, 137, 206, 231, 234–236, 238, 239, 244, 245, 253–257, 264, 447
 Зиновий Отенский 234
 Златкин И. Я. 177
 Иван Борисович Моложский 193
 Иван III 189, 190, 192, 440
 Иван IV Грозный 84, 88, 123, 135, 188, 190, 231, 249, 264, 284, 443–445
 Ивина Л. И. 243
 Игнатович И. И. 218, 219, 225, 231
 Игнатьев Н. П. 42
 Иеринг Р. 34, 35
 Иконников В. С. 203, 204
 Ильин М. А. 265
 Индова Е. И. 225, 229, 312, 328; *см. также* Indova E. I.
 Иона, митрополит 21
 Иосиф Волоцкий 203, 204, 282
 Иоффе О. С. 153
 Ирзиглер Ф. 412
 Исупов Г. С. 258
 Кабанов А. К. 53, 65
 Кадо М. 280, 281, 294, 304; *см. также* Cadot M.
 Кадсон И. З. 224
 Каждан А. П. 141, 144
 Калачов Н. В. 37, 38, 206, 207
 Каликаев М. М. 222
 Калон Ш.-А. де 304; *см. также* Calonne
 Каменцева Е. И. 244
 Канчаловский Д. П. 300 *см. также* Kanchalovski D.
 Каразин В. Н. 14
 Карамзин Н. М. 213, 268, 279
 Каратаев Н. К. 297
 Каревская А. Г. 230, 231
 Каржавин Д. Ф. 227
 Карл Великий 187, 190, 428, 444
 Карл Мартелл 189, 190, 440
 Карл V 385
 Карл VI 385, 389
 Каролинги 190, 337, 344, 346, 368, 369, 439, 442
 Карпович М. М. 302; *см. также* Karpovich M. M.
 Карташев А. В. 308, 309, 312, 314
 Картье Р. 305; *см. также* Cartier R.
 Катаев И. М. 53, 225
 Катанов Н. 216
 Каутский К. 163–165; *см. также* Kautsky K.
 Кафенгауз Б. Б. 229, 297, 310
 Каховский П. Г. 87
 Кашинцев Д. 292
 Каштанов П. С. 5, 370
 Каштанов С. М. 71, 72, 76, 78, 80, 83, 84, 87, 94, 97–99, 104, 121–123, 131, 142, 145, 167, 188, 190, 192, 193, 209, 231, 282, 333, 334, 348, 349, 436, 437
 Келленбенц Г. 396, 414
 Кирико Л. Г. 277
 Киров С. М. 114
 Кирпичников А. Н. 265
 Киселев П. Д. 225, 229, 281
 Киттар 212
 Клейненберг И. Э. 243
 Клепиков С. А. 243
 Клибанов А. И. 311; *см. также* Klibanov A. I.
 Клокман Ю. Р. 104

- Ключевский В. О. 41, 42, 67, 97, 102, 185, 204, 205, 237, 268–270, 272, 284, 297, 315
Кобрин В. Б. 190
Кобытов П. С. 167
Кобяк, тиун 249
Кова А. 348, 357, 358; *см. также* Cova A.
Ковалев А. М. 168
Ковалевский Г. Т. 149
Ковалевский П. Е. 270, 274, 305; *см. также* Kovalevsky P. E.
Ковальченко И. Д. 211, 229
Коган А. Н. 222
Коган Э. С. 224, 227, 228, 230
Козловский П. Г. 277
Козловский В. И. 172, 173
Козьмин Н. П. 177
Кокен Ф. 291, 322; *см. также* Coquin Fr.-X.
Кокорев И. 302; *см. также* Kokorev I.
Колганов М. В. 149–151, 155–160, 166, 167, 170
Коленкур А. 278; *см. также* Caulaincourt A.-L.-A. de.
Колесников П. А. 259
Колесов Н. 148
Колумелла 343
Комочев Н. А. 5
Кон С. 376; *см. также* Cohn S.
Коновалов А. А. 239
Коноваловы 293, 328; *см. также* Konovalov
Константин Великий 366
Конталь П. 282; *см. также* Contal P.
Контамин Ф. 335, 389, 430; *см. также* Contamine Ph.
Конфино М. 278, 285–292, 316, 320–322, 327, 328; *см. также* Confino M.
Копанев А. И. 234
Коперник 298
Копылов А. Н. 234
Корецкий В. И. 185, 234, 256–258
Корниенко В. П. 149
Корнилович А. О. 310
Коробов С. А. 231
Королев Л. 214
Королук В. Д. 234
Корсаков Д. А. 218
Корсаков И. М. 225
Кортес 338
Косминский Е. А. 144
Косой Феодосий 203
Костин Н. 219
Костоманья Дж. 427, 428; *см. также* Costamagna G.
Костомаров Н. И. 38, 198–201, 204, 213
Костюхина Л. М. 243
Котков К. А. 222, 223, 227
Котляр Н. Ф. 244
Котляренко А. Н. 236
Котошихин Г. 126
Коулмен Д. К. 416, 423, 424; *см. также* Coleman D. C.
Кочин Г. Е. 235, 239, 241, 245–253, 256
Кочубей М. В. 231
Красовский В. Э. 216
Кривелли 357
Кронрод Я. А. 148, 149, 152, 153, 160
Кроули 422
Кротта 425
Кроче 357
Куар А. 301
Куббель Л. Е. 167
Кузнецов А. 160
Кузнецов А. Б. 265
Кузнецов И. Д. 223, 230
Кузьмин А. Г. 235
Кузьмин П. Ф. 215
Кук Дж. 338
Кукушкина М. В. 231, 243
Куля В. 336
Кулишер И. М. 96–100, 103, 109
Кульчиковский М. 348, 361, 364, 393, 396
Кунцевич Г. 216
Куракин А. Б. 227
Куракины 223, 224, 230
аль-Курсави Абу Наср 302
Курц Б. Г. 280
Кутюрье М. 348, 349, 357, 428; *см. также* Couturier M.
Кучкин В. А. 185, 265
Кушева Е. Н. 226
Кушнер (Кнышев) П. 96, 100
Лабриоль Ф. 301; *см. также* Labriolle Fr. de
Лавровский Н. А. 279
Лазарев В. Н. 265
Лайхт 368
Ланг К. 405
Ланге Н. И., 42–46, 51, 53, 54, 69, 70, 80, 82, 98, 110, 125, 138, 206–208, 210
Лаппо-Данилевский А. С. 63, 114, 197
Лаптев М. 213
Лаптева Т. А. 190
Ларан М. 303, 304, 311; *см. также* Laran M.
Лебедев В. И. 143, 227
Лебедев Е. М. 215

- Лебедев М. А. 221
 Левек П.-Ш. 305; *см. также* Levesque P.-Ch.
 Левицкий Т. 281; *см. также* Lewicki T.
 Лейбович Л. И. 38, 201
 Лемерсье-Кельеже Ш. 302; *см. также* Lemercier-Quelquejay Ch.
 Ленин В. И. 42, 71–76, 90, 91, 124, 127, 141, 147, 148, 163, 164, 166, 170, 171, 176, 177, 180, 301, 401
 Леписье Ж. 281; *см. также* Lépissier J.
 Лепехин И. 212
 Леруа-Болье А. 267, 268, 307, 315; *см. также* Leroy-Beaulieu A.
 Ле-Руа-Ладюри Э. 382–384
 Лефевр-де-Нозт 344, 345
 Лехнович В. С. 227
 Лёвенталь Р. 302; *см. также* Loewenthal R.
 Лжедмитрий I 234
 Либман Э. П. 265
 Линдегрэн Н. О. 213
 Линков Я. И. 228
 Лиотей П. 277; *см. также* Lyautey P.
 Лиотей Ю. 277; *см. также* Lyautey H.
 Липинский 213
 Литаврин Г. Г. 145
 Литвин А. Л. 217, 231
 Лихачев Д. С. 236
 Лобанов А. Б. 304
 Логвинов Н. Х. 214
 Лойберг М. Я. 260
 Луи-Филипп 280
 Лунин М. С. 200
 Луццатти 428
 Лурье Я. С. 234, 311; *см. также* Lur'e Ja. S.
 Лэслет (Лэсли) П. 348, 364, 365; *см. также* Laslett P.
 Любавский М. К. 66, 67, 76, 100, 106
 Любомуров П. Г. 227, 292, 327
 Людовик I Благочестивый 190
 Людовик XI 190, 379
 Ля Ронсьер Ш. М. де 370, 374, 377, 383; *см. также* De la Roncière Ch. M.
 Лященко П. И. 223, 297
 Мавродин В. В. 72, 74, 75, 211, 220, 224, 226, 227, 231, 257
 Магнитский В. 215, 216
 Мазон А. 281, 305; *см. также* Mazon A.
 Майзель Б. Н. 401
 Макарий, митрополит 188
 Маковский Д. П. 254
 Максим Грек 203, 282; *см. также* Maxime le Grec
 Малиновский А. Ф. 11
 Малов Е. 216
 Малышев В. И. 234, 311; *см. также* Malyšev V.
 Мансур 277, 303, 332; *см. также* Mansur
 Маньков А. Г. 72, 74, 75, 222, 257
 Марасинова Л. М. 233, 235, 239, 243, 246, 247, 252, 255
 Марковский А. 212
 Маркс К. 18, 35, 39, 72–74, 89, 109, 116, 119, 124, 127, 128, 141, 146–148, 150, 152, 153, 156, 158, 159, 161, 168, 171–173, 180, 181, 249, 250, 271, 301, 344, 347, 402, 434–436; *см. также* Marx K.
 Марлинский А. *см.* Бестужев-Марлинский А. А.
 Мартынов Н. А. 222
 Мартынов П. 216
 Матаис *см.* Мэтиас (Матаис) П.
 Маурер Г. Л. 39, 89, 101, 115, 116, 141; *см. также* Maurer G. L. von
 Машке Э. 431–433, 437
 Медведев Е. 219
 Мезьер Ф. де 385, 389
 Мейендорф Ж. 309, 310, 314; *см. также* Meyendorff J.
 Мейер Дм. 20
 Мейчик Д. М. 40, 46–52, 64–66, 98
 Мельников С. 213
 Мельникова А. С. 243
 Мерво М. 301; *см. также* Mervaud M.
 Мерзон А. Ц. 310, 324
 Мериджи Б. 280; *см. также* Meriggi B.
 Меровинги 439; *см. также* Merowinger
 Меттерних К. 303; *см. также* Metternich K. von
 Микель Анджеоло 437
 Миллер Г. Ф. 212
 Милль Дж. С. 423
 Милов Л. В. 258, 291
 Милюков П. Н. 10, 57–59, 66, 67, 76, 95, 96, 99, 100, 106, 268, 269, 274, 298, 317
 Милютин В. А. 25–29, 36–38, 55, 63, 65, 78
 Минаева И. Н. 278
 Мининкова Л. В. 191
 Михаил Борисович, великий кнзь 192
 Михайлов С. 213
 Михаловская Н. С. 141, 142, 169
 Мнева Н. Е. 265
 Моджевский А. Ф. 298

- Можаровский А. 214
 Моисеева Г. Н. 234
 Молла М. 382, 389; *см. также* Molla M.
 Монкретьен А. де 297, 298
 Монтескье Ш.-Л. 87, 267
 Монти 368
 Мончак А. 365, 415, 424, 428, 429; *см. также* Mańczak A.
 Мордовцев Д. Л. 215
 Морозов Б. И. 226
 Морозов Г. П. 277
 Морозов И. 31
 Морозов П. 212
 Морозов Ф. М. 171–173
 Морозовы 293, 328
 Мороховец Е. А. 219
 Мстислав Владимирович, великий князь 184
 Муравьев А. В. 243
 Муравьев Б. 307, 308, 314–320, 330; *см. также* Mouravieff B.
 Муравьев В. А. 61, 72, 99
 Мухаммедьяров Ш. Ф. 227, 231
 Муханов П. 25
 Мэль М. 300
 Мэтиас (Матаис) П. 402, 424
 Назаров В. Д. 122, 234
 Наполеон I 277, 278
 Наполеон III 304
 Натхорст-Бёос Э. 415
 аль-Насыри Абдул Каюм 302; *см. также* al-Nasyri Abdul Qajjum
 Неволин К. А. 10, 13–18, 28, 34, 38, 47, 51, 55, 64, 65, 69, 78, 83, 92–94, 97, 99, 108, 118, 120, 121, 124, 125, 128, 129, 130
 Некрасов И. С. 204, 266
 Нессельроде К. В. 280
 Нестеров В. А. 230
 Неусыхин А. И., 142
 Никитский А. И. 41
 Никишин П. О. 219, 220
 Николай I 70, 266, 280, 281, 304, 308, 330
 Никольский Н. М. 61, 77, 98
 Никон 282, 283, 309, 310; *см. также* Nikon
 Нил Сорский 203, 282
 Новомбергский Н. 283
 Новосельский А. А. 220
 Новосельцев А. П. 235, 237, 266, 446
 Носов Н. Е. 124, 130–138
 Оболенский М. А. 200
 Огризко З. А. 257
 Озеров В. 222
 Озеров П. В. 222
 Олег Иванович, великий князь 118
 Оливье Д. 305, 308; *см. также* Olivier D.
 Ольга, кн. 200, 238
 Ольминский М. С. 61, 77, 88, 110
 Орлов С. Н. 240
 Орловы 225
 Орнатский Амвросий *см.* Амвросий Орнатский
 Осокин Е. 14, 19, 20
 Останкович Ф. А. 224
 Ошанина Е. Н. 224, 228, 231
 Павел I 14, 216, 281, 306, 307, 330; *см. также* Paul Ier
 Павел IV, папа римск. 400
 Павленко Н. И. 226, 229, 292, 297, 310, 327
 Павлов А. П. 190
 Павлович С. К. 304; *см. также* Pavlowitch S. K.
 Павлов-Сильванский В. Б. 242
 Павлов-Сильванский Н. П. 10, 12, 54–56, 59, 61–63, 65–67, 69, 74, 76–80, 82, 83, 87–89, 91–94, 96, 97, 100–103, 105, 106, 108–113, 118–120, 129, 268, 270, 271, 439
 Пазухины 224
 Паина Э. С. 215, 231
 Пайпс Р. 300
 Панеях В. М. 255, 257
 Панков В. А. 63–66, 93, 98–100, 110, 125
 Паньков И. П. 227
 Парагатта 425
 Парэн Ш. 343, 345, 346, 348; *см. также* Parain Ch.
 Паскаль П. 283, 285, 300, 301, 306, 307, 312–317, 319, 327–329, 331; *см. также* Pascal P.
 Пах Ж.-П. 436, 437
 Пашков А. И. 297
 Пашков В. П. 168
 Пашуто В. Т. 200, 235, 260, 266, 446
 Пелль 212
 Перетяткович Г. 214, 215, 226
 Перхавко В. Б. 185
 Петерсон Г. 214, 215
 Петр I Великий 13, 78, 187, 284, 294–297, 300, 305, 307, 309, 314, 319, 324, 328–331; *см. также* Pierre le Grand
 Петр III 32, 307, 308, 330
 Петрикеев Д. И. 226
 Петров С. 227
 Петти У. 402; *см. также* Petty W.

- Пийримяэ Х. А. 265
 Пинедо Э. Ф. де 390–393, 396; *см. также* De Pinedo E. F.
 Пини А. И. 366, 370; *см. также* Pini A. I.
 Пипин III 190
 Пиренн А. 382, 438
 Плеханов Г. В. 301
 Плимак Е. Г. 301
 Погодин М. П. 206, 207
 Подольский А. Г. 197, 198
 Подъяпольская Е. П. 220, 221, 257
 Покровский И. М. 215, 217–219
 Покровский М. Н. 61–63, 65, 67, 68, 76–91, 93–97, 100, 101, 103, 105, 108–113, 115, 184, 244
 Поледжи Э. 431; *см. также* Poleggi E.
 Поливанов В. Н. 216
 Полиньяк Ж.-О.-А. 304
 Полторацкая А. А. 216
 Поляnsкие 230
 Полянский А. И. 224
 Пони К. 431–437
 Попов А. Н. 204
 Попов Н. П. 54
 Попов С. И. 304
 Порталь Р. 276, 285, 290, 292–296, 300, 310, 314, 316, 318–320, 322–326, 328–332; *см. также* Portal R.
 Порфирьев С. И. 217
 Поршнев Б. Ф. 149, 170, 171
 Посошков И. Т. 14, 297, 298; *см. также* Posoškov
 Преображенский А. А. 254, 258
 Преображенский П. А. 220, 221
 Пресняков А. Е. 59, 60, 68, 76, 91–94, 96, 97, 100, 103, 108, 110–113, 115–118, 120, 121, 124, 125, 136, 137, 185
 Прийма Ф. 236
 Приселков М. Д. 66
 Прохоровы 293, 328
 Пугачев Е. И. 211, 213, 215, 217, 219, 220, 224, 227, 228, 231, 289
 Пухта Г.-Ф. 34, 35, 51, 70; *см. также* Puchta G. F.
 Пушкин А. С. 277; *см. также* Puškin A.
 Пьеробони 425
 Пьянков А. П. 254, 255
 Пыпин А. Н. 17, 202
 Рабинович Г. С. 265
 Радищев Н. А. 301; *см. также* Radišev N.
 Раев М. 298–300, 317–319, 331; *см. также* Raeff M.
 Разин С. Т. 213, 214, 217, 219, 222, 227, 232, 257, 331
 Рамбо А. 267, 268, 307, 315; *см. также* Rambauld A.
 Рассудов А. 200
 Реди Б. 435
 Режеморте Ж. Л. ван 287–290, 303, 316, 317, 320–322; *см. также* Regemorter J. L. van
 Рейналь Г. 301
 Ржаникова Т. П. 211, 224, 225, 227, 228, 289
 Робинсон А. Н. 311; *см. также* Robinson A.
 Рогинский З. И. 265
 Рогов А. И. 234, 235
 Рогова (Лебедева) Н. С. 311
 Родес 280; *см. также* Rodès
 Рождественский С. В. 215
 Рожков Н. А. 56, 76, 80, 94–97, 100, 110, 246
 Розов Н. Н. 234
 Романов Б. А. 118, 244
 Романов Н. Р. 224, 226, 230
 Ромашин И. С. 230
 Росницкий А. 215
 Рот П. 268
 Рош Д. 427; *см. также* Roche D.
 Рубинштейн Н. Л. 211, 227, 229, 251, 255, 286, 288, 321
 Руджини К. 366
 Русанівський В. М. 234
 Руссо Ж.-Ж. 301
 Рутенбург В. И. 371
 Руэ де Журнель 282; *см. также* Rouët de Journal M. S.
 Рэн М. 272, 273; *см. также* Wren M. C.
 Рюрик 200
 Рюриковичи 96, 444
 Сабуров П. 212
 Савватий, справщик 234
 Саларев С. Г. 11
 Салмина М. А. 236
 Самбонифачо 368
 Самоквасов Д. Я. 63
 Самохина Н. Н. 197, 198
 Санина К. 302; *см. также* Sanine K.
 Санудо М. 425
 Сафа-Гирей 234
 Сахаров А. М. 71, 74, 75, 197, 198
 Сахаров А. Н. 243, 252, 253, 256
 Сбоев В. 213
 Сванидзе А. А. 333, 334, 415, 436; *см. также* Svanidze A. A.
 Святослав Ярославич 238

- Сегюр 303
 Семевский В.И. 14, 214, 218, 221, 225, 227, 287, 288, 321
 Семин М.М. 223
 Сенковский О.-Ю.И. 281
 Серапион, архиепископ 234
 Сербеллони 357
 Сергеева Н.И. 224
 Сергеевич В.И. 33, 35, 45, 46, 51, 53, 54, 56, 57, 59, 61–63, 67, 69, 70, 76, 80–83, 88, 91, 93–95, 97, 99, 100, 102, 106, 108–111, 120, 125, 129, 130, 134, 138, 273
 Серра 400
 Сивков К.В. 223, 224
 Сигизмунд III 85
 Сидор, сотский 249
 Сильванский Н.П. *см.* Павлов-Сильванский Н.П.
 Симеон Бекбулатович 123, 231
 Синецына Н.В. 265
 Сироткин В.Г. 277, 292, 304
 Сказкин С.Д. 144, 166, 170
 Скворцова Н.А. 401
 Скрынников Р.Г. 231, 235, 264, 265
 Смирнов А.В. 53
 Смирнов А.Н. 303, 332
 Смирнов И.И. 118–121, 124–131, 138, 227, 249, 257
 Смирнов П.П. 114, 138
 Смит А. 416, 427; *см. также* Smith A.
 Снесаревский П.В. 250, 258
 Советов П.В. 145, 146
 Совины Б. де 303; *см. также* Sauvigny B. de G.
 Соколова Л.В. 236
 Соли Х. 433
 Соллертинская Е. 160
 Соловьев А.И. 217
 Соловьев С.М. 18–20, 29, 47, 66, 98, 244, 270, 303, 305, 308, 440
 Соловьев Я.А. 212, 213
 Сольми 368
 Сомов Л. 38
 Сорлен И. 278, 279, 329; *см. также* Sorlin I.
 Софронов М.Г. 225, 230
 Сперанский М.М. 10, 299
 Спиридонова Е.В. 296, 297
 Срезневский И.И. 17, 38, 198, 199, 201, 202
 Сталин И.В. 114
 Сталь 213
 Станиславский А.Л. 190
 Степанов И. 90
 Степанов И.В. 226, 227, 257
 Сторожев В.Н. 61, 77
 Строгановы 114, 310, 323, 326
 Стремоухов Д. 299; *см. также* Strémooukhoff D.
 Строев П.М. 12
 Струве П.Б. 270, 271
 Струмилин С.Г. 297
 Стрыйковский М. 235
 Стюарты 419
 Суханов К.Н. 158
 Сухомлинов М.И. 17, 38, 198, 199, 201–203
 Сыромятников Б.И. 60, 61, 78, 99, 108, 111, 115, 184
 Тарасова В.М. 225
 Тарасюк Л.И. 265
 Тарновский Ф.В. 89
 Тассило, герцог 190
 Татищев В.Н. 244
 Ташкин С.Ф. 220
 Творогов О.В. 236, 281
 Тейс Л. 190
 Терехин В.М. 215
 Террай Ю.К. дю 310; *см. также* Terrail H. C. du
 Тивадзе Т.Г. 265
 Тизенгауз А. 337
 Тихомиров Б.Н. 101, 115, 116, 184, 219, 220
 Тихомиров И.А. 198, 199, 217, 219
 Тихомиров М.Н. 117, 118, 137, 221, 226, 229, 233, 234, 240, 243–246, 248, 251
 Тихонов В.В. 61
 Тихонов Ю.А. 231, 240, 242, 256, 257, 310, 312, 324, 331; *см. также* Tihonov Ju. A.
 Тихонравов Н.С. 203
 Тиц А.А. 265
 Токарев С.В. 222
 Токмаков И.Ф. 40
 Толстой Ю.К. 148, 150, 152, 160
 Томсинский С.Г. 219, 220
 Тонни Фенне 238
 Топольский Е. 336, 345, 346; *см. также* Topolski J.
 Тормосовы 193
 Торренс Дж. 423
 Траверсе Ж.-Б. де 304; *см. также* Traversay
 Трахтенберг С.В. 297
 Трифильев Е.П. 216
 Трофимова М.К. 160, 173
 Тургеневы 225
 Тухер Э. 409
 Туччи 427, 429, 431

- Тхоржевский С. И. 219, 220
 Тюрина А. П. 266
 Уваров А. С. 12
 Удинцев В. С. 63
 Уилсон Ч. 401, 402, 414, 415, 431, 432, 436; *см. также* Wilson Ch.
 Улащик Н. Н. 233
 Унбеган Б. 281, 283; *см. также* Unbegaun B. O.
 Успенский Л. 282; *см. также* Ouspensky L.
 Устюгов Н. В. 244
 Фабрициус Л. 257
 Федоров В. А. 286, 289, 293, 298
 Федотов-Чеховской А. А. 208
 Феду Р. 382
 Фейгина С. А. 286, 287
 Феодосий II 366
 Феофан Грек 307
 Филипп В. 272; *см. также* Philipp W.
 Филипп III 393
 Филипп IV Красивый 383
 Филиппов А. Н. 59
 Фирсов Н. А. 213, 214, 217, 219, 220
 Флоринский М. Т. 297
 Флоря Б. Н. 122, 265
 Фонвизин Д. И. 299; *см. также* Fonvizin
 Фонтон Ф. П. 280
 Фрейденберг М. М. 145
 Фридрих I Барбаросса 368
 Фроянов И. Я. 251, 254–256
 Фруассар Ж. 389
 Фуа де 384
 Футгеры 432
 Фургин Ф. А. 230
 Фуркен Г. 382; *см. также* Fourquin G.
 Фюстель-де-Куланж Н. Д. 55, 74, 89, 109; *см. также* Fustel de Coulanges N. D.
 Хаджи-Дауд-хан 277
 Хайкин Я. З. 158
 Харгривс Дж. 395
 Хвостова К. В. 145, 160
 Хвощов А. 221
 Хёцш О. 268–271; *см. также* Höttsch O.
 Хилков Г. Д. 39
 Хильдеберт III 189
 Холмогоров В. 215
 Холмогоров Г. 215
 Хоршкевич А. Л. 234, 238, 265, 266, 279
 Хрущов И. П. 203, 204
 Цанкова-Петкова Г. 146
 Целлинский Ф. 212
 Цепфель 101
 Цинзерлинг Г. Д. 266
 Чаянов А. В. 365
 Чеботарева-Билл Вал. Т. 272; *см. также* Tschebotarioff-Bill V.
 Чендлер А. 416; *см. также* Chandler A. D.
 Черепнин Л. В. 5, 9, 19, 29, 49, 105, 108, 113, 118, 121, 122, 138, 142, 143, 192, 235, 238, 239, 243, 248, 256, 257, 266, 439, 446
 Чернов А. В. 251
 Чернышев Е. И. 225, 228, 231
 Чернышевский Н. Г. 19, 64, 200, 213, 302; *см. также* Chernyshevsky N. G.
 Чечулин Н. Д. 41, 221, 441
 Чирков С. В. 92
 Чистякова Е. В. 257
 Чичагов П. В. 277
 Чичерин Б. Н. 18, 20–22, 25, 28, 31–35, 42, 66, 94, 97, 268, 314
 Шабанье Ж. 304; *см. также* Chabanier J.
 Шамбинаго С. К. 279
 Шамбр А. 297–299; *см. также* Chambre H.
 Шамиль 303, 332; *см. также* Chamyl
 Шапиро А. Л. 160, 256, 257
 Шапп д'Отрош 278; *см. также* Chappe d'Auteroche
 Шаскольский И. П. 265
 Шахматов А. А. 197, 200, 201
 Шаховская З. 284, 315, 317, 319, 320, 329, 331; *см. также* Schakowskoy Z.
 Шварценберг 281
 Швейковская Е. Н. 167
 Швецова Е. А. 258
 Шевалье Б. 378, 382–386, 389–392, 400, 441; *см. также* Chevalier B.
 Шевырев С. П. 204
 Шеллинг Ф.-В.-Й. 301
 Шептаев Л. С. 234
 Шепукова Н. М. 229
 Шереметев 227
 Шереметевы 226, 227, 292
 Шерстобитова В. Г. 266
 Шефтель М. 270; *см. также* Szeftel M.
 Шишкин А. 218
 Шишков А. С. 281, 302
 Шишмарев В. Ф. 191
 Шкаф Э. 270, 271; *см. также* Schkaff E.
 Шкретов В. П. 149, 150
 Шляпентох Б. Э. 260
 Шмидт С. О. 71, 75, 235, 265
 Шмоллер Г. 410
 Шпрандель Р. 365, 437; *см. также* Sprandel R.

- Штелин К. 270; *см. также* Stählin K.
 Штёкль Г. 272; *см. также* Stökl G.
 Штрайх С. Я. 200
 Штранге М. М. 306
 Штыхов Г. В. 244
 Штюбер 277
 Шульц В. 9, 10, 26, 274; *см. также* Schulz W.
 Шульц Л. 274; *см. также* Schultz L.
 Шумаков С. А. 38, 53, 65, 68, 69, 84, 85, 88, 91, 97
 Шушарин В. П. 235, 237, 238, 266, 446
 Шапов Я. Н. 234, 235, 261–264, 266, 446
 Щепетов К. Н. 226, 227
 Щербатов М. М. 87
 Эйлмер 416, 418
 Эйхгорн К. Ф. 34, 35, 101
 Эк А. 270, 271; *см. также* Eck A.
 Экот Д. 280, 291, 322, 328; *см. также* Eeckaute D.
 Энгельс Ф. 22, 35, 39, 72, 73, 89, 141, 146, 344, 345; *см. также* Engels F.
 Эндреи В. 397, 398, 430; *см. также* Endrei W.
 Юлий Цезарь 366
 Юргинис Ю. М. 333, 334, 337; *см. также* Jurginis Ju.
 Юрий Крижанич 234
 Юркин И. Н. 216
 Юшков А. 53
 Юшков С. В. 100–106, 109, 110, 116, 117, 119, 121, 142, 185
 Яблоков А. 218
 Яковлев А. И. 114
 Яковлева П. Т. 265
 Якубцинер М. М. 227
 Ян Окраса 234
 Янин В. Л. 239, 240, 243
 Яниш Н. Н. 199
 Ярослав Мудрый 256
 Яцунский В. К. 229, 259, 292, 293, 325
- Abel O. 190
 Alexandre Ier 299, 331; *см. также* Александр I
 Alpatov M. 311; *см. также* Алпатов М. В.
 Andreyev N. 283; *см. также* Андреев Н.
 Anselmi S. 348; *см. также* Ансельми С.
 Asdrachas S. 400; *см. также* Асдрахас С.
 Avvakum 283, 311; *см. также* Аввакум
 Bagration 278; *см. также* Багратион П. И.
 Bantyš Kamenskij 277; *см. также* Бантыш-Каменский Д. Н.
 Baumstein S. 268; *см. также* Баумштейн С.
 Béguin A. 303, 332; *см. также* Беген А.
 Beleckij P. 311
 Bennigsen A. 277, 303, 332; *см. также* Беннигсен А.
 Berthe J.-P. 342; *см. также* Берт Ж.-П.
 Besançon A. 278, 300, 311; *см. также* Безансон А.
 Blaich F. 430; *см. также* Блайх Ф.
 Blanc S. 296–298, 310, 317, 319, 326, 331; *см. также* Блан С.
 Blum J. 274; *см. также* Блюм Д.
 Boris Godounov 284, 315; *см. также* Борис Годунов
 Bossy R. 304; *см. также* Босси Р.
 Bouloiseau M. 278
 Boutruche R. 273; *см. также* Бутрюш Р.
 Brambilla E. 431; *см. также* Брамбилла Э.
 Braudel F. 393; *см. также* Бродель Ф.
 Brühl C. 189
 Buchner R. 190
 Busson J.-P. 304; *см. также* Бюссон Ж.-П.
 Cadot M. 280, 294; *см. также* Кадо М.
 Calonne 304; *см. также* Калон Ш.-А. де
 Cartier R. 305; *см. также* Картье Р.
 Catherine II 278, 305, 316, 330; *см. также* Екатерина II
 Caulaincourt A.-L.-A. de. 278; *см. также* Коленкур А.
 Chabanier J. 304; *см. также* Шабанье Ж.
 Chambre H. 297; *см. также* Шамбр А.
 Chamyl 303, 332; *см. также* Шамиль
 Chandler A. D. 416; *см. также* Чендлер А.
 Chappe d'Auteroche 278; *см. также* Шапп д'Отрош
 Charles-Roux F. 304
 Chernyshevsky N. G. 302; *см. также* Чернышевский Н. Г.
 Chevalier B. 389; *см. также* Шевалье Б.
 Cohn S. 376; *см. также* Кон С.
 Coleman D. C. 424; *см. также* Коулмен Д. К.
 Confino M. 278, 285–290, 292, 294, 314, 316, 320–322, 327, 328; *см. также* Конфино М.
 Contal P. 282; *см. также* Конталь П.
 Contamine Ph. 335; *см. также* Контамин Ф.
 Coquin Fr.-X. 291, 322; *см. также* Кокен Ф.
 Costamagna G. 427; *см. также* Костоманья Дж.
 Couturier M. 352; *см. также* Кутюрье М.
 Cova A. 361; *см. также* Кова А.
 Crummey R. O. 190
 Danilova I. 311
 Dauzat A. 191; *см. также* Доза А.

- De la Roncière Ch. М. 377; *см. также* Ля Ронсьер Ш. М. де
 De Pinedo E. F. 396; *см. также* Пинедо Э. Ф. де
 Deny J. 281; *см. также* Дени Ж.
 Dewey H. W. 274; *см. также* Дьюи Х. В.
 Devèze M. 294, 330; *см. также* Девез М.
 Dirlmeier U. 413; *см. также* Дирльмайер У.
 Dhondt J. 190
 Dockès P. 348; *см. также* Доке П.
 Donnert E. 142
 Eck A. 270; *см. также* Эк А.
 Eeckaute D. 280, 291, 322, 328; *см. также* Экот Д.
 Elisabeth de Russie 305; *см. также* Елизавета Петровна
 Endrei W. 397; *см. также* Эндреи В.
 Engels F. 344; *см. также* Энгельс Ф.
 Erlanger Ph. 305
 Fonvizin D. 299; *см. также* Фонвизин Д. И.
 Fourquin G. 382; *см. также* Фуркен Г.
 Fustel de Coulanges N. D. 89, 187; *см. также* Фюстель-де-Куланж
 Garde P. 281, 302; *см. также* Гард П.
 Giers N. K. 304; *см. также* Гирс Н. К.
 Gorskaja N. A. 349; *см. также* Горская Н. А.
 Gortchakoff A. M. 304; *см. также* Горчаков А. М.
 Granjard H. 311; *см. также* Гранжар А.
 Grimm J. 412
 Grimm W. 412
 Grunwald C. de 284, 306, 315, 317; *см. также* Грюнвальд К.
 Guarducci A. 335, 448
 Hastier L. 278
 Haxthausen A. 267; *см. также* Гакстгаузен А.
 Herzen A. 301, 311; *см. также* Герцен А. И.
 Horecky P. H. 279
 Höttsch O. 269; *см. также* Хёцш О.
 Indova E. I. 312, 328; *см. также* Индова Е. И.
 Ivanov B. 278
 Ivanov Chr. 278
 Jasmund J. von 190
 Jelavitch B. 304; *см. также* Желавич Б.
 Johannet J. 280; *см. также* Жоане Ж.
 Joseph, царь 281
 Jurginis Ju. 337; *см. также* Юргинис Ю. М.
 Kahtanov S. M. (Kashtanov S. M., Kaštanov S. M.) 105, 123, 142, 349; *см. также* Каштанов С. М.
 Kalmykow A. 283
 Kantchalovski D. 300; *см. также* Канчаловский Д. П.
 Karpovich M. M. 302; *см. также* Карпович М. М.
 Kautsky K. 165; *см. также* Каутский К.
 Klibanov A. I. 312; *см. также* Клибанов А. И.
 Kokorev I. 302; *см. также* Kokorev I.
 Kononov 293, 325; *см. также* Коноваловы
 Kovalevsky P. E. 270, 274; *см. также* Ковалевский П. Е.
 Kölzer Th. 189
 Kulczykowski M., *см.* Кульчиковский М.
 Labriolle Fr. de 301; *см. также* Лабриоль Ф.
 Lacour-Gayet R. 304
 Laran M. 304, 305; *см. также* Ларан М.
 Laslett P. 365; *см. также* Лэслет (Лэсли) П.
 Lemaignier J.-F. 189
 Lemerrier-Quelquejay Ch. 277, 278, 302; *см. также* Лемерсье-Кельеже Ш.
 Lépiessier J. 281; *см. также* Леписье Ж.
 Leroy-Beaulieu A. 267; *см. также* Леруа-Болье А.
 Lesure M. 278
 Levesque P.-Ch. 305, 311; *см. также* Левек П.-Ш.
 Lewicki T. 279, 281; *см. также* Левицкий Т.
 Loewenthal R. 302; *см. также* Лёвенталь Р.
 Lur'e Ja. S. 311; *см. также* Лурье Я. С.
 Lyauté H. 277; *см. также* Лиотей Ю.
 Lyauté P. 277; *см. также* Лиотей П.
 Maçzak A. 365, 429; *см. также* Мончак А.
 Malýšev V. 311; *см. также* Малышев В. И.
 Mansur 303, 332; *см. также* Мансур
 Marx K. 147, 148, 344, 347; *см. также* Маркс К.
 Maurer G. L. von 89; *см. также* Маурер Г. Л.
 Maxime le Grec 282; *см. также* Максим Грек
 Mazon A. 277, 281, 305; *см. также* Мазон А.
 Meriggi B. 280; *см. также* Мериджи Б.
 Merowinger 189; *см. также* Мервинги
 Mervaud M. 301; *см. также* Мерво М.
 Metternich K. von 303; *см. также* Меттерних К.
 Meyendorff J. 310, 314; *см. также* Мейендорф Ж.
 Molla M. 382; *см. также* Молла М.
 Morny, comte de 304
 Mouraviev F. 308, 314–316, 330; *см. также* Муравьев Б.
 al-Nasyri Abdul Qajjum 302; *см. также* аль-Насыри Абдул Каюм
 Nikon 283; *см. также* Никон

- Olivier D. 305; *см. также* Оливье Д.
 Ouspensky L. 282; *см. также* Успенский Л.
 Parain Ch. 344; *см. также* Парэн Ш.
 Pascal P. 283, 301, 306, 313, 315, 316, 319, 328, 329; *см. также* Паскаль П.
 Paul 1er 306, 317; *см. также* Павел I
 Pavlowitch S.K. 304; *см. также* Павлович С.К.
 Petty W. 402; *см. также* Петти У.
 Philipp W. 273; *см. также* Филипп В.
 Pierre le Grand 277, 294, 296, 305, 314, 316, 324, 326, 330, 331; *см. также* Петр I Великий
 Pini A.I. 370; *см. также* Пини А.И.
 Poleggi E. 431; *см. также* Поледжи Э.
 Portal R. 293, 294, 314, 316, 318, 319, 323–325, 328, 330, 331; *см. также* Порталь Р.
 Posoškov 297; *см. также* Посошков И.Т.
 Puchta G.F. 35; *см. также* Пухта Г.-Ф.
 Puškin A. 277; *см. также* Пушкин А.С.
 Puškin A.
 Rau R. 190
 Radiščev N. 301; *см. также* Радищев Н.А.
 Raeff M. 298, 299, 317, 331; *см. также* Раев М.
 Rambauld A. 267; *см. также* Рамбо А.
 Regemorter J.L. van 303; *см. также* Реже-мортре Ж.Л. ван
 Robinson A. 311; *см. также* Робинсон А.Н.
 Roche D. 427; *см. также* Рош Д.
 Rodès 280, 328; *см. также* Родес
 Rouët de Journal M.S. 282; *см. также* Руэ де Журнель
 Rublev A. 311
 Rüss H. 190
 Sanine K. 302; *см. также* Санина К.
 Schakowskoy Z. 283, 284, 316, 317, 320, 331; *см. также* Шаховская З.
 Schkaff E. 270; *см. также* Шкаф Э.
 Schultz L. 274; *см. также* Шульц Л.
 Schulz W. 9, 26, 274; *см. также* Шульц В.
 Seeliger G. 115; *см. также* Зелигер Г.
 Smith A. 416; *см. также* Смит А.
 Sorlin I. 278, 279, 329; *см. также* Сорлен И.
 Sauvigny B. de G. 303; *см. также* Совиньи Б. де
 Sprandel R. 366; *см. также* Шпрандель Р.
 Stählin K. 270; *см. также* Штелин К.
 Stökl G. 272; *см. также* Штёкль Г.
 Strémooukhoff D. 299; *см. также* Стремоухов Д.
 Svanidze A.A. 415; *см. также* Сванидзе А.А.
 Szeftel M. 270; *см. также* Шефтель М.
 Szeftel M.
 Terrail H.C. du 310; *см. также* Террай Ю.К. дю
 Tihonov Ju. A. 312, 331; *см. также* Тихонов Ю.А.
 Topolski J. 336; *см. также* Топольский Е.
 Traversay 304; *см. также* Траверсе Ж.-Б. де
 Tschebotarioff-Bill V. 272; *см. также* Чеботарева-Билл Вал. Т.
 Unbegaun B.O. 281, 283; *см. также* Унбег-гаун Б.
 Vaillant A. 279; *см. также* Вайян А.
 Valk S.N. 311; *см. также* Валк С.Н.
 Venturi F. 280; *см. также* Вентури Ф.
 Venturi F.
 Vergani R. 426; *см. также* Вергани Р.
 Verlinden Ch. 338; *см. также* Верлинден Ш.
 Vernadsky G. 271; *см. также* Вернадский Г.В.
 Vitale El. 278
 Voronzov 278; *см. также* Воронцовы
 Vucinich A. 311
 Welter G. 306, 307, 314–319, 322, 329; *см. также* Вельтер Г.
 Wilson Ch. 402; *см. также* Уилсон Ч.
 Windäs M. 279
 Wittfogel K.A. 76, 273; *см. также* Витфогель К.
 Wolff Ph. 382; *см. также* Вольф Ф.
 Wormser O. 305, 316, 330; *см. также* Вормсер О.
 Wren M.C. 273; *см. также* Рэн М.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РУССКИМ ФОНДОМ СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

*Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавления, отдельные главы)*

Вы можете найти на сайте:

www.s-and-e.ru

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

1. *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне. Из серии: «Древнейшие государства Восточной Европы».
2. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Античные источники. / Составитель А. В. Подосинов, под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой. Том I.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Византийские источники. / Составитель М. В. Бибиков, под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой. Том II.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Восточные источники. / Составитель И. Г. Коновалова, под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой. Том III.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники. / Составитель А. В. Назаренко, под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой. Том IV.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Древнескандинавские источники. / Под редакцией Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельниковой. Том V.
7. Древняя Русь в свете зарубежных источников. / Под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова, Г. В. Глазыриной.
8. *Столярова Л. В., Каштанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.).
9. Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах. / Ответственный редактор Г. В. Глазырина.
10. *Пашуто В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Из серии: «Древнейшие государства Восточной Европы».
11. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия.
12. *Евсеева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия.
13. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование.

ИСТОРИЯ XX ВЕКА, «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА», ГЕОПОЛИТИКА, ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

14. Котельников В.Р. Отечественные авиационные поршневые моторы 1910–2009.
15. Степанов А.С. Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 — первая половина 1941 года).
16. Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. / Перевод с английского А. Н. Коваля, Н. Н. Платошкина. Оригинальное издание: *Edward N. Luttwak. The Strategy: Logic of War and Peace.* (Cambridge, Mass., 1987).
17. Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие. / Перевод с английского Н.Н. Платошкина. Оригинальное издание: *Edward N. Luttwak. Coup d'Etat: Practical Handbook.* (Harvard University Press, 1968).
18. Кикнадзе В.Г. Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века.
19. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / Ответственный редактор О.В. Кудрявцев.
20. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. / Ответственный редактор Н. И. Егорова.
21. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники. / Ответственный редактор А. С. Степанов.
22. Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917).

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

23. Логинов К.К. Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья.
24. Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии.
25. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы.

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА

26. Люттвак Э. Стратегия Византийской империи. / Перевод с английского А. Н. Коваля. Оригинальное издание: *Edward N. Luttwak: The Grand Strategy of the Byzantine Empire.* (Harvard University Press, 2009).
27. Позднев М. М. Психология искусства. Учение Аристотеля.
28. Суриков И. Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин.

29. Суриков И. Е. Античный полис.
30. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц.
31. Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова. /Под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Г. Р. Цецхаладзе.
32. Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры.
33. Ревзин Григорий. Путешествие в Античность.
34. Смышляев А. Л. История Древнего Рима от Ромула до Гракхов, учебное пособие
35. Виноградов А. Ю. Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики.
36. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 1.
37. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 2.
38. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 3.
39. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 4.
40. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 5.
41. Аристей: Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 6.
42. Файер В. В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр.
43. Ермолаева Е. Л. Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла».
44. Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами. (Книги 1 и 2). / Введение и комментарии С. И. Соболевского.
45. Жмудь Л. Я. Пифагор и ранние пифагорейцы.
46. Кузьмин Ю. Н. Аристократия Бери в эпоху эллинизма.
47. Смирнов С. В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество).
48. Прокл Диадок. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. / Перевод А. И. Щетникова.
49. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией.
- 50.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

51. Антонец Е. В. Введение в Римскую Палеографию.
52. Вопросы эпиграфики. Сборник статей. Выпуск 1. / Ответственный редактор А. Г. Авдеев.
53. Вопросы эпиграфики. Сборник статей. Выпуск 2. / Ответственный редактор А. Г. Авдеев.
54. Вопросы эпиграфики. Сборник статей. Выпуск 3. / Ответственный редактор А. Г. Авдеев.
55. Вопросы эпиграфики. Сборник статей. Выпуск 4. / Ответственный редактор А. Г. Авдеев.
56. Вопросы эпиграфики. Сборник статей. Выпуск 5. / Ответственный редактор А. Г. Авдеев.
57. Вопросы эпиграфики. Сборник статей. Выпуск 6. / Ответственный редактор А. Г. Авдеев.

ИТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

- 58. *Исэров А. А.* США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830.
- 59. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810–1917 гг.
- 60. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817–1928 гг.
- 61. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828–1940 гг.
- 62. *Платошкин Н. Н.* Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация.
- 63. *Платошкин Н. Н.* Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года.

БЕЗ СЕРИИ

- 64. *Евсеева Л. М., Лидов А. М., Чугреева Н. Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе.
- 65. *Ахмед Рашид:* Талибан. / Перевод с английского М. В. Поваляева.
- 66. *Фомин А. М.:* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923.
- 67. *Именослов.* История языка. История культуры. Сборник статей. / Ответственный редактор Ф. Б. Успенский.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- 68. *Рахаев Д. Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века.
- 69. *Немецкие хроники X–XI вв. и Адам Бременский.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви.
- 70. *Каштанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века.
- 71. *Юлиана Нориджская.* Откровения Божественной Любви / Перевод, вступит. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich. Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina.*
- 72. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе.
- 73. *Ауров О. В., Марей А. В.* Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, перевод, исследование.
- 74. *Афанасьева Т. И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Четыре тома избранных произведений О. А. Седаковой

75. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений. Том 1: Стихи.
76. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений. Том 2: Переводы.
77. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений. Том 3: Poetica.
78. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений. Том 4: Moralia.
79. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой Сборник статей.

Собрание сочинений В. В. Библихина

80. Библихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том 1.
81. Библихин В. В. Введение в философию права. Собрание сочинений. Том 2.
82. Библихин В. В. Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том 3.

Собрание сочинений Эдварда Люттвака

83. Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. / Перевод с английского А. Н. Коваля, Н. Н. Платошкина. Оригинальное издание: *Edward N. Luttwak. The Strategy: Logic of War and Peace.* (Cambridge, Mass., 1987).
84. Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие. / Перевод с английского Н. Н. Платошкина. Оригинальное издание: *Edward N. Luttwak Coup d'Etat: Practical Handbook.* (Harvard University Press, 1968).
85. Люттвак Э. Стратегия Византийской империи. / Перевод с английского А. Н. Коваля. Оригинальное издание: *Edward N. Luttwak. The Grand Strategy of the Byzantine Empire.* (Harvard University Press, 2009).

КНИГИ, ПЛАНИРУЕМЫЕ К ИЗДАНИЮ В 2015 ГОДУ

*(книги, уже готовые к изданию
или находящиеся на стадии редактирования и верстки)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Баранова С. И. Керамическая «летопись» колокольни храма Святых Адриана и Наталии (Святых Апостолов Петра и Павла) в Москве.
2. Каталог нательных крестов, обнаруженных в ходе археологических исследований в Москве в 1989–2009 гг. / Под руководством Главного археолога города Москвы, академика РАН и ААН, профессора Александра Григорьевича Векслера.

3. Каталог «Скандинавские древности на территории Руси. VIII–XIII вв.» Руководители проекта: д. и. н. Е. А. Мельникова, д. и. н. В. Я. Петрухин, к. и. н. Т. А. Пушкина, д-р И. Янссон.
4. *Виноградов А. Ю.* Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов.
5. *Мереминский С. Г.* История Англоу. Генрих Хантингдонский.
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

6. *Столярова Л. В.* Детектив 16-го века: расследование причин смерти царевича Дмитрия на базе сохранившихся исторических источников.
7. *Ткаченко В. А.* Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой лавры конца XIV — начала XXI в.

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

8. *Лобанова Н. В., Филатова В. Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов.
9. *Лобанова Н. В.* Петроглифы Онежского озера.
10. *Кривошапова Ю. А.* Русская народная энтомология: этнолингвистический аспект.

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА

11. Перевод книги: *Stender-Petersen A.* Die Varagersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934. / Редактура и подготовка вступительной статьи Е. А. Мельникова
12. Перевод книги: *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lubeck, 1922. / Редактура и подготовка вступительной статьи Е. А. Мельникова.

ИСТОРИЯ 20-ГО ВЕКА. «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» И ДРУГИЕ ВОЙНЫ

13. *Платошкин Н. Н.* История Сандинистской революции в Никарагуа.
14. *Платошкин Н. Н.* Чехословакия: 1938–1948. Первая часть. Чехословакия: 1949–1968. Вторая часть.

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА

15. *Домановский А. Н.* Государственный контроль и регулирование торговли в Византии IV–IX вв.

16. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). / Очерки истории и культуры.
17. *Лидов А. М.* Росписи Ахталы.
18. Латинские Панегирики — XII — PANEGYRICI LATINI. / Перевод с латинского языка, статья, комментарии и приложение И. Ю. Шабага
ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА
19. *Томиока Садатоси.* Политическая стратегия до начала войны. Точка зрения Императорского Флота.
20. *Люттвак Э.* Подъем Китая vs. логика стратегии. / Перевод Н. Н. Платошкина. Оригинальное издание: *Edward N. Luttwak The Rise of China vs. the Logic of Strategy.*

МЕСТА, В КОТОРЫХ МОЖНО ПРИБРЕСТИ НАШИ КНИГИ:

В офисе нашего издательства:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23, кор. 2, с 14.00 по 18.00.

Тел.: + 7 (499) 242-37-24, + 7 (499) 245-21-51

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru

www.ozon.ru,

www.sibran.ru,

www.setbook.ru,

www.urss.ru,

www.mybook.in.ua,

www.arhe.com.ua,

www.libroroom.ru

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- Книжная галерея «НИНА» (м. «Павелецкая», ул. Бахрушина, д. 28).
www.kniginina.ru.
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнездниковский пер., д. 12).
www.falanster.ru.
- «ГНОЗИС» (м. «Университет»; 1-й гуманитарный корпус МГУ).
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры»; Турчиновых пер. д. 4, на территории храма).
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чайнова, д. 15; здание РГГУ).
- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (ул. Дм. Ульянова, д. 19.
м. «Академическая»).
- РОССПЭН: Книжный киоск в библиотеке ИНИОН (Нахимовский про-
спект 51/21, здание ИНИОН, 2-й этаж [м. Профсоюзная]).
- «ЦИОЛКОВСКИЙ». (Москва, Новая площадь д.3/4. В здании Политех-
нического музея).
- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» (109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2).

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н., Васильевский
остров).
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9: рядом со зданием
исторического института) www.dbulanin.ru

- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15). www.wordorder.ru

Тверь

- «БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО» (Свободный пер., д. 28).

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
(ул. Свердлова, д. 9: бывший кинотеатр «АРС»).

Республика Карелия

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33: книжный киоск).

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (634050, Томск, Набережная реки Ушайки, дом 18 а).
Тел: 8 (3822) 51-60-36
- «ПОЗИТИВ» (634050, Томск, проспект Ленина, д. 24 а).
Тел.: 8 (3822) 53-40-74

Новосибирск

- «Книжный магазин» (630090 Новосибирск, Морской проспект, 22).
Тел. +7 (3832) 35-09-22

УКРАИНА

- **Официальный представитель на Украине Филюк Олег Васильевич:**
тел. CDMA: +38 (044) 221-97-44, GSM: +38 (063) 487-27-84
E-mail: Helg11@yandex.ru; RUSfondUKR@yandex.ua

Киев

- «БУКИНИСТ-ЦЕНТР» (ул. Лютеранская, д. 4: рядом с Крещатиком).
Тел: +380-44-279-57-31
- «АКАДЕМКНИГА» (01030, ул. Богдана Хмельницкого, д. 42),
Тел.: +380-44-234-51-42
- «АКАДЕМКНИГА № 7» (01025, ул. Сретенская, 17).
Тел.: +380-272-34-72, 272-35-82
- «МОГИЛЯНСЬКА КНИГАРНЯ» (центральный вход: 04070, пл. Контрактова, д. 4). Тел: +380-44-581-52-23, E-mail: mogilyanka@bigmir.net
- Интернет-магазин www.artlover.com.ua, E-mail: info@artlover.com.ua

- «ЗНАННЯ» (01001, ул. Крещатик, д. 44. Тел.: +380-279-10-45, 234-22-91)
- «НАУКОВА ДУМКА» (01001, ул. Грушевского, 4).
Тел.: +380-278-06-96, 279-12-01
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ШЕВЧЕНКО»
(книжный магазин в корпусе Института филологии: 01030, бульвар Шевченка, д. 14).
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ШЕВЧЕНКО»
(книжный магазин в главном корпусе): 01034, ул. Владимирская, д. 60.
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ШЕВЧЕНКО»
(книжный магазин в корпусе Института международных отношений):
04119, ул. Мельникова, д. 36/1.

Харьков

- «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА» (площадь Свободы, 4: книжный магазин в главном корпусе Харьковского национального университета им. Каразина). Тел.: +380-44-456-84-63
- «ЛИТЕРА НОВА» («Litera Nova») (ст. м. «Советская», ул. Квитки-Основьяненко, 4/6: рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, 719-52-40;
www.iap.kharkov.ua, <http://litera-book.com.ua>
- ДОМ КНИГИ «BOOKS» (ул. Сумская, 21). Тел. +38-057-714-04-71
- АВИАНИКА (61022, г. Харьков, ул. Сумская, 51).

Тернополь

- «ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ» (ул. Руська, 19). Тел.: +38-0352-43-10-21

Винница

- «КОБЗАРЬ» (ул. Привокзальная, 2/1). Тел.: +38-043-261-77-44

*При оптовых закупках возможны скидки,
с вопросами обращайтесь к директору издательства Андрею Гореву:
andrey.gorev@bk.ru*

Научное издание

Каиштанов Сергей Михайлович

**МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЗАПАД:
Историографические очерки**

Печатается по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории

Редактор
М. М. Леренман

Дизайн макета и верстка
М. В. Григоренко

Дизайн обложки
Е. А. Горева

Подписано в печать 17.04.15. формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Первый завод 600 экз. Заказ № 852.

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

